

А. В. БАННИКОВ

ЭПОХА БОЕВЫХ СЛОНОВ
(ОТ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО ДО ПАДЕНИЯ
ПЕРСИДСКОГО ЦАРСТВА САСАНИДОВ)

Санкт-Петербург
2012

ББК 63.3(0)32\68
УДК 355/94(3)
Б23

В оформлении книги были использованы исторические реконструкции художника И. В. Кирсанова, а также прорисовки, выполненные художником Д. А. Синеокой.

Банников А. В.

Эпоха боевых слонов (от Александра Великого до падения персидского царства Сасанидов). — СПб., ЕВРАЗИЯ, 2012. — 480 с., 48 с. цв. илл.

ISBN 978-5-91852-054-3

Книга посвящена античной элфантерии, зародившейся во времена Александра Великого и ставшей затем неотъемлемой частью армий крупнейших эллинистических государств и Карфагена. В течение двух столетий этот вид войск оказывал сильнейшее влияние на развитие военного дела. Основные принципы взаимодействия элфантерии с кавалерией и пехотой были заложены в период борьбы диадохов. Тогда же были выявлены сильные и слабые стороны этого рода войск, а также введены важные технические усовершенствования. В дальнейшем в организации элфантерии не произошло существенных изменений. Методы использования слонов на полях сражений оставались теми же на протяжении практически ста пятидесяти лет. Книга адресована как специалистам, так и всем интересующимся историей военного дела античности.

© Банников А. В., текст, фото, иллюстрации, 2012

© Синеокая Д. А., прорисовки, 2012

© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

© Лосев П. П., дизайн обложки, 2012

ISBN 978-5-91852-054-3 © Оформление, ООО «Издательство «ЕВРАЗИЯ», 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

Слоны играли важную роль в военном деле государств Средиземноморья на протяжении более трех с половиной столетий, с последней четверти IV в. до н. э. до середины I в. до н. э. Они появились и оформились как род войск в армии Александра Македонского под индийским влиянием в 326–323 гг. до н. э. Царь даже сформировал на македонский лад гвардейский отряд-агему в своей элфантерии. Во время полувековой борьбы диадохов на рубеже IV–III вв. до н. э. совершенствуется снаряжение слона, а вооружение элфантеристов приобретает греко-македонский характер. Последовавшая затем эпоха эллинизма — время наиболее активного использования элфантерии. Она была на вооружении у самых сильных государств данного периода — Македонии, Сирии, Египта, Карфагена и Бактрии. После падения эллинистических государств слоны остались в армиях нумидийцев, римлян и эфиопов, где они появились под влиянием того же эллинистического военного дела. Вслед за перерывом более чем в два с половиной столетия, в III в. н. э., слонов опять стали активно использовать сасанидские шахи Ирана, которые могли получать этих животных из Индии и вместе с тем рассматривали себя как преемников династии Ахеменидов (VI–IV вв. до н. э.), к концу правления которой появились на вооружении боевые слоны. После арабского завоевания персидского царства слонов продолжали использовать на поле боя эфиопы (по крайней мере, до XVI в.), индийцы (до конца XVIII в.) и народы Индокитая (до второй половины XIX в.).

Интерес к истории боевых слонов проявлялся в историографии нового времени волнообразно. В 1843 г. вышла монография полковника французской армии, затем генерала, Пьера Арманда (1778–1855 гг.), рассматривавшая историю боевых слонов до распространения огнестрельного оружия на Востоке в первой половине XVIII в.¹ Хотя датировки и интерпретации автора несколько устарели, сама книга во многом не

потеряла своей актуальности и по сей день. Собственно говоря, этим и было вызвано недавнее появление первого перевода книги на иностранный язык, в данном случае — на русский².

Через 130 лет после Арманди британский антиковед Говард Скаллард (1903–1983 гг.) опубликовал свое фундаментальное исследование, посвященное слонам в греческом и римском мире не только в военной сфере, но и в мирное время³. Из-за своей фундированности и тщательности проработки источников эта работа стала определенной вехой в «элефантологии». В последние несколько лет интерес к теме опять обострился: появились целая серия работ монографического характера об истории боевых слонов: научно-популярная книга американского литератора и библиотекаря Джона Кистлера, прошедшего десятидневный курс корнака в Таиланде, небольшая популярная книга московского оружейведа К. С. Носова, кандидатская диссертация ярославского историка А. А. Абакумова, посвященная, в частности, эллинистической элефантерии⁴. Хотя за прошедшие десятилетия источниковая база по древней военной истории слонов практически не изменилась, каждая последующая работа уточняет и развивает или опровергает интерпретации предыдущей, позволяя нам лучше представить ход развития событий и явлений.

Как видим, отечественная «элефантология» идет в русле мировой историографии, не уступая по времени появления работ своим западным коллегам, а зачастую и обгоняя их. В последние несколько лет появился и русский термин «элефантерия», который, хотя и представляет собой кальку с английского *elephantry*, но вполне может быть использован наряду с традиционными «пехотой» и «кавалерией».

Книга А. В. Банникова — первая из отечественных работ, специально посвященная всей эпохе военного использования слонов в странах классической древности — сюжет, близкий автору — петербургскому антиковеду, по образованию филологу-классику. Уделив во введении внимание отечественной и зарубежной историографии, А. В. Банников переходит в первой главе к общим сведениям о слонах как о животных, об их видах и физиологии. Во второй главе дается суммарный обзор тех знаний о слонах, которыми располагали древние. К сожалению, автор уделяет недостаточное внимание предыстории эллинистической элефантерии — боевым слонам Древней Индии, хотя данную тему следовало бы рассмотреть подробнее, учитывая влияние, которое оказало в этой сфере индийское военное дело на греко-македонское. А. В. Банников полагает, что слонов индийцы стали использовать во второй половине II тыс. до н. э., хотя правильнее говорить о рубеже II–I тыс. до н. э.

В этой же главе анализируется утвердившееся у греков и римлян мнение, согласно которому африканский слон меньше и слабее индийского. Это представление автор объясняет тем, что отловленные для военных целей африканские слоны были просто молодыми, соответственно меньше ростом. Подобные общие сведения необходимы для дальнейшего понимания хода изложения событий.

В третьей главе автор рассказывает об обучении и снаряжении слонов. В частности, он допускает, что прототипы башни были уже у индийцев (хотя, как представляется, они лишь покрывали животных различными покрывалами), а карфагеняне и нумидийцы использовали башни по эллинистическому образцу (что не вызывает возражений). На вооружении же эллинистической элевфантерии, как полагает автор, состояли в первую очередь сариссы, а также луки и дротики. При этом, вероятно, он все же переоценивает роль сарисс.

После описания организации и тактических приемов использования элевфантерии, а также способов борьбы со слонами (главы IV, V), А. В. Банников переходит к собственно исторической части монографии, состоящей из семи глав. Сначала им рассматривается появление элевфантерии как рода войск у Александра Македонского и его использование диадохами: Антигоном, Селевком и Эвменом.

Рассмотрев в седьмой главе элевфантерию Пирра, использовавшего азиатских слонов, автор приступает к сражениям эпохи Селевкидов, отведя в своем изложении большое место битве при Магнезии (190 г. до н. э.). Он объясняет необычное для македонской фаланги построение в десять отрядов стремлением противостоять римским легионерам с помощью легковооруженных, для которых были оставлены интервалы между отрядами, хотя легковооруженные, судя по «Тактикам», могли проходить и в интервалы между рядами фалангитов (Asclep., Tact., 6, 1; Aelian., Tact., 26, 3; Arr., Tact., 13, 2; 26, 6; Onas., 19). В этой главе важно детальное описание на основании собственного исследования серебряных фаларов из собрания Государственного Эрмитажа, которые, как убедительно показывает автор, относились к снаряжению боевого слона.

В девятой главе, посвященной элевфантерии Лагидов, особенно интересна часть «Утраченная страница военной истории слонов?», в которой автор объясняет исчезновение слонов из армии египетских правителей тем, что эфиопы преградили египтянам пути к местам отлова животных. При этом сами эфиопы, как уже отмечалось, продолжали использовать слонов до XVI в.

Не мог А. В. Банников обойти вниманием и знаменитых слонов Ганнибала: карфагенской элевфантерии посвящена обширная десятая глава.

Автор показывает, как карфагеняне использовали африканских боевых слонов, которых Ганнибал повел с собой через Альпы и которые погибли не в горах, а от отсутствия необходимой пищи на полях Италии.

«Закатом» эпохи использования боевых слонов в военном деле Средиземноморья А. В. Банников считает элфантирию нумидийцев и римлян (глава XI), а «новым расцветом» — использование слонов сасанидскими шахами в III–VII вв. (глава XII). При этом автор объясняет причину отказа от элфантирии римлянами банальной утратой навыков дрессировки слонов.

Завершается книга заключением, в котором суммируются сделанные в предпринятом исследовании выводы, а также списком источников и литературы по теме. В приложении к книге приводятся отрывки из текстов античных авторов, касающиеся слонов.

Весьма оживляют повествование оригинальные графические схемы и иллюстрации, выполненные художником И. В. Кирсановым, они создают более полное впечатление о том, как А. В. Банников представляет себе ход античных сражений. Впрочем, можно найти и некоторые недочеты в реконструкциях. Например, в башнях на селевкидских боевых слонах стоило бы изобразить четырех воинов (Liv., XXXVII, 40, 4), а не двух.

Можно высказать и несколько пожеланий автору. К сожалению, он практически обходит молчанием бактрийскую элфантирию, хотя последней посвящена часть его совместной с петербургским антиковедом А. А. Поповым вступительной статьи к переводу книги П. Арманди⁵. Также стоило было проработать новейшую литературу по эпохе диадохов, а не ориентироваться главным образом на классические работы И. Г. Дройзена (1808–1884 гг.) и Г. Дельбрюка (1848–1929 гг.), для эпохи Сасанидов не помешало бы активнее использовать армянские и арабские источники.

Высказанные замечания скорее рекомендации, обусловленные альтернативным мнением относительно «эпохи боевых слонов», которое представляется более вероятным. Вместе с тем книга А. В. Банникова, бесспорно, будет способствовать лучшему пониманию истории и реалий античной элфантирии и заинтересует как специалистов, так и читателей, которые пожелали бы поближе познакомиться с этой интересной и малоизученной темой.

Д-р. ист. наук А. К. Нефёдкин,
Санкт-Петербург,
10 марта 2012 г.

ОТ АВТОРА

В последнее время в отечественной научной литературе появился целый ряд работ, посвященных использованию в военных целях слонов. Во многом такое оживление интереса к этой теме стало следствием выхода в 2006 г. книги американского писателя Дж. М. Кистлера «Боевые слоны».

Меня обратиться к данному сюжету заставили несколько уже достаточно старых зарубежных публикаций, авторы которых, уделяя большое внимание нумизматическим и иконографическим источникам, приходят порой к весьма неожиданным заключениям. Ко всему прочему, очень сильно заинтересовала историография темы — какие проблемы поднимались учеными в период от П. Д. Арманди, автора первой монографии о боевых слонах, до Дж. М. Кистлера. Поэтому во введении я счел необходимым дать общую оценку работ своих предшественников — как зарубежных, так и отечественных.

Следуя примеру П. Д. Арманди, прежде чем говорить о боевом применении слонов, я счел целесообразным вкратце коснуться того, что нам сегодня известно об их биологии, физиологических особенностях и повадках. Этому посвящена первая глава. Во второй главе собраны различные свидетельства источников, позволяющие понять, что было известно о слонах в древности и каким образом человек использовал огромных четвероногих. Подобная композиция позволит в дальнейшем избежать громоздких отступлений.

Начиная с шестой главы, в хронологическом порядке разбираются примеры использования слонов в войнах от Александра Великого до арабского завоевания царства Сасанидов. Сразу хочу отметить, что «сасанидский период» — это особая эпоха, которая может быть лишь условно связана с древностью и гораздо более тяготеет к Средним векам.

Задавшись целью уделить свое внимание исключительно античной элфантерии, я должен был бы остановиться самое позднее на битве при Тапсе. Однако в этом случае в тени остались бы драматические события римской истории III и IV вв., что мне представлялось нежелательным. Поэтому пришлось довести повествование до битвы при Кадисии. Ввиду того что эта часть моего труда писалась, так сказать, более по инерции, нежели по вдохновению, кому-то она, возможно, покажется недостаточно проработанной. Спорить не буду — предоставляю честь более полно и детально осветить этот сюжет тем, кто сведущ в военном деле средневекового Востока. Кстати, тема использования боевых слонов в Средние века и раннее Новое время и по сей день изучена в зарубежной научной литературе весьма фрагментарно и практически не отражена у нас.

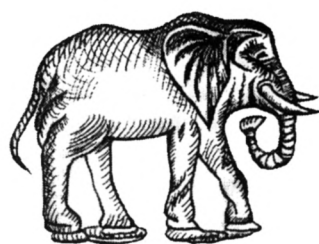
Отдельно хочу сказать относительно описаний сражений. О многих из них я сообщаю только общие сведения, имеющиеся в источниках. По большей части, введение в текст таких рассказов диктуется общей схемой изложения. Однако есть несколько случаев, когда я смог предложить свои варианты реконструкции и высказать какие-то гипотезы, показавшиеся мне немаловажными для предпринятого исследования. Подобный подход объясняет, почему одни события освещаются более подробно, а другие — менее, хотя историческая значимость последних порой намного превосходит значимость первых.

В конце книги в качестве приложения приводятся, выдержки из индийских и античных источников, касающиеся слонов. Я посчитал эти описания весьма интересными для ознакомления, однако вставлять их целиком в основной текст не стал, чтобы не загромождать повествования.

Завершая это небольшое вступительное слово, я хотел бы выразить глубокую благодарность всем, кто помогал мне в работе: О. В. Пржигодзкой, принявшей активнейшее участие в изучении и систематизации собранных мной материалов, А. К. Нефёдкину, М. М. Холоду, А. К. Шагиняну и А. Г. Юрченко, снабдившим меня большим количеством редких и важных отечественных и зарубежных публикаций, И. В. Кирсанову, который, как обычно, с энтузиазмом иллюстрировал книгу и дал мне несколько ценных советов, касающихся реконструкции ряда сражений, В. К. Савченкову, И. И. Верняеву, В. Ю. Пашкусу и А. А. Попову, предоставившим в мое распоряжение свои фотоматериалы, а также Г. А. Шмидту, выполнившему перевод фрагмента текста из «Естественной истории» Плиния Старшего.

А. В. Банников.

ВВЕДЕНИЕ

ЗАРУБЕЖНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ О БОВЕЫХ СЛОНАХ

На протяжении как минимум полутора веков слоны играли весьма важную, а подчас и решающую роль на полях сражений. Вместе с тем их появление в древних армиях расценивалось исследователями как нечто случайное, не оставившее заметного следа в военной истории. Внимание ученых Нового времени больше привлекали материальные памятники, хранящие изображения слонов, чем литературные источники, касающиеся их боевого применения⁶. Первой работой, специально посвященной боевым слонам, явилась книга отставного артиллерийского полковника наполеоновской армии П. Д. Арманди «Военная история слонов с древнейших времен до изобретения огнестрельного оружия»⁷. Думается, что ее появление было вполне обоснованным и объяснимым. После трудов древних естествоиспытателей, таких как Аристотель и Плиний, слоны никогда не становились объектом пристального и всестороннего научного исследования.

Интерес к биологии этих четвероногих пробудился только после первых находок останков мамонтов и других доисторических хоботных. Изучение слонов, активно проводившееся в XVIII — первой половине XIX в., было вызвано желанием определить место вымерших животных в процессе эволюционного развития. Результатом стало появление работ Ж.-Л. Бюффона⁸ и ряда других натуралистов⁹, которые оказали сильное влияние на П. Д. Арманди, побудив его обратиться к теме боевого использования слонов. Еще одним немаловажным обстоятельством был род занятий, которому будущий автор «Военной истории» посвятил большую часть жизни. Артиллерийский офицер, побывавший во многих сражениях, он увидел, что результаты применения на полях сражений современной ему артиллерии очень схожи с теми, которые могли быть получены от участия в бою огромных зверей¹⁰.

Труд, созданный П. Д. Арманди, — плод многолетних и кропотливых изысканий, в процессе которых автором были изучены практически все известные в его время литературные, археологические, нумизматические

и эпиграфические свидетельства, где можно было бы почерпнуть информацию о боевых слонах. Как следует из названия книги, история боевых слонов исследуется в ней от истоков до Нового времени. Однако основное внимание П. Д. Арманди, конечно же, уделяет античному периоду от Александра Великого до Цезаря. Этот период был назван им «эпохой боевых слонов». Использованию слонов в Средние века и раннее Новое время отводится третья, заключительная часть монографии, намного меньшая по объему, чем каждая из двух предыдущих.

В своем исследовании П. Д. Арманди попытался осветить практически все важнейшие вопросы, касающиеся затронутого им сюжета, споры вокруг которых ведутся по сей день (вооружение и экипировка слонов, число воинов, находившихся внутри башен на спинах животных, и др.). Значительное место автор отводит описанию и анализу всех крупных битв, участниками которых были огромные четвероногие. Главный вывод, к которому он приходит, заключается в следующем: слоны, несомненно, приносили иной раз ощутимую пользу на полях сражений, однако гораздо чаще они становились причиной поражений собственных войск; в любом случае слоны были бессильны против хорошо обученных солдат, соблюдавших железную дисциплину. Появление слонов в составе многих армий древности было, по мнению исследователя, шагом назад в военном искусстве. Именно поэтому римляне, оценив все достоинства и недостатки нового вида войск, не пожелали заручиться его поддержкой¹¹.

В конце XIX в. интерес к слонам заметно возрастает. Главное, что привлекало внимание многих европейских исследователей, — возможность использования их в качестве гужевого транспорта как в мирных, так и в военных целях (прежде всего в африканских колониях). В 1887 г. появляется статья А. Гедо «Слоны на войне и их использование в современных армиях»¹². В своей вводной части эта работа — пересказ исследования П. Д. Арманди (с. 482–488). Содержание ее основной части составляют рассуждения относительно привлечения слонов в современную автору французскую армию. А. Гедо предлагает использовать их в горной артиллерии в Индокитае, подобно тому, как это делали англичане в Индии (с. 504–513).

В 1887 г. публикуется небольшой трактат Х. Болау «Слон на войне и во время мира и его применение в африканских колониях»¹³. Трактат представляет собой пересказ без ссылок на источники военной истории слонов в античности от Александра до Нерона. Вторая половина трактата (с. 18–28) посвящена вопросу, касающемуся использованию африканских слонов в мирных целях¹⁴.

С 1900 г. начинает издаваться фундаментальная «История военного искусства в рамках политической истории» Г. Дельбрюка¹⁵. В первом

томе ее¹⁶ автор анализирует сражения с участием боевых слонов и отводит этому роду войск специальную главу. По мнению Г. Дельбрюка, боевые возможности слонов были не велики, поэтому он склоняется к тому же выводу, к которому пришел в свое время П. Д. Арманди.

В 1938 г. выходит небольшое исследование Э. Бикермана «Государство Селевкидов»¹⁷. Отдельный параграф монографии посвящен войскам «специального назначения» — колесницам и слонам¹⁸. Что касается последних, то Э. Бикерман ограничивается лишь тем, что ретроспективно упоминает все основные случаи использования слонов Селевкидами.

В XX столетии за рубежом появляется целый ряд публикаций по узкоспециальным вопросам¹⁹. Одним из наиболее дискуссионных сюжетов долгое время оставался спор относительно слонов африканского происхождения. Его породили сообщения античных авторов о том, что африканские слоны намного меньше индийских. Вопрос был решен после того, как было выдвинуто предположение, что в военных целях использовался исключительно *лесной слон* (*Loxodonta africana cyclotis*), который действительно меньше своего азиатского собрата²⁰.

Весьма интересной и оригинальной публикацией стала статья П. Гуковского «Царь Пор, его слон и некоторые другие» (1972 г.)²¹, в которой французский исследователь уделяет особое внимание вооружению слонов при Александре и диадохах, тактическим приемам использования этих животных (в открытом поле и при осадах) и ряду других. П. Гуковским была выдвинута гипотеза, согласно которой изобретателем башен, устанавливавшихся на спинах слонов, был царь Пирр или кто-то из его инженеров. Это мнение получило широкую поддержку в зарубежной научной среде и до сих пор остается преобладающим²².

Особый интерес зарубежные исследователи проявляют к вопросам, связанным с боевыми слонами у карфагенян и, в частности, в армии Ганнибала. Дискуссии до сих пор ведутся вокруг двух основных проблем: каких слонов — африканских или индийских — использовал Ганнибал²³ и каким маршрутом слоны в составе карфагенской армии могли прийти в Италию²⁴.

Вот еще некоторые проблемы, связанные с использованием боевых слонов, традиционно привлекающие к себе внимание зарубежных специалистов:

1. Участие слонов в битве при Гавгамелах²⁵.
2. Вооружение боевых слонов²⁶.
3. Устанавливали ли башни на африканских слонах²⁷.
4. Тактическое использование слонов на полях сражений²⁸.

В 1976 г. выходит монография Б. Бар-Кохвы «Селевкидская армия. Организация и тактика во время крупных кампаний»²⁹. Говоря о различных видах войск, входивших в армию Селевкидов, автор сообщает в том числе и о боевых слонах³⁰. Он, в частности, касается проблем, связанных с элфантерией Селевка I, обеспечением сирийской армии боевыми слонами и угасанием этого рода войск при поздних Селевкидах. В основном Б. Бар-Кохва интересуется самим фактом присутствия огромных четвероногих у сирийцев, обходя стороной сюжеты, связанные с вооружением слонов и тактическими приемами их использования.

Несмотря на то что зарубежные исследователи попытались как можно полнее раскрыть тему боевых слонов, некоторые ее аспекты довольно долго оставались малоизученными, как, например, вторичное появление слонов на полях сражений в III в. н. э. и использование их в дальнейшем в персидской армии. Попыткой заполнить эту лакуну стало появление двух публикаций, специально посвященных боевым слонам в армиях Сасанидов. Первая из них — статья Ф. Рейнса³¹, которая представляет собой весьма обстоятельное исследование, основанное на целом комплексе литературных источников — римских, греческих, армянских и арабских. Согласно гипотезе ее автора, роль слонов в сасанидских армиях существенно изменилась по сравнению с эллинистической эпохой. «На поле боя, — пишет Ф. Рейнс, — никогда не выходило большое количество “боевых слонов”, в противоположность многочисленным гужевым животным обоза. Более того, их появление в битвах нерегулярно и наиболее заметно во время больших военных приготовлений в Сасанидской империи, таких как вторжение Юлиана в 363 г., гражданская война между Хосровом II и Бахрамом Чубином в 591 г. и во время ранних этапов мусульманского проникновения в Нижнюю Месопотамию в середине–конце 630-х годов. Трудно определить, свидетельствуют ли это военного “отчаяния”, или эти эпизоды соответствуют локализации слоновых стад и войск в пределах империи, или же только отражают замыслы и традиции в обсуждаемых источниках»³². Если слоны принимали участие в сражениях, то их действия носили по большей части чисто психологический характер: находясь впереди отрядов персидской кавалерии или пехоты (часто речь могла идти только об одном животном, окруженном несколькими тысячами воинов), слоны должны были пугать солдат, а еще более лошадей противника, обеспечивая тем самым успех атаки своим войскам³³. Другой задачей слонов была поддержка боевой линии с тыла, а также прикрытие отступающей армии³⁴. Однако главные сферы деятельности огромных животных были ограничены участием в осадах в качестве живых подвижных башен и перевозкой грузов следующего за армией обоза³⁵.

Высказывая здесь предварительные замечания относительно выдвинутой Ф. Рейнсом гипотезы, можно отметить, что далеко не всегда система доказательств, к которой он прибегает, выглядит достаточно убедительной. Хотя он и утверждает, что основная часть слонов играла роль выючных животных, а на полях сражений появлялись лишь немногие из них, да и то в крайних случаях, ему самому, однако, так и не удалось привести ни одного примера из источников, который недвусмысленно показывал бы нам слонов, состоящих при обозе. Поэтому создается впечатление, что выводы Ф. Рейнса — по большей части плод его умозаключений, подчиненных одной общей идее: продемонстрировать «небоевое» использование персами своих слонов. При этом исследователя совершенно не смущает тот факт, что, согласно его концепции, в случае необходимости гужевые животные могли оказаться в бою. Хотя представляется сомнительным, чтобы необученный слон не только терпеливо сносил шум битвы и спокойно стоял под градом вражеских метательных снарядов, но даже просто нес на спине башню.

Положения и гипотезы Ф. Рейнса встретили поддержку и были развиты М. Б. Чарльзом³⁶. Он также весьма скептически относится к информации о боевых слонах, содержащейся в литературных источниках, и полагает, что в эпоху Сасанидов слоны исполняли вспомогательные функции и использовались только для перевозки обозных грузов или при осадах вражеских фортификационных сооружений³⁷.

Накопленный и обработанный материал по отдельным сюжетам позволил спустя практически 100 лет после появления исследования П. Д. Арманди вновь обратиться к идее создания обобщающего труда. Возможно, первой подобной попыткой стала диссертация В. Кребса «Слоны в древних армиях», защищенная в 1964 г. в Ростокском университете³⁸. В своем исследовании автор прослеживает историю боевых слонов от Александра до Сасанидов. По большей части, текст представляет собой пересказ фактов, приведенных у античных авторов, без попытки проведения самостоятельного анализа.

Самой крупной работой, оказавшей наибольшее влияние на зарубежных ученых, явилась, конечно же, монография Г. Х. Скалларда «Слоны в греческом и римском мире», посвященная исключительно античному периоду истории³⁹. Хотя тема исследования значительно шире, чем использование слонов в военных целях, однако и данному сюжету в ней уделяется достаточно большое внимание. По широте охвата материала и степени его разработанности этот труд до сих пор остается лучшим и наиболее часто цитируемым всеми, кто занимается вопросами, связанными с боевыми слонами. В целом же можно отметить, что британский

ученый разделяет основные взгляды П. Гуковского. Вопреки свидетельствам некоторых античных источников, он полагает, что использовать слонов в военных целях намеревался уже Александр Великий⁴⁰. Относительно башен, так же как и П. Гуковский, Г. Х. Скаллард считает, что при ближайших преемниках македонского завоевателя они еще не были изобретены и появились только при Пирре⁴¹.

В 2006 г. вышла в свет книга Дж. М. Кистлера «Боевые слоны»⁴². Написанная в популярном жанре, она представляет собой изложение основных исторических событий, в которых принимали участие боевые слоны. Автор не ограничивается периодом античности, но отводит большое место Средневековью, а также Новому времени, когда огромных четвероногих стали использовать в качестве гужевой силы в европейских армиях.

Относительно античной эпохи, которая нас интересует прежде всего, отметим, что Дж. М. Кистлер, как правило, предпочитает обращаться не к оригинальным источникам, а к современной научно-популярной литературе. Это приводит к тому, что в его работе присутствуют порой весьма досадные неточности, а многие высказанные положения кажутся неубедительными или просто бездоказательными⁴³. Будучи ревностным христианином-пресвитерианином, Дж. М. Кистлер выступает против негуманного отношения людей к слонам, еще в древности превращенным в страшное оружие войны и убийства⁴⁴.

Одним из последних исследований обобщающего характера по боевым слонам, появившихся за рубежом, стала книга К. Носова, в которой находит отражение не только античная, но также и средневековая эпохи⁴⁵. Конечно же, столь широкий замысел было весьма трудно реализовать в рамках весьма небольшой по объему монографии, к тому же снабженной большим количеством иллюстраций.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ПУБЛИКАЦИИ О БОВЫХ СЛОНАХ

В отечественной историографии тема боевых слонов вплоть до последних лет не была предметом комплексного исследования. Пожалуй, впервые этот вопрос был в общих чертах освещен в сборнике «Эллинистическая техника», где в разделе «Техника военного дела»⁴⁶, авторами которого были А. В. Болдырев и Я. М. Боровский, есть специальный параграф о боевых слонах⁴⁷. По мнению исследователей, появление слонов в эллинистических армиях было шагом вперед в античном военном деле⁴⁸. Однако область применения нового вида войск была достаточно узкой и ограничивалась в основном борьбой с вражеской кавалерией. В конечном счете А. В. Болдырев и Я. М. Боровский приходят к выводу, что на полях сражений боевые слоны производили скорее психологический эффект, чем приносили реальную пользу. Исчезновение слонов из армий средиземноморских государств стало, по их мнению, следствием развития римской манипулярной тактики и повышения профессионализма солдат, которым приходилось бороться со слонами. Ко всему прочему, содержание слонов было очень обременительным и сопряжено с определенными организационными трудностями⁴⁹.

После этой публикации слоны снова долгое время находились вне поля зрения отечественных историков военного дела. Парадоксально, но факт, что данная тема считалась, по-видимому, сюжетом популистского характера, предназначенным скорее для развлечения читающей публики, нежели для серьезного изучения. Наверное, именно поэтому первая работа, *специально* посвященная боевым слонам, появилась в журнале «Вокруг света». Ею стала статья М. В. Горелика «Шагающие крепости»⁵⁰, которую предваряли четыре авторские реконструкции, воспроизводившие боевых слонов Древней Индии, эллинистического Востока, Средневековой Индии и Индии в эпоху Великих Моголов. В своей работе М. В. Горелик не стремился высказать какие-то оригинальные идеи, что, в общем-то, и понятно, а лишь весьма конспективно излагал «военную

историю слонов» от древности до Средневековья. К статье приложено несколько исторических анекдотов, главными действующими персонажами которых были боевые слоны. Эти коротенькие рассказы представляют собой адаптацию сообщений античных авторов.

Каково бы ни было предназначение статьи М. В. Горелика, она получила определенный резонанс в научной среде. Спустя всего год в сборнике «Вопросы истории» появилась публикация А. С. Шофмана «Античные танки»⁵¹, в которой автор, для придания большего веса собственным доводам, ссылается на высказывания своего предшественника. Основные положения и выводы исследователя, также как и в очерке А. В. Болдырева и Я. М. Боровского, базируются на трудах У. У. Тарна и не идут вразрез с утвердившимся в науке мнением о боевых слонах как о дорогостоящем, опасном и малоэффективном роде войск.

Новой публикацией, тесно связанной с интересующим нас сюжетом, стала статья Л. Ольгина и В. Виноградова «За Ганнибалом на слонах», опубликованная, опять же, в журнале «Вокруг света» в 1980 г.⁵² В ней рассказывалось о любопытном научном эксперименте, проведенном итальянскими исследователями, которые попытались повторить переход Ганнибала через Альпы, проведя с собой двух цирковых слонов. Эксперимент удался, рассеяв, таким образом, все сомнения скептиков.

В 1982 г. печатается статья С. Я. Берзиной «Древняя Индия и Африка», вошедшая в сборник «Древняя Индия. Историко-культурные связи»⁵³. Она посвящена вопросу использования боевых слонов в античную эпоху в Африке. В числе прочего автор приводит интересные данные, касающиеся боевых слонов у царей Мероэ.

До конца XX в. о боевых слонах не появилось, как кажется, больше ни одной отечественной научной работы. Первой, увидевшей свет в начале нового века, стала статья С. С. Казарова «Слоны Пирра», опубликованная в военно-историческом журнале «Рага bellum»⁵⁴. Автор дает в ней суммарное описание итальянского похода Пирра, уделяя при этом главное внимание тактическим приемам использования эпирским царем слонов во время сражений. С. С. Казаров совершенно справедливо отмечает тот факт, что, вопреки мнению некоторых современных историков, не было ничего неправдоподобного в том, что Пирр предпочитал держать слонов в резерве и вводить их в бой в самый разгар сражения⁵⁵. Вместе с тем не бесспорным представляется утверждение о «нестандартном» использовании царем огромных четвероногих⁵⁶.

В этом же, 2002 г. публикуется монография В. Н. Скворцова «Старейшие полки зарубежья»⁵⁷, в которую был включен небольшой раздел под специфическим названием «Водители боевых слонов»⁵⁸. Эту работу

в настоящем историографическом обзоре не следовало бы упоминать, однако, на наш взгляд, написанное В. Н. Скворцовым о боевых слонах — наглядное свидетельство того, насколько мало разработан в отечественной историографии данный вопрос и насколько мало исследований по этой теме существует на русском языке. Вместе с тем не следует забывать, что книга В. Н. Скворцова находится в фондах Российской Национальной библиотеки и может быть использована каким-нибудь отечественным историком, который заинтересовался бы боевыми слонами. Эти умозаключения заставили нас высказать свои соображения по поводу «Водителей».

Сразу отметим, что главная проблема исследователя — полное отсутствие элементарных знаний по античной истории. Дав суммарный обзор событий, участниками которых были боевые слоны, В. Н. Скворцов утверждает, что польза от них на полях сражений была не велика. На фоне этого вывод, к которому он приходит в конечном итоге, выглядит просто шокирующим: «Все же именно благодаря слонам карфагеняне наносили самые тяжелые поражения римской армии — под Тицинусом, Треббией, у озера Тразименуса и у Канн»⁵⁹.

После прочтения данного параграфа естественным образом возникает вопрос: при чем здесь «водители» боевых слонов? О них специально не сказано ни слова. Имеется лишь упоминание, что таковые были⁶⁰. Но более всего потрясает не чудовищное искажение исторических фактов и ужасающе неприемлемая терминология, а сделанная автором реконструкция *древнеегипетского* (*sic!*) боевого слона XV в. до н. э., хотя о Древнем Египте не сказано ни слова... Как тут не вспомнить о Вите Перестукине!

Следующей публикацией стала наша статья «О причинах прекращения использования боевых слонов в армиях античного Средиземноморья», появившаяся в № 26 журнала «Para bellum»⁶¹. В этой работе дается краткий исторический обзор «военной истории слонов»; особое внимание уделено сообщениям античных историков, утверждающих, что африканские слоны уступали в размерах индийским. Главный вывод состоит в том, что исчезновение античной элевфантерии было вызвано утратой навыков дрессировки боевых слонов⁶².

В 2008 г. выходит монография В. Д. Дмитриева «Всадники в сверкающей броне. Военное дело сасанидского Ирана и история римско-персидских войн»⁶³, в которой автор, разбирая вопрос о составе и организации сасанидской армии, приводит основные сведения из сочинений античных и византийских историков (Аммиана Марцеллина, Прокопия Кесарийского, Агафия и Феофилакта Симокатты), касающихся использования боевых слонов персами (с. 21–27). Излишне говорить, что В. Д. Дмитриев

не делает никакого анализа этого материала, да, собственно, он и не ставил перед собой подобной задачи.

Несомненно, одной из наиболее ярких и интересных работ по данной проблематике можно считать статью А. К. Нефёдкина «Башни на вооружении древних боевых слонов»⁶⁴, где автор дает ответы сразу на несколько основных вопросов, вокруг которых традиционно ведутся дискуссии:

- когда и кем впервые стали использоваться башни на слонах?
- какова была численность экипажей в башнях?
- каким оружием были вооружены воины, находившиеся в них?
- использовали ли башни на слонах карфагеняне и другие африканские народы?

Перед нами оригинальная работа, для написания которой А. К. Нефёдкин привлек малоизвестные источники и многочисленные исследования. Заключение, к которому он приходит, весьма интересно и убедительно. Суть его состоит в том, что башни на слонах появились еще в эпоху диадохов и были, вероятно, придуманы кем-то из инженеров Антигона Одноглазого. Подобное изобретение оказалось весьма эффективным и в дальнейшем стало применяться во всех государствах, использовавших боевых слонов, в том числе и в Карфагене⁶⁵.

В течение 2010–2011 гг. появляется сразу несколько статей автора настоящей книги, созданных совместно с коллегой А. А. Поповым. Первая из них, «Ненаписанная страница в военной истории слонов», была опубликована в Вестнике Санкт-Петербургского государственного университета⁶⁶. В этой работе освещается редкий и мало когда поднимавшийся вопрос о военной организации государств, возникших на периферии эллинистического мира, таких как Греко-Бактрия и позднейшие индо-греческие царства. В качестве несомненных достоинств данной публикации можно отметить, что она снабжена богатым иллюстративным материалом, в частности реконструкцией А. А. Попова и В. И. Кирсанова, изображающей греко-бактрийскую армию во время сражения⁶⁷. В том же году в альманахе «Мнемон» вышла вторая наша совместная статья — «Боевые слоны в армиях античного мира»⁶⁸. За последние 25 лет это была первая попытка в отечественной историографии проследить историю возникновения и развития нового рода войск в древних армиях и проанализировать влияние, которое оказало появление боевых слонов на эволюцию античного военного дела. В 2011 г. публикуются две статьи: в Вестнике Санкт-Петербургского университета — «Боевые слоны в эпоху Александра Великого», освещающая начальный этап «военной истории слонов»⁶⁹, и в Вестнике Санкт-Петербургского

университета культуры и искусств — «Боевые слоны в армии Пирра»⁷⁰, в которой мы попытались выявить основные принципы использования боевых слонов эпирским царем в его италийском походе.

Практически одновременно с нашими совместными публикациями выходит в свет целый ряд статей А. А. Абакумова, в которых автор охватывает весьма широкий круг вопросов, связанных с темой использования боевых слонов в Восточном Средиземноморье. Все они представляют собой фрагменты кандидатской диссертации А. А. Абакумова «Элефантерия в эллинистических армиях (последняя четверть IV—III вв. до н. э.)», защищенной в 2011 г.⁷¹ К сожалению, нам не удалось ознакомиться с самой диссертацией, и судить о ней мы можем только по автореферату.

Заключение, к которому приходит А. А. Абакумов в финале своего исследования, не удивляет новизной: «Безусловно, использование элефантерии было сопряжено с некоторым риском, однако эффект от правильного применения элефантерии мог быть очень велик»⁷². Но разве подобная мысль оспаривалась когда-либо кем-нибудь? Нужно ли специально доказывать ее? Война само по себе — дело рискованное, и вопрос не в том, подвергалась ли армия, использовавшая слонов, риску от их присутствия на поле сражения, а в том, насколько значительной была степень этого риска и компенсировалась ли она выгодой, которую можно было получить от данного рода войск.

Если судить о диссертации по автореферату, то можно отметить ее повествовательный характер. Автор по большей части пересказывает труды известных античных историков, не пытаясь прийти к каким-то собственным оригинальным решениям. Так, например, представляется совершенно недопустимым после появления статьи А. К. Нефёдкина, говоря о снаряжении боевых слонов, уходить от вопроса, когда на животных стали устанавливать башни и сколько человек находилось в каждой из них. Вместо этого А. А. Абакумов ограничивается ничем не подкрепленными предположениями и догадками⁷³.

На наш взгляд, некорректно определены и хронологические рамки исследования. Диссертант останавливается на 200 г. до н. э. (по крайней мере, война Антиоха III с Римом (192–188 гг. до н. э.) находится вне поля его зрения)⁷⁴. Отказываясь рассматривать последний этап существования эллинистической элефантерии, А. А. Абакумов лишает себя, таким образом, возможности объективно ответить на вопрос, что привело к отказу от использования боевых слонов Селевкидами и Птолемеями. Все рассуждения об активности Рима, Апамейском договоре и финансовой несостоятельности египетских царей представляются в связи с этим недостаточно обоснованными.

ИСТОЧНИКИ И ПРОБЛЕМА ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Имеющиеся в нашем распоряжении источники можно разделить на три группы. Первая, совершенно несопоставимая по значимости со всеми остальными, это литературные источники. По большому счету 90% всей информации, которой мы располагаем по боевым слонам, содержится в античных текстах, одни из которых представляют собой исторические сочинения в подлинном смысле слова, а другие — произведения неисторического характера, в которых, однако, есть сведения о слонах.

Получить представление о роли боевых слонов, их содержании, снаряжении и тактическом использовании в Древней Индии мы можем благодаря «Махабхарате» — собранию эпических сказаний о мифологических временах, а также военно-политическому трактату «Артхашастре», написанному в III в. до н. э. Каутилей. Зарождение и первый этап существования эллинистической элевфантерии отражены в трудах Арриана, Курция Руфа, Диодора Сицилийского и Плутарха. Наиболее важные сведения по III в. до н. э. содержатся, конечно же, во «Всеобщей истории» Полибия. Значимость «Истории» определяется тем, что автором ее был человек военный, живший в эпоху, не столь удаленную от описываемых им событий, который не только обладал незаурядным литературным талантом, но и стремился изложить материал как можно точнее, избегая при этом драматических эффектов и риторических приемов⁷⁵. Сочинение Полибия охватывает, по сути, весь период существования карфагенской элевфантерии, дает уникальнейший материал, касающийся боевых слонов у Селевкидов и Птолемеов и, наконец, предоставляет единственное сохранившееся описание боя между слонами двух эллинистических армий. К сожалению, «История» дошла до нас не полностью, многие части ее, в которых должен был содержаться интересующий нас материал, оказались утерянными.

Труд Полибия дополняют «История от основания города» Тита Ливия, сочинения Алпиана и «Записки об Африканской войне» неизвестного продолжателя Юлия Цезаря. Важную информацию о боевых слонах можно обнаружить в бривиариях, например в «Бривиарии» Евтропия или в «Двух книгах римских войн» Флора. Весьма ценные, порой даже уникальные сведения дает нам компилятивный труд византийского историка XII в. Зонары.

Особым жанром исторических сочинений являются различные военные трактаты и сборники стратегем. Ценные сведения о боевых слонах мы можем найти в «Тактическом искусстве» Арриана; в «Тактике» Асклепиодота содержится важная информация, касающаяся организации эллинистической элевантерии; наконец, в «Эпитоме» Вегетия описываются различные способы борьбы с огромными зверями. «Стратегемы» Полиэна и Фронтинэ — это сборники, рассказывающие о военных хитростях, к которым прибегали античные полководцы. В них можно найти примеры использования ими слонов в различных ситуациях.

Сведения по боевым слонам в сасанидских армиях содержатся в позднеантичных и ранневизантийских исторических сочинениях, а также в трудах армянских и арабских историков. Данные, касающиеся событий III в., можно почерпнуть в собрании жизнеописаний римских императоров от Адриана до Нумериана, известном как «*Vitae diversorum principum et tyrannorum a divo Hadriano usque ad Numerianum*», или «*Scriptores Historiae Augustae*» («Писатели истории Августов»). В настоящее время считается установленным, что это произведение было написано в самом конце IV в. (395–400 гг.)⁷⁶. Его характерная особенность — умышленная фальсификация автором исторических фактов. Это, в частности, касается биографии Александра Севера, где имеется не только упоминание о персидских боевых слонах, но также есть важное замечание, касающееся их вооружения. Учитывая характер данного источника, крайнюю тенденциозность и недостоверность содержащихся в нем сведений, исследователи все больше и больше сомневаются, можем ли мы относить это сочинение к числу исторических.

По IV в., несомненно, главным источником служат «Деяния» Аммиана Марцеллина. Этот труд первоначально состоял из 31 книги, однако от всего произведения до нас дошли только последние 18 книг (с XIV по XXXI), охватывающие период с 353 по 378 г. н. э. Предполагается, что они были написаны Аммианом между 383 и 397 гг. по ранее составленным заметкам. Долгое время Аммиан сам служил в армии, а следовательно, практически, а не понаслышке был знаком с различными сторонами военного дела⁷⁷. Безусловно, полагался он не только на личный опыт.

Многое было, возможно, записано им со слов очевидцев. Кроме того, не вызывает сомнения, что историк широко привлекал разнообразные литературные источники. Одним словом, сведения, которые использовал Аммиан, были им тщательно подобраны и проверены, поэтому на них вполне можно положиться⁷⁸.

Несмотря на это, в зарубежной научной литературе наблюдается порой недоверчивое и скептическое отношение к «Деяниям». Сторонники этого направления полагают, что в рассказах о сражениях и осадах, приводимых Аммианом, нет исторической реальности и в основе их лежат описания, извлеченные из Гомера или Вергилия. Сам Аммиан будто бы был дилетантом, знакомство которого с военным делом было поверхностным и кратковременным, поэтому он умышленно избегает деталей и технических терминов, а в тех случаях, когда пытается объяснить своему читателю, что представляли собой те или иные осадные сооружения или метательной машины, делает это путано и неясно. Это, в частности, касается и упоминания историком боевых слонов. По мнению ряда ученых, он прибегал в этих случаях к устоявшимся клише или прямым заимствованиям из сочинений своих предшественников.

Бесспорно, образованный и воспитанный на образцах классической литературы грек очень часто одерживал в Аммиане верх над римским офицером с его холодным рационализмом. Однако вряд ли это служит основанием для того, чтобы ставить под сомнение все приводимые им факты. Тем более что никаких веских доказательств в поддержку своих гипотез оппоненты Аммиана выдвинуть не могут.

Упоминания о слонах в сасанидских армиях в VI столетии неоднократно встречаются в трудах Прокопия Кесарийского и Агафия Миринейского. Как правило, это происходит при описаниях осад римских городов и крепостей. Данный факт, как отмечалось выше, послужил для некоторых исследователей поводом утверждать, что таково было главное предназначение персидских слонов.

Важные сведения о слонах можно найти в трудах античных естествоиспытателей, таких как Аристотель, Плиний или Элиан. Примером того, насколько ценной может быть информация, содержащаяся в литературном неисторическом произведении, служит «Зевксис» Лукиана — единственный источник, сохранивший для нас описание битвы Антиоха I с галатами.

Во вторую группу источников можно выделить свидетельства эпиграфики. Они играют очень незначительную роль в изучении интересующего нас сюжета и могут в лучшем случае указать на участие определенного количества слонов в каком-либо военном походе. Ситуация могла бы быть совершенно иной, если бы количество надписей, находящихся

в нашем распоряжении, было достаточным для того, чтобы делать обоснованные выводы.

Наконец, последнюю группу образуют изобразительные источники. Некоторые из них, такие как монеты со слонами, давно уже привлекали внимание исследователей. Наиболее оживленные споры идут вокруг немногочисленных находок, происходящих из Италии и относящихся ко времени Второй Пунийской войны. Суть научных дискуссий состоит в попытке определить, к какому виду относятся животные, представленные на реверсах обнаруженных монет. Одним из первых проблему недостаточной изученности нумизматических данных поднял Г. Х. Скаллард⁷⁹. Его выводы получили поддержку Н. Говерса и были изложены в совместной публикации⁸⁰. Тщательное изучение монет позволило исследователям сделать заключение, что карфагеняне во время Второй Пунийской войны использовали не только африканских, но и индийских слонов. Эта гипотеза получила впоследствии поддержку многих ученых и до сих пор считается вполне обоснованной.

На наш взгляд, скрупулезное изучение древних изображений слонов на различных исторических памятниках, и особенно на монетах, далеко не всегда может дать объективный результат. Считается, что древний мастер должен был с максимальной точностью передавать характерные особенности натуры, которую он изображал, между тем, как и современный художник, он мог к этому не стремиться, мог никогда в жизни и не встречать то, что изображал, в данном случае — слона. Тем не менее, зная, как выглядит слон, он воссоздавал его облик, опираясь на какие-то более ранние изображения, будь то рисунки на керамических сосудах, терракотовые статуэтки или реверсы чужеземных монет.

Столь же сомнительными представляются выводы, следующие за попытками по монетам определить размеры боевых слонов. Не нужно забывать, что нумизматические изображения носят условный и символический характер, поэтому пропорции животных и сидящих на них людей могут быть сильно нарушены. Вполне возможно, что неестественно крупные индийские воины на слоне, на коммеморативных монетах-медалях Александра Македонского — это следствие представлений греков о большом росте индийцев, а огромные по сравнению со слоном размеры кушанского царя Хувишки I (126–164 гг. н. э.) определяются высоким социальным статусом персонажа. Однако подобные примеры лишний раз демонстрируют, что мастера-монетарии могли преследовать самые разнообразные цели, из которых отражение реальности было далеко не главной.

Бронзовая монета царя Хувишки I

Вместе с тем нельзя не признать, что работы выдающихся зарубежных исследователей П. Гуковского, Н. Говерса, Г. Х. Скалларда, М. Б. Чарльза и др. показали, что, привлекая к данным литературных источников свидетельства археологии и нумизматики, можно весьма существенно расширить наши знания, касающиеся вопроса использования боевых слонов в античности.

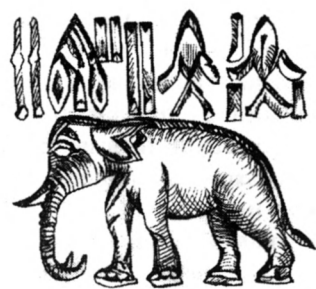

Золотая монета царя Хувишки I

Изображения слонов сохранились не только на монетах. Куда более реалистично выглядят дошедшие до нас статуэтки или рисунки на керамике. В отдельную подгруппу источников можно выделить немногочисленные архитектурные сооружения и наскальные рельефы. Важнейшие из подобных памятников — триумфальная арка Галерия в Фессалониках и сасанидские рельефы в Бишапуре и Так-и Бустане.

ГЛАВА I
ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ
О СЛОНАХ

Maximum est elephans proximumque humanis sensibus...

C. Plinius Caecilius Secundus (Major). «Naturalis historia», VIII, 1

*Слон — самое большое из животных
и по своим чувствам ближе всех к человеку...*

Плиний Старший. «Естественная история», VIII, 1

Слоны образуют уникальную семью хоботных млекопитающих, насчитывавшую некогда множество видов, наиболее известным из которых является мамонт. Сегодня слоны остаются самыми крупными из наземных животных. Их огромные размеры вполне соответствуют их физической силе, примеры проявления которой будут приведены ниже, а также их ментальным способностям: мозг слона весит около 5 кг, поэтому он одно из самых умных животных в природе, способное усваивать от 30 до 100 команд⁸¹.

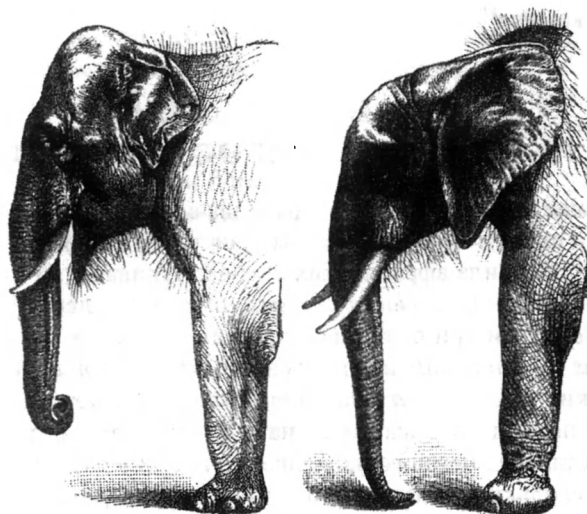
РАЗЛИЧНЫЕ ВИДЫ СЛОНОВ И ИХ ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

В настоящее время существуют два вида слонов: *Loxodonta africana*⁸² (африканский слон) и *Elephas maximus* (азиатский слон). Исследователи различают два подвида африканских слонов: африканский степной, или кустарниковый слон (*Loxodonta africana africana*), и лесной (*Loxodonta africana cyclotis*)⁸³, и три основных подвида азиатских слонов (индийский (*Elephas maximus indicus*), цейлонский (*Elephas maximus maximus*) и суматранский (*Elephas maximus sumatranus*))⁸⁴. Некоторые выделяют в отдельный подвид малайского слона⁸⁵. Другие полагают, что особый подвид представляет немногочисленная популяция слонов, обитающих в Непале, поскольку животные этой группы в среднем на 30 см выше обычных индийских. Проблема возникает со слонами, обитающими на северо-востоке острова Борнео (*Elephas maximus borneensis*). От остальных азиатских слонов они отличаются меньшими размерами, более крупными ушами и более прямыми бивнями. До недавнего времени считалось, что они представляют не самостоятельный подвид *Elephas maximus*, а потомство одомашненных континентальных слонов, завезенных на остров в XVI–XVIII вв.⁸⁶ Однако исследования последних лет показали, что эти животные обособились в отдельную группу около 300 тыс. лет назад и оказались изолированными от остальной популяции после исчезновения сухопутной связи между Борнео и Зондскими островами.

Наконец, необходимо упомянуть о сирийском слоне (*Elephas maximus asurus*), обитавшем на территории Среднего Востока (в Турции, Ираке

и Сирии) и вымершем около 100 г. до н. э. Представители этого подвида в среднем были несколько крупнее индийских слонов, а в остальном практически ничем не отличались от них⁸⁷.

Африканские слоны достигают более крупных размеров, чем азиатские. Самец африканского степного слона весит около 5,4 т, но его вес может составлять и 7 т; рост в холке у него обычно от 3 до 3,5 м, и может даже превышать 4 м⁸⁸. Индийский слон имеет рост в холке 2,4–3,5 м, однако строение его тела более массивное, ноги толстые и сравнительно короткие. Поэтому взрослые самцы этого вида могут весить до 5,4 т⁸⁹. Самки обоих видов имеют меньшие размеры, нежели самцы. Взрослая слониха африканского слона весит около 3,6 т, а индийского — в среднем 2,7 т⁹⁰.

Индийский и африканский слоны

(Webster N. New International Dictionary of the English Language.
London, 1911. P. 710)

Отличие двух видов (африканского и азиатского) не ограничивается исключительно их размерами. У африканского слона голова в профиль выглядит покатой. Уши имеют большие размеры, их верхушки поднимаются выше холки и почти соприкасаются друг с другом. Размеры ушей могут достигать до 1,7 м вдоль и 1 м поперек⁹¹. Спина вогнутой формы: от головы к лопаткам хребет поднимается, потом опускается, после чего вновь поднимается к бедрам⁹².

Особенность строения головы азиатского слона — два выступающих бугра на макушке с расщелиной между ними, а также ярко выраженные надбровные дуги. У самок бугры на голове меньшего размера. Уши *Elephas maximus* имеют форму треугольника, вершина которого направлена вниз⁹³. Размеры ушей взрослого самца составляют 76 см в верхней части; расстояние от плоской верхней части до заостренной нижней также составляет около 76 см.⁹⁴ Спина выпуклая, без «седловины», и в середине выше, чем в области лопаток или бедер⁹⁵.

Кожа африканских слонов однородного серого цвета. Цвет кожи индийского слона серый или темно-серый благодаря пыли, которой он осыпает себя, и грязи, в которой купается⁹⁶. Кожа индийских слонов часто имеет зоны депигментации в виде белых пятен, особенно на ушах, лбу, хоботе и животе⁹⁷. Волосистой покров у азиатских слонов обычно более густой, чем у африканских.

У африканского степного слона кожа грубая; у африканского лесного и азиатского слонов — более гладкая⁹⁸. Толщина кожи у обоих видов слонов составляет в среднем 2,5 см⁹⁹. Это делает ее чрезвычайно твердой. П. Д. Арманди сообщает, что даже современное ему огнестрельное оружие не всегда способно пробить кожу огромного зверя, а абиссинцы делают из слоновьей кожи щиты, от которых отлетают пули¹⁰⁰. Об этом качестве кожи слонов было известно уже в древности. Святой Амвросий утверждает, что пробить шкуру огромного зверя копьями и дротиками очень нелегко [Ambros., *Hexamer.*, VI, 5, 33]¹⁰¹. Эта же мысль звучит в стихах поэта Лукана¹⁰², а Страбон передает, что маврусии прикрываются кожами слонов, словно щитами [Strab., XVII, 3, 7].

У африканских слонов обычно есть бивни и у самцов, и самок. У азиатских слонов у самок, как правило, бивней нет, либо они находятся в рудиментарном состоянии¹⁰³. Африканские слоны имеют более крупные бивни, нежели азиатские. В конце XIX в. некоторые из бивней, экспортировавшихся из Занзибара, достигали длины 10 футов (более 3 м) и весили 120 фунтов (около 54 кг)¹⁰⁴. А самые крупные бивни, принадлежавшие когда-либо африканскому слону, составляли 3,264 м в длину и весили 102,7 кг¹⁰⁵. У азиатского слона самыми крупными известные бивни имели 3,02 м в длину и весили около 32 кг¹⁰⁶.

Хобот слона — это универсальное орудие, которое он использует практически так же, как человек руки. Им слон подносит ко рту пищу, обливает себя водой и передвигает различные тяжелые предметы. Слон способен набрать в хобот до 17 л воды¹⁰⁷, а вес, который он может им поднять, достигает 100 кг¹⁰⁸. Хоботы слонов разного вида имеют

существенные различия. У африканского слона на хоботе больше кольцеобразных складок, поэтому он более гибкий, чем у азиатского.

Таблица 1

Основные внешние отличия между африканскими и азиатскими слонами*

ВИД	Африканский слон (<i>Loxodonta africana</i>)	Азиатский слон (<i>Elephas maximus</i>)
Вес	4000–7000 кг	3000–5000 кг
Высота в холке	3–4 м	2–3,5 м
Кожа	Складчатая	Более гладкая
Наиболее высокая точка	Плечи	Верхушка головы
Размеры ушей	Большие, поднимаются выше шеи	Сравнительно небольшого размера, ниже шеи
Форма спины	Вогнутая	Выпуклая или прямая
Форма живота	Наклонен диагонально от передней к задней части туловища	Почти горизонтальный или же несколько «осевший» в центре
Форма головы	Отсутствуют выпуклости или впадины	Имеются позвоночные бугры и лобные впадины
Бивни	Бивни имеют как самцы, так и самки. У самцов бивни несколько большего размера, чем у самок	Самцы обычно имеют бивни. У самок бивни в рудиментарном состоянии либо отсутствуют вовсе
Хобот	Имеет больше колец; более гибкий	Имеет меньше колец; менее гибкий
Кончик хобота	Имеет два «пальца»	Имеет один «палец»
Количество пальцев на ногах	Передняя нога: 4 или 5; задняя нога: 3, 4 или 5	Передняя нога: 5; задняя нога: 4 или 5

* Составлена по: Shoshani J. Étude comparative des éléphants actuels // Les éléphants / sous la direction du dr. J. Shoshani. Paris, 1993. P. 39.

На кончике хобота африканского слона с противоположных сторон есть два пальцевидных отростка, в то время как у азиатского только один. Эти «пальцы» очень чувствительны, и с их помощью слон может подбирать с земли мелкие предметы и даже срывать отдельные травинки¹⁰⁹.

В приводимой таблице суммированы основные различия между двумя видами слонов¹¹⁰.

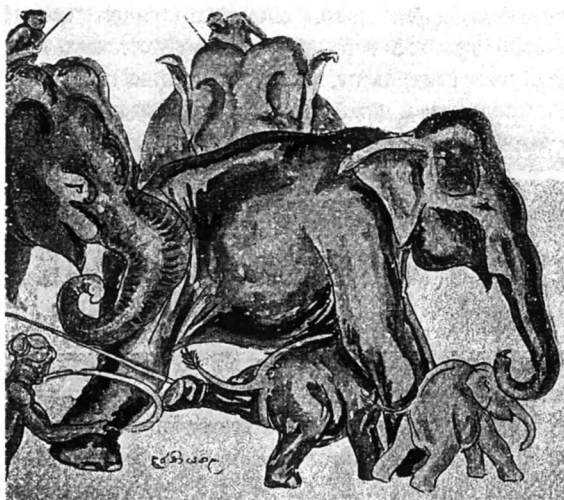
ПРОБЛЕМА ОДОМАШНИВАНИЯ СЛОНОВ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ

Между видами слонов существуют не только физиологические различия. Особенности деятельности мозга оказывают сильное влияние на отношение животных к человеку и их способности жить в неволе.

Азиатские слоны очень хорошо поддаются дрессировке. В XIX в. их предпочитали отлавливать в возрасте от 15 до 18 лет, когда животные еще молоды, чтобы быстро привыкнуть к человеку, но уже достаточно сильны, чтобы после обучения выполнять необходимые работы¹¹¹. Характерно, что Каутилья в «Артхашастре» предписывает ловить слонов начиная с 20-летнего возраста, а лучшими считает 40-летних животных, поскольку они достигают наибольшего размера, оставаясь в расцвете своих сил¹¹². Это говорит о том, что возраст индийского слона не создает каких-либо непреодолимых трудностей при его дрессировке.

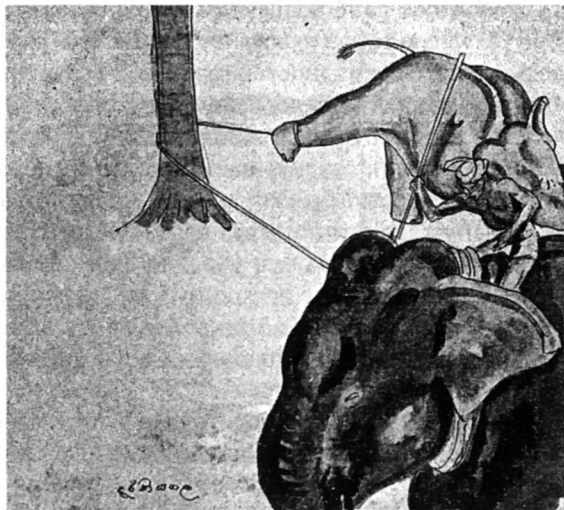
Чтобы поймать азиатского слона, было достаточно двух охотников. В то время как один из них отвлекал внимание зверя, раздражая и провоцируя его, второй заходил сзади и накидывал ему на ногу крепкую веревку. После того как веревка была привязана к дереву, слон оказывался в плену и был вынужден подчиниться воле человека¹¹³. Дрессировка пойманных животных проходила при участии одомашненных слонов. Обучение продолжалось в течение нескольких месяцев¹¹⁴.

Иная ситуация складывается с африканскими слонами. Вплоть до конца XIX в. считалось, что они не поддаются дрессировке и, в отличие от азиатских, не могут быть приручены¹¹⁵. В Африке на протяжении столетий на огромных зверей охотились только ради слоновой кости¹¹⁶. Однако в начале XX в. теория о неприручаемости африканских слонов была полностью развеяна. Инициатором одомашнивания африканского вида стал бельгийский король Леопольд II. В 1879 г. в Конго, тогда бельгийскую колонию, была отправлена специальная экспедиция под командованием майора Картера в составе 13 корнаков, 8 солдат, 700 носильщиков и 4 индийских слонов.

Отлов слонов на Цейлоне (XIX.в.)

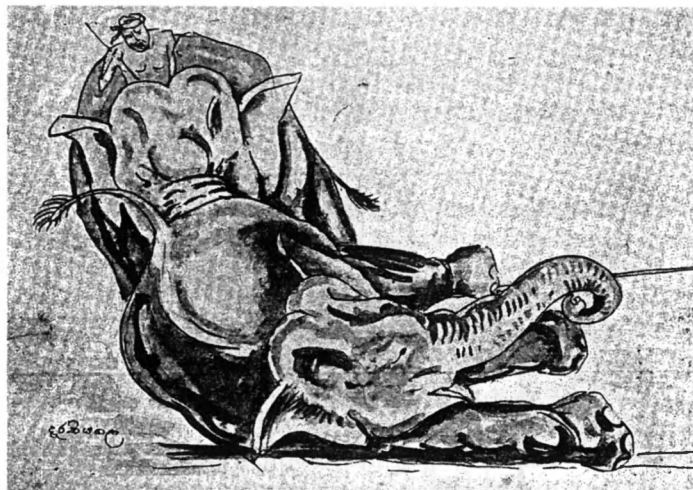
(*Deraniyagala P. E. P. Elephant Maximus, the Elephant of Ceylon. Pt. II // Spolia Zeylonica: Bulletin of the National Museum of Ceylon. 1961. 26. Plat. I*)

Отлов слонов на Цейлоне (XIX.в.)

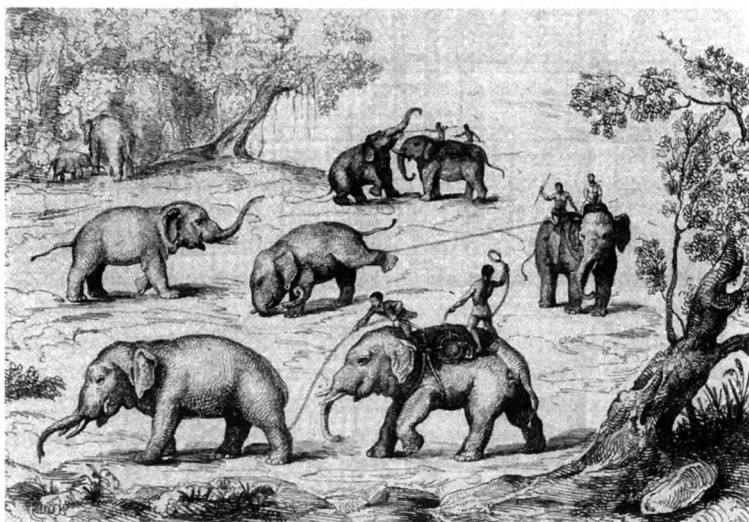
(*Deraniyagala P. E. P. Elephant Maximus, the Elephant of Ceylon. Pt. II // Spolia Zeylonica: Bulletin of the National Museum of Ceylon. 1961. 26. Plat. II*)

Отлов слонов на Цейлоне (XIX.в.)

(*Deraniyagala P. E. P. Elephant Maximus, the Elephant of Ceylon. Pt. II // Spolia Zeylonica: Bulletin of the National Museum of Ceylon. 1961. 26. Plat. II*)

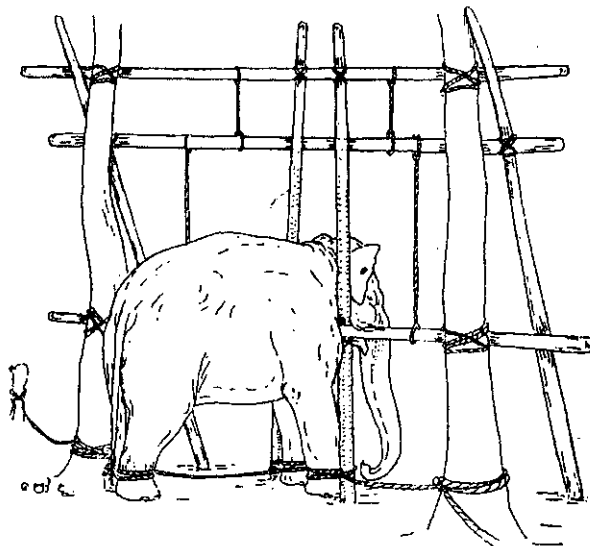
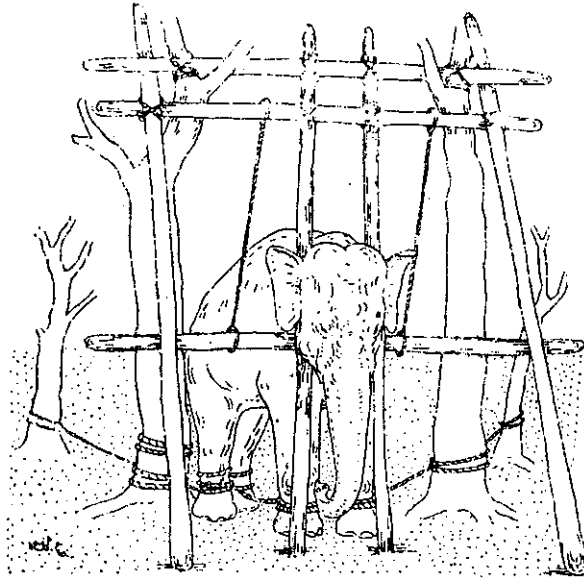

Охота на слонов

Гравюра начала XIX.в.

(*Марко Поло. Книга чудес света / Пер. И. П. Минаева. М., 2009. С. 246*)

Сооружение, предназначенное для укрощения и дрессировки слона
(Deraniyagala P. E. P Elephant Maximus, the Elephant of Ceylon. Pt. II // Spolia Zeylonica: Bulletin of the National Museum of Ceylon. 1961. 26. Plat VIII)

На корабле Картер доставил животных на африканский континент, после чего направился пешком к озеру Танганьика. Однако трое слонов погибли в пути, а четвертый прожил всего несколько дней по прибытии в пункт назначения¹¹⁷. Картер умер на обратном пути к побережью, а остальные члены его команды были истреблены одним из местных вождей.

В 1899 г. Леопольд, вдохновленный примером нескольких миссионеров, которым удалось приручить африканских слонов, организовал новую экспедицию на север нынешнего Заира под командованием Ж. Лапльюма. Возле слияния рек Бомоканди и Уэле Лапльюм приказал вырыть сотни рвов-ловушек по образцу тех, которые роют в Южной Индии¹¹⁸. Но когда два молодых слона упали туда, взрослые животные помогли им выбраться. Третий слон умер, когда бельгийцы попытались сами вытащить его. После этого Лапльюм решил использовать тот же метод, который использовался для поимки слонов в Бирме и напоминал тот, что существовал в древности. По его приказу был выстроен огромный загон из жердей, куда удалось загнать слониху с детенышем. Но и этот способ не привел к ожидаемым результатам: слониху пришлось отпустить на волю, поскольку ее было невозможно укротить; слоненок, оставшийся без матери, перестал принимать пищу и умер¹¹⁹.

Тогда Лапльюм распорядился во время облав сразу же отстреливать слоних, а слонят связанными доставлять в вольеры. В 1901 г. он смог наконец поймать молодых слонов ростом не менее 1 м, которые стали первыми одомашненными бельгийцами африканскими слонами. В 1904 г. в Апи был основан Центр дрессировки слонов. В 1913 г. здесь находилось 36 животных, чей рост варьировался от 1,40 до 2 м.

Во время Первой мировой войны Лапльюм был отправлен в составе конголезского корпуса в Европу. За время его отсутствия созданный им центр почти полностью прекратил свое существование из-за отсутствия финансовых средств. Однако король Альберт предпринял самые энергичные усилия, направленные на его возрождение. Лапльюм вернулся в Конго в 1918 г. В 1919 г. по его просьбе в Африку были присланы корнаки с Цейлона, которые должны были обучать искусству дрессировки местных вожakov слонов¹²⁰.

Говорят, что из-за дикого нрава африканских слонов приезжие корнаки долгое время не решались сесть на них верхом. Тем не менее им удалось обучить своему искусству местных погонщиков. В 1925 г. в Центре было уже более 20 слонов, которых запрягали в повозки, перевозили на них тяжести и пахали землю¹²¹.

Вспашка земли на слонах. Марка, Бельгийское Конго. 1911 г.
(Les éléphants / sous la direction du dr. J. Shoshani. Paris, 1993. P. 186)

В 1930-е гг. обычно отлавливали слонов, чей рост в холке составлял от 1,50 до 1,80 м, а возраст — от 12 до 15 лет. Более молодых слонов было тогда тяжело поддерживать в здоровом состоянии, и дольше нужно было ждать, когда они станут достаточно сильными, чтобы использовать их на работах. Животные более старшего возраста не поддавались дрессировке.

Loxodonta africana africana (африканский саванный слон)
Фото В. К. Савченкова

Elephas maximus indicus (индийский континентальный слон)
На хоботе и ушах животных видны зоны депигментации.
Фото И. И. Верняева

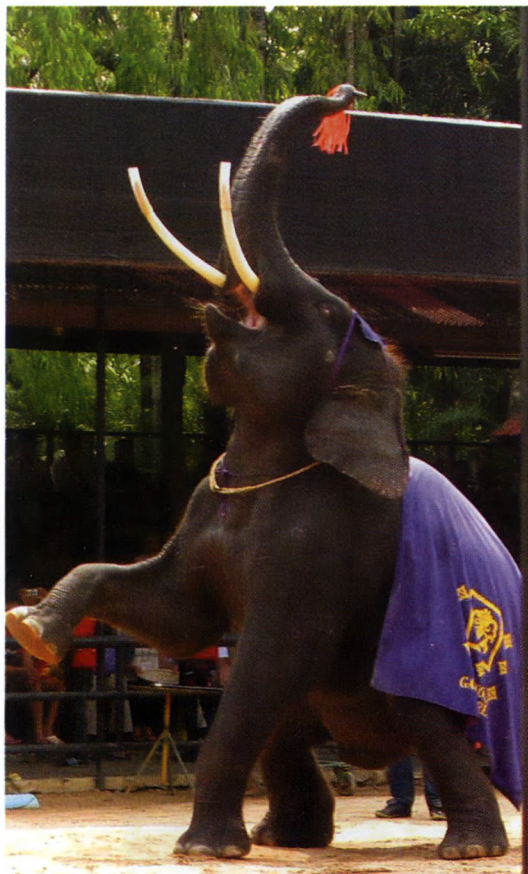
Elephas maximus indicus (индийский континентальный слон)

На хоботе и ушах животных видны пятна депигментации.

Фото И. И. Верняева

*Состояние бивней у самки
азиатского континентального слона
Фото И. И. Верняева*

*Слон бросает мяч
в корзину*
Фото В. Ю. Пашкуса

*Слоны хоботом очень
ловко бросают в цель раз-
личные предметы. Этому
их обучают, например, в
современном Таиланде
для увеселения туристов.
Слон метает дротик*
Фото В. Ю. Пашкуса

Хобот индийского слона имеет один пальцевидный отросток
Фото В. Ю. Пашкуса

Доспех слона. Британский Королевский музей (Лидс)
Фото А. А. Попова

Слоны, возущие туристов в Таиланде
Фото И. И. Верняева

Самка азиатского континентального слона со слоненком
Фото И. И. Верняева

Самка азиатского континентального слона со слоненком
Фото В. Ю. Пашкуса

Рост этого человека — 182 см, вес — 100 кг. Животное, без особых усилий поднявшее его хоботом, в высоту достигает всего около двух метров

Фото Е. И. Верняева

В современных условиях охота ведется главным образом на слонят. Это объясняется тем, что с появлением тракторов острая надобность в использовании силы огромных четвероногих отпала, а поймать и обучить слоненка намного проще, чем уже подросток животное.

Вспашка земли на слонах. Фото из бельгийского Конго (конец 1940-х гг.). Высота в холке этих животных составляет не более 2 м (Les éléphants / sous la direction du dr. J. Shoshani. Paris, 1993. P. 152)

Методы поимки слонов сегодня мало чем отличаются от тех, что были во времена Лапльума. Группа ловцов-корнаков, называющихся «басол-до на-мбонго» («солдаты по слонам»), растянувшись цепочкой, подкрадывается к стаду диких слонов¹²², затем охотники начинают громко кричать, обращая испуганных животных в бегство. Слонята в скором времени начинают отставать от взрослых животных. Наглядное представление о том, что происходит дальше, дает следующее описание: «Самый быстроногий из азанде (африканское племя, из которого происходили корнаки. — А. Б.) припустился за одним из отставших слонят. Он ухватил его за хвост и ловким движением набросил канатную петлю на его левую заднюю ногу. Держась за конец каната, солдат повис на нем всей тяжестью. Силы слоненка при этом, разумеется, быстро иссякали. Другой азанде подскочил к пойманному животному спереди и толкнул изо всей силы. Слоненок тотчас же бросился на обидчика, оттопырив уши и подняв для удара хобот. И тут первый ловец стремительно замотал

конец каната вокруг дерева. Подоспели еще три-четыре корнака. Изловчившись, они набросили на слоненка вторую петлю, конец которой закрепили вокруг другого дерева. Когда маленький слон привязан к дереву, это еще не все. Если ему посчастливится разорвать свои путы — тогда он спасен. Корнаки не будут его догонять вторично — к этому моменту они уже слишком вымотаны. И даже если взбешенное, рвущееся во все стороны маленькое существо остается накрепко привязанным к стволу, это еще не означает, что его доставят целым и невредимым в лагерь. Прежде погибала половина таких пленников, теперь — только десятая часть. В этом заслуга прирученных, выдрессированных слонов-мониторов.

Два взрослых слона, на спинах которых сидят корнаки, становятся справа и слева от бушующего “дикаря”. Тот понемногу успокаивается и начинает осторожно ощупывать сородичей своим маленьким хоботом. Конец петли, накинутой ему на шею, прикрепляется теперь к ремню, опоясывающему одного из мониторов. Веревка, опутывающая заднюю ногу малыша, прикрепляется ко второму взрослому слону. После этого все трое трогаются в путь — слоненок посередине. Процессия идет не спеша, с остановками для отдыха и еды, пока не доберется до лагеря. Если новичок начинает вести себя строптиво, большие слоны сдвигают его с обеих сторон, да так, что у того дух захватывает и сразу пропадает всякая охота капризничать»¹²³.

Здесь хочется обратить особое внимание на существенное различие в критериях, предъявляемых к африканским и индийским слонам, на которых устраивается охота. Каутилья, как указывалось выше, требует ловить только тех слонов, которые достигли 20-летнего возраста. «Детеныш-сосун, неразвитый, слон без бивней, больной, беременная самка и кормящая самка не могут быть предметом ловли». Слоненок-сосун, по словам Каутильи, может быть пойман только «для забавы» [А., II, 47, 31]. Эти требования хорошо объяснимы: индийские слоны быстро приручаются в любом возрасте, поэтому, естественно, ловить нужно тех, которые могут быть сразу же использованы в работах.

Бельгийский опыт наглядно продемонстрировал — чтобы приручить африканского слона, нужно поймать его в самом юном возрасте. У нас нет никаких оснований считать, что в древности приручить африканского слона было легче, чем в XX столетии. Косма Индикоплов, например, отмечает, что эфиопы для одомашнивания ловят именно молодых животных [Cosmas, XI, 325, 3–8]. Кроме того, выяснилось, что африканские слоны обучаются гораздо медленнее, нежели азиатские, и их дрессировка — процесс довольно длительный и трудоемкий. Происходит это, по всей видимости, потому, что церебральная моторная координация у азиатского вида развита гораздо лучше, чем у африканского¹²⁴.

Отловленных африканских слонят начинают обучать только спустя полгода после их проживания в Центре¹²⁵. Занятия проводятся не более одного часа в день¹²⁶. Каждого слона обучает его личный корнак, которому помогает ассистент¹²⁷. «Делается это так. Молодого слона стреноживают и привязывают между двумя столбами, стоящими на расстоянии шести метров один от другого. Потом дергают веревку, привязанную к задним ногам, назад, а переднюю — вперед, так что слон падает на брюхо; при этом непрерывно выкрикивается команда “лежать”. Слону не остается ничего другого, как повиноваться. Как только он соглашается добровольно лечь по команде, веревки ослабляют, а кроме того, еще дают в качестве награды что-нибудь особенно лакомое. После короткой передышки все повторяется сначала. Вскоре все маленькие слоны ложатся на землю по команде, тут же протягивая хобот за вознаграждением»¹²⁸. Второй этап обучения состоит в том, что корнак пытается сесть на спину слоненка¹²⁹. Затем слоненка обучают подбирать с земли различные предметы и передавать сидящему на нем корнаку¹³⁰. Чтобы заставить слушаться команд «вперед», «стоять», «повернуться», «развернуться», молодого слона, на котором сидит корнак, привязывают ремнем к взрослому дрессированному слону. Команды подаются голосом и сопровождаются ударами стрекала¹³¹. Только начальное обучение африканского слона, во время которого животное привыкает спокойно относиться к человеку и выполнять самые элементарные команды, может занять от месяца до года, в зависимости от обстоятельств¹³². После того как этот этап считается в основном законченным, на слона надевают тяжелую сбрую, которую он должен постоянно носить на себе. К сбруе с обеих сторон прикрепляются цепи, к ним крепится бревно. Через некоторое время бревно заменяют повозкой. Постепенно ее нагружают различными предметами, приучая животное таким образом перетаскивать тяжести¹³³. Для отработки специальных команд, например для подготовки циркового слона, требуется еще около года¹³⁴.

ПОДВИДЫ СЛОНОВ

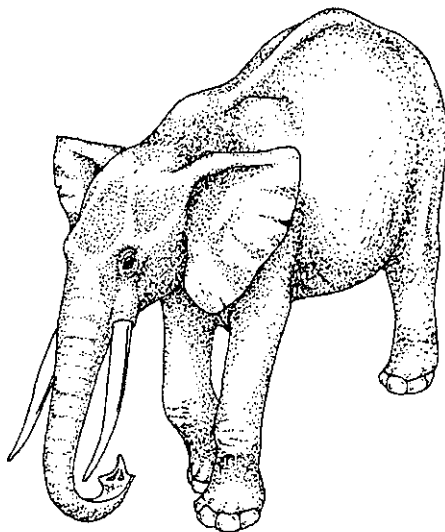
Касаясь особенностей различных подвидов слонов, мы уделим внимание лишь тем группам животных, которые прямо или косвенно могут иметь отношение к предмету нашего исследования.

Саванный африканский слон (*Loxodonta africana africana*) — самое большое из ныне живущих наземных млекопитающих. Он достигает в длину от 7 до 8 м, 4 м в высоту и весит до 7000 кг¹³⁵. Длинный и гибкий хобот животного весит от 150 до 200 кг и может опускаться до земли.

Кожа светло-серая, однако она часто принимает красновато-коричневый цвет из-за грязи, в которой слон принимает ванны, и пыли, которой он осыпает себя. Форма головы у самцов округлая, у самок — угловатая¹³⁶. Территория обитания данного подвида разнообразна и обширна: от прерий до лесов, степей и пустынь, от влажных болотистых зон и берегов озер до горных районов¹³⁷.

Три четверти своей жизни саванный слон посвящает пропитанию либо перемещению в районы, богатые едой и запасами воды. Он поглощает от 75 до 150 кг пищи и от 80 до 160 л воды в день. Самые крупные самцы могут потреблять пищи и воды вдвое больше. Любимое лакомство *Loxodonta africana africana* — это листва акаций. Саванные слоны охотно едят также листву других деревьев, фрукты и различные травы¹³⁸.

Африканский лесной слон (*Loxodonta africana cyclotis*) значительно меньше степного. Высота взрослого самца этого подвида составляет около 3 м, а вес — около 4500 кг¹³⁹. Бивни лесного слона длиннее и тоньше, чем у степного¹⁴⁰. Другие отличия не столь ярко выражены: лесной слон имеет более темную кожу и более густой волосяной покров, особенно на хоботе и вокруг рта; уши меньшего размера и более округлые¹⁴¹; у него четыре плоских пальца вместо трех на передних ногах и пять вместо трех на задних¹⁴².

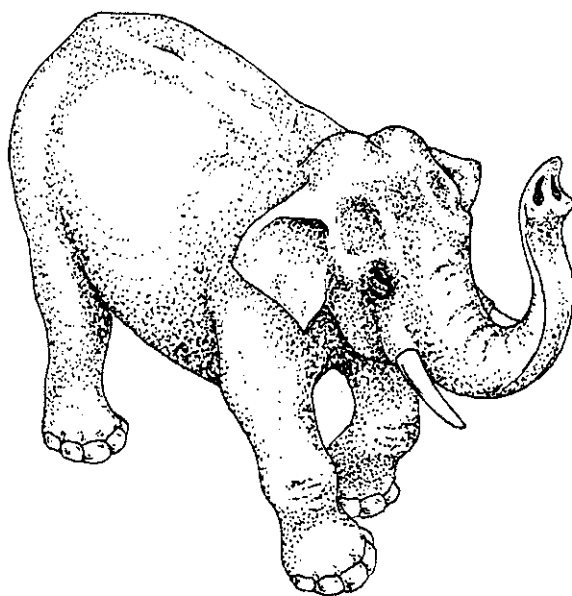

Loxodonta africana cyclotis

Рис. И. В. Кирсанова

Loxodonta africana cyclotis поглощает от 60 до 120 кг пищи в день и от 60 до 120 л воды. Основа рациона подвида — листва и фрукты. В то же время лесной слон может питаться различными видами трав и корней¹⁴³. В древности лесные слоны обитали от атлантического побережья Африки до долины Нила¹⁴⁴. Однако в настоящее время они живут только в покрытых лесами экваториальных районах Центральной и Западной Африки.

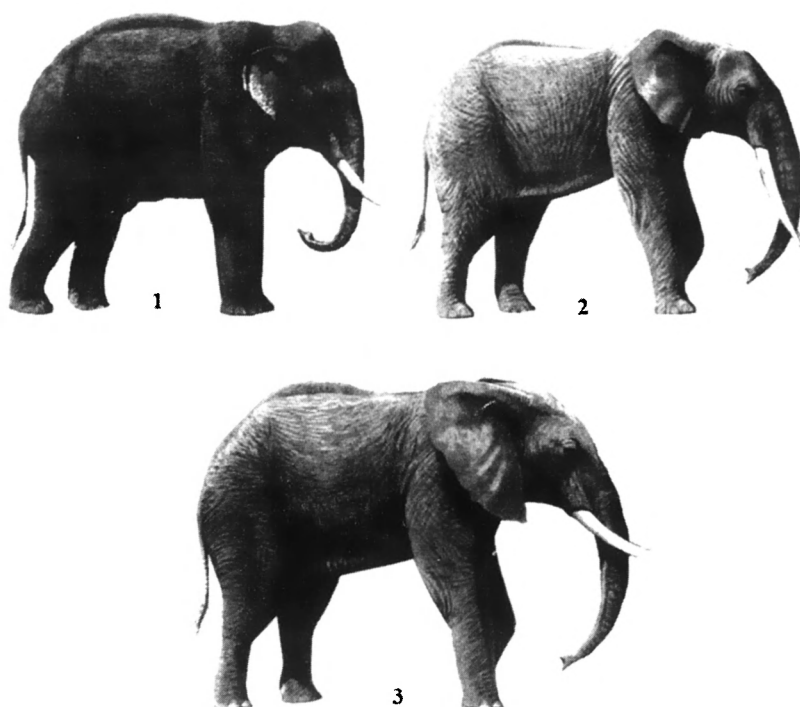
Разница между подвидами азиатских слонов не столь очевидна, как в случае с африканскими¹⁴⁵. Взрослый самец *Elephas maximus indicus* достигает 3,5 м в высоту и весит 5000 кг. В Древней Индии слоны делились на три класса. К низшему классу относились те, чей рост составлял 5 локтей (около 2,5 м); к среднему — животные высотой в 6 локтей (около 3 м); наконец, лучшими считались слоны, высота которых была 7 локтей (около 3,5 м), а длина — 9 локтей (около 4,5 м). Однако это был не предел, и некоторые слоны могли достигать 8 локтей в высоту (около 4 м) [А., II, 47, 32].

Elephas maximus indicus

Рис. И. В. Кирсанова

Elephas maximus indicus проживает на территории 12 государств, начиная от Индии на западе и заканчивая Индонезией на востоке. Он занимает различные места обитания, но, как кажется, предпочитает зоны лесов и переходные зоны между лесами и прериями, где может найти большое разнообразие пищи. Территории его обитания находятся как на уровне моря, так и в горных районах приблизительно на высоте 2000 м или еще выше. Основной рацион индийского слона — различные виды травы и молодые побеги, кора, листва и фрукты¹⁴⁶. Ежедневно взрослому животному требуется от 75 до 150 кг пищи и от 80 до 160 л воды¹⁴⁷.

Слоны различных подвидов: 1 — *Elephas maximus indicus*;
2 — *Loxodonta africana cyclotis*; 3 — *Loxodonta africana africana*
(Les éléphants / sous la direction du dr. J. Shoshani. Paris, 1993. P. 30–31)

В таблице 2 приводятся данные, демонстрирующие главные различия между тремя интересующими нас подвидами слонов.

Таблица 2

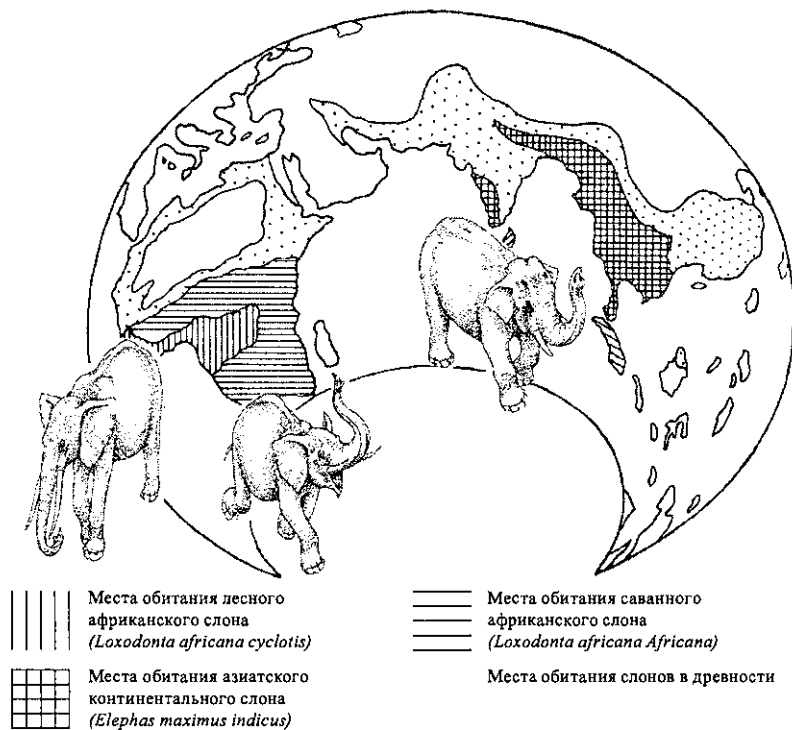
Отличительные особенности трех подвидов слонов*

Подвид	Африканский степной слон (<i>Loxodonta africana africana</i>)	Африканский лесной слон (<i>Loxodonta africana cyclotis</i>)	Индийский континентальный слон (<i>Elephas maximus indicus</i>)
Вес	4000–7000 кг	3000–5000 кг	2000–5000 кг
Высота в холке	3–4 м	2–3 м	2–3,5 м
Форма и размеры ушей	Треугольные, вытянутые вдоль линии шеи	Округлые, не вытянутые вдоль линии шеи	Небольшого размера, треугольной формы
Бивни	Загнутые, толстые	Более прямые, длинные и тонкие	Удлиненные, загнутые; у некоторых самцов почти такой же длины, как у африканских слонов, но более тонкие и более легкие

* Составлена по: Shoshani J. Étude comparative des éléphants actuels // Les éléphants / sous la direction du dr. J. Shoshani Paris, 1993. P. 40.

По мнению П. Гуковского, Селевкиды использовали в военных целях не континентальных азиатских слонов, а цейлонских, которые считались более крупными и потому более сильными¹⁴⁸. Впервые этими животными будто бы обзавелся Селевк I, получивший их от индийского царя Чандрагупты¹⁴⁹.

По всей видимости, подобная гипотеза понадобилась исследователю для того, чтобы объяснить бытовавшее в античную эпоху мнение о гигантском росте азиатских слонов, намного превосходящих африканских. В самом деле, древние авторы считали, что цейлонские слоны превосходят размерами и умственными способностями континентальных. Это мнение продолжало сохраняться еще и в XIX столетии¹⁵⁰. Однако в действительности, согласно современным данным, *Elephas maximus maximus* имеет те же самые размеры, что и континентальный слон: длина от 6,7 до 8 м, рост в холке — 3,5 м, вес — 5 500 кг¹⁵¹. Поэтому сирийским царям не было никакой необходимости стремиться приобретать островных животных.

Карта мест обитания слонов в древности и в настоящее время

Рис. И. В. Кирсанова

Некоторые природные качества и особенности слонов должны были играть весьма значимую роль в их военной истории. Не зная о них, было бы трудно правильно истолковать те исторические события, участниками которых огромные звери сделались по воле человека. Поэтому в заключение главы мы сообщаем сведения об особенностях слонов, показавшихся нам наиболее важными.

«МУСТ»

Слоны — единственные из существующих ныне животных, которые имеют железу, расположенную с обеих сторон головы как раз над височной дугой между ухом и глазом, в то время как ее внешнее отверстие

представляет собой щель, находящуюся в височной впадине. Когда эта железа начинает функционировать, то ее активность характеризуется вздутием кожи, окружающей ее, и выделением маслянистого вещества с сильным запахом фенола¹⁵². Долгое время считалось, что действие этой железы является показателем сексуальной активности и связано с периодом размножения у слонов. Подобное мнение установилось еще в древности. «Когда у самца наступает время спаривания, — пишет Страбон, — он становится диким и охвачен бешенством. В это время он испускает какое-то жировое вещество через дыхательные отверстия, расположенные около висков. У самок происходит то же самое, лишь только открываются такие отверстия» [Strab., XV, 1, 43; пер. Г. А. Стратановского; ср. Diod., II, 42, 1].

Однако проведенные исследования показали, что железа начинает выделять секрет в наибольшем количестве не только в эти периоды, но и когда животное возбуждено, испугано, настроено угрожающе, отстаивает свое право на территорию¹⁵³. Такая железа имеется как у самцов, так и у самок (правда, у самцов она действует более активно), а пятна выделяемого ею секрета были обнаружены на мордах большинства животных, независимо от их пола¹⁵⁴. Когда железа начинает функционировать, слон приходит в состояние, которое принято называть «муст» (*musth*)¹⁵⁵.

У старых самцов этот период более короткий, нежели у молодых. Однако у некоторых молодых самцов иногда могут наблюдаться одна или две короткие фазы возбуждения, не превышающие двух дней. У самок азиатского слона височная жидкость никогда не выделяется в больших объемах, и этот процесс обычно продолжается не более двух-трех дней¹⁵⁶. Исследования, проведенные в Индии, показали, что «муст» отсутствует у слонов, которым меньше 10 лет, и происходит спорадически у животных от 14 до 20 лет¹⁵⁷.

«Муст» имеет периодический характер и бывает либо раз в год, либо раз в шесть месяцев. Он может происходить зимой или в сезон дождей. У слонов, живущих в неволе, продолжительность этого состояния варьируется от одного дня до 11 месяцев, в то время как у диких азиатских слонов оно длится от одного дня до 30–40 дней¹⁵⁸.

Вплоть до сего дня секрет «муста» до конца не разгадан, и не выяснено, что же происходит со слоном¹⁵⁹. В это время животные делаются исключительно свирепыми, непредсказуемыми и опасными. В Индии их не привлекают к выполнению работ и, более того, приковывают цепями за ноги к стволам деревьев¹⁶⁰.

Несмотря на то что управлять слонами во время «муста» достаточно трудно, в древности, а затем и в Средние века их специально приводили в это состояние, чтобы использовать в военных целях [Curt., VIII, 13, 10]¹⁶¹. В «Махабхарате» боевые слоны непременно показаны выделяющими

большое количество сегмента. Таким изображен, например, слон царя Бхагадатты: «слепой от опьянения течкой, уподобляясь груди черной сурьмы, казалось, являл собою (зрелище), какое представляет огромная гора, окаченная (ливнями) из могучих туч» [М., VII, 19, 16–22; пер. В. И. Кальянова]¹⁶²; о царе магадхов сказано, что он хотел поразить противника «своим бешеным с лопнувшими висками слоном, который был равен стремительностью ветру» [М., VIII, 13, 9–15; пер. Я. В. Василькова, С. Л. Невелевой]. Вообще, по индийским понятиям, чем активнее действовали височные железы животного, тем выше были его боевые качества¹⁶³.

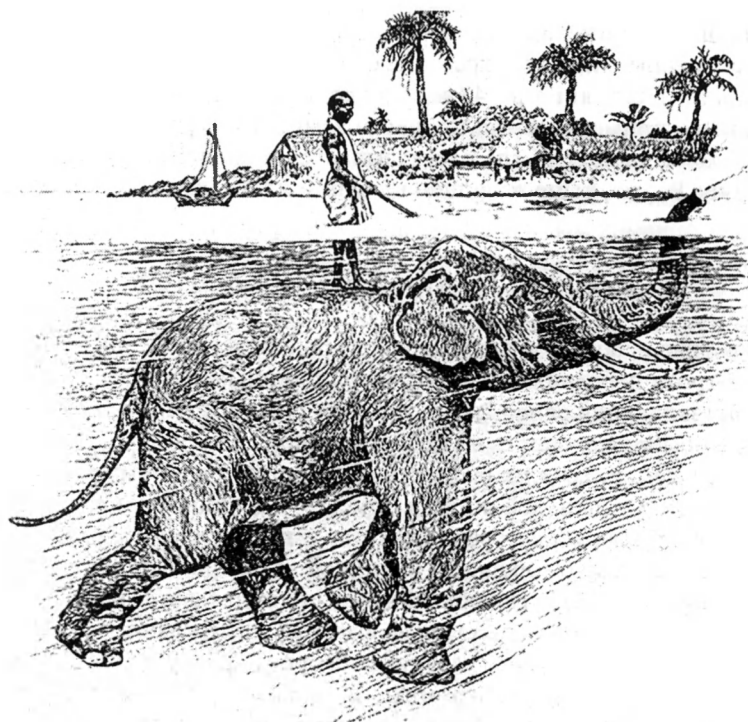
Способы приведения слона в возбужденное состояние были различными. Индийцы знали, что слоны очень восприимчивы к алкоголю¹⁶⁴, поэтому алкоголь входил в состав ежедневного рациона боевых слонов¹⁶⁵, при этом им давали не вино, а напиток, полученный из риса и сахара¹⁶⁶. Вероятно, он был гораздо крепче вина и, возможно, больше походил на водку. На Цейлоне слонов опьяняли опиумом¹⁶⁷. Несомненно, подобные средства должны были приводить слона в «муст» или же способствовать более длительному пребыванию животного в этом состоянии. От индийцев практика возбуждения слонов перед началом сражения была усвоена и другими народами, например сирийцами [Массаб., I, 6, 34] и египтянами [Массаб., III, 5, 30–32], кормившими своих слонов ладаном и поившими их неразбавленным вином, к которому подмешивали сок тутовых ягод. В дополнение к этому соком тутовых ягод слону окрашивали хобот, поскольку считалось, что животное, путая его цвет с кровью, становится более агрессивным и свирепым¹⁶⁸. Большой колокольчик, который вешали на шею слону, служил аналогичным целям: звон, исходивший от него, должен был раздражать зверя во время движения¹⁶⁹.

В Средние века боевых слонов также специально приводили в «муст». Например, придворный историк императора Акбара Абу-л Фазл Аллами (1551–1602)¹⁷⁰ сообщает, что корнаки давали слонам специальный наркотик, который вызывал у животных искусственный жар, в результате чего они приходили в это состояние¹⁷¹. Тот же историк утверждает, что некоторые из императорских слонов находились в подобном возбуждении в течение пяти лет¹⁷².

УМЕНИЕ СЛОНОВ ХОРОШО ПЛАВАТЬ

В Индии знали о том, что слоны — великолепные пловцы. Каутилья предписывает использовать их для штурма речного укрепления [А., VII, 116, 10], а также при преодолении водных преград [А., X, 148, 2]. Тем не

менее в античной науке бытовало заблуждение, что из-за тяжести своего тела слоны плавать не способны. По всей видимости, подобная точка зрения прижилась благодаря авторитету Аристотеля¹⁷³, который первым изучил этих животных и пришел к неверному выводу [Arist., Hist. an., IX, 235–236].

Слон, переплывающий реку. Гравюра 1894 г.
(Les éléphants / sous la direction du dr. J. Shoshani. Paris, 1993. P. 60)

Впрочем, возможно, уже в римскую эпоху мнение Аристотеля перестало быть определяющим. По крайней мере, Тацит не выражает ни малейшего удивления, рассказывая о том, как парфянский царь Вологез верхом на слоне переплыл через р. Арсаний [Тас., Ann., XV, 15].

П. Д. Арманди, отмечая, насколько уверенно слоны чувствуют себя в воде, передает, что индийцы использовали их всякий раз, когда переправляли через реки товары или воинские отряды. При этом

люди прыгали в воду и плыли, держась за уши или хвост животного¹⁷⁴. В наше время множество людей видело слонов, плавающих в реках, озерах и океанах (поблизости от островов Кении, Андаманских островов, у берегов острова Шри-Ланка и у побережья Южной Каролины (США) — в последнем случае речь идет о слонах, содержащихся в неволе). Иногда это были одиночные животные, иногда матери со своими детенышами, а иногда даже целые группы¹⁷⁵. Неоднократно видели слонов, которые плавали шесть часов подряд, не касаясь земли, и преодолевали расстояние до 48 км со скоростью 2,1 км/ч¹⁷⁶. В качестве последнего примера можно привести заметку в журнале «Гео» в майском номере за 2012 г., где рассказывается о «водоплавающем» слоне по кличке Раджа, ныне живущем на одном из Андаманских островов¹⁷⁷.

СКОРОСТЬ ДВИЖЕНИЯ СЛОНОВ

Еще одно необычное для животного подобных размеров свойство — это быстрота передвижения. Благодаря длинным ногам слоны делают шаг, составляющий около 2,75 м, поэтому они способны проходить 8 км за час, а обычная скорость их бега достигает 15 км/ч¹⁷⁸. Однако это для них не предел, и, хотя их скорость уступает лошадиному галопу, зато она выше, чем у лошадей, идущих рысью¹⁷⁹. В любом случае быстрота движения слонов на поле сражения была такова, что они могли успешно состязаться в этом отношении с античной кавалерией (по крайней мере тяжеловооруженной)¹⁸⁰. Подобный вывод подтверждается наблюдениями современных естествоиспытателей, которые утверждают, что взрослый индийский слон при атаке развивает скорость до 40 км/ч¹⁸¹. Впрочем, не следует забывать, что огромные животные могут пробежать с такой скоростью не более 100 м, потом они резко сбавляют темп и бегут трусцой¹⁸².

СПОСОБНОСТЬ ПЕРЕДВИГАТЬСЯ В ГОРАХ

Пожалуй, одним из самых удивительных качеств слонов можно считать их способность передвигаться по горам. Античная история сохранила нам несколько любопытных свидетельств о том, как слонам пришлось преодолевать горные перевалы, пройти через которые было затруднительно даже для человека. Наиболее известный из таких исторических эпизодов связан с походом Ганнибала.

Во время ходьбы слон очень уверенно ставит ногу, безошибочно выбирая самый безопасный путь¹⁸³. Если гигант сомневается, что поверхность выдержит его, то он сначала аккуратно пробует ее ногой и лишь затем переносит на нее весь свой вес¹⁸⁴. Не бояться самых крутых горных круч слонам помогает строение их стопы. Подошва ноги слона — это мягкая прокладка, образованная из эластичных и упругих волокон, которые расширяются при нагрузке¹⁸⁵. Такая подушка играет роль амортизатора и позволяет огромным животным свободно передвигаться по скалистой или пересеченной местности¹⁸⁶.

Слон может проворно взбираться на самые крутые склоны и с легкостью спускаться вниз. Дороги, которые из-за их наклона непроходимы для лошадей и опасны для людей, не пугают и не останавливают слонов¹⁸⁷. Твердость походки делает слона очень ценным домашним животным в горных краях. В качестве верхового или вьючного животного он может пройти там, где ни лошадь, ни мул, ни верблюд не смогут найти пути¹⁸⁸. При спуске с крутых гор слоны могут садиться на круп и съезжать вниз, используя ноги в качестве тормозов, а взбираясь на лесистые склоны, смело помогают себе хоботом¹⁸⁹.

Подобные рассказы могут показаться невероятными, если учесть размеры животного и его кажущуюся неуклюжесть. Однако существует множество фактов, подтверждающих их достоверность. Известно, например, что в 1840 г. британский майор Скиннер обнаружил следы огромных четвероногих на вершине Пика Адама (о-в Цейлон), на высоте 7420 м — там, куда даже паломники взбираются с большим трудом по ступенькам, высеченным в скале¹⁹⁰.

Опыт британской армии — лучшее доказательство «альпинистских» способностей слонов. В Индии на военной службе у англичан числилась 1000 животных, основная часть которых использовалась для перевозки артиллерийских орудий¹⁹¹. Эти животные оказались очень полезными в болотистых местах, где лошади и быки продвигались с большим трудом, а в горных районах их значение было просто неопределимо. Слоны не только переносили грузы, но часто хоботами вытаскивали застрявшие повозки или артиллерийские орудия¹⁹².

Вплоть до 1868 г. слоны принимали участие в маневрах и маршах британской армии только в мирное время и только в той стране, где они родились. Абиссинская кампания оказалась для четвероногих гигантов испытанием, которое они выдержали с честью. В этой горной и малоизученной тогда стране трудно было провести тяжелую артиллерию. Поэтому было решено использовать слонов. Сорок четыре животных было доставлено в Африку из Бомбея¹⁹³.

Слоны были использованы сначала для перевозки провианта из Зулы на линию фронта, а затем для перевозки тяжелой артиллерии. Эта операция не имела аналогов. В течение многих часов через страну, покрытую горами и оврагами от Антало до Магдалы, тяжелые орудия вместе с их зарядными ящиками и остальным снаряжением были перевезены на спинах животных без каких-либо серьезных помех¹⁹⁴.

Перевозка в горах тяжелой артиллерии на слонах
(Kistler J. M. War Elephants. Lincoln; London, 2007. P. 227)

Донесения офицеров, под чьим командованием находились слоны во время этой кампании, единодушно свидетельствуют, что животные блестяще справились с возложенной на них задачей¹⁹⁵. Без огромных четвероногих, способных переносить на себе грузы от 8 до 16 центнеров, невозможно было бы подвезти к Магдале тяжелую артиллерию. Для этого пришлось бы сначала затратить много времени, чтобы построить дороги, пригодные для движения колесного транспорта¹⁹⁶.

ОСОБЕННОСТИ СОДЕРЖАНИЯ

Слоны намного сильнее других животных, использовавшихся в военных целях, зависят от окружающей среды и погодных условий. Они очень чувствительны к перепадам температуры и одинаково плохо переносят как жару, так и холод. Не менее губительно для них отсутствие необходимого количества воды. В Древней Индии отлично знали о подобных слабостях огромных зверей и всегда учитывали это. Ежедневное купание слона считалось обязательным. «Первая и седьмая осьмушка дня являются временем для купания слонов», — предписывает Каутилья [А., II, 47, 31; пер. В. И. Кальянова]. Даже время проведения военной кампании в Индии выбиралось с таким расчетом, чтобы слоны не страдали от жары или недостатка воды. «Идти в поход при спадении жары, — говорится в Артахаштре, — следует тому, у кого сила главным образом в слонах. Ибо слоны, когда потеют, страдают проказой. Если они не купаются, а также не пьют, то от едкого выделения изнутри они слепнут. Поэтому, если силы состоят главным образом из слонов, надо двигаться в страну с обилием воды и во время дождей. В противном случае надо брать войско, состоящее большею частью из ослов, верблюдов и лошадей. В местности главным образом малождливые, малоболотистые и пустынные надо идти во время дождя со всеми силами, состоящими из четырех родов войск»¹⁹⁷ [А., X, 137–139, 2; пер. В. И. Кальянова]. Подобная прихотливость очень сильно ограничивала пространство, на котором могли действовать армии, имевшие в своем составе боевых слонов, а также время, когда они могли вести боевые действия.

Несмотря на 35-метровый кишечник, пищеварение слона малоэффективно. Животному необходимо не менее 24 часов, чтобы переварить съеденное. При этом слоны усваивают около 44% пищи, тогда как коровы, овцы или лошади — от 50 до 70%. Поэтому если рацион слона недостаточно богат, то гигант начинает быстро слабеть¹⁹⁸. Дикие взрослые слоны, чтобы получить необходимое количество пищи, должны питаться около 20 час. в сутки¹⁹⁹. Одомашненным животным не требуется затрат времени на поиски пропитания, поскольку они получают ее от своих погонщиков. Им нужно всего лишь съесть то, что им дают. Однако этот процесс занимает у них от 8 до 10 час. в сутки.

Согласно подсчетам некоторых современных исследователей, на одного слона требуется в день 137–159 кг фуража и 227,5 л воды²⁰⁰. Впрочем, эти цифры кажутся чрезмерно завышенными. Гораздо более объективными выглядят данные, предложенные П. Д. Арманди. По его сведениям,

для ежедневного пропитания слону необходимо приблизительно 200 фунтов (около 91 кг) травы и корней. Но этой пищи хватает лишь на то, чтобы животное не ослабело. Для увеличения сил ему дополнительно дают рис, сахар, хлеб, фрукты, а также различные тонизирующие средства, в частности перец, вино или водку²⁰¹.

Если местность, по которой предстояло пройти слонам, изобилвала растительностью, то кормление животных не представляло серьезных трудностей. Судить об этом можно на основе приводимого ниже описания, оставленного одним французским путешественником: «Ежедневный рацион слона, совершающего переход, составляют от 20 до 25 фунтов зерновой муки, которую замешивают на воде, добавляя туда один фунт *ghi*, или очищенного масла, и ½ фунта крупной соли. Из этого приготавливают галеты, каждая весом по 1 фунту, которые просто жарят на железном противне и дают животному во время двух приемов пищи. Этот рацион абсолютно необходим, чтобы слон не ослабел, когда он должен каждый день делать длительные переходы... Мучные галеты обеспечивают слону регулярную пищу, но их ему совершенно недостаточно, поэтому во время остановок он поглощает такое количество еды, которое соответствует его огромным размерам. Добавкой ему служат ветви различных деревьев, особенно *figus indica* и *figus religiosa*. Слона ведут в джунгли, где он выбирает и сам собирает ветви по своему вкусу. Он не ест их тут же на месте, но складывает себе на спину столько, сколько необходимо на день, и относит в лагерь»²⁰².

Ситуация складывалась совсем иначе, если громадным зверям нужно было продвигаться по непривычной для них территории. Нам хорошо известно, каков был рацион слонов, участвовавших в Абиссинской кампании 1868 г. Во время транспортировки на кораблях им полагалось следующее количество еды и воды:

Бобы.....	4 фунта (1800 г);
Рис или мука	20 фунтов (9 кг);
Соль	2 ½ унции (70 г);
Сено	175 фунтов (80 кг);
Вода	40 галлонов (180 л) ²⁰³ .

Характерно большое количество воды, потребляемой слоном в день. Для сравнения укажем, что мулу полагалось 5 галлонов воды в день, быку и лошади — 6, верблюду — 8. После того как экспедиция прибыла в Африку, рацион огромных животных состоял из 175 фунтов

сена, 25 фунтов муки, 2 ½ унции соли и 15 фунтов свежих древесных побегов²⁰⁴.

Из 44 слонов, принявших участие в войне, в Индию вернулось только 39. Капитан Холланд в своем рапорте сообщает, что в Абиссинии часто было очень трудно обеспечить огромных зверей необходимым количеством фуража. Именно недостаток еды и воды стал причиной гибели пяти животных²⁰⁵.

Огромное количество еды и особенно воды, требовавшееся для слонов, неизбежно увеличивало обоз, что отражалось самым негативным образом на мобильности армии, в состав которой входила элфантирия. Проблема следования обоза за армией была одной из самых деликатных из-за его медлительности и уязвимости²⁰⁶. В древности хорошо понимали все трудности, связанные с обеспечением армии. «Когда разбираются примеры Ксеркса, Дария, Митридата и остальных царей, — пишет Вегеций, — которые вооружали бесчисленные народы, то становится совершенно ясно, что чересчур огромные войска погубили себя скорее вследствие своей собственной многочисленности, чем вследствие доблести врагов. Ведь большее количество подвергается и большим случайностям: во время переходов оно в силу своей громадности более медлительно; при более растянутом строе ему обычно приходится страдать от нападения даже небольшого войска; при переходе по местностям суровым или при переходе через реки оно часто приходит в замешательство вследствие замедления, причиняемого обозом; кроме того, огромную трудность представляет заготовка фуража для многочисленных вьючных животных и верховых лошадей. Также и трудности по заготовке продовольствия, которых должно избежать при всяком походе, начинают быстро тяготить более многочисленную армию. Ведь с каким бы старанием ни были заготовлены запасы продовольствия, они тем скорее истощатся, чем большее число людей будет из них получать пропитание. Наконец, самой воды часто едва хватает для чрезмерного множества» [Veg., III, 1; пер. С. П. Кондратьева]. Нежелание чрезмерно увеличивать обоз ограничивало численность выступившего в поход войска более, нежели недостаток людских или финансовых ресурсов. Можно высказывать различные предположения, почему Антиох III высадился в Элладе (191 г. до н. э.) с армией, состоявшей всего из 10 000 пехоты, 500 всадников и 6 слонов, однако нелишним будет вспомнить, что флот, перевозивший эти силы, насчитывал 40 крытых кораблей и 60 беспалубных, за которыми следовало 200 грузовых судов с провизией и военным снаряжением [Liv., XXXV, 43, 3].

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ

Какова максимальная продолжительность жизни слонов — в точности не известно даже сегодня. Еще в конце XIX в. считалось, что слон живет от 100 до 120 лет²⁰⁷. Однако на самом деле мы можем сказать с уверенностью о продолжительности жизни только тех животных, которые родились в неволе или были пойманы в детстве. Слон Раджа, о котором упоминалось выше, последний из группы животных, завезенных на Андаманские острова для перевозки леса. Его возраст составляет 62 г.²⁰⁸ Однако он не самый старый из известных сегодня слонов. Долгожителями среди четвероногих гигантов считаются азиатская слониха Джесси, которая умерла в *Taronga Zoological Park* в Сиднее в Австралии в конце 1930-х гг. в возрасте от 66 до 77 лет, и самец азиатского слона, тоже Раджа, бывший в течение 50 лет постоянным участником ритуальных церемоний в Канди в Шри-Ланке; он умер в 1988 г. в возрасте 82 лет²⁰⁹.

Вообще слон может жить до тех пор, пока ему позволяют это его зубы. У слонов имеются 4 коренных зуба. По мере изнашивания старые зубы заменяются новыми, которые вырастают не на прежнем месте, а дальше на челюсти. Известно, что за свою жизнь слоны сменяют 6 наборов коренных зубов. Как показали проведенные исследования, шестая смена зубов вырастает к 25–30 годам, а к 60 практически полностью изнашивается²¹⁰. После этого слон не может больше пережевывать пищу, вследствие чего со временем умирает²¹¹. Поэтому в настоящее время считается, что средняя продолжительность жизни слона приблизительно такая же, как у человека, т. е. около 70 лет. В природе, конечно же, слоны практически никогда не доживают до этого возраста²¹².

ГЛАВА II
СЛОНЫ НА ДРЕВНЕМ ВОСТОКЕ.
АНТИЧНЫЕ СВЕДЕНИЯ
О СЛОНАХ

*Indicum Afri pavent nec contueri audent,
nam et major Indicis magnitudo est.*

C. Plinius Caecilius Secundus (Major). «Naturalis historia», VIII, 27

*Африканские слоны боятся индийских
и даже не отваживаются смотреть на них,
ведь индийские слоны более крупного размера.*

Плиний Старший. «Естественная история», VIII, 27

НАИБОЛЕЕ РАННИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О СЛОНАХ, ПРОИСХОДЯЩИЕ ИЗ ЕГИПТА И МЕСОПОТАМИИ

На Древнем Востоке люди познакомились со слонами достаточно рано. На Африканском континенте, как уже отмечалось выше, эти животные обитали на всем северном побережье, в частности, в Гетулии, занимавшей южную часть современного Марокко и запад Сахары [Juvenal., X, 157], территории к западу от р. Тритона [Herod., IV, 191], в восточной Тингитане [Plin., NH, V, 18], Нумидии [Polyb., XII, 3, 5; Plin., NH, V, VIII, 32; Frontin., IV, 7, 18; Flor., II, 13], а также на побережье Красного моря, в стане троглодитов и Эфиопии. Египетский иероглиф в виде слона появляется с начала V династии и служит для обозначения острова Элефантина, находившегося у подножья первого порога Нила²¹³.

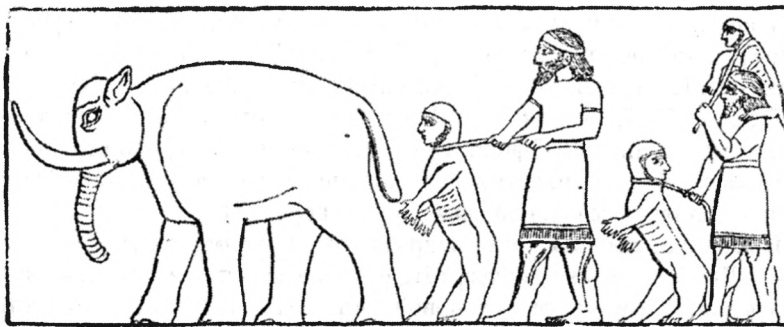
В Африке слоновая кость издревле была предметом торговли. Если верить Диодору, то уже Сенусерт III, победив эфиопов, заставил их выплачивать дань, в том числе и слоновой костью [Diod., I, 55, 1]. Неизвестный автор Перипла Эритрейского моря сообщает о большом рынке слоновой кости в городе Колоэ в государстве Аксум. Согласно его утверждению, наибольшая часть слонов обитала внутри страны, хотя их можно было увидеть также и в окрестностях Адулиса [Perpl., 4].

Самые ранние скульптурные изображения слона датируются временами XVIII династии. Надпись на стеле Тутмоса III (1490–1436 гг. до н. э.) из Напаты на южной границе современного Египта сообщает, что во время одного из своих походов в Азию фараон убил 120 слонов в горном районе близ города Ния, который находится в верховьях Евфрата. Здесь, на стыке Месопотамии в собственном смысле слова и Сирии, располагалась область, менее других обжитая человеком, и именно там обитали дикие слоны²¹⁴.

Жителям Месопотамии, как и египтянам, слоны были известны с давних времен. Ассирийцы часто охотились на них²¹⁵. Три с половиной века спустя после похода Тутмоса в тех же самых местах, между Нарраном и Хабуром, ассирийский царь Тиглатпаласар I (1115–1076 гг. до н. э.) убил 10 огромных четвероногих²¹⁶.

На ассирийских барельефах слоны изображаются неоднократно. Достаточно вспомнить знаменитый Черный обелиск Салманасара III

(857–822 гг. до н. э.)²¹⁷, где среди различных зверей, приведенных царю в качестве дани, представлен также и слон²¹⁸. На так называемой «Призме Тейлора»²¹⁹, содержащей «Анналы» Синаххериба, также есть интересное свидетельство, касающееся слонов. Во время своего третьего похода Синаххериб осадил Иерусалим и заставил правившего там Хиакию просить мира. В числе дани, которая должна была быть уплачена ассирийцам, названы ложа из слоновой кости, «высокие троны из слоновой кости», кожи слонов и слоновая кость²²⁰. Однако несомненно, что ни египтяне, ни ассирийцы даже не пытались одомашнить слона, не говоря уже об использовании его в качестве боевого средства.

Принесение дани Салманасару III. Деталь Черного обелиска
(Линин Л., Белов А. Глиняные книги. Л., 1956. С. 156)

В Сирии и Месопотамии слоны стали исчезать в достаточно ранний период. Считается, что одной из основных причин этого было изменение климата, который сделался более сухим²²¹. Возможно также, что на сокращение популяции слонов сильнейшее влияние оказала деятельность человека, охотившегося на них ради слоновой кости, а затем уже и отлавливавшего их для военных целей.

БОЕВЫЕ СЛОНЫ В ВОЙСКАХ ИНДИЙЦЕВ

Первыми, кто вывел слонов на поля сражений, несомненно, были индийцы. Санскритские тексты, датируемые приблизительно 1500 г. до н. э., показывают, что в Индии знакомство со слонами имело длительную историю. В это время слоны были уже одомашнены²²². Кажется вполне естественным, что могучие звери пришли на помощь человеку, когда тому

потребовалось возводить здания, перетаскивать тяжелые грузы, валить деревья и выполнять множество других трудоемких работ. Идея, состоявшая в том, чтобы направить силу животных на уничтожение себе подобных, должна была зародиться сама собой. Вероятно, уже в конце II тыс. до н. э. индийцы обзавелись боевыми слонами, во всяком случае, согласно дошедшим до нас сведениям источников, известно, что по крайней мере один слон был убит в битве, состоявшейся в 1100 г. до н. э.²²³

Античное свидетельство об одном из ранних случаев использования боевых слонов индийцами сохранилось у Диодора Сицилийского. Речь идет, скорее всего, о вымышленном походе ассирийской царицы Семирамиды против индийского царя Стабробата. Чтобы обмануть индийцев, Семирамида приказала изготовить из набитых соломой бычьих шкур искусственные подобия слонов. Внутри каждого из таких манекенов находился управлявший им всадник на верблюде.

Приготовления ассирийцев заняли два года. Когда между враждующими армиями произошло генеральное сражение, уловка Семирамиды поначалу принесла ей успех, и лошади индийцев поскакали вспять, напуганные неизвестным запахом, исходившим от искусственных слонов Семирамиды. Однако затем Стабробат ввел в бой настоящих слонов, и они посеяли панику среди ассирийцев. В результате Семирамида потерпела сокрушительное поражение и потеряла две трети своей армии [Diod., II, 16, 8–19].

Не только сила слонов, но также их размеры стали причиной их участия в войнах. Ритуальный аспект военных действий, когда в авангарде армии шествует ряд слонов, имел очень большое значение. Военачальник, располагавший боевыми слонами, должен был обладать психологическим преимуществом над противником, в армии которого их не было. Впечатление от вида слонов, украшенных попонами и стоящих в тесном ряду, в большинстве случаев делало ненужным их активное участие в бою. Могущество индийского государя определялось количеством четвероногих гигантов, которых он был способен вывести на поле сражения²²⁴. Чем больше их было в армии, тем могущественнее считался ее предводитель²²⁵. Слон был престижным животным, одним из символов божественной силы, которой наделялся его хозяин²²⁶. Вероятно, именно этим объясняется развитие практики выплачивать дань слонами²²⁷.

Отдельные сообщения античных авторов говорят, что некоторые индийские государи располагали сотнями и даже тысячами боевых слонов. Согласно Курцию Руфу, у царя гангаридов и прасиев было 3000 огромных зверей [Curt., IX, 2; 4]. Плутарх, утверждает, что эти народы могли выставить на поле боя 6000 животных [Plut., Alex., 62]. Согласно Плинию, у правителя гангаридов было 60 000 пехоты, 1000 всадников и 700 слонов [Plin.,

НН, VI, 66]; царь модогаалингов имел в своем распоряжении 50 000 пехоты 4000 кавалерии и 4000 слонов; у царя андаров было 100 000 пехоты 2000 всадников и 1000 слонов [Plin., NH, VI, 67]; дарды, которых называли иначе палиботрами, могли выставить 600 000 пехотинцев, 30 000 конницы и 9000 слонов; у царя мегалов было 500 слонов; царь крисенов, парасангов и асмогов содержал 30 000 пехоты, 800 всадников и 300 слонов [Plin., VI, NH, 73]; у царя опатов было всего 10 слонов; у одонбаеоров и сагабастров было 150 000 пехотинцев, 5000 всадников и 1600 слонов; царь хармов считался беднее остальных и имел только 600 слонов, образовывавших основную часть его воинских сил, а остальные роды войск были представлены лишь незначительными отрядами. Наконец у царицы пандов было 150 000 пехоты и 500 слонов [Plin., NH, VI, 76]²²⁸.

Слоны, обитавшие в различных областях Индии, различались по своим качествам. «Лучшие слоны — из стран Калинга и Анга, восточные и из Каруша, — сообщает Каутилья, — Средними считаются западные и из Дашарны. Слоны из Саураштры и Панчанады считаются хуже их» [А., II, 20, 2; пер. В. И. Кальянова].

В Индии для содержания слонов разводили специальные леса, отделенные от джунглей [А., VII, 118, 14]. Существовала даже особая должность надзирателя за лесом для слонов, в подчинении у которого был целый штат погонщиков, охотников и лесников. «Надзиратель за лесом для слонов, расположенным на горе, у реки, озера и водопоя, (лесом), границы, ходы и выходы которого должны быть ему известны, должен охранять его при помощи сторожей этих лесов» [А., II, 20, 2; пер. В. И. Кальянова]. Того, кто убивал слона, живущего в таком лесу, сторожа должны были убить [А., II, 20, 2]; поджигателя леса предписывалось сжечь живьем [А., V, 86, 11]. Если кто-либо дразнил слона и был убит пришедшим в ярость животным, то такая смерть считалась «благодатной». Родственник убитого должен был в этом случае пожертвовать для слона около 14 кг еды, «сосуд с питьем, венок, благовония, а также ткань для вытирания бивней» [А., V, 88, 13; пер. В. И. Кальянова].

Обязанности служителей, находившихся в распоряжении надзирателя, были следующими: «Сторожа лесов для слонов совместно с погонщиками слонов и с теми, кто стреноживает слонов, пограничниками, лесниками и слугами, распространяя запах от намазанного слоновьего кала и мочи и прикрывшись ветвями бхаллатаки, бродя вместе с пятью или семью обученными ловле самками слонов, должны, примечая следы ночлега и стоянки слонов, оставленный ими кал, разрушенные берега (водопоев), узнавать логово семьи слонов. Они должны узнавать с достоверностью, стадный ли это слон или одиночка, изгнанник ли он из стада или вожак стада, клыкастый,

дикий, обезумевший от страсти, юный или освободившийся от пут. Они должны ловить слонов, имеющих благоприятные признаки и добрый нрав по свидетельству дрессировщиков» [А., II, 20, 2; пер. В. И. Кальянова].

Отлов слонов предписывалось производить в летнее время [А., II, 47, 31]. Пойманных животных держали в специальных вольерах. Отвечал за их содержание надзиратель за слонами. «Надзиратель за слонами должен ведать охраной лесов, в которых содержатся слоны, а также иметь сведения о размерах помещений, в которых содержатся слоны-самцы, самки и детеныши, о размерах отдельных стойл, мест для лежания, о работах, исполняемых слонами, о корме, об обучении (слонов) для работ, о принадлежностях их упряжи, о боевых приспособлениях, украшениях, равно как и о всем штате ветеринаров, дрессировщиков и прислуги» [А., II, 47, 31; пер. В. И. Кальянова].

Каутилья дает самые подробные инструкции относительно того, как нужно обустроить место содержания слона. «Отдельное стойло следует устраивать соответственно длине слона. Оно должно быть четырехугольным, иметь пол из гладких досок со столбом (для привязывания). Также должно быть место, где бы слон мог мочиться и испражняться. Место для лежания слона должно быть равным месту для стояния с половинной высотой. В укрепленных городах могут содержаться боевые и верховые слоны. Такие же, которые должны быть еще обучены, и совсем дикие должны содержаться вне города» [А., II, 47, 31; пер. В. И. Кальянова].

При слонах состоял особый штат прислуги, куда входили ветеринары, дрессировщики, погонщики, «знатоки пород», конюхи, люди, приготавливавшие корм, «собиратели кормовой травы», люди, «связывающие слонам ноги», уборщики стойл, ответственные за помещения, где спят слоны, и др. [А., II, 48, 32].

Любые действия, которые могли нанести вред здоровью животных, строго наказывались. «Содержание помещения в нечистоте, упущение в кормлении, допущение, чтобы слон лежал на сухом (твердом) месте, удар по неподобающим частям тела, допущение чужих взбираться на слона, вывод (слона) в ненадлежащее время, пуск в неподобающем месте в воду, там, где нет надлежащего спуска (или брода), и допущение того, чтобы слон попал в густые заросли, — вот случаи, при которых налагается штраф. Последнее вычитается из жалования и довольствия прислуживающих лиц» [А., II, 48, 32; пер. В. И. Кальянова].

Индивидуальным качествам отдельных животных в Индии уделялось большое внимание. Считалось, что небольшое количество храбрых слонов гораздо полезнее в бою, чем масса «тупых». «...Если выбирать между лесами со многими тупыми или немногими храбрыми слонами,

то лучше лес, в котором немного храбрых слонов. Ведь битва решается храбрыми животными. Немногие храбрые (слоны) разобьют многих трусливых, а последние, будучи разбиты, приведут к гибели войска. Таково мнение учителей» [А., II, 48, 32; пер. В. И. Кальянова]. Каутилья выступает против подобной доктрины и за присутствие в войске большого количества слонов, пусть даже их боевые качества будут не самыми хорошими. «Лучше много тупых слонов... (Многочисленные слоны) являются опорой для своих в битве, их трудно преодолеть врагам, и они вызывают страх. Ведь многим тупым (слонам) можно привить мужество посредством обучения. Немногим же храбрым слонам нельзя привить многочисленность» [А., VII, 116, 12; пер. В. И. Кальянова].

Жители некоторых государств Восточной Индии считались наиболее умелыми дрессировщиками боевых слонов. Особенно этим искусством славились анги²²⁹. В «Махабхарате» они представлены сражающимися главным образом на слонах, в отличие от многих других индийских племен, главным видом войск у которых были колесницы. Анги называются «умелыми слоновыми наездниками», их царь — «весьма искусным в обучении слонов», а его отец — «наставником», чье «наставничество», очевидно, состояло в передаче этого древнего искусства [М., VIII, 17, 11–19]²³⁰.

В бою индийский государь часто сражался верхом на гигантском звере. Поэтому среди разнообразных наук, которые постигали индийские царевицы, были верховая езда на слоне [М., I, 62, 10–14] и искусство обучения слонов [М., I, 102, 13–23].

Идеальная индийская армия называлась *акшаухини* и состояла из четырех родов войск: пехоты, конницы, колесниц и слонов. Какова была его организация, нам сообщает «Махабхарата»: «Одна колесница, один слон, пять пеших воинов и трое коней учеными называется “патти”. А утроенное патти мудрые называют “сенамукха”. Три сенамукхи называются “одна гулма”; три гулмы имеют название “гана”, а три “ганы” — “вахини”. Три вахини считаются учеными “притана”, а три пританы — “чаму”; три чаму — “аникини”, а утроенное аникини ученые называют “акшаухини”. Число колесниц акшаухини... согласно (утверждению) знатоков исчислений, составляет двадцать одну тысячу восемьсот семь. Количество слонов может быть определено таким же. Должно знать... что (число) пехотинцев составляет сто девять тысяч триста пятьдесят; а коней здесь определяют численностью в шестьдесят пять тысяч шестьсот десять. Это — то, что люди, сведущие в исчислении, называют акшаухини...» [М., I, 2, 15–28; пер. В. И. Кальянова]²³¹.

На поле боя слон действовал не один. За животным следовал отряд пехотинцев, называвшихся «стражами стоп» [М., VIII, 13, 9–15; 15, 5–10].

Задача стражей заключалась в том, чтобы защищать слона от нападений снизу. Иногда эта функция была возложена на другие роды войск, в частности, на колесничных бойцов. Так, например, герой Викарна восседал на слоне, которого сопровождали четыре колесницы, охранявшие ноги животного [М., IV, 60, 7–11]. Какова была обычная численность таких охранных отрядов, в точности неизвестно. Каутилья, предписывает одного слона или колесницу прикрывать 15 пехотинцами, а всадника — тремя [А., X, 155–157, 5]²³².

Полагаясь на свидетельства «Махабхараты», можно утверждать, что слоны часто играли решающую роль на поле боя²³³. О том, что победа над врагом зависит прежде всего от слонов, говорят и другие индийские источники²³⁴. «...Победа царя главным образом опирается на слонов, — утверждает Каутилья, — ибо слоны, обладающие огромнейшим телом, сокрушают войска, крепости и лагеря войск и исполняют дела, опасные для жизни» [А., II, 20, 2; пер. В. И. Кальянова]²³⁵.

Согласно Каутилье, слонов надлежало размещать в боевом построении на расстоянии в 10–15 шама, что составляет приблизительно 250–375 см [А., X, 155–157, 5]. Очевидно, таким было минимально возможное расстояние между животными. Однако его можно было увеличивать в соответствии с тактической необходимостью. Так, в битве при Гидаспе Пор поставил своих слонов в одну линию впереди строя пехоты на расстоянии друг от друга не менее плетра (30,83 м) [Агг., Anab., V, 15, 5].

Главная задача, которая возлагалась на слонов, заключалась в прорыве неприятельского боевого порядка. Для этой цели их могли размещать в центре, на флангах ставить колесницы, а кавалерию — на крыльях, замыкавших боевую линию. Пехота, очевидно, должна была находиться позади. Такой строй назывался «разбивающий центр» [А., X, 155–157, 5] или «непобедимым» [А., X, 158–159, 6]. Насколько мы можем судить, основываясь на сведениях античных источников, именно так была построена индийская армия в сражении при Гидаспе. Диодор следующим образом описывает диспозицию армии индийского царя: «Пор, узнав, что враги находятся поблизости, сразу же выстроил свое войско; всадников поместил на флангах, а слонов, в их грозном воинском уборе, с фронта, на равных промежутках друг от друга. Между животными он расставил пехотинцев, которым было приказано помогать животным и препятствовать стрельбе с боков. Вся расстановка в целом напоминала укрепленный город: слоны стояли, как башни; солдаты между ними играли роль простенков» [Diod., XVII, 87, 4–5; пер. М. Е. Сергеенко]. Рассказ Арриана еще более соответствует модели Каутильи: «За слонами стояла у него пехота, расположенная

по этой второй линии так, что отдельные отряды можно было быстро выдвинуть между животными. На флангах стояла тоже пехота; по обеим сторонам ее выстроена была конница, и перед ней с обеих сторон находились колесницы» [Агг., Anab., V, 15, 5; пер. М. Е. Сергеевко].

Если слонов размещали на флангах, то это построение называлось «разбивающим фланги» [А. X., 155–157, 5]. Строй мог быть образован исключительно из слонов. При этом боевых животных размещали в центре, на флангах — ездовых слонов, а замыкали построение дикие слоны [А. X., 155–157, 5]. При смешанном построении центр образовывали колесницы, конница стояла на флангах, пехота — на крыльях, а слоны — сзади. Если центр образовывала пехота, фланги конница и колесницы, а слоны располагались в тылу, то такой строй назывался «неподвижным» [А., X, 158–159, 6]. В любом случае бросать слонов в атаку надлежало только тогда, когда противник стоял плотным строем и на позиции, удобной для нападения [А., X, 150–153, 3].

Слоны часто должны были играть роль заградительного барьера на пути наступающего врага (прежде всего его слонов). Каутилья рекомендует царю, у которого мало слонов, образовывать в центре армии заслон из обозных животных (мулов, верблюдов) и телег [А., X, 153–154, 4]. Слоны при этом должны были занимать позицию на флангах, а конница — стоять в тылу. Такой строй назывался «надежным» [А., X, 158–159, 6].

По Каутилье, действия слонов на поле сражения были во многом идентичны действиям конницы, на которую возлагалось выполнение следующих тактических задач: «первая атака неприятеля; обходы с боков и тыла; прорыв в центре; преднамеренный отход; разрушительный набег; окружение; глубокие обходы (обхваты); отсечение с последующим окружением; ...преднамеренный отход для того, чтобы заманить врага и ударить вновь; поворачивание назад (своих частей перед лицом неприятеля); защита разбитых с фронта (спереди), с флангов (боков) и с тыла; преследование разбитого противника» [А., X, 155–157, 5]. В отличие от кавалерии, слоны не могли действовать лишь рассыпным строем, зато, в дополнение ко всему, они осуществляли «уничтожение четырех родов войска по отдельности или вместе; разрушение центра, флангов и крыльев; атаки на слабые места; ночные атаки на спящих» [А., X, 155–157, 5]. При осуществлении последней задачи Каутилья предписывает закутывать слонам ноги кожей или материей, что должно было сделать поступь огромных зверей менее шумной [А., X, 150–153, 3].

Анализ описаний сражений в «Махабхарате» показывает, что, в соответствии с традиционными правилами боя и «кодексом чести», в бой друг с другом должны были вступать одинаковые виды войск:

пехотинцы бились с пехотинцами, войны на колесницах — с воинами на колесницах, а слоны — со слонами противника²³⁶. Примером того, как происходило единоборство всадников на слонах, может служить рассказ о поединке Бхиме и Кшемадхирити: «Их слоны, грозные обликом, подобные двум огромным лесистым горам, сами завязали друг с другом бой. А те два героя, когда слоны их схватились меж собой, принялись, громко крича, изо всех сил разить друг друга сверкающими, как солнечные лучи, дротиками. Затем, разойдясь, стали они описывать на своих слонах круги и, взяв луки, разить друг друга (стрелами)... Оба, могучие и искусные, бились они на слонах, а слоны задирали хоботы, и ветер развеивал флаги на их спинах» [М., VIII, 8, 25–41; пер. Я. В. Василькова, С. Л. Невелевой].

Впрочем, часто в пылу сражения «кодекс чести» нарушался, и картина боя становилась совершенно другой: «...Те слоны в лютой ярости крушили хоботом и топтали ногами людей, коней и колесницы, остриями бивней пронзали (врагов) или, поддев, бросали (на воздух), а некоторые, видом своим вселяя ужас, бродили (по полю) с обвисшими у них на бивнях (трусами)... Слоны налетали на конных, многих из них швыряли наземь и таскали, свирепые, из стороны в сторону; или же, гоня множества конных перед собою, те необычайной силы слоны одних пронзали бивнями, других безжалостно топтали. Одних коней вместе с всадниками они в пылу битвы поражали бивнями, а других, могучие, поднимая (на воздух), с силой швыряли наземь. И сами те слоны, которых со всех сторон пешие воины разили в их уязвимые места, издавали устрашающие, исполненные муки вопли и бежали прочь во всех десяти направлениях» [М., VIII, 17, 5–10; 19, 49–56; пер. Я. В. Василькова, С. Л. Невелевой].

АНТИЧНЫЕ СВЕДЕНИЯ О СЛОНАХ

В Греции вплоть до VI в. до н. э. о слонах не знали практически ничего. Однако слоновая кость и изделия из нее были хорошо известны²³⁷. Возможно, первым из эллинов, кто имел возможность увидеть слонов живьем и поведать об этом своим соплеменникам, был Скилак Кариандинец. Согласно утверждению Геродота, он вошел в состав исследовательской экспедиции, организованной персидским царем Дарием I, с целью узнать, где Инд впадает в море [Herod., IV, 44]. Считается, что впоследствии сведениями Скилака воспользовался Гекатей Милетский²³⁸.

Совершенно точно, что основные сведения о слоне стали известны грекам через посредство Ктесия Книдского, написавшего сочинения

по истории Персии и Индии. Сам Ктесий в Индии не был и свои труды создавал, основываясь по большей части на рассказах путешественников [Phot., 45a, 51]. Поэтому некоторые из его описаний кажутся недостоверными и фантастическими. Согласно утверждению Ктесия, индийцы использовали слонов в качестве верховых животных во время охоты на чудовищного зверя, которого он называет «мартихора» [Phot., 45a, 15]. Павсаний полагает, что это существо — тигр [Paus., IX, 21, 4]. Ктесий сообщает также и о боевом использовании громадных четвероногих. Согласно его утверждению, когда индийский царь идет на войну, то он берет с собой 100 000 слонов и 3000 других, очень больших и сильных, которые обучены разрушать стены вражеских городов [Aelian., Nat. an. XVII, 29 = Phot., 45b].

Первым из греческих ученых, кто смог тщательно изучить слона, был, как уже отмечалось, Аристотель²³⁹. П. Д. Арманди полагает, что это стало возможно благодаря тому, что во время своих походов Александр постоянно присылал ему для изучения редкие виды животных из тех стран, которые завоевывал²⁴⁰. Поэтому он мог отправить в Грецию тех слонов, которые попали в руки македонян после победы, одержанной при Гавгамелах. По мнению других исследователей, Аристотель получил точное описание слона от людей, воочию видевших огромного зверя²⁴¹. Одним из них мог быть его племянник Клисфен, который находился в Вавилоне и, очевидно, встречался с халдейскими астрономами²⁴². Часть сведений ученый почерпнул из трудов Ктесия а другую — из сочинений Онесикрита и Неарха²⁴³. Естествоиспытатели Нового времени высоко оценили описание слона, сделанное Аристотелем, и отметили, что оно более точно, чем то, которое сделал Ж.-Л. Бюфон²⁴⁴.

Как и нынешние ученые, древние знали о существовании двух видов слонов: индийского и африканского, или ливийского. Однако классификация подвидов четвероногих гигантов в древности была отлична от современной. Насколько мы можем судить по дошедшим до нас свидетельствам, в древности различали три «подвида» индийского слона: болотный, горный и равнинный [Philostrat., II, 12]. О нравах каждой из этих пород сообщает Филострат: «слонов, выловленных на болотах, индусы считают скудоумными и слабосильными, горных — злонравными, коварными и недоступными приручению, кроме как по собственной их воле; а вот слоны с равнины якобы и добродушны, и покорны, и к подражанию склонны — они и пахут, и пляшут, и бьют ногами оземь в лад со свирелью» [Philostrat., II, 13; пер. Е. Г. Рабинович]. Вопреки утверждению Филострата, Каутилья свидетельствует о том, что индийцы приручали и слонов из горных

областей. Их отличительным свойством был более медленный по сравнению с другими подвидами рост бивней. Поэтому если слонам, происходившим из речной местности, бивни обрезали каждые 2½ года, то горным слонам — каждые 5 лет [A., II, 48, 32].

Что касается африканских слонов, то неясно, видели ли в них древние какие-либо отличия, позволявшие причислять их к различным подгруппам. Клавдий Элиан называет слона, жившего у отца Ююбы, ливийским, а слона Птолемея Филадельфа — эфиопским [Aelian., Nat. an., IX, 58]. Однако Полибий в рассказе о битве при Рафии называет египетских слонов, которые, несомненно, были отловлены в Эфиопии, ливийскими. Таким образом, представляется, что названия слонов «ливийские», «эфиопские», а также «гетульские»²⁴⁵ или «троглодитские» указывают не на подвид, а на место обитания животных²⁴⁶.

Греки и римляне знали об удивительных умственных способностях слонов и считали даже, что они обладают почти человеческим разумом [Strab., XV, 1, 29]. В античной литературе сохранилось много рассказов, говорящих об уме и «смекалистости» этих животных [Philostrat., II, 15]. «Я сам видел слона, — сообщает Арриан, — играющего на кимвалах, и других — танцующих, видел, как пара кимвалов была приложена к двум передним его ногам, а к так называемому хоботу еще третьи кимвалы. И он попеременно ритмично ударял хоботом по кимвалам, находящимся на каждой его ноге; другие же танцевали, ведя вокруг него хоровод, поднимая и сгибая передние ноги попеременно и ритмично; и так они двигались, как будто бы играющий на кимвалах был их руководителем» [Arr., Ind., 14, 5–6; пер. О. В. Кудрявцева]. «Слон, — утверждает Флавий Филострат, — лучше всех прочих животных поддается приручению и, будучи хоть раз приневолен служить человеку, затем все готов от него снести, выказывая ему всяческое повиновение и ревностную любовь, так что с радостью, подобно малому щенку, берет пищу из человеческих рук, а подошедшего хозяина ласкает хоботом и позволяет ему даже класть голову себе в глотку, держа рот открытым сколько потребуется» [Philostrat., II, 11; пер. Е. Г. Рабинович]. Страбон передает, что слоны так легко дрессируются, что их обучают даже метать в цель камни, пользоваться оружием и ходить под ярмом [Strab., XV, 1, 43]. Во время сражения некоторые слоны выносили из боя своих раненых корнаков [Strab., XV, 1, 42]. Эта информация подтверждается Аррианом: «Слон — наиболее разумное животное из всех; некоторые из них, подняв своих вожakov, убитых на войне, уносили, чтобы похоронить; другие прикрывали собой, как щитом, лежащих на земле, иные сами подвергались опасности, защищая упавших; а иной из них,

в раздражении убив своего жоака, умирал от раскаяния и печали» [Агг., Ind., 14, 4; пер. О. В. Кудрявцева]²⁴⁷.

В древности было придумано множество невероятных рассказов, касающихся продолжительности жизни слонов. Аристотель полагал, что слон живет от 120 до 200 лет [Arist., Hist. an., IX, 235–236]. Другие авторы считали, что слоны живут 200 и более лет [Plin., NH, VIII, 28; Strab., XV, 1, 43]. Согласно Онесикриту, некоторые животные доживают до 500 лет, а в 200 лет они только достигают расцвета своих физических сил [Strab., XV, 1, 43]. Если верить Флавию Филострату, то Аполлоний Тианский во время своего путешествия по Индии будто бы видел слона, который когда-то сражался в войске Пора против Александра Великого [Philostrat., II, 12]. В подтверждение версии о необычайной продолжительности жизни слонов Филострат приводит слова бывшего нумидийского царя Юбы, якобы своими руками поймавшего слона, на бивне которого было тавро, сделанное 400 лет назад [Philostrat., II, 13]. Клавдий Элиан, также ссылаясь на Юбу, сообщает о слонах, проживших несколько столетий, в числе других он упоминает индийского слона по имени Никанор, принадлежавшего Селевку I, который дожил до времени правления Антиоха III [Aelian., Nat. an., XI, 25]. Последнее сообщение не кажется фантастическим и вполне может соответствовать действительности, если мы допустим, что Никанор попал к Селевку в возрасте 20–25 лет, где-то в 80-е III в., то к началу правления Антиоха он мог достичь 85-летнего возраста, что, конечно, случается не часто, но вполне возможно.

В античности знали, что слоны могут размножаться в неволе. Хорошо известно, что в армии Пирра во время его италийского похода была слониха со слоненком, не более четырех лет от роду²⁴⁸. Поскольку индийцы не отлавливали беременных или кормящих слоних, то, скорее всего, слоненок родился уже после того, как его мать лишилась свободы, при этом его рождение произошло не позднее чем за 2–3 года до начала войны в Италии (281 г. до н. э.). Элиан утверждает, что Птолемею II Филадельфу был подарен слоненок, который понимал греческий язык, так как «был воспитан там, где говорят по-гречески» [Aelian., Nat. an., XI, 25]. Согласно тому же автору, слоны, принявшие участие в зрелищах, устроенных Германиком, родились в Риме [Aelian., Nat. an., II, 11]. Б. Додж даже полагает, что римляне могли специально разводить слонов в Сирии²⁴⁹. Впрочем, такое вряд ли было возможно, поскольку разведение громадных четвероногих никогда не практиковалось даже в Древней Индии²⁵⁰. Объясняется это тем, что слоны становятся пригодны к выполнению различных работ начиная приблизительно с 15 лет, поэтому легче поймать уже подросшее животное и обучить его за несколько месяцев, чем ждать, пока оно вырастет.

ПОЧЕМУ ГРЕКИ И РИМЛЯНЕ СЧИТАЛИ, ЧТО ИНДИЙСКИЙ СЛОН БОЛЬШЕ АФРИКАНСКОГО?

Вопрос, который мы бы хотели осветить в данном разделе, представляется нам принципиально важным для понимания всей военной истории слонов. Греки и римляне были абсолютно уверены, что африканские слоны значительно уступали по своим природным качествам индийским. Считалось даже, что их одолевал необоримый страх при встрече с азиатскими собратьями [Plin., NH, VIII, 27]. Античные авторы объясняли это тем, что индийский слон был гораздо крупнее африканского [Polyb., V, 84, 5; Liv., XXXII, 39, 13; Plin., NH, VIII, 27; Diod., II, 42, 1–2; App., Syr., 31; Strab., XV, 1, 43]. «Насколько ливийский слон больше нисейского жеребца, настолько же индийские слоны больше ливийских», — утверждает Филострат [Philostrat., II, 12; Пер. Е. Г. Рабинович].

Подобное заблуждение продержалось достаточно долго, и еще П. Д. Арманди не высказывал никаких принципиальных возражений по этому поводу. Однако к началу XX в. было установлено, что соотношение размеров двух видов слонов прямо противоположно тому, что полагали древние. Это противоречие между сообщениями античных авторов и нашими сегодняшними знаниями о различных видах слонов может быть объяснено следующим образом:

1. Более крупные размеры индийских слонов — это прочно укоренившееся в древности заблуждение, топос, не имеющий под собой реальных оснований.
2. Значение имели не столько размеры, сколько лучшая выучка индийских слонов, которая достигалась благодаря сохранению в Индии многовековых традиций дрессировки этих животных.
3. В древности в военных целях использовали только особый подвид африканского слона, который действительно был меньше индийского.
4. Африканские боевые слоны были меньше азиатских, но это определялось не их принадлежностью к особому подвиду, а исключительно возрастом.

Существует большая вероятность того, что идею о превосходстве индийских слонов над африканскими первым выдвинул Аристотель. Подобное убеждение могло зародиться у него под влиянием распространенного представления о том, что все, происходящее из Индии, должно быть больше и лучше того, что порождается другими странами²⁵¹.

Именно поэтому греки считали, например, индийцев очень высокими. Согласно сохранившемуся фрагменту сочинения Архелая Каппадокийского, большой рост позволял индийцам сидеть на слонах подобно тому, как обычные люди сидят на лошадях²⁵².

Возможно, что искаженное представление о размерах животных утвердилось благодаря Полибию, оставившему единственное сохранившееся до нас описание противоборства африканских и индийских слонов, произошедшее в битве при Рафии. Но сам Полибий свидетелем этого исторического события не был и в лучшем случае мог только слышать о нем от участников²⁵³. Впрочем, живая и наглядная картина, нарисованная им, позволяет предположить, что он мог видеть бои слонов на цирковой арене в Риме, поскольку после битвы при Пидне в распоряжении римлян как раз находились слоны как азиатского, так и африканского видов²⁵⁴. Но каков бы ни был результат столкновения животных на цирковой арене, он был не важен для историка, знавшего о том, чем оно закончилось под Рафией. Для него главным было увидеть, как слоны дерутся друг с другом, чтобы включить затем рассказ об этом в свою «Историю».

Что касается результата боя слонов под Рафией, то здесь, на первый взгляд, и не должно было быть каких-то сомнений: египетские слоны были побеждены, они либо пали на поле сражения, либо были захвачены противником²⁵⁵. Отсюда напрашивался сам собой вывод: индийские слоны крупнее и сильнее африканских.

Описание Полибия могло оказать сильнейшее впечатление на последующих античных авторов, и определенно повлияло на современных исследователей. Первые не сомневались в превосходстве азиатского вида над африканским, а вторым необходимо было найти приемлемое объяснение расхождений сведений древних писателей с данными науки Нового времени. Вместе с тем неудачные действия египетских слонов против сирийских могли быть вызваны причиной, совершенно не касавшейся физических различий, существовавших между животными. Говоря о битве при Рафии, не стоит недооценивать фактор численного превосходства: на том фланге, где Антиоху III удалось одержать верх, у него было в 1,5 раза больше слонов, чем у противника (60 против 40). Даже если бы мы предположили, что физические качества животных той и другой стороны были совершенно одинаковы, то и тогда шансов на победу в столкновении у сирийцев было бы гораздо больше: ведь они могли выставить против каждой пары египетских слонов трех своих. То же самое можно сказать и о соотношении воинов в башнях на спинах животных: имея численное преимущество, сирийцы могли не только с успехом уничтожать солдат противника, но и наносить тяжелые раны его слонам.

Полибий сам противоречит собственному утверждению о врожденной боязни, которую испытывают африканские слоны при встрече с индийскими, когда сообщает, что именно слоны Птолемея первыми бросились на врагов. К тому же на противоположном фланге обеих армий, где численное превосходство в слонах у сирийцев было не столь велико (42 против 33), им, как кажется, не удалось добиться быстрого успеха. Эхекрат, командовавший египетскими силами на правом фланге, по утверждению Полибия, наблюдал за схваткой слонов, происходившей на левом крыле египетской армии, и только тогда, когда понял, что египетские слоны бегут от противника, решился не дожидаться исхода боя на своем фланге и приступил к активным действиям. Это позволяет предположить, что слоны на правом фланге египтян еще продолжали сражаться, когда Эхекрат провел задуманный им маневр.

По мнению Г. Дельбрюка, утверждение Полибия о том, что африканские слоны бегут при виде индийских, свидетельствует о том, что в селевкидских войсках корнаками, как и во времена диадохов, были по-прежнему индийцы, в то время как Птолемеи использовали туземцев, которые были гораздо менее опытны в дрессировке и управлении слонами²⁵⁶.

Несомненно, сирийские цари получали слонов из Индии вместе с корнаками, поскольку именно корнаки занимались обучением и дрессировкой слонов, и каждое животное повиновалось только конкретному человеку. Впрочем, это не исключает возможности того, что уже при Селевке I многие корнаки были сирийцами²⁵⁷. Не нужно также забывать, что после отпадения Бактрии и Парфии Селевкиды должны были на некоторое время вообще утратить связи с Индией, поэтому какую-то часть погонщиков сирийских слонов должны были к моменту сражения при Рафии образовывать местные уроженцы.

Что касается египетских корнаков, то вряд ли мы можем обвинять их в неумелом управлении слонами. Искусство обучения боевых слонов они переняли, по всей видимости, непосредственно от индийцев²⁵⁸ и за 100 лет существования птолемеевской элфантирии должны были вполне его освоить.

Наиболее распространенной и принятой практически всеми исследователями, сталкивавшимися с данной проблемой, стала гипотеза, выдвинутая У. Говерсом²⁵⁹, согласно которой Птолеми, карфагеняне и нумидийцы использовали в военных целях особый подвид слона, отличавшегося небольшими размерами и якобы легко приручавшегося²⁶⁰. Большинство специалистов думают, что таким подвидом был лесной

слон (*Loxodonta africana cyclotis*), обитавший в древности на всем пространстве между Магрибом и устьем Нила. Некоторые полагают, что речь может идти о *Loxodonta pharaonensis* — подвиде, который сегодня считается вымершим. На территориях, сопредельных с Египтом, эти животные водились еще в начале XX в. Последняя обнаруженная группа состояла из 1 старой самки, 2 молодых самцов и 2 старых самцов. Высота самки в холке составляла 7 футов 8 дюймов (233,68 см), а самый большой из самцов достигал 7 футов 4 дюймов (223,52 см)²⁶¹. Эти размеры принимаются У. Говерсом за базовые для слонов данного подвида²⁶². На основе изображения на монете Баркидов из Испании он приходит к выводу, что слоны, использовавшиеся карфагенянами, могли достигать высоты 8 футов 6 дюймов (259,08 см)²⁶³.

Подтверждение гипотезы о маленьком африканском слоне У. Говерс видит в сообщениях античных авторов о весе слоновых бивней, который свидетельствует о животных незначительного размера²⁶⁴. Большие саванные слоны, по мнению исследователя, обитали на востоке Африки и в центральной экваториальной части континента, поэтому древние не могли их отлавливать²⁶⁵. К тому же У. Говерс ошибочно полагает, что саванные слоны не поддаются приручению²⁶⁶.

На наш взгляд, против теории У. Говерса об особом подвиде африканского слона, использовавшегося в древности, существует три контраргумента. Во-первых, размеры *Loxodonta africana cyclotis* не столь уж незначительны, и крупные самцы этого подвида могут достигать среднего роста индийских слонов. Более того, есть основания полагать, что при некоторых обстоятельствах африканский лесной слон мог быть больше азиатского. Дело в том, что самки животных азиатского вида обычно вдвое меньше взрослых самцов. У африканских слонов такой большой разницы в размерах между особями различных полов не наблюдается²⁶⁷. Хорошо известно, что в военных целях древние использовали как самцов, так и самок, поэтому, даже если принять теорию о лесном слоне, мы лишь можем утверждать, что на полях сражений *некоторые* из сирийских слонов могли быть крупнее египетских. Не будем также забывать и о бивнях: *Loxodonta africana cyclotis* имеет самые длинные бивни по сравнению с другими подвидами слонов. Нечего и говорить, что более длинные бивни дают слонам значительное преимущество во время схватки друг с другом²⁶⁸.

Во-вторых, у нас нет особых оснований полагать, что древние не могли сталкиваться с большим саванным слонем. Сообщения античных авторов, напротив, наводят на мысль о том, что африканские слоны, встречавшиеся им, представляли два различных подвида. Геродот

утверждает, что страна, где жили слоны, «весьма гористая и лесистая» [Herod., IV, 191]. Таким образом, в ней могли водиться как лесные, так и саванные слоны. Согласно Плинию, провинция Тингитана, гористая на востоке, «рождает слонов даже на горе Абила и горах Семи братьев»²⁶⁹ [Plin., NH, V, 18]²⁷⁰. Он характеризует африканских слонов как животных, способных переносить жажду и солнечный зной в пустынях Ливии, где на них охотились гараманты²⁷¹. Отлов же огромных зверей осуществлялся всадниками на специально обученных лошадях [Plin., NH, VIII, 25]. Эти указания римского естествоиспытателя недвусмысленно свидетельствуют о том, что речь в данном случае идет о *Loxodonta africana africana*, или саванном слоне.

Вместе с тем Диодор [Diod., III, 26–27], Страбон [Strab., XVI, 4, 10] и Плиний [Plin., NH, VIII, 26], рассказывая о том, каким образом туземные племена охотятся на слонов, неизменно сообщают о лесах. Согласно Плинию, Птолемей II Филадельф ради отлова слонов основал Птолемаиду Охотничью в лесистой местности рядом с озером Монолей [Plin., NH, VI, 171]. Тот же Плиний передает, что во время войны в Мавритании римская армия под командованием Светония Паулина вышла к горе, которую окружали леса, полные слонов [Plin., NH, V, 15]²⁷². Флор также утверждает, что слоны нумидийского царя Юбы были отловлены в лесах [Flor., II, 67]. Поэтому мы можем заключить, что данные свидетельства источников сообщают нам о лесных слонах (*Loxodonta africana cyclotis*).

Наконец, в-третьих, было бы слишком смелым утверждать, что какой-либо подвид африканского слона настолько сильно отличался от других представителей своего вида, что мог быть легко одомашнен человеком. Поэтому логично предположить, что, пытаясь приручить африканских слонов (при этом совершенно не важно, к какому подвиду они принадлежали), Птолеми и карфагеняне неизбежно должны были столкнуться с теми же проблемами, что и бельгийцы в Конго в начале XX в. А это значит, что ловить они могли исключительно молодых животных, размер которых был меньше 2 м. Это объясняет, почему птолемеевские слоны, оказываясь на полях сражений, значительно уступали в размерах слонам Селевкидов и легко поддавались страху. Необходимо также учитывать и тот факт, что трудность дрессировки африканских слонов требовала гораздо больших затрат времени. Именно в этом контексте нужно понимать слова автора «Африканской войны»: «Тупоумные слоны трудно поддаются даже многолетней выучке при постоянном упражнении, и когда их выводят в бой, они одинаково опасны для обеих сторон» [[Caes.], Bell., Afr., 27]²⁷³.

АНТИЧНОЕ ИСКУССТВО ДРЕССИРОВКИ СЛОНОВ

Древние достигли необычайного совершенства в искусстве дрессировки слонов. Уже Александр Великий стал выезжать во время торжественных церемоний на колеснице, запряженной слонами²⁷⁴. В этом ему подражали его преемники, цари Сирии и Египта [Polyb., XXXI, 3, 11]. Согласно утверждению Плиния, первым из римлян, показавшим народу колесницу, которую везли слоны, был Помпей, праздновавший свой Африканский триумф [Plin., NH, VIII, 4]. Однако тот же автор передает, что первым, кто стал запрягать слонов в колесницы, был Август [Plin., NH, XXXIV, 19]²⁷⁵. Возможно, Август придал подобному зрелищу официальный характер, и слоны во время торжественных церемоний везли по городу его статую²⁷⁶. Гелиогабал, как сообщается в его жизнеописании, сам исполнял роль возницы, управляя колесницей, которую везли четыре слона [SHA, Heliogabal., 23, 1].

В период поздней империи колесница, запряженная слонами, служила символом победы, одержанной над персами. Этой почести решением сената удостоился император Диоклетиан, устроивший в Риме триумфальное шествие по поводу 20-летия своего правления²⁷⁷. Согласно «Истории Августов», прежде такое право было предоставлено Александру Северу и Гордиану III [SHA, Gord., 27, 9]. Впрочем, сообщение биографа Александра вызывает вполне обоснованные сомнения в своей подлинности, а Гордиан так и не вернулся в Рим из персидского похода. Так что вполне вероятно, что Диоклетиан, страсть которого к внешним эффектам хорошо известна, первым и единственным проехался по Риму в триумфальной колеснице, которую везли слоны.

И действительно, после Диоклетиана ни один римский император не мог использовать этот символ победы над восточным соседом во время своего триумфа: Константин I умер в самом начале новой войны с персами; Констанций II после всех поражений, понесенных им на Востоке, не имел для этого никаких оснований и во время своего триумфа проехался по Риму на колеснице, запряженной лошадьми; Юлиан, Иовиан, Валентиниан I и Валент вообще не справляли в Риме триумфов; Феодосий I не добился в борьбе с персами сколько-нибудь заметных успехов, а Гонорий и все последующие императоры Западной империи уже не вмешивались в восточные дела. Поэтому триумфальная колесница, которую в III–IV вв. везут по Риму слоны, — это изобретение современных исследователей, загипнотизированных измышлениями автора «Истории Августов», рожденными, по всей видимости, воспоминаниями о триумфе

Диоклетиана. Типичным отражением такого искаженного понимания является высказывание по данному поводу Ф. Рейнса: «Ясно, что на всем протяжении рассматриваемого периода слоны были неременной особенностью императорских триумфов, проводимых в честь далеких восточных побед перед населением города, среди которого слоны обычно рассматривались как стандартная экипировка персидского войска, хотя реальные животные, участвовавшие в этих демонстрациях, были, возможно, цирковыми»²⁷⁸.

Сестерций императора Тита в честь Веспасиана (80–81 гг.)

На аверсе изображен император, восседающий на колеснице, запряженной слонами, со статуей победы в левой руке;
вверху надпись: «DIVO AVG VESPAS» («Божественному Веспасиану Августу»);
внизу надпись: «SPQR»; на реверсе в центре надпись: «SC» («Senatus Consultum»);
по окружности надпись: «IMP CAES DIVI VESP AVG PMT R PPP COS VIII»
(Cohen H. Description historique des monnaies frappées sous l'Empire Romain communément appelées médailles impériales. T. 1. 2e éd. Paris, 1880. № 206;
The Roman Imperial Coinage / ed. H. Mattingly and others. Vol. 2. London, 2007. № 258)

На эллинистическом востоке, а затем и в Риме для придания особого блеска торжественным шествиям слонов часто использовали в качестве факелоносцев. Известно, что когда во время празднования своего триумфа Цезарь поднимался на Капитолий, 40 огромных зверей шли справа и слева от него, держа в хоботах светильники [Suet., Caes., 37, 2].

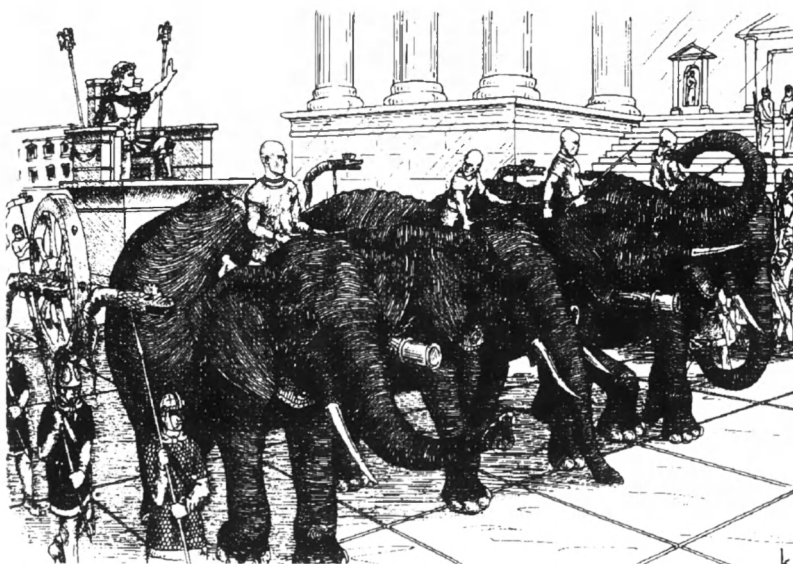
В Риме слоны часто выступали на цирковых аренах. Плиний Старший сообщает о невероятных театрализованных представлениях, которые были устроены Германиком. В них слоны танцевали, устраивали друг с другом гладиаторские бои, держа в хоботах оружие, исполняли пирриху. Кроме этого, несколько групп по четыре слона несли носилки, на которых лежал еще один слон, изображавший роженицу [Plin., NH, VIII, 5]. Пожалуй, самым потрясающим цирковым номером были слоны-канатоходцы,

взбивавшиеся по канатам, натянутым от арены, к вершине амфитеатра, а затем, развернувшись, спускавшиеся вниз [Plin., NH, VIII, 5; Suet., Nero, 11, 2; Galba, 6, 1].

Бронзовая монета Галлиена

На аверсе изображен император в профиль;
на реверсе — колесница, запряженная слонами (Никея, Вифиния)
(Sylloge Nummorum Graecorum Deutschland,
Sammlung von Aulock. Vol. 1. Berlin, 1987. № 724)

Триумф Диоклетиана в Риме

Рис. И. В. Кирсанова

Монеты Антиоха Эпифана с изображением слонов-факелоносцев
Прорисовка Д. А. Синеокой

Слоны часто становились участниками боев с другими животными. В 98 г. до н. э., в консульство Марка Антония и Постумия, спустя 20 лет, во время эдилитета Лукуллов, и позднее, уже при Домициане, были показаны бои слонов с быками [Plin., NH, VIII, 19; Martial., De spectac., 17; 19]. Гелиогабал устроил бои слонов с тиграми [Xiphilin., LXXIX, 9].

На аренах амфитеатров слонам приходилось сражаться не только с другими животными, но и с людьми. Помпей заставил их бороться против гетульских дротикометателей. При Цезаре 20 слонов сначала бились с 500 пешими воинами, а затем столько же слонов с башнями на спинах — против того же числа пехотинцев и столько же всадников [Plin., NH, VIII, 22].

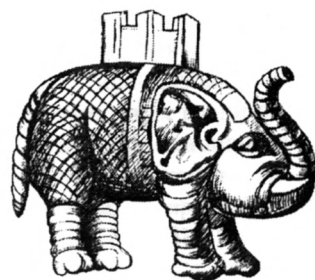
Огромную силу животных могли использовать и в созидательных целях. Наиболее известный из подобных случаев относится к периоду

правления императора Адриана, по приказу которого греческий инженер Детриан с помощью 24 слонов поднял знаменитый колосс Нерона и в стоячем положении перенес его на другое место [SHA, Adrian., 19, 12]²⁷⁹.

ГЛАВА III
БОЕВЫЕ СЛОНЫ
В АРМИЯХ ДРЕВНИХ
СРЕДИЗЕМНОМОРСКИХ
ГОСУДАРСТВ

Domiti militant et turres armatorum in dorsis ferunt...
C. Plinius Caecilius Secundus (Major). «Naturalis historia», VIII, 27

*Укрощенные, они используются в военных целях
и несут на спинах башни с воинами.*
Плиний Старший. «Естественная история», VIII, 27

В течение нескольких столетий участие в военных действиях было важнейшей задачей, уготованной человеком слонам. Познакомившись с новым родом войск в Индии, наследники Александра поспешили включить его в состав своих армий. После столкновения с Пирром боевых слонов стали использовать карфагеняне, долго видевшие в них один из главных источников военного могущества. От карфагенян искусству дрессировки боевых слонов научились нумидийцы, которые не только сами использовали огромных зверей в войнах с соседними народами, но и неоднократно посылали их на помощь своим римским союзникам. Римляне, утвердившись в Африке, отказались от возможности обзавестись боевыми слонами и тем самым положили конец эллинистической традиции применения этого военного средства. Спустя почти три века к использованию боевых слонов вернулись персы, которые, как некогда греки, научились этому у индийцев. Однако сами индийцы должны были к тому времени уже достаточно много позаимствовать от своих западных соседей, поэтому через их посредничество эллинистические начала были позаимствованы и Сасанидами.

«ИНДИЙЦЫ»

Несмотря на то что в различных эллинистических армиях имелись некоторые особенности в использовании боевых слонов, многое было общим, не зависящим от местных традиций. Животным управлял вожак-корнак (*mahout*), который был одновременно и воином, принимавшим непосредственное участие в сражении. Это подтверждается неоднократными упоминаниями в «Махабхарате» о погонщиках слонов, поражающих противников копьями [М., VII, 19, 41–48], а также изображениями на коммеморативных декадрахмах Александра в честь битвы при Гидаспе, на которых индийский корнак представлен с одним или двумя дротиками в левой руке²⁸⁰. Править слоном мог также и знатный человек, нередко даже царь, выступавший в качестве командующего армии и использовавший огромного зверя в качестве своего боевого животного.

Искусство дрессировки слона и управления им ценилось в древности очень высоко. Индийские корнаки считались непревзойденными специалистами в своем деле, поэтому их охотно брали на службу различные

эллинистические монархи и прежде всего Селевкиды²⁸¹. Само слово «индиец» (Ἰνδός, *Indus*) превратилось позднее в название профессии — технический термин, который стали использовать для обозначения всех погонщиков, независимо от их этнического происхождения [Veg., III, 24]²⁸². «Инд, — сообщает александрийский грамматик Гезихий, — человек, чтобы управлять слоном (или: воспитывать слона) из Эфиопии»²⁸³. Впрочем, некоторые исследователи пытаются оспорить этот факт. Так, например, А. Бергло, основываясь на том, что Полибий и Тит Ливий только карфагенских корнаков называют «индами» [Polyb., I, 40, 15; III, 46, 7; 11; XI, 1, 12; Liv., XXXVIII, 4, 2], полагает, что последние действительно были этническими индийцами²⁸⁴. На это можно заметить, что подобная теория противоречит данным нумизматики: одяние корнака на монетах Баркидов из Испании наглядно свидетельствует о его неиндийском происхождении²⁸⁵.

Способы управления слоном не изменились на протяжении тысячелетий, и сегодня они те же, что и в древности. Каутилья относит к числу принадлежностей для управления слоном стрекало, бамбуковую трость и «механические приспособления» [A., II, 48, 32]. Стрекало (*hawkus*) было наиболее распространенным инструментом, который использовался не только в Индии, но и в эллинистических государствах и Карфагене. Оно состояло из деревянной рукояти, верхний конец которой венчали металлическое острие и крюк²⁸⁶. В целом *hawkus* напоминал современный багор в миниатюре. Греки называли его ἄρπη [Aelian., Animal., XIII, 9], а римляне — *cuspis*²⁸⁷. Этим стрекалом корнак пользовался только тогда, когда животное становилось строптивым. В подобных случаях погонщик хлопал слона по спине или колот в шею или уши.

Корнак, как правило, сидел на шее слона, свесив ноги по обеим сторонам. В обычной ситуации животное слушалось команд, которые он подавал голосом, либо нажимая большими пальцами ног за его ушами²⁸⁸, или постукивая пятками [M., VII, 23, 35–41; VIII, 17, 5–10]²⁸⁹.

Подобный метод управления животным — не единственный. Современные африканские корнаки могут сидеть на самой верхушке спины слона, держась при этом за веревку, опоясывающую его туловище. Вместо седла они используют небольшую круглую подушку, сплетенную из волокон растений. Когда корнак упирается обеими ногами в затылок слону, это служит ему сигналом двигаться вперед; если корнак хочет заставить слона повернуть вправо, то он нажимает ему на шею левой ногой; приказом остановиться служит нажатие на холку короткой палкой, используемой в качестве инструмента управления. Все эти сигналы дублируются словесными командами²⁹⁰. Незвестно, насколько распространен был такой способ управления слонами

в древности. Корнаки, изображенные на карфагенских монетах, сидят на шее животного. Тем не менее свинцовая статуэтка из Александрии, датируемая II в. до н. э., представляет воина, который находится на спине слона. Следовательно, «африканский метод» управления вполне мог использоваться, особенно в том случае, когда слонем управляло некое высокопоставленное лицо.

Свинцовая статуэтка из Александрии
Прорисовка Д. А. Синеокой

Удивительно, но в некоторых наших источниках имеются указания на то, что во II в. до н. э. корнаки в селевкидской армии находились внутри башни, установленной на спине животного. Иосиф Флавий рассказывает о подвиге Элеазара в следующих словах: «Прежде чем войска подступили друг к другу, брат его (Иуды. — А. Б.) Элеазар отыскал глазами в лагере неприятеля самого высокого слона с огромной башней, украшенной позолоченным щитом. Предполагая, что на этом слоне сидит Антиох, Элеазар ускакал вперед, врубился в ряды неприятеля и налетел на намеченного слона. Но седок, которого он принял за царя, сидел слишком высоко — он только мог ранить животное, которое упало и тяжестью своего тучного тела задушило его. Не совершив никаких других великих подвигов, он, однако,

заслужил вечную славу. Впрочем вожак слона был простой воин; да если он случайно и был бы Антиохом, то отважный юноша тоже, кажется, ничего другого своим подвигом достичь не мог бы, как смерти героя» [Joseph., Bell. Iudaic., I, 5; пер. Я. Л. Чертка]²⁹¹. Не возникает никаких сомнений, что, в соответствии с этим рассказом, ὁ κίβερνῆς (погонщик) находился в башне и был, к тому же, единственным человеком, ехавшим на слоне.

Аналогичный вывод можно сделать из описания Ливием слонов Антиоха в битве при Магнесии: «Они и сами были чудовищны, но впечатление еще усиливалось от налобной брони с султанами и расположенных на спинах башен, в каждой из которых, помимо вожатого, стояло еще четыре воина» [Liv., XXXVII, 40, 4; пер. С. А. Иванова]²⁹².

Как можно объяснить эти свидетельства? Действительно ли селевкидские корнаки, по соображениям безопасности, стали управлять слонами, находясь внутри башен? Вряд ли это могло происходить в действительности, поскольку в таком случае погонщик практически лишался бы непосредственного контакта с животным. К тому же у нас нет ни одного изображения, подтверждающего подобный факт.

По-видимому данные описания были следствием неправильного толкования авторами I в. н. э. своих источников, причиной чему стало то, что они уже весьма смутно представляли себе, как выглядел боевой слон. В греческом тексте Первой книги Маккавеев [Maccab., I, 6, 43] сказано, дословно: Элеазар увидел «одного из слонов, покрытого царским тораксом (θώρακι)»²⁹³. Основное значение греческого слова θώραξ — панцирь. Однако у него есть также второе значение — стена, бруствер. В античной традиции для обозначения башен на слонах, кроме слова πύργος (в собственном смысле слова — башня), часто использовался также термин θωράκιον, производный от θώραξ [Aelian., Nat. an., XIII, 9], что указывало на одно из главных назначений подобных сооружений²⁹⁴. Несомненно, Иосиф Флавий посчитал θώραξ башней и заменил это слово более понятным в данном контексте πύργος. Возможно, так произошло потому, что историк просто не мог допустить, чтобы слона покрывали броней.

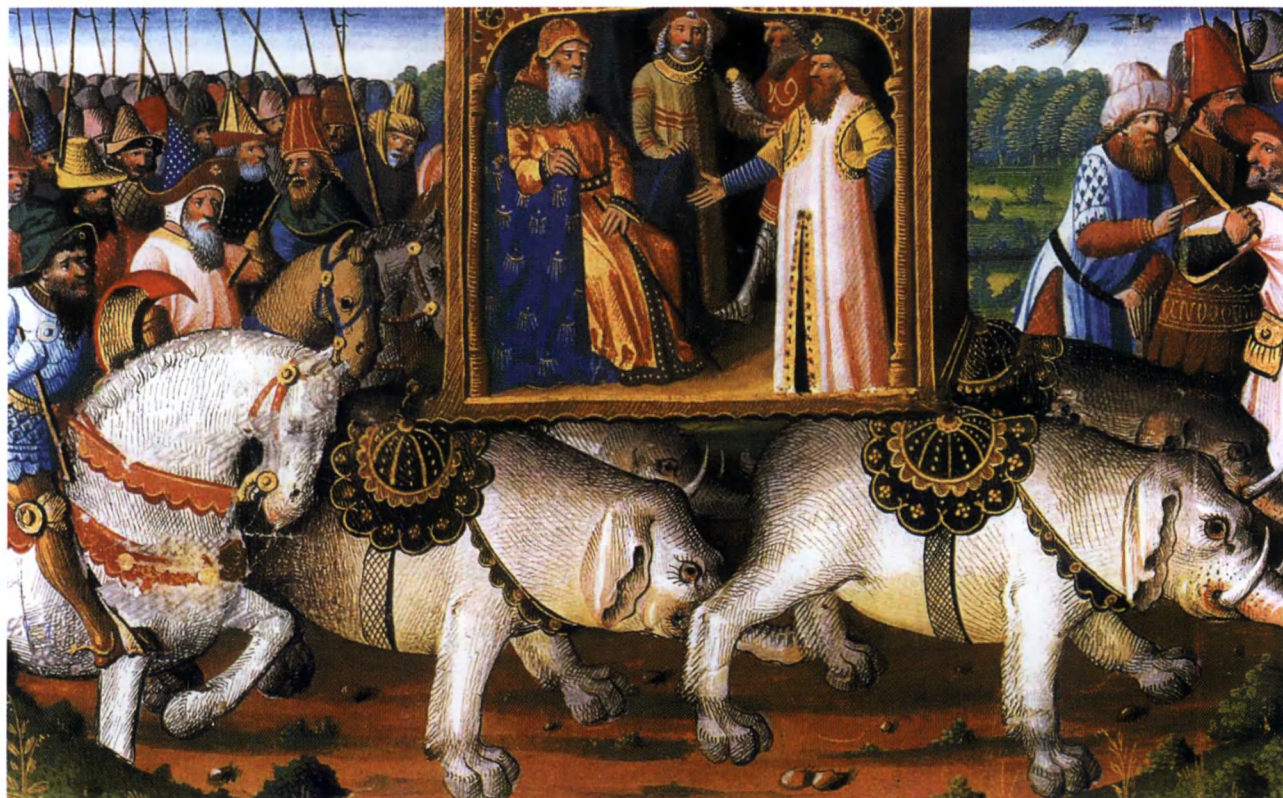
В тексте Вульгаты этот эпизод описан следующим образом: «И увидел Элеазар, сын Саура, одного из слонов, покрытого царскими бронями, и возвышался он над другими слонами, и показалось ему, что на нем был царь»²⁹⁵. В данном случае никаких разночтений быть не может, поскольку латинское слово *lorica*, имеющее те же значения, что и греческое θώραξ, стоит во множественном числе (*loricis*), а *ea*, которое с предлогом *in* может означать «в» или «на нем»²⁹⁶, — в единственном.

Такие примеры наводят на печальные мысли о том, в каком искаженном виде порой доходит до нас информация, содержащаяся в источниках,

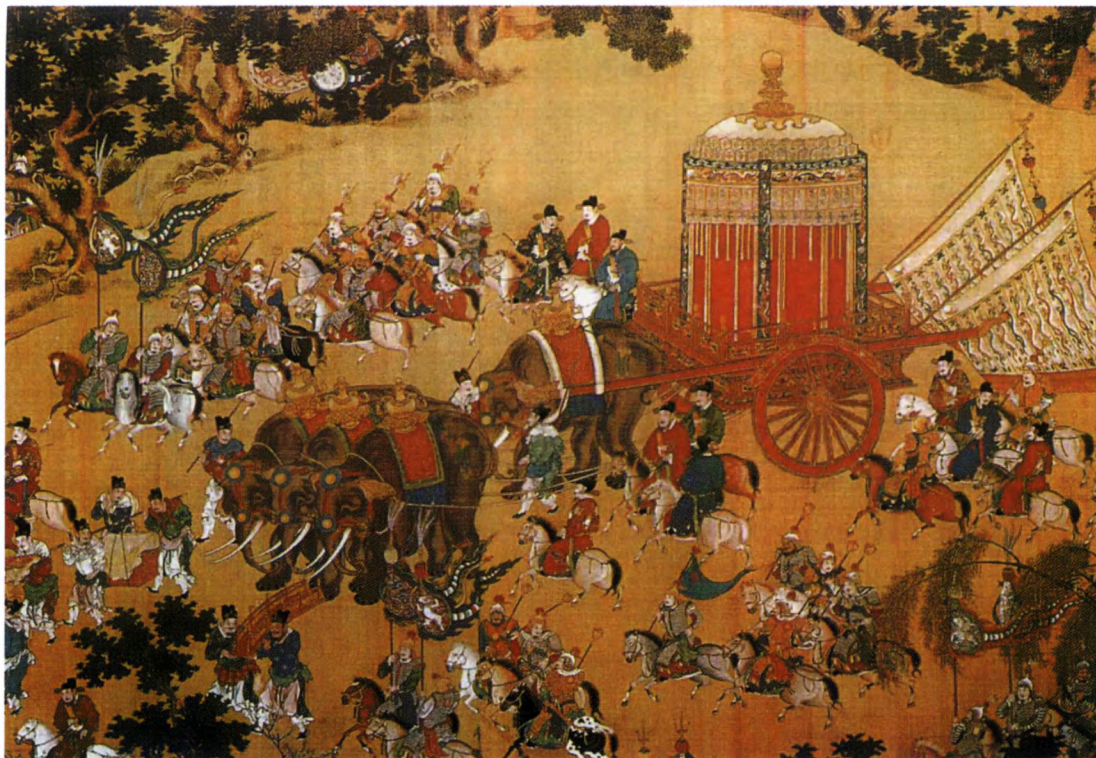

Боевой слон. Миниатюра

Выезд китайского императора
Средневековая миниатюра

Выезд великого хана Хубилая на охоту

Миниатюра. Книга чудес света. Рукопись: MS. fr. 2810, f 42 v. Национальная библиотека Франции, Париж. Издание: *Марко Поло. Книга чудес*: Отрывок из «Книги чудес света» из Нац. библиотеки Франции (MS. fr. 2810) / Ст. Ф. Авиля. М., 2003 (факсимиле)

Битва дракона со слоном
 Миниатюра. Aberdeen Bestiary.
 Рукопись: Aberdeen University Library MS 24, f 65 v.

Битва дракона со слоном

Миниатюра. Средневековый bestiарий.

Рукопись: Лат. Q.v.VI, f 24 (Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург). Издание: Средневековый bestiарий / Автор статьи и коммент. К. Муратова. М., 1984

Торговый караван причаливает к берегу у стен города Ормуза в Персидском заливе
Миниатюра. Книга чудес света. Рукопись: MS. fr. 2810, f 14 v. Национальная библиотека Франции, Париж.
Издание: *Марко Поло*. Книга чудес: Отрывок из «Книги чудес света» из Нац. библиотеки Франции
(MS. fr. 2810) / Ст. Ф. Авиля. М., 2003 (факсимиле)

Битва монголов с войском царя Бирмы

Миниатюра. Книга чудес света. Рукопись: MS. fr. 2810, f. 58. Национальная библиотека Франции, Париж.

Издание: *Марко Поло. Книга чудес*: Отрывок из «Книги чудес света» из Нац. библиотеки Франции (MS. fr. 2810) / Ст. Ф. Авиля. М., 2003 (факсимиле)

Монголы ловят слонов, брошенных в джунглях разбитым войском царя Бирмы
 Миниатюра. Книга чудес света. Рукопись: MS. fr. 2810, f 59.
 Национальная библиотека Франции, Париж. Издание: Марко Поло.
 Книга чудес: Отрывок из «Книги чудес света» из Нац. библиотеки Франции
 (MS. fr. 2810) / Ст. Ф. Авиля. М., 2003 (факсимиле)

при этом в большинстве случаев мы даже не догадываемся, насколько рассказы самых добросовестных античных историков могут быть далеки от реально произошедших событий.

Согласно Титу Ливию, Гасдрубалу, брату Ганнибала принадлежит изобретение способа быстрого умерщвления слона, в том случае, когда животное приходило в ярость и начинало топтать собственные боевые порядки. Для этого каждому погонщику были розданы долото и молоток. Когда этого требовала необходимость, погонщик должен был поставить долото у основания черепа зверя и изо всех сил ударить молотком [Liv., XXVII, 49, 1–2]. Позднее к подобному приему будут прибегать вожаки персидских боевых слонов²⁹⁷.

Трудно утверждать однозначно, был ли Гасдрубал действительно изобретателем способа, описанного Ливием. На наш взгляд, более правдоподобно предположение П. Д. Арманди, считающего, что, несмотря на авторитетность римского историка, на Востоке он был в ходу во все времена²⁹⁸.

ЧЕМУ ОБУЧАЛИ БОЕВЫХ СЛОНОВ?

Каутилья вполне определенно излагает, что должен был уметь делать боевой слон: «Боевому слону свойственны семь различных видов действия: спокойное состояние, повороты, наступление, умерщвление и сокрушение (вражеских сил), бой с вражескими слонами, наступление на вражеский город и бой в открытом поле» [А., II, 48, 32; пер. В. И. Кальянова]. Хорошо обученные слоны должны были спокойно переносить любой шум и даже не бояться огня [М., VII, 26, 1–8]. Один рассказ Плиния позволяет предположить, что в армии Антиоха III были слоны (вероятно, полученные из Индии), умевшие находить в реках брод [Plin., NH, VIII, 11]²⁹⁹.

Согласно Каутилье, упряжь слонов включала в себя веревки, позволявшие человеку взбираться на спину животного [А., II, 48, 32]. Однако одно из описаний Курция Руфа показывает, что животных специально обучали для этого опускаться на колени: в битве при Гидаспе погонщик, управлявший слонем Пора, думая, что царь желает сойти на землю, отдал слону команду встать на колени. Следуя его примеру, остальные животные сделали то же самое. Это обстоятельство якобы предало индийцев в руки победителей [Curt., VIII, 14, 39–40].

Прежде чем преподать слону премудрости военной науки, его надлежало ознакомить с самыми элементарными вещами. «Предварительные действия (для обучения таких слонов) сводятся к приучению их

к подругам, приучению их к цепям, служащим поводьями, и к совместному обучению целым стадом» [А., II, 48, 32; пер. В. И. Кальянова].

Трудно сказать, какими приемами должны были владеть слоны, разрушая стены и палисады вражеских укреплений. Согласно Ктесию, по приказу своих погонщиков слоны бросались на неприятельские укрепления и валили их грудью. Историк сам видел, как в Вавилоне они подобным образом опрокидывали на землю пальмы [Aelian., Nat. an. XVII, 29 = Phot., 45b]. Аристотель утверждает, что слоны разрушают стены ударами бивней [Arist., Hist. an., IX, 24–25]. Страбон же следующим образом описывает их действия в таких ситуациях: «Встав на задние ноги, они хоботом опрокидывают башенные зубцы и вырывают деревья с корнем» [Strab., XV, 1, 43; пер. Г. А. Стратановского]. О слонах-«стеноразрушителях» сообщают и другие античные авторы, в частности Onesikrit и Nearch [Strab., XV, 1, 43], принимавшие участие в походах Александра Великого, а также Мегасфен — посол Селевка Никатора при дворе индийского царя [Arr., Ind., 13, 1–14, 9].

П. Гуковский, опираясь на сообщение Ктесия, полагает, что в действительности существовали две отдельные категории боевых слонов: те, кто сражался с противником в открытом поле, и те, кто принимал участие в осадах³⁰⁰. Вместе с тем у нас нет других свидетельств, подтверждающих данный факт, а Каутилья, источник в данном случае гораздо более надежный, нежели Ктесий, не выделяет слонов-«стеноразрушителей» в отдельную категорию.

Намного больше можно сказать о действиях боевых слонов в открытом поле. Самый простой способ борьбы с противником заключался в использовании животным бивней — естественного оружия, дарованного ему самой природой. «Махабхарата» наполнена жуткими описаниями, показывающими слонов пронзающими людей и лошадей. «В этой неистовой свалке, — говорится в рассказе о битве Дроны с войском Дхриштадьумны, — когда иной падал, лишенный доспехов (можно было наблюдать, как), слон, ударив его в грудь, раздавливал ему голову. Иные же слоны убивали других людей, упавших (на поле брани). Другие, вонзаясь клыками в землю (при падении), разрывали при этом (тела) многих воинов, сражавшихся на колесницах. Еще другие слоны, с клыками, обвитыми вокруг человеческими внутренностями, бродили там сотнями, топча и раздавливая сотни людей» [М., VII, 31, 8–17; пер. В. И. Кальянова].

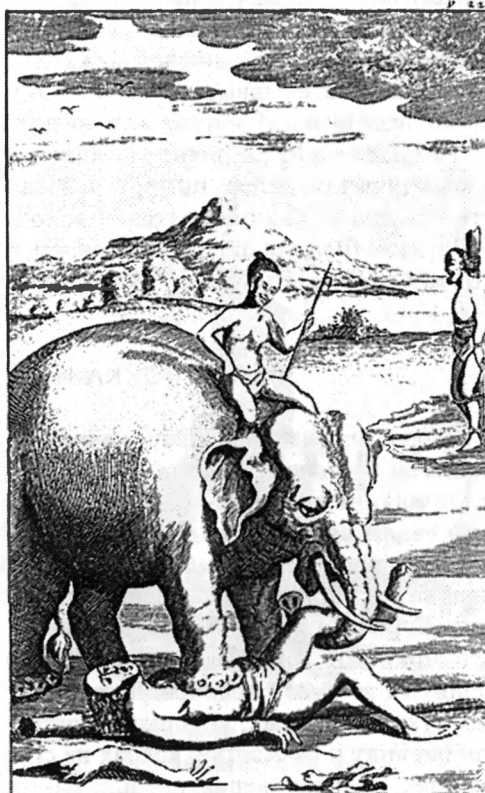
Не менее характерным было для слонов использование хобота, которым они хватали неприятельских солдат и лошадей и бросали их в воздух либо пронзали бивнями³⁰¹. Используя это природное умение

слонов, их обучали передавать схваченных врагов сидевшим на них людям [Diod., XVII, 88, 1–2]³⁰². «Особенно страшно было смотреть, — сообщает Курций Руф, — когда слоны хоботами хватали вооруженных людей и через голову подавали их своим погонщикам» [Curt., VIII, 14, 27; пер. А. Ч. Косаржевского].

Согласно утверждению Флавия Филострата, слоны индийцев умели также метать хоботом копья [Philostrat., II, 12]. В «Махабхарате» есть упоминание и о более сложном приеме, который выполняли огромные животные на поле сражения: «Слоны перехватывали хоботами многочисленные метаемые наездниками копья, нацеленные в противника, иные ломали их на части» [М., VIII, 36, 18–21; пер. Я. В. Василькова, С. Л. Невеловой]. Неизвестно, обучали ли специально всему этому слонов в эллинистических государствах, но, по всей видимости, слоны Селевкидов, приобретенные в Индии, должны были владеть им.

Один, казалось бы, из наиболее простых методов борьбы с врагом, который должны были использовать слоны, заключался в том, чтобы топтать ногами людей и лошадей³⁰³. Уже в древности слонам отводили роль палачей, которые должны были устраивать массовые избиения бунтовщиков или пленников. Так, после смерти Александра Великого Пердикка приказал бросить под ноги огромным зверям 300 македонян, не довольных приходом его

Слон, выступающий в роли палача
(Вокруг света. № 1. 1977. С. 58)

к власти [Just., XIII, 4; Curt., X, 9, 18; Diod., XVIII, 4]. Птолемей IV Филопатор хотел подобным же образом расправиться с непокорными евреями [Massab., III, 5, 1; 30–32; 6, 15–36]. Этот способ казни стал традиционным для Сасанидов. После того как войска Шапура II захватили Сузы, те из защитников, кто еще оставался в живых, по приказу царя были брошены под ноги слонов³⁰⁴. Точно так же поступил Хосров II, одержав победу над войсками Бахрама Чубина [Theophyl., Sim., V, 10, 13]³⁰⁵.

П. Д. Арманди объясняет этот феномен врожденной свирепостью животных и их склонностью к убийствам³⁰⁶. Вместе с тем здесь необходимо внести определенное уточнение. Слоны обладают очень высоким уровнем интеллекта (более высоким, нежели лошади и собаки), который, несмотря на их природную храбрость, ограничивает их агрессивность, снижая эффективность действий на полях сражений. В природе разъяренный слон может схватить хоботом льва, тигра или человека, а затем швырнуть его в воздух либо ударить оземь, однако он никогда не наступает на жертву ногой, чтобы умертвить ее. Вместе с тем слон может раздавить ее коленями, прижав хоботом к земле³⁰⁷. Таким образом, этому, на первый взгляд, вполне естественному средству умерщвления неприятеля приходилось слонов обучать, но, даже если слон был хорошо подготовлен, управлять им и заставить его убивать людей и лошадей мог только очень опытный корнак³⁰⁸.

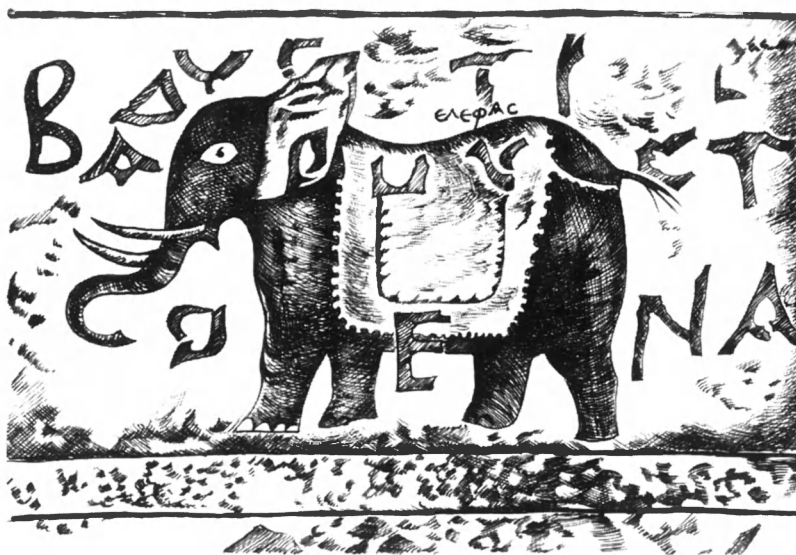
ЭКИПИРОВКА И ВООРУЖЕНИЕ

Одной из главных задач, которую, согласно «Артхашастре», выполняли на поле сражения слоны, было «(сеяние) страха и паники» и «придание величия». Слон должен был поражать противника одним своим внешним видом. Поэтому индийцы старались как можно ярче украсить огромных животных. «Флаг, венок из металлических пластинок, попона и чепрак суть предметы украшения», — передает Каутилья [А., II, 48, 32; пер. В. И. Кальянова]. В «Махабхарате» неоднократно говорится о цветных или золотых попонах, попонах, «сшитых из умело подобранных кусков различных тканей», о тонких шерстяных одеялах, которыми покрывали слонов, о разнообразных (по рисунку и расцветке) коврах на спинах животных, о гирляндах на их лбах, кольцах (вероятно, золотых) на бивнях, о «многочисленных колокольцах» или «звонких бубенцах» [М., VII, 28; 36–44; 74, 26–32; VIII, 49–56], о флагах [М., VII, 19, 33–40; 49–56], золотых венках [М., VIII, 13, 9–15] и других золотых украшениях [М., I, 213, 40–51]. На

слонов надевали специальную железную подпругу, служившую для крепления остального снаряжения, которая тоже была украшена изящными колокольчиками [М., VIII, 63, 64–72].

Эти традиции были усвоены и в эллинистических армиях. Чтобы придать животным более внушительный вид, их украшали золотыми и серебряными предметами [Flor., I, 24]³⁰⁹, лоб и уши раскрашивали в красный, голубой или белый цвета³¹⁰, тела покрывали пурпурными попонами (порφύραι) [Plut., Eumen., 14]. Пурпурный цвет попона стал, очевидно, общераспространенным, по крайней мере на эллинистическом Востоке. Подтверждением этому может служить терракотовая статуэтка из некрополя Мирины, представляющая слона, схватившего хоботом галата. Как свидетельствуют об этом остатки краски, попона на слоне была красного цвета³¹¹. Подобный выбор был неслучайным, поскольку считалось, что красный цвет приводил слонов в возбуждение³¹².

*Изображение слона на стене
в гробнице эллинистического времени (Мирисса, Палестина)
Прорисовка Д. А. Синеокой*

«Доспехи, копья, колчаны, механические приспособления и т. д. являются принадлежностями слона в бою», — передает Каутилья [А., II, 48, 32;

пер. В. И. Кальянова]. Слоновые панцири (бронзовые или золотые) очень часто упоминаются в «Махабхарате» [М., IV, 66, 11–16; VII, 28, 2–8; 31, 8–17; 87, 23–29; 30–37; VIII, 9–15; 13, 9–15; 36, 18–21]³¹³. В эллинистических армиях этот элемент боевого снаряжения слона появляется достаточно быстро. Доспехи, закрывавшие практически всё тело животного, использовались во II в. до н. э. [Massab., I, 6, 43], а возможно, были известны уже и в более раннюю эпоху. У нас нет прямых указаний на то, что карфагеняне также облачали своих слонов в броню, однако тот факт, что в I в. до н. э. к подобному средству защиты прибегали нумидийцы [[Caes.], Bell. Afr., 72], с большой долей вероятности позволяет утверждать, что этому они научились от карфагенян.

Античные иконографические источники, отдельные упоминания в произведениях греческих и римских авторов и практически полностью сохранившийся доспех в Британском Королевском музее в Лидсе могут дать наглядное представление о том, как выглядело защитное вооружение слона в древности. Очевидно, что слоновые доспехи представляли собой длинную кольчугу или кожаную попону, на которую были нашиты бронзовые или железные пластинки [Polyaen., VIII, 23, 5]. Технология изготовления панцирей подобного типа была хорошо известна в древности и продолжила свое существование в Средние века.

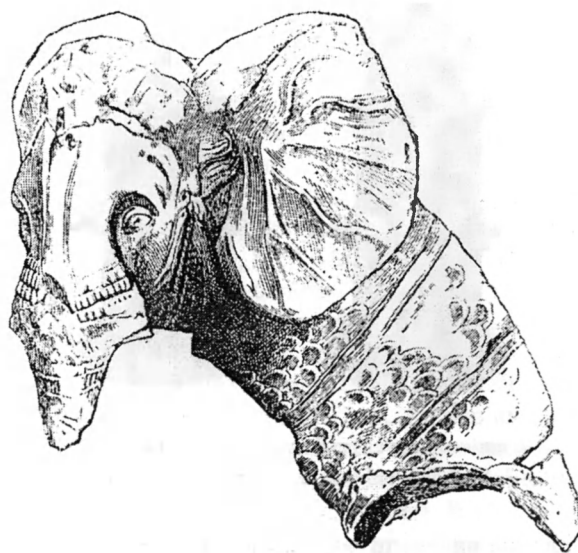
Доспех в Лидсе относится, конечно же, к совершенно другой эпохе³¹⁴, однако функции, которые он выполнял, оставались теми же. Поэтому несомненно, что многое в нем должно быть если не идентично, то подобно тому, что существовало в античности. Он состоит из стальных пластинок различного размера, соединенных кольчужным плетением. Пластины квадратной формы позолочены и покрыты чеканными изображениями шествующих слонов, цветов лотоса, павлинов и рыб. С внутренней стороны все пластинки подбивались хлопком. Значительная часть (около 2/3) правой стороны доспеха отсутствует, поэтому в его нынешнем состоянии в нем только 5840 пластин, а вес равняется 118 кг. Неповрежденный доспех должен был состоять из 8349 пластин и весить 159 кг.

Головную часть доспеха образуют 2195 пластинок (размером 2,43x1,90 см); она имеет отверстия для глаз, вокруг которых пластинки располагаются по кругу, и отверстия для бивней. Вес этой части составляет 27 кг. В эллинистических армиях, судя по некоторым указаниям источников, голову животного защищал не капюшон, а металлический налобник с плюмажем из перьев [Liv., XXXVII, 40, 3–4; ср. Amm., XXV, 3, 11].

Та часть доспеха из Лидса, которая защищает горло и грудь животного, состоит из 1046 пластинок (размером 2,51x0,75 см); ее вес 12 кг.

Боковые части панциря состоят из трех вертикальных полос каждая, соединявшихся друг с другом кожаными ремешками. Передние полосы имеют 11 квадратных пластинок с рисунками, средние — 12, а задние — 10. Кроме квадратных пластин в каждой из полос присутствуют более мелкие пластинки вытянутой формы: в передних полосах имеется по 948 пластинок размером 1,67х1,37 см; в средних — по 780 размером 1,70х1,34 см и в задних — 871 размером 1,70х1,34 см. Все составные части панциря надевались на слона поверх льняной подкладки³¹⁵.

Несмотря на то что упоминания о слонах, защищенных панцирями, неоднократно встречаются в древних источниках, нельзя утверждать, что огромного зверя обязательно покрывали доспехом. Во время битвы в Габиене слоны Эвмена, согласно Диодору, оказались бессильны против вражеской легковооруженной кавалерии. П. Гуковский справедливо отмечает, что это описание свидетельствует об уязвимости слонов, которые, очевидно, не были защищены броней и страдали от получаемых ран³¹⁶.

Фрагмент статуэтки, изображающей боевого слона

Прорисовка Ч. Даремберга и Э. Саглио

(*Daremberg Ch., Saglio E. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines d'après les textes et les monuments. Paris, 1877—1919. S. v. «Elephas», fig. 2625*)

*Ножи, надевавшиеся на бивни слонов в XVIII—XIX вв.
(Kistler J. M. War Elephants. Lincoln; London, 2007. P. 193)*

На бивни слонов надевали железные наконечники [Arr., *Ars tactica*, II, 4] или привязывали к ним копья³¹⁷. Кроме всего прочего, к груди животным могли прикреплять колья, окованные железом, или же копья. Это было достаточно эффективным средством, позволявшим разрывать боевую линию противника³¹⁸. Подобным образом, если верить Силию Италику, были вооружены слоны карфагенян [Sil. Ital., *Punic.*, IX, vs 581]³¹⁹.

КТО ПЕРВЫМ СТАЛ УСТАНАВЛИВАТЬ БАШНИ НА СЛОНАХ?

Не ясно, начиная с какого времени на спинах слонов стали устанавливать башни. В современной зарубежной историографии утвердилось мнение, что они появились только при Пирре³²⁰. Выше уже отмечалось, что это предположение было сначала высказано П. Гуковским³²¹, а затем поддержано Г. Х. Скаллардом и многими другими исследователями³²².

Большинство ученых полагают, что индийцы ко времени столкновения их с греко-македонской армией (327 г. до н. э.) башни на слонах не устанавливали, и воины сидели на спине животного³²³. «Артхашастра» и «Махабхарата», в которых говорится о снаряжении боевых слонов, не содержат каких-либо намеков на башни. Например, в рассказе о подвигах героя Абхиманью среди уничтоженных им вражеских войск названы и слоны: «Своими стрелами с тонко отточенными остриями он изрубил на куски вражеских слонов и воинов на слонах вместе со стягами, стрекалами и знаменами; также колчаны и панцири, подпруги, веревки вокруг шеи слонов и попоны; также колокольца, хоботы и кончики бивней; равно и пеших воинов, охранявших с тылу копыта слонов» [М., VII, 35, 34–39; пер. В. И. Кальянова]. В этом абзаце перечислено все снаряжение слонов, не забыты даже шейные веревки, однако о башнях и ремнях, которыми они должны были бы крепиться, не сказано ни слова, что определенно свидетельствует об их отсутствии.

Из описаний в «Махабхарате» следует, что цари, сражавшиеся на слонах, часто выполняли как функции погонщиков, так и воинов [М., VII, 25, 35–41; VIII, 8, 21–24; 13, 5–8]. Вместе с тем они могли сражаться и не управляя непосредственно слоном. В этом случае на спине животного находилось два человека: погонщик и сам царь, который сидел на специальном сиденье³²⁴. Возможно, сиденье не всегда устанавливалось на спине животного. Плутарх сравнивает Пору в битве при Гидаспе со всадником на коне, давая тем самым понять, что индийский царь сидел верхом [Plut., Alex., 60]. На коммеморативных дека- и тетрадрамах Александра Пор³²⁵ также представлен сидящим на спине слона.

Второй наездник необязательно был царем. В «Махабхарате» говорится, например, что на слонах сидели «изукрашенные золотом воины, облаченные в золотые доспехи, и направляли их яростные погонщики» [М., VIII, 58, 1–18; пер. В. И. Кальянова].

Воинов на слоне могло быть и больше. В «Махабхарате» при описании одного сражения сообщается, что стрела поражала двух или трех воинов на слоне [М., VII, 65, 19–25]. В другом сражении герой Партва вступает

в бой с царем магадхов, который едет на слоне. «...Широколезвийными стрелами Партха рассек ему лук вместе с тетивой и стрелой и богато украшенное знамя, а также поразил погонщиков слона вместе со «стражами стоп» [М., VIII, 12, 59–61; пер. Я. В. Василькова, С. Л. Невелевой]. Далее Партха убивает самого царя и его слона, который падает вместе со *своим погонщиком* [М., VIII, 12, 59–61]. Таким образом, становится ясно, что кроме царя на слоне находилось как минимум еще три человека³²⁶.

Рельеф из Махутры. II в. до н. э.
Прорисовка Д. А. Синеокой

В индийском словаре «Амара-Коше» утверждается, что на слоне было четыре человека³²⁷. Мегасфен, побывавший в Индии при дворе царя Чандрагупты I, также сообщает, что на слоне сидели корнак и три стрелка [Strab., XV, 1, 52]. Клавдий Элиан сохранил для нас описание, дающее представление, сколько было воинов на слоне и как они могли действовать во время сражения, находясь на спине слона: «Боевой же слон на торакионе (θωράκιον), как его называют, или даже на голой спине несет трех бойцов: одного стреляющего вправо, другого — влево, третьего повернувшегося

назад; четвертый же держит в руках крюк и им направляет животное, подобно тому, как кормчий, опытный в морском деле, рулем направляет корабль» [Aelian., Nat. an., XIII, 9]. Поскольку Элиан рассказывает о слоне без башни, то считается, что данное описание также восходит к несохранившемуся труду Мегасфена, а башня упомянута в данном случае только лишь потому, что автор знал об этой части боевого снаряжения слона из сочинений писателей эллинистической эпохи³²⁸. Возможно даже, что Элиан ничего не добавлял от себя, а в тексте Мегасфена речь шла не о башне, а о броне (θώραξ) и, так же, как Иосиф Флавий, Элиан счел нужным заменить одно слово на другое, которое, как ему казалось, имело синонимичное значение. Наконец, существует археологическое свидетельство, подтверждающее информацию литературных источников. Это фрагмент терракотовой статуэтки из Таксилы (IV в. до н. э.), которая представляет четырех человек, сидящих на слоне³²⁹.

Таким образом у нас есть основания утверждать, что индийские экипажи на слонах могли состоять из одного воина-погонщика, из погонщика и воина, сидящего на слоне верхом; из погонщика и воина, сидящего на специальном сиденье; из погонщика и трех воинов. При этом нигде нет упоминания о башнях.

Серебряные фалары, вероятно, кушанской эпохи

Goukowsky P. Le roi Pôros, son éléphant et quelques autres

(En marge de Diodore, XVII,88,6) // BCH. T 96. 1972. № 1. P. 491, Fig. 14, 15)

Впрочем, по мнению ряда исследователей, все эти свидетельства еще не доказывают, что индийцы не знали о возможности устанавливать на спинах слонов некие сооружения, ставшие прототипами позднейших

эллинистических башен. Некоторые специалисты полагают, что башни получили широкое распространение в Индии в самую отдаленную эпоху, и даже Пор сражался, находясь в башне³³⁰.

Появление трех стрелков на спине животного наглядно демонстрирует, что в Индии была тенденция к увеличению количества бойцов, сражавшихся на слоне. Вместе с тем в боевых условиях три лучника не могли бы достаточно эффективно использовать свое оружие, поскольку обязательно мешали бы друг другу. Идея укрепления на спине животного корзины, которая не только позволила воинам бросать дротики и метать стрелы, но и защищала их от выстрелов противника, могла бы зародиться сама собой. Существует мнение, что такая корзина, называвшаяся *howdah*, использовалась индийцами уже во времена вторжения Александра в Индию³³¹. Указание на это находят в тексте Диодора, описывающего момент, когда индийский царь Пор падает со слона на землю, изнемогая от полученных ран, где вместо θηρίον (зверь, в данном случае — слон), читают θωράκιον (башня)³³². По мнению П. Гуковского, для столь ранней эпохи упоминание о башне — анахронизм, и если бы Диодор в самом деле написал θωράκιον, то это было бы следствием невнимательности, и не более того³³³. Индийцы могли заимствовать башни не ранее III в. до н. э. Именно башня θωράκιον стала прототипом корзины *howdah*, а не наоборот³³⁴. В литературных источниках упоминание о подобном устройстве, находившемся на спине слона раджи, появляется только ко времени арабского вторжения (712 г.)³³⁵.

Другое указание на то, что башни на слонах могли устанавливать еще в доэллинистическую эпоху, содержится во фрагменте анонимной истории, найденном в монастыре св. Саввы на Синае и получившем название *Fragmentum Sabbaticum* (=FGrH 151, F1)³³⁶. В нем, в частности, говорится о приготовлениях к войне Дария III, которому индийцы привели слонов: «Были же у него и слоны, приведенные из Индии, которые имели снаряжение следующего вида: оборудованные деревянные башни (πίρυοι ξύλινοι), с которых мужи сражались оружием, были установлены на спинах слонов» [FGrH 151, F1, §12]³³⁷. Однако большинство исследователей выражают сомнения относительно историчности данного описания³³⁸.

Дж. М. Кистлер, не приводя доказательств, безапелляционно утверждает, что башни как элемент вооружения слонов были изобретены в Индии, откуда затем попали в эллинистические армии³³⁹. Вероятно, подобное мнение сложилось у исследователя на основании рассказа Ктесия Книдского, дошедшего до нас через передачу Диодора Сицилийского, о войне ассирийской царицы Семирамиды с индийским царем Стабробатом, рассматриваемого Дж. М. Кистлером как историческое событие,

в котором вполне точно отразились реалии эпохи³⁴⁰. Поскольку на слонах Стабробата были установлены башни [Diod., II, 17, 8]³⁴¹, полагает исследователь, они были изобретены индийцами уже в незапамятные времена. В битве при Гидаспе на индийских слонах также были башни, которые затем позаимствовали македоняне³⁴².

В действительности у нас нет никаких весомых доказательств, подтверждающих гипотезу Дж. М. Кистлера. О слонах Пора мы уже упоминали. Что же касается «Ассирийской истории» Ктесия, то она ни в коей мере не может служить источником в подобного рода вопросе. В конце III — начале IV в. труд Ктесия был переписан в царстве Селевкидов, при этом оригинальный текст оказался наполнен эллинистическими реалиями³⁴³. Примеров эллинистического влияния на «Ассирийскую историю» можно найти множество. Так, например, по словам Диодора, у Семирамиды было 100 000, всадников на верблюдах, вооруженных мечами длиной в 4 локтя (около 1,80 м) [Diod., II, 17, 1]. Мечи подобной длины для описываемой эпохи — явный анахронизм. Всадники на верблюдах, вооруженные мечами, наводят на мысли об арабах, входивших в состав армии Антиоха III [Liv., XXX, 18; XL, 12]³⁴⁴. В сражении против ассирийцев Стабробат использует косой боевой порядок, при котором основные силы сосредотачивались на одном из флангов, где и должен был наноситься главный удар. Считается, что подобный маневр был впервые применен Эпаминондом в битве при Левктрах (371 г. до н. э.). Эта тактика была развита Филиппом II и Александром Великим, а в дальнейшем широко применялась диадохами. Во времена Ктесия она была неизвестна. Ксенофонт утверждает, что еще в конце V в. у варваров командующий армией всегда находился в центре боевого построения [Xenoph., Anab., I, 8, 21–23]³⁴⁵. Таким образом, представляется, что рассказ об атаке Стабробата был составлен автором эллинистической эпохи, знавшим, что во время больших сражений полководец находится на фланге своего боевого построения³⁴⁶. Описание деталей битвы между индийцами и ассирийцами весьма походит на описание битвы при Гидаспе. И в том и в другом случае отмечаются ужасные потери, которые несет армия, столкнувшаяся со слонами: гигантские звери топчут людей, прокалывают их бивнями или бросают вверх хоботами³⁴⁷.

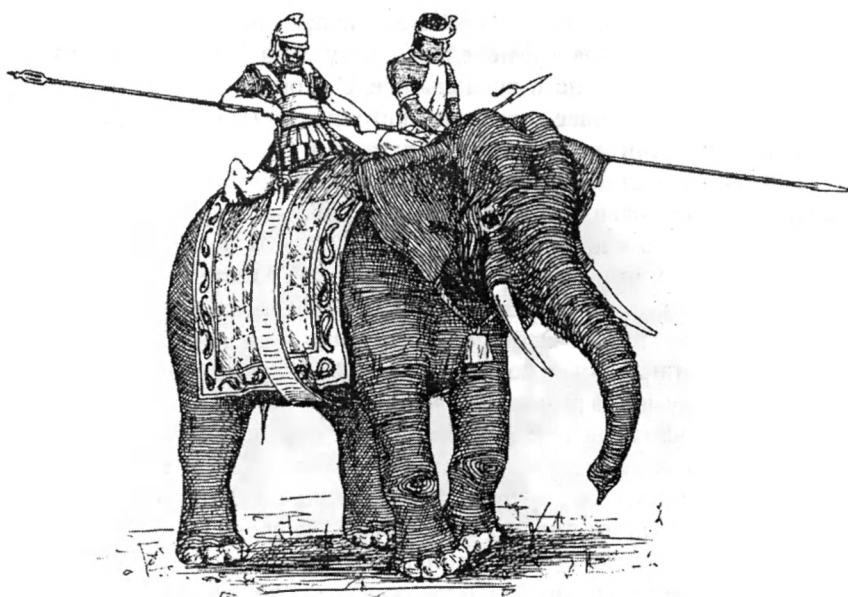
Насколько мы можем судить по одному из рассказов Суды, сам Ктесий представлял слонов без башен. Описывая изготовление чучел слонов, которых должны были нести верблюды, Суда сообщает, что Семирамида приказала «быть наездниками на каждом верблюде двум эфиопам, чтобы стрелять из лука и метать дротики» [Suid., s. v. Σεμίραμις]³⁴⁸. В данном случае речь, очевидно, идет о погонщике и воине, который сидел на чучеле слона³⁴⁹.

Даже если мы предположим, что индийцы использовали некие прототипы эллинистических башен, это все равно не решает вопроса, кто и когда стал устанавливать на спинах слонов башни в подлинном смысле слова. С определенной уверенностью можно утверждать, что при Александре башен на слонах еще не было. Диодор дает нам описание изображений на погребальной колеснице Александра. На втором из них были представлены слоны, которые несли на себе погонщика-индийца и македонского гоплита [Diod., XVIII, 27, 1]³⁵⁰, что полностью соответствовало одной из индийских моделей. Гоплит был в обычном македонском вооружении, очевидно, с сариссой и, возможно, со щитом³⁵¹.

Конкретных указаний на то, что македоняне использовали башни сразу после смерти Александра, у нас нет. Тем не менее Диодор, рассказывая о том, как Пердикка пытался захватить (321 г. до н. э.) укрепление под названием Верблюжий вал, возведенное Птолемеем Лагом, передает, что на штурм были брошены гипасписты и «те, которые были на слонах» (οἱ δὲ ἐπὶ τῶν ἐλεφάντων) [Diod., XVIII, 34, 2]. Как отмечает П. Гуковский, фраза о находящихся на слонах людях может быть понята двояко³⁵². Он полагает, что речь в данном случае идет исключительно о корнаках³⁵³. По мнению А. К. Нефёдкина, данный вывод следует из самого описания штурма: Птолемей ослепил сариссой ведущего слона и ранил сидевшего на нем погонщика; друзья Птолемея последовали его примеру. «Ни о каком противостоянии с сидящими на слонах воинами, которые могли бы своими сариссами нанести ответный удар, речи нет. Конечно, если Птолемей и его соратники использовали некие особо длинные сариссы (ср. Theophr., Hist. Plant. III, 12, 2), то воины на слонах просто не могли бы им помешать. Впрочем, более вероятным представляется предположение, что ни башен, ни воинов на слонах не было»³⁵⁴.

В действительности мы мало что можем извлечь из данного исторического эпизода. Если предположить, что на слонах Пердикки были башни, в которых находились воины, вооруженные сариссами, то и в этом случае они никак не могли помешать Птолемее и его соратникам поражать сариссами точно такой же длины слонов и их корнаков³⁵⁵. Но даже если бы башни уже использовались в это время, то перед началом штурма Пердикка приказал бы снять их со спин животных, поскольку находившиеся в них бойцы не только мало чем могли быть полезны, но и служили бы ненужной обузой³⁵⁶. Тот же самый аргумент можно привести и анализируя попытку использования слонов Полисперхонтом при штурме Мегалополя. Вообще нужно отметить, что многие исследователи допускают ошибку, полагая, что слон постоянно должен был носить на себе башню, в том случае, если подобная конструкция была бы уже изобретена. П. Гуковский, например,

считает, что в эпизоде, когда легковооруженная кавалерия Антигона попыталась захватить внезапным нападением слонов Эвмена, которых после зимовки вели на соединение с основными силами, отсутствие на животных башен свидетельствует о том, что об их существовании еще не было известно³⁵⁷. На это можно возразить, что нападения никто не ожидал, и башни, даже если бы таковые имелись, просто не были установлены на спинах животных. Точно так же и солдаты во время обычных переходов не надевали тяжелого вооружения, а везли его на телегах.

Македонский боевой слон времен Александра Великого

Рис. И. В. Кирсанова

Вместе с тем, согласно одному сообщению Плутарха, мы должны допустить, что спустя всего несколько лет после штурма Верблюжьего вала башни уже вошли в употребление [Plut., Eumen., 14]. Плутарх следующим образом описывает момент появления армии Антигона Одноглазого: «Воины шагали в строгом порядке, блеснуло на солнце золото оружия, стали видны башни на слонах и пурпуровые покрывала, которыми украшали животных...» [Plut., Eumen., 14; пер. А. П. Каждана]. Некоторые исследователи полагают, что это явный анахронизм,

отражающий позднее представление о том, как должны были выглядеть боевые слоны³⁵⁸. П. Гуковский, точку зрения которого разделяет Г. Х. Скаллард, считает, что данное описание было позаимствовано из сочинения самосского историка Дуриса. По его мнению, живописный стиль данного фрагмента не свойственен Иерониму из Кардии, очевидцу и участнику описываемых событий, но вполне типичен для Дуриса, который был современником Пирра и, вероятно, описал слонов Антигона в соответствии с тем, как выглядели слоны эпирского царя, ставшего знаменитым после побед, одержанных им в Италии³⁵⁹. Согласно другим исследователям, живописность рассказа, напротив, указывает на то, что он принадлежит человеку, передававшему свои личные впечатления, а не то, что дошло до него понаслышке. С этой точки зрения Иероним представляется наиболее вероятным источником Плутарха, поэтому его сведения могут считаться вполне надежными³⁶⁰.

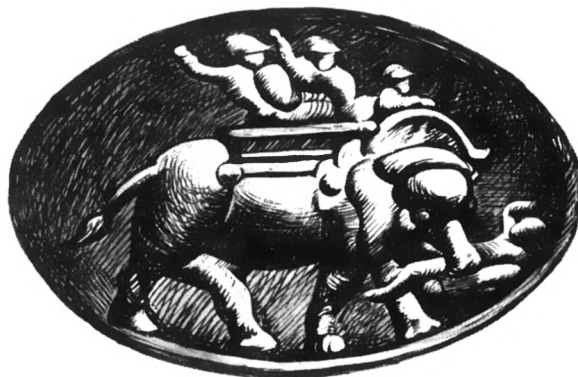
А. К. Нефёдкин доверяет Плутарху и полагает, что башни действительно впервые появились в армии Антигона. У его противника Эвмена их в это время, по-видимому, еще не было. Слонов Эвмену привел стратег Северной Индии Эвдам [Diod., XIX, 14, 8]. Если судить по отчеканенным Эвдамом в Сузах в 317 г. до н. э. монетам, то его воины сидели на спинах животных³⁶¹. Это вполне логично: ведь слоны Эвдама были обучены и экипированы в соответствии с индийскими традициями.

Возможно, именно разницей в вооружении боевых слонов и объясняется тот факт, что в двух сражениях в Паретакене и Габие, несмотря на то что Эвмен имел двукратный перевес в слонах (125 против 65), он каждый раз терпел неудачи: в первом столкновении он потерял 11 животных, тогда как Антигон ни одного, а во втором передовой слон Эвмена пал в столкновении со слонем противника, что послужило причиной бегства остальных животных вместе с отрядами сопровождавших их стрелков [Diod., XIX, 42, 6]³⁶².

Появление башен на слонах было, несомненно, важным военным изобретением. «Башня, с одной стороны, предоставляла платформу для боя находившимся в ней воинам и придавала им большую устойчивость, необходимую для стрельбы, а с другой — защищала экипаж от вражеского метательного оружия и избавляла от обязательного ношения щита и прочего тяжелого защитного вооружения, мешающего стрельбе»³⁶³. Башня превращала слона в намного более грозное и опасное средство борьбы как с пехотой, так и с кавалерией противника. В этом отношении интересно сообщение Плиния Старшего о боях, показанных народу Цезарем, о которых упоминалось выше; после того как на слонах были установлены башни, количество противников, с которыми им предстояло сражаться,

увеличилось с 500 человек до 1000³⁶⁴. Другими словами, считалось, что сила огромного зверя возрастала как минимум вдвое, если он нес на себе башню с воинами внутри. Возможно, сама идея появления башни родилась достаточно быстро уже после смерти Александра, когда стало ясно, что македонский воин с сариссой в руках не может эффективно действовать в боевых условиях. П. Гуковский полагает, что анабаты (гоплиты, сидевшие на слонах) фигурировали первоначально только на парадах, а в реальных сражениях диадохи вернулись к индийской модели³⁶⁵. Вероятно, именно желание дать воину с македонской сариссой возможность сражаться стоя подтолкнуло эллинистическую инженерную мысль к изобретению башни, и не исключено, что первые башни на слонах были рассчитаны только на одного бойца.

Гемма, возможно, изображающая победу Антиоха I над галатами
Прорисовка Д. А. Синеокой

Судя по сохранившимся изображениям, обычно высота стен башен доходила до плеча воина, т. е. составляла около 1,60 м. Однако были, вероятно, и более короткие башни, особенно в раннеэллинистическую эпоху. Так, например, башня на спине слона на сардониковой гемме из Парижа, изображающей бой с галатами, не достигает находящимся в ней людям даже до пояса³⁶⁶. Воины показаны со щитами, что представляется весьма естественным, учитывая малую высоту стен башни. Но здесь мы не должны впадать в заблуждение и считать, что рисунок на гемме

в точности соответствует историческим реалиям: в действительности такая башня была бы практически бесполезной, поскольку она не только не защищала бы бойцов, но и не обеспечивала бы им никакой устойчивости, поскольку даже при не очень быстром движении животного они просто могли быть выброшенными на землю из-за неизбежной тряски. Очевидно, мастер, делавший гемму, сознательно уменьшил размеры башни, чтобы более наглядно изобразить воинов и тем самым сделать более выразительным весь рисунок.

Стены башен заканчивались зубцами, которые обеспечивали защиту солдатам, находившимся внутри, позволяя им при этом пользоваться своим оружием. Башни (возможно, даже только их каркас)³⁶⁷ делались из дерева. Для защиты от зажигательных снарядов их могли покрывать кожей. Часто на стенках башен укрепляли щиты. Башни устанавливались на спинах слонов с помощью ремней, веревок или цепей, при этом они не должны были мешать животному сохранять необходимую подвижность во время боевых действий.

КОЛИЧЕСТВО ВОИНОВ В БАШНЕ НА СПИНЕ СЛОНА

Дискуссионным остается вопрос относительно того, сколько бойцов находилось в башне. Если верить изобразительным источникам, то, как правило, их было двое. Впрочем, данный факт может объясняться нежеланием художника загромождать рисунок второстепенными деталями или просто отсутствием места для изображения других воинов³⁶⁸.

Плиний в упомянутом выше рассказе о боях слонов сообщает, что 20 слонов несли на себе башни, в которых в совокупности находилось 60 воинов, т. е. по 3 бойца на каждом животном³⁶⁹. Согласно Гелиодору, в башне размещалось 6 человек [Heliodor., IX, 17]; Ливий говорит о 4 воинах [Liv., XXXVII, 40, 3–4], Флавий Филострат — о 10–15 [Philostrat., II, 12], а в первой Книге Маккавеев утверждается, что на слоне находилось 32 воина, и к тому же были метательные машины [Maccab., I, 6].

Последние два свидетельства кажутся маловероятными. Очевидно, что описание в первой Книге Маккавеев не может быть принято дословно, поскольку 32 человека со своим вооружением весили бы почти столько, сколько сам слон. Некоторые исследователи пытаются найти приемлемое объяснение цифре, приведенной в источнике. А. Ральфс полагает, что в греческой рукописи была допущена ошибка, и вместо «тридцати» (Λ') в тексте должно стоять «четыре» (Δ'). Н. Секунда считает, что никакой

ошибки нет, но речь в данном случае идет не о количестве воинов, находящихся в башне, а об отряде, который должен был сопровождать и защищать слона.

Сообщение Филострата пытаются понять таким образом, что на слоне было установлено сооружение, способное вместить в себя 10–15 человек, что вовсе не означает, что эти люди там находились. Предполагается, что автор хотел всего лишь подчеркнуть, что подобная башня была в 4 раза больше тех, которые обычно использовались в эллинистическое время³⁷⁰. Вместе с тем информация, содержащаяся в источниках намного более позднего периода, подтверждает правоту Филострата. Рассказывая о радже Мьяна, Марко Поло передает, что у того было 2000 слонов, каждый из которых нес на себе «деревянный теремец» с 12–16 бойцами³⁷¹. П. Д. Арманди не верит венецианцу, считая, что он стал жертвой слухов, «раздутых национальным честолюбием»³⁷². Однако это описание подтверждается русским путешественником Афанасием Никитиным. «Слонам, — передает Никитин, — к голове и бивням привязывают большие кованые мечи, по кантару³⁷³ весом, да облачают слонов в доспехи булатные, да на слонах сделаны башенки, и в тех башенках по двенадцать человек в доспехах, да все с пушками да со стрелами»³⁷⁴. В другом месте он описывает торжественное появление султана в сопровождении своих войск: «На байрам бесерменский совершил султан торжественный выезд: с ним двадцать визиров великих выехало да слонов триста, облаченных в булатные доспехи, с башенками, да и башенки окованы. В башенках по шесть человек в доспехах с пушками и пищальями, а на большом слоне по двенадцать человек. И на каждом слоне по два знамени больших, а к бивням привязаны большие мечи весом по кантару, а на шее — огромные железные гири. А между ушей сидит человек в доспехах с большим железным крюком — им слона направляет»³⁷⁵. Никитин упоминает также и о менее многочисленных экипажах на слонах: «И пошли с ними сто слонов в доспехах и с башенками, а на каждом слоне по четыре человека с пищальями»³⁷⁶.

Эти детальные описания показывают, что Афанасий Никитин видел слонов своими глазами и его информация может считаться достоверной. По мнению А. К. Нефёдкина, из этих рассказов следует, что во время боевых действий на слонах находилось от 3 до 6 человек, включая погонщика, в то время как во время торжественных церемоний, которые должны были продемонстрировать всем военную мощь раджи, на животных сидело максимально возможное количество воинов (12 человек)³⁷⁷.

Очевидно, количество воинов на слоне в первую очередь определялось физическими возможностями самого животного. По мнению П. Д. Арманди, максимальный вес, который может поднять слон,

варьируется от 2000 до 2500 фунтов (от 907,18 до 1133,98 кг)³⁷⁸. Относительно груза, который слон мог нести на себе без затруднения, можно судить, опираясь на опыт британской армии, использовавшей огромных четвероногих, в частности во время войны в Абиссинии для перевозки тяжелой артиллерии. Суммарный вес отдельных частей орудий, переносимых одним слоном во время дневного перехода, составлял от 1300 фунтов (589,67 кг) до 1844 фунтов (836,42 кг)³⁷⁹. Однако во время сражения, когда животное должно было сохранять подвижность, подобная ноша была бы явно чрезмерной. Поэтому П. Д. Арманди полагает, что реальный вес, который мог нести слон, свободно передвигаясь по полю боя, не должен был превышать 1200 фунтов (544,31 кг). Приблизительно столько же весила башня с 5–6 воинами³⁸⁰.

Вероятно, численность экипажей могла быть различной и зависела в том числе и от конструкции самой башни. На основании сохранившихся изображений можно сделать вывод, что существовали башни с двумя зубцами с боковой стороны³⁸¹ и башни с тремя зубцами³⁸². Есть мнение, что количество зубцов указывало на размеры башен. В башнях с двумя зубцами обычно находилось не более 2 бойцов; башни с тремя зубцами были более просторными³⁸³, и, следовательно, в них могло разместиться 3 и более солдат³⁸⁴.

ВСЕГДА ЛИ НА СЛОНАХ УСТАНАВЛИВАЛИСЬ БАШНИ?

В нашем представлении боевой слон должен был непременно нести на своей спине башню. Однако в действительности это было далеко не так. «Бой на слонах, — пишет Арриан, — является простым, исключая лишь те случаи, когда слоны носили башни» [Арр., Такт., II, 4]. Другими словами, по мнению Арриана, башни на спинах животных устанавливались только в каких-то определенных ситуациях.

Наличие или отсутствие башни определялось главным образом тактической задачей, которую слон выполнял во время боя. Цари и полководцы могли использовать слона в качестве боевого животного и сидеть на нем верхом, точно так же, как они сидели бы на коне³⁸⁵. Достаточно вспомнить разбиравшийся уже эпизод из первой Книги Маккавеев, когда Элеазар, увидев в сирийском войске самого большого слона, решил, что на нем должен был сидеть царь³⁸⁶. Еще одним подтверждением этого факта может служить бронзовая статуэтка из Египта, которая находится сегодня в музее Метрополитен в Нью-Йорке. Она

представляет обнаженного воина в шлеме в виде головы слона (*exuviae elephantis*). Нельзя однозначно ответить на вопрос, кого именно изображает эта статуэтка. Впервые *exuviae elephantis* появились на монетах с изображением Александра Великого, выпущенных Птолемеем I как напоминание о победе, одержанной над Индией и ее чудовищными зверями³⁸⁷. Согласно одной из версий, египетская статуэтка представляет греко-бактрийского царя Деметрия I (около 190–171 гг. до н. э.), прославившегося тем, что он завоевал такую часть Индии, которая превосходила по размерам индийские владения самого Александра [Strab., XI, 11, 1; Just., XLI, 6]. За это он даже был назван Аникет (Непобедимый). В войне с индийцами, несомненно, и с той и с другой стороны участвовали боевые слоны. Возможно, статуэтка представляла царя, сидящего верхом на слоне, что должно было демонстрировать физическую силу монарха и его воинскую отвагу³⁸⁸.

Статуэтка, возможно, Деметрия I (Музей Метрополитен, Нью-Йорк)
(Попов А. А., Банников А. В. Ненаписанная страница в военной истории слонов
(Греко-Бактрия и индо-греческие царства) // Вестн. С.-Петерб. ун-та.
Сер. 2. 2010. Вып. 3. С. 33)

Эпизод с Элеазаром показывает, что не только цари, но и офицеры, а может быть, даже и рядовые могли совмещать функции корнаков и воинов, подобно тому, как это было уже в древнеиндийских армиях. Эллинистическая военная мысль усовершенствовала индийскую модель, и всадник на слоне получил тяжелое защитное вооружение, щит и, вероятно, сариссу. Небольшая свинцовая статуэтка из Александрии, о которой уже упоминалось выше, представляет слона, покрытого попоной,

на спине которого сидит воин, облаченный в панцирь мускульного типа. По мнению П. Гуковского, образцом для мастера, изготовившего эту статуэтку, послужили изображения на погребальной колеснице Александра³⁸⁹. На наш взгляд, фигурка демонстрирует более поздний этап развития эллинистической элевфантерии, когда в Египте и Сирии перестали зависеть от корнаков из Индии и стали обучать управлению слонами местных уроженцев.

Если слоны должны были прорывать строй вражеской пехоты, как это было в битве при Тунете (256 г. до н. э.), то башни были бы для них только помехой: какими бы ни были размеры башен, они сковывали движения животных, а во время их стремительного бега раскачивались из стороны в сторону. Поэтому воины, находившиеся внутри башен, не имели никакой реальной возможности принять участие в бою. То же самое можно сказать и в отношении тех случаев, когда слонов бросали на штурм вражеских полевых укреплений. Можно ли представить себе, например, башни на слонах, взбирающихся на вал римского лагеря под Капудей? Вместе с тем, когда от огромных зверей не требовалось быстроты передвижения и стремительности натиска, башни были просто необходимы. В подобных ситуациях слоны должны были, как правило, удерживать занятую позицию, что позволяло экипажу в башне эффективно пользоваться своим оружием. Именно так, очевидно, предполагал использовать слонов Антиох III в битве при Магнесии, поэтому и число солдат в башнях было увеличено настолько, насколько позволяла их конструкция³⁹⁰.

Наличие башен на спинах животных, количество воинов в них и качество их оружия играли первостепенную роль во время противоборства со слонами противника. В таких случаях башни не могли быть слишком громоздкими, и, по всей видимости, их размеры не превышали полтора метра в длину и ширину. Поэтому находиться в них могли два, максимум — три человека.

Не менее важную роль экипаж башни играл во время штурма городов, когда нужно было уничтожить защитников, стоявших на стенах. Для выполнения этой задачи создавались особенно крупные башни, в которых могло находиться около 10 человек. В IV—VI вв. к этому приему очень часто прибегали персы.

ИСПОЛЬЗОВАЛИ ЛИ БАШНИ КАРФАГЕНЯНЕ И ДРУГИЕ АФРИКАНСКИЕ НАРОДЫ³⁹¹?

По мнению некоторых ученых, карфагеняне не устанавливали башни на своих слонах, поскольку использовали в военных целях только лесных слонов, размеры которых не позволяли этого делать³⁹². Эта гипотеза была впервые высказана У. Говерсом и поддержана многими другими зарубежными исследователями³⁹³.

Если разобраться, то данная теория родилась прежде всего под влиянием изображений на карфагенских монетах из Испании (237–218 гг. до н. э.), где представлен слон, на котором сидит один только корнак³⁹⁴. Аргументом в ее пользу служит также тот факт, что Полибий, Тит Ливий и Аппиан, рассказывая о битвах при Баграде, Требии и Заме, нигде не говорят, что на карфагенских слонах были башни. Вместе с тем те же самые историки упоминают башни, когда речь идет об индийских слонах Селевкидов³⁹⁵.

Серебряная карфагенская монета, датируемая приблизительно 230 г.

На аверсе изображен Геракл, на реверсе — африканский слон, на котором восседает корнак в просторном плаще с капюшоном
(Amara O. A. Les soldats d'Hannibal. Clermont-Ferrand, 2009. Pl. VI, 14)

Полибий, рассказывая о битве при Тунете (Баграде), упоминает о людях на слонах карфагенян. Г. Х. Скаллард³⁹⁶, чье мнение поддерживают другие исследователи и, в частности, М. Б. Чарльз³⁹⁷, полагает, что речь в данном случае идет о погонщиках [Polyb., I, 34, 1]. Это вполне логично, но ничего не объясняет, поскольку, по замыслу Ксантиппа, командовавшего карфагенскими войсками, слоны должны были стремительным натиском разорвать римский боевой порядок. Поэтому, даже если башни и использовались карфагенянами в других обстоятельствах, они были бы неуместны для реализации задуманного им плана.

Весомое доказательство в пользу отсутствия башен на карфагенских слонах видят в описании Полибием сражения под Панормом. В начале боя карфагенские корнаки, «сореvнуя Гасдрубалу и желая стяжать себе честь победы», погнали слонов на римский передовой отряд [Polyb., I, 40, 11]. Когда же животные подверглись обстрелу со стороны римлян, то повернули назад и смяли собственные войска. «Десять слонов, — передает Полибий, — вместе с индийцами были взяты в плен; остальные скинули с себя индийцев и, окруженные конницею, были все захвачены после сражения» [Polyb., I, 40, 15; пер. Ф. Г. Мищенко]. Нигде нет ни слова о воинах в башнях, которых также должны были скинуть с себя слоны или захватить в плен римляне. Впрочем, даже этот эпизод не позволяет с уверенностью настаивать на отсутствии башен. Нам хорошо известно, что в битве при Магнесии на слонах Антиоха подобные сооружения были. Однако, анализируя результаты боя, Ливий говорит о 15 слонах, захваченных вместе с погонщиками [Liv., XXXVII, 44, 1]. О бойцах в башнях нет ни слова. Вероятно, при столкновении с противником они были первыми, кого стремились уничтожить. Корнаки же могли сами отдать команду животному прекратить сражение и сдаться на милость победителя.

Но поставим вопрос иначе: могли ли в принципе карфагеняне устанавливать башни на спинах своих слонов? Не возникает сомнения по поводу того, что они знали о такой возможности: столкновение с армией Пирра должно было наглядно продемонстрировать им назначение подобных сооружений и предоставляемые ими выгоды. Не были ли, в самом деле, причиной отказа карфагенян от башен размеры слонов, которых они отлавливали?

Если придерживаться традиционной теории и говорить исключительно о лесных слонах, то мнение об их незначительных размерах является в корне неверным. Эти животные не настолько малы, чтобы не поднять башню с двумя или даже большим количеством легковооруженных солдат. Для сравнения укажем, что некоторые народы древности использовали в военных целях верблюдов, которые без особых усилий могли нести на себе двух седоков. Спрашивается, почему слон, пусть даже лесной, животное гораздо более крупное, чем верблюд, не способен так же легко нести трех-четырех человек? Из-за тяжести башни? Но башня, даже если она была целиком сделана из дерева, весила не более нескольких десятков килограммов³⁹⁸.

Если взглянуть на данную проблему шире и рассматривать не только слонов в карфагенской армии, а африканских боевых слонов вообще, то мы обнаружим в источниках достаточно частые упоминания о башнях. Начнем с описания битвы при Рафии, сделанного Полибием, который утверждает, что в составе обеих армий, сирийской и египетской, были слоны с башнями

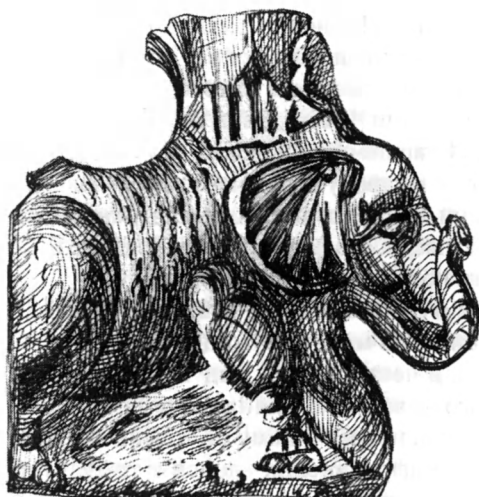
на спинах. Свидетельство Полибия не единственное в нашем распоряжении. Автор «Записок об Африканской войне» сообщает, что на слонах нумидийского царя Юбы, боровшегося вместе с помпеянами против Цезаря, были установлены башни [[Caes.], Bell. Afr., 30]. Выше уже говорилось, что, согласно Плинию Старшему, в цирковых боях, устроенных Цезарем в свое третье консульство, на арену было выведено 20 слонов, на которых были установлены башни. Определенно это были нумидийские слоны, захваченные в битве при Тапсе, поскольку у римлян тогда не было ни возможности, ни необходимости получать слонов из Индии.

Существует и нумизматическое свидетельство, в пользу башен на африканских слонах: на монете нумидийского царя Юбы II, отчеканенной в 21/22 г. н. э. в честь победы над Такфаринатом, изображен слон, на спине которого находится башня с тремя зубцами³⁹⁹. Отметим, что использование башен нумидийцами не только опровергает теорию о неприспособленности африканских слонов к тому, чтобы носить на себе такие конструкции, но и вполне определенным образом свидетельствует в пользу того, что карфагеняне устанавливали башни на своих слонах: ведь только от них этому могли научиться и нумидийцы⁴⁰⁰.

У нас есть археологические источники, происходящие из Египта, доказывающие, что в государстве Птолемеев башни были составной частью вооружения слонов⁴⁰¹. Один из таких источников — терракотовая статуэтка, изображающая слона с башней в виде деревянной клетки. Подобная башня вряд ли имела военное назначение; более вероятно, что ее использовали в мирное время для проведения какой-либо торжественной церемонии⁴⁰².

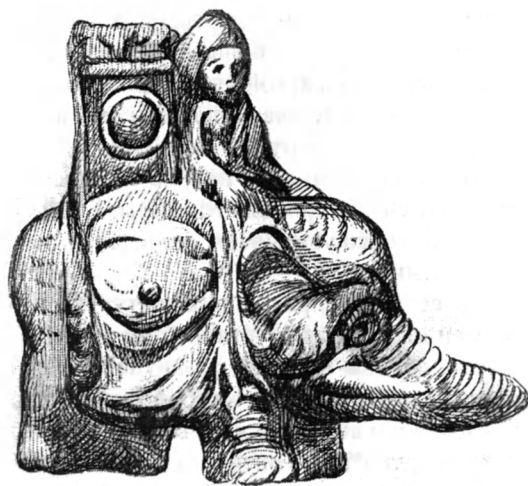
Второй источник — относящаяся приблизительно к тому же самому периоду терракотовая лампа высотой 9 см в виде фигурки боевого слона с башней «классического типа». Фигурка очень сильно напоминает селевкидскую статуэтку из некрополя Мирины, с той только разницей, что широкие уши животного указывают, по всей видимости, на его африканское происхождение.

Наконец, это известная терракотовая статуэтка из Помпей в виде слона, на котором сидит корнак и установлена башня. По мнению исследователей, форма головы и спины животного, большие уши и два «пальца», которыми заканчивается его хобот, свидетельствуют в пользу того, что мастер изобразил африканского слона⁴⁰³. Корнак, как кажется, имеет негрятянские черты⁴⁰⁴. Н. Говерс и Г. Х. Скаллард полагают, что статуэтка представляет слона из армии Ганнибала, который по каким-то необъяснимым причинам мог использовать негров в качестве погонщиков⁴⁰⁵. Более вероятно, что это птолемеевский слон, поскольку именно в египетских армиях жожаками слонов были эфиопы⁴⁰⁶.

*Терракотовая статуэтка птолемеевской эпохи,
изображающая украшенного гирляндами слона,
на спине которого находится башня в виде деревянной клетки*

Прорисовка Д. А. Синеокой

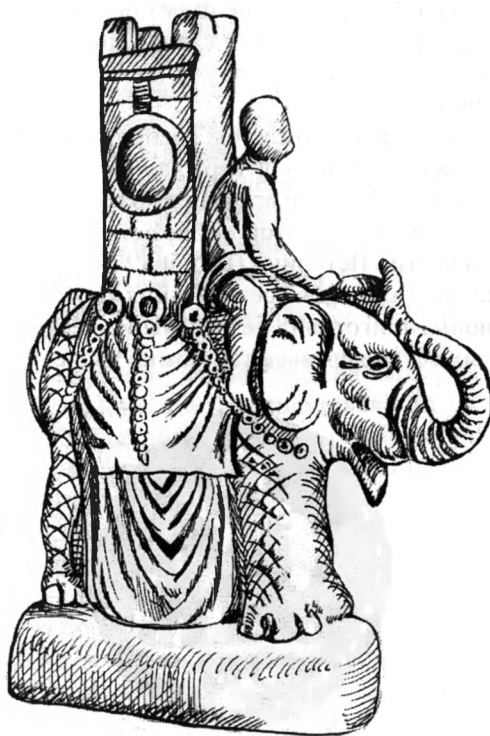
Терракотовая лампа в виде фигуры боевого слона.

Египет. II в. до н. э.

Прорисовка Д. А. Синеокой

На фотографиях, представленных ниже, можно видеть слонов, на которых в современном Таиланде возят туристов. Нетрудно заметить, что размеры животных невелики: высота в холке у них составляет около 2 м. Тем не менее слон легко несет на себе корнака и двух человек, не испытывая при этом каких-либо затруднений. Лесной слон как минимум на 0,5 м крупнее тех, что на снимках, так почему же он не мог нести на себе башню с двумя бойцами?

*Терракотовая статуэтка из Помпей,
изображающая, возможно, птолемеевского боевого слона
Прорисовка Д. А. Синеокой*

Таким образом, приходится признать, что теоретическая возможность установить башни на слонах у карфагенян существовала, и, по всей видимости, они воспользовались ей сразу же, как только создали в своей

армии новый вид войска, взяв за основу для подражания снаряжение слонов Пирра⁴⁰⁷. Хотя ни Полибий, ни Ливий не упоминают о башнях на карфагенских слонах, это не значит, что нет никаких литературных свидетельств об использовании их пунийцами. О башнях сообщают Силий Италик [Sil. Ital., Punic., IX, vs 577] и Лукреций [Lucret., V, vs. 1302]. Первый из этих поэтов писал при Домициане. Его основными источниками были труд Ливия и утраченная анналистическая традиция⁴⁰⁸. По мнению М. Б. Чарльза, он передавал лишь общее представление о слонах, и, следовательно, его информация не имеет большой цены⁴⁰⁹. Лукреций в риторическом контексте изображает слонов Пирра, поэтому и называет их «луканскими быками». Таким образом, и его данные также не следует принимать в расчет⁴¹⁰.

Слова этих поэтов можно было бы воспринимать лишь как литературное клише, если бы они не подтверждались данными других источников. Прежде всего необходимо вспомнить о комментарии Суды к слову «торакион», источником для которого, возможно, послужил пассаж из несохранившейся части «Истории» Полибия⁴¹¹: «„Торакион“ — это приспособление у слона. Ганнибал, военачальник карфагенян, имея слонов, носящих торакионы, приготовил безопасный и легкий путь, отрубив из кузовов животных ветви деревьев как можно выше»⁴¹².

Реверс серебряной монеты из Кампании, без легенды. Конец III в. до н. э.
Прорисовка Д. А. Синеокой

К комментарию Суды можно добавить и данные нумизматики. Во-первых, это маленькая серебряная монета, на аверсе которой представлена голова Гермеса⁴¹³, а на реверсе — африканский слон с башней на спине⁴¹⁴. Точно такое же изображение слона присутствует на двух других монетах, на аверсе первой из которых изображена голова Артемиды,

а на второй — Геракла в диадеме⁴¹⁵. Изображение на аверсе последней монеты сильно напоминает изображение Геракла на испанских монетах Баркидов⁴¹⁶. Т. Моммзен считал, что две последние монеты происходят из Нумидии. Однако высокое качество работы указывает скорее на то, что они были отчеканены в одном из городов Великой Греции Ганнибалом⁴¹⁷. Если это действительно так, то мы располагаем весомым свидетельством в пользу того, что карфагеняне устанавливали башни на своих слонах. Правда, Г. Х. Скаллард допускает возможность того, что эти башни могли иметь не боевое, а парадное назначение, и устанавливались на животных только во время торжественных церемоний⁴¹⁸. Не совсем понятно, почему, по мнению этого исследователя, Ганнибал впервые использовал башни в сражении при Капуе⁴¹⁹. Выше мы уже отмечали, что как раз в этом эпизоде в башнях не было никакой необходимости, поскольку они только препятствовали бы слонам взбираться на вал римского лагеря, а солдаты, находившиеся внутри, не столько принимали бы участие в бою, сколько были бы озабочены проблемой, как бы им не упасть на землю. Возможно, к подобному выводу исследователя подтолкнула бронзовая монета из Капуи (или Ателлы), на реверсе которой изображен африканский (судя по размеру ушей и большим бивням) слон с башней на спине⁴²⁰.

Еще одно доказательство использования карфагенянами башен — это фиал из г. Калеса в Кампании, хранящийся в Лувре. На фиале представлен африканский слон, на котором сидит корнак и установлена башня с одним воином внутри⁴²¹. Форма спины и головы, а также размер ушей изображенного животного указывают на его африканское происхождение.

П. Гуковский не подвергает сомнению факт использования карфагенянами башен, однако считает, основываясь на свидетельствах нумизматики, что этот элемент боевого снаряжения слонов появился у них довольно поздно. Впрочем, он допускает, что по крайней мере у Ганнибала какая-то часть слонов была снабжена башнями⁴²². М. Б. Чарльз считает, что размеры карфагенских слонов позволяли устанавливать на их спинах башни, но это делалось только тогда, когда тактическая задача животных на поле сражения носила оборонительный характер; при нападении недостатки от использования башен были гораздо существеннее предоставляемых ими преимуществ⁴²³. По его мнению, карфагеняне использовали башни только в случае осады фортификационных сооружений, как позднее поступали персы в сасанидскую эпоху⁴²⁴. Некоторые исследователи полагают, что башни на африканских слонах стали устанавливать только после Пунийских войн, и впервые это стали делать в птолемеевской армии⁴²⁵.

Свидетельства источников, говорящих о башнях на карфагенских слонах, разнообразны и многочисленны, поэтому должны быть приняты во внимание. Карфагеняне с самого момента возникновения у них нового рода войск знали о башнях как об элементе боевого оснащения животных. Размеры слонов, которых они использовали, вполне соответствовали тому, чтобы на них могли быть установлены такие конструкции. Однако пунийцы делали это далеко не всегда. Возможно даже, в большинстве случаев на их слонах сидели только корнаки. Это объясняется исключительно теми тактическими приемами, к которым прибегали карфагеняне на полях сражений. Слон для них был прежде всего инструментом прорыва вражеского строя или штурма лагеря. Большое количество слонов, которое выводили карфагеняне на поля сражений в годы Первой Пунийской войны, позволяло им прибегать именно к подобной практике и делало ненужным и даже обременительным использование башен. От огромных зверей требовались максимальная быстрота и подвижность. Карфагенским слонам не приходилось вступать в единоборства со слонами противника и не нужно было действовать совместно с легковооруженными отрядами, как это было на эллинистическом востоке. В конечном счете сама карфагенская тактика препятствовала широкому использованию башен.

Во время Второй Пунийской войны, когда количество слонов в карфагенских армиях заметно уменьшилось, пунийские полководцы вынуждены были изменить и приемы использования элѐфантерии. В этих условиях весьма актуальной стала проблема увеличения боевой мощи каждого отдельного животного⁴²⁶. Поэтому башни, особенно под занавес войны, стали появляться на спинах карфагенских слонов гораздо чаще, чем в предыдущий период. Так, например, по мнению некоторых исследователей, одно из указаний Аппиана [App., Lib., 43] свидетельствует в пользу того, что башни были установлены на слонах, участвовавших в битве при Заме⁴²⁷.

Сколько воинов могло помещаться в башнях на карфагенских слонах? Считается, что их было столько же, сколько солдат в башнях на слонах Пирра, т. е. по 2 бойца, как представлено на блюде из Капены⁴²⁸. Но, выше уже это отмечалось, изобразительные свидетельства обычно подчиняются определенным условностям и далеко не всегда объективно отражают реалии эпохи. Что, например, мешало Пирру разместить в башнях трех, четырех и более воинов? Конструкции башен? Вряд ли. Статуэтка из могилы некрополя Мирины — возможно, копия статуэтки времен Антиоха I, т. е. воспроизводит боевое оснащение слона, современного Пирру. Однако она имеет на боковых сторонах по три

зубца, что предполагает более крупные габариты, нежели у башни, изображенной на блюде из Капены⁴²⁹. Поэтому можно допустить, что и в эпирской армии могли быть слоны с башнями различных размеров. Следовательно, и численность карфагенских экипажей на слонах должна была варьироваться: молодые животные могли не иметь башен или же нести башни с одним или двумя воинами. В башнях на взрослых слонах количество бойцов было, несомненно, более значительным.

ВООРУЖЕНИЕ ВОИНОВ, НАХОДИВШИХСЯ В БАШНЯХ

Среди исследователей утвердилось мнение, что основным оружием воинов в башнях были дротики, для метания которых не требовалось особого мастерства, как, скажем, для стрельбы из лука, и их всегда можно было бросить наугад в стоящих плотной массой врагов⁴³⁰. Подобный взгляд сформировался на основе дошедших до нас изображений, прежде всего блюда из Капены и двух фаларов из Эрмитажа. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что мы не можем однозначно утверждать, что бойцы в башнях, представленные на этих памятниках, действительно вооружены дротиками. На фаларах отчетливо видно, что мастеру, чтобы уместить все изображение, пришлось пойти на сознательное нарушение пропорций: башня на спине слона, как и люди, находящиеся в ней, выглядят неестественно маленькими. Наконечники оружия, которое держат воины, поднимаются выше их голов. Это свидетельствует о том, что у них в руках не дротики, а копья, длина которых составляет не менее 2 м. Однако обычное копье было бы не столь удобным для метания, как дротик, и совершенно бесполезно для ближнего боя. Поэтому можно предположить, что художник изобразил копья настолько длинными, насколько это позволяло свободное пространство (их наконечники упираются в декоративный бордюр, идущий по окружности фалара). Возможно, мастер «вооружил» бы воинов сариссами, и только техническая невозможность точно отразить реалии заставила его прибегнуть к условностям.

То же самое можно сказать и о блюде из Капены. На рисунке вполне отчетливо видно, что бойцы в башне стоят, опираясь на свои копья, которые поднимаются выше человеческого роста и уходят за границы рисунка. Очевидно, в данном случае итальянский художник столкнулся с теми же проблемами, что и его греко-бактрийский коллега, поэтому нарисовал лишь нижнюю половину сарисс.

Сариссы действительно были наиболее эффективным оружием, которое могли использовать воины в башнях. Ими можно было нанести тяжелые ранения слонам противника, а также неоднократно, в прямом смысле слова, обрушивать их на головы врагов. Согласно свидетельству Полибия, сарисса была типичным оружием сирийских и египетских воинов на слонах [Polyb., V, 84, 2].

Использование сарисс не исключало использования других видов оружия, в частности луков, что соответствовало восточной традиции⁴³¹. Если верить тому, что сообщает Силий Италик в приведенном выше фрагменте, то кроме дротиков, сарисс и луков воины в башнях могли метать различные зажигательные снаряды [Sil. Ital., Punic., IX, vs 577]⁴³², а Полиэн упоминает об использовании пращей [Polyaen., VIII, 23, 5].

ГЛАВА IV

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ
САОНОВ И ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭТИХ ЖИВОТНЫХ

*Magnaue ex parte Orientis bella conficiunt: prosternunt acies,
proterunt armatos.*

C. Plinius Caecilius Secundus (Major). «Naturalis historia», VIII, 27

*И они участвовали во многих войнах на Востоке:
разрывали боевой строй, давили солдат.*

Плиний Старший. «Естественная история», VIII, 27

ОРГАНИЗАЦИЯ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ ЭЛЕФАНТЕРИИ

Появление эллинистической элевфантерии предполагало, естественно, организацию, соответствующую принципам греко-македонского военного дела. Основная информация, касающаяся этого вопроса, содержится в трактате Асклепиодота, который перечисляет (от низшего к высшему) звания офицеров, управлявших боевыми слонами. Вожаком одного слона был *зоарх*; двумя животными командовал *терарх*; такое подразделение называлось *терархией*; *эпитерархию* образовывали 4 слона, а начальником над ними был *эпитерарх*; *илархия* во главе с *илархом* состояла из 8 животных; *элевфантархия* под командованием *элевфантарха* — из 16; 32 слона образовывали *полуфалангу* (или *крыло*), которой командовал *керарх*, и, наконец, *фалангарх* командовал 64 слонами, составлявшими *фалангу* [Asclep., Tact., 9].

Лапидарные указания наших источников позволяют допустить, что каждый слон имел постоянный эскорт⁴³³, состоявший из легковооруженных воинов, обычно лучников и пращников. Сколько солдат входило в состав таких отрядов, в точности неизвестно. Диодор Сицилийский утверждает, что в битве при Газе Деметрий разместил между 30 слонами 1500 стрелков, т. е. группами по 50 человек [Liv., XXXVI, 18]⁴³⁴. Таким образом, фаланга слонов должна была включать в себя не только 64 животных с корнаками-офицерами, но также 3200 стрелков и определенное число воинов в башнях. Неизвестно, образовывали ли воины, сражавшиеся в башнях, какой-то специальный корпус. Если судить на основании свидетельств источников, то особого названия они не имели, а просто именовались *πυρρομαχοῦντες* («сражающиеся в башнях») [Polyb., V, 84, 2]⁴³⁵.

Элевфантархом (*ἐλεφαντάρχης*, или *magister elephantorum*) назывался не только командир элевфантархии из 16 животных. Так назывался еще и офицер, который первоначально командовал всей элевфантерией⁴³⁶. В дальнейшем звание элевфантарха стало одним из самых высоких в эллинистических армиях и, очевидно, было уже никак не связано со слонами. Элевфантархи могли стоять во главе отдельных корпусов или даже целых армий. Например, в битве при Магнесии (190 г. до н. э.)

элефантарх Филипп командовал фалангой армии Антиоха III [Liv., XXXVII, 41, 1; App., Syr., 32], а элефантарх Никанор был назначен царем Деметрием I (162–150 гг. до н. э.) стратегом Иудеи [Massab., II, 14, 12]. Во время сражения с восставшими евреями он командовал сирийской армией [Massab., II, 15, 28].

ЗАДАЧИ БОЕВЫХ СЛОНОВ ВО ВРЕМЯ СРАЖЕНИЯ

О том, какие разнообразные задачи должны были выполнять боевые слоны в Древней Индии, можно судить на основании трактата о политике и военном деле «Артхашастра» (III в. до н. э.). «Действия слонов следующие: следование в авангарде; устройство спусков, стоянок и дорог; охват (противника) как руками; при переходе водных рубежей и спуске: стояние, переход и спуск (то есть помощь другим в это время); проникновение в трудные и опасные места; поджигание (чужого лагеря) и тушение огня (в своем стане); победа над одной из частей войска; соединение (своих) расчлененных (сил); расчленение соединенных (вражеских сил); защита при неудаче; уничтожение (войск противника) (сеяние) страха и паники; придание величия; захват (противника); спасение (своих); взламывание стен, ворот и башен; перенесение казны» [А., XI, 4, 153–154; пер. В. И. Кальянова]⁴³⁷.

Современные ученые не склонны переоценивать значение боевых слонов и, говоря об их использовании на полях сражений, часто ограничиваются весьма упрощенной схемой. А. С. Шофман, например, апеллируя к авторитету У. У. Тарна, полагает, что слоны «служили заслоном от конницы врага, атаковали вражескую пехоту впереди своей, врываются в укрепления»⁴³⁸. А. В. Болдырев и Я. М. Боровский считают, что слоны успешно использовались исключительно против неприятельской кавалерии⁴³⁹.

Факт, что слоны были практически универсальным средством борьбы с неприятельской конницей, кажется общепризнанным и подтвержден многочисленными описаниями, сохранившимися в литературных источниках [Arr., Anab., V, 10, 2; Plut., Pyrrh., 17, 3; Frontin., IV, 13; Flor., I, 13, 8; Zon., VIII, 13]⁴⁴⁰. Хотя уже первые столкновения греко-македонской армии с индийцами наглядно продемонстрировали, что слоны — мощное средство борьбы с вражеской кавалерией, не стоит преувеличивать ужас, испытываемый лошадьми при виде этих животных. Хорошо известно, что лошадей можно достаточно легко

приучить находиться рядом с ними и тем самым не только уравнивать шансы обоих родов войск, но и поставить кавалерию в более выгодное положение⁴⁴¹. В армии Антигона Одноглазого были целые эскадроны легковооруженных туземных всадников, которые весьма успешно боролись со слонами противника. Нумидийские всадники Масанассы в битве при Заме также не боялись карфагенских слонов. Да и Цезарю достаточно было всего немного времени тренировок, чтобы не только люди, но и лошади избавились от своего страха перед слонами [[Caes.], Bell. Afr. 72, 4–5].

По-видимому, задачи элфантерии были гораздо разнообразней и во многом зависели от конкретных условий и сложившихся традиций. Нам представляется более объективной оценка, данная участием боевых слонов на полях сражений П. Д. Арманди: «Слон, как и артиллерийское орудие, является одновременно наступательным и оборонительным средством, одинаковым образом способным воздействовать и на воображение, и на физическое состояние неприятелей. Слонами защищали слабые участки боевого строя, точно так же как сегодня это делают с помощью пушек; наконец, и первый, и второй род войск неоднократно давали такое преимущество атаке, которое она не могла получить от использования других видов оружия»⁴⁴².

ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕФАНТЕРИИ

Основные тактические приемы, в соответствии с которыми слонов располагали на полях сражений, были выработаны уже в период войн диадохов. Они должны были, с одной стороны, позволить извлечь максимальную выгоду от участия слонов в бою, а с другой — по возможности минимизировать связанный с этим риск для собственной армии.

Для эффективных действий боевых слонов, также как для колесниц и кавалерии, требовалось ровное, без естественных препятствий поле. Согласно Артхашастре, «лучшая местность для слонов — с пылью и грязью, водой, тростником, камышом, без колючих растений, не имеющая препятствий в виде сучьев от больших деревьев» [А., X, 153–154, 4; пер. В. И. Кальянова]. Невнимание к этому обстоятельству могло привести к самым нежелательным последствиям. Так, в битве у р. Мутул (108 г. до н. э.) слоны Югурты наткнулись на ветви деревьев, разбросанные по полю, и поэтому не смогли продолжить атаку, что повлекло за собой бегство нумидийцев. Рассеявшиеся слоны были

окружены римлянами и частью перебиты, частью захвачены живьем [Sallust., Bell. Iugurt., 53, 3–4].

Слонов всегда выстраивали в одну линию и никогда не ставили в несколько рядов⁴⁴³. Согласно данным источников, можно утверждать, что их размещали перед фронтом армии или какой-либо ее отдельной части (флангами или центром) на равном расстоянии друг от друга. По мнению П. Д. Арманди, стандартные интервалы между слонами составляли один плетр, или около 30 м, как это было, например, в битве при Гидаспе⁴⁴⁴. На наш взгляд, говорить о каком-либо базовом принципе в этом вопросе затруднительно, и дистанция между слонами зависела, очевидно, от численности элевфантерии и протяженности фронта той части армии, прикрыть которую должны были слоны. Выше мы уже отмечали, что, согласно индийским нормам, минимальное расстояние между животными составляло приблизительно 250–375 см. Вместе с тем у нас нет никаких свидетельств, позволяющих утверждать, что слоны в каком-либо сражении стояли на удалении большем друг от друга, чем 30 м.

Расстояние, отделявшее слонов от фронта армии, составляло, вероятно, не менее 60 м. В этом случае, если бы нападение огромных зверей было отражено неприятелем, их могли бы собрать вместе и не позволить им смешать собственные боевые порядки. После этого успокоенных животных либо отводили в тыл, либо снова бросали в атаку. «Данный принцип никогда не нарушался безнаказанно, и мы можем утверждать, что поражения, вызванные непокорностью слонов, почти всегда были причиной малого расстояния, оставленного между ними и первой линией строя»⁴⁴⁵.

П. Д. Арманди считает, что в том случае, когда слонов было настолько много, что их невозможно было построить в одну линию перед фронтом армии, из них образовывали резервы, стоявшие позади войска. Предполагается, что именно так поступил Селевк в битве при Ипсе⁴⁴⁶.

Нам представляется, что в античной истории не было ни одного примера (включая битву при Ипсе), когда количество огромных четвероногих было настолько большим, что из них нужно было формировать резервы. Особенности содержания слонов, о которых мы говорили выше, препятствовали чрезмерному увеличению их числа в составе армии. Если предположить, что сложилась бы такая ситуация, когда животных было больше, чем требовалось для прикрытия всего фронта армии, тогда возникает вопрос, что мешало поставить оказавшихся лишними на крыльях боевого порядка и использовать их для флангового охвата неприятельского строя? В тылу боевого построения животных размещали обычно

в том случае, если их было мало, и поэтому их старались сберечь⁴⁴⁷, рассчитывая скорее на психологический эффект от внезапного появления огромных зверей в бою, нежели на реальный урон, который они могли бы нанести противнику. Наиболее известный пример подобного использования слонов — это, конечно же, победа Антиоха I над галатами.

*Битва при Гидаспе. Царь Пор верхом на слоне
сражается с македонской конницей
(Kistler J. M. War elephants. Lincoln; London, 2007. P. 32)*

Если слонов использовали в качестве щита против вражеской кавалерии, то их размещали на флангах впереди собственных всадников⁴⁴⁸. При этом животных ставили полумесяцем, выступающая сторона которого была обращена к неприятелю, а края отодвинуты к собственному

боевому порядку. Подобное построение объясняется тем, что слоны не должны были находиться слишком близко к своей коннице, поскольку могли бы испугать лошадей, вместе с тем их нельзя было располагать на большом удалении, так как неприятель мог легко отрезать их от основной массы войск. Данный тип построения стал во II в. до н. э. общепринятым правилом⁴⁴⁹. Лучники и пращники в интервалах между слонами позволяли не только сдерживать атаки вражеской кавалерии, но и наносили ей чувствительный урон без какого-либо ущерба для себя. Совместные действия слонов со стрелками могли быть также весьма успешны против нападений легковооруженной пехоты противника.

При поздних Селевкидах, когда количество слонов в сирийских армиях сильно сократилось, громадные четвероногие стали играть на поле сражения роль живых бастионов, о которые должны были разбиваться атаки неприятеля. В таких случаях каждому животному придавался многочисленный отряд поддержки, состоявший из тяжело-вооруженной пехоты и кавалерии [Массаб., I, 6, 35–37]⁴⁵⁰.

В том случае, когда обе стороны имели приблизительно равное количество слонов, их также размещали на флангах, и сражение начиналось боем между гигантскими зверями. Отступление вражеских слонов служило сигналом к началу атаки своей кавалерии.

Несмотря на то что при описании ряда сражений античные авторы сообщают, что слоны стояли перед кавалерией, это, однако, не препятствовало тому, чтобы сражение между противоборствующими сторонами начиналось кавалерийской атакой. В некоторых случаях данный факт заставляет нас предположить, что в действительности слоны находились не впереди кавалерии, а справа или слева от нее. Подобная диспозиция имела свои преимущества, поскольку позволяла слонам ударить по флангам вражеской пехоты, в то время как собственная пехота наступала на нее с фронта.

Использовали ли эллинистические полководцы слонов против тяжело-вооруженной пехоты? С одной стороны, неэффективность действий огромных четвероногих против македонской фаланги была наглядно продемонстрирована результатами битвы при Гидаспе. Вместе с тем описания некоторых сражений позволяют сделать вывод, что иногда их размещали перед центром армии, т. е. напротив вражеской пехоты⁴⁵¹. Так, например, поступил Антиох III в битве с войсками восставшего сатрапа Мидии Молона [Polyb., V, 53, 4]. Но подобных случаев не могло быть много. Почему старались избегать таких ситуаций, становится ясно из одного замечания Полибия: «лишь только фаланги схватывались одна с другою, слоны не могли больше различать, кто друг

их и кто враг из людей, попадавших им под ноги» [Polyb., XVI, 19, 3; пер. Ф. Г. Мищенко].

Карфагенская элевантерия, несмотря на то что была прямым наследником и продолжателем эллинистических традиций, выполняла гораздо более широкие задачи. В Первую Пунийскую войну, когда карфагеняне располагали весьма значительным количеством боевых слонов, они постоянно применяли их в качестве живого тарана против римской легионной пехоты. Как отмечает П. Д. Арманди, подобный прием использовался тогда, когда не надеялись на свою пехоту и рассчитывали защитить ее от неприятельской атаки⁴⁵². И действительно, нельзя не признать, что в качестве инструмента прорыва вражеского строя слоны были намного эффективней колесниц, применявшихся пунийцами ранее⁴⁵³. К тому же использовать слонов против кавалерии противника карфагенянам довольно долго не имело никакого смысла, поскольку они сами располагали многочисленной и сильной конницей.

В таких случаях слоны действовали в одиночку без поддержки других родов войск. Тяжелая пехота двигалась за ними, сохраняя необходимую дистанцию и, возможно, с интервалами по фронту, рассчитанными на то, чтобы пропустить обращенных в бегство животных.

Успехи, которых удавалось иногда добиться слонам в борьбе против тяжеловооруженной пехоты, позволили некоторым исследователям сделать весьма спорное заключение, что плотное построение пехоты было не способно отразить атаку громадных зверей⁴⁵⁴. В основе такого предположения лежит прежде всего описание битвы при Тунете (в Баграде), когда карфагенским слонам, по-видимому, удалось разорвать строй римской тяжеловооруженной пехоты. Однако подобных примеров можно привести не очень много. Гораздо чаще именно сплоченная фаланга останавливала натиск слонов. Мнение Ф. Рейнса, полагающего, что слоны были опасны для рассеянного строя пехотинцев, выглядит гораздо более убедительно⁴⁵⁵.

Карфагеняне, как кажется, гораздо чаще, чем эллинистические полководцы, использовали слонов для штурма вражеских укрепленных позиций. Например, с помощью слонов Ганнон захватил лагерь восставших наемников [Polyb., I, 74, 5], а Ганнибал бросил их на штурм лагеря римлян, осаждавших Капую, и тем лишь с большим трудом удалось отразить этот натиск [Liv., XXVI, 6, 1].

М. Б. Чарльз допускает возможность того, что карфагенские слоны, подобно индийским, были обучены разрушать стены вражеских фортификационных сооружений⁴⁵⁶. Данный вывод следует из описания битвы при Панорме, когда пунийские корнаки погнали животных к самым

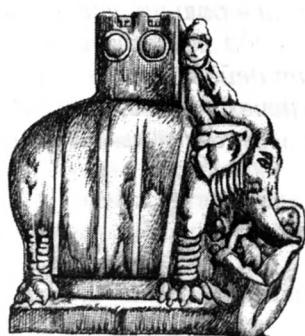

стенам города. Если бы слоны не были специальным образом подготовлены, то как их предполагалось использовать при этом штурме? Учитывая, что карфагеняне пытались захватывать с помощью слонов неприятельские укрепления, вполне вероятно, что они специально обучали этому животных. Вместе с тем из описания Полибия понятно, что Гасдрубал, командовавший карфагенской армией под Панормом, не желал подходить вплотную к городским укреплениям и был вынужден построить войска в боевой порядок, спровоцированный к этому нападениями летучих отрядов римлян [Polyb., I, 40, 6]. Погонщики слонов тоже, как кажется, не собирались штурмовать стены, а бросились в атаку на выставленный против них отряд легковооруженных воинов. Таким образом, тактическая задача, которую должны были выполнять слоны, оказалась в принципе той же, что и в битве при Тунете: они действовали автономно, без поддержки других родов войск, уничтожая пехоту противника.

Вполне вероятно, что использование слонов в таких опасных операциях, как борьба с тяжеловооруженной пехотой и штурм укреплений, объясняется тем, что на начальном этапе существования карфагенской элфантирии (до Второй Пунийской войны) возможности пунийцев обеспечивать свою армию большим количеством животных и быстро восполнять понесенные в боях потери были гораздо шире, чем у Птолемея или Селевкидов.

ГЛАВА V
СПОСОБЫ БОРЬБЫ
СО СЛОНАМИ

Ὁρρώδει ὁ ἐλέφας κεράστην κριὸν καὶ χοίρου βοήν...

Claudius Aelianus. *De natura animalium*, I, 38

Слон боится рогатого барана и визга свиньи...

Клавдий Элиан. «О природе животных», I, 38

*... Pleraque nova commenta mortalium in verbis vim habent,
experiendo cum agi non quem ad modum agatur edisseri oportet,
sine ullo effectu evanescent...*

Titus Livius. «*Ab Urbe condita*», XLIV, 41, 4

*...Людские выдумки в большинстве случаев имеют силу
лишь на словах, когда же нужно применить их в деле,
где надлежит действовать, а не рассуждать,
то они исчезают без всякого следа...*

Тит Ливий. «История Рима от основания города», XLIV, 41, 4

«ОБЩИЕ ВРАГИ»

Считается, что выгода, которую можно было извлечь от использования слонов на поле боя, компенсировалась «психической неустойчивостью» четвероногих гигантов: они невропатичны и во время сражения могут быть легко испуганы и броситься против своих же. Античные писатели донесли до нас целый ряд подобных примеров, которые создали у современных исследователей предвзятое отношение к этому роду войск⁴⁵⁷. «Когда они одновременно напуганы и ранены, — сообщает Плиний, — они упрямо отступают назад и столь же страшны для своих, как и для неприятеля» [Plin., NH, VIII, 27]⁴⁵⁸. Побежавшие от врага животные часто были причиной крупных военных неудач собственных армий. «Это двоякий род помощников, — утверждает Курций Руф, — и в отношении своих они сильнее неистовствуют. Ведь на врага они идут по приказу, а на своих их гонит страх» [Curt., VIII, 14]⁴⁵⁹. Та же мысль звучит в словах Тита Лукреция Кара:

Как и луканские ныне воны, недобитые часто
Врозь разбегались тогда все звери различной породы,
Все врассыпную бегут, свои же войска попирая.
[Lucret., V, vs. 1338–1340; пер. Ф. Петровского]⁴⁶⁰.

Иной раз даже одного крика раненного слона было достаточно для того, чтобы остальные животные повернули вспять, не слушаясь команд корнаков [Curt., IX, 2]. Резюмируя негативную по отношению к слонам историческую традицию, Аппиан, утверждает, что слонов из-за неустойчивости их нрава называют «общими врагами» (κοινούς πολεμικούς) [App., Iber., 46].

Впрочем, далеко не сразу армии, сталкивавшиеся с боевыми слонами, научились отражать их атаку, используя порой чудовищную силу животных себе во благо. Появление четвероногих гигантов на поле сражения на многих оказывало сильнейший психологический эффект, сопоставимый с тем, который оказало на немецких солдат появление танков в период Первой мировой войны. Чтобы как-то противостоять слонам, люди пытались использовать различные средства и придумать иной раз весьма странные способы борьбы с ними.

ОГОНЬ

Один из самых простых и естественных способов напугать слонов заключался в том, что животных осыпали горящими предметами. Так, согласно сообщению наших источников, в битве при Аускуле (279 г. до н. э.) римляне поджигали факелами башни на спинах слонов [Flor., I, 13, 9; Oros., IV, 21]. В сражении при Беневенте они пускали в башни на слонах зажигательные стрелы, обмотанные паклей, а самих животных стегали зажженными плетями, пропитанными смолой [Oros., IV, 5].

Однако в действительности описания способов борьбы со слонами, применявшихся римлянами в войне с Пирром, не заслуживают особого доверия. Относительно битвы при Аускуле Флор и Орозий сообщают, что римляне кидали свои факелы внутрь башен, которые сразу же загорались и в виде горящих обломков падали на головы врагов. Картина представляется маловероятной. Во-первых, для того чтобы бросить факел внутрь башни, нужно подойти к слону на близкое расстояние, при этом необходимо учитывать, что животное находится в постоянном движении и его окружают солдаты противника. Во-вторых, непонятно, что мешало воинам, находившимся в башне, затушить или выбросить факел. И, наконец, как можно было запалить факел, находясь в гуще сражения?

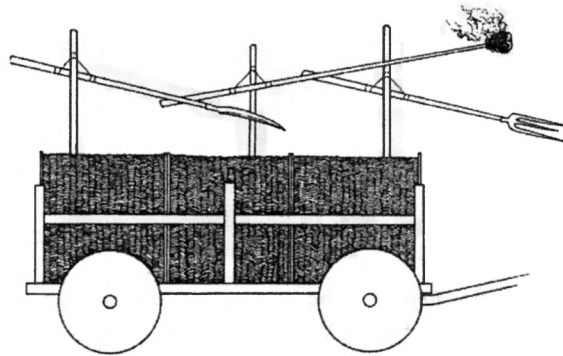
По поводу горящих стрел Г. Дельбрюк вполне справедливо замечает, что к подобному методу борьбы со слонами могли прибегнуть только солдаты, находившиеся в лагере: «Горящие стрелы едва ли применимы в открытом бою, так как на близком расстоянии от противника воин не имеет никакой возможности запалить стрелу; потому-то мы ничего и не слышим о применении этого изобретения против слонов в более поздние времена. Между тем из укрепленного места такой способ борьбы вполне возможен»⁴⁶¹. Именно подобным образом, используя горящие брандеры, римляне в 359 г. отражали персидских слонов от стен Амиды [Amm., XIX, 7, 7].

Согласно свидетельству Дионисия Галикарнасского, которому следует Зонара, в битве при Аускуле римляне будто бы применили против слонов Пирра большое количество огненосных колесниц, конструкцию которых Дионисий пытается детально описать: «Вне строя поставили легковооруженных воинов и повозки числом триста, которые приготовили для боя против слонов. По бокам повозок выступали подвижные вертикальные брусья с торчащими остриями, на которых были установлены наклонные спицы, способные поворачиваться по желанию куда угодно. На концах брусьев крепились либо трезубцы, либо мечеобразные острия, либо серпы целиком из железа, некоторые же имели “вороны”, которые обрушивали сверху тяжелые крюки. Ко многим из них были прилажены факелы,

выступающие впереди повозок, обернутые просмоленной паклей. Люди в повозках должны были зажечь их, как только приблизятся к слонам, и осыпать огненными ударами их хоботы и морды. Кроме того, на этих четырехколесных повозках стояло множество легковооруженных воинов — лучников, прашников и метателей железных колючек, а рядом с повозками размещалось еще больше бойцов» [Dionys., XX, I, 6–7; пер. А. Я. Тыжова]. Впрочем, изобретенные римлянами конструкции не смогли остановить слонов. «Когда же царь приказал направить слонов к той части войска, которая пришла в расстройство, римляне на повозках с вертикальными брусьями, узнав о приближении животных, выступили навстречу. Вначале они сдерживали натиск слонов, поражая их своими приспособлениями и направляя факелы прямо им в глаза. Но затем, когда погонщики слонов в башнях перестали гнать животных вперед и принялись метать сверху копья, а легковооруженные воины прорвали плетеные щиты вокруг повозок и подрезали сухожилия упряжным быкам, обслуга приспособлений, соскочив с повозок, побежала спасаться среди ближайших пехотинцев, приведя их в замешательство» [Dionys., XX, II, 4–5; пер. А. Я. Тыжова]. В целом это описание вызывает недоверие. Самое главное, — непонятно, каким образом можно было подвести тяжеловесные повозки, стоявшие изначально в тылу армии, в гущу сражения, чтобы отразить атаку слонов.

Существуют свидетельства, что в конце VI в. для борьбы со слонами персы использовали специальные огнеметы, работавшие на нефти, которые назывались «львами»⁴⁶².

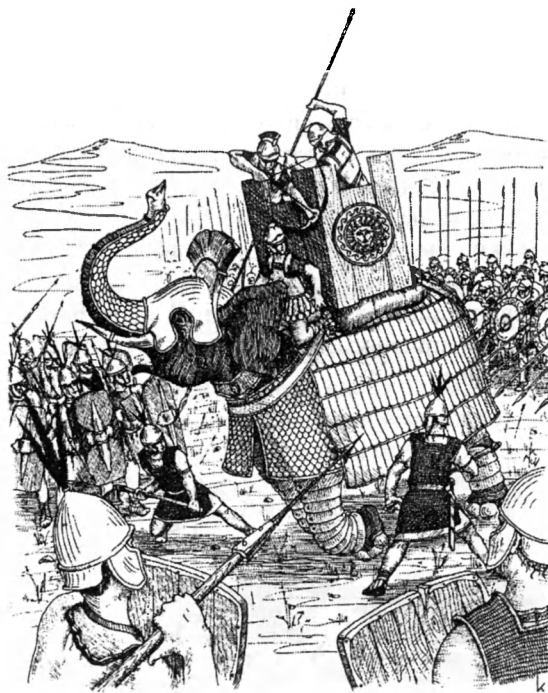

Реконструкция колесницы, использовавшейся римлянами
для борьбы со слонами Пирра (по описанию Дионисия Галикарнасского)
(Head D. Armies of the Macedonian and Punic Wars (359 BC to 146 BC)
Goring-by-Sea, 1982. P. 181)

«ЕЖИ» И РАЗЛИЧНЫЕ ПОХОЖИЕ ПРИСПОСОБЛЕНИЯ

Другой вполне традиционный способ борьбы с громадными четвероногими заключался в использовании «ежей» (*stimuli, tribuli, murices*). Они представляли собой три соединенных общим основанием железных шипа, которые располагались таким образом, что как бы «еж» ни упал, один из них всегда был обращен вверх. «Ежей» применяли с давних времен против вражеской кавалерии⁴⁶³. Например, известно, что к нему прибегли персы в битве при Гавгамелах [Polyaen. IV, 3, 17]⁴⁶⁴. Вегетий, со своей стороны, утверждает, что их использовали против серпоносных колесниц [Veg., III, 24].

Римляне подсекают слонам сухожилия на ногах в битве при Магнесии

Рис. И. В. Кирсанова

«Ежи» использовались против слонов, очевидно, уже в Древней Индии. Каутилья среди прочих средств борьбы со слонами предписывает использовать в том числе и «кхарватаки» (*kharvataka*). Некоторые комментаторы «Артхашастры» оставляют этот термин без перевода. Но

если производить его от слова *kharvata* (деревня у подножья горы), то семантически его можно понять как шипы, раскиданные по земле⁴⁶⁵. Подобный способ борьбы с огромными зверями получил широкое распространение в дальнейшем и в средиземноморских государствах [Dionys., XX, I, 7; Jul. Afr., Cesti, I, 18]⁴⁶⁶.

Иногда вместо «ежей» использовались доски, пробитые гвоздями⁴⁶⁷. Так поступили жители Мегалополя, отражая атаку македонских войск под командованием Полисперхонта (318 г. до н. э.). В битве при Газе (312 г. до н. э.) Птолемеем и Селевком для борьбы со слонами были придуманы особые портативные конструкции, состоявшие из обитых железом кольев, которые были соединены цепями [Diod., XIX, 83]. Спартанцы же, защищая свой город от Пирра (274 г.), выкопали ров, а справа и слева от него зарыли до уровня ступиц колесницы [Plut., Pyrrh., 27]. В результате эпирский царь не смог бросить на штурм своих слонов и вынужден был отступить.

ТОПОРЫ И КОПИДЫ

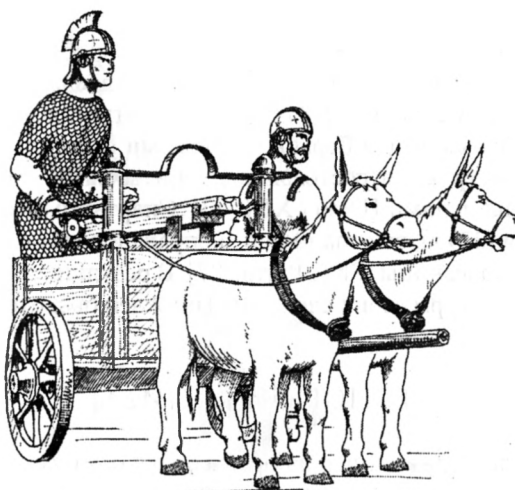
Перед началом сражения для борьбы со слонами солдатам могли раздавать специальное оружие: остро отточенные топоры или серповидные мечи-копиды (*copides*)⁴⁶⁸, с помощью которых они подсекали сухожилия на ногах животных. Так, например, поступил Александр Великий накануне битвы при Гидаспе [Curt., VIII, 14; IX, 2].

КАРРОБАЛЛИСТЫ И СЕРПОНОСНЫЕ КОЛЕСНИЦЫ

Уже Каутилья среди различных средств борьбы со слонами упоминает о машинах [A., X, 140–141, 2]. Трудно сказать, какие именно машины имел в виду автор «Артхашастры», однако Вегеций в своем трактате рекомендует использовать против персидских слонов крупные карробаллисты. «Их ставят на повозки, — сообщает Вегеций, — запряженные парой коней или мулов, и когда чудовища приблизятся на полет копья, их пронзают этими копьями из баллист. Однако против слонов надо приделывать железные наконечники более широкие и более крепкие, чтобы их огромным телам наносить большие раны» [Veg., III, 24; пер. С. П. Кондратьева].

Согласно утверждению того же Вегеция, против слонов использовали особые серпоносные колесницы, которыми управляли два закованных в броню всадника-клибанария, вооруженных длинными копьями и сидевших на покрытых панцирями конях [Veg., III, 24]. В источниках нет более

упоминаний о применении против слонов устройств подобного рода. Поэтому не ясно, откуда почерпнул Вегеций эту информацию и имеет ли она какую-либо реальную подоплеку.

Реконструкция позднеримской карробаллисты
Рис. И. В. Кирсанова

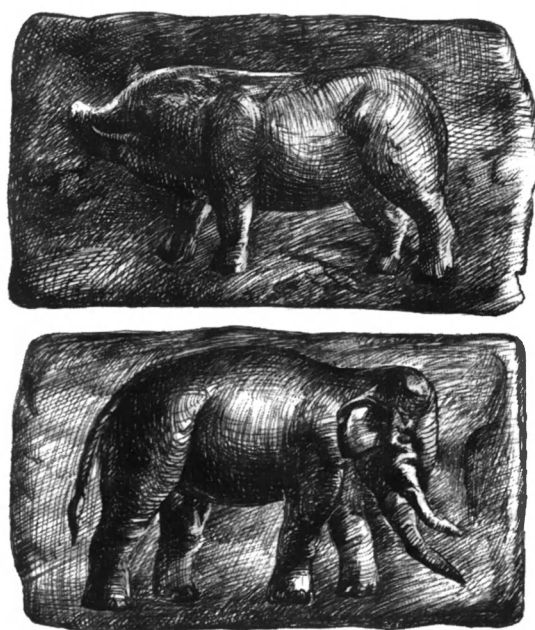
ПОРОСЯЧИЙ ВИЗГ

В древности широкое распространение получило мнение, согласно которому весьма эффективным способом борьбы со слонами был поросячий визг [Plin., NH, VIII, 27; Seneca, De ira, II, 12; Aelian., Nat. an., I, 38]⁴⁶⁹. Оно утвердилось в достаточно раннюю эпоху и нашло свое отражение уже в басне Эзопа «Верблюд, слон и обезьяна» [Aesop., 220]⁴⁷⁰, а также в «Романе об Александре», источники которого, по мнению ряда ученых, восходят ко II в. до н. э.⁴⁷¹, где описывается, как в лесах Индии диких слонов удалось отогнать с помощью свиней⁴⁷².

Согласно Элиану, римляне использовали свиней против слонов Пирра и только благодаря этому одержали в войне полную победу [Aelian., Nat. an., I, 38]⁴⁷³. Точно так же поступили жители Мегар, когда их город был осажден войсками Антигона Гоната [Polyaen., IV, 6, 3]. И в первом, и во втором случае свиней предварительно обмазывали смолой, которую

затем поджигали. Если такое происходило в действительности, то слоны, скорее всего, страшились не пронзительного визга терзаемых болью животных, а пламени, которое стремительно летело на них. Впрочем, античные авторы подчеркивают, что слоны пугались именно визга свиней, поэтому, по мнению некоторых исследователей, огонь был прежде всего гарантированным способом добиться его⁴⁷⁴. Другие полагают, что подобные рассказы не имеют реальной исторической подоплеки⁴⁷⁵.

Aes signatum

Прорисовка Д. А. Синеевой

Возможно, сообщения античных авторов об обмазанных смолой и подожженных свиньях не вымысел. Существует бронзовый четырехугольный слиток весом 1,535 кг, длиной 15,5 см, шириной 9 см, представляющий собой раннюю форму монеты (*aes signatum*), имевшую хождение в Италии в первой половине III в. до н. э.⁴⁷⁶ На одной стороне слитка представлен слон, на другой — вепрь.

Слон имеет все характерные признаки индийского вида: мощное телосложение, толстые ноги, выпуклая спина, небольшие уши

и выступающие бугры на голове. Это позволяет исследователям связать появление данного изображения с войной римлян против Пирра, который привел с собой в Италию индийских боевых слонов⁴⁷⁷. Кабан, по мнению большинства специалистов, — напоминание об историческом эпизоде, рассказанном Элианом⁴⁷⁸. Римская нумизматическая традиция не исключает возможности подобной интерпретации⁴⁷⁹. Однако не следует забывать, что никто из античных историков, писавших о войне Пирра с римлянами, не упоминает о свиньях. Поэтому не исключено, что кабан в настоящем случае символизирует Римско-латинский союз⁴⁸⁰.

Представление о том, что слоны боятся пороссячьего визга, было весьма устойчивым еще и в VI столетии. Если верить Прокопию Кесарийскому, то во время осады персами Эдессы (551 г. н. э.), чтобы отпугнуть боевого слона противника, римляне подвесили на башне за ногу поросенка, пронзительного крика которого оказалось будто бы достаточно, чтобы слон перестал слушаться погонщика и повернул вспять [Procop., BG, IV, 14]. По всей видимости, все это описание — лишь анекдот, в котором нет никаких исторических деталей. В самом деле, непонятно, почему в штурме города участвовал только один слон, и как мог визг поросенка заглушить все остальные шумы битвы?

«ИСКУССТВЕННЫЕ СЛОНЫ»

Говоря о приемах борьбы со слонами, нельзя обойти молчанием тот способ, изобретение которого приписывают македонскому царю Персею, пытавшемуся приучить македонских коней к виду и реву слонов. Персей, — передает Полиэн, — «приказал ремесленникам изготавливать деревянные фигуры, сходные видом и цветом с настоящими слонами. Но так как более всего страшен был для коней голос этих животных, Персей приказал в каждую деревянную фигуру помещать человека с трубой, который, направляя эту трубу через пасть фигуры, издавал резкий и пронзительный звук. Так македонские кони научились не обращать внимания на голос и вид слонов» [Polyaen., IV, 21; пер. М. М. Холода]. По сообщению Зонары, подобные манекены были дополнительно смазаны еще какой-то мазью, издававшей неприятный запах [Zon., IX, 22]. Диодор, рассказывая об искусственных слонах, изготовленных Семирамидой, упоминает и о Персее, при этом замечая, что последнему его изобретение помогло не больше, чем ассирийской царице. Очевидно, страх, который внушили македонским коням римские слоны, оказался настолько силен, что усилия Персея не принесли ожидаемых результатов.

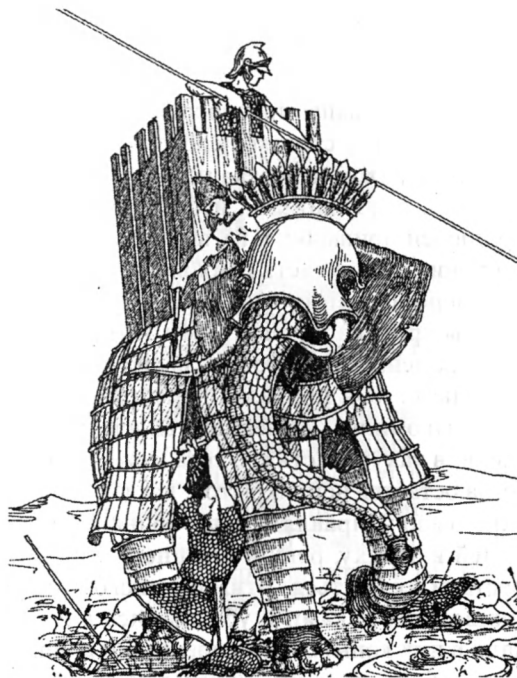

НЕКОТОРЫЕ ИЗВЕСТНЫЕ СЛУЧАИ ЕДИНОБОРСТВА ЧЕЛОВЕКА СО СЛОНОМ

Многие из названных выше приспособлений и способов борьбы со слонами были порождены не столько необходимостью, сколько психологическим фактором, страхом человека перед огромным зверем. Однако долгие войны с противником, использовавшим боевых слонов, вырабатывали у людей привычку к их виду и умение бороться с ними. Цезарь отлично понимал важность психологического фактора в борьбе с огромными четвероногими и, зная, что помпеянцы, укрепившиеся в Африке, намерены противопоставить ему большое количество слонов, он решил заблаговременно подготовить своих солдат к встрече с этим опасным противником. «Он приказал переправить из Италии слонов, чтобы солдаты познакомились с внешним видом и особенностями этого животного и знали, в какую часть его тела можно легко попасть копьем и какая даже тогда остается неприкрытой, когда слон снаряжен в броню, так, чтобы можно было направлять в нее копья. Кроме того, надо было приучить лошадей к запаху, реву и внешнему виду этих зверей, так, чтобы они перестали их бояться. Этим он много выиграл: его солдаты трогали этих животных руками и убеждались в их медлительности, всадники пускали в них копья с притупленными концами, лошади тоже привыкли к зверям благодаря их терпимости» [[Caes.], Bell. Afr., 72; пер. М. М. Покровского].

Несмотря на необычайную твердость кожи слона, на его теле существуют и уязвимые участки. Один из них — это хобот животного [Plin., NH, VIII, 18]. Согласно утверждению Плиния, самой чувствительной частью тела слонов являются ноги, поэтому, когда на них охотились ради слоновьей кости, то старались ранить их именно туда [Plin., NH, VIII, 25–26]. Мягкая у слонов кожа на животе [Plin., NH, VIII, 30]⁴⁸¹, а также под хвостом [Liv., XXI, 55, 11]. Наличие таких чувствительных зон приводило к тому, что даже в единоборстве с одним человеком слон мог быть тяжело ранен или убит. В «Артхашастре» Каутилья дает перечень наград, выплачиваемых за урон, нанесенный врагу: «100 000 (пана) за убийство (вражеского царя). 50 000 — за убийство полководца и царевича-наследника. 10 000 — за убийство главы храбрецов. 5000 — за уничтожение слона и колесницы. 1000 — за уничтожение коня. 100 — за убийство главы пехоты, 20 — за голову (убитого простого воина» [A., X, 151–152, 3; пер. В. И. Кальянова]. Таким образом, уничтожение вражеского слона приравнивается к уничтожению 250 солдат, однако это не самая высокая награда и, как следствие, подобный поступок не мог считаться чем-то невыполнимым.

Подвиг Элеазара

Рис. И. В. Кирсанова

В античных источниках приводится несколько рассказов, повествующих о победе человека над четвероногим гигантом. История сохранила для нас имя первого римлянина, вышедшего победителем из схватки со слоном Пирра: им стал Гай Минуций, отрубивший животному хобот⁴⁸². Другой случай победы римского солдата над огромным зверем приводит Плиний Старший. Ганнибал будто бы устроил поединок слона с римским пленником, пообещав последнему свободу, если тот выйдет победителем. Римлянин одолел слона и был отпущен домой. Однако Ганнибал, боясь, что весть о его победе внушит неприятелям презрение к слонам, послал вдогонку своих всадников, приказав им убить героя [Plin., NH, VIII, 18]. Наибольшую известность среди подобных анекдотов получил рассказ о подвиге Элеазара, совершенном во время восстания евреев против селевкидского господства. Еще один случай противостояния человека со слоном приводит автор «Африканской войны»: «На левом фланге раненый слон от сильной боли бросился на безоружного обозного служителя,

подмял его под ноги, а затем, став на колени, задавил его досмерти, причем поднял свой хобот и стал со страшным ревом ворочать им в разные стороны. Наш солдат не стерпел и с оружием в руках бросился на зверя. Когда слон заметил, что на него нападают с оружием, он бросил мертвого, обвил солдата хоботом и поднял вверх. Вооруженный солдат, понимая, что в подобной опасности нельзя терять голову, стал изо всех сил рубить мечом по хоботу, в который был захвачен. От боли слон, наконец, сбросил солдата, с страшным ревом повернул назад и бегом пустился к остальным животным» [[Caes.], Bell. Afr., 84; пер. М. М. Покровского].

Бой римского солдата со слоном во время битвы при Тансе

Рис. И. В. Кирсанова

Плиний передает, что во времена правления Клавдия и при Нероне гладиаторы, чтобы получить отставку, должны были один на один сражаться с гигантским животным [Plin., NH, VIII, 22]⁴⁸³. Наконец, в жизнеописании Коммода утверждается, что император часто развлекался тем, что собственной рукой убивал в цирке диких зверей, в том числе и слонов [SHA, Comm., 12, 12].

ВИДЫ ВОЙСК, БОРОВШИХСЯ СО СЛОНАМИ

Опыт столкновений со слонами показал, что против них могут с успехом бороться отряды легкой пехоты, вооруженные различными видами метательного оружия (велиты, метатели дротиков, пращники, лучники

и фундибулаторы (*fundibulatores*), бросавшие камни с помощью метательных шестов (фустибулов) [Liv., XXI, 55, 11; [Caes.], Bel. Afr., 83; Veg., III, 24]). Например, в битве при Гидаспе Александр выслал против слонов Пора легковооруженных агриан и фракийцев, которые были искуснее в перестрелке, чем в рукопашном бою [Curt., VIII, 14, 24].

Легковооруженные обстреливали слонов издали, обращали их вспять, окружали и либо убивали, либо захватывали живьем [Liv., XXI, 55, 11]⁴⁸⁴. При этом часто главной мишенью стрелков становились не сами животные, а сидевшие на них корнаки [Veg., III, 24].

В источниках можно найти указания на то, что против слонов действовали не только пешие отряды, но и кавалерийские, составленные из всадников на лошадях, приученных к запаху и виду огромных зверей [Diod., XIX, 30, 2; App., Lib., VII, 40; Veg., III, 24].

В некоторых случаях для борьбы со слонами использовалась тяжелая пехота. Уже Каутилья предлагает выставлять против слонов воинов, облаченных в латы [A., X, 140–141, 2]. Для отражения атаки слонов тяжеловооруженная пехота использовала глубокое построение [Polyb., I, 33, 9]⁴⁸⁵. Она могла также образовывать не сплошной фронт, но строиться с определенными интервалами, подобно тому, как это было сделано Сципионом в битве при Заме [Liv., XXX, 33, 1]. Впрочем, даже если интервалов по фронту оставлено не было, солдаты все равно могли расступаться, чтобы пропустить бегущих на них слонов. После того как животные оказывались в середине строя окруженными со всех сторон, то их захватывали в плен вместе с корнаками [Veg., III, 24]. П. Д. Арманди совершенно справедливо отмечает, что когда слоны должны были разорвать строй тяжеловооруженной пехоты, они выполняли задачу, аналогичную той, которая возлагалась на серпоносные колесницы, поэтому и способы борьбы с ними были практически теми же⁴⁸⁶.

В некоторых армиях пытались создать отряды специального назначения, единственной задачей которых была борьба со слонами. Наиболее известный из подобных примеров относится ко временам Третьей Македонской войны, когда македонским царем Персеем были сформированы отряды слоноворцев (*elephantomachae*) [Liv., XLIV, 41, 6]. Описание элэфантомахов Персея дает Зонара: «Кроме других многочисленных войск против римских слонов он образовал фалангу воинов⁴⁸⁷, щиты и шлемы которых были усеяны острыми железными шипами» [Zon., IX, 22]. Несомненно, именно о них сообщает в следующих словах и Вегеций: «Другие высылали против слонов одетых в брони воинов, притом так, что у них на руках, шлемах и на плечах были приделаны огромные железные острия, чтобы слон не смог схватить своим хоботом бойца, идущего на него» [Veg., III, 24; пер. С. П. Кондратьева]⁴⁸⁸.

ГЛАВА VI
НАЧАЛО
«ЭПОХИ БОЕВЫХ СЛОНОВ»
(АЛЕКСАНДР И ДИАДОХИ)

Καὶ ἦν τὸ ἔργον οὐδενὶ τῶν πρόσθεν ἀγώνων ἐοικόσ· τὰ
τε γὰρ θηρία ἐπεκθέοντα ἐς τὰς τάξεις τῶν πεζῶν ὅπη
ἐπιστρέειν, ἐκεραίζε, καὶ περπυκιῇ οὔσαν.

Flavius Arrianus. «Anabasis», V, 17, 3

*Это было сражение, не похожее ни на одно прежнее.
Слоны врывались в ряды пехоты, поворачивались,
и в этом месте густого строя македонцев как не бывало.*
Арриан. «Поход Александра», V, 17, 3; пер. М. Е. Сергеенко

БЫЛИ ЛИ БОЕВЫЕ СЛОНЫ В АХЕМЕНИДСКОЙ АРМИИ?

Персидская держава непосредственно граничила с Индией, и поэтому вполне естественным покажется вопрос, привлекали ли Ахемениды в свои армии контингенты боевых слонов. Можно с полной уверенностью утверждать, что до времен правления Ксеркса персы не использовали этих животных в военных целях. В противном случае царю, собравшему для похода в Грецию все военные силы своей империи, ничего не мешало бы включить в их состав какое-то количество огромных зверей⁴⁸⁹. Однако вполне вероятно, что о возможности боевого использования слонов персы знали, и не исключено, и сами сталкивались с ними на полях сражений. По крайней мере, если верить Ктесию, в 529 г. до н. э. индийцы привели слонов на помощь своим союзникам дебрикам, с которыми начал войну Кир Великий. Слоны обратили в бегство персидскую кавалерию, при этом сам царь оказался сброшенным с лошади. Один из сидевших на слоне индийцев поразил его дротиком в бедро. От полученного ранения Кир и скончался спустя некоторое время [Phot., 72 b, 7]⁴⁹⁰.

Как бы там ни было, у нас нет никаких достоверных литературных свидетельств об использовании персами слонов до 331 г. до н. э., как нет ни одного изображения слона, относящегося к ахеменидской эпохе⁴⁹¹. Поэтому говорить о попытках создания элфантерии в ахеменидской армии с определенной уверенностью можно только касаясь событий последних лет правления Дария III, когда македоняне продвигались уже в сердце персидской державы. Появление нового рода войск было следствием глобальной военной реформы, которую великий царь провел после поражения персов при Ипсе и упоминания о которой сохранились в трудах различных античных историков [Diod., XVII, 53, 1–2; Curt., IV, 9, 3–5]⁴⁹².

Достоверное сообщение о слонах в составе персидской армии принадлежит Арриану, который утверждает, что накануне генерального сражения при Гавгамелах индийцы привели Дарию 15 голов этих животных [Arr., Anab., III, 8, 6]. По мнению П. Бриана, у персидского царя могли быть не только 15 слонов. Синтаксис данной фразы, считает исследователь, позволяет предположить, что кроме слонов, которых привели с собой индийцы, у персов было еще «небольшое число» огромных зверей⁴⁹³.

Ахемениды, по мысли П. Бриана, могли, подражая ассирийским царям, сами охотиться на слонов на левом берегу Евфрата. Весьма вероятно, что пойманных или подаренных им животных они содержали в специальных парках, где те даже давали потомство⁴⁹⁴. В рамках военной реформы Дария персы стали специально тренировать имевшихся у них слонов⁴⁹⁵. Поэтому при Гавгамелах в составе персидской армии могли быть животные обученные и экипированные, а возможно, даже и выращенные самими персами.

В соответствии с планом персидского штаба при Гавгамелах слоны должны были занять место в центре построения рядом с серпоносными колесницами [Агг., Анаб., III, 11, 6]. В подобном размещении нет ничего странного, если мы вспомним, что одна из задач, которые возлагались на слонов, была той же, что и у серпоносных колесниц, — прорыв вражеского боевого порядка⁴⁹⁶.

Удивительно, но ни Курций Руф, ни Диодор, ни Плутарх ни слова не пишут о персидских слонах. Единственный источник, который солидарен в этом вопросе с Аррианом, — фрагмент сочинения анонимного автора из монастыря св. Саввы. Аноним в хронологическом порядке сообщает о главных событиях завоевания Александром Азии: битва при Гранике (§ 1), битва при Иссе (§ 2), взятие Тира и Сидона (§ 7–8), завоевание Египта и основание Александрии (§ 9–11) и, наконец, битва при Гавгамелах, описанием которой заканчивается текст папируса⁴⁹⁷. Как отмечалось выше, аноним описывает вооружение (башни) слонов Дария и те способы борьбы («ежи»), которые применил против них Александр. Что касается башен, то большинство ученых считают подобное утверждение явным анахронизмом⁴⁹⁸, а «ежи», раскиданные по приказу Александра на пути огромных зверей, противоречат тому, что рассказывают о сражении все остальные историки⁴⁹⁹.

Молчание наших основных источников позволяет заключить, что слоны хотя и вошли в состав персидской армии, но в бою по какой-то причине участия не приняли. Подтверждение этому можно найти в тексте самого Арриана, утверждающего, что в лагере варваров Парменион захватил их обоз, слонов и верблюдов [Агг., Анаб., III, 15, 4]⁵⁰⁰. Можно, конечно же, предположить, что в данном случае речь идет исключительно о гужевых животных. Однако у нас нет никаких доказательств того, что огромных зверей использовали для перенесения поклажи. Даже когда Александру потребовалось собрать большое количество животных для перевозки сокровищ великого царя, то задействованными оказались только мулы и верблюды. О слонах упоминаний нет [Plut., Alex., 37, 4]⁵⁰¹.

Исследователи по-разному пытаются объяснить странное невнимание античных авторов к такому яркому и драматическому эпизоду, каким должно было стать появление на поле битвы гигантских четвероногих. П. Д. Арманди считает, что слоны в персидском войске находились «лишь для придания особого великолепия царскому штабу»⁵⁰². На наш взгляд, речь должна, скорее, идти не о придании великолепия, а об использовании слонов в качестве «психологического оружия», с помощью которого персы рассчитывали испугать македонян. П. Бриан обращает внимание на то, что, говоря о приготовлениях персидского царя к решающему сражению, античные авторы подчеркивают, что он стремился посеять страх в рядах неприятеля. Поэтому не исключено, что персы рассчитывали не столько бросить слонов на борьбу с македонской пехотой, сколько поразить противника невиданным зрелищем и внушить ему ужас⁵⁰³. Курций Руф сообщает, что после битвы при Гавгамелах Александр получил от сатрапа Суз различные дары, в числе которых были и 12 слонов, приведенных Дарием из Индии [Curt., V, 2, 10]. Несомненно, они были приготовлены для участия в сражении. Сам Курций со всей определенностью дает нам это понять, заявляя, что слоны стали «не устрашением» для македонян (*hostium terror*), как того желал Дарий, «а помощью, ибо судьба передавала силы побежденных победителю» [Curt., V, 2, 10].

Таким образом, самое большее, что слоны могли сделать во время сражения, — это сыграть роль заградительного вала на пути наступающего врага⁵⁰⁴. Такое предположение кажется вполне вероятным, если мы вспомним о психологическом аспекте использования боевых слонов в Древней Индии. Персы с самого начала не предполагали активного участия слонов в бою. Огромные животные понадобились Дарию только для того, чтобы продемонстрировать противнику свою военную мощь⁵⁰⁵. После того как этот прием не сработал, их отвели обратно в лагерь, и именно там их и обнаружил Парменион. Подобная гипотеза объясняет также и тот факт, почему Александр не использовал в военных действиях захваченных у персов слонов: вплоть до столкновения с индийцами он смотрел на них лишь как на средство устрашения, и не более того.

По мнению У. У. Тарна, слоны не приняли непосредственного участия в битве, поскольку выяснилось, что персидские лошади не могут переносить их вида и запаха⁵⁰⁶. По этому поводу заметим, что слонов не обязательно нужно было ставить рядом с кавалерией или колесницами: так они могли внести расстройство в ряды любой армии. Их можно было разместить, например, перед пехотой, как это сделал Пор в битве при Гидаспе, или перед кавалерией, но на достаточно большом расстоянии от нее, чтобы не пугать лошадей, — именно так, как потом это

делали эллинистические полководцы. К тому же за время подготовки к сражению лошадей можно было приучить к виду и запаху слонов.

Г. Х. Скаллард, полагает, что персы хотели использовать слонов, но им пришлось в последний момент увести их с поля сражения, возможно, потому, что животные были еще плохо обучены и отказывались повиноваться⁵⁰⁷. Подобная точка зрения не кажется достаточно убедительной: ведь слоны (или, по крайней мере, 15 из них) были приведены индийцами и, следовательно, были достаточно хорошо выдрессированы.

Есть еще одна гипотеза, которая, на наш взгляд, представляется вполне вероятной. Арриан, ссылаясь на Аристобула, утверждает, что план боевого построения персидской армии, составленный Дарием, был впоследствии обнаружен македонянами [Arr., Anab., III, 11, 3]. Именно к этому документу и восходит наша информация о слонах, которые никак не проявили себя во время боя. Согласно предположению Г. Коуквелла, битва при Гавгамелах произошла раньше, чем подошли все ожидавшиеся персами подкрепления. В частности, слоны прибыли, когда столкновение уже началось, и поэтому их оставили в лагере⁵⁰⁸. Обстоятельством, подтверждающим, что персы не успели собрать все силы ко дню генерального сражения, служит упоминание о 12 слонах в Сузах: поскольку эти животные были боевыми, то объяснить факт их присутствия там можно лишь допустив, что они направлялись в ставку Дария.

Подводя итог сражению, Арриан еще раз вспоминает о слонах: перечисляя потери персов, он сначала говорит об убитых, затем о пленных и, наконец, добавляет, что слоны и колесницы, не уничтоженные в бою, достались победителям [Arr., Anab., III, 15, 6]. Это сообщение о не погибших в бою слонах только дублирует информацию о захвате слонов Парменионом: Арриан знал, что огромные четвероногие были обнаружены в лагере Дария; вместе с тем ему было известно, что перед началом сражения они, в соответствии с разработанным планом, должны были находиться боевом строю; поэтому он делает вывод, что в руки победителям попали лишь те слоны, которые уцелели в битве⁵⁰⁹.

Возможно даже, что слонов не было не только на поле боя, но даже в персидском лагере. Не исключено, что уже сам Арриан был заинтригован несоответствием персидского плана с тем, что говорилось о битве при Гавгамелах в сочинениях других историков. Чтобы как-то объяснить таинственное исчезновение слонов, он счел необходимым сначала упомянуть их среди добычи, захваченной в персидском лагере, а во второй раз — вместе с доставшимися македонянам серпоносными колесницами, возле которых они и должны были стоять.

Если принять эту точку зрения, то информация о 12 слонах, оказавшихся в Сузах, может быть понята несколько в ином свете: это те же самые животные, которые фигурировали в персидском плане битвы. Дарию было обещано 15 слонов, и именно это количество зверей персидские полководцы внесли в план. Однако путь, который предстояло преодолеть гигантским животным, оказался труднее, чем предполагалось: три слона погибли в дороге, а остальные прибыли в Сузы с большим опозданием.

Г. Х. Скаллард выражает уверенность, что появление слонов на поле сражения при Гавгамелах могло бы изменить «лицо Истории»⁵¹⁰. П. Бриан не склонен воспринимать эти слова серьезно, однако и он полагает, что персам следовало бы включить в свою армию как можно большее количество огромных четвероногих, научиться использовать их во взаимодействии с пехотой и особенно кавалерией, выработать новую тактику, которая отводила бы слонам определяющую роль⁵¹¹. Может быть, именно в этом направлении и эволюционировала бы в дальнейшем персидская военная организация, если бы Дарий провел свою реформу за несколько лет до битвы при Иссе, а не после нее.

БИТВА ПРИ ГИДАСПЕ (329 г. до н. э.)

Первое столкновение греко-македонской армии с боевыми слонами, описание которого сохранилось в наших источниках, — это сражение при Гидаспе, произошедшее во время индийского похода Александра. Еще до встречи с армией Пора Александр овладел большим количеством огромных зверей. Когда его армия подходила к Экболимам, то дорогу ему пытался преградить местный правитель Эрик (Африк), имевший 20 000 войска и 15 слонов. Однако индийцы, не желая гибнуть понапрасну, сами убили своего вождя и выдали его голову Александру. Слоны, «бродившие по стране», достались македонскому царю в качестве добычи [Diod., XVII, 86, 1–3].

Продвигаясь далее к Инду, Александр собирал сведения о стране, проявляя повышенный интерес по отношению к слонам [Arr., Anab., IV, 30, 5]. Ему доложили, что местные жители бежали, бросив своих слонов пастись на берегу реки. Александр тут же велел показать ему дорогу к этому месту и отправился туда, взяв с собой индийских охотников на слонов. Два слона, спасаясь от преследователей, погибли, сорвавшись с обрыва, другие были пойманы. Индийцы сели на них и пригнали к македонской армии [Arr., Anab., IV, 30, 8]. Омфис (Мофис), сын царя Таксила, решил подчиниться власти Александра и отправил к нему

гонцов, — сказать, что передает власть над своим царством. Среди прочих даров индийского государя Александру было послано 56 слонов [Curt., VIII, 12; 11; Diod., XVII, 86, 5–7].

Накануне войны с Пором, когда Александр уже планировал переправиться через Гидасп, к нему привели Барзаента, склонявшего арахосиев к бунту против македонян, а также 30 захваченных слонов [Curt., VIII, 13; 3]. Курций Руф утверждает, что Александр передал слонов Омфису, принявшему тронное имя Таксил, а сам отправился к Гидаспу [Curt., VIII, 13; 5]. Очевидно, что и остальные слоны, находившиеся в распоряжении македонян, были оставлены Таксилу. Вероятно, Александр рассчитывал, что его индийский союзник примет самое деятельное участие в предстоящей кампании. Никто из окружения македонского царя не был столь сведущим, как Таксил, в том, каким образом можно было эффективно использовать четвероногих гигантов на полях сражений. Поэтому Александр, по крайней мере *de facto*, делал его своим эфелантархом.

Согласно сообщению Диодора, армия Пора, с которой предстояло сразиться македонянам, насчитывала 50 000 пехоты, около 3000 конницы, более 1000 колесниц и 130 слонов [Diod., XVII, 87, 2]. Арриан говорит о 6000 конницы, 420 колесницах [Arr., Anab., V, 14, 6; 15, 4], 30 000 отборной пехоты и более чем 200 слонах [Arr., Anab., V, 15, 4]⁵¹². Курций Руф упоминает только о 85 слонах «необычайной силы», 300 колесницах и 30 000 пехоты [Curt., VIII, 13, 6]⁵¹³.

Прежде чем вступить в бой с основными силами Пора, Александру необходимо было форсировать Гидасп и встретиться с авангардом индийцев, состоявшим из 2000 конницы и 120 колесниц под командованием одного из царских сыновей [Arr., Anab., V, 8, 4–15, 2]⁵¹⁴. Опрокинув этот отряд, Александр переправил на противоположный берег 5000 всадников и 6000 пехотинцев [Arr., Anab., V, 14, 1]⁵¹⁵.

Узнав о том, что македоняне перешли реку, Пор выступил им на встречу с основными силами. Арриан утверждает, что индийский царь, желая прикрыть слонами всю линию пехоты, выстроил их впереди нее на расстоянии около 30 м друг от друга⁵¹⁶. Полиэн передает, что слоны стояли на расстоянии 50 футов (около 15 м) [Polyaen., IV, 3, 22]. В связи с этим П. Д. Арманди высказывает сомнение относительно количества слонов, которыми располагал Пор. Линия из 200 слонов, стоявших с такими большими интервалами, растянулась бы в первом случае на 6 км, а во втором — на 3. Фронт индийской пехоты мог вытянуться на расстояние приблизительно в 2 км. Таким образом, если допустить, что Пор поставил своих слонов только впереди пехоты, из всех приведенных данных, касающихся числа животных, наиболее правдоподобной покажется

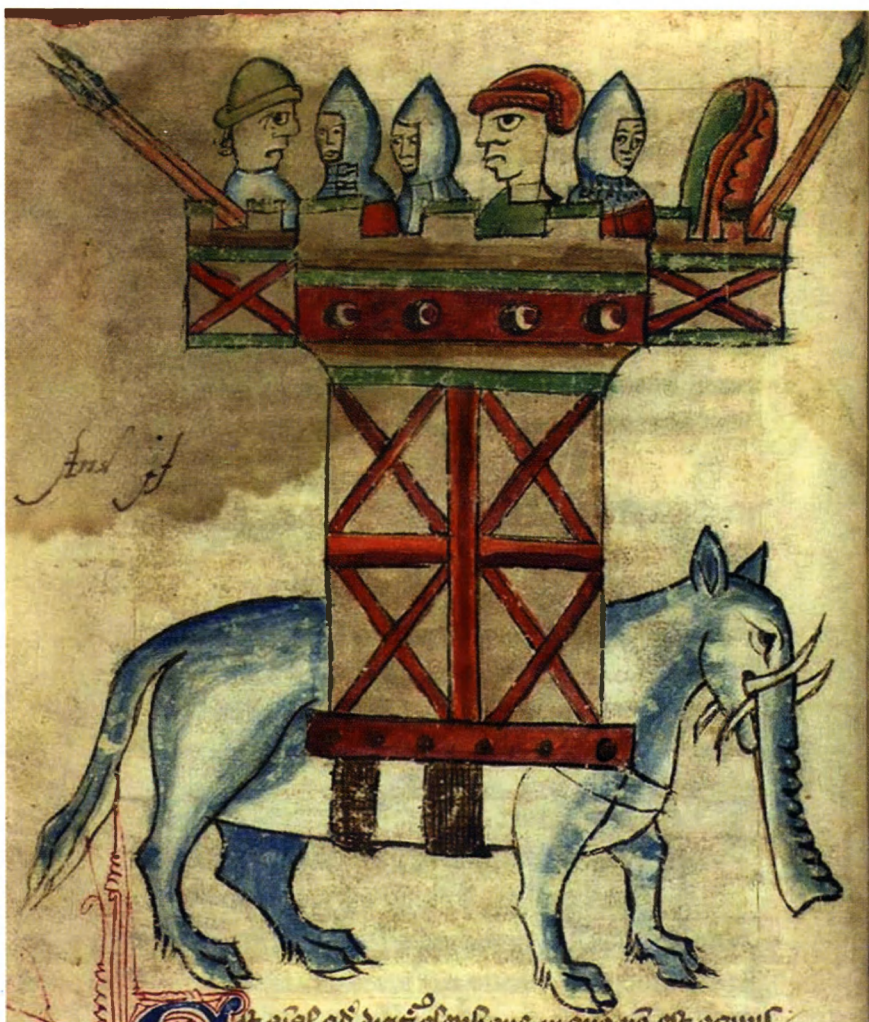

Боевой слон

Миниатюра. «Книга сокровищ» Брунетто Латини.

Рукопись: Фр. F.v.III.4, f 57 r (Российская национальная библиотека,
Санкт-Петербург). Издание: Li Livres dou Tresor Brunetto Latini.

Barselona, 2000 (Faksimile)

Боевой слон

Миниатюра. Бестиарий (Англия после 1400 г.). Копенгаген.
Kongelige Bibliotek, Gl. kgl. S. 1633 4°, f. 6 v.

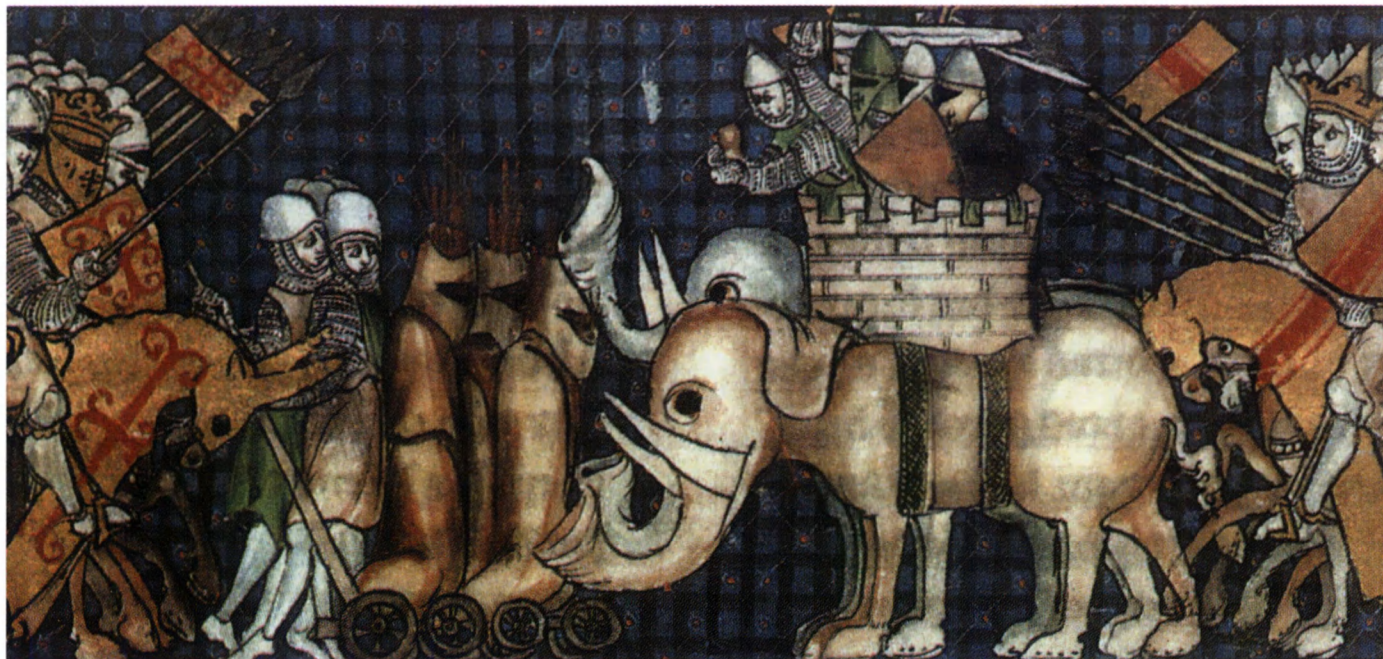
Боевой слон

Миниатюра. Из богословских трудов Вильгельма Перальда.
Англия. Вторая половина XIII в. Bestiary of Ann Walsh, f. 39 r.

Боевой слон

Миниатюра. Бестиарий Бодлеанской библиотеки, Оксфорд.
 Рукопись: Bodleian Library MS. Ashmole 1511, f 15 v.

Бой Александра со слонами индийского царя Пора

Многие средневековые миниатюры иллюстрируют известные античные сюжеты. Данная миниатюра из средневекового Романа об Александре представляет битву при Гидаспе, когда македонской армии пришлось сражаться с индийскими боевыми слонами. В романе Псевдо-Каллисфена рассказывается, что Александр для борьбы со слонами придумал изготовить медные фигуры воинов, раскалить их и двигать в направлении огромных зверей. В Средние века этот сюжет получил широкое распространение.

Рукопись: Handschrift 78.C.1 des Kupferstichkabinetts Preußischer Kulturbesitz Berlin

Бой Александра со слонами индийского царя Пору
 Еще одна средневековая миниатюра из Романа об Александре,
 иллюстрирующая борьбу со слонами в битве при Гидаспе

Правитель на слоне

Миниатюра из Всемирной хроники Рашид ад-Дина (XIV в.).

Издание: Talbot Rice D. The Illustrations to the «World History» of Rashid al-Din. Edinburgh, 1976.

Все персонажи по моде того времени облачены в монгольские костюмы

Битва при Гидаспе
Средневековая миниатюра

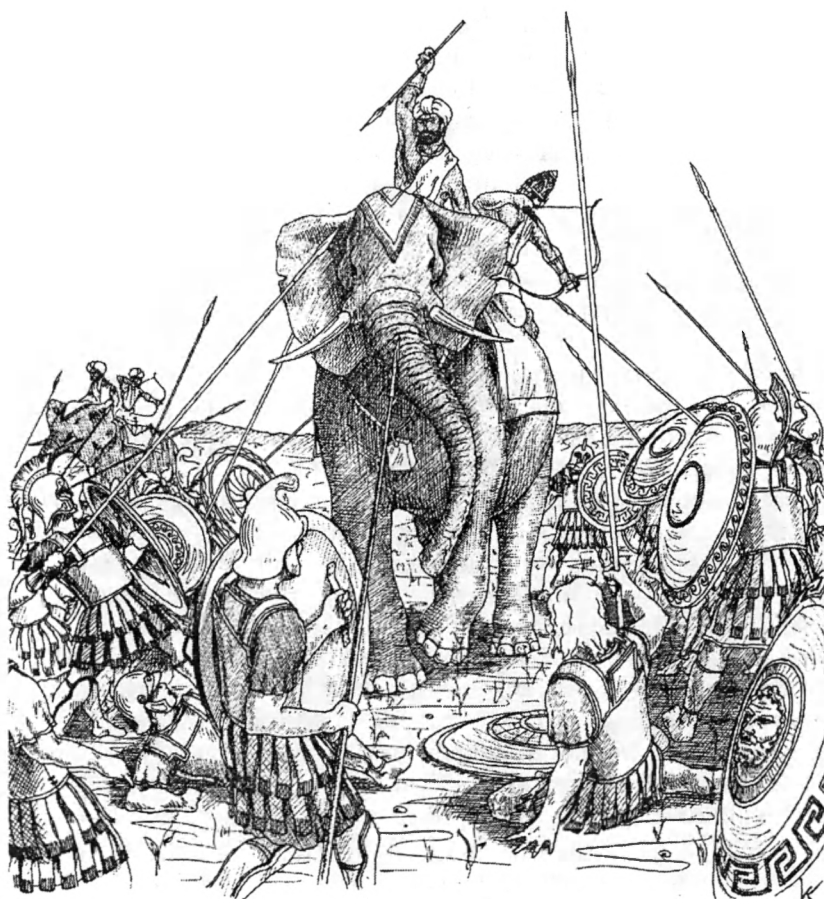
цифра Курция Руфа⁵¹⁷. П. Д. Арманди допускает, что у индийцев могло быть от 100 до 120 слонов⁵¹⁸.

На крыльях индийской армии размещалась кавалерия, впереди которой находились колесницы. Александр решил разгромить противника на флангах и взять его пехоту в клещи⁵¹⁹. Принять подобное решение его заставил страх перед многочисленностью вражеской пехоты и боевыми слонами [Plut., Alex., 60]. «Видя, как построились инды, Александр понял, что ему нельзя ударить в центр, где вперед были выдвинуты слоны, а в промежутках между ними стояли густые ряды пехоты: он боялся как раз того, на что рассчитывал Пор, располагая таким образом свои силы. Александр был сильнее конницей, и он решил, взяв большую часть ее, напасть на левое крыло врага. Кена с гиппархией Деметрия и его собственной он послал против правого крыла индов, велел ему захватить в тыл варварам, когда те поскачут, увидев идущую на них массу всадников. Пехоту он поручил Селевку, Антигену и Таврону, но приказал вмешаться в сражение только тогда, когда они увидят, что его конница привела в замешательство и пехоту, и конников врага» [Arr., Anab., V, 16, 2–3; пер. М. Е. Сергеевко]. Тактический прием, который был применен в этом сражении Александром, получил в дальнейшем широкое распространение и стал известен как *bicornis figura*. Его преимущество заключалось в том, что центр вражеского построения оставался в бездействии, поскольку не мог ни оказать помощи своим, опасаясь атаки стоящих напротив войск, ни напасть на последние, ввиду того что те находились на большом удалении от него [Amm., XVI, 2, 13; XXV, 1, 16; Veg., III, 20].

Добившись победы на флангах, Александр всеми силами атаковал индийскую пехоту. «Затем в бой вступили слоны, — передает Диодор, — должным образом используя и огромную массу своих тел, и свои силы: одни гибли под их ногами, растоптанные вместе с оружием; других они обхватывали хоботом и, подняв вверх, швыряли на землю: люди умирали страшной смертью; многие были насквозь пронзены клыками и тут же испускали дух. Македоняне мужественно противостояли всем страхам; перебив сариссами воинов, стоявших между животными, они уравнивали боевые силы» [Diod., XVII, 88, 1–2; пер. М. Е. Сергеевко]. «Слонов оттеснили, наконец, в узкое место, — пишет Арриан, — и здесь, поворачиваясь, толкаясь и топчая людей, наносили они вреда своим не меньше, чем врагам. Погибло много всадников, отброшенных в это узкое место вместе со слонами; многих слонов и их вожakov поразили дротиками; одни слоны были ранены, другие, истомленные, без вожakov, беспорядочно бродили по полю битвы. Словно обезумев от горя, они бросались одинаково и на

своих, и на врагов, расталкивали людей, топтали и убивали их. Македонцы, если вдруг было пространство и они могли напасть на слонов, улучив удобный для себя случай, обычно разбегались, когда животные устремлялись на них, а когда они поворачивались, преследовали их и метали копья. Инды, двигавшиеся между слонами, особенно от них пострадали. Наконец, животные устали, обессилили и начали, посапывая, отходить назад, повернувшись к врагу, словно корабли, которые идут вспять» [Arr., Anab., V, 17, 3–7].

Битва при Гидаспе. Атака индийских слонов
Рис. И. В. Кирсанова

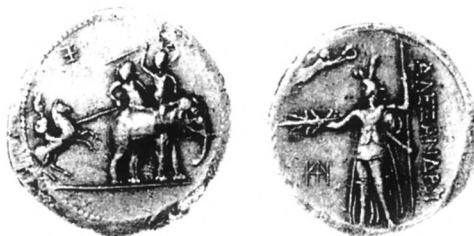

Полиэн рисует иную картину сражения, объясняя причину поражения индийцев тем, что из-за медлительности слонов их строй оказался разорванным: «Александр в сражении с Пором свою конницу построил на правом фланге, половину фронтом, а остальную часть под углом, фалангу же и легковооруженных поставил на левом фланге, выстроив и здесь из воинов угол. В свою очередь, Пор, построив множество слонов, сам на главном слоне находился слева; остальных же слонов он поставил на расстоянии пятидесяти футов друг от друга вплоть до правого фланга; в то время как промежутки между животными заполнил пехотинцами, так, что вид войска походил на великую крепостную стену, слоны были подобны башням, а пехота — промежуткам между башнями. Тогда Александр приказал пехоте идти на неприятеля, сам повел свою более сильную конницу направо, желая обойти врагов с фланга. Чтобы избежать этого, Пор выступил с ним на сближение. Но так как слоны отставали, они разорвали во многих местах строй индийцев. И после того как македоняне стали врываться в разрывы, Пор был вынужден, повернувшись к фронту, вести бой. В это время те всадники, которые были с Александром, успели совершить обход и, напав на индийцев с тыла, одержали над ними полную победу» [Polyaen., Strateg., IV, 3, 22; пер. М. М. Холода].

Пор пытался переломить ход сражения и, собрав вокруг себя 40 слонов, находившихся в спокойном состоянии, устремился на врага. Однако Александр приказал лучникам стрелять в индийского царя, и, когда тот упал, изнемогая от ран, индийцы обратились в бегство. Исход битвы был окончательно решен, после того как остальная часть македонской армии была переправлена через Гидасп и вступила в бой [Arr., Anab., V, 17, 7–18, 1–2]⁵²⁰.

Источники приводят различные статистические данные, касающиеся результатов битвы. Согласно Арриану, у индийцев пало около 20 000 пехотинцев, 3000 всадников, уничтожены все колесницы, а все слоны, которые не были убиты на поле сражения, попали в руки македонян. Кроме того, погибли два сына Пора и все индийские военачальники. При этом победители потеряли чуть больше 300 всадников [Arr., V, 18, 2–3]. П. Д. Арманди полагает, что потери македонян выглядят заведомо заниженными и не соответствуют драматизму сражения⁵²¹. Гораздо больше доверия вызывают цифры, приводимые Диодором: у индийцев погибло 12 000 человек и больше 9000 было взято в плен; поймано 80 слонов. Македоняне потеряли 280 всадников и более 700 пехотинцев [Diod., XVII, 89, 1–3].

Столкновение с армией Пора показало Александру, каким мощным боевым средством являются слоны. Согласно утверждению Курция Руфа,

*Коммеморативная декадрахма Александра Великого
в честь победы при Гидаспе*

На аверсе изображен македонский всадник, скорее всего сам Александр, поражающий своей сариссой сидящего на слоне воина (видимо, Пора)

*Коммеморативная тетрадрахма Александра Великого
в честь победы при Гидаспе*

На аверсе изображен боевой слон, на котором сидят воин (вероятно, Пор) и погонщик; на реверсе — Гелиос, правящий колесницей, запряженной четверкой коней

*Коммеморативная серебряная тетрадрахма Александра Великого
в честь победы при Гидаспе*

На аверсе изображен слон; на реверсе — лучник и монограмма Александра.
Эмиссия серебряных монет-медалей, выпущенных в память о битве при Гидаспе
(Holt F. L. Alexander the Great and the Mystery of the Elephant Medallions. Berkely;
Los Andgeles; London, 2003. Pl. 2–13)

македонский царь, не придавая им большого значения, будто бы даже сказал: «Я сам настолько пренебрегаю этими животными, что если бы их имел, не выставлял бы в строю, хорошо зная, что они угрожают больше своим, чем врагам» [Curt., IX, 2, 21]. Эта фраза послужила для историков Нового времени доказательством неэффективности действий слонов на поле боя. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что данная сентенция выражает типично римский взгляд. Курций Руф вкладывает в уста Александра слова, ставшие во времена Поздней Республики литературным топосом⁵²².

Сведения, которые мы можем почерпнуть в источниках, позволяют усомниться в пренебрежительном отношении македонского завоевателя к боевым слонам. Тот же самый Курций Руф замечает, что в индийском походе «на этих животных возлагалось больше надежд, чем на войско» [Curt., VIII, 13, 3]. Заполучить в свое распоряжение как можно больше огромных зверей Александр постарался сразу же после битвы при Гидаспе. Многие индийские правители поспешили признать его власть. Среди них был и Абиссар, намеревавшийся ранее выступить против македонян в союзе с Пором. Он отправил Александру дары, в числе которых были 40 слонов [Arr., V, 20, 5]. Александр оставил власть побежденному Пору, но потребовал от него привести самых храбрых воинов и всех слонов, если они у него еще оставались [Arr., Anab., V, 21, 2]. Таким образом, уже на этом этапе элфантерия становилась составной частью армии македонского царя, и, несомненно, ее назначение не ограничивалось только участием в парадах. Всего Александру удалось собрать во время индийского похода 200 слонов [Arr., Anab., VI, 2, 2]⁵²³.

Павсаний со всей определенностью заявляет, что Александр, победив Пору, первым из жителей Европы стал использовать слонов в военных целях [Paus., I, 12, 4]. Полиэн упоминает агему (т. е. отборный отряд) слонов, созданный Александром [Polyaen. IV, 3, 24]. Существование такой агемы подтверждается и теми событиями, которые развернулись сразу после смерти македонского царя. Согласно Диодору, на катафалке Александра были изображены четыре рода войск: флот, пехота, кавалерия и слоны [Diod., XVIII, 27, 1]⁵²⁴, что, опять же, позволяет видеть в Александре создателя эллинистической элфантерии⁵²⁵. Наконец, использование слонов Пердиккой для расправы над своими противниками [Curt., X, 9, 13]⁵²⁶ и их активное участие в первых же вооруженных конфликтах, разразившихся между диадохами, наглядно свидетельствуют о том большом значении, какое придавал Александр новому виду войск⁵²⁷.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЛОНОВ ПРИ ШТУРМЕ ВРАЖЕСКИХ УКРЕПЛЕНИЙ

Известно, что Александр использовал огромных четвероногих, чтобы придать больше пышности придворным церемониям. Он приказывал ставить их вокруг своего шатра, когда разбирал судебные дела у варваров [Polyaen., IV, 3, 24]. Слоны превратились в некоторого рода символ его власти и могущества. Не исключено, что это послужило одной из причин того, что после смерти македонского завоевателя диадохи также стремились обзавестись боевыми слонами⁵²⁸. Другой немаловажной причиной, оказавшей влияние на развитие этого рода войск, могло быть отсутствие необходимого количества опытных воинов, которое, вероятно, ощущалось весьма остро после того, как каждый из наследников Александра обзавелся собственными вооруженными силами⁵²⁹.

Слоны очень скоро стали неотъемлемой составляющей многих эллинистических армий. Основные принципы их использования на полях сражений были выработаны уже в период борьбы диадохов. Первые сведения, касающиеся участия слонов в военных действиях этого периода, связаны с попытками захвата фортификаций противника. Источники сохранили нам сообщения о двух подобных случаях, при этом оба раза атаковавшая сторона терпела неудачу. В 321 г. до н. э. регент царства Пердикка попытался овладеть «Верблюжьим валом» — крепостью, находившейся на границе Египта, которую защищал Птолемей Лаг, но предпринятый им штурм оказался безуспешным. В 318 г. до н. э. Полисперхонт использовал слонов, стремясь взять приступом греческий город Мегалополь⁵³⁰. Македонянам удалось пробить брешь в городской стене. Однако осажденные ночью приготовили большое количество досок, в которые были набиты гвозди, и, замаскировав, положили их в неглубокие рвы [Diod., XVIII, 71, 3]. На следующий день македоняне пошли на штурм, пустив впереди слонов. Наткнувшись на приготовленные для них ловушки и изранив ноги, слоны повернули вспять, прокладывая путь через македонские боевые порядки. К тому же со стен на слонов полетел град стрел, камней и других метательных снарядов. В результате этой неудачной атаки самые сильные из зверей были убиты, а Полисперхонт с большими потерями вынужден был отступить [Diod., XVIII, 71, 6].

Здесь стоит упомянуть и об осаде Пидны (317–316 гг. до н. э.) войсками Кассандра, правда, на этот раз слоны вместе с Олимпиадой, матерью Александра, и преданными ей войсками сами оказались

в роли осажденных. В городе скоро стала ощущаться нехватка продовольствия и фуража. Слоны, естественно, как и все, страдали от голода. Чтобы поддержать силы громадных зверей, им давали мелко нарубленную древесину. Возможно, этот рассказ покажется кому-то маловероятным, тем не менее в природе слоны действительно могут питаться древесиной. Известно, например, что им весьма по вкусу мягкая древесина баобабов. Поэтому слоны своими бивнями отламывают от стволов этих деревьев огромные куски, приводя их тем самым к падению. После чего они полностью съедают упавшие баобабы, диаметр которых может составлять 3,5 м; даже оставшиеся пни животные объедают до уровня земли⁵³¹. Вряд ли осажденные македоняне знали о том, что слоны могут есть древесину. Вероятно, об этом им рассказали индийские корнаки, оказавшиеся в осаде со своими подопечными. Впрочем, подобная пища смогла лишь на непродолжительное время продлить жизнь четвероногих, которые в конце концов все погибли от истощения [Diod. XIX, 35–36, 49].

Поражение войск Полисперхонта под Мегалополем

Рис. И. В. Кирсанова

БОЕВЫЕ СЛОНЫ В АРМИИ АНТИГОНА

Сразу же после смерти Александра все слоны оказались во власти регента царства — Пердикки. Но поход в Египет окончился для него гибелью. В г. Трипарадесе состоялись переговоры, на которых македонские полководцы распределили между собой военные силы и провинции. Элефантерия была разделена на две части: одна половина ее досталась Антигону, а другая вместе с новым регентом Антипатром ушла в Македонию [Phot., 72 b, 25]. Таким образом, в Азии Антигон некоторое время был единственным из военачальников, располагавших боевыми слонами [Polyaen., IV, 6, 7].

Не совсем ясно, сколько слонов было у Антигона первоначально. Диодор утверждает, что после переговоров в Трипарадесе он получил 30 огромных зверей [Diod., XVIII, 40, 7; 50; 3]. Вместе с тем нам известно, что половина элефантерии, доставшаяся Антипатру, насчитывала 70 слонов. Следовательно, у Антигона с самого начала было такое же количество животных, что очень хорошо согласуется с числом слонов, принимавших участие на его стороне в битвах в Паретакене и Габиене. По всей видимости, после совещания в Трипарадесе Антигон получил лишь тех слонов, которые были включены Пердиккой в состав армии во время похода в Египет. Часть элефантерии была оставлена в Вавилоне из-за большого количества воды, ежедневно потребляемой животными, каковым невозможно было их обеспечить при переходе через пустыню, отделяющую Палестину от Египта³².

Выше мы отмечали, что эллинистической тактике не свойственно было использовать слонов против тяжелой пехоты. Но, возможно, Антигон стал единственным из диадохов, кто пытался это делать, по крайней мере до тех пор, пока в Азии только он располагал боевыми слонами. Это объясняется тем, что военные силы, доставшиеся Антигону, были незначительными. Логично предположить, что ему нужно было усиливать элефантерией свою пехоту, чтобы компенсировать численный перевес противника. Так, вероятно, он и поступил в битве при Оркиниях (321 г. до н. э.), где у него было вдвое меньше пехоты, чем у его противника Эвмена, тем более что против вражеской кавалерии Антигон, как кажется, слонов использовать не собирался, поскольку ему удалось подкупить командовавшего ей Аполлонида, и тот перешел на его сторону в самый разгар боя [Diod., XVIII, 39–41].

Через некоторое время после одержанной победы Антигон встретился у Критополя с армией Алкета, брата Пердикки (320 г. до н. э.). Это первое описание сражения, где говорится об участии слонов. Рассказ Диодора,

позволяет в общих чертах судить о том, как Антигон на этот раз использовал своих слонов. Сначала он неожиданно занял труднодоступные высоты. Узнав об этом Алкет, развернув фалангу и конницу, повел атаку на эти позиции. Антигон с отрядом в 600 всадников ударил в тыл вражеской кавалерии и обратил ее в бегство. После этого он двинул свою фалангу и слонов против пехоты противника. Исход боя был предreshen значительным перевесом в силах, которыми располагал Антигон: у него было 40 000 пехоты и 7000 конницы, в то время как у Алкета всего 16 000 пехоты и 900 всадников [Diod., XVIII, 44–46].

СРАЖЕНИЕ В ПАРЕТАКЕНЕ⁵³³

Скоро слоны появились и у самого опасного противника Антигона — Эвмена, отстаивавшего интересы царской семьи. Сатрап Индии Эвдем привел ему 120 слонов, за что получил из сокровищницы в Сузах 200 талантов якобы на содержание животных [Diod., XIX, 14–15]⁵³⁴. У Антигона к этому времени оставалось только 65 слонов.

Между противниками состоялись два крупных сражения в областях Ирана Паретакене (317 г. до н. э.) и Габисене (в 316 г. до н. э.). Это первые случаи в античной военной истории, когда обе противоборствующие стороны могли вывести огромных животных на поле боя. Основным источником, содержащим описание данных битв, служит труд Диодора, который опирается на сочинение историка Иеронима из Кардии, непосредственного очевидца и участника событий. Рассказ Диодора весьма подробный, тем не менее не всегда понятен. По мнению некоторых исследователей, в нем есть лакуны⁵³⁵. Г. Дельбрюк вообще склонен отказывать рассказу Диодора в какой-либо достоверности⁵³⁶.

В битве в Паретакене диспозиции обеих армий, согласно Диодору, были следующими. Армия Эвмена насчитывала 35 000 пехоты, 6000 конницы и 114 слонов [Diod., XIX, 28, 4]. На левом фланге Эвмен сосредоточил различные кавалерийские отряды (по несколько сот человек), находившиеся под командованием своих сатрапов, всего около 3300 всадников. Перед ними он расположил уступом (ἐν ἐπικλιπίφ) 45 слонов, в промежутках между которыми стояли лучники и пращники [Diod., XIX, 27, 5]. Общее командование было доверено Эвдаму. Центр боевого порядка занимала фаланга: слева — 6000 наемников, затем около 5000 воинов из разных стран, вооруженных по-македонски, далее более 3000 аргираспидов, и на правом крыле — такое же количество

гипаспистов (всего около 17 000 солдат). Перед фалангой Эвмен расположил 40 слонов и в промежутках между ними — легковооруженных пехотинцев. Правый фланг занимали отряды кавалерии общей численностью около 2300 всадников. Впереди вдоль правого фланга Эвмен поставил оставшихся 40 слонов [Diod., XIX, 27, 2–28, 4].

Таким образом, можно заключить, что из 35 000 пехоты у Эвмена всего половина была тяжеловооруженной; около 18 000, вероятно, составляли лучники, пращники и другие легковооруженные, которые были размещены вместе со слонами перед фронтом армии. Неясность возникает в отношении слонов, поскольку 45 животных на левом фланге и по 40 в центре и на правом фланге в сумме дадут цифру 125, а не 114, как об этом сообщает Диодор.

У Г. Дельбрюка вызывает решительные возражения расположение слонов уступом перед левым флангом. Исследователь полагает, что оно было бы попросту нецелесообразно: «Выдвинутый вперед уступ, если только он не упирается флангом в непроходимую местность, всегда может быть обойден»⁵³⁷. Но Диодор как раз и сообщает о том, что левое крыло левого фланга упиралось в некие «предгорья» [Diod., XIX, 27, 3]⁵³⁸. Следовательно, даже с этой точки зрения расположение слонов, выбранное Эвменом, было вполне обоснованным. Выше мы уже приводили точку зрения П. Д. Арманди, склонного полагать, что рельеф местности в данном случае не сыграл какой-либо существенной роли: «Расположение, избранное Эвменом... учитывало опасность слишком близкого нахождения слонов от боевого строя и в то же время оставляло войскам все преимущества, которые они должны были извлечь из присутствия этих животных, поскольку обойти последних, обращенных фронтом в трех направлениях, можно только с большим трудом»⁵³⁹. Вряд ли Эвмен, недавно получивший в свое распоряжение новый род войска, был изобретателем подобной диспозиции. Скорее всего, эта честь должна была принадлежать Антигону, который имел возможность достаточно хорошо узнать все преимущества и неудобства, связанные с присутствием на полях сражений боевых слонов.

Армия Антигона насчитывала более 28 000 пехотинцев, 8500 всадников и 65 слонов [Diod., XIX, 28, 1]. Когда его противник уже построился, Антигон только изучал с высоты его боевой порядок. Диодор утверждает, что наиболее сильным Антигону показался правый фланг вражеской армии из-за слонов и лучших всадников [Diod., XIX, 29, 1], хотя количество слонов и кавалерии здесь, согласно описанию самого же Диодора, было меньшим, чем на левом фланге. Против этих сил Антигон разместил на левом фланге легковооруженную кавалерию (конных лучников,

мидийских и парфянских копейщиков, фригийских и лидийских всадников), которые должны были изматывать противника, не вступая с ним в ближний бой. Всего здесь было сосредоточено около 5900 человек, находившихся под командованием Пифона. Для усиления этого фланга Антигон выделил всего несколько слонов [Diod., XIX, 29, 6]. Центр построения образовывала линейная пехота: 9000 наемников, 3000 ликийцев и памфилийцев, 8000 солдат различного происхождения, вооруженных по-македонски, и 8000 македонян, всего 28 000 человек. Перед фалангой стояло, очевидно, около 30 слонов. Основной удар Антигон решил нанести силами правого фланга. Здесь он сосредоточил свою лучшую кавалерию — всего 3300 всадников, к которым нужно добавить еще 250 всадников, стоявших на самом краю фланга, образуя его авангард. Впереди Антигон поставил уступом, как и Эвмен, 30 самых сильных слонов, между которыми разместил отборные отряды легковооруженной пехоты [Diod., XIX, 29, 6]. Командование флангом он принял на себя.

Анализируя общую диспозицию противоборствующих армий, Г. Дельбрюк отмечает один существенный момент, который не может быть обойден вниманием: «Как могла действовать фаланга (Эвмена. — А. Б.) позади тех 40 слонов, которые ей были приданы? Должна ли она была, двигаясь за ними, атаковать неприятельскую фалангу, когда она будет расстроена слонами? Антигон будто бы тоже ставил слонов впереди своей фаланги. Но в описании боя мы ни слова не находим о слонах обеих сторон: фаланги наступают друг на друга, как всегда»⁵⁴⁰. И действительно, столкновению фаланг должен был предшествовать ожесточенный бой между слонами, подобный тому, который рисует нам Полибий в битве при Рафии. Впрочем, сторона, одержавшая победу в этом единоборстве, не обязательно должна была бросить своих слонов против вражеской пехоты. Как уже было отмечено выше, битва при Гидаспе показала, что македонская фаланга может с успехом бороться против слонов, поэтому уставших животных, многие из которых могли быть ранены, разумнее было бы отвести в тыл, чем подвергать риску нового столкновения со свежими силами противника.

На наш взгляд, поразительным является другое обстоятельство. При подобном столкновении четвероногих колоссов какая-то часть из них с той и другой стороны непременно должна была погибнуть, а какие-то из животных побежденной стороны должны были попасть в руки победителю. Однако все слоны Антигона (65 голов) оказались целы и невредимы и приняли участие во втором сражении, состоявшемся через год.

Относительно слонов Эвмена трудно сказать однозначно, были ли среди них потери, поскольку неясно, сколько же их было перед началом

сражения — 114 или 125? Поскольку год спустя их оставалось всего 114, то мы можем предположить, что Диодор допустил в данном случае ошибку: изначально у Эвмена было 125 животных, 11 из которых пали в Паретакене.

Общий ход сражения в описании Диодора также вызывает вопросы⁵⁴¹. Первой пошла в атаку легкая кавалерия Антигона. Значительное численное преимущество позволило Пифону обойти линию слонов Эвмена, которых его всадники стали осыпать градом стрел и камней. Вследствие быстроты передвижения противника слоны не могли ни преследовать их, ни вовремя отступить, когда этого требовала необходимость [Diod., XIX, 30, 2].

Эвмен, увидев, что его правый фланг подвергается большой опасности, счел необходимым перебросить на помощь ему легкую кавалерию, стоявшую на левом фланге. Г. Дельбрюк выражает недоумение по поводу подобного маневра: «Спрашивается, почему он не направил своих слонов (стоявших на правом фланге. — А. Б.), которые были у него под рукой, против неприятельских всадников, а в особенности — как он решился так ослабить свое левое крыло, которое было под наибольшей угрозой наступающего крыла противника»⁵⁴². Данное возражение представляется необоснованным: ведь именно слоны и пострадали больше всего от нападения всадников Пифона. Однако с приходом подкреплений Эвмен бросил в наступление эскадроны легкой кавалерии, подкрепив их атаку слонами, и обратил в бегство вражескую кавалерию [Diod., XIX, 30, 4]. Одновременно его фаланга опрокинула фалангу Антигона.

Эвмен начал преследовать отступающий фланг и центр неприятеля, что привело к разрыву в боевом порядке его армии, поскольку ее левый фланг продолжал стоять на месте. Последний факт также нуждается в каком-то логическом объяснении. «Во время этого сражения нападающее — якобы продвинутое вперед — крыло Антигона держалось совершенно пассивно. Надо было бы полагать, что победоносное войско Эвмена под превосходным его руководством выделит несколько отрядов в тыл и во фланг еще стоящего на месте неприятельского крыла, дабы закончить победу, вместо этого Диодор повествует нам о том, как победоносные войска Эвмена занимаются исключительно преследованием разбитого противника; левое крыло остается на месте, так что боевой порядок разрушается и получается разрыв»⁵⁴³. Нам кажется странным не то, что Эвмен не ударил по правому крылу противника: он действительно мог увлечься преследованием, а то, что на отдельном участке фронта сражение так и не завязалось. Почему? Ведь после того как Эвмен увел с левого фланга отряды легкой кавалерии, Антигон мог воспользоваться

ослаблением стоявших против него войск и тут же атаковать их. Добившись победы на этом участке, он мог затем либо ударить в тыл пехоте Эвмена, либо напасть на его силы на правом фланге. И в том и в другом случае это гарантировало бы ему полный успех. Так почему же он не вступал в бой?

Не исключено, что у Антигона с его кавалерией довольно долго не было такой возможности. Слоны, стоявшие уступом перед флангом Эвмена, препятствовали ему. Своими слонами Антигон, вероятно, не желал рисковать, понимая, что в случае столкновения противник, при значительном перевесе в количестве этих животных, даже если не одержит победу, может нанести ему чувствительный урон. Эвмен воспользовался пассивностью неприятеля и перебросил на свой правый фланг, с трудом выдерживавший натиск Пифона, какое-то количество всадников, сохраняя при этом заслон из слонов. Однако когда в его боевом порядке образовался разрыв, кавалерия Антигона наконец смогла обойти вражеских слонов и ударить по войскам, расположенным за ними. Слоны, находившиеся перед левым флангом армии Эвмена, не вступили в активный бой с неприятелем, вероятно, потому, что слоны Антигона продолжали стоять против них и в любой момент также могли устремиться в атаку. Маневр, произведенный Антигоном, завершился полным успехом. Левый фланг армии Эвмена оказался разбит. Чтобы не допустить его окончательного уничтожения, Эвмен вынужден был дать приказ о прекращении преследования неприятеля. Враждующие стороны вернулись на исходные позиции и снова выстроились в боевой порядок, готовые продолжить битву. Но этому помешала наступившая ночь.

В результате произошедшего сражения Антигон потерял 3700 пехотинцев и 54 всадника убитыми, а Эвмен — 540 пехотинцев и небольшое количество всадников. Раненных у Антигона было около 4000, а у его противника — более 900 [Diod., XIX, 31, 5]. Странно, что Диодор ничего не говорит о потерях среди слонов. Что касается флангов, то, по всей видимости, здесь действительно обошлось без гибели огромных зверей: на правом фланге армии Эвмена они подверглись обстрелу, но благодаря своевременно подведенным подкреплениям опасность была ликвидирована, а во время последовавшей вслед за тем атаки слоны лишь следовали за легковооруженными всадниками⁵⁴⁴; на левом фланге Эвмена и правом Антигона, как уже отмечалось, противоборства между слонами также удалось избежать. Что же касается центра, то, как мы предположили, здесь бой слонов должен был состояться, но после того как со стороны Эвмена пало 11 животных, остальных было решено отвести в тыл. Так же поступила и противная сторона.

СРАЖЕНИЕ В ГАБИЕНЕ

Год спустя между враждующими сторонами произошло новое сражение в Габие [Diod., XIX, 40–43; Polyae., IV, 6, 13; Just., XIV, 3–4; Plut., Eumen., 17–18]⁵⁴⁵. Накануне этого столкновения Антигон попытался захватить боевых слонов Эвмена, которые двигались на соединение с главными силами армии, сопровождаемые конвоем из 400 всадников. Войска, посланные Антигоном для выполнения этой операции, состояли из 2200 всадников и подразделений легкой пехоты. Когда было совершено нападение, командовавшие слонами военачальники приказали построить их в каре, в центр которого был помещен обоз. Всадники конвоя расположились в тылу. Несмотря на то что воины Антигона подвергли слонов обстрелу различными метательными снарядами, корнякам удалось сдержать животных на месте и не допустить прорыва строя. Тем не менее рано или поздно слоны попали бы в руки Антигона, если бы не предусмотрительность Эвмена, своевременно выславшего навстречу своим большой отряд из кавалерии и пехоты.

В сражении в Габие диспозиция обеих армий напоминала ту же, что была год назад. У Антигона было 22 000 пехоты, 9000 конницы и 65 слонов. Кавалерия была размещена на флангах. Левым командовал Пифон, а правым — сын Антигона Деметрий. Пехота стояла в центре. Перед всем фронтом боевого порядка стояли слоны и легковооруженные. Основной удар Антигон планировал нанести правым крылом.

У Эвмена было 36 700 пехотинцев, 6050 всадников и 114 слонов. Чтобы отразить атаку правого фланга Антигона, он собрал на своем левом фланге большинство сатрапов с их кавалерийскими отрядами, и сам возглавил эти силы. Впереди Эвмен поставил уступом 60 самых сильных слонов и лучшие отряды легковооруженных. Центр построения занимала фаланга: слева — гипасисты, далее — аргираспиды, наемники и воины, вооруженные по-македонски. Перед ними располагались большая часть оставшихся слонов и отряды легковооруженной пехоты. На правом крыле находились остальные эскадроны всадников и слоны. Командовавшему этими силами стратегу Филиппу Эвмен приказал не вступать в решительное столкновение с неприятелем и ждать исхода боя на противоположном крыле [Diod., XIX, 40–43].

На этот раз Диодор сообщает нам о столкновении слонов на обоих флангах и о большом количестве пыли, которое подняли огромные животные⁵⁴⁶. Эта пыль скрыла от глаз неприятеля маневр кавалерии Антигона, стоявшей на правом фланге, которая, обойдя слонов, напала на тот участок боевого порядка Эвмена, где стоял Певкест. Последний бросился

бежать, увлекая за собой 1500 своих всадников. Предательство сатрапа привело к тому, что в боевом построении армии Эвмена образовалась брешь, а сам Эвмен со своим отрядом оказался отрезанным от основной массы войск. Впрочем, дело еще не было проиграно: если бы слонам Эвмена удалось выстоять в противоборстве со слонами Антигона, то ситуация могла бы измениться самым решительным образом, тем более что фаланга Эвмена уже одержала победу над пехотой врага.

Слонов Эвмена на левом фланге должно было быть как минимум вдвое больше, чем на правом фланге у Антигона. Однако и в этот раз они оказались не на высоте: после того как пал головной слон, остальные животные бросились бежать, а вместе с ними — легковооруженная пехота и отряды всадников⁵⁴⁷. «Собственно теперь, — замечает Г. Дельбрюк, — должна была развернуться весьма своеобразная картина боя, так как на одной стороне была очень сильная и хорошо обученная пехота (36 700 человек) и много слонов, а с другой стороны — кавалерия (9000) и половинное число слонов. Перевес, несомненно, находился на одной стороне — именно у Эвмена, тем более что он имел в своем распоряжении еще часть кавалерии»⁵⁴⁸. Однако сражение заканчивается самым непредвиденным образом: войска Эвмена предают своего полководца и выдают его Антигону в обмен на захваченные в их лагере сокровища и семьи. После этой победы Антигон вновь оказался единственным из диадохов, кто располагал боевыми слонами.

БИТВА ПРИ ГАЗЕ

Следующее крупное сражение, в котором приняли участие слоны, произошло в 312 г. до н. э. возле г. Газа между войсками Деметрия, сына Антигона, и Птолемея и Селевка [Diod., XIX, 80–84]. Согласно Диодору, у Деметрия было 5000 кавалерии⁵⁴⁹, 11 000 тяжеловооруженной пехоты, 18 000 легковооруженных и 43 слона [Diod., XIX, 69]. На левом фланге Деметрий поставил 2900 отборных всадников, впереди них — 30 слонов, между которыми находились 1500 легковооруженных. Центр боевого порядка образовывала фаланга из 2000 македонян, 1000 ликийцев и памфилян и 8000 наемников. Перед фалангой стояли еще 13 слонов с необходимыми отрядами легкой пехоты. На правом крыле располагались 1500 всадников под командованием Андроника, который не должен был вступать в решительный бой до того, как станет ясен исход дела на левом фланге. Именно левым флангом Деметрий планировал нанести главный удар, поэтому принял командование им на себя.

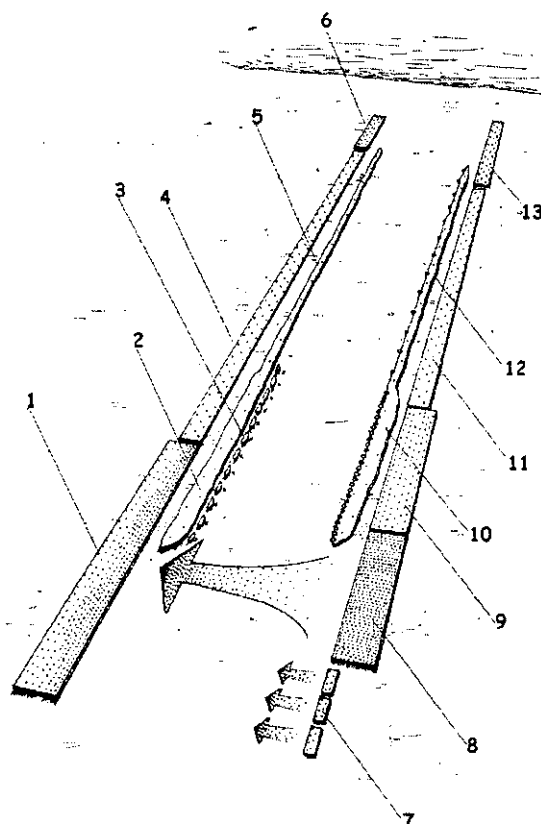
Армия союзников насчитывала 4000 всадников, 18 000 тяжеловооруженных пехотинцев и «огромное количество» легковооруженных. На правом крыле, где Птолемей и Селевк желали лично сражаться против Деметрия, они поставили 3000 отборных всадников. Против слонов было придумано приспособление, о котором уже упоминалось выше: «Перед своими войсками, — сообщает Диодор, — они расположили людей, несущих колья, обитые железом и соединенные цепями» [Diod., XIX, 83]. Позади этого «частокола» находились многочисленные отряды стрелков, которые должны были пускать всевозможные метательные снаряды, как только слоны подойдут на близкое расстояние, при этом надлежало метить их не в животных, а в корнаков. Центр армии занимала фаланга; левый фланг — оставшиеся 1000 всадников.

Диодор описывает лишь кавалерийское сражение, завязавшееся между левым флангом Деметрия и правым союзников. Бой был упорным, и не было ясно, на чью сторону склонится победа, когда Деметрий приказал ввести в бой слонов. Однако слоны наткнулись на обитые железом колья и стоявших за ними легковооруженных воинов. «Множество копьеметателей и лучников, — пишет Диодор, — стали со всех сторон обстреливать их, ранили слонов и сидевших на них людей» [Diod., XIX, 84]. Встретив столь ожесточенный отпор, огромные животные повернули назад. Некоторые из них, потерявшие своих корнаков, были потом пойманы солдатами противника⁵⁵⁰. Отступление слонов послужило сигналом для бегства всадников Деметрия.

Если решительной схватки на противоположном крыле обеих армий не планировалось, то не может не возникать сожаления по поводу того, что нам совершенно не известно, как развивались события в центре, где также должны были действовать слоны. Результатом сражения было разгромное поражение Деметрия: он потерял 5000 убитыми и весь обоз; 8000 человек его пехоты сдались в плен победителям. Те из слонов, которые не погибли в бою, вероятно, достались союзникам.

Г. Дельбрюк крайне негативно относится к описанию Диодора, считая его «пустыми рассказами», ничего не дающими для реконструкции сражения⁵⁵¹. Наибольшую критику исследователя вызывает сообщение о приспособлении, придуманном Птолемеем для борьбы со слонами неприятеля. «Каким образом эти загородки должны были удерживать слонов, ясно не сказано. Нельзя надеяться сделать такой частокол, который смог бы удерживать слонов. Дальше, при описании сражения говорится о мягких ногах слонов и о том, что они натыкались на острия этого частокола. Тогда надо предположить, что речь идет о каких-то силках или, как предполагает Д. Дройзен, о перевернутых боронах,

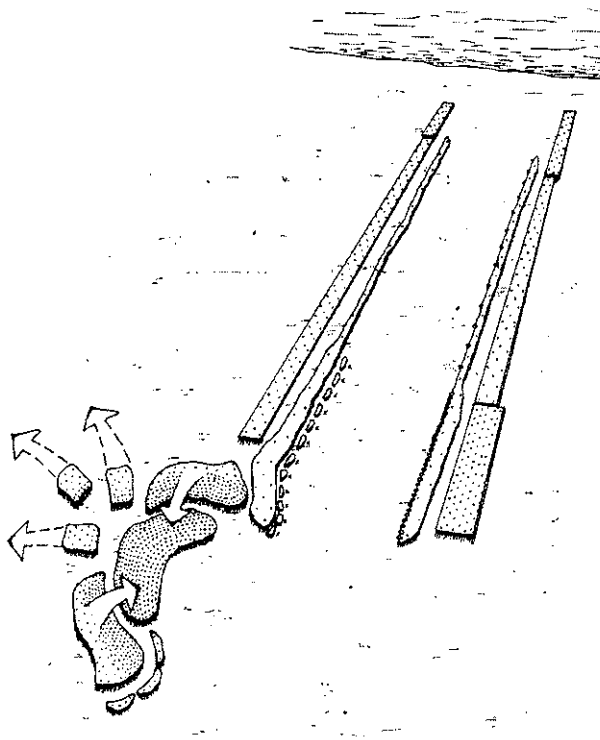
*Битва при Газе. Первоначальная диспозиция
и атака левого флага Деметрия*

Армия союзников: 1 — 3000 отборных всадников под командованием Птолемея и Селевка; 2 — стрелки и метатели дротиков; 3 — отряды, переносящие обитые железом колья; 4 — фаланга; 5 — легковооруженная пехота; 6 — 1000 всадников, стоящих на левом фланге

Армия Деметрия: 7 — отряд «друзей», среди которых стратег Пифон (200 чел.); три илы (150 всадников); 150 всадников, прикрывавших край крыла вместе со 100 тарентинцев; 8 — 800 гетайров и 1500 отборных всадников; 9 — фаланга; 10 — 30 слонов и 1500 легковооруженных; 11 — 8000 наемников; 12 — 13 слонов вместе с легковооруженными отрядами поддержки; 13 — 1500 всадников под командованием Андроника.

Рис. И. В. Кирсанова

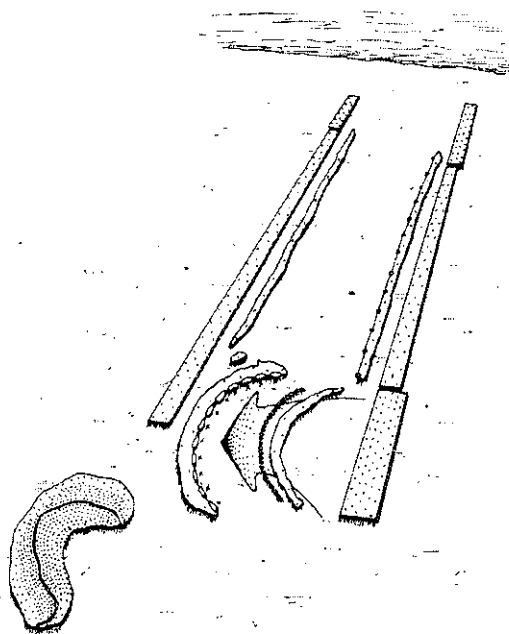
связанных цепями, чтобы нельзя было их убрать. Но *хараξ* (кол) вовсе не имеет этого значения, а кроме того, нам это толкование мало чем поможет. Расстановка и сковывание “борон” цепями производились ведь на глазах у неприятеля. Очевидно, всадники тоже видели это, а следовательно, благодаря препятствию, какое представляет такая преграда не только для противника, но и для собственных войск, конное сражение разыгрывается на внешнем крыле, причем обход войск Птолемея развивает его еще дальше в ту же сторону, с уклонением, таким образом, от “частокола”. Только те, для кого он предназначен, т. е. слоны, вместо того чтобы оказывать свое всегдашнее действие на всадников, идут прямо туда, где их ожидают»⁵⁵².

Битва при Газе. Вторая фаза сражения.

Кавалерия союзников отражает атаку конницы Деметрия

Рис. И. В. Кирсанова

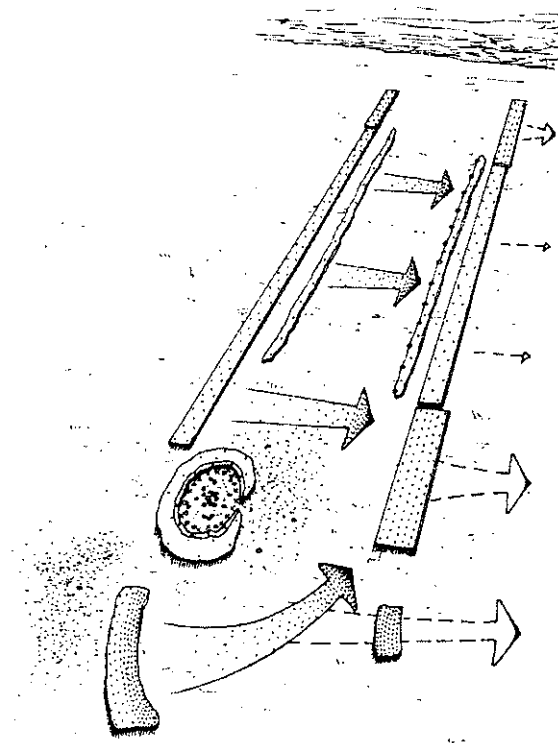
Битва при Газе. Третья фаза сражения.

Деметрий вводит в бой своих слонов

Рис. И. В. Кирсанова

Возражая Г. Дельбрюку, можно отметить, что из описания Диодора ясно, что ни слоны, ни легковооруженные воины не препятствовали началу кавалерийского сражения. Возможно, фронт армии союзников, учитывая их численный перевес, был длиннее фронта армии Деметрия, и последнему, чтобы нанести удар по правому флангу неприятеля, нужно было совершить со своими всадниками диагональное движение на поле боя. При этом слоны остались стоять на месте напротив развернутой против них легкой пехоты. Вместе с тем не нужно забывать, что количество легковооруженных воинов у Птолемея и Селевка было очень велико (явно более 18 000), и невозможно представить себе, чтобы вся эта масса стояла перед их кавалерией. Следовательно, легкая пехота находилась рядом с ней, а раз единственной ее задачей была борьба со слонами, то она должна была оказаться как раз напротив слонов Деметрия. Таким образом, допустимо предположить, что, уже согласно первоначальному плану сражения, Деметрий поставил слонов не перед кавалерией,

а справа от нее. Очевидно, его замысел состоял в том, чтобы с помощью слонов отделить правое крыло Птолемея и Селевка от основных сил их армии. Нечто подобное случилось в битве в Габие, когда Певкест бежал со своими людьми с поля боя. Если бы маневр Деметрия удался, то неприятельская кавалерия оказалась бы зажатой в тиски.

Битва при Газе. Заключительная фаза сражения.

Отступление армии Деметрия

Рис. И. В. Кирсанова

После поражения Деметрия и потери более 40 слонов Антигон тем не менее еще долго оставался единственным военачальником, располагавшим этим видом войск. В 306 г. до н. э. во время похода на Египет в его армии находилось 83 боевых слона [Diod., XX, 73]. Поход закончился неудачей, но нам неизвестно, привело ли это к сокращению численности элевфантерии Антигона.

ОБРАЗОВАНИЕ СЕАЕВКИДСКОЙ ЭАЕФАНТЕРИИ И БИТВА ПРИ ИПСЕ⁵⁵³

В 305 г. до н. э. положение меняется самым решительным образом. Селевк совершил поход в Индию, но предпочел уступить завоеванные там территории индийскому царю Чандрагупте I [Just., XV, 4], с которым заключил союз. Со своей стороны Чандрагупта дал ему 500 боевых слонов [Plut., Alex., 62; Strab., XV, 2, 9]. Местом для содержания такого большого количества животных Селевк избрал предместья Апамен, на берегу Оронта. Цари, правившие после него в Сирии, следовали в этом его примеру [Strab., XVI, 2, 10], и изображение слона стало, видимо, своего рода гербом Апамен — на ее монетах оно появляется чаще, чем на монетах какого-либо другого города.

Выдающаяся роль, которую слоны стали играть в армии Селевка, явилась причиной того, что придворные льстецы из стана его противников начали в насмешку называть его «элефантархом» [Plut., Demet., 28]. Как бы там ни было, такое повышенное внимание к слонам было унаследовано потомками Селевка, а изображение слона превратилось в один из символов династии⁵⁵⁴.

Бронзовая монета из Апамен.

На аверсе изображен Зевс; на реверсе — слон
(Wroth W. W. Catalogue of the Greek Coins of Galatia,
Cappadocia and Syria. London, 2006. Pl. XXVII, 2, 6)

Генеральное сражение между диадохами, определившее судьбы эллинистического мира, произошло в 301 г. до н. э. у г. Ипс во Фригии. В античной военной истории слонов это сражение стало самым крупным: в нем, согласно данным наших источников, приняло участие около 500 животных [Plut., Demet., 28–30; Just., XV, 4; Diod., XX, 113; XXI, fr. 2].

Если не считать слонов, то силы сторон были примерно равными: у Антигона — более 70 000 пехоты, 10 000 конницы и 75 слонов; у противостоящей ему коалиции в составе Птолемея, Лисимаха, Селевка и Кассандра — 64 000, 10 500 конницы, 120 боевых колесниц и 400 или даже 480 слонов [Diod., XX, 113; Plut., Demet., 28]. К сожалению, у нас нет никакого подробного описания этого столь масштабного и важного по своим последствиям сражения. О том, как развивались события, мы можем судить лишь по следующему, весьма сжато и практически конспективному рассказу Плутарха: «Завязался бой, и Деметрий во главе многочисленной и отборной конницы ударил на Антиоха, сына Селевка. Он сражался великолепно и обратил неприятеля в бегство, однако слишком увлекся преследованием, и неуместное это честолюбие сгубило победу, ибо и сам Деметрий, возвратившись, уже не смог соединиться с пехотой — путь ему тем временем успели загородить вражеские слоны, — и фаланга осталась без прикрытия, что, разумеется, не укрылось от взора Селевка, который, однако, не напал на пехотинцев, а только теснил их, грозя нападением и как бы призывая перейти на его сторону. Так оно и вышло: значительная часть фаланги откололась и сдалась, остальные пустились бежать... Деметрий с 5000 пехоты и 4000 конницы почти без остановок бежал до Эфеса...» [Plut., Demet., 28–30; пер. С. П. Маркиша].

Исходя из этого описания, мы лишь весьма приблизительно можем представить себе, какова была первоначальная диспозиция обеих армий. Если судить по битвам в Паретакене и Габиене, то главный удар Антигон рассчитывал нанести своим правым флангом, где была сосредоточена отборная кавалерия под командованием его сына Деметрия⁵⁵⁵. Плутарх сообщает, что когда последний бежал с поля боя, при нем оставалось 4000 человек конницы. Несомненно, это были именно те всадники, которые находились под командованием Деметрия в начале сражения. Почему их оставалось только 4000? Ведь с учетом удачной атаки Деметрия потери среди его людей не могли быть значительными.

По всей видимости, основную часть конницы Антигон сосредоточил на своем левом фланге, чтобы отразить главный удар, нанести который планировали союзники. Дж. М. Кистлер полагает, что командование здесь Антигон поручил Пирру⁵⁵⁶. Это представляется маловероятным по двум причинам: Пирру было в ту пору 17 лет [Plut., Pyrrh., 4], и поручить столь ответственный участок фронта неопытному и никому не известному юноше было бы верхом неосмотрительности. Согласно Плутарху, Пирр отличился в бою и обратил противников

в бегство. Если бы он командовал целым крылом армии, то это значило бы, что ему удалось одержать победу над кавалерией неприятеля, и давало возможность ударить в тыл вражеской пехоте, однако мы ничего не знаем об успехах войск Антигона на втором фланге. По всей видимости, Пирр сражался под командованием Деметрия и с ним же покинул поле битвы⁵⁵⁷. Сам Антигон взял на себя командование центром⁵⁵⁸. Это следует из последовательности событий в рассказе Плутарха: сначала фаланга Антигона остается без прикрытия, затем часть ее сдается Селевку, а часть обращается в бегство, и только после этого неприятели обращаются против Антигона [Plut., Demet., 29].

Относительно боевого порядка армии союзников мы с уверенностью можем сказать только то, что ее левым флангом командовал сын Селевка Антиох. Вторым флангом, где должен был наноситься главный удар, руководил, очевидно, Лисимах, под командование которому было передано какое-то количество слонов [Diod., XXI, fr. 2], центром — Селевк. Лисимаху удалось разбить противостоявшие ему силы противника, и только после этого неприятельская фаланга могла остаться без поддержки. Пехота обеих армий, занимавшая центр боевых диспозиций, не приняла участия в бою, в то время пока на флангах происходили кавалерийские сражения.

Как явствует из описания Плутарха, слоны Селевка сыграли в битве решающую роль. Однако непонятно, какое место в диспозиции союзнической армии им отводилось. Р. В. Светлов полагает, что слоны с легковооруженными отрядами стояли между кавалерией и фалангой, при этом слоны союзников были выстроены не линейно, а в несколько рядов, поэтому в столкновении со слонами Антигона приняла участие только часть элфантирии Селевка. При такой трактовке остается непонятным, для чего нужно было ставить большое количество животных друг за другом, если в бою должны были участвовать не все они, а лишь некоторые? Выше уже отмечалось, что у нас нет каких-либо указаний на то, чтобы слонов когда-нибудь ставили иначе, чем в одну линию. К тому же построение в несколько рядов было небезопасно, ведь животные, стоявшие сзади, могли прийти в возбуждение, видя перед собой происходившие столкновения других слонов, и, не слушаясь погонщиков, либо ринуться в бой, либо побежать с поля боя. Если же поставить задние ряды на значительном удалении от передних, то они не смогли бы оказать своевременную помощь тем, кто уже вступил в схватку. Вместе с тем нам известно, что в начале сражения Деметрий не встретил слонов противника на своем пути, но когда зашел вражеской армии в тыл, они преградили

ему дорогу. Поэтому некоторые исследователи полагают, что какое-то количество слонов союзников стояло позади их армии, играя роль тактического резерва⁵⁵⁹.

Битва при Инсе
Слоны препятствуют продвижению кавалерии Деметрия
Рис. И. В. Кирсанова

По нашему мнению, в целом схема битвы могла быть той же, что и в сражениях в Габие и Паритакене, и слоны стояли перед флангами и центром обеих войск. Сражение началось столкновением слонов на флангах. Деметрий, обойдя бившихся друг с другом животных, атаковал и обратил в бегство кавалерию Антиоха. Но на противоположном фланге успеха удалось достичь союзникам. Противоборство в центре, так же как и на крыльях армий, началось битвой слонов. Оно закончилось тем, что обе стороны отвели животных в тыл: одна, признав, таким образом, свое поражение, другая — не желая бросать слонов против свежих сил фаланги. Вероятно, именно тех слонов союзников, которые в начале сражения стояли перед центром их армии,

а затем были выведены из боя, и встретил Деметрий, возвращавшийся после преследования Антиоха.

«ЗАГАДКА» ЭЛЕФАНТЕРИИ СЕЛЕВКА

Анализируя ход сражения при Ипсе, невольно спрашиваешь себя: если у Селевка действительно было такое большое количество слонов, то что мешало союзникам помешать противнику вступить в кавалерийское сражение? Даже если бы слоны были размещены перед фронтом всей армии, то и тогда у неприятеля не было бы никаких шансов обойти их строй: ведь линия животных, находившихся на расстоянии 1 плетра друг от друга, могла бы растянуться на 12 км. В связи с этим возникает вопрос, насколько мы можем доверять сведениям наших источников, сообщающих о слонах Селевка. В принципе 500 огромных четвероногих не могли показаться Чандрагупте чрезмерно высокой платой за обширные территории и союзные отношения, а предоставить их Селевку было ему вполне по силам⁵⁶⁰. Однако обладателем самого большого количества слонов Павсаний почему-то называет Антигона, а вовсе не Селевка [Paus., I, 12, 3]. У. У. Тарн полагает, что цифра 500 имеет не реальное, а символическое значение и главным образом подчеркивала важность заключенного договора⁵⁶¹. Вместе с тем, по мнению исследователя, информация о 500 слонах исходит от Дуриса, сочинением которого воспользовался, в частности, Плутарх. Дурис же писал в то время, когда память о битве при Ипсе была еще жива, и умышленно завысил число слонов, принявших участие на стороне союзников, чтобы оправдать поражение Антигона⁵⁶².

У. У. Тарн приходит к выводу, что Селевк получил от индийского царя не 500, а 150 слонов, а в битве при Ипсе у него их могло быть только 130⁵⁶³. Основание для того, чтобы заменить цифру 500 на 150, исследователь видит в том, что, согласно Полибию, Антиоху III по соглашению с индийским царем было передано 150 громадных животных. В этом будто бы сирийский царь следовал примеру своего предка⁵⁶⁴. Сто пятьдесят слонов, по мнению У. У. Тарна, — максимально возможное количество животных, которые могли быть задействованы в бою. Большого количества просто было не нужно⁵⁶⁵.

Б. Бар-Кохва считает, что оснований для сомнений в достоверности имеющихся у нас данных нет. Он соглашается с тем, что от такого патетического историка, как Дурис, едва ли можно ожидать точных цифр. Поэтому мы могли бы оставить без внимания информацию о слонах

Селевка, которую дает нам Плутарх. Однако иная ситуация складывается с Диодором, воспользовавшимся, по всей видимости, при написании двадцатой книги трудом Иеронима⁵⁶⁶.

К данной проблеме можно подойти и с другой точки зрения и задать вопрос: мог ли Селевк привести с собой 500 слонов на поле сражения? Ведь если мы учтем количество воды и пищи, необходимых животным, которое должна была везти с собой армия, то должны признать, что при столь громоздком обозе скорость ее движения была бы весьма низкой, и идти она могла бы только по районам, изобиловавшим растительностью и преимущественно вдоль берегов рек. Вероятнее предположить, что 480 слонов, упоминаемых в наших источниках, — в лучшем случае общее количество животных, находившихся в распоряжении Селевка к моменту начала войны с Антигоном. Но далеко не все из них приняли участие в генеральном сражении. На наш взгляд, 130–150 слонов, участвовавших на стороне Селевка в битве при Ипсе, — наиболее вероятная цифра. Ситуация в этом случае была бы аналогична той, которая сложилась во время войны Антигона с Эвменом. Возможно, даже разница в вооружении огромных четвероногих оставалась той же, что и прежде: слоны Селевка, недавно приведенные из Индии, были без башен, в отличие от слонов Антигона.

О дальнейшей судьбе «слонового корпуса», созданного Селевком, мы можем только догадываться. В источниках сохранилось только одно упоминание о нем в более поздний период. Согласно сообщению Полиэна, в войне против Деметрия (ок. 285 г. до н. э.) Селевк по узкой тропе зашел во фланг армии противника, имея при себе отборных гипаспистов и 8 слонов [Polyaen., IV, 9, 3]. В 281 г. до н. э. Селевк и Лисимах, бывшие союзники, ставшие врагами, встретились на поле боя при Курупедионе. Несомненно, и в этом сражении элевфантерия Селевка приняла участие, и не исключено, что именно благодаря большому количеству громадных зверей Селевку удалось одержать верх.

Что случилось после этого со слонами Селевка? У некоторых исследователей создалось впечатление, что «слоновый корпус» в какой-то момент прекратил свое существование, и сыну и наследнику «великого элевфантарха» потребовалось практически заново создавать селевкидскую элевфантерию. Основанием для подобных идей служат указания на очень незначительное количество огромных четвероногих в армии Антиоха I.

Известно, что приблизительно через семь месяцев после битвы при Курупедионе Селевк, оставив в управление восточные провинции

своему сыну Антиоху, переправился через Геллеспонт и двинулся в Македонию. Когда он находился возле Лисимахии вместе со своей армией, его убил Птолемей Керавн, старший сын Птолемея I [Paus., I, 16, 2; Just., XVII, 2; App., Syg., 62]. Существует мнение, что слоны Селевка достались его убийце, на сторону которого перешла и вся армия⁵⁶⁷. На наш взгляд, данная гипотеза не выдерживает серьезной критики. Возможно, Птолемей и купил преданность какой-то части солдат, позволив им разграбить казну Селевка [Paus., I, 16, 2]. Но представляется маловероятным, чтобы большинство воинов спокойно отнеслось к смерти столь прославленного вождя, каким был Селевк, и приняло сторону Птолемея, тем более что последний выставял себя мстителем за смерть Лисимаха [Just., XVII, 2, 6]. Скорее, Птолемей вынужден был спешно покинуть ставку Селевка и бежать в Македонию, ища поддержки там.

У. У. Тарн допускает мысль, что слоны могли быть перебиты во время одного из восстаний, вспыхнувших после смерти Селевка⁵⁶⁸. Подобная гипотеза, конечно же, многое объясняет, но, к сожалению, мы не располагаем вескими аргументами в ее пользу. К тому же непонятно, почему ненависть восставших должна была выплеснуться на животных, превратившихся в один из главных символов нового царства и оплот его могущества.

Согласно версии Б. Бар-Кохвы, у нас нет оснований считать, что слоны, участвовавшие в битве при Ипсе, дожили до правления Антиоха I⁵⁶⁹. Лишь немногие из них, как думает исследователь, оставались в строю к 285 г. до н. э. и смогли принять участие в сражении против Деметрия⁵⁷⁰. Б. Бар-Кохва считает, что слон становится пригодным для военных целей начиная с 12 лет. Пик физической активности животного приходится на 20–25 лет. Однако при этом нужно учитывать, что в неволе продолжительность жизни слонов сокращается практически в два раза, и они доживают в лучшем случае до 30-летнего возраста, да и климат в окрестностях Апаimei был не совсем подходящим для нормального существования четвероногих гигантов⁵⁷¹.

Ко всему прочему, Селевк, очевидно, получил от Чандрагупты животных только мужского пола. Для этого могло быть две основные причины. Во-первых, как уже указывалось выше, самцы азиатского вида почти вдвое крупнее самок и к тому же, в отличие от них, имеют бивни, что весьма важно при использовании слонов в военных целях. Поэтому сам Селевк должен был стремиться получить от своего индийского союзника именно самцов. Во-вторых, предоставляя Селевку животных одного пола, индийский царь тем самым сохранял за собой

в будущем монопольное право на торговлю этим боевым средством⁵⁷². В качестве доказательства своей идеи Б. Бар-Кохва приводит изображения слонов, относящиеся к селевкидской эпохе. Все они представляют животных мужского пола. Впрочем, исследователь не отрицает, что какое-то количество самок могло быть приобретено Селевком впоследствии, хотя, правда, уже не от Чандрагупты, при этом их было мало для того, чтобы получить от них многочисленное потомство⁵⁷³.

В результате Б. Бар-Кохва приходит к выводу, что спустя некоторое время после битвы при Ипсе Селевк должен был нуждаться в слонах, чтобы пополнить тающие силы своей элфантирии⁵⁷⁴. К моменту его гибели основная часть животных, полученных от индийского царя, должна была уже прекратить свое существование: большинство из них если не пали в сражениях, то умерли от старости.

Гипотеза Б. Бар-Кохвы представляется более правдоподобной, нежели теории о похищении слонов Птолемеем Керавном или уничтожении их во время восстания. Вместе с тем она, как и гипотеза У. У. Тарна, никак не может прояснить несколько вопросов. Каким образом слоны попали в Македонию к Птолемию Керавну, а затем к Пирру и, наконец, к Антигону Гонату? Почему огромные четвероногие находились в составе македонской армии как минимум вплоть до 266–264 гг. до н. э., когда они приняли участие в осаде Мегар? Если слоны Селевка Никатора состарились к 285 г. до н. э., то почему не состарились македонские слоны? Предположить, что Антигон мог пополнить каким-либо образом численность своей элфантирии мы не можем: он находился с египетским царем в состоянии вражды, а сирийцы сами нуждались в это время в боевых слонах.

Прежде чем ответить на эти вопросы, заметим, что утверждение Б. Бар-Кохвы о сокращении сроков жизни слонов в неволе выглядит необоснованным. Выше уже приводились современные примеры, опровергающие его. Не лишним будет также вспомнить, что в «Махабхарате» 60-летние боевые слоны служат символом мощи и несокрушимой силы⁵⁷⁵. Вероятно, и климат Сирии не был столь губителен для слонов Селевка, как это предположил Б. Барх-Кохба, раз в более холодной Македонии животные дожили до середины 60-х гг.⁵⁷⁶

Второе уточнение, которое хотелось бы сделать, касается возраста слонов, полученных Селевком от Чандрагупты: 12-летних слонов не было смысла приручать, поскольку они были еще очень небольшого роста (около 2 м) и вряд ли могли бы служить предметом обмена между двумя государями. В соответствии с принципами отлова, существовавшими в Индии, мы должны предположить, что возраст

слонов Селевка должен был составлять от 20–25 лет до 40 и более лет. Нам представляется наиболее вероятным, что основная часть животных, отданных индийским царем, относилась к первому классу, т. е. состояла из самых крупных и, следовательно, самых старых слонов. Спустя 20–30 лет, т. е. к началу правления Антиоха I, многие из них действительно могли состариться и умереть. Однако те слоны, которые попали к Селевку 20-летними, вполне могли дожить до середины 60-х.

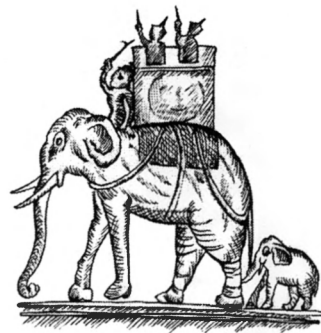
Сама проблема со «слоновым корпусом» кажется надуманной. В самом деле, что заставляет нас утверждать, что у Антиоха I в начале его правления были только те 16 слонов, благодаря которым он одержал победу над галатами? Ведь по каким-то тактическим соображениям царь мог взять с собой не всех имевшихся в его распоряжении животных, а только их часть. Лукиан, говоря об армии Антиоха, утверждает, что она была немногочисленной, состоявшей по большей части из стрелков и легковооруженных воинов [Luc., Zeux., 8]. Но это же не означает, что со смертью Селевка исчезли не только слоны, но и македонские фалангиты. Очевидно, Антиох совершал какой-то маневр, требовавший от его армии максимальной скорости передвижения, например, ему было нужно срочно прийти на помощь осажденному неприятелем городу. Тяжеловооруженные пехотинцы и большое количество слонов могли только препятствовать выполнению подобной задачи. Точно так же и Ганнибал, когда ему потребовалось спешно оказать помощь Капуе, выступил в поход, оставив свой обоз и основную массу тяжелой пехоты [Liv., XXVI, 5, 3].

Можно вспомнить несколько известных случаев, когда полководцы включали в состав своих армий не всех слонов, а только то количество, которое было, по их мнению, необходимо. Выше мы допустили, что так поступил Пердикка, выступив в свой последний поход. У египетского царя Птолемея IV Филопатора было 500 громадных зверей, однако для участия в войне против сирийцев он взял только 73. Антиох III, подавляя восстание Молона, имел в своем распоряжении всего 10 животных, но спустя несколько лет в битве при Рафии у него было уже 102 слона. Вряд ли Антиох за очень короткое время мог столь существенно пополнить силы своей элфантерии, учитывая тот факт, что Бактрия и Парфия отложились от Селевкидов и отрезали их, таким образом, от Индии. Отправляясь в поход в Элладу, Антиох взял с собой только 6 слонов. Если бы у нас не было указаний на то, что в битве при Магнесии в составе сирийской армии снова были слоны, то можно было бы сделать вывод, что сирийская инфантерия была

на грани исчезновения. При Магнесии у Антиоха было 54 слона. Понятно, что они были приведены из стойл в Апамеи, а не из далеких восточных провинций. Но даже эти слоны не были последними у Антиоха, поскольку при подписании мира римляне потребовали выдать всех имевшихся у него на тот момент животных.

ГЛАВА VII ЛУКАНСКИЕ БЫКИ

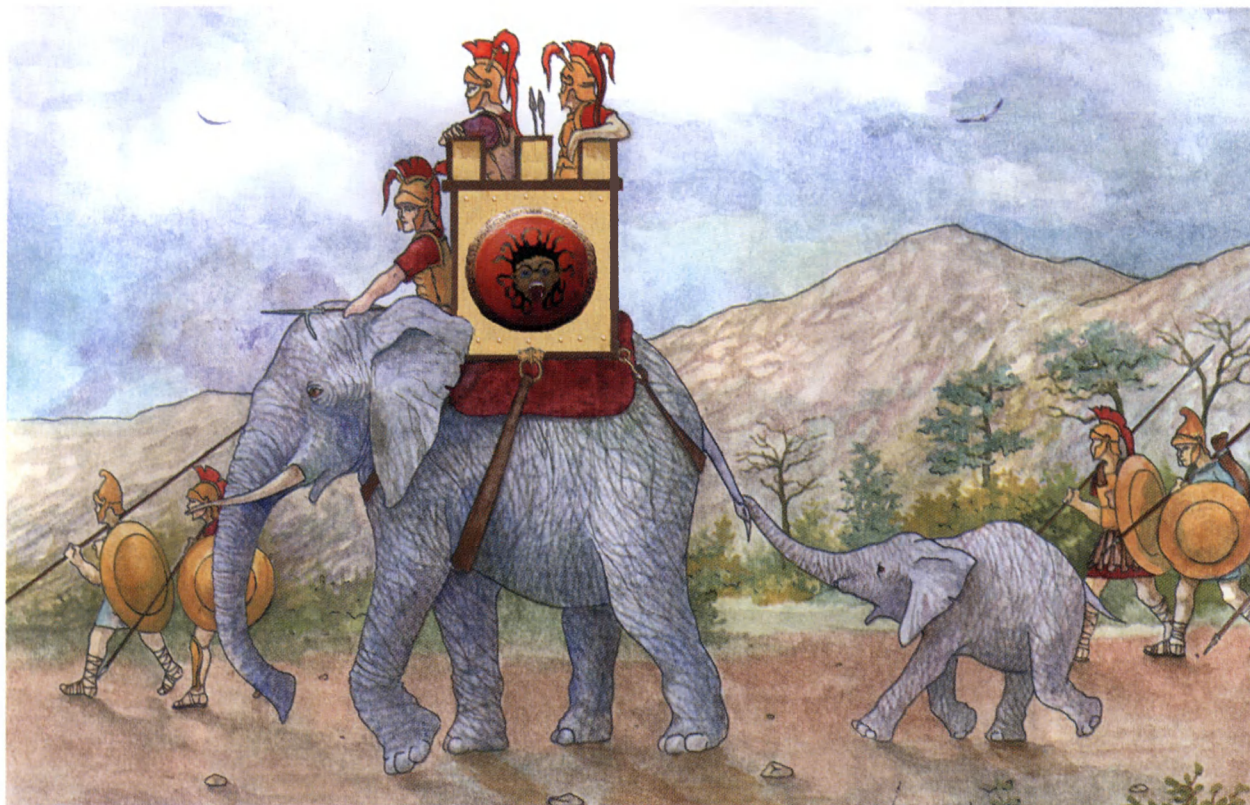

*Elephantos Italia primum vidit Pyrrhi regis bello, et boves
lucas appellavit in Lucanis visos, anno urbis quadringentesimo
septuagesimo secundo.*

C. Plinius Caecilius Secundus (Major). «Naturalis historia», VIII, 16

*Впервые Италия увидела слонов в 472 г. от основания города
во время войны с Пирром и назвала их луканскими быками,
поскольку это произошло в Лукании.*

Плиний Старший. «Естественная история», VIII, 16

Армия Пирра в Италии. Иллюстрация воспроизводит изображение на блюде из Капены
Рис. И. В. Кирсанова

	<p><i>Изображение Александра Великого, голову которого покрывает «слоновый шлем» (exivvia elephantis). Аверс серебряной тетрадрахмы, Птолемея I (323–305 гг. до н. э.).</i> Частная коллекция</p>
	<p><i>Афина на квадриге, запряженной рогатыми слонами; легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΕΛΕΥΚΟΥ. Реверс серебряной тетрадрахмы Селевка I (312–281 гг. до н. э.).</i> Частная коллекция</p>
	<p><i>Изображение головы слона на бронзовой монете Селевка II (246–226 гг. до н. э.); легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΕΛΕΥΚΟΥ.</i> Частная коллекция</p>
	<p><i>Бронзовая монета Селевка I. На аверсе изображен Геракл; на реверсе — рогатый слон; легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ. (Houghton A., Loeber C. Seleucid Coins A Comprehensive Catalogue. Part I. Vol. 1–2. New York; Lincoln; London, 2002. № 264)</i></p>

Блюдо из г. Капена (III в. до н. э.)
(Goldsworthy A. Les guerres romaines (281 av. J.-C. 476 ap. J.-C.).
Paris, 2001. P. 40)

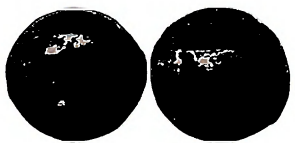

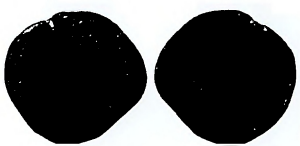

Фрагмент картины П. П. Рубенса
«Римский триумф» (1630 г.)
Лондонская национальная галерея

	<p><i>Золотая монета императора Тита. На аверсе изображение императора в лавровом венке; на реверсе изображение слона</i> (The Roman Imperial Coinage / Ed. H. Mattingly and others. Vol. 2. London, 2007. № 114; Sear D. R. Roman Coins and Their Values. 5th ed. Vol. 1: The Republic and the Twelve Caesars. London, 2000. № 2895)</p>
	<p><i>Денарий императора Тита. На аверсе изображение императора в лавровом венке; на реверсе изображение слона</i> (The Roman Imperial Coinage / Ed. H. Mattingly and others. Vol. 2. London, 2007. № 115; Sear D. R. Roman Coins and Their Values. 5th ed. Vol. 1: The Republic and the Twelve Caesars. London, 2000. № 2512)</p>
	<p><i>Полудрахма императора Траяна (Александрия). На аверсе изображение императора в лавровом венке; на реверсе изображение колесницы, запряженной четырьмя слонами</i> (Milne J. G. Catalogue of Alexandrian Coins. Oxford, 1971. № 812; Sear D. R. Roman Coins and Their Values. 5th ed. Vol. 2: The Accession of Nerva to the Overthrow of Severan Dynasty AD 96-AD 235. London, 2002. № 3298)</p>
	<p><i>Драхма императора Адриана (Александрия). На аверсе изображение императора в лавровом венке; на реверсе изображение колесницы, запряженной четырьмя слонами</i> (Milne J. G. Catalogue of Alexandrian Coins. Oxford, 1971. № 846)</p>
	<p><i>Бронзовая монета Антонина Пия. На аверсе изображение императора в лавровом венке; на реверсе изображение слона</i> (Cohen H. Description historique des monnaies frappées sous l'Empire Romain communément appelées médailles impériales. T. 2. 2e éd. Paris, 1882. № 565)</p>

Ганнибал верхом на слоне
Фрагмент фрески из Палаццо дель Кампидольо (ок. 1530 г.).
Капитолийский музей (Рим)

	<p><i>Бронзовая монета из Гадрумета. Эпоха Августа (Burnett A., Amandry M. Roman Provincial Coinage. Vol. 1: From the Death of Caesar to the Death of Vitellius (44 BC-AD 69). In 2 Parts. London-Paris, 1992. № 781)</i></p>
	<p><i>Денарий Септимия Севера. На аверсе изображение императора в лавровом венке; на реверсе изображение слона (The Roman Imperial Coinage / Ed. H. Mattingly and others. Vol. 4. London, 1936. 100; Sear D. R. Roman Coins and Their Values. 4th ed. London, 1988. № 1766).</i></p>
	<p><i>Денарий Септимия Севера. На аверсе изображение императора в лавровом венке; на реверсе изображение слона (по-видимому, облаченного в броню) (Sear D. R. Roman Coins and Their Values. 5th ed. Vol. 3. London, 2005. № 6317)</i></p>
	<p><i>Бронзовая монета императора Каракаллы. На аверсе изображение императора в лавровом венке; на реверсе изображение слона (Moushmov N. Ancient Coins of the Balkan Peninsula and the Coins of the Bulgarian Monarchs 1912. № 1125)</i></p>
	<p><i>Сестерций Филиппа Араба. На аверсе изображение императора; на реверсе — африканский слон, на котором сидит корнак (Sear D. R. Roman Coins and Their Values. 5th ed. Vol. 3. London, 2005. № 8989)</i></p>
	<p><i>Антониниан императора Филиппа Араба (249 г.). На аверсе изображение императора; на реверсе — слон, на спине которого сидит корнак (Schmitt L., Prieur M. Les monnaies romaines Les Cheveau-légers, 2004. № 3039).</i></p>

Битва при Тапсе. Легионер Цезаря сражается с нумидийским слоном
Рис. И. В. Кирсанова

МАКЕДОНСКАЯ ЭЛЕФАНТЕРИЯ

Выше упоминалось, что Антипатр, ставший регентом царства Александра, первым привел боевых слонов на европейский берег. Однако эта попытка создания македонской элевфантерии закончилась неудачно, и все слоны умерли от голода при осаде Пидны. Тем не менее спустя полтора десятилетия слоны вновь оказались в Македонии, и на этот раз история македонской элевфантерии была более продолжительной.

В 301 г. до н. э., через несколько месяцев после битвы при Ипсе, Селевк и Деметрий решили заключить союз, при этом Селевк женился на дочери Деметрия Стратонике [Plut., Demetr., 31]. Представляется вполне вероятным, что в качестве дара Селевк передал отцу невесты большое количество слонов. Подобный жест мог иметь чисто символическое значение, поскольку Селевк передавал бывшему врагу то средство, с помощью которого одержал над ним победу. Вместе с тем, Селевку было важно в тот момент усилить своего союзника для борьбы с Лисимахом. Возможно даже, что Селевк не столько дарил слонов своему будущему тестю, сколько возвращал ему тех, которые принадлежали Антигону и были захвачены в результате битвы при Ипсе, восполняя понесенные элевфантерией Антигона потери за счет собственных слонов, полученных от Чандрагупты. В самом деле, было бы странным в отношениях между родственниками и союзниками, если бы один из них удерживал часть наследства, на которую мог по праву претендовать другой.

Определенно можно утверждать, что количество слонов, полученных Деметрием, было не менее 50, поскольку именно это число Птолемей Керавр обещал предоставить впоследствии Пирру [Just., XVII, 2, 14]. Данная цифра вполне соотносится с тем количеством животных, которым располагал Антигон накануне битвы при Ипсе.

В 294 г. до н. э. Деметрий стал царем Македонии и начал готовиться к большой войне, целью которой было восстановление царства Антигона. Напуганные его приготовлениями, Селевк, Лисимах и Пирр объединились и объявили Деметрию войну (288 г. до н. э.). Деметрий был вынужден тайно бежать из страны, а его армия перешла на сторону Пирра, провозгласив того македонским царем. Именно на это событие и намекает Павсаний, когда сообщает, что слоны попали в плен к Пирру

после его победы над Деметрием [Paus., I, 12, 3]. Но и Пирр недолго пребывал на македонском троне: в 285 г. до н. э. он оставил его из-за угрозы со стороны Лисимаха и вернулся со своими эпирами на родину. Таким образом, когда Птолемей Керавн в свою очередь утвердился в Македонии, в его распоряжении оказались те самые слоны, которые составляли когда-то основную часть элевфантерии Антигона.

Эти события произошли, когда Македонии и Элладу уже грозило вторжение кельтов. В 279 г. до н. э. Птолемей Керавн, с пренебрежением относившийся к новому противнику, выступил против него с немногочисленной армией и потерпел разгромное поражение. «Птолемей, — сообщает Юстин, — покрытый многочисленными ранами, попал в плен. Ему отрубили голову, надели ее на копье и для устрашения врагов пронесли перед строем» [Just., XXIV, 5; 6; пер. А. А. Деконского, М. И. Рижского]. Исход столкновения македонской армии с кельтами представляется весьма странным и, мы сказали бы даже, маловероятным, если учесть, что в распоряжении Птолемея должно было находиться значительное количество слонов. В самом деле, спустя всего несколько лет, в 276 г. до н. э., в Малой Азии возникла аналогичная ситуация: небольшая сирийская армия встретилась с галатами. Однако появление на поле битвы гигантских зверей заставило варваров в ужасе бежать. В истории нет, как кажется, ни одного примера, когда бы кельты смогли оказать хоть какое-нибудь сопротивление слонам противника: они либо бежали без оглядки, едва увидев ужасных животных, либо тысячами гибли под их ногами. Почему это не произошло в сражении с Птолемеем Керавном? По-видимому, слонов на поле боя тогда просто не было. Это подтверждается сообщением Юстина, согласно которому в 278 г. до н. э. новый македонский царь Антигон Гонат, принимая у Лисимахии посольство галлов, приказал показать им своих слонов, чтобы испугать варваров непривычным видом этих животных [Just., XXV, 1, 6]. Если бы галлы ранее уже видели слонов, а тем более одержали над ними верх, то вряд ли Антигон мог бы рассчитывать на успех подобной демонстрации.

Но, как и в случае со слонами Селевка, нельзя утверждать, что слоны Птолемея бесследно исчезли. Птолемей, как утверждает Юстин, обещал предоставить Пирру для планировавшегося тем похода в Италию 50 слонов, а также 5000 пехотинцев и 4000 всадников [Just., XVII, 2, 14]. По мнению П. Д. Арманди, в распоряжении Пирра оказалось всего, таким образом, 60 слонов: кроме полученных от Птолемея 10 были ранее захвачены им у Деметрия⁵⁷⁷. Откуда взялась цифра 10 — непонятно. Ни в одном из источников, на которые ссылается исследователь, она не упоминается.

Количество слонов в армии эпирского царя — это еще одна загадка, остающаяся неразрешенной, поскольку Плутарх [Plut., Pyrrh., 15] и Орозий [Oros., IV, 1, 8] говорят только о 20 животных, принявших участие в италийском походе. Дж. М. Кистлер высказывает два предположения относительно того, почему с Пирром в Италию отправилось только 20 слонов. Часть полученных Пирром от Птолемея слонов были уже старыми для того, чтобы участвовать в военных действиях, поскольку слоны могут быть пригодны для этого лишь в возрасте от 20 до 50 лет. Старых животных Пирр использовал якобы при обозе в качестве гужевого транспорта. Вторая версия предполагает, что 30 слонов погибли во время бури, в которую попал флот царя⁵⁷⁸. По поводу «возрастных рамок» боевых слонов выше мы уже имели возможность высказаться. Отметим здесь только то, что вряд ли животные, участвовавшие в осаде Мегар, были моложе тех, которые достались Пирру. Относительно использования слонов как тягловой силы или вьючного скота повторим то, о чем уже говорили: подобных примеров в древней военной истории нет, поэтому данная гипотеза — ничем не подтвержденное проецирование на античную эпоху реалий более позднего времени.

Второе предположение не согласуется с данными Плутарха, согласно которому Пирр, прежде чем выступить на завоевание Италии, отправил в Тарент 3000 солдат, а после прибытия грузовых кораблей отплыл с остальными силами, состоявшими из 3000 всадников, 20 000 пехотинцев, 2000 лучников, 500 пращников и 20 слонов. Несмотря на бурю, потрепавшую флот в Ионийском море, все 20 слонов невредимыми прибыли к месту назначения [Plut., Pyrrh., 15].

Возможно, суть разногласия между Плутархом и Юстином состоит в том, что Птолемей Керавн давал Пирру свои войска в наем сроком всего на два года. Пирр слишком долго готовился к предстоящей кампании, и время договора уже истекало. Поэтому Птолемей мог потребовать свои войска (или хотя бы их часть) назад. Не следует забывать, что его желание отправить Пирра в заморский поход было продиктовано неустойчивостью собственного положения. Но еще до отплытия эпирского царя Птолемей разбил Антигона Гоната, сына Деметрия, претендовавшего на трон Македонии, и заключил мир с Антиохом I. Таким образом, Керавну не было более необходимости опасаться Пирра [Just., XXIV, 1, 8]. К тому же он выдал за Пирра свою дочь, и тот сделал его хранителем Эпира на время своего пребывания в Италии [Just., XVII, 2, 15].

Как нам представляется, главной причиной того, что Пирр лишился значительного количества македонских войск, была кельтская угроза. Птолемей в действительности не столь легкомысленно отнесся

к варварскому нашествию, как об этом сообщается в источниках, и, когда тучи над Македонией сгустились, потребовал от Пирра вернуть ему часть македонских контингентов вместе с 30 слонами. Это предположение объясняет, в частности, почему вместо обещанных 4000 всадников в Италии у Пирра оказалось только 3000, при этом многие из них, несомненно, были эпирами.

Войска, потребованные назад Птолемеем, не успели вовремя подойти из Эпира, и македонская армия была наголову разбита галлами. После гибели Керавна на македонском троне снова утвердился Антигон Гонат, и все 30 слонов, отосланных Пирром, достались ему.

МОГ ЛИ ПИРР ПОЛУЧИТЬ СЛОНОВ ИЗ АФРИКИ?

А. Гуарино подверг сомнению сообщение источников о том, что Пирр получил своих слонов от Птолемея Керавна, и высказал предположение, что слоны, принявшие участие в его итальянском походе, происходили из Африки и были даны египетским царем Птолемеем II, при дворе которого Пирр содержался в качестве заложника⁵⁷⁹.

Один из важных аргументов, выдвигаемых исследователями в поддержку азиатского происхождения слонов Пирра, — блюдо из Капены, выполненное в хорошо известной технике Центральной и Южной Италии первой половины III в. до н. э.⁵⁸⁰ Оно было изготовлено около 274 г. до н. э., вскоре после войны римлян с эпирским царем⁵⁸¹. Большинство ученых полагает, что рисунок на нем представляет индийскую слониху из армии Пирра. Слоненок, держащийся хоботом за хвост матери, лишний раз свидетельствует в пользу этого предположения: наши литературные источники, как отмечалось выше, упоминают о том, что в эпирской армии была слониха со слоненком [Dionys., XX, 12, 14; Flor., I, 13, 12; Zon., VIII, 6]. Поэтому и считается, что мастер, изготовивший блюдо, сделал изображение на основе воспоминаний о реальных событиях⁵⁸².

Однако, по мнению А. Гуарино, нельзя считать, что рисунок на блюде из Капены изображает индийского слона, поскольку перед нами обобщенный образ, лишенный каких-либо отличительных признаков, позволяющих определить, к какому виду относится это животное⁵⁸³. На первый взгляд, у подобной гипотезы нет каких-либо прочных оснований: слониха имеет характерные черты *Elephas indicus* (сильно выступающие надбровные дуги, маленькие уши, выпуклая спина). Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что в самом деле с данным изображением не все так просто. Во-первых, обратим внимание на то,

что у слонихи есть бивни, при этом достаточно большой длины. Ф. де Висше, опровергая теорию А. Гуарино, утверждает, что тот ошибочно посчитал бивни длинными, поскольку они с трудом достигают $\frac{2}{7}$ высоты животного в холке⁵⁸⁴. В действительности же длина бивней слонихи составляет $\frac{1}{2}$ ее роста, и если мы предположим, что высота животного составляет около 3 м, то длина бивней будет в этом случае не менее метра. Выше уже отмечалось, что бивни у самок индийских слонов встречаются очень редко, а если и имеются, то в рудиментарном состоянии. Поэтому бивни на рисунке изображены чрезмерно большими. Далее, обратим внимание, что живот слонихи имеет диагональный наклон от передней к задней части туловища, что опять-таки является признаком африканского вида. У азиатских слонов он расположен почти горизонтально. Длинные и тонкие передние ноги снова указывают на африканское происхождение; индийские слоны имеют более мощное строение. Таким образом, дать определенный ответ, к какому виду относится слониха на блюде из Капены, как и полагал А. Гуарино, не представляется возможным.

Тем не менее против его гипотезы об африканском происхождении слонов в армии Пирра можно привести достаточно веский довод: первая египетская колония, занимавшаяся отловом слонов, возникла не ранее 280 г. до н. э., т. е. как раз в то время, когда Пирр высадился в Таренте⁵⁸⁵. Что же касается блюда из Капены, то изображение на нем, скорее всего, действительно создано под влиянием воспоминаний о войне с эфирским царем. Вместе с тем это наглядный пример того, насколько условными могут быть дошедшие до нас иконографические свидетельства.

СРАЖЕНИЯ ПРИ ГЕРАКЛЕЕ И АУСКУЛЕ

Первое столкновение эфирской армии с римлянами произошло в Лукании, у р. Сирис между городами Пандосией и Гераклеей (280 г. до н. э.). На одном берегу реки расположились римляне, на другом — греки. Пирр опасался, что не сможет в одиночку противостоять превосходящим силам неприятеля, поэтому, выставив сторожевые посты, решил дожидаться подхода италийских союзников. Но консул Левин, желая немедленно вступить в бой, приказал своим войскам начать переправу. Царь построил пехоту в боевой порядок, а сам бросился в атаку во главе кавалерии. Однако римляне успешно отразили этот натиск, и эфироты начали отступать. Р. В. Светлов допускает мысль, что эфирская кавалерия обратилась в приторное бегство, желая увлечь за собой противника⁵⁸⁶. Когда основные

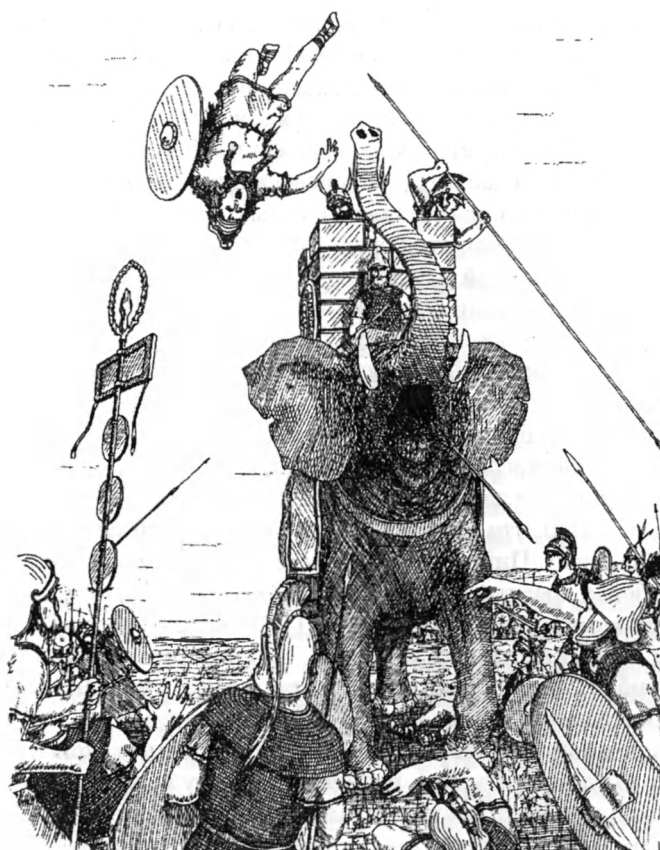
силы римлян переправились через реку, Пир бросил в бой свою фалангу, и сражение сразу же приняло ожесточенный характер. Плутарх утверждает, что противники семь раз поочередно то отступали, то преследовали друг друга. Г. Дельбрюк весьма скептически относится к описанию битвы, сделанному греческим историком, и считает его мало достоверным. Главное, что удивляет немецкого исследователя, — то, что Пирр предпочел оставить слонов в резерве. «Нельзя подыскать никакого основания к оставлению слонов в тылу, — пишет Г. Дельбрюк, — ведь в этом случае Пирр добровольно обрекал бы свою пехоту на тяжелые потери; вместо того чтобы с самого начала снести римскую конницу своими слонами и затем ударить с флангов на римскую пехоту, он предоставил сперва фаланге семь раз чередоваться с римскими легионерами в бегстве и преследовании — как сочиняет источник Плутарха»⁵⁸⁷. В действительности же Пирр проявил себя в этом сражении как блестящий полководец, хорошо видящий сильные и слабые стороны как своих войск, так и армии противника. У него было достаточно времени, чтобы усвоить уроки битвы при Ипсе и определить, каким образом можно использовать слонов, чтобы нанести максимальный ущерб врагу, не подвергая опасности собственных солдат. Он понял, что эти животные наиболее эффективны в борьбе с кавалерией противника. Сплоченная масса тяжелой пехоты была способна обратить их в бегство. Кроме того, специальные отряды метателей и стрелков, выступив впереди тяжеловооруженных воинов, могли еще до начала прямого столкновения ранить слонов, забросав их дротиками и стрелами. И в том и в другом случае существовала опасность, что животные повернут на собственные боевые порядки. Анализ всех трех сражений, которые царь дал в Италии, показывает, что он всегда держал слонов в резерве и бросал их в бой только тогда, когда для этого наступал подходящий момент⁵⁸⁸.

Римляне были новым противником для Пирра. Еще до начала столкновения он имел возможность по достоинству оценить их военную организацию, поэтому и предпочитал не рисковать, а дожидаться союзников [Plut., Pyrrh., 16]. Уже в самом начале битвы всадники Пирра отступили под натиском римской кавалерии, и было бы рискованно бросать их вторично в атаку без дополнительной поддержки. Пирр ждал удобного момента, чтобы ввести в бой слонов, и этот момент наступил, когда кавалерия Левина перешла в атаку, желая, очевидно, нанести удар во фланг эпитротам. Внезапное появление на поле сражения невиданных чудовищ должно было не только испугать лошадей, но и привести в смятение людей.

В научной литературе можно иногда встретить утверждение, что в этом сражении Пирр применил некий новый способ использования

слонов, оставив их в резерве, вместо того чтобы сразу бросить в атаку⁵⁸⁹. На наш взгляд, подобное использование не несло в себе ничего новаторского и было продиктовано прежде всего стремлением царя как можно меньше подвергать риску то незначительное количество животных, которым он располагал: если людские потери еще можно было как-то компенсировать за счет местных ресурсов, то потеря хотя бы одного слона была бы для эпирской армии невосполнимой⁵⁹⁰.

Битва при Геракле. Пирр вводит в бой своих слонов

Рис. И. В. Кирсанова

Когда огромные звери появились на поле боя, все произошло именно так, как и рассчитывал царь: римские кони, уstraшенные величиной,

видом, запахом и трубным ревом слонов, помчались вспять [Frontin., IV, 13; Flor., I, 13, 8]. Не меньшее впечатление произвели слоны и на людей. «Когда они появились, — сообщает Павсаний, — ужас охватил римлян: они сочли, что это что-то иное, а не животные» [Paus., I, 12, 3; пер. С. П. Кондратьева]. Пришедшую в замешательство и оставшуюся без поддержки всадников римскую пехоту атаковала фессалийская конница под командованием самого царя. Не в силах выдержать одновременно фронтального и флангового удара, римляне обратились в бегство. Орозий утверждает, что именно в этом бою Гай Минуций, первый гастат четвертого легиона, отрубил хобот одному из слонов. Животное, пришедшее в бешенство от боли, повернуло против своих же и привело в замешательство греческие боевые порядки. Это происшествие, а также наступившая ночь положили конец сражению [Oros., IV, 1, 10]. Сообщение Орозия подтверждается Дионисием Галикарнасским, согласно которому при Аускуле у Пирра оставалось только 19 слонов [Dionys. XX, 1, 8]. Вместе с тем несомненно, что поражение римлян было полным: они даже не стали защищать свой лагерь, который достался победителю [Plut., Pyrrh., 17]. Ясно, что если бы греки в какой-то момент прекратили преследование, то этого не произошло бы, и отступление римлян было бы более организованным. Поэтому нам представляется более вероятным, что описанный Орозием эпизод произошел во втором сражении Пирра с римлянами, к которому и относит его Флор.

Относительно того, каковы были потери обеих сторон, источники приводят различные данные. Согласно Дионисию, потери греков составили около 13 000, что кажется явным преувеличением [Dionys. XX, 1, 8]⁵⁹¹. По Иерониму, Пирр потерял менее 4000 человек, однако среди них были наиболее храбрые и сильные из его солдат и многие из наиболее преданных командиров [Plut., Pyrrh., 17]. Орозий говорит, что римляне потеряли 14 880 пехотинцев убитыми, 1310 было захвачено в плен, всадников погибло 246 и 82 взято в плен, кроме того, противнику досталось 22 римских знамени [Oros., IV, 1.11]. По всей видимости, нужно отбросить завышенные данные о потерях эпирской армии, поскольку иначе пришлось бы допустить, что, потеряв половину ее численного состава, Пирр продолжал вести наступательные действия в Кампании. Наиболее вероятными цифрами представляются данные Иеронима: 7000 убитых римлян и 4000 греков⁵⁹². Согласно Плутарху, Пирр очень гордился победой, одержанной над превосходящими силами противника, после которой к нему примкнули многие союзные с Римом города.

Римляне быстро оправились от понесенного поражения и уже на следующий год вновь встретились с эпирами в Апулии около Аускула.

Консулы поставили свои войска в две линии, в каждой из которых находились как легионы, так и вспомогательные подразделения; конница была размещена на флангах.

На помощь Пирру прислали свои отряды самниты, тарентинцы, бруттии, луканы и другие народы Южной Италии. Свою армию он построил так, что на правом фланге у него стояли самниты и эпироты, на левом — бруттии, луканы и саллентинцы, в центре — тарентинцы [Frontin., II, 3; 21]. Характерно, что и в этот раз Пирр предпочел разместить слонов вместе с всадниками позади пехоты: разделив общее число слонов на две части, он поставил их на некотором отдалении позади флангов [Dionys. XX, 1, 4].

Плутарх утверждает, что сражение длилось два дня. В первый день никому из сражавшихся не удалось добиться перевеса над противником. Конец столкновению положила ночь [Plut., Pyrrh., 21]. На следующий день Пирр решил перенести битву на равнину, с тем чтобы иметь возможность бросить против римлян слонов. Выстроив фалангу, царь разместил за ней на некотором расстоянии друг от друга слонов, а в промежутках между ними поставил большое количество стрелков и метателей дротиков. На открытой местности фаланга атаковала римскую пехоту, и вновь завязалось яростное сражение. Но когда подошли слоны, римляне стали отступать [Plut., Pyrrh., 21]. Очевидно, именно в этот момент Минуций и отрубил одному из слонов хобот. Его подвиг вселил в римлян мужество, и сражение возобновилось с новой силой. Римляне стали метать в слонов копья и дротики, бросать в башни на спинах животных зажженные факелы [Flor., I, 13, 9]. Бой продолжался до захода солнца, и противники разошлись лишь после того, как царь был ранен дротиком в руку [Plut., Pyrrh., 21].

Принято считать, что результат этого столкновения остался неопределенным. Более того, потери греков были столь велики, что это заставило Пирра произнести свою историческую фразу, породившую миф о пирровой победе: «Если мы одержим еще одну победу над римлянами, то окончательно погибнем» [Plut., Pyrrh., 21]. И действительно, большинство наших источников говорит о том, что под Аускулом погибло намного больше греков, нежели их противников. Плутарх утверждает, что Пирр потерял значительную часть войска, которое привел с собой, и почти всех своих полководцев [Plut., Pyrrh., 21]. Согласно Фронтину, общая численность солдат, принимавших участие в сражении с обеих сторон, составляла 40 000; Пирр потерял половину своей армии, а римляне — всего 5000 человек [Frontin., II, 3, 21]. Евтропий солидарен с Фронтином в отношении потерь, но при этом утверждает, что римлянам удалось убить нескольких слонов [Eutrop., II, 13, 4]. Орозий добавляет,

что римляне потеряли 11 знамен, тогда как царские войска — 53 [Oros., IV, 1]. Впрочем, у нас есть и другие данные, касающиеся этого сражения: Плутарх, ссылаясь на Иеронима, определяет потери римлян в 6000 павших, а в записках самого Пирра указывалось, что его армия лишилась в этот день 3500 человек [Plut., Pyrrh., 21].

Какой из всех версий отдать предпочтение? На этот вопрос можно ответить, проанализировав последовательность событий, произошедших после сражения. Зимой 279/278 г. до н. э. римляне заключили против Пирра союзный договор с карфагенянами⁵⁹³, а сам эпирский царь через некоторое время оставил Италию и отправился на завоевание Сицилии. Здесь он очень быстро добился решающих успехов и подчинил своей власти почти весь остров. Спрашивается, могла ли армия, потерявшая половину своего состава под Аускулом, тут же ввязаться в новую военную кампанию?

В то же самое время римляне, вместо того чтобы воспользоваться уходом Пирра и предпринять решительные шаги в отношении Тарента, практически бездействовали в течение ряда лет. Возможно, они даже пошли на заключение перемирия с врагом⁵⁹⁴. И опять же, возникает вопрос: почему? Не будет ли логичным предположить, что Аукул гораздо дороже обошелся римлянам, чем их противнику? Тем не менее, если мы суммируем минимальные данные, известные нам о потерях Пирра в двух произошедших сражениях, то увидим, что его армия, насчитывавшая в начале кампании менее 27 000 солдат, потеряла за один год около 7500 человек, т. е. четвертую часть своего состава. Конечно же, эпирский царь понимал, что итальянские союзники были плохой заменой его ветеранам. В этом и есть горький смысл фразы, произнесенной им в ответ на поздравления с победой.

LUCA BOS

Известно, что после столкновений с армией Пирра римляне, никогда прежде не видевшие слонов⁵⁹⁵, стали называть их «луканскими быками». Это название закрепилось, хотя, как отмечает П. Д. Арманди, использовалось впоследствии преимущественно в поэзии (Невий, Энний, Сенека, Силий Италик, Лукреций, Авсоний др.)⁵⁹⁶.

Существует несколько различных гипотез, почему римляне называли так невиданных зверей. Варрон полагал, что определение «луканские» произошло из-за сияния (*lucē*) щитов на стенках башен на спинах животных [Varro, De Ling. lat., VIII, 39]⁵⁹⁷. Плиний утверждает, что луканскими

огромные четвероногие были названы потому, что впервые римляне увидели их в Лукании [Plin., HN, VIII, 16]⁵⁹⁸. Быками римские солдаты могли называть слонов потому, что их обманывало сходство бивней с бычьими рогами⁵⁹⁹.

Вместе с тем существует и совсем неожиданное объяснение того, как могло появиться название «луканские быки». По мнению Б. Шварца, латинское словосочетание *luca bos* (луканский бык) может быть интерпретировано как заимствование из новохеттского языка, в котором *lokobos*, *lukabos* и т. д. — это формы, произошедшие от хеттского *lahpas* (слоновая кость или, что более вероятно, слон). Север Сирии и юг Анатолии, где туземное население в эллинистическую эпоху говорило на диалектах новохеттского, были при Селевкидах центрами дрессировки и обучения боевых слонов и подготовки корнаков. По всей видимости, погонщики животных в армии Пирра были выходцами из этих регионов, и именно от них римляне узнали, как называется слон на их языке. Народная этимология превратила затем *lukabos* в *luca bos*⁶⁰⁰. В связи с этим небезынтересно отметить тот факт, что на блюде из Капены, где представлен слон (слониха) из армии Пирра, корнак и воины в башне выглядят одинаково — в шлемах эллинистического (насколько мы об этом можем судить) образца. Вместе с тем на фаларах из Эрмитажа, относящихся к более позднему периоду, на которых изображены боевые слоны, корнаки определенно индийцы. Не означает ли данный факт, что уже Селевк I, используя индийцев в качестве инструкторов, начал подготавливать корнаков из местного населения?

Не исключено, что необходимость в увеличении количества корнаков возникла у Селевка после того, как он стал пополнять поголовье своего «слоновьего корпуса», пытаясь компенсировать боевые и небоевые потери. Каким образом это происходило? Конечно же, «великий элфантарх» вполне мог использовать имевшиеся у него контакты с Индией. Но в этом случае слоны приходили бы в Сирию со своими погонщиками. Вместе с тем, как известно, в Сирии, Месопотамии и некоторых регионах Малой Азии также жили слоны. И если цари Египта или карфагеняне ради создания собственной элфантерии приложили огромные усилия для исследования Африки, то почему не допустить, что и Селевк уделил должное внимание организации отлова сирийских слонов? Может быть, подобный замысел и был успешно реализован на начальном этапе. Что мешает, например, предположить, что слониха, оказавшаяся в армии Пирра, не принадлежала к числу животных, полученных Селевком от Чандрагупты, а была поймана в Сирии около 283 г. до н. э., возможно даже, будучи уже беременной⁶⁰¹. Впрочем этот проект, если он и существовал, не получил

дальнейшего развития: слонов в местах, доступных для отлова, очевидно, оказалось очень немного, и когда они исчезли, Селевкиды снова стали зависеть от поставок животных из Индии.

СИЦИЛИЙСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ. ПРОДОЛЖЕНИЕ ВОЙНЫ В ИТАЛИИ. БИТВА ПРИ БЕНЕВЕНТЕ. ГИБЕЛЬ ПИРРА В АРГОСЕ

Древние и современные историки полагают, что сицилийская экспедиция Пирра была осуществлена в результате опрометчивого и непродуманного решения, которое царь принял, повинуясь влечению своей жаждавшей славных подвигов натуры. Однако не будем забывать, что еще до начала похода в Италию Пирр планировал изгнать карфагенян из Сицилии и захватить сам Карфаген. К тому же в случае завоевания Сицилии и Африки Пирр получал в свое распоряжение неисчерпаемые человеческие и материальные ресурсы для продолжения борьбы за Италию. Именно поэтому царь решил воспользоваться перерывом, наступившим в военных действиях с римлянами, для начала военной кампании против карфагенян.

В 278 г. до н. э. Пирр высадился на острове, имея при себе 30 000 пехоты, 2500 конницы и не более 19 слонов [Plut., Pyrrh., 22]. Очень скоро он отнял у карфагенян все их владения и стал уже набирать по городам гребцов, готовя свой флот для вторжения в Африку. Но этому масштабному предпринятию не суждено было осуществиться: сицилийские греки, недовольные тяжелыми поборами и деспотизмом царя, перешли на сторону его противников, карфагенян и мамертинцев. Согласно Юстину, положение Пирра в Сицилии было вдобавок подорвано поражением в морской битве, которое царь понес от пунийцев. Именно оно заставило Пирра требовать подкреплений у Антигона Гоната [Just., XXV, 3, 1–2]. К этому времени дела в Италии стали принимать дурной оборот, и самниты и тарентинцы умоляли Пирра оказать им немедленную помощь. Царю пришлось отказаться от своих планов и навсегда оставить остров [Just., XXIII, 3]⁶⁰². Как только греческая армия переправилась в Италию, на нее с тыла неожиданно напали мамертинцы. При этом погибло множество воинов из арьергарда, а также два слона. В Тарент Пирр прибыл, имея 20 000 пехоты, 3000 всадников и 17 слонов [Plut., Pyrrh., 24].

Пополнив в Таренте свои силы, Пирр сразу же выступил в поход против римлян, находившихся в Самнии. Орозий утверждает, что его армия

насчитывала 80 000 человек пехоты и 6000 всадников [Oros., IV, 4]. Эти цифры выглядят заведомо преувеличенными: невозможно представить, чтобы за короткий срок царь смог собрать в Таренте, уже пострадавшем от войны, 63 000 солдат⁶⁰³. Думается, что самое большее, что могли предоставить ему союзники, — это какое-то количество вспомогательных отрядов, насчитывавших в сумме не более нескольких тысяч человек. Пирр разделил свое войско на две части, послав половину его в Луканию, чтобы задержать там армию под командованием консула Лентула, а сам с остальными силами направился к Беневенту, где находилась армия консула Мания Курия. Курий, видевший, что не может сопротивляться фаланге Пирра, разместил свои войска в теснине, труднопроходимой для кавалерии и слонов [Frontin., II, 2; 1]. Возможно, он не желал вступать в бой до подхода своего коллеги⁶⁰⁴. Со своей стороны Пирр, опасаясь, что обе римские армии смогут соединиться и ему придется противостоять всем римским силам, решил атаковать Мания ночью. С этой целью он послал в тыл римлянам отряд, состоявший из отборных войск и самых сильных слонов [Plut., Pyrrh., 25]. Этот отряд должен был напасть на противника до рассвета. Некоторые современные исследователи подвергают сомнению тот факт, что слоны могли принять участие в подобном предприятии, поскольку считается, что «малоподвижные и перегруженные башнями» животные не могли продвигаться по пересеченной и гористой местности⁶⁰⁵. Однако такие рассуждения — не более чем отражение укоренившихся заблуждений относительно кажущейся неуклюжести огромных четвероногих. Выше мы уже достаточно подробно высказались по этому вопросу. Поэтому на риторический вопрос П. Левека, можем ли мы представить слонов, поднимающихся по горным тропам⁶⁰⁶, с уверенностью отвечаем — можем, если по этим тропам прошли «перегруженные» оружием люди.

Но отряд, посланный Пирром, сбился с дороги и приблизился к римскому лагерю, лишь когда солнце уже взошло. Консул неожиданно напал на передовые подразделения греков и обратил их в бегство. Дионисий утверждает, что римляне убили двух слонов, а восьмерых, запертых в месте, не имеющем выхода, захватили живьем — после того, как их погонщики сдались в плен [Dionys. XX, 12, 3].

Окрыленный успехом, Маний вывел из лагеря свои легионы и бросился на армию противника. Пирр приказал ввести в бой стоявших до того в резерве слонов, которые оттеснили римлян до самого лагеря [Oros., IV, 4]. Но находившиеся в лагере караульные войска забросали животных копьями и зажигательными стрелами [Oros., IV, 5]. Израненные слоны повернули вспять. При этом один слоненок, раненный в голову копьем,

в страхе с громким ревом стал метаться по полю сражения. Его крик узнала та самая слониха, относительно которой мы уже имели возможность высказаться, и, бросившись вперед, произвела еще большее замешательство в рядах эфирских солдат [Flor., I, 13, 12]. Отступление слонов, по сообщению Плутарха, вызвало панику среди греков и принесло победу римлянам [Plut., Pyrrh., 25]. Если верить Орозию, то Пирр потерял 33 000 человек убитыми и 1300 пленными [Oros., IV, 6]⁶⁰⁷. Что касается слонов, то из восьми захваченных римлянами 4 умерли позднее от ран, а четырех оставшихся провели во время триумфа по улицам Рима [Plin., NH, VIII, 16; Flor., I, 13, 28]. Не исключена возможность, что несколько слонов (не более 7) Пирру удалось сохранить и привести с собой в Эфир.

Г. Дельбрюк с недоверием отзывается о сообщениях источников, касающихся этой битвы: «Сообщения о сражении при Беневенте не имеют для нас никакой ценности, мы даже не можем сказать, действительно ли Пирр потерпел здесь поражение, или же только не смог провести атаку, и бой остался нерешенным»⁶⁰⁸. Некоторые свидетельства античных авторов позволяют с определенной долей уверенности утверждать, что эфирский царь понес серьезное поражение под Беневентом, более того, потери его армии оказались в сложившихся обстоятельствах невосполнимыми. В связи с этим будет уместным привести рассказ Павсания, сообщающего о действиях Пирра после дела под Беневентом: «Тут он понес сильное поражение и, зная, что римляне не позволят ему уйти без боя, следующим образом устраивает свое отступление. [Когда он по возвращении из Сицилии был разбит], он прежде всего разослал письма по всей Азии, и в частности к Антигону, у одних из царей прося войска, у других — денег, у Антигона же прося и того и другого. Когда послы вернулись, как только ему были переданы письма, он собрал вместе главнейших лиц из эфиров и тарентинцев, но не прочел им тех писем, которые он получил, а сказал, что <скоро> придут вспомогательные отряды; и до римлян быстро дошел слух, что македоняне и другие народы из Азии готовятся идти на помощь Пирру. Слыша это, римляне сохраняли спокойствие, а Пирр в ближайшую ночь переправился к горному мысу, называемому Керавнией» [Paus., I, 13, 1; пер. С. П. Кондратьева].

Несомненно, поле боя осталось за римлянами. Их противник потерял больше половины своих слонов, в то время как за два предыдущих столкновения он лишился всего одного. Необходимо также учесть, что 8 животных оказались захвачены римлянами живьем — самое наглядное свидетельство поспешного и панического отступления. Вместе с тем нельзя утверждать, что Пирр был полностью разгромлен и не имел никаких шансов на успешное продолжение войны. Не будем забывать, что

даже тех сил, которые у него оставались, ему хватило, чтобы изгнать Антигона из Македонии. Наконец, как бы ни пошатнулся престиж Пирра в глазах его итальянских союзников, это ничего не меняло в положении самого царя, поскольку для них он был единственной надеждой противостоять давлению римлян.

Юстин сообщает, что, покидая Италию, Пирр оставил для охраны Тарента своего сына Гелена и друга Милона [Just., XXV, 3, 4]. Какова была численность оставленного гарнизона, неизвестно, но Пирр возвратился на родину, имея при себе 8000 пехотинцев и 500 всадников [Plut., Pyrrh., 26]. Несомненно это были эпироты, а не итальянские союзники. Таким образом, мы можем допустить, что если после битвы при Аускуле у Пирра было около 20 000 солдат из тех, кого он привел с собой из Эпира, то после поражения под Беневентом — около 10 000. С такими силами, учитывая союзные контингенты, можно было еще продолжать войну.

Возможно, причина слишком поспешного ухода эпирского царя из Италии была связана не с его военной неудачей. Война затягивалась. За годы, прошедшие с начала военных действий, Пирр полностью растратил свою казну [Plut., Pyrrh., 26], поэтому не имел более возможности ни содержать своих солдат, ни набирать наемников. Плутарх передает, что, вернувшись домой, он стал искать новой войны, чтобы прокормить свое войско [Plut., Pyrrh., 26]. Понятно, что речь идет именно о тех солдатах, которые возвратились из Италии, поскольку других военных сил в Эпире тогда не существовало. Следовательно, мы не должны недооценивать финансовую проблему, с которой столкнулся Пирр и которая, вероятнее всего, и заставила его прервать военные действия против Рима.

Рассчитывал ли царь вернуться в Италию? Юстин утверждает, что он питал подобную надежду [Just., XXV, 5, 5]. Доказательством этого может служить и тот факт, что он оставил в Таренте своего сына. Может быть, обращения Пирра за помощью к другим эллинистическим монархам не было фарсом или хитростью, и он действительно хотел собрать средства для продолжения войны?

Возвратившись из Италии, Пирр тут же начал войну с македонским царем Антигоном Гонатом. В 274 г. до н. э. он нанес ему поражение, изгнал из Македонии и захватил всех его слонов [Plut., Pyrrh., 26, 6]. В 272 г. до н. э., когда Пирр отправился на Пелопоннес, у него было 24 слона [Plut., Pyrrh., 26, 20]. Этот поход оказался для него неудачным: он не смог захватить Спарту, а при попытке занять Аргос потерпел поражение и погиб.

Захват Аргоса должен был состояться глубокой ночью, и успех предприятия зависел прежде всего от быстроты действий эпирской армии.

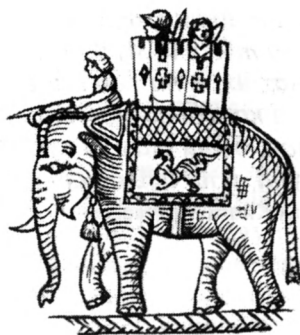
По мнению С. С. Казарова, тот факт, что Пирр приказал ввести в Аргос слонов, является «новацией», неизвестной в эллинистическом мире⁶⁰⁹, поскольку до этого огромные звери использовались лишь для штурма вражеских фортификационных сооружений, но никогда не были задействованы на «узких улочках города». Возражая против подобной точки зрения, хочется отметить, что ни о каком штурме Аргоса в роковую для Пирра ночь речи не было. Ворота были открыты предателями, и эпирской армии предстояло не сражаться в городских условиях, а войти в мирно спавший город. Солдаты Пирра уже занимали площадь, когда за ними следом в город должны были вступить слоны. «Но слоны не могли пройти в ворота, пришлось снимать с их спин башни, а потом в темноте вновь водружать их; это задержало нападающих, и аргосцы, услышав шум, поспешили занять Аспиду и другие укрепленные места и отправить гонцов к Антигону» [Plut., Pyrrh., 32, 2; пер. С. А. Ошерова].

Завязалась беспорядочная битва, и Пирр решил отступить, но сделать это ему вновь помешали слоны. При отступлении из города войска Пирра натолкнулись на свои же отряды, которые ввел в Аргос сын Пирра Гелен. «Кроме того, самый большой слон, упав поперек ворот, лежал, трубя и мешая отступающим пройти, а другой слон, из тех, что вошли в город раньше, по кличке Никон, ища раненого вожака, упавшего с его спины, неся навстречу отступавшим, гоня и опрокидывая вперемешку врагов и друзей, пока, наконец, не нашел труп и, подняв его хоботом и подхватив обоими клыками, не повернул назад, словно взбесившись, валя наземь и убивая всех встречающих» [Plut., Pyrrh., 33, 5; пер. С. А. Ошерова].

На наш взгляд, при оценке данной ситуации нужно говорить не о каких-то новациях Пирра, а о грубой ошибке, стоившей ему жизни: вместо того чтобы быстро занять с помощью своих войск все стратегические пункты, он совершенно бесцельно терял время, стоя перед открытыми уже воротами, а когда горожане наконец пробудились ото сна и когда действительно начался бой, эпирская армия оказалась в самых невыгодных условиях.

ГЛАВА VIII
СЛОНЫ В АРМИИ
СЕЛЕВКИДОВ

ὧ στρατιῶται, οἷς γε ἡ σωτηρία ἐν ἑκκαίδεκα τούτοις
θηρίοις ἐγένετο· ὥς εἰ μὴ τὸ καινὸν τοῦ θεάματος ἐξεπλήξε
τούς πολεμίους τί ἂν ἡμεῖς ᾔμεν πρὸς αὐτούς.

Lucianus. «Zeuxis vel Antiochos», 11

*Да будет нам стыдно, воины: только этим шестнадцати
животным мы обязаны нашим спасением, —
если бы невиданное зрелище не поразило врагов,
что мы с вами могли бы против них сделать?*

Лукиан. «Зевксис или Антиох», 11; пер. Н. П. Баранова

*Et diviserunt bestias per legiones, et adstiterunt singulis elephantis
mille viri in loriceis concatenatis, et galeae aereae in capitibus
eorum, et quingenti equites ordinati unicuique bestiae electi erant.
Hi ante tempus ubicumque erat bestia ibi erant, et quocumque ibat
ibant non discedebant ab ea.*

«Liber I Macchabeorum», 6, vs. 35–36

*И они распределили слонов по легионам, и поставили рядом
с каждым слоном по тысяче мужей в кольчугах и медных
шлемах на головах их, и по 500 надежных всадников
было отобрано для каждого животного; они до срока,
где бы ни был слон, были там, и куда бы ни шел слон,
шли туда, и не отходили от него.*

«Первая Книга Маккавеев», 6, vs. 35–36

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОСТАВОК СЛОНОВ В СИРИЙСКУЮ АРМИЮ

Как отмечалось выше, попытки Селевкидов использовать в военных целях сирийского слона (*Elephas maximus asurus*), если таковые и предпринимались, не имели особого успеха. Отсутствие слонов у поздних Селевкидов свидетельствует о кризисе сирийской элевантерии, которая оказалась не способной обеспечить себя слонами после отпадения восточных провинций.

Наиболее авторитетные авторы, такие как Полибий и Ливий, утверждают, что селевкидские слоны были индийского происхождения, и нет никакого сомнения, что именно из Индии сирийские цари получали огромных зверей для своей армии. Этому способствовала сама податная система, утвердившаяся в Селевкидском государстве. Если города и области, составлявшие его основную часть, должны были, как правило, вносить в пользу казны фиксированную денежную сумму, то народы, над которыми селевкидский суверенитет простирался по большей части формально, делали иррегулярные выплаты, принимавшие вид натуральных поставок⁶¹⁰. Еще одной формой признания царской власти была отправка воинских контингентов⁶¹¹. Подобная практика восходила к временам Ахеменидов, при которых, как кажется, подношение даров и натуральные поставки требовались чаще, нежели выплаты денежных податей⁶¹².

Учитывая особенности этой системы, можно предположить, что главной обязанностью восточных провинций царства было снабжение царской армии боевыми слонами. К числу областей, исполнявших подобную повинность, относилась, несомненно, Бактрия. Вероятно 20 слонов, об отправке которых из этой сатрапии у нас имеются данные, и составляли обычную подать, получаемую отсюда Селевкидами. Поэтому Антиох III, заключив договор с объявившим себя бактрийским царем Евтидемом, потребовал от него именно боевых слонов, при этом он претендовал, очевидно, на все то количество животных, которое Бактрия задолжала сирийцам за годы своего независимого существования.

ДАННЫЕ О ЧИСЛЕННОСТИ СЕЛЕВКИДСКОЙ ЭЛЕФАНТЕРИИ

Нам не известно, сколько слонов досталось сыну и наследнику Селевка Антиоху I (280–261 гг. до н. э.). Выше мы уже отмечали, что нет оснований сводить это количество к тем 16 животным, которые приняли участие в битве с галатами. В преддверии большой войны с Египтом Антиох постарался увеличить поголовье слонов. По всей видимости, прибытие из Бактрии 20 огромных четвероногих в марте 273 г. до н. э. нужно рассматривать в контексте проводившихся им мер⁶¹³.

Однако при Селевке II Каллинике (247–226 гг. до н. э.) во время Третьей Сирийской войны все селевкидские слоны были захвачены птолемеевскими войсками⁶¹⁴. До правления Антиоха III (223–187 гг. до н. э.) в источниках не сохранилось никаких свидетельств о селевкидских слонах. По мнению Б. Бар-Кохвы, численность сирийской элевфантерии в этот период была сведена до минимума. Подтверждение этому исследователь видит в том, что, подавляя восстание сатрапа Мидии Милона (221 г. до н. э.), Антиох смог выставить всего 10 слонов [Polyb., V, 54, 4]. Уменьшение поголовья животных было вызвано утратой Селевкидами связей с Индией из-за отпадения в середине III в. до н. э. Бактрии⁶¹⁵. Эта гипотеза кажется достаточно правдоподобной, однако она не объясняет, почему спустя всего три года в битве при Рафии у сирийского царя оказалось уже 102 слона, ведь Бактрия все еще сохраняла свою независимость. Мы уже отмечали, что количество животных в сирийских армиях не обязательно должно было соответствовать их общему количеству, находившемуся в распоряжении царя. Число слонов, появлявшихся на полях сражений, часто определялось целым рядом условий и, в частности, наличием на территории, по которой проходила армия, необходимых запасов воды и пищи. Так было и в отношении армии Антиоха III. Большая часть его элевфантерии во время похода в Мидию осталась, очевидно, в предместьях Апамен.

Согласно данным Плиния, проигранное при Рафии сражение стоило Антиоху пяти слонов, однако он захватил не менее трех десятков слонов Птолемея. В 208–206 гг. до н. э. царь совершил свой знаменитый восточный поход, в результате которого добился признания селевкидского суверенитета от правителя Бактрии Евтидема I (около 225–190 гг. до н. э.). По условиям заключенного соглашения Евтидем отдал Антиоху своих боевых слонов. После этого селевкидская армия двинулась к границам Индии. Как развивались события дальше — неизвестно. Полибий сообщает только о том, что Антиох возобновил союзные отношения с индийским

царем Софагасеном и тоже получил от него боевых слонов [Polyb., IX, 34, 10–11]. Последнему договору могли предшествовать какие-то столкновения с индийскими войсками, в которых с обеих сторон приняли участие громадные звери. Отголосок произошедших событий, возможно, звучит в следующих словах комедии Плавта «Хвастливый воин»⁶¹⁶:

Артотрог: ...А то еще ты в Индии
Одним ударом руку перебил слону.
Пиргополиник: Как — руку?
Артотрог: То есть ляжку, я хотел сказать.
Пиргополиник: А слабо как ударил!
Артотрог: Да уж если бы
Чуть приналег, через кишки и голову
Слону наружу вышла бы рука твоя.
[Plaut., Miles, vs 23–30; пер. А. Артюшкова.]

После этого грандиозного похода Антиох привел в Сирию 150 слонов. В дальнейшем слоны постоянно принимали участие в военных действиях, которые вела селевкидская армия. Они были в ее составе в битве при Пании (198 г. до н. э.) [Polyb., XVI, 18, 7; 19, 3–4]⁶¹⁷, во время похода в Грецию (191 г. до н. э.) [Liv., XXXVI, 10, 4; 19, 4–6] и в битве при Магнесии (190 г. до н. э.).

Апамейский договор, завершивший войну Антиоха с римлянами, предписывал сирийскому царю выдать всех остававшихся у него слонов и запрещал Селевкидам когда-либо в дальнейшем содержать этих животных [Polyb., XXI, 45, 12; Liv., XXXVIII, 38, 8]. Б. Бар-Кохва полагает, что данное требование оказалось включенным в договор по той причине, что римлян очень сильно впечатлило участие чудовищных зверей в битве при Магнесии⁶¹⁸. Однако договоры, заключенные с Карфагеном и Филиппом V, показывают, что запрещение использования слонов было стандартным требованием римлян и диктовалось их желанием нанести как можно больший урон военному потенциалу побежденного противника.

Тем не менее преемники Антиоха III неоднократно нарушали Апамейское соглашение. Уже Антиох IV Эпифан (175–164 гг. до н. э.), начавший войну с египетским царем Птолемеем VI, имел в своем распоряжении большое количество боевых слонов [Massab., I, 1, 17]. Демонстрируя силу и богатство своего царства, Антиох устроил празднества и игры в Дафне, во время которых показал народу одну колесницу, которую везли четыре слона, другую — запряженную парой слонов, и, кроме того, еще 36 слонов в полном вооружении [Polyb., XXXI, 3 11].

Какое-то количество огромных четвероногих Антиох даже предоставил римлянам, которые готовились к войне с македонским царем Персеем [Polyaen., IV, 21]⁶¹⁹.

Согласно Утверждению Иосифа Флавия, после смерти Антиоха Эпифана селевкидская элевфантерия насчитывала 80 слонов, действовавших в составе армии под командованием Лисия при подавлении восстания иудеев [Joseph., Bell. Iudaic., I, 5]. Эта цифра не соответствует данным первой Книги Маккавеев, где говорится только о 32 слонах [Massab., I, 6, 30]. Б. Бар-Кохва полагает, что текст Флавия испорчен и вместо П'(80) в нем должна стоять цифра Н'(8). Это число якобы отвечало реальным тактическим нуждам армии, состоявшей из 50 000 пехоты и 5000 всадников. К тому же оно приблизительно равнялось ¼ того количества слонов, которое было показано Антиохом IV в Дафне. Поэтому весьма вероятно, что именно 8 огромных зверей и участвовало в походе⁶²⁰.

Цифра 80 действительно представляется на первый взгляд завышенной. Ведь если бы Антиох располагал таким количеством огромных зверей, то, демонстрируя в Дафне мощь своего царства, он должен был всех их провести в торжественной процессии. Вместе с тем римляне после окончания Третьей Македонской войны могли отослать назад тех слонов, что были предоставлены им царем. Какое-то количество животных могло быть дополнительно приобретено к концу правления Эпифана.

Вообще не совсем понятно, как Селевкидам удалось поддерживать существование элевфантерии вплоть до 60-х гг. II в. до н. э., т. е. после смерти Антиоха III и окончательного отпадения Бактрии контакты с Индией были потеряны. Можно предположить, что они продолжали отлавливать какое-то количество сирийских слонов. Однако не существует конкретных данных, подобных тем, что у нас имеются об отлове африканских слонов Птолемеями, подтверждающих этот факт. Нам представляется, что Антиох III просто не выполнил пункт Апамейского договора, касающийся слонов. Поскольку Антиох Эпифан поддерживал дружеские отношения с Римом, римляне закрывали глаза на это нарушение и даже использовали его себе во благо. Когда же Эпифан умер, они настояли на уничтожении слонов, при этом речь шла не просто о слонах, а о тех животных, приговор которым был вынесен после битвы при Магнесии. Если это так, то цифра 80 выглядит вполне правдоподобно, ведь к началу войны с римлянами у Антиоха III было не менее 150 слонов. Единственное, что смущает — четыре десятилетия, отделяющие восточный поход Антиоха III от восстания Маккавеев. Сорок лет — срок не малый, даже для слона...

Б. Бар-Кохва называет поход Лисия в Иудею последним реальным случаем появления селевкидских слонов на поле сражения. Желая ослабить Антиоха V (163–162 гг. до н. э.), римляне отправили к нему посольство с требованием соблюдения условий Апамейского договора. Сирийцы были вынуждены сжечь свои корабли и перебить всех имевшихся у них слонов [App., Syr., 46]. Все позднейшие свидетельства источников, указывающие на присутствие слонов в сирийских армиях, Б. Бар-Кохва считает ненадежными. Это, в частности, касается присутствия слонов в армии Никанора, которого Деметрий I назначил командующим в войне против иудеев [Massab., II, 15, 20]. Если учесть, что война, о которой идет речь, датируется 161 г. до н. э., то действительно представляется маловероятным, что Селевкиды в течение столь короткого времени, прошедшего после избиения слонов в Апамее, могли вновь обзавестись новыми животными⁶²¹.

Возможно, эти слоны в самом деле стали бы последними в истории селевкидской элевфантерии (связи с Индией были уже окончательно потеряны), если бы не египетская помощь. Деметрий II Никатор (145–141, 129–126 гг. до н. э.), придя в 145 г. до н. э. к власти с помощью птолемеевских войск, изгнал через некоторое время египтян из Антиохии и завладел всеми их слонами [Flav., Ant., XIII, 4, 9]. Эти слоны впоследствии попали к полководцу Александра Баласа Диодоту Трифону, который разбил и изгнал Деметрия [Flav., Ant., XIII, 5, 3]. С Трифоном, захватившим власть над Сирией, начал войну брат Деметрия Антиох VII Сидет (138–129 гг. до н. э.). Он нанес поражение узурпатору, осадил его в Апамее, взял в плен и казнил [Flav., Ant., XIII, 7, 1; 2]. В источниках ничего не сообщается о слонах в его армии. Однако несомненно, что египетские слоны, отнятые Трифоном у Деметрия II, должны были теперь достаться Антиоху VII. Возможно, их присутствие сыграло немаловажную роль в победах Сидета над парфянами.

Антиох VII стал последним Селевкидом, у которого имелись (или могли быть) боевые слоны. После его гибели у сирийских царей не было более возможности поддерживать существование этого рода войск.

ПОБЕДА АНТИОХА I НАД ГАЛАТАМИ

Несмотря на то что элевфантерия занимала важное место в военной системе государства Селевкидов, в наших литературных источниках сохранилось не так много описаний сражений, в которых уделялось бы внимание действиям селевкидских боевых слонов.

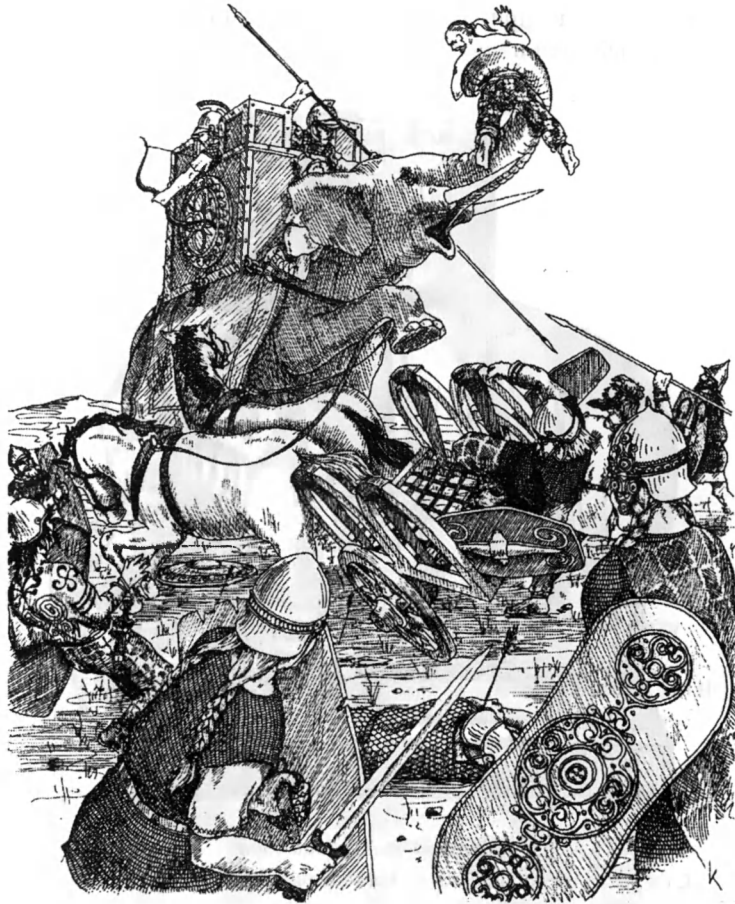
Одно из них произошло во время войны Антиоха I с галатами в 276 г. до н. э. в пограничных районах Фригии. Все, что нам известно об этом событии, мы знаем только благодаря рассказу Лукиана⁶²². Антиох поставил своих слонов в тылу войска: по 4 на каждом из флангов против кавалерии неприятеля и 8 в центре против его колесниц. Когда был дан сигнал к началу сражения, слоны неожиданно выбежали вперед и привели галатов в ужас. Далее следуют стандартные описания испуга лошадей, отказывающихся повиноваться своим седокам и возницам, и слонов, топчущих неприятельских воинов ногами, хватающих их хоботами и разрывающих бивнями. В результате почти все галаты были уничтожены или захвачены в плен, лишь немногим удалось бежать в горы [Luc., Zeux., 8–10].

Согласно утверждению Лукиана, признавая, что заслуга в одержанной победе целиком принадлежит четвероногим гигантам, Антиох I приказал вырезать на памятнике, поставленном на месте битвы, только изображение слона [Luc., Zeux., 11]⁶²³. С этим памятником связывают одну известную археологическую находку.

ТЕРРАКОТОВАЯ СТАТУЭТКА ИЗ НЕКРОПОЛЯ МИРИНЫ

Терракотовая статуэтка из могилы некрополя Мирины в виде боевого слона, сражающегося с галатом, — интересный и в своем роде уникальный памятник⁶²⁴. Уникальный — потому что ничего подобного не представлено в античной скульптуре, и, кроме того, это, возможно, единственная среди сотен терракотовых статуэток, отражающая конкретное историческое событие⁶²⁵. Статуэтка была обнаружена в марте 1881 г. Она имеет 0,12 м в высоту и столько же в ширину. На одной ее стороне находится четырехугольная выемка размером 0,03х0,027 м. На момент обнаружения статуэтка сохраняла достаточно яркие следы раскраски, которые сегодня остались лишь в незначительных фрагментах: попона и башня были красного цвета, а щиты, прикрепленные к башне, — голубого⁶²⁶.

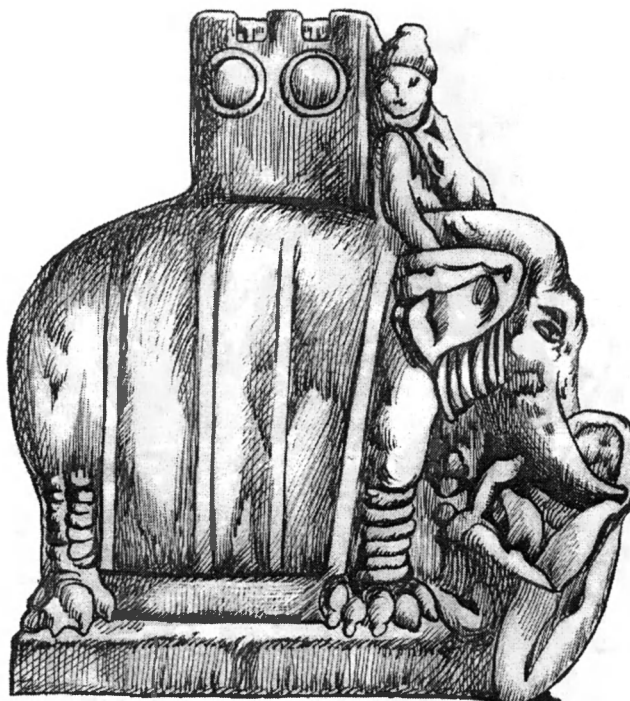
Небольшие размеры ушей, а также форма головы слона свидетельствуют о том, что он относился к индийскому виду. Если судить по размерам воина, которого слон обхватил хоботом, то рост животного не должен был превышать 2 м. Подобные размеры представляются весьма незначительными, и, по всей видимости, мастер, изготовивший статуэтку, пошел на сознательное нарушение пропорций, чтобы наглядно изобразить не только слона, но и его противника⁶²⁷.

Поражение галатов в битве с войсками Антиоха I
Рис. И. В. Кирсанова

На шее и ногах слона можно видеть параллельные полосы. Исследователи затрудняются однозначно определить, что они могут означать. Согласно одной точке зрения, это металлические пластинки, служившие для защиты животного; в соответствии с другой — это всего лишь гипертрофированное изображение складок его кожи⁶²⁸. Первая гипотеза получила наибольшее распространение среди специалистов. Именно с металлическими пластинами представлен селевкидский слон в реконструкции Я. Хэта, под влиянием которого, очевидно, М. В. Горелик, создавая свою

реконструкцию, также принял полосы на ногах и шее животного за «металлические ошейники и браслеты»⁶³⁰.

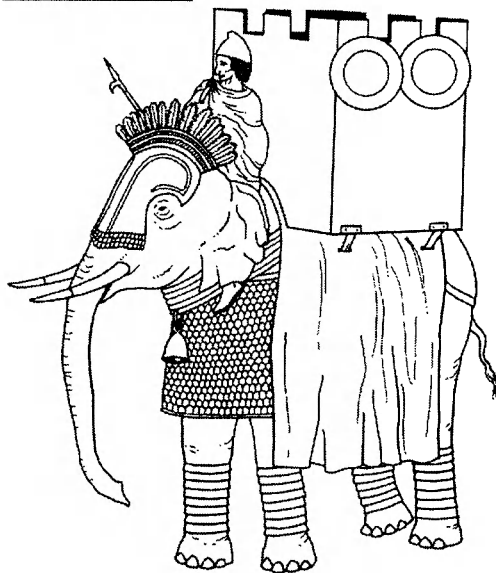
Селевкидский боевой слон

Статуэтка из могилы некрополя Мирины (III—II вв. до н. э.).

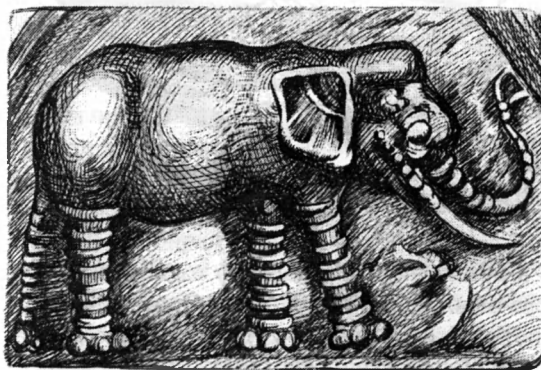
Прорисовка Д. А. Синеокой

На наш взгляд, более правдоподобна вторая гипотеза, поскольку тенденция изображать морщинистую кожу слона именно таким образом, каким это показано на статуэтке из некрополя Мирины, была достаточно распространенной в древности. Если бы полосы на ногах и на шее обозначали металлические пластины, то было бы естественно ожидать, что и остальные части тела животного закрывались металлической броней, как, например, это представлено на фаларе с острова Сарк. Однако никакой брони на слоне нет. Его тело покрыто традиционной попоной, опускающейся почти до земли, которая использовалась в качестве элемента украшения животных уже в раннеэллинистическое время.

Реконструкция Я. Хэта, сделанная на основе статуэтки
из могилы некрополя Мирины
(Head D. Armies of the Macedonian and Punic Wars (359 BC to 146 BC)
Goring-by-Sea, 1982. P. 185)

Слон, изображенный на денарии 49 г. до н. э.
Складки на ногах переданы посредством горизонтальных полос
Прорисовка Д. А. Синеокой

Относительно национальной принадлежности воина, которого слон обхватил хоботом, ни у кого не возникает никаких сомнений. Его обнаженное тело, длинный меч и особенно большой овальный щит выдают в нем галата, одного из тех, кто опустошал Малую Азию в начале III в.⁶³¹

Фалар с острова Сарк, изображающий слона, облаченного в броню
Прорисовка Д. А. Синеокой

Нам лишь в общих чертах известно о событиях войн с галатами, которые разворачивались в Малой Азии. Одним из наиболее заметных успехов эллинистических монархов в этом противостоянии была, конечно же, победа Антиоха I, о которой речь шла выше. Та исключительная роль, которую слоны сыграли в одержанной победе, должна была побудить мастеров-ремесленников, современников события, к тому, чтобы многократно воспроизводить скульптуру Антиоха, установленную на месте битвы. Поэтому весьма велика вероятность того, что группа из некрополя

Мирины — это копия одной из статуэток, изготовленных во времена правления Антиоха I⁶³².

Статуэтка из некрополя Мирины оказала заметное влияние и на скульпторов Нового времени. Подражанием ей стала скульптурная группа в парке Бомарцо герцогов Орсини (середина XVI в.), представляющая боевого слона, схватившего хоботом пешего воина⁶³³.

БИТВА ПРИ РАФИИ⁶³⁴

Самым опасным соперником в эллинистическом мире, с которым Селевкидам приходилось часто вести упорные войны, был Птолемеевский Египет. Поскольку слоны в египетской армии были столь же важной составляющей, как и в сирийской, естественно предположить, что во время военных столкновений между двумя государствами неоднократно должны были происходить бои слонов, подобные тем, что имели место во времена борьбы диадохов, с той только разницей, что у одной из сторон были слоны азиатского вида, а у второй — африканского. Выше уже говорилось, что Полибий оставил нам описание борьбы между гигантскими четвероногими, произошедшего в битве при Рафии во время Четвертой Сирийской войны, между сирийским царем Антиохом III и египетским Птолемеем IV (217 г. до н. э.). Египетская армия насчитывала около 70 000 пехоты, 5000 кавалерии и 73 слона. Сирийская — 63 000 пехоты, 6000 кавалерии и 102 слона.

Левый фланг птолемеевских войск заняла кавалерия под командованием Поликрата. К ней примыкали отряды критян, царская агема и пельтасты. В центре находилась фаланга из ливийцев, вооруженных по-македонски. На правом фланге стояла наемная фессалийская конница под командованием Эхекрата. Слева от нее — отряды галатов, фракийцев и греческих наемников. Сорок слонов Птолемей расположил перед левым флангом, командование над которым он принял на себя. Тридцать три слона были выдвинуты перед правым флангом.

У Антиоха перед правым флангом находилось 60 слонов. За слонами стояли 2000 всадников под началом Антипатра, к которым Антиох присоединил еще 2000 всадников, «выстроенных дугою». Командование этим флангом царь принял на себя. К коннице примыкали критяне, греческие наемники и 5000 македонян в своем традиционном вооружении. На левом фланге сирийцев стояло 2000 конницы под командованием Темисона, далее — отряды самых различных народов, вооруженных в соответствии со своими обычаями (кардаки, лидийцы, киссии, мидяне,

кармании, арабы и др.). Перед левым флангом Антиох поставил 42 слона [Polyb., V, 82].

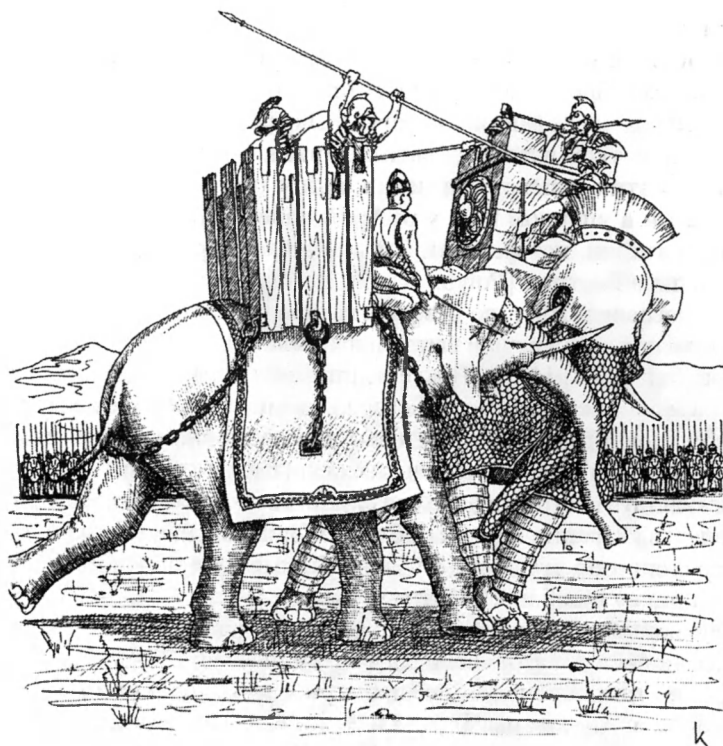
Когда был дан сигнал к началу сражения, обе стороны сразу же ввели в бой своих слонов. «Некоторые слоны Птолемея, — передает Полибий, — бросились на врагов; помещавшиеся на слонах воины доблестно сражались с башен; действуя сариссами на близком расстоянии, наносили удары друг другу, но еще лучше дрались животные, с ожесточением кидаясь одни на других. Борьба слонов происходит приблизительно таким образом: вонзив друг в друга клыки и сцепившись, они напирают со всюю силою, причем каждый желает удержать за собою занимаемое место, пока не одолеет сильнейший и не отведет в сторону хобота противника. Лишь только победителю удастся захватить побежденного сбоку, он ранит его клыками, подобно тому, как быки рогами. Птолемеи-евы слоны большей частью страшлись битвы, что бывает обыкновенно с ливийскими слонами. Дело в том, что они не выносят запаха и рева индийских слонов, пугаются, как я полагаю, роста их и силы и убегают тотчас еще издалека. Так случилось и теперь. В беспорядке звери стали теснить ряды своих же воинов, и под их напором агемат Птолемея подался назад» [Polyb., V, 84; пер. Ф. Г. Мищенко].

Отступление египетских слонов открыло египетскую кавалерию, стоявшую на левом фланге. Этим воспользовался Антиох, который напал на нее со своими всадниками и заставил отступить. Египетские пельтасты, ряды которых уже были расстроены бившимися слонами, остались без прикрытия. Их атаковали и обратили в бегство греческие наемники Антиоха. После этого весь левый фланг египтян оказался разбит [Polyb., V, 84].

Антиох увлекся преследованием отступавшего неприятеля, не заботясь о том, что происходило на других участках поля боя. В это время Эхекрат, командовавший кавалерией на правом фланге египетской армии, отвел своих всадников и тех воинов, которые стояли позади слонов, вправо, чтобы они не могли быть опрокинуты огромными животными. Таким образом фронт птолемеевской армии удлинился, и ее правый фланг стал выступать за левый фланг сирийцев. Бой слонов еще не был окончен, и тучи пыли, которые поднимали четвероногие гиганты, должны были скрыть этот маневр от глаз неприятеля. Одновременно Эхекрат приказал греческим наемникам напасть на стоявших против них арабов и мидийцев. Когда греки опрокинули вражеские отряды, сирийская кавалерия оказалась отрезанной от остальной армии. Всадники Эхекрата совершили обходной маневр, напали на конницу противника с фланга и тыла и заставили бежать. Тогда Птолемей сам

возглавил атаку своей пехоты и после недолгого сопротивления сирийцы были разбиты.

Сражение при Рафии. Бой слонов

Рис. И. В. Кирсанова

Победа осталась за египтянами. У Антиоха погибло около 10 000 пехотинцев и более 300 всадников, а свыше 4000 человек попало в плен. Птолемей потерял 1500 пехотинцев и около 700 всадников. Из числа слонов у сирийцев 3 были убиты в бою, 2 погибли в результате полученных ран; у египтян на поле боя осталось 16 животных, а большая часть попала в руки противника [Polyb., V, 86, 5–6]. Любопытно, что, вопреки утверждению Полибия, надпись из Питхома сообщает, что в результате битвы при Рафии Птолемей захватил всех слонов Антиоха⁶³⁵. По всей видимости, это преувеличение, но некоторые из сирийских слонов были, очевидно, захвачены египтянами⁶³⁶.

БИТВА ПРИ МАГНЕСИИ

Антиох III видел свою главную цель в восстановлении государства Селевкидов в прежних границах. Поэтому он проводил активную восточную политику и стремился подчинить своей власти Парфию и Бактрию, которые обрели независимость при его предшественниках. В 209 г. до н. э. Антиох через Мидию вторгся в Парфию, а затем — в Гирканию, где после короткой осады захватил Сиринк — главный город страны. Добившись этих успехов, он начал войну против бактрийского царя Евтидема I и в упорном бою у р. Арий нанес поражение бактрийским войскам. Евтидем, потерявший большую часть армии, укрылся в городе Зариаспы в Бактрии [Polyb., X, 49]. Война закончилась подписанием мирного договора (206 г. до н. э.), согласно которому Антиох признал за Евтидемом царский титул и согласился выдать одну из своих дочерей за его сына [Polyb., XI, 34, 10]. После подписания договора Антиох получил от Евтидема все необходимое для своей армии, а также всех бактрийских боевых слонов и двинулся в Индию, где возобновил отношения с Софасеном, который в свою очередь отдал Антиоху слонов⁶³⁷.

В результате восточного похода сирийскому царю удалось подчинить своей власти сатрапии верхних областей, приморские города и правителей территорий по эту сторону Тавра. Кроме земельных приобретений Антиох привел с собой 150 боевых слонов [Polyb., XI, 34, 10–15]. Уже накануне войны с римлянами он предпринял дополнительные меры для увеличения численности своей элфантирии [Liv., XXXV, 32, 4].

Первое столкновение сирийцев с римскими войсками произошло в 191 г. до н. э. Антиох высадился в Элладе, имея при себе всего 10 000 пехоты, 500 всадников и 6 слонов [Liv., XXXV, 43, 6]. Желая остановить продвижение римлян, он решил закрепиться в Фермопильском проходе. Однако эта попытка не увенчалась успехом, и царь был вынужден бежать, сохранив при себе всего 500 человек [Liv., XXXVI, 19, 11]⁶³⁸. Во время поспешного отхода селевкидской армии слоны двигались в арьергарде. Присутствие этих животных оказало отступающим определенную услугу: огромные животные не давали возможности римской пехоте продолжать преследование и, пугая лошадей, вносили сумятицу в неприятельские войска. Римлянам пришлось, прежде чем гнаться за убегающим в панике противником, сначала перебить всех его слонов [Liv., XXXVI, 19, 4–6].

Решительное сражение между римлянами под командованием Публия Сципиона и армией Антиоха III произошло при Магнесии (190 г. до н. э.)⁶³⁹. Римская армия насчитывала около 27 600 пехоты,

Битва при Метавре
Рис. И. В. Кирсанова

	<p>Греко-бактрыйский царь Деметрий I (190–171 гг. до н. э.) в шлеме в виде головы слона. Аверс серебряной тетрадрахмы.</p> <p>Частная коллекция</p>
	<p>Изображение головы слона на бронзовой монете греко-бактрыйского царя Деметрия I.</p> <p>Частная коллекция</p>
	<p>Изображение слона на аверсе полудрахмы греко-бактрыйского царя Аполлодота I (180–165 гг. до н. э.). Легенда, идущая по периметру монеты: ΑΣΙΛΕΩΣ ΑΠΟΛΛΟΔΟΤΟΥ ΣΩΤΗΡΟΣ.</p> <p>Частная коллекция</p>
	<p>Изображение слона на монете индо-греческого царя Лисия I (около второй половины II в. до н. э.).</p> <p>Частная коллекция</p>
	<p>Реверс серебряной тетрадрахмы индо-греческого царя Антиалкида (115–95 гг. до н. э.). Зевс, идущий со слоном; легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΝΙΚΗΦΟΡΟΥ ΑΝΤΙΑΛΚΙΔΟΥ.</p> <p>Частная коллекция</p>
	<p>Изображение слона на аверсе бронзовой монеты Архебия I (конец II–I в. н. э.); легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΔΙΚΑΙΟΥ ΝΙΚΗΦΟΡΟΥ ΑΡΧΕΒΙΟΥ.</p> <p>Частная коллекция</p>
	<p>Изображение головы слона на бронзовой монете индо-сакского царя Мауса (нач. I в. до н. э.); легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΑΥΟΥ.</p> <p>Частная коллекция</p>
	<p>Бронзовая монета индо-греческого царя Менандра (середина – вторая половина II в. до н. э.). На аверсе изображен слон; легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΩΤΗΡΟΣ ΜΕΝΑΝΔΡΟΥ; на реверсе – стрекало для управления слоном и легенда шрифтом кхароштли.</p> <p>Частная коллекция</p>
	
	<p>Изображение слона на бронзовой монете парфянского царя Фраата II (138–128 гг. до н. э.).</p> <p>Частная коллекция</p>

Греко-бактрыйский фалар, служивший предположительно знаком отличия, которым награждались наиболее храбрые слоны.

Серебро, чеканка позолота

© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Фото А. В. Банникова

Гиппокамп — змееподобное чудовище, изображенное на попоне, покрывающей слона (фрагмент греко-бактрыйского фалара, изображенного выше)

© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Фото А. В. Банникова

	<p><i>Бронзовая монета Селевка I.</i> <i>На аверсе изображен слон;</i> <i>на реверсе — голова коня</i> <i>(Houghton A., Loeber C. Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue. Part I. Vol. 1–2. New York; Lincoln; London, 2002. № 35)</i></p>
	<p><i>Полудрахма Селевка I.</i> <i>На аверсе изображена голова Зевса;</i> <i>на реверсе — Афина в колеснице,</i> <i>запряженной парой слонов</i> <i>(Houghton A., Loeber C. Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue. Part I. Vol. 1–2. New York; Lincoln; London, 2002. № 133-2)</i></p>
	<p><i>Афинская тетрадрахма с буквой I на амфоре. На аверсе изображена богиня Афина; на реверсе — афинская сова на амфоре, справа от которой находится слон</i> <i>(Thompson M. The New Style Silver Coinage of Athens. New York, 1961. № 400f)</i></p>
	<p><i>Афинская тетрадрахма с буквой K на амфоре (131–130 гг. до н. э.). На аверсе изображена богиня Афина; на реверсе — афинская сова на амфоре, справа от которой находится слон</i> <i>(Thompson M. The New Style Silver Coinage of Athens. New York, 1961. № 401a)</i></p>

*Лицевая и оборотная стороны одного из греко-бактрийских фаларов,
хранящихся в Эрмитаже*

© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Фото А. В. Банникова

	<p><i>Изображение слона на реверсе тетрадрахмы Антиоха III, (222–187 гг. до н. э.); легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ANTIOXOY.</i> Частная коллекция</p>
	<p><i>Изображение слона на реверсе бронзовой монеты Антиоха III; легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ANTIOXOY.</i> Частная коллекция</p>
	<p><i>Изображение слона на реверсе бронзовой монеты Антиоха III.</i> (Houghton A., Loeber C. Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue. Part I. Vol. 1–2. New York; Lincoln; London, 2002. № I089-3a)</p>
	<p><i>Изображение слона на реверсе бронзовой монеты Антиоха III (222–187 гг. до н. э.); на слоне сидит корняк; слева от слона изображен треножник.</i> Частная коллекция</p>
	<p><i>Бронзовая монета Селевка II. На реверсе изображены братья Диоскуры; на аверсе — голова слона</i> (Newell E. T. The coinage of the Western Seleucid Mints. From Seleucus I to Antiochus III. New York, 1941. № 867)</p>
	<p><i>Изображение слона на реверсе бронзовой монеты Антиоха III; легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ANTIOXOY</i> (Houghton A., Loeber C. Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue. Part I. Vol. 1–2. New York; Lincoln; London, 2002. № 1272)</p>
	<p><i>Изображение головы слона на реверсе бронзовой монеты Антиоха IV (175–164 гг. до н. э.)</i> (Houghton A., Loeber C. Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue. Part I. Vol. 1–2. New York; Lincoln; London, 2002. № 113)</p>
	<p><i>Изображение слона на реверсе бронзовой монеты Александра I Баласа</i> (Houghton A., Spaer A. Sylloge Nummorum Graecorum Israel I. Collection of Arnold Spaer of Seleucid Coins. Jerusalem, 1998. № 1477)</p>

Селевкидский боевой слон, сражающийся с галатом.

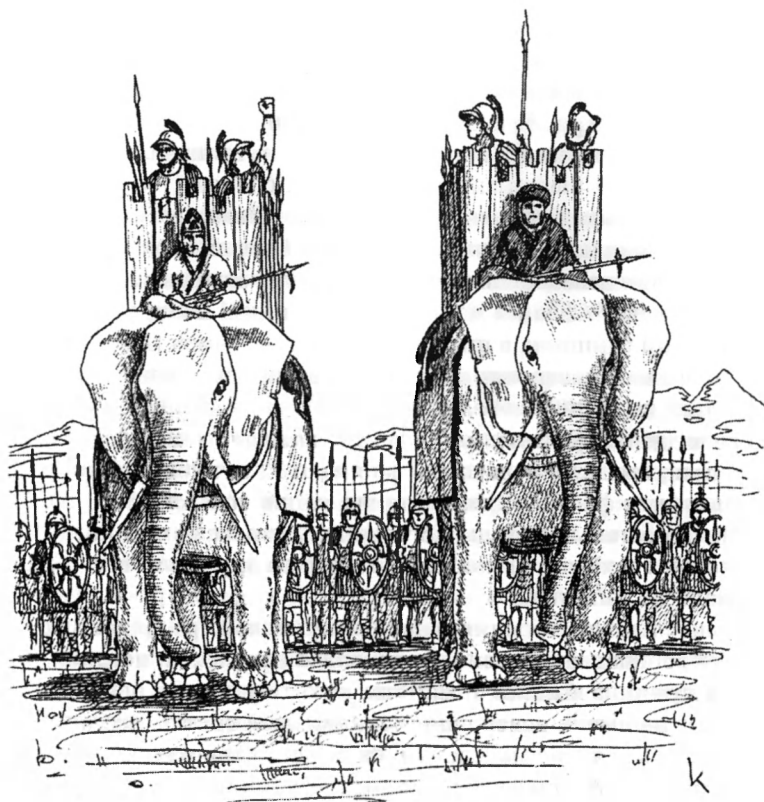
Статуэтка из могилы некрополя Мирины (III–II вв. до н. э.)

(Goldsworthy A. Les guerres romaines (281 av. J.-C. 476 ap. J.-C.). Paris, 2001. P. 71)

Армия Антиоха V Эпифана переправляется через рукав Нила во время вторжения в Египет
Рис. И. В. Кирсанова

2800 всадников и 16 слонов; сирийская — около 60 000 человек пехоты, 12 000 кавалерии и 54 слона [Liv., XXXVII, 39, 13; App., Syr., 31, 32]⁶⁴⁰.

Боевое построение селевкидской армии

Рис. И. В. Кирсанова

Детальное описание диспозиций обеих армий дошло до нас в изложении Ливия и Аппиана. Костяк римской армии составляли 4 легиона: два римских и два союзников-латинов; каждый насчитывал по 5400 человек. Римские легионы стояли в центре, латинские — справа и слева от них. Правый фланг римского боевого построения образовывали отряды траллов и критян (по 500 человек каждый), 2200 римских всадников и 800 всадников пергамского царя Эвмена; к ним примыкали 3000 пехотинцев, состоявших из вспомогательных отрядов Эвмена

и легковооруженных ахейцев. Левое крыло армии упиралось в обрывистый берег р. Фригий и поэтому не нуждалось в усилении. Здесь консул Сципион, командовавшей римской армией, поставил 4 турмы кавалерии. Шестнадцать слонов находилось в резерве за манипулами триариев. Кроме того, в распоряжении у римлян имелось еще 2000 македонских и фракийских добровольцев, на которых была возложена охрана лагеря [Liv., XXXVI, 39; App., Syr., 31]. Объясняя причину, по которой римляне поставили своих слонов в тылу армии, Ливий и Аппиан ссылаются на то, что они не устояли бы против 54 сирийских слонов. Это замечание позволяет сделать вывод, что, согласно утвердившимся в эллинистической военной практике нормам, главной задачей боевых слонов была борьба не с пехотой или кавалерией противника, а с его слонами.

Во главе левого фланга встал Гней Домиций, центром командовал консул Публий Сципион, а правым флангом — Эвмен [App., Syr., 31]⁶⁴¹.

Центр боевого построения сирийской армии образовывала македонская фаланга из 16 000 человек. Согласно утверждению Ливия и Аппиана, царь разделил фалангу на 10 частей; каждая из них, состоявшая из 1600 человек, имела 50 человек по фронту и 32 в глубину. В интервалах между звеньями фаланги стояли по два слона, при которых, очевидно, находились обычные отряды легковооруженных пехотинцев. По два слона стояло также слева и справа от фаланги, так что всего фалангу прикрывало 22 животных.

Относительно построения флангов сирийской армии данные Ливия и Аппиана, совпадая в главном, несколько разнятся в деталях. По непонятной причине Антиох позаботился о том, чтобы основные силы обоих флангов имели совершенно одинаковый состав: всадники галаты, катафракты и агема македонян. Рядом с этими отрядами на правом фланге, согласно Аппиану, находились эскадроны легковооруженных воинов, всадники с серебряными щитами и 200 конных лучников. Левый фланг замыкали разноплеменные союзные кавалерийские отряды [App., Syr., 32]. Относительно того, где находились оставшиеся 32 сирийских слона, Аппиан ничего не говорит.

По Ливию, стоявшие справа от фаланги галаты в количестве 1500 человек были пехотинцами. Рядом с ними располагались 3000 катафрактов и 1000 всадников царской агемы. Далее — 16 слонов, отряд среброщитых, 1200 конных лучников дахов, 3000 легковооруженных критян и траллов, 2500 мисийских лучников. Замыкали фланг 4000 киртийских пращников и элимейских лучников. Слева от фаланги располагались 1500 пехотинцев-галатов, 2000 каппадокийцев в таком же вооружении и 2700 человек вспомогательных войск, вооруженных различным оружием. Далее шли

кавалерийские отряды: 3000 катафрактов и 1000 других всадников; царская агема из сирийцев, фригийцев и лидийцев. Перед этой конницей находились серпоносные колесницы и арабские всадники на верблюдах, вооруженные луками и мечами длиной в 4 локтя⁶⁴². Далее стояли кавалерийские и пешие легковооруженные отряды (тарентинцы, 2500 галлогреков, 1000 неокритян, 1500 карийцев и киликийцев, 15000 траллов и 4000 легковооруженных писидийцев, памфилийцев и ликийцев, киртийские пращники и элимейские лучники). Замыкали левое крыло сирийской армии 16 слонов⁶⁴³.

Антиох принял на себя командование правым флангом. Командирами левого крыла он поставил своего сына Селевка и племянника Антипатра; центром командовал элфантарх Филипп, а передовыми застрельщиками — полководцы Миннион и Зевксид [Liv., XXXVII, 40–41, 1; App., Syr., 33].

Битва, согласно описаниям источников, разворачивалась следующим образом. Сирийцы начали атаку боевыми колесницами [App., Syr., 32]. Однако Эвмен приказал своим легковооруженным стрелять не по возницам, а по лошадям. Это привело к тому, что израненные кони помчались назад сквозь строй арабских всадников на верблюдах и катафрактов. Тогда Эвмен во главе своих всадников, а также римских и итальянских пошел в атаку на стоявших против него галатов, каппадокийцев и катафрактов, уже сильно пострадавших от серпоносных колесниц. В результате весь левый фланг сирийцев обратился в бегство.

На правом фланге сирийской армии атаку возглавил сам царь, которому удалось опрокинуть противника. Увлечшись преследованием, Антиох оставил без прикрытия свою фалангу, которая была окружена и полностью уничтожена римлянами.

Антиох преследовал отступающего неприятеля до самого лагеря, где те смогли собраться с силами, чтобы дать ему отпор [Just., XXXI, 8, 6–7]. Царь развернулся и поскакал назад. Столкнувшись с Атталом, братом Эвмена, имевшим при себе 200 всадников, он без труда обратил его в бегство. Однако, когда Антиох возвратился на поле боя и увидел свою фалангу уничтоженной, а лагерь захваченным неприятелем, то понял, что дело проиграно и бежал со своей кавалерией в Сарды [Liv., XXXVII, 43; App., Syr., 36].

Потери сирийцев составили 50 000 пехоты и 3000 всадников убитыми и 1400 пленными. Юстин сообщает об 11 000 пленных [Just., XXXI, 8, 7]. Кроме того, в руки римлян попали 15 слонов вместе с погонщиками. Победители потеряли не более 300 пехотинцев, 24 всадника и 25 человек из войска Эвмена [Liv., XXXVII, 44, 1; App., Syr., 36].

Катастрофическое поражение сирийцев не находит никакого логического объяснения. Флор утверждает, что причиной этого была многочисленность армии Антиоха, лишившая ее всякой маневренности [Flor., I, 24]. К тому же Ливий, Аппиан, Флор и Зонара придают большое значение неблагоприятным для сирийцев погодным условиям: внезапно начавшийся ливень будто бы испортил их луки, и поэтому воины Антиоха не могли нанести противнику ощутимого урона.

В описании сражения при Магнесии много непонятного. Прежде всего это касается первоначальной диспозиции. Если в построении римской армии нет ничего необычного, то в отношении армии Антиоха вопросы, по всей видимости, возникали уже у античных авторов. И Ливий, и Аппиан утверждают, что самой сильной частью сирийской армии была фаланга [Liv., XXXVII, 40, 3; App., Syr., 32]. Поэтому представляется труднообъяснимым, почему Антиох, вместо того чтобы предоставить ей возможность свободно маневрировать на поле боя, выстроил ее очень странным и невыгодным образом. Аппиан следующим образом рассказывает о тактическом замысле сирийского царя: «Кажется, что все свои надежды он возлагал на конницу, которую густыми рядами он поставил по фронту, фалангу же, вопреки всем правилам войны, он поставил скученно, на небольшом пространстве, ту фалангу, на которую он должен был особенно надеяться как на очень обученную военным приемам» [App., Syr., 32 пер. С. П. Кондратьева].

Данное объяснение кажется вполне правдоподобным. Достаточно вспомнить описание битвы при Рафии, где активные действия велись на крыльях армий, в то время когда обе фаланги бездействовали, стоя напротив друг друга и ожидая исхода фланговых сражений. Однако даже в этом случае не было никакого смысла строить фалангу в 32 человека в глубину. «Он допустил большую ошибку, удвоив глубину своей фаланги, — пишет П. Д. Арманди, давая оценку действиям сирийского царя, — поскольку построение в 32 человека делало бесполезной половину этого корпуса, элиты его армии. Согласно установившейся традиции, глубина фаланги составляла только 16 человек, иногда даже 12 человек, такова была диспозиция спартанцев в битве при Левктрах. Если бы Антиох последовал этому правилу, то смог бы, по крайней мере, удвоить фронт центра своего строя, что дало бы ему огромное преимущество ввиду того, что, как мы сказали, эта часть его армии была лучшим из того, что он мог противопоставить неприятелю. К тому же фаланга более свободная в своих действиях, могла попытаться каким-то образом маневрировать и расстроить атаки римлян, между тем стоя сдавленной массой, что имело место, она теряла возможность защищаться и была обречена на уничтожение»⁶⁴⁴.

Вторая странность, касающаяся построения фаланги, состоит в расчленении ее на 10 частей, в промежутках между которыми были поставлены слоны. По мнению Г. Дельбрюка, такое построение делало фалангу совершенно беспомощной против натиска римской манипулярной пехоты: «Вероятно, и это относится к измышлению автора, которому мы обязаны повествованием обо всем данном сражении. Всякая нелепость имеет свой предел, даже недомыслие сирийского царя, который не сумел использовать гений Ганнибала, находившегося у него на службе. Слоны, как мы знаем, сильнее всего действовали на конницу. В пеший сомкнутый строй они не могли проникнуть; наоборот, случалось часто, что дротики и стрелы отбрасывали их или же воины отскакивали в сторону, пропуская слонов через образовавшийся проход. В таком случае фаланга попадала в одно из самых опасных положений: в боевом порядке образовывался большой прорыв, куда легко могли проникнуть римские манипулы и атаковать с фланга. Это соображение имеет тем больше оснований, что слоны не шли вровень с фалангой, а при попадании в них неприятельских дротиков и стрел стремительно бросались на противника или обращались вспять»⁶⁴⁵.

Дробя свою фалангу, Антиох не только самым непростительным образом ослаблял ее, он вместе с тем лишался также и еще одного преимущества, которое мог с успехом использовать против римлян, — значительного числа слонов, ведь два животных, отдельно стоявших в интервалах между звеньями фаланги, были весьма уязвимы для атак неприятеля, вместе с тем, собранные в одном месте, они, несомненно, представляли бы силу, способную доставить противнику большие неприятности. Г. Дельбрюк не находит никакого приемлемого объяснения для подобного шага сирийского царя: «Внедрение слонов в фаланги Кромайер объясняет тем, что фаланги должны были занимать оборонительное расположение, слоны же и расположенные в интервалах легковооруженные держались на значительном расстоянии от неприятельских стрелков. Это тактически неверно. Оборонительное расположение одной части войска не мешает наступлению другой, фаланга же со слонами совершенно утратила бы свой смысл и оказалась бы совершенно беспомощной перед натиском легионеров. Противнику нужно было выбить слонов только из одного интервала, и тогда легко было бы сбить с позиции всю фалангу. Без сомнения, римляне вклинились бы во многие интервалы»⁶⁴⁶.

Можно, конечно же, предположить, что одним из поводов, побудивших Антиоха к этому, было стремление сделать фалангу более гибкой и маневренной. Оценив достоинства римского манипулярного строя,

царь разделил фалангу, подобно римскому легиону, распадавшемуся по фронту на 10 манипулов. Такой способ позволял придать фаланге подвижность и приспособить ее к условиям местности. Теперь каждое ее звено, если бы его фланги были надежно прикрыты, могло действовать самостоятельно. Отряды стрелков не были в состоянии создать прикрытие, поскольку сразу обратились бы в бегство под натиском легионеров. То же самое можно сказать и о небольших отрядах кавалерии, которые, будучи лишены возможности маневра, также оказались бы бесполезными. Поэтому царь решил поставить в интервалах слонов, придав им, несомненно, соответствующие отряды легковооруженных. Теоретически он создавал новый боевой порядок, сочетавший в себе ударную мощь македонской фаланги и подвижность римского легиона. Однако расчеты Антиоха не оправдали себя. Римляне легко перебили изолированно стоящих слонов. После того как фланговое прикрытие звеньев фаланги было уничтожено, была решена судьба самой фаланги, а с ней — и судьба всего сражения.

Слоны — это еще одна загадка сражения при Магнесии. Флор ничего не говорит о слонах в интервалах между звеньями фаланги, но указывает, что слонами царь окружил свою армию с обеих сторон [Flor., I, 24]. Ливий, как отмечалось выше, утверждает, что на флангах сирийской армии стояли по 16 животных. Почему же огромные звери никаким образом не приняли участие в бою? Наконец, непонятно, почему сирийцы не сумели использовать свой четырехкратный перевес в кавалерии, чтобы охватить вражескую армию с флангов?

Ливий сообщает, что строй сирийцев был намного длиннее римского: римляне даже в утреннем тумане могли полностью обозреть свой боевой порядок. Что же касается воинов Антиоха, то они «при столь растянутом построении даже из середины строя не могли рассмотреть своих флангов, не говоря уж о том, чтобы разглядеть его от края до края» [Liv., XXXVII, 44, 4]. Следовательно, если мы предположим, что правый фланг армии Антиоха упирался в берег реки, другими словами, находился частично как раз напротив левого фланга римлян, то ее левый фланг должен был далеко выступать за правое крыло неприятельской армии. При таком построении слоны и масса легкой кавалерии, замыкавшие левый фланг сирийцев, должны были, не дожидаясь исхода атаки колесниц, совершить обходной маневр и внезапно обрушиться на правое крыло римской армии. Туман и мрак в таком случае скрыл бы от противника их действия. Однако вместо этого ожидаемого и естественного движения источники приводят нам шаблонное описание лишившихся управления колесниц, врезающихся в ряды собственной армии.

Битва при Магнесии. Римляне поражают сирийских слонов

Рис. И. В. Кирсанова

Нам представляется, что план сражения, составленный в штабе Антиоха, был иным, нежели это показано Ливием. Сирийская армия была построена в две боевые линии. Первую образовывали серпоносные колесницы, за которыми находились слоны и отряды легковооруженных воинов (пращники, стрелки из Фригии, Ликий, Памфилий, Писидий, Крита, Тралл и Киликий, дахи, мисийцы, арабы и др.), вторую — македонская фаланга, галаты и тяжеловооруженная конница [App., Syr., 33; Zon., IX, 20]. «На вид казалось, — передает Аппиан, — стояли два войска: одно, которое должно было начать бой, другое же находилось в резерве; каждое из них своей численностью и снаряжением должно было внушать страх» [App., Syr., 33; пер. С. П. Кондратьева]. Относительно фаланги можно допустить, что первоначально она не была разделена на отдельные звенья, а слоны были размещены в один ряд, создававший щит перед легковооруженными застрельщиками. Можно даже определить, какое расстояние было оставлено между животными: если 16 000 сирийских фалангитов образовывали 32 ряда, то протяженность фронта фаланги, при дистанции между воинами в 3 фута (0,91 м), равнялась 455 м, и если в разгар сражения

в ее рядах было 22 слона, то, следовательно, изначально интервалы между ними составляли около 20 м.

Завязать сражение должны были воины на колесницах, которым было приказано тут же отступить назад [App., Sуг., 32]. Однако римляне обстреляли их и, как сообщает Зонара, кричали так громко (*sic!*), что испугали лошадей. Колесницы повернули назад и налетели на слонов [Zon., IX, 20]. Слоны вышли из повиновения и обратились против сирийских застрельщиков. Таким образом, вся первая линия сирийского боевого порядка в панике побежала перед наступающими римлянами. Чтобы пропустить бегущих, фалангиты вынуждены были расступиться, открывая им проходы в своем строю. Очевидно, слоны вместе с бегущими также оказались в недрах фаланги. Это в конечном итоге привело ее к гибели. «И вот македонская фаланга, поставленная для связи с конницей на узком четырехугольном пространстве, лишившись прикрытия всадников, с обеих сторон расступилась и приняла в себя легковооруженных воинов, сражавшихся перед ее рядами, а затем опять сомкнулась. Когда же Домиций окружил ее большим количеством всадников и легковооруженных воинов, так как она представляла плотно поставленный четырехугольник, она не могла ни двинуться вперед, ни развернуть своего строя ввиду его большой глубины; поэтому она стала терпеть бедствие. Они досадовали, что не имеют возможности сами воспользоваться своей военной опытностью, а представляют собой удобную мишень для нападения неприятеля со всех сторон. Однако, выставив со всех четырех сторон целый лес своих сарисс, они вызывали римлян вступить с ними в рукопашный бой и все время делали вид, что хотят напасть. Но они нигде не делали ни шагу вперед, будучи пешими и отягченными своим оружием, а врагов видя всюду на конях, особенно потому, что боялись нарушить крепость своего строя; перестроиться иначе они бы не успели» [App., Sуг., 35; пер. С. П. Кондратьева]. Фаланга оборонялась до тех пор, пока слоны, получавшие ранения от римских дротиков и стрел, не перестали слушаться своих погонщиков и не привели в беспорядок ее ряды.

ДВА ФАЛАРА ИЗ ЭРМИТАЖА

Среди памятников, хранящихся в Государственном Эрмитаже, есть два очень известных экспоната, имеющих непосредственное отношение к боевым слонам. Это два фалара, принадлежащие коллекции петровского времени⁶⁴⁷. Фалары сделаны из тонкого серебряного листа, диаметром 24,7 см; вес одного из них составляет 402,2 г, а другого — 407,9 г⁶⁴⁸. На

каждом из фаларов отчеканено изображение боевого слона эллинистической эпохи. Изображения практически идентичны, с той только разницей, что одно — зеркальная проекция другого.

На спине слона находится башня, имеющая на стенках украшения в виде геометрических фигур. Внутри башни стоят два воина, один из которых изображен в типичном греческом шлеме, другой — очевидно, с непокрытой головой. Воины вооружены копьями длиной выше человеческого роста, которые, как отмечалось выше, вполне могут представлять собой сариссы. Слоном управляет корнак в чалме, очевидно, индеец. На шее слона висит массивный колокольчик, а тело покрывает попона, на которой нарисован гиппокамп — змееподобное чудовище. Подобное изображение — мотив, довольно часто встречающийся в изобразительном искусстве Гандхары⁶⁴⁹. На оборотной стороне фаларов имеются по три крепежные петли, две из которых (справа и слева) расположены вертикально, а одна (сверху) — горизонтально.

Фалары. Серебро, чеканка позолота.

© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

На этом снимке видно, что фалары из-за своих размеров (диам. 24,7 см) не могли служить украшениями конской сбруи.

Фото А. В. Банникова

Изображение на фаларах недвусмысленно демонстрирует синтез греческой и индоиранской культур. Вероятно, они были работой греческого мастера, проживавшего в государстве Селевкидов или в одной из его бывших восточных провинций, получивших независимость. Большинство исследователей считают фалары предметами

греко-бактрйского искусства⁶⁵⁰. Существует мнение, что фалары являются украшением конской сбруи⁶⁵¹. Однако данная гипотеза не может быть принята ввиду их больших размеров.

Представление о том, какую роль могли играть эти изделия, дает нам пассаж из «Естественной истории» Плиния Старшего, рассказывающего о слонах Антиоха III: «Аякс, постоянный вожак во время похода, покачиванием головы показал Антиоху, что не одобряет его попытки перейти реку вброд. После того как было обещано первенство тому, кто перейдет, осмелившийся на это Патрокл был одарен серебряными фалерами, которым они рады более всего, и получил право быть вожаком» [Plin., NH, VIII, 11]⁶⁵².

Учитывая характер изображения, диаметр фаларов, материал, из которого они сделаны, и расположение креплений для ремней на их внутренней стороне, нам кажется очевидным, что они — те самые знаки отличия, которыми награждали слонов за отвагу⁶⁵³. Возможно, фалары висели на груди животного и в каком-то смысле играли роль, аналогичную фалерам римских центурионов. Кстати, фалары имеют ряд отверстий, проделанных острыми предметами, и ничто не мешает предположить, что этими предметами могли быть наконечники стрел или дротиков.

Бой греко-бактрйской армии с индийцами

Рис. И. В. Кирсанова

Греко-бактрыйский (селевкидский)
боевой слон по изображению на фаларах
Рис. И. В. Кирсанова

Несмотря на то что фалары были сделаны греко-бактрийским мастером, не возникает сомнения, что изображенный на них слон вооружен и оснащен так, как это было принято у Селевкидов, поскольку, даже если речь идет о периоде независимого существования Греко-Бактрии, ее элевфантерия следовала сирийскому образцу⁶⁵⁴.

Греко-бактрийская элевфантерия пережила на некоторое время селевкидскую. Наследники греко-бактрийских царей продолжали использовать боевых слонов даже после того, как единое Бактрийское царство прекратило свое существование, распавшись на ряд мелких так называемых индо-греческих государств⁶⁵⁵. Возможно, изображение слона на монетах индо-греческих правителей — всего лишь дань традиции, однако в нашем распоряжении имеется один письменный источник, со всей очевидностью подтверждающий этот факт. Речь идет о «Милиндапаньхе» («Разговорах Милинды») — известном памятнике буддийской литературы. Милинда, или индо-греческий царь Менандр I (около 155–130 гг. до н. э.), согласно этому документу, имел в своем распоряжении армию, состоявшую из четырех родов войск: пехоты, кавалерии, колесниц и боевых слонов⁶⁵⁶.

ГЛАВА IX

БОЕВЫЕ СЛОНЫ ПТОЛЕМЕЕВ

*Ultra silvae sunt, ubi Ptolomais a Philadelpho condita
ad venatus elephantorum.*

C. Plinius Caecilius Secundus (Major). «Naturalis historia», VI, 171

*Далее находятся леса, где Филадельфом для охоты на слонов
была основана Птолемаида.*

Плиний Старший. «Естественная история», VI, 171

ЕГИПЕТСКАЯ ЭЛЕФАНТЕРИЯ ПРИ ПЕРВЫХ ЛАГИДАХ

После гибели Пердикки часть элевфантерии, созданной Александром, оказалась в руках Птолемея I Лага. Однако в наших источниках не сохранилось никаких упоминаний об участии слонов Птолемея в войнах диадохов. Вероятно, все военные силы Пердикки были отправлены им новому регенту Антипатру, который, как говорилось выше, увел половину элевфантерии в Европу, а вторую половину оставил Антигону. Впрочем, существует мнение, что несколько слонов Птолемей удержал при себе⁶⁵⁷. Подтверждение этой гипотезы видят в изображении колесницы, запряженной индийскими слонами⁶⁵⁸, на реверсах золотых статеров Птолемея I⁶⁵⁹. Нам кажется более вероятным, что колесница на монетах представляет Александра Великого, поэтому данное изображение не может свидетельствовать в пользу того, что индийские слоны появились в Александрии в конце IV в.

Тем не менее Птолемей I не мог не осознавать, что новый вид войска сыграет важную роль в истории военного искусства. Поэтому им были предприняты самые решительные шаги, направленные на организацию отлова и доставки в Александрию слонов африканского происхождения⁶⁶⁰. По мнению Л. Кассона, Птолемей Сотер обзавелся слонами и индийскими корнаками в результате победы, одержанной над войсками Деметрия в битве при Газе (312 г. до н. э.)⁶⁶¹. Животные достались в наследство его сыну Птолемею II Филадельфу (282–246 гг. до н. э.). Возможно, некоторые из них смогли даже дать потомство⁶⁶². Именно эти слоны были использованы людьми Филадельфа при поимке и укрощении первых представителей африканского вида.

Не исключено, что первоначально Птолемей II планировал приобретать слонов непосредственно в Индии. Существует теория, что именно с этой целью царь отправил туда своего эмиссара Дионисия [Plin., NH, VI, 58]⁶⁶³. Некоторые полагают, что Филадельфу были нужны не столько слоны, сколько опытные корнаки и дрессировщики, которые помогли бы обучить животных, пойманных в Эфиопии. Миссия Дионисия, очевидно, имела позитивные результаты, и, по крайней мере при Птолемее II, слонами занимались исключительно специалисты из Индии⁶⁶⁴.

Привлечение индийских корнаков на египетскую службу способствовало тому, что индийцами стали называть всех вожakov слонов, в том числе и у карфагенян.

Отказавшись от идеи получения животных индийского происхождения (если таковая и имела когда-либо место) Птолемей Филадельф сосредоточил все свое внимание на Африке. Можно с уверенностью утверждать, что он стал первым египетским царем, по приказу которого были отловлены и соответствующим образом обучены слоны африканского вида. Согласно сообщению Космы Индикоплова, правитель Адулиса Асба попросил его сделать копию надписи на стеле Птолемея III. Косма выполнил данное ему поручение, но список полученного текста оставил также и себе, и привел его в своем сочинении: «Великий царь Птолемей, сын царя Птолемея и Арсиной... потомок царя Птолемея и царицы Береники... совершил поход в Азию... с троглодитскими и эфиопскими слонами — этих животных его отец и он сам первыми стали отлавливать на охоте в этих областях и, отправляя в Египет, обучать их там для использования на войне» [Cosmas, II, 73, 15–74, 5; пер. Г. М. Бауэра].

Золотой статер Птолемея I. На аверсе — портрет царя; на реверсе — колесница, запряженная четверкой слонов, и надпись по-гречески «Царь Птолемей»
(Svoronos J. N. Τα νομίσματα του Κρατοῦς τῶν Πτολεμαίων (Ptolemaic Coins). Athens, 1904. № 126)

По приказу Филадельфа были проведены широкомасштабные исследования отдаленных территорий, целью которых было обнаружение мест обитания слонов. В 280 г. на побережье Красного моря был основан город Филотера⁶⁶⁵. Основателем его был Сатир, возглавлявший разведывательную экспедицию, отправленную Птолемеем [Strab., XVI, 4, 5]. Именно в этом городе человеком впервые были приручены африканские слоны [Plin., NH, I, 184]⁶⁶⁶.

Эвмед возглавил другую экспедицию, целью которой также была охота на слонов. Продвигаясь на юг вдоль побережья Аравийского залива, он обнаружил места обитания огромных зверей и основал неподалеку город Птолемаида Эпитера (Птолемаида Охотничья). «Эвмед, — передает Страбон, — тайно окружил полуостров рвом и стеной, а потом сумел сыскать расположение жителей (которые старались помешать работам) и превратить их из противников в друзей» [Strab., XVI, 4, 7; пер. Г. А. Стратановского]. Вступив в дружественные отношения с туземцами, Эвмед нанял местных проводников, которые показали ему места, где обитали слоны⁶⁶⁷.

Далее к югу огромные четвероногие были обнаружены в гавани Саба. Очевидно, при Птолемее II здесь была образована египетская колония с тем же названием [Strab., XVI, 4, 8]⁶⁶⁸. Большое количество слонов водилось в районе города Дараба, где также было обустроено место их отлова, получившее название «У колодца». Слоны обитали здесь в таком количестве, что одно из туземных племен было названо «элефантофагами» (слоноядцами), потому что питалось главным образом мясом этих животных [Strab., XVI, 4, 10]. Еще несколько мест обитания слонов было обнаружено в районе мыса Диры [Strab., XVI, 4, 13]. Здесь по приказу Птолемея II был основан город Береника Дирская⁶⁶⁹.

На побережье Аравийского залива Филадельфом была создана цепь портовых городков, служивших транзитными базами. От Верхнего Египта к Красному морю были проложены две дороги, одна из которых заканчивалась у порта Миос-Гормос, а другая — у Береники⁶⁷⁰. По этим путям слонов доставляли в Александрию.

Считается, что люди Птолемея охотились исключительно на лесных слонов. Вместе с тем исследователи признают, что оба подвида африканского слона (лесной и саванный) могли обитать на территориях, смежных с Египтом, включая земли вдоль Красного моря⁶⁷¹. Поэтому ничто не мешало птолемеевским охотникам отлавливать и более крупных саванных слонов.

Отлов слонов был весьма трудным и рискованным предприятием. Команды, занимавшиеся этим делом, возглавлялись опытными офицерами⁶⁷². Кроме охотников и корнаков в состав охотничьей экспедиции входили инженеры и плотники, возводившие загоны для пойманных животных⁶⁷³, а также какое-то количество дрессированных слонов, необходимых для укрощения пойманных диких животных⁶⁷⁴. Подобные отряды могли быть весьма многочисленными. Так, например, известно, что в 233 г. до н. э. один из них насчитывал 231 человека⁶⁷⁵.

Тем, кто занимался этим промыслом, Птолемей II платил золотом. Жалованье охотников доходило до 20 драхм в месяц. Это было очень много. Даже высокопоставленный чиновник зарабатывал в среднем 13,5 драхмы⁶⁷⁶. Охотники получали столько же, сколько писцы высшего разряда. Несмотря на щедрую оплату, добровольцев, по-видимому, не хватало. Согласно мнению некоторых исследователей, египетские цари сделали отлов слонов обязательной повинностью, возложенной на коренное население страны⁶⁷⁷.

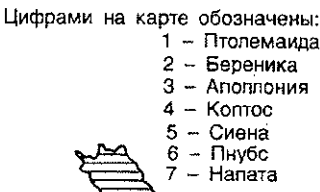
Пойманных животных перевозили на больших беспалубных кораблях, получивших название «слоноперевозчики» (ἐλεφαντῆροι)⁶⁷⁸. Впервые о кораблях этого типа упоминает Агафарх⁶⁷⁹. Детальных описаний их не сохранилось. П. Д. Арманди полагает, что это были широкие беспалубные корабли с неглубокой осадкой⁶⁸⁰. Вероятно, они ходили под парусом⁶⁸¹.

Доставка слонов по морю в Александрию занимала от недели до месяца⁶⁸². В некоторых крупных городах, лежащих на этом пути, были созданы загоны для огромных животных. Известно, что они существовали в Фаюме, Коптосе и, может быть, в Мемфисе⁶⁸³.

Аппиан утверждает, что, в соответствии с имеющимися записями, Птолемей II оставил после себя армию, насчитывавшую 100 000 пехотинцев, 40 000 всадников, 2000 колесниц и 300 боевых слонов [Prooemium, 10, 5]. Дж. М. Кистлер полагает, что это было общее число животных, боевые слоны составляли лишь его часть⁶⁸⁴. Возможно, не все слоны к концу правления Филадельфа были надлежащим образом выдрессированы и обучены. Однако понятно, что колоссальные усилия, предпринятые царем для их поимки, имели основную и единственную цель — укрепление военной мощи Египта, которому угрожало с севера государство Селевкидов, а с запада — Кирена, где укрепился брат Птолемея Маг.

В войне против Антиоха I войскам Птолемея сопутствовал успех: они не только заняли южные территории царства Селевкидов, но даже захватили Дамаск. Каликсен Родосский сообщает о праздничной процессии в честь Диониса, состоявшейся в Александрии, в которой прошли 24 колесницы, запряженные слонами⁶⁸⁵. Это позволяет предположить, что в шествии приняли участие либо 24 огромных четвероногих, либо 96 (в первом случае — по 1, а во втором — по 4 на каждую колесницу). Существует гипотеза, что слоны, о которых идет речь, были индийскими. Когда точно состоялось празднество, не ясно. Самая ранняя его датировка — 279 г. до н. э.; самая поздняя — 271 г. до н. э. Н. Говерс и Г. Х. Скаллард полагают, что африканские слоны, отловленные в этот

(Арманди П. Д. Военная история слонов с древнейших времен до изобретения огнестрельного оружия / Пер. А. В. Банникова. СПб., 2011. С. 155)

период, не могли быть еще достаточно хорошо обучены, чтобы провести колесницы по улицам Александрии⁶⁸⁶. К тому же Дионис, кортеж которого образовывали слоны, почитался греками как первый покоритель Индии, поэтому если бы жители Александрии знали, что огромные звери были индийскими, захваченными у Антиоха I, то они обязательно должны были увидеть прямую параллель между завоеванием богом Индии и победой их царя над северным соседом⁶⁸⁷. Как полагает Б. Бар-Кохва, именно это событие объясняет появление изображения колесницы, запряженной индийскими слонами на золотых статерах Филадельфа⁶⁸⁸.

При сыне Птолемея II Птолемея III Эвергете (246–222 гг. до н. э.) отлов слонов стал производиться в еще более широких масштабах, и животных стали доставлять в Александрию сухим путем, менее дорогостоящим и более безопасным⁶⁸⁹. Птолемей III продолжил создавать поселения в Африке. Для этой цели царь отправил своего друга Симия в «сопровождении хорошо снаряженного отряда» [Diod., III, 18]. Египетский царь будто бы лично возглавил поход во внутренние районы африканского континента и распространил свое влияние до самых отдаленных уголков Эфиопии⁶⁹⁰.

В правление Птолемея III произошло крупномасштабное столкновение с Сирийским царством, известное как Третья Сирийская война, в котором слоны приняли активное участие. Сведений об этом событии сохранилось крайне мало. В надписи на стеле Птолемея III, о которой упоминалось выше, о нем рассказывается следующее: «Овладев затем всеми областями по сю сторону Евфрата, Киликией, Памфилией, Ионией, Геллеспонтом, Фракией и всеми военными отрядами в этих странах и индийскими слонами и подчинив себе всех династов в этих местах, он (Птолемей III. — А. В.) перешел через Евфрат; покорил потом Месопотамию, Вавилонию, Сузиану, Персию, Мидию и все остальные области до Бактрианы»⁶⁹¹.

У Птолемея IV Филопатора (222–205 гг. до н. э.), наследовавшего Эвергету, имелось 500 слонов [Massab., III, 5, 1]. Однако лишь 73 из них приняли участие в битве при Рафии. Уже П. Д. Арманди предположил, что египетский царь взял с собой только самых сильных животных, которые могли на равных сражаться с индийскими слонами сирийцев⁶⁹². По мнению Н. Говерса и Г. Х. Скалларда, в этом сражении у Птолемея IV некоторые слоны были индийскими, захваченными его отцом в Третьей Сирийской войне⁶⁹³. Данная теория скорее оригинальна, нежели убедительна. Она нужна только для того, чтобы сохранить миф о маленьком африканском слоне, который бежит от страха при встрече

со своим азиатским собратом и на котором, ввиду его ничтожных размеров, нельзя установить башню.

Нам представляется, что 73 египетских слона, участвовавших в битве при Рафии, действительно были самыми сильными и хорошо обученными. Но они были крупнее всех остальных животных, содержащихся в Александрии, не потому, что были захвачены у сирийцев, а потому, что были раньше других отловлены в африканских лесах или саваннах, дольше других обучались и за это время успели вырасти до таких размеров, которые позволяли им участвовать в военных действиях. К тому же Птолемей должен был столкнуться с теми же трудностями, что и Пердикка, когда он предпринял поход в Египет, и многие другие военачальники, располагавшие боевыми слонами: содержание большого количества животных требовало, чтобы армия, совершавшая переход по территориям, лишенным рек, везла с собой огромные запасы воды.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ БОЕВЫХ СЛОНОВ ИЗ АРМИИ ПТОЛЕМЕЕВ

Последние сведения в источниках, касающиеся боевых слонов эллинистического Египта, относятся к временам правления Птолемея VI Филометора (180–145 гг. до н. э.). Как уже упоминалось выше, он выступил против Александра Баласа на стороне Деметрия II. Во время произошедшего сражения конь Птолемея, испугавшись рева слона, скинул на землю своего седока. Увидев это, неприятельские воины бросились к лежавшему царю и нанесли ему многочисленные раны. Несмотря на то что телохранителям удалось отбить Птолемея, он скончался через несколько дней [Flav., Ant., XIII, 4, 8]⁶⁹⁴. Все египетские слоны достались Деметрию.

Несомненно, в отличие от Селевкидов, цари Египта и впоследствии имели еще некоторое время возможность отлавливать слонов для своих военных нужд. Должность эфанта́рха по-прежнему существовала в египетской армии⁶⁹⁵, что может определенным образом свидетельствовать в пользу того, что боевые слоны оставались составной частью вооруженных сил Египта. Вместе с тем птолеме́евская эфанта́рия исчезает во второй половине II в. н. э. Какие же причины могли сопутствовать этому?

А. А. Абакумов приходит к достаточно странному, на наш взгляд, выводу, полагая, что исчезновение эллинистической эфанта́рии во

II в. до н. э. было вызвано активной восточной политикой Рима⁶⁹⁶. Подобный аргумент не может вызвать особых возражений в том случае, когда речь идет о государстве Селевкидов, но в отношении Птолемеевского государства кажется совершенно необоснованным, поскольку в Египте упадок этого рода войск происходит без участия Рима и начинается уже в конце III в. до н. э.

П. Д. Арманди считает, что после неудачного исхода боя египетских слонов с сирийскими в битве при Рафии Птолемеи перестали придавать большое значение африканским слонам и начали использовать их лишь в торжественных церемониях. Боевыми в египетских войсках оставались только представители азиатского вида⁶⁹⁷. На это можно возразить, что битве при Рафии предшествовали сражения, произошедшие в течение трех предыдущих египетско-сирийских войн, закончившихся успешно для Птолемеев. Вполне логично предположить, что в этих войнах и с той, и с другой стороны слоны принимали самое активное участие. Очевидно, что и ранее не однажды случались противоборства слонов, подобные тому, что произошло при Рафии. Каков бы ни был их результат, он не охладил усилий Лагидов, направленных на отлов слонов африканской породы.

На наш взгляд, были две основные причины исчезновения боевых слонов из состава птолемеевской армии. Одна из них связана с изменением вектора политических интересов правящей династии. Первые Лагиды проводили активную внешнюю политику, направленную на расширение внеегипетских владений. Для защиты своих как пограничных, так и заморских территорий им требовалось содержать сильные и многочисленные армию и флот, обеспечивая их всем необходимым. В этих условиях слоны были одним из важнейших средств достижения победы над потенциальным противником, поэтому правительство не жалело усилий, направленных на развитие этого рода войск.

При Птолемее IV происходит отказ от политических принципов, заложенных основателем династии. Это было отмечено самими античными авторами. «Беспечный и труднодоступный для придворных и прочих чинов Египта, — пишет об этом царе Полибий, — он был равнодушен и небрежен по отношению к людям, ведавшим внеегипетскими делами. Между тем предшественники его обращали на них не только не меньше, скорее больше внимания, нежели на управление Египтом. Потому-то они угрожали царям Сирии с суши и с моря, ибо владели Койлесирией и Кипром. Они зорко следили за владыками Азии, а равно и за островами, ибо господствовали над важнейшими городами, областями и гаванями на всем побережье от Памфилии до Геллеспонта и до области Лисимахии.

Они же наблюдали за делами Фракии и Македонии, так как во власти их были Эн, Маронея и города далее лежащие. Таким образом, предшественники Птолемея далеко простирали свои руки и издалека ограждали себя этими владениями, потому им нечего было страшиться за власть над Египтом. Отсюда понятно, почему они обращали большое внимание на внешние владения» [Polyb., V, 34, 4–9; пер. Ф. Г. Мищенко]⁶⁹⁸.

Другой причиной стало изменение в начале II в. до н. э. внешнеполитической обстановки. Поражение Антиоха III в войне с Римом и Апамейский мирный договор сильно ударили по политическому престижу государства Селевкидов, а войны с Маккавеями окончательно подорвали его военную мощь. После того как Селевкиды лишились всякой возможности приобретать боевых слонов, у египетских царей не осталось противников, для борьбы с которыми сами они должны были содержать этих животных. Существование разветвленной сети удаленных колоний и всей инфраструктуры, связанной с доставкой, дрессировкой и кормлением слонов, требовало больших финансовых затрат и в новых политических условиях не только казалось неоправданным, но и не имело никакого смысла. Поэтому исчезала и сама надобность в столь дорогостоящем и столь трудно получаемом боевом средстве.

УТРАЧЕННАЯ СТРАНИЦА ВОЕННОЙ ИСТОРИИ САОНОВ?

Согласно данным некоторых источников, туземные африканские народы были издревле знакомы с искусством дрессировки боевых слонов. Арриан в «Тактическом искусстве» утверждает, что эфиопы умели дрессировать слонов еще до македонян [Arr., Tact., II, 2]. Более того, если верить его словам, то в современную ему эпоху (II в. н. э.) только «инды и верхние эфиопы» продолжали использовать слонов в военном деле [Arr., Tact., XIX]. По мнению многих исследователей, подобная информация представляется маловероятной⁶⁹⁹. Тем не менее не вызывает сомнения, что со временем эфиопы переняли египетский опыт. Характерно, что уже в птолемеянской армии погонщики слонов были неграми. Так, на росписи гробницы в Мириссе (Шисбет Мераса, Палестина) изображены боевой слон, а рядом с ним — негр-корнак⁷⁰⁰. В Риме жожаками цирковых слонов также были чернокожие. «Крошечный эфиоп, — пишет Сенека, — приказывает, чтобы слон опустился на колени и ходил по канату» [Seneca, Ep. LXXXV, 41]⁷⁰¹. Его слова подтверждает Марциал: «Слон во всем подчиняется погонщику-негру» [Martial., I, 104]⁷⁰².

Согласно Плинию, Нерон будто бы задумал совершить поход в Эфиопию. Для этого он отправил туда с разведывательной миссией отряд преторианцев во главе с трибуном [Plin., NH, VI, 181]. Преторианцы доложили, что места, обследованные ими, безлюдны и пустынные. Но в окрестностях Мероэ растут леса и видны следы слонов и носорогов [Plin., NH, VI, 185]. Относительно самого острова разведчики сообщили, что раньше, когда эфиопы владели здесь верховной властью, он мог выставить 250 000 воинов и 3000 мастеров [Plin., NH, VI, 185]⁷⁰³. Некоторые исследователи полагают, что в данном случае слово *artificum* (мастеров) неуместно, и в тексте должно стоять *elephantum* (слонов)⁷⁰⁴, что гораздо больше соответствует контексту фразы.

Можно допустить, что правители Мероэ обзавелись боевыми слонами, самое позднее, во второй половине III в. до н. э. Доказательством этому могут служить изображения на стене храма Апедемака в Мусаварат эс-Суфре, возведенного по приказу царя Арнекамани (235–218 гг. до н. э.), где представлены покрытые попонами слоны, которые сопровождают пленных⁷⁰⁵.

Наиболее детальное литературное свидетельство об использовании эфиопами боевых слонов принадлежит Гелиодору, описывающему битву между царем Мероэ и персидским сатрапом близ Сиены. «Те, кто был на слонах, — пишет Гелиодор, — по шести человек в каждой башне и по двое пускавших стрелы с каждого бока, так что свободной и незанятой оставалась лишь задняя часть, — непрерывно и метко поражали с башен, словно из крепости, так, что густота стрел производила на персов впечатление тучи» [Heliod., IX, 18; пер. А. Доватура]⁷⁰⁶. Такой экипаж не отмечен в источниках, касающихся античной элѐфантерии. По всей видимости, это исключительно местная традиция⁷⁰⁷.

Эфиопы продолжали использовать боевых слонов еще в III–IV вв. н. э.⁷⁰⁸ Не совсем понятно, что произошло далее. Косма Индикоплов, посетивший Адулис в 518–519 гг., утверждает, что местные жители не знакомы с искусством дрессировки слонов, хотя эти животные в большом количестве обитают в стране⁷⁰⁹. Вместе с тем данные других источников свидетельствуют об обратном. В 564 г. к царю Эфиопии Арефе был отправлен магистрион Юлиан, который должен был заключить с ним союз против персов. Арефа встретил римского посла с большими почестями, появившись на колеснице, описание которой сохранил для нас Феофан Исповедник: «Престол же царя был таков: четыре слона были заложены в четырехколесный экипаж, на котором возвышалась эстрада, обитая золотыми листьями, подобно той колеснице, на какой ездят начальники епархий. Царь стоял на этом возвышении,

держа позлащенный щит и два золотых дротика» [Theorphan., ап. 564; пер. В. И. Оболенского, Ф. А. Терновского]. В 569 г. правитель Абиссинии Абраах аль-Ашиам отправился на завоевание Мекки во главе армии, в составе которой находилось большое количество боевых слонов. Поход оказался неудачным для абиссинцев. Описанию их поражения посвящена одна из глав Корана, имеющая соответствующее название: «Сурат-аль-Фил» («Глава слонов»). В 640 г. нубийцы пришли на помощь египетским христианам, угнетаемым арабами, и привели с собой 1300 боевых слонов. Наконец, испанский путешественник XVI в. Луис дель Мармоль утверждает, что и в его время эфиопы продолжали использовать боевых слонов, причем устанавливали на спинах животных башни⁷¹⁰. П. Д. Арманди не склонен серьезно воспринимать подобные свидетельства, полагая, что отдельные попытки использования слонов не получали продолжения, и «народы из внутренних областей Африки постоянно и систематически никогда не использовали слонов»⁷¹¹. Тем не менее имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства источников слишком многочисленны и разнообразны, чтобы оставлять их без внимания. На наш взгляд, нет ничего необычного в том, что африканские народы, переняв искусство дрессировки слонов от египетских греков, сохранили его в течение последующих веков. Ситуация, в которой они оказались, была аналогична той, в которой находились нумидийцы: пока Карфаген был могущественным, нумидийцы служили ему лишь в качестве погонщиков слонов; когда же пунийцы лишились политического влияния, нумидийские цари сами обзавелись боевыми слонами и, если бы не вмешательство Рима, могли бы и далее использовать этих животных в военных целях.

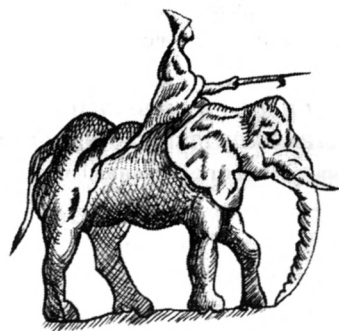
Возможно, появление боевых слонов у царей Мероз (Эфиопии) самым негативным образом отразилось на военном потенциале эллинистического Египта. Выше мы уже отмечали, что, отправляя охотничьи экспедиции в глубины Африки, Птолемеи должны были устанавливать дружеские отношения с местными жителями или представителями местных властей. В частности, нужно было как-то договариваться с правителями Мероз, поскольку слоны в большом количестве водились в самом сердце этой страны на острове Мероз⁷¹². Экспедиции на мероитскую территорию предпринимались неоднократно, но, очевидно, далеко не всегда египтяне имели возможность заниматься здесь своим промыслом. Проблемы в отношениях с эфиопами могли начаться уже при Птолемеи II, поэтому египетским охотникам приходилось уходить все дальше и дальше на юг⁷¹³.

Однако после того как туземцы увидели в слонах ценное боевое средство и научились от египтян использовать его, они не могли уже

терпимо относиться к охотничьей деятельности Птолемеев. Цари Мероз могли запретить им заниматься на своей территории отловом слонов и продавать в Египет уже обученных животных, подобно тому как поступали индийские цари в отношении Селевкидов. Подобная практика должна была накладывать на египетскую казну достаточно тяжелое бремя и еще более снижала заинтересованность Лагидов в существовании собственной элфантерии.

ГЛАВА X
ПОД ЗНАМЕНАМИ КАРФАГЕНА

*Inde boves Lucas turrito corpore tetros
Anguimanos belli docuerunt volnera Poeni
Sufferre, et magnas Marlis turbare catervas.*
T. Lucretius Carus. «De rerum natura», V, vs. 1302

*Там и луканских волов, змееруких и видом ужасных,
С башней на спинах, сносить приучили ранения пуны
И на войне приводить в смятение полчища Марса.*
Тит Лукреций Кар. «О природе вещей», V, vs. 1302

*Ante punicam aciem elephanti castellorum procul speciem
praebebant.*
Titus Livius. «Ab Urbe condita», XXVIII, 14, 4–5

*Слоны перед пунийским строем
издалека казались крепостями.*
Тит Ливий. «История Рима от основания города», XXVIII, 14, 4–5

КОГДА КАРФАГЕНЯНЕ СТАЛИ ИСПОЛЬЗОВАТЬ БОЕВЫХ СЛОНОВ, И К КАКОМУ ВИДУ ПРИНАДЛЕЖАЛИ ЭТИ ЖИВОТНЫЕ?

Согласно наиболее распространенной точке зрения, познакомившись на Сицилии с армией Пирра, карфагеняне отказались от колесниц, широко применявшихся ими до этого, и обзавелись боевыми слонами⁷¹⁴. В соответствии с другой гипотезой, они стали использовать слонов, следуя примеру египетских царей из династии Лагидов⁷¹⁵. Наконец, некоторые полагают, что слоны появились в карфагенских армиях намного позднее, только в ходе Первой Пунийской войны.

П. Д. Арманди подвергает сомнению возможность того, что карфагеняне начали использовать слонов только после встречи с армией Пирра. «Данное предположение, — пишет исследователь, — не опирающееся ни на один достоверный факт, кажется мне неприемлемым. Действительно, у карфагенян было не более двенадцати лет, чтобы подготовить во внутренних областях Африки места охоты, чтобы привести в Карфаген слонов, которые были пойманы, укротить их, выдрессировать, собрать несколько сотен животных и, наконец, чтобы вся эта служба была организована в широкую сеть, какой она была к началу Первой Пунийской войны. Более вероятно, что они задумались об этом сразу же, как только увидели, что Лагиды утвердились в Александрии; в таком случае у них было более тридцати лет, чтобы оценить преимущества и недостатки подобного нововведения. Можно, впрочем, предположить, что они решились окончательно принять его только после того, как увидели пример в колониях, основанных в Африке Птолемеем Филадельфом»⁷¹⁶.

Подобное возражение представляется вполне вероятным, однако не будем забывать, что Лагиды только в 280 г. до н. э. основали свою первую колонию, предназначенную для отлова слонов. Поэтому, даже если карфагеняне действительно были вдохновлены их примером, это ничего не меняет, поскольку спустя всего два неполных года Пирр высадился в Сицилии, и им пришлось перейти от раздумий по поводу пользы или вреда от проведения военной реформы к практическим действиям, направленным на ее осуществление. Даже если к этому времени в Карфагене

был поставлен вопрос об организации собственной элфантерии, после столкновения с эпирской армией он оказался решен сам собой в пользу нового вида войск. Относительно краткости срока, остававшегося до начала Первой Пунийской, можно заметить, что 10–12 лет пунийцам вполне хватило бы, если бы для подготовки корнаков и дрессировки животных, отловленных в Африке, они получили несколько уже обученных слонов и корнаков-индийцев из Египта. Опыт одомашнивания слонов в Бельгийском Конго — вполне наглядное доказательство этому⁷¹⁷.

Н. Говерс и Г. Х. Скаллард отмечают, что контакты с Египтом у Карфагена в начале III в. до н. э. были весьма тесными. Хотя продавать слонов было недостойно египетских царей, однако уже Птолемей Филадельф мог отправить карфагенянам нескольких животных в качестве подарка, а Птолемей Эвергет мог оказать им помощь, предоставив какое-то количество индийских слонов, захваченных в войне с сирийцами⁷¹⁸.

По мнению А. Берто, нет никаких доказательств, что отлов слонов был начат пунийцами ранее середины III в. до н. э. Вопреки сообщению Диодора Сицилийского [Diod., XXIII, fr. 8] о 60 слонах, находившихся в Сицилии в составе армии Ганнона⁷¹⁹, А. Берто высказывает сомнение относительно того, что в начале Первой Пунийской войны у карфагенян были слоны⁷²⁰. Согласно его теории, эти животные в большом количестве были доставлены в Карфаген из Азии накануне битвы при Тунете (255 г. до н. э.). Затем они приняли участие в сражении при Панорме (251 г. до н. э.). После того как карфагеняне потеряли всех своих индийских слонов, они начали отлавливать и приручать африканских.

А. Берто полагает, что это был не единственный случай, когда пунийцы прибегали к покупке индийских слонов. Ввиду того что Полибий и Ливий называют корнаков Ганнибала *индами*, исследователь приходит к выводу, что слоны в его армии были азиатской породы, как и те, с которыми Гасдрубал перешел Альпы и которые приняли участие в битве при Метавре⁷²¹.

Хотя возможность получения карфагенянами нескольких азиатских слонов из Египта весьма велика, однако нельзя предполагать, что это делалось для использования их в сражениях. Пунийцам не было для этого нужды, поскольку, с одной стороны, им не приходилось опасаться конкуренции слонов противника, а с другой — у них не было никаких оснований сомневаться в пригодности для участия в военных действиях тех животных, которые в огромном количестве обитали в Мавритании, Тингитане и Нумидии.

Можно еще понять желание египетских царей обзавестись слонами азиатской породы, поскольку при постоянных войнах с Селевкидами они

не могли не видеть, что их молодые и плохо подготовленные африканцы по боевым качествам сильно уступают слонам противника. Однако даже для Птолемеев доставка слонов по морю из Индии (сухим путем это сделать не позволили бы сирийцы) была бы сопряжена с совершенно непреодолимыми трудностями технического характера, не говоря уже об огромных финансовых затратах. Если бы карфагеняне вздумали приобретать индийских слонов у египтян, то за каждое животное им пришлось бы платить баснословную цену. Такие расходы были совершенно непроизводительными, да и к тому же подобные поставки не могли иметь регулярного характера.

Следующий вопрос: сколько времени заняла бы доставка сотни слонов, принявших участие в битве при Тунете, из Индии в Северную Африку? Чтобы определить это, нужно учитывать время на подготовку экспедиции в Индию, время на ведение переговоров и заключение торговой сделки и, наконец, время, которое ушло бы на обратную дорогу⁷²². Пока все это происходило, римляне успели бы уже сравнять Карфаген с землей. Опять же, практически неразрешимой видится финансовая проблема: средств, необходимых на снаряжение огромного флота, покупку и содержание животных, наем корнаков и т.д., хватило бы, наверно, на то, чтобы нанять не одну армию.

И последнее. Выше мы уже рассказывали, что когда бельгийцы в 1879 г. отправили в Африку индийских слонов, те умерли от непривычного климата. Трудно даже представить себе, сколько животных могло погибнуть во время длительного морского путешествия и пребывания затем на африканской территории. Суммируя все выше сказанное, остается признать, что нужно было лишиться рассудка, чтобы отправиться за помощью в Индию, когда враг стоял у ворот Карфагена.

Г. Х. Скаллард и Н. Говерс, основываясь на данных нумизматики, относящихся предположительно к эпохе Второй Пунийской войны, считают факт присутствия азиатских слонов в карфагенской армии практически подтвержденным. Одно из доказательств в пользу подобной гипотезы — маленькая бронзовая монета, обнаруженная в долине р. Кланис в Этрурии, где проходила армия Ганнибала, на аверсе которой представлена голова негра, а на реверсе — слон, имеющий явные признаки азиатского вида (маленькие уши и выгнутая спина)⁷²³. Поскольку монета была выпущена в Этрурии, трудно предполагать ее связь с Пирром⁷²⁴, и ее приписывают Ганнибалу или его влиянию⁷²⁵. Такие монеты выпускались, по всей видимости, после 218 г. до н. э.⁷²⁶

Голова негра на монете появилась, видимо, не случайно. Считается, что это изображение корнака. По мнению Г. Х. Скалларда, оно свидетельствует

о том, что туземцы в карфагенской армии со временем заменили индийцев⁷²¹. Однако, если бы это было так, то корняк на монете был бы не негром, а бербером⁷²⁸. Поэтому считается более вероятным, что изображение негра указывает на африканское происхождение самой монеты⁷²⁹. Вместе с тем мастер, делавший ее, не мог не знать, как выглядят африканские слоны (в крайнем случае, он скопировал бы изображение с испанских монет Баркидов). Считается, что он умышленно постарался изобразить виденное им животное по возможности точно⁷³⁰. Подобные рассуждения подводят Н. Говерса и Г. Х. Скалларда к выводу, что в армии Ганнибала был по меньшей мере один индийский слон⁷³¹. Поразительно, что исследователи не остановились на сделанном выводе, но дошли в своих предположениях до того, что смогли даже обнаружить в литературных источниках упоминание об этом уникальном животном и определить его имя. Оказывается, это был тот самый, единственный оставшийся в живых слон, на котором Ганнибал переправился через болота Этрурии. Его звали Сур, по-латински — *Surus*, что, согласно мнению Н. Говерса и Г. Х. Скалларда, должно пониматься как Сириец⁷³². Согласно Плинию, об этом слоне, как о самом храбром в пунийской армии, сообщал в своих *Анналах* Катон [Plin., NH, VIII, 11].

Какой бы привлекательной ни казалась эта гипотеза, она вряд ли может быть принята на вооружение. И если быть максимально педантичным, то нужно вспомнить о Ювенале, согласно которому, Ганнибал ехал верхом на «гетулийском» слоне [Juvenal., X, vs. 157]. Далее, не будем забывать, что по-латински сириец — это все-таки не *Surus*, а *Syrus* (Сир, или Сюр). Странно к тому же, что карфагеняне стали бы называть своего слона латинским словом. Логичнее допустить, что *Surus* Катона — лишь латинизированное пунийское слово, значение которого никак не связано с Сирией. Это подтверждается и словами самого Плиния, утверждающего что слон был так назван из-за отсутствия у него одного бивня [Plin., NH, VIII, 11]⁷³³.

Другими нумизматическими свидетельствами присутствия индийских слонов в карфагенской армии иногда считаются три уже упоминавшихся выше монеты — с головой Гермеса, Артемиды и Геракла на аверсе и слонем, несущим башню на реверсе. Предполагается, что Ганнибал использовал их в качестве пропаганды, показывая таким образом, что он надеется в скором времени получить помощь из Африки, в том числе и слонами⁷³⁴. По другой версии, монеты с изображением слона стали выпускаться после того, как в 215 г. до н. э. Ганнибал получил подкрепления из Карфагена. Исследователи, полагающие, что на монетах представлен индийский слон, считают это свидетельством того, что среди прибывших к Ганнибалу животных были и представители азиатского вида,

полученные карфагенянами от Птолемея IV и захваченные в битве при Рафии⁷³⁵.

Несогласие ученых по поводу того, какой же вид слона представлен на трех названных монетах, показывает, что их нельзя привлечь в качестве неоспоримого доказательства использования карфагенянами индийских слонов. Относительно этих монет можно сказать только то, что на них изображен слон с башней на спине. Но даже если бы на монетах, выпущенных в III в. до н. э. в Италии, были слоны, имевшие характерные признаки азиатского вида, вряд ли это существенно изменило бы картину ввиду того, что сами эти изображения могли только повторять изображения чужеземных монет, в частности сирийских царей.

Литературные источники ничего не говорят об использовании карфагенянами индийских слонов. Вместе с тем в них есть указание на то, что пунийцы отлавливали слонов в Нумидии, на территории которой эти животные водились в большом количестве [Frontin., IV, 7, 18]⁷³⁶. Если молчание основных античных историков относительно башен на карфагенских слонах принимается некоторыми исследователями за аргумент *ex silentio* в пользу отсутствия таковых, то почему тот же самый аргумент не может быть выдвинут в качестве доказательства того, что у карфагенян не было индийских слонов?

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ОТНОСИТЕЛЬНО КОЛИЧЕСТВА СЛОНОВ В КАРФАГЕНСКИХ АРМИЯХ ДО НАЧАЛА ВТОРОЙ ПУНИЙСКОЙ ВОЙНЫ

Карфагеняне очень быстро оценили преимущества нового вида войск и в дальнейшем всегда придавали ему большое значение. Согласно сообщению Аппиана, в стойлах, обустроенных пунийцами в городских стенах, обычно находилось 300 слонов (App., Lib., XIV, 95; Strab., XVII, 3, 15). Несомненно, где-то поблизости были образованы и загоны для дрессировки огромных зверей⁷³⁷.

Количество слонов, принимавших участие в сражениях на стороне карфагенских армий в Первой Пунийской войне и в период между двумя войнами, было очень велико. Мы уже упоминали, что Ганнон высадился на Сицилии с армией, в составе которой было 60 слонов (262 г. до н. э.). В двух последовавших вслед за этим сражениях с римлянами 30 слонов были убиты и 3 ранены [Diod., XXIII, fr., 8]. Полибий сообщает

нам лишь о последней битве, состоявшейся под Акрагантом, в которой у карфагенян оставалось около 50 огромных зверей [Polyb., I, 19, 2]. «Сражение длилось долго, пока наконец римляне не обратили в бегство карфагенских наемников, сражавшихся в первых рядах. Когда бежавшие устремились на слонов и на задние ряды, все войско финикиян пришло в смятение. Бегство сделалось всеобщим, большинство карфагенян было истреблено, и лишь немногие спаслись в Гераклею; римляне захватили большую часть слонов и весь обоз» [Polyb., I, 19, 9–12; пер. Ф. Г. Мищенко]. Согласно версии Зонары, римляне устроили карфагенянам засаду. Ганнон подошел к их лагерному валу и простоял здесь до наступления вечера, вызывая противника на бой; когда же карфагенская армия стала отходить назад, римляне неожиданно напали на нее, выйдя одновременно из засады и из лагеря [Zon., VIII, 10]⁷³⁸.

Карфагеняне очень быстро восполнили понесенный урон и спустя всего несколько лет смогли противопоставить легионам Регула 100 слонов (255 г. до н. э.). Одержав победу при Тунете (Баграде), они отправили в Сицилию новую армию, в которой этих животных было уже 140 [Polyb., I, 38, 3]. Под Панормом эта армия была наголову разбита (252 г. до н. э.), и все пунийские слоны достались в качестве трофея римлянам.

К концу Первой Пунийской войны карфагеняне снова смогли обзавестись внушительным количеством огромных зверей, и когда в Африке вспыхнуло восстание наемников (241–238 гг. до н. э.), они бросили против мятежников более сотни слонов [Polyb., I, 74, 3]. Расправившись с наемниками, пунийцы начали масштабное завоевание испанских территорий. Успеху этого предприятия определенно способствовало неизменное присутствие в их армиях слонов. Согласно Диодору, у Гасдрубала, возглавившего после гибели Гамилькара Барки карфагенские военные силы в Испании, было 50 000 пехоты, 6000 всадников и 200 боевых слонов [Diod., XXV, fr. 12].

БИТВА ПРИ ТУНЕТЕ (БАГРАДЕ)

Мы уже отмечали, что наличие большого количества слонов и отсутствие этих животных у их потенциальных противников позволяло карфагенянам прибегать к тактике прорыва вражеского боевого порядка. Трудно сказать, насколько часто пунийцы использовали слонов против неприятельской тяжеловооруженной пехоты. Пожалуй, единственный подробно описанный подобный случай — это битва при Тунете.

Карфагенской армией командовал спартанец Ксантипп. В его распоряжении находилось 12 000 человек пехоты, 4 000 всадников и около 100 слонов.

Фаланга пунийцев была выстроена, очевидно, в соответствии с традиционными правилами греческой тактики, т. е. по 16 человек в глубину, при том что каждый солдат занимал в строю расстояние, равное 3 футам (0,91 м). Поскольку численность тяжеловооруженной карфагенской пехоты не должна была превышать 10 000 человек, то ее фронт занимал пространство около 570 м. Таким образом, слоны стояли перед фалангой с интервалами приблизительно в 5,70 м. По мнению П. Д. Арманди, подобная дистанция была очень мала для столь крупных животных: во время бега они могли бы столкнуться, что стало бы причиной смятения и паники⁷³⁹. Поэтому исследователь полагает, что карфагенский командующий разместил слонов перед фронтом всей армии, намереваясь, вероятно, использовать их для окружения боевого порядка противника⁷⁴⁰. Этот вывод, как кажется, подтверждается словами Полибия [Polyb., I, 33, 6]⁷⁴¹.

Против такой трактовки существуют три аргумента. Во-первых, как следует из описания Полибия, Ксантипп не знал, какова будет диспозиция римлян: он сам выстроил свои войска, предлагая противнику вступить в сражение [Polyb., I, 33, 8]. Во-вторых, римляне имели численное преимущество, и логично было бы предположить, что фронт их армии будет длиннее карфагенского, поэтому Ксантипп не мог рассчитывать охватить противника с флангов. В-третьих, если бы слоны стояли перед фронтом всей пунийской армии, а значит, и перед карфагенской кавалерией, то они неизбежно должны были столкнуться с римскими всадниками, прежде чем напасть с флангов на пехоту. Тем не менее Полибий определенно передает, что римская конница была рассеяна конницей противника, а не его слонами⁷⁴².

Ксантиппу не было никакого смысла растягивать линию слонов вдоль всего фронта армии. Его кавалерия и так количественно и качественно превосходила римскую. В то же время слоны были тогда единственным средством, дававшим надежду на то, что пунийцам удастся противостоять натиску легионов. Поэтому мы должны предположить, что когда Полибий сообщает о δύναμις (силе, войске), то речь в данном случае идет о главной части карфагенской армии, т. е. только о ее тяжеловооруженной пехоте. Кавалерию и отряды наемников в это понятие историк не включает.

В действительности интервалы в 5–6 м, оставленные между животными, вполне допустимы. Выше мы уже отмечали, что Каутилья считает возможным оставлять между слонами всего 2,5 м. Можно также допустить, что Ксантипп построил фалангу не в виде сплошной линии, а по отдельным хилиархиям (отрядам в 1000 человек), оставив между ними интервалы, предписанные для подобного построения⁷⁴³. Это делало более протяженным фронт карфагенской армии, позволяло разместить слонов

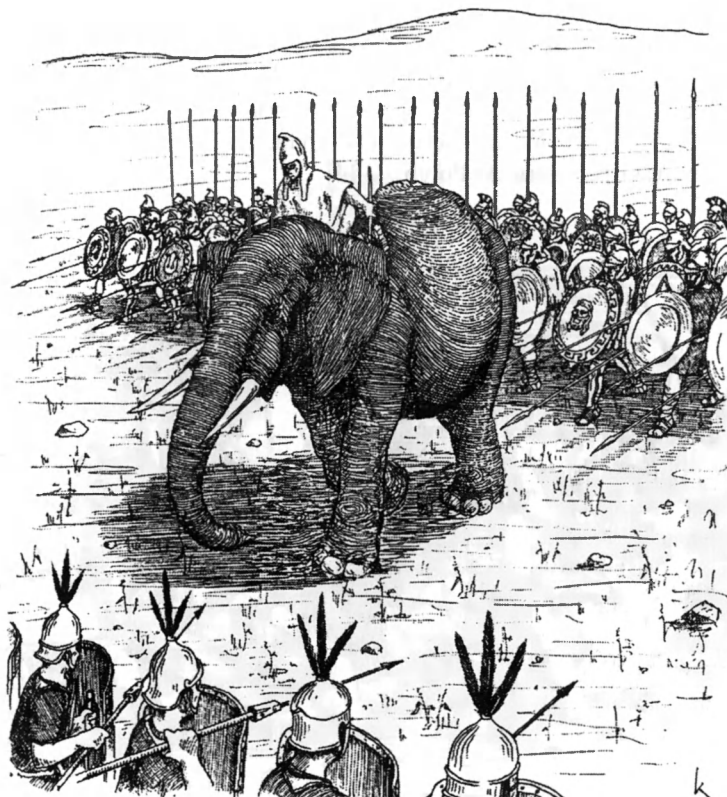

на необходимом расстоянии друг от друга и в случае, если бы они получили отпор, оставить животным пути отступления, не подвергая риску собственный боевой порядок.

Фалангу, соблюдая необходимые меры предосторожности, Ксантипп развернул, очевидно, на достаточно большом расстоянии за линией слонов. Наемники заняли место справа от тяжеловооруженных воинов, а конница и легкая пехота были поставлены на флангах, немного впереди линии фронта фаланги [Polyb., I, 33, 6–7]. Фронтин не согласен с Полибием относительно того, какое место Ксантипп отвел легковооруженным. По его версии, они занимали первую линию боевого порядка и должны были, забросав противника дротиками, отступить за фалангу, чтобы потом вновь напасть на неприятеля с флангов [Frontin., II, 3, 10]. Если карфагенская фаланга была разделена на отдельные хилиархии, между которыми оставались интервалы, то тогда версия Фронтинна представляется вполне логичной: легковооруженные воины могли отступать в проходы между звеньями фаланги. К тому же размещение стрелков и метателей дротиков перед строем тяжеловооруженной пехоты объясняет, почему карфагенский полководец выдвинул вперед фланги: вероятно, он желал оставить с каждой стороны строя проход, отойдя по которому, легкая пехота могла бы встать позади кавалерии⁷⁴⁴. Такова была диспозиция карфагенян.

Римская армия под командованием консула Марка Аттилия Регула насчитывала, согласно одним данным, 15 000 человек пехоты и 500 всадников, согласно другим — 30 000 солдат. Полибий утверждает, что консул, опасаясь атаки слонов, поставил впереди легкую пехоту, а позади нее — плотными рядами манипулы тяжеловооруженных легионеров. Вероятно, Регул подвел как можно ближе манипулы гастатов, принципов и триариев и разместил их в точности друг за другом⁷⁴⁵. В результате римский строй получился короче карфагенского, зато плотнее и глубже [Polyb., I, 33, 9]. Конница была размещена на обоих флангах.

Атаку начали карфагеняне: «Лишь только Ксантипп отдал приказание вести слонов вперед и разорвать неприятельские ряды, а коннице велел окружить неприятеля с обоих флангов и напасть на него; тогда же и римляне по существующему у них обычаю забряцали оружием и с дружным криком ударили на неприятеля. Карфагенская конница была гораздо многочисленнее римской, а потому римская скоро на обоих флангах обратилась в бегство. Что касается пехоты, то левый фланг ее, частью из желания уклониться от нападения слонов, частью из презрения к наемникам, ударил в правый фланг карфагенян, принудил их к отступлению и гнался за ними по пятам до самого лагеря» [Polyb., I, 34; пер. Ф. Г. Мищенко].

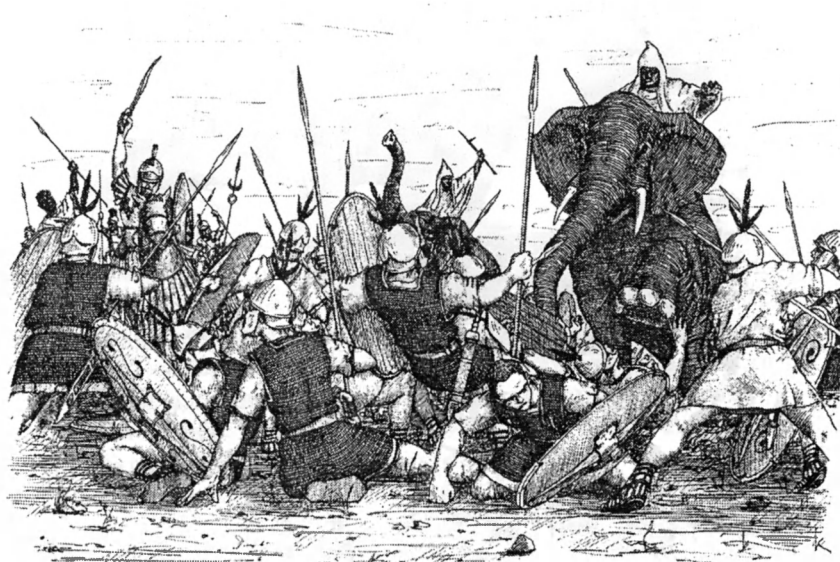
Битва при Тунете. Начало сражения

Рис. И. В. Кирсанова

Слоны сразу же опрокинули передние ряды римлян, состоявшие из велитов, и яростно обрушились на тяжеловооруженных воинов. Но благодаря плотности построения огромные звери не смогли сразу же разорвать римский боевой порядок. Некоторым из легионеров удалось даже пробиться между слонами, однако когда они оказались за спинами животных, то увидели перед собой стройные ряды карфагенской фаланги, еще не вступившей в сражение. В то же самое время пунийская конница атаковала оставшиеся без прикрытия легионы с флангов.

Не в силах сопротивляться противнику, наседавшему на них с трех сторон, римляне обратились в бегство. Поскольку сражение происходило на открытой равнине, почти все они были перебиты кавалерией

пунийцев или раздавлены слонами. Спасти удалось только консулу с отрядом в 500 солдат, но и их спустя некоторое время захватили в плен. Из всей римской армии в живых осталось только 2000 человек, которые в начале сражения заставили бежать наемников. Карфагеняне потеряли около 800 человек из числа наемников, подвергшихся нападению левого крыла пехоты противника [Polyb., I, 34].

Битва при Тунете. Слоны опрокидывают строй римской пехоты

Рис. И. В. Кирсанова

Удалось ли слонам в конечном итоге прорвать густой строй римской легионной пехоты? Полибий сообщает, что они опрокинули только передние ряды, и римляне продолжали сопротивляться этим колоссам до тех пор, пока не столкнулись с карфагенской фалангой. Впрочем, ниже историк утверждает как раз обратное и заявляет, что слоны разорвали римский боевой порядок [Polyb., I, 39, 11].

Ф. У. Уолбанк полагает, что под первыми рядами нужно понимать легковооруженных велитов, и именно они и были обращены в бегство⁷⁴⁶. У. У. Тарн, напротив, думает, что битва при Тунете продемонстрировала эффективность использования слонов против фаланги тяжеловооруженных легионеров⁷⁴⁷.

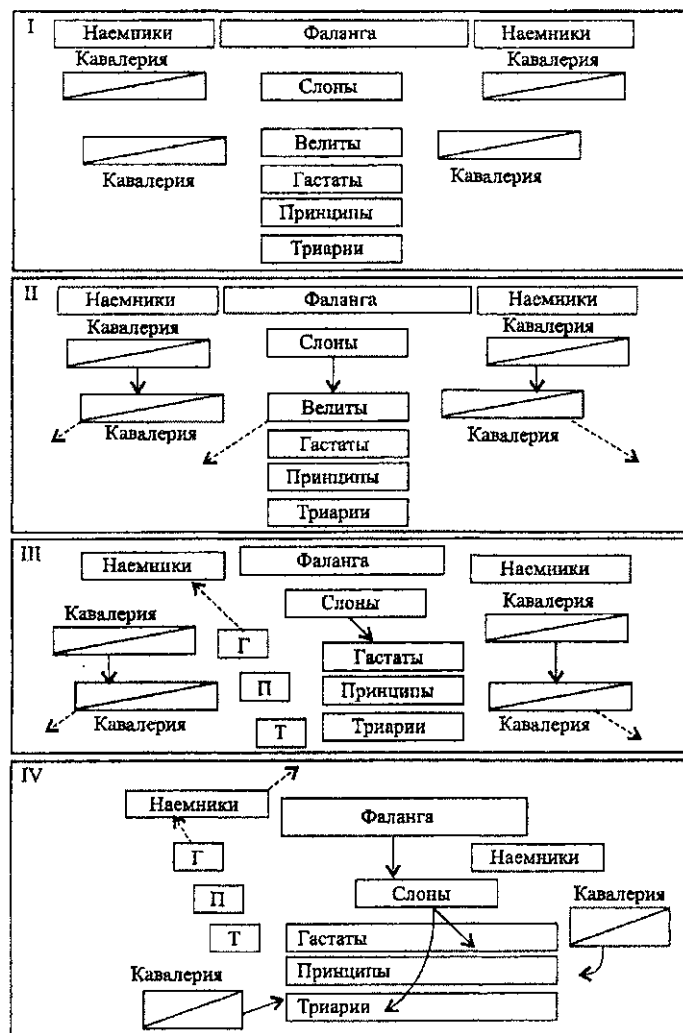

Схема сражения при Тунете

I — первоначальная диспозиция; II — Ксантипп посылает вперед кавалерию и слонов; III — велиты Регула рассеяны; его кавалерия отступает; однако левое крыло его пехоты, избежав столкновения со слонами, атакует правый фланг Ксантиппа; IV — левое крыло римской пехоты обращает в бегство карфагенян; слоны прорывают римский порядок в центре, а кавалерия наносит ему удар с тыла

Как бы там ни было, это сражение произвело сильнейшее впечатление на противников карфагенян. «Когда среди римлян, — пишет Полибий, — распространилась молва о том, что слоны в ливийской битве разорвали боевую линию и растоптали множество воинов, они были так напуганы, что в продолжение двух лет, следовавших за этими событиями, они у Лилибея ли то, или в окрестностях Селиннунта строились в боевой порядок на расстоянии пяти-шести стадий от неприятеля и в страхе перед нападением слонов ни разу не отважились ни начать битву, ни спуститься на равнину» [Polyb., I, 39, 12; пер. Ф. Г. Мищенко]. Этот страх рассеялся только после того, как римляне одержали решительную победу, и прежде всего над вражескими слонами в битве при Панорме.

БИТВА ПРИ ПАНОРМЕ

Не менее сильное впечатление победа при Тунете произвела и на карфагенян: они увидели, как армия, еще недавно угрожавшая самому существованию их республики, была уничтожена практически полностью. Вероятно, именно с этого момента карфагеняне еще в большей мере, стали полагаться на своих слонов. Чтобы окончательно решить вопрос о том, кому же должна принадлежать Сицилия, они отправили на остров армию, в составе которой было такое количество четвероногих гигантов, которое карфагеняне никогда не выставляли прежде и которого никогда уже не выставят потом.

Гасдрубал, командовавший карфагенскими войсками, имел в своем распоряжении 140 слонов и многочисленные войска, состоявшие главным образом из галлов и испанцев. Видя страх римлян перед слонами, он становился все самоувереннее и все настойчивее стремился навязать противнику генеральное сражение. Опустошая все на своем пути, Гасдрубал подошел к Панорму, одной из стратегически важных позиций римлян на острове. Консул Луций Цецилий Метелл решил заставить противника вступить с ним в бой под самыми стенами города, чтобы римские солдаты могли поражать слонов с высоты укреплений.

После того как римляне не выступили навстречу карфагенской армии, Гасдрубал переправился через реку, протекавшую перед городом. «Когда карфагеняне перевели слонов и войско, Цецилий отрядил легковооруженных воинов и тревожил неприятеля до тех пор, пока Гасдрубал не вынужден был выстроить в боевом порядке все свое войско. Таким образом, план Цецилия удался. Тогда он поставил часть легковооруженных воинов перед стеною и канавою и отдал приказ нещадно пускать стрелы

в слонов, если они будут наступать на них, если же будут подаваться назад, то бежать в канаву и оттуда метать стрелы в приближающихся животных. Находившимся на площади кузнецам он велел сносить метательное оружие и класть его снаружи стены у основания. Сам Цецилий с легионными солдатами стоял у ворот против левого неприятельского крыла, посылая легковооруженным воинам все новые и новые подкрепления. Когда битва разгорелась, вожатые слонов, соревнуя Гасдрубалу и желая себе стяжать честь победы, устремились на передовой отряд, легко обратили его в бегство и преследовали до канавы. Нападающие слоны получали раны от стрелков, поставленных на стене; вместе с тем в них метали с ожесточением и в массе дротики и копья те свежие еще воины, которые в боевом порядке стояли впереди канавы. Тогда, поражаемые со всех сторон дротиками и раненые, звери вскоре пришли в иступление и, повернув назад, кинулись на своих, причем отдельных воинов топтали и давили, а ряды их приводили в беспорядок и разрывали. При виде этого Цецилий выступил поспешно с своим войском, нетронутым еще и стройным, ударил с фланга на расстроенные ряды неприятелей и вынудил их к поспешному отступлению, при этом многих карфагенян перебил, остальных обратил в стремительное бегство. Десять слонов вместе с индийцами были взяты в плен; остальные скинули с себя индийцев и, окруженные конницею, были все захвачены после сражения» [Polyb., I, 40, 6–15; пер. Ф. Г. Мищенко]. Евтропий утверждает, что римляне захватили 26 слонов, а остальных, разбежавшихся после гибели погонщиков, поймали при помощи своих нумидийских союзников [Eutrop., II, 24, 1].

Несомненно, победа римлян под Панормом имела важные последствия, повлиявшие на ход всей войны. Во-первых, она оказала сильнейшее моральное воздействие как на победителей, так и на побежденных. Согласно Полибию, когда в Рим пришла весть об одержанной победе, среди жителей началось ликование «не столько потому, что с потерей слонов силы неприятеля были ослаблены, сколько потому, что победа над слонами ободрила собственных их граждан» [Polyb., I, 41, 1; пер. Ф. Г. Мищенко]. Всего в триумфальной процессии по Риму было проведено 130 гигантских зверей [Eutrop., II, 24, 1]. В Карфагене же шок от понесенного поражения был столь велик, что пунийцы тут же освободили захваченного ими консула Регула и отправили его в Рим, чтобы просить мира [Eutrop., II, 24, 2]. Вторым немаловажным фактором явилось резкое ослабление карфагенской военной мощи, указание на которое содержится как у Полибия, так и у Евтропия.

Вместе с тем нельзя не признать, что причина поражения карфагенян заключалась не в недостатках или неэффективности их элевфантерии, а в неумелом командовании и слабой дисциплине в рядах армии.

РОЛЬ СЛОНОВ ВО ВРЕМЯ ПОДАВЛЕНИЯ ВОССТАНИЯ НАЕМНИКОВ

Гораздо больше можно сказать, анализируя результаты действий слонов при подавлении восстания наемников, которое вспыхнуло из-за того, что истощенное карфагенское государство не имело средств расплатиться со своими солдатами. Уже в самом начале восстания в бою под Утикой (238 г. до н. э.) пунийцы с успехом использовали слонов при штурме вражеского лагеря. «Лишь только слоны ворвались в лагерь, — передает Полибий, — неприятели не могли выдержать их тяжелого натиска и все бежали из лагеря. Многие при этом пали от ран, нанесенных зверями; уцелевшие воины утвердились на сильно поросшем растительностью холме, полагаясь на неприступность местности» [Polyb., I, 74, 5–6; пер. Ф. Г. Мищенко].

О том, какую большую пользу можно было извлечь из участия в военных действиях огромных четвероногих, особенно если эти действия ведутся против плохо организованной толпы, продемонстрировала битва при Макаре (238 г. до н. э.). Преамбула ее такова. С остальной частью Африки Карфаген связывала узкая полоска земли, покрытая холмами. Чтобы полностью блокировать город с суши, восставшие заняли эти холмы сторожевыми постами. Путь, который вел из Карфагена в Африку, в нескольких местах пересекала р. Макар, непроходимая вброд из-за обилия воды. Но через реку был наведен мост. Чтобы обеспечить надзор за переправой, восставшие построили у этого моста форт. Таким образом, карфагеняне не имели никакой возможности получить помощь от своих африканских союзников. Выход из затруднительного положения был найден карфагенским командующим Гамилькар, заметившим что когда в определенном направлении дует сильный ветер, воды Макара отступают, и таким образом у самого устья реки образуется переход [Polyb., I, 75, 8]. Дождавшись благоприятного момента, Гамилькар вывел свою армию, насчитывавшую около 10 000 солдат и 70 слонов [Polyb., I, 75, 3], из города и направился к мосту. Узнав о наступлении карфагенян, Спендий, командовавший восставшими наемниками, приказал десяти тысячному отряду выдвинуться из форта у моста, а второй отряд, численностью в 15 000 человек, должен был двигаться на соединение с первым со стороны Утики.

Ход битвы изложен у Полибия следующим образом: «Сошедшись на близком расстоянии и вообразив, что в середине между ними заключены карфагеняне, наемники наскоро обменялись советами и ободрениями и бросились на врага. Между тем Гамилькар продолжал свой путь: впереди шли слоны, за ними следовали конница и легкие отряды, а позади

Карфагеняне захватывают лагерь восставших наемников

Рис. И. В. Кирсанова

всего — тяжеловооруженные воины. Когда он увидел, что неприятель с жаром несется на них, то командовал всем частям войска оборотить тыл: передним рядам приказал повернуть назад и поспешно отступать; тем же, которые вначале находились позади, командовал полуоборот и мало-помалу поставил их лицом к лицу против неприятеля. Ливияне и наемники думали, что неприятель в страхе бежит, в беспорядке стали

напирать на карфагенян и с ожесточением шли врукопашную. Но вдруг карфагенская конница, повернув лошадей, приблизилась к отряду, обращенному против неприятеля, и стала подле; в то же время двигалось и остальное войско. Неожданная перемена движения поразила ливиян, и они, только что преследовавшие неприятеля, в беспорядке и врассыпную теперь отступали и бежали. При этом одни из них наталкивались на задние ряды, сбивали их с ног, гибли сами и губили своих же; большинство было раздавлено напиравшею с тыла конницею и слонами. Ливиян и наемников пало около шести тысяч человек, взято в плен около двух тысяч» [Polyb., I, 76, 2–11; пер. Ф. Г. Мищенко].

После понесенного поражения мятежники стянули отовсюду свои силы и вновь вступили в сражение с армией Гамилькара. Карфагеняне опять одержали победу — благодаря тому что слоны, как пишет Полибий, «прекрасно сражались» [Polyb., I, 78, 11]. В этом столкновении было уничтожено 10 000 восставших и около 4000 взято в плен [Polyb., I, 78, 12]. Силы мятежников еще не были сломлены, и они даже осадили Карфаген. Однако Гамилькар со своей армией стал препятствовать подвозу съестных припасов в лагерь врагов. Это вынудило их снять осаду.

Некоторое время спустя 50 000 восставших выступили в новый поход. Из страха перед слонами и конницей карфагенян они избегали равнин и старались захватывать гористые местности и ущелья. Карфагеняне неоднократно наносили неприятелю урон, пока наконец не заперли врага в неудобной для него местности под названием Прион. Когда повстанцы были доведены голодом до изнеможения, Гамилькар окружил их слонами и приказал всех уничтожить. Около 40 000 человек было в тот день растоптано ногами огромных животных или изрублено мечами карфагенских солдат [Polyb., I, 84–85]. Вскоре после этого у города Лептин между восставшими и карфагенянами произошла решительная битва (237 г. до н. э.). Победу одержали последние. Большинство восставших пало в бою, а их вождь Матос был захвачен в плен [Polyb., I, 87–88].

УЧАСТИЕ СЛОНОВ ПРИ ЗАВОЕВАНИИ ИСПАНИИ

Нам мало что известно конкретного об использовании карфагенянами слонов в период после восстания наемников и до начала Второй Пунийской войны. Выше мы уже отмечали, что в созданной ими военной группировке на Пиренейском полуострове находилось весьма значительное количество этих животных. Однако к началу новой войны с Римом в Испании оставалось всего 58 слонов: 37 из них отправились

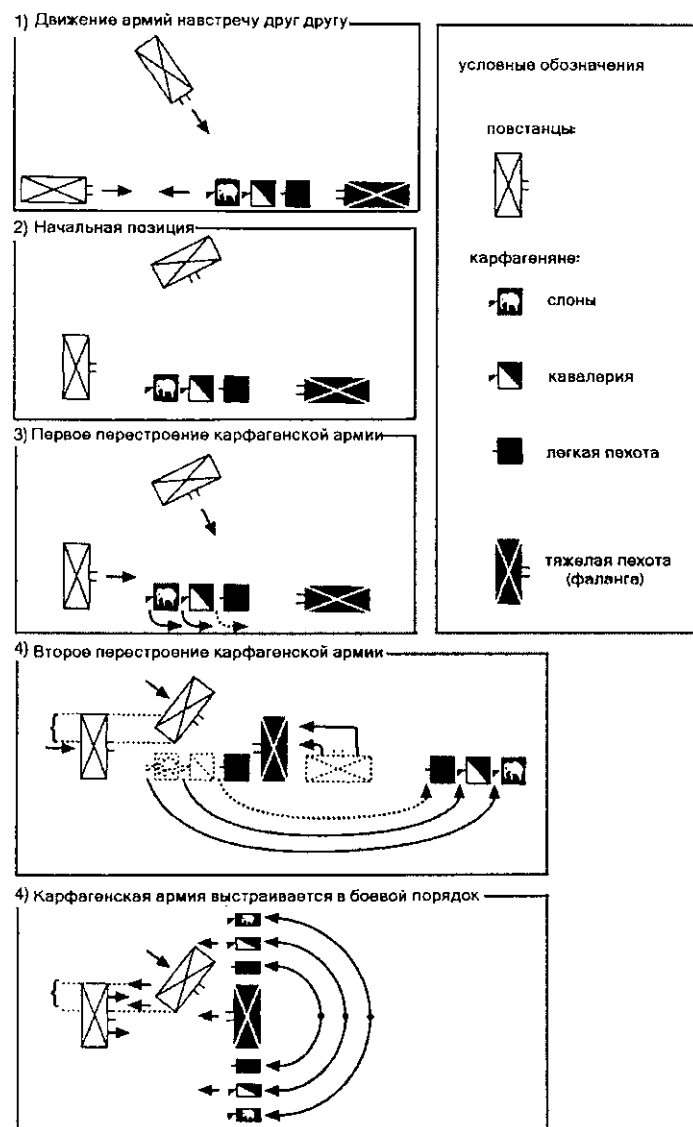

Схема сражения при Макаре
(Приводится по: Brizzi G. Il guerriero, l'oplita, il legionario.
Gli eserciti nel mondo classico. Bologna, 2008. P. 64)

с Ганнибалом в Италию, 21 остался в составе армии, защищавшей карфагенские владения на Пиренейском полуострове [Liv., XXI, 22, 1–3]. Такое резкое сокращение численности огромных четвероногих свидетельствует о том, что завоевание Испании давалось карфагенянам нелегко и стоило им больших потерь, в том числе и среди слонов.

Единственное сражение, получившее отражение в наших источниках, — это битва между карфагенянами под командованием Ганнибала и карпетанами, состоявшаяся у р. Таг (220 г. до н. э.). Варвары решили напасть на отягощенных добычей пунийцев, когда те возвращались в Новый Карфаген из похода против племени вакцеев. Карпетанов и их союзников было около 100 000 человек [Polyb., III, 14, 8; Liv., XXI, V, 11]. Ганнибал предпочел уклониться от боя и разбил лагерь на берегу Тага. Ночью он переправил всю свою армию на другой берег и занял там укрепленную позицию. Полагая, что варвары попытаются также переправиться через реку, Ганнибал расположил на берегу слонов, которых у него было 40 [Liv., XXI, V, 9–10]. Когда карпетаны действительно стали переправляться, большинство их было истреблено слонами, давившими всякого, кто выбирался из реки [Polyb., III, 14, 6].

В «военной истории слонов» Вторая Пунийская война занимает особое место. «Было немного войн, — пишет П. Д. Арманди, — в которых слонов использовали столь же широко, как во Второй Пунийской войне. Карфагеняне выводили на поле боя этих страшных животных во время шестнадцати кампаний в Италии, Испании и Африке»⁷⁴⁸. Кроме непосредственного участия слонов в боевых действиях эта война отмечена двумя событиями, поразившими воображение античных историков и вызвавшими споры среди современных исследователей: переправа через Родан и переход через Альпы.

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ РОДАН

Первым серьезным испытанием, выпавшим на долю громадных зверей, стала переправа через р. Родан⁷⁴⁹. Существуют две различные версии, касающиеся этого предприятия. Обе переданы нам Титом Ливием: «Относительно переправы слонов, полагаю я, предлагались различные планы: по крайней мере, источники на этот счет не согласны. По иным, слоны предварительно все были собраны на берегу; затем самый сердитый из них, будучи приведен в ярость своим провожатым, бросился за ним; провожатый бежал в воду, слон последовал за ним туда и своим примером увлек все стадо; если же животные попадали

в глубокие места и теряли брод, то само течение реки относило их к другому берегу. По более достоверным известиям, они были перевезены на плотях; действительно, такая мера, если бы пришлось затевать дело теперь, показалась бы более безопасной, а потому и в данном случае, когда идет речь о делах прошлого, она внушает больше доверия. Плот длиною в двести футов, а шириною в пятьдесят был укреплен на берегу так, чтобы он вдавался в реку; а чтобы его не унесло течением вниз, его привязали крепкими канатами к высокой части берега. Затем его, наподобие моста, покрыли землею, чтобы животные смело вошли на него, как на твердую почву. К этому плоту привязали другой, одинаковой с первым ширины, а длиною в сто футов, приспособленный к переправе через реку. Тогда слонов погнали по первому плоту, как по дороге, причем самок пустили вперед; когда же они перешли на прикрепленный к нему маленький плот, тотчас же канаты, которыми он был не особенно прочно соединен с первым, были развязаны, и несколько легковых судов потянули его к другому берегу. Высадив первых, вернулись за другими и перевезли их. Они шли совершенно бодро, пока их вели как бы по сплошному мосту; но когда один плот был отвязан от другого и их вывезли на середину реки, тут они обнаружили первые признаки беспокойства. Они сплотились в одну кучу, так как крайние отступали от воды как можно дальше, и дело не обошлось без некоторого замешательства: но, наконец, под влиянием самого страха водворилось спокойствие. Некоторые, правда, взбесились и упали в воду; но и они вследствие своей тяжести не теряли равновесия и только сбросили провожатых, а затем мало-помалу, отыскав брод, вышли на берег» [Liv., XXI, 28, 5–12; пер. Ф. Ф. Зелинского].

Вторая версия переправы, приведенная Ливием, вызывает гораздо больше доверия, чем первая, и практически в точности повторяет рассказ Полибия. Греческий историк добавляет интересную подробность, касающуюся упавших в воду слонов: «...Все, что были при них индийцы, погибли, но животные были спасены. Ибо благодаря своей силе и длине хоботов, которые они держали на поверхности воды, которыми вдыхали воздух и выбрасывали всю попавшую в них воду, слоны большую часть пути под водою сделали стоя и выходили невредимыми на берег» [Polyb., III, 46, 12; пер. Ф. Г. Мищенко].

Оба рассказа о переправе слонов не могут не вызвать недоумения. Почему нельзя было перевести животных вброд, который был неподалеку, как следует из рассказа Ливия? Это было бы гораздо быстрее и не требовало большого труда. Почему, наконец, не позволить слонам самим переплыть реку? Вероятно, уверенность в необходимости постройки

плотов стала следствием распространившегося в античности благодаря Аристотелю мнения, что слон не умеет плавать.

ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ АЛЬПЫ

Гораздо более серьезным испытанием для слонов был переход через Альпы. Путь, которым Ганнибал достиг Италии, вызывает многочисленные споры, которые начались уже в древности [Liv., XXI, 38, 6–9]. Рассказы Полибия и Ливия зачастую противоречат друг другу. Во времена Полибия воспоминания о переходе карфагенян через Альпы были, очевидно, еще свежи. Поэтому историк не счел нужным дать нам точных указаний относительно пути, по которому прошла пунийская армия. Спустя полтора века существовало уже несколько предположений о том, какую дорогу избрал Ганнибал. Это заставило Тита Ливия уделить особое внимание данному вопросу [Liv., XXI, 38, 5–9]. Ливий не говорит, что почерпнул свои сведения у Полибия. Из этого делается вывод, что оба историка пользовались трудами своих предшественников: Силена, сопровождавшего Ганнибала, Цинция Алимента, попавшего к карфагенянам в плен, и Фабия Пиктора. Сочинения Силена и Фабия Пиктора, возможно, были в большей степени использованы Полибием; Тит Ливий, как кажется, был знаком с ними только через посредство трудов других авторов, особенно Луция Целия Антипатра, который также служил источником для Диона Кассия⁷⁵⁰.

В наше время было выдвинуто большое количество гипотез, наиболее правдоподобными из которых на сегодняшний день признаются следующие: Альпы можно было пройти либо через Малый Сен-Бернар, либо через Мон-Сени, либо через Мон-Женевр⁷⁵¹. Единственное, что можно утверждать с определенной долей уверенности, — это то, что из карфагенского лагеря, разбитого в горах, была видна плодородная долина Пада, которую карфагенский полководец показал своим измученным солдатам перед началом спуска [Polyb., III, 54, 2–3; Liv., XXI, 35, 8]. По мнению А. Бертло, Ганнибал двигался от массива горы Сени к перевалу Клапье: из всех мест, по которым можно пересечь Альпийский хребет, перевал Клапье является единственным, откуда можно увидеть паданскую равнину⁷⁵². Суммируя различные точки зрения, О. А. Амара приходит в конечном итоге к тому же неутешительному выводу, к которому пришли многие исследователи до него: учитывая характер наших источников, дискуссия по этому вопросу является бесполезной⁷⁵³.

Полибий не склонен преувеличивать трудности, встретившиеся на пути карфагенской армии при ее переходе через горы. «Можно ли вообразить себе, — пишет греческий историк, — полководца менее рассудительного и менее ловкого, чем был бы Ганнибал, который, ведя за собою столь многочисленное войско и возлагая на него самые смелые надежды относительно успеха всего предприятия, не знал бы, как говорят эти историки, ни дорог, ни местностей, ни цели похода, ни тех народов, к коим шел, ни того, наконец, возможно ли задуманное им предприятие?» [Polyb., III, 48, 2–3; пер. Ф. Г. Мищенко]. Полибий совершенно прав в том, что переходу через Альпы предшествовала длительная подготовка, во время которой Ганнибал собрал все необходимые ему сведения [Polyb., III, 48, 11]. Он нашел себе опытных и верных проводников и точные карты местности [Polyb., III, 48, 11]. Предполагаемый переход не должен был казаться карфагенянам чем-то из ряда вон выходящим хотя бы потому, что галлы к тому времени уже неоднократно пересекали эти горы, чтобы вести войны с римлянами в Северной Италии. К тому же сами Альпы были достаточно густо заселены [Polyb., III, 48, 6–7]. На слова Полибия мы вполне можем полагаться, поскольку сам историк совершил путешествие через Альпы, осматривал маршрут движения карфагенской армии и говорил с участниками тех событий [Polyb., III, 48, 12]⁷⁵⁴.

Расстояние, которое предстояло пройти карфагенянам, начиная от равнин, лежащих у подножья гор, и заканчивая спуском в долину Пада, составило 1200 стадий, или от 204 до 241 км⁷⁵⁵. Когда пунийцы подошли к Альпам, выяснилось, что проходы были заняты варварами, не желавшими пропускать их. Однако Ганнибал узнал, что неприятели охраняют свои позиции только днем, а ночью уходят в близлежащий город [Polyb., III, 50, 7]⁷⁵⁶. Воспользовавшись их уходом, он занял горные проходы и днем двинулся дальше. Варвары попытались атаковать карфагенян в теснинах, но были разбиты. После этого в течение трех дней армия Ганнибала беспрепятственно продолжала свой путь [Polyb., III, 52, 1–2]. На четвертый день местные варвары напали на нее с тыла, когда карфагеняне переправлялись по трудно проходимому оврагу. Кроме того, двигаясь по горным вершинам, горцы скатывали огромные камни на головы неприятелей [Polyb., III, 53, 5]. Варварам удалось даже разорвать надвое пунийскую армию, и Ганнибал вынужден был провести ночь без конницы и обоза [Liv., XXI, 34, 9]. Однако он отразил нападение, но при этом потери пунийцев в людях и выючных животных оказались очень велики [Polyb., III, 53, 4]. В дальнейшем карфагенянам не приходилось уже сталкиваться с объединенными силами варваров, впрочем, последние не упускали случая, чтобы нападать на движущуюся армию небольшими отрядами то сзади,

то спереди и захватывать вьючный скот. Слоны, как сообщает Полибий, оказали Ганнибалу в этих условиях величайшую услугу, поскольку враги не решались подходить близко туда, где видели этих незнакомых им животных [Polyb., III, 53, 8; ср. Liv., XXI, 35, 3].

Только на девятый день карфагенская армия достигла вершины перевала. Здесь Ганнибал разбил лагерь, в котором оставался два дня, дав отдых солдатам и поджидая отставших [Polyb., III, 53, 9–10]. Полибий сообщает, что приближался заход Плеяды (7 ноября)⁷⁵⁷. Стояла уже глубокая осень. Наступили холода, и к этому времени вершины Альп стали уже покрываться снегом [Polyb., III, 54, 1].

После двухдневного отдыха, на 12-й день перехода, карфагеняне начали спускаться с гор. «Обстоятельства, — пишет Полибий, — сложились как-то особенно необыкновенно: на прежний снег, оставшийся от прошлой зимы, выпал в этом году новый: легко было пробить этот снег ногами, так как он выпал недавно, был мягок и к тому же неглубок. Но пробив верхний слой и ступая по нижнему, отвердевшему, солдаты не пробивали уже нижнего и двигались дальше, скользя обеими ногами: на земле так бывает с людьми, которые идут по дороге, сверху покрытой грязью. Но дальнейшее было еще хуже, именно: люди не могли пробить нижнего снега и потому, когда упавшие старались подняться на ноги и для этого опереться коленями или руками, они скользили еще больше, уже всеми членами разом, так как места были весьма обрывисты. Напротив, когда вьючные животные пытались подняться после падения, то пробивали нижний снег, а пробив стояли неподвижно вместе с ношею, как заледеневшие, частью вследствие собственной тяжести, частью потому что замерзший ранее снег был крепок» [Polyb., III, 55, 1–6; пер. Ф. Г. Мищенко]. Ганнибал был вынужден дать приказ армии остановиться и разбить лагерь. «На следующий день он повел воинов пробивать тропинку в скале — единственном месте, где можно было пройти. А так как для этого нужно было ломать камень, то они валят огромные деревья, которые росли недалеко, и складывают небывалых размеров костер. Обождав затем появления сильного и благоприятного для разведения огня ветра, они зажигают костер, а затем, когда он выгорел, заливают раскаленный камень уксусом, превращая его этим в рыхлую массу. Потом, ломая железными орудиями растрескавшуюся от огня скалу, они делают ее проходимой, смягчая плавными поворотами чрезмерную ее крутизну, так что могли спуститься не только вьючные животные, но и слоны» [Liv., XXI, 37, 2–3; пер. Ф. Ф. Зелинского]⁷⁵⁸. Если верить Аппиану, то дорога, проложенная солдатами Ганнибала, использовалась и в его время и называлась тогда Ганнибалов проход [App., Hannib., 4]. Ганнибалу пришлось потратить здесь четыре дня, в течение

которых слоны очень сильно страдали от холода и отсутствия корма [Polyb., III, 55, 8–9; Liv., XXI, 37, 4]. «Дело в том, — поясняет Полибий, — что альпийские вершины и ближайшие к перевалам места совсем безлесны и обнажены, ибо снег лежит там всегда, зимою и летом; напротив, средние области по обоим склонам гор имеют леса и деревья и вообще удобообитаемы» [Polyb., III, 55, 9; пер. Ф. Г. Мищенко].

По сообщению Полибия, при спуске Ганнибал потерял почти столько же людей, как и при подъеме в горы. С огромными трудностями карфагеняне наконец вступили на равнины Пада. Героический переход продолжался 15 дней, как утверждает греческий историк [Polyb., III, 56, 3], однако, если мы суммируем приведенные им данные, то выяснится, что для этого потребовалось 18, а не 15 дней. Возможно, три последних дня занял марш, совершенный уже после спуска с хребта⁷⁵⁹. Свой лагерь Ганнибал разбил у самого подножья Альп, в стране тавринов [Polyb., III, 60,1; 8].

Потери, понесенные карфагенской армией, были очень велики. Полибий сам видел в Лацинии медную доску, на которой по приказанию Ганнибала был сделан перечень войск, находившихся с ним в Италии [Polyb., III, 33, 18]. После перехода через горы у Ганнибала оставалось 12 000 ливийской пехоты, 8000 иберов и около 6000 всадников [Polyb., III, 56, 4]. Характерным является тот факт, что Ганнибал ничего не сообщает о слонах — одной из наиболее ценных составляющих его армии, погибших во время движения через горы. Из этого следует, что переход слонов через альпийские перевалы оказался для них не таким сложным, как это часто представляют современные исследователи. Карфагеняне, несомненно, знали об удивительной способности слонов уверенно чувствовать себя в горах. Поэтому Ганнибал отлично понимал, что огромные животные могли оказать ему неоценимую услугу не только тем, что внушали бы ужас враждебно настроенным горцам, но и тем, что, образуя авангард армии [Liv., XXI, 34, 4], осторожно продвигались вперед, вселяя уверенность в людей и указывая им наиболее надежную дорогу.

Подтверждение тому, что Альпы не представляют собой непреодолимое препятствие для слонов, было получено уже в наше время⁷⁶⁰. В 1979 г. итальянский исследователь А. Каньи решил провести смелый эксперимент и не только повторить путь Ганнибала, но и провести по горам слонов с тем, чтобы доказать скептикам историчность сведений, содержащихся у античных авторов. В состав организованной им небольшой экспедиции вошли четыре человека и два цирковых слона Чикита и Бэби⁷⁶¹. А. Каньи выступил со своей группой из деревни Браманса 12 сентября 1979 г. За первый день пути удалось преодолеть всего 10 км. Но уже на следующий день группа поднялась на 2200 м над уровнем моря. Утром она продолжила

путь в направлении поселка Клапьер. Однако неожиданно начавшийся ливень заставил А. Каньи и его товарищей вернуться назад. Во время подъема и спуска с гор слоны уверенно продвигались по узким тропинкам. Поэтому экспедиция благополучно совершила трудный переход и закончила свой путь в итальянской деревне Суса⁷⁶². Каков бы ни был маршрут, избранный Ганнибалом, переход через Альпы А. Каньи продемонстрировал, что в 218 г. до н. э. все 37 карфагенских слонов могли вполне благополучно выдержать трудности перехода через горы.

Анализ свидетельств литературных источников подтверждает вывод, что все (или почти все) слоны дошли до Италии. Согласно Полибию и Ливию, в битве при Требии слоны стояли на обоих флангах пунийской армии [Polyb., III, 72, 10; Liv., XXI, 53, 2]. Это вполне определенно доказывает, что количество слонов у карфагенян на тот момент было достаточно большим. Наконец, Евтропий прямо утверждает, что все 37 животных благополучно достигли пределов Италии [Eutrop., III, 8, 2].

БИТВА ПРИ ТРЕБИИ

Сражение у р. Требия было первым и последним, в котором приняли участие слоны, перешедшие вместе с армией Ганнибала через Альпы. Это историческое событие достаточно хорошо описано Полибием и Ливием, поэтому, как кажется, при его реконструкции у современного исследователя не должно возникать особых проблем. Тем не менее вопрос, связанный с участием в бою слонов, остается до конца не проясненным.

Сражение произошло во время зимнего солнцеворота (с 22 по 25 декабря) 218 г. до н. э. [Liv., XXI, 54, 7]. Между лагерем Ганнибала и Требией протекал ручей, берега которого поросли камышом. Здесь Ганнибал решил устроить засаду. Он приказал своему брату Магону занять эту позицию с тысячей всадников и таким же количеством пехотинцев. После этого он послал отряд нумидийцев, чтобы они напали на римские сторожевые посты.

Увидев нумидийских всадников, консул Тиберий Семпроний Лонг вывел из лагеря свою кавалерию и 6000 пеших метателей дротиков, а затем и все остальные войска. Но нумидийцы не приняли боя и повернули назад. Консул со всей римской армией стал преследовать врага и приказал войскам форсировать реку. Ливий и следующие за ним римские историки, стараясь оправдать тяжелое поражение римлян, описывают тяжелые погодные условия, которые сыграли на руку неприятелю еще до того, как началось прямое столкновение: в день сражения, как пишет Ливий, было холодно и шел снег, а из-за прошедшего ночью дождя

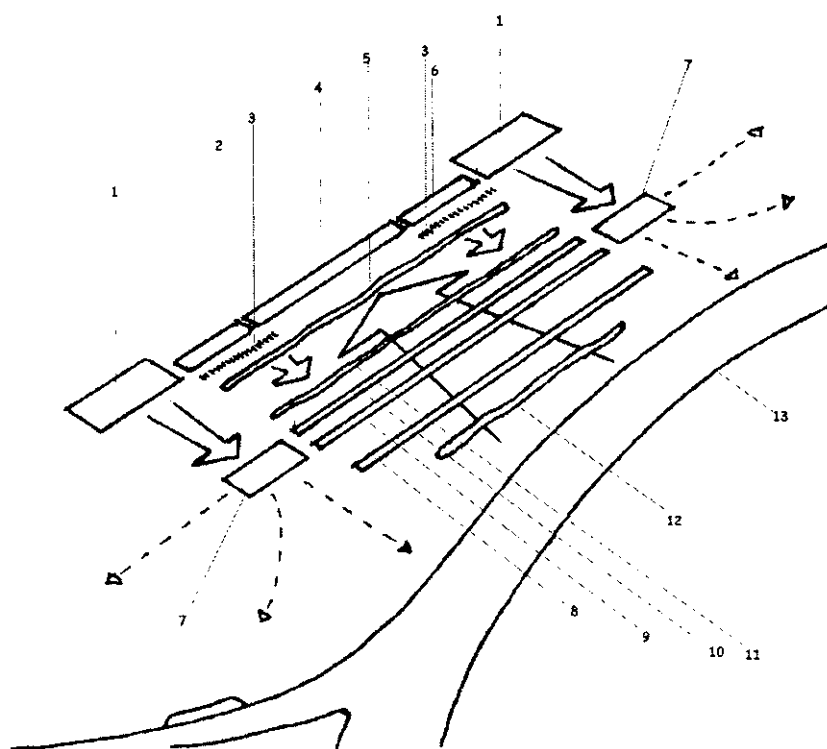
уровень воды в реке сильно поднялся. Поэтому, когда римляне вышли на противоположный берег, то от холода едва могли держать в руках оружие. «Все это время воины Ганнибала грелись у костров, разведенных перед палатками, натирали тело оливковым маслом, которое им раздали по манипулам, и спокойно ели. Когда был дан сигнал, что враги перешли реку, они, бодрые душой и телом, взялись за оружие и выступили в поле» [Liv., XXI, 54, 9; 55, 1–2; пер. Ф. Ф. Зелинского]⁷⁶³.

Перед фронтом тяжелой пехоты (около 20 000 человек) Ганнибал поставил балеарских пращников и других легковооруженных воинов (около 8000 солдат); конница (около 10 000 всадников) заняла место на флангах; слоны, согласно Полибию [Polyb., III, 72, 10], были также поставлены на флангах впереди боевого порядка; Ливий утверждает только, что они стояли на крыльях карфагенского войска [Liv., XXI, 55, 2]. Сразу отметим, что, как следует из дальнейшего описания хода битвы, слоны находились не впереди кавалерии, а перед флангами тяжелой пехоты. Действительно, размещать слонов перед карфагенской конницей не имело никакого смысла, поскольку она и качественно, и количественно превосходила римскую. Поставив огромных зверей впереди крыльев строя тяжеловооруженной пехоты, где находились испанцы и африканцы, Ганнибал тем самым оставлял лучшую часть войска в резерве до решающей фазы сражения⁷⁶⁴, кроме того, он получал возможность усилить давление на римлян на этих участках фронта и попытаться даже без участия кавалерии окружить их.

Под командованием Семпрония было 16 000 римских легионеров⁷⁶⁵, около 20 000 союзников, около 4000 всадников и вспомогательный отряд галлов-ценоманов [Polyb., III, 73, 2–4; Liv., XXI, 55]. Консул выстроил свою армию в соответствии с обычными правилами римской военной тактики: велиты встали перед фронтом армии, кавалерия — на флангах, пехота, построенная в три боевых линии, заняла центр. Не выясненным остается вопрос, где находился вспомогательный отряд галлов, которому предстояло вступить в бой в самый решительный момент. По нашему мнению, единственное место, которое он мог занимать, — это в тылу римской армии, играя роль резерва.

Сражение начали в центре легковооруженные воины, на флангах — всадники. Под влиянием патриотических чувств Ливий не допускает того, чтобы римские всадники сразу же бежали с поля боя, согласно ему, они храбро противостоят превосходящим силам карфагенян и отступают лишь тогда, когда на помощь неприятелю приходят легковооруженные и слоны. «И без того уже трудно было держаться четырем тысячам всадников против десяти тысяч, людям уставшим против людей большею частью еще свежих, а тут еще балеарцы засыпали их градом

дротиков. В довершение всего слоны, шествовавшие на краях впереди конницы, наводили ужас на воинов, но еще более пугали лошадей, притом не только своим видом, но и непривычным запахом» [Liv., XXI, 55, 6–7; пер. Ф. Ф. Зелинского]. Наконец римская кавалерия не выдерживает натиска превосходящих сил противника и бросается бежать, оставляя легионы без прикрытия. Преследуя противника, карфагенская конница на некоторое время также покидает поле сражения.

Начальная диспозиция и первая фаза сражения

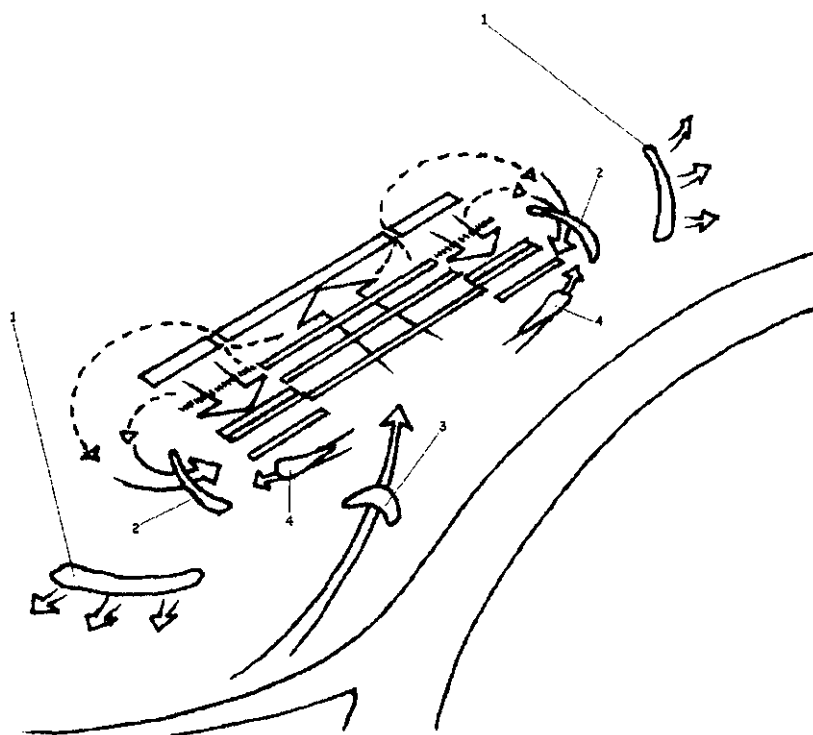
Карфагенская армия: 1 — кавалерия; 2 — иберы; 3 — слоны;
4 — кельты; 5 — легковооруженная пехота; 6 — африканцы.

Римская армия: 7 — кавалерия; 8 — триarii; 9 — principes;
10 — гастаты; 11 — велиты;

12 — вспомогательный отряд ценоманов.

13 — Требия.

Рис. И. В. Кирсанова

Вторая фаза сражения. Слоны и легковооруженные воины окружают с флангов римскую пехоту, в тыл которой наносит удар отряд Магона

- 1 — карфагенская конница, преследующая римскую; 2 — слоны и легковооруженная карфагенская пехота, совершившие фланговый охват римской пехоты;
3 — засадный отряд Магона; 4 — резервный отряд ценоманов.

Рис. И. В. Кирсанова

В это время в центре карфагенская легковооруженная пехота обращает в бегство римских велитов. По Ливию, легкие пехотинцы пунийцев были разведены Ганнибалом по флангам, так как встретили сильный отпор со стороны легионов [Liv., XXI, 55, 5]. Однако представляется маловероятным, чтобы Ганнибал бросил против легионной пехоты своих солдат, лишенных защитного вооружения и использующих только оружие дальнего боя. По всей видимости, никакого столкновения балеарских пращников

с легионерами не происходило, и они, подчиняясь полученному приказу, отошли между рядами позади стоящих тяжеловооруженных воинов и заняли место на крыльях боевого построения [Polyb., III, 73, 6].

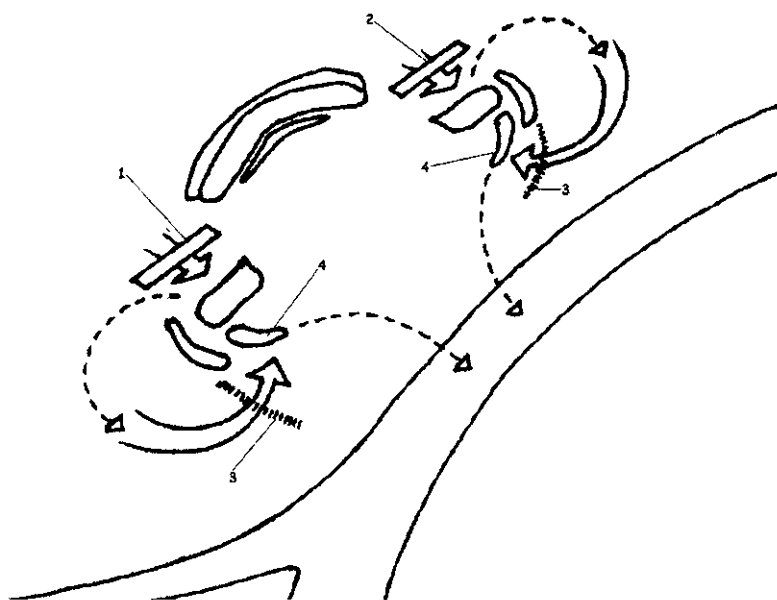
Пока легковооруженные пунийцы совершали этот маневр, в бой вступили главные силы обеих армий — тяжелая пехота. Легионеры сразу же оказались в очень непростой ситуации, поскольку на них с флангов стали наступать слоны. На этой стадии сражения римлянам неожиданно удастся добиться существенного тактического успеха. Против слонов были брошены отряды велитов, которые забрасывают их дротиками и обращают в бегство [Liv., XXI, 55, 10–11]. После рассказа об этом событии в тексте Ливия следует пассаж, который совершенно не вписывается в общую картину боя: «Заметив, что слоны в исступлении начинают уже бросаться на своих, Ганнибал велел удалить их из середины и отвести на левый край, чтобы они пришили против вспомогательных отрядов галлов. Тут они сразу вызвали повсеместное бегство, и ужас римлян достиг пределов, когда они заметили, что их союзники разбиты» [Liv., XXI, 56, 1; пер. Ф. Ф. Зелинского].

Совершенно непонятно, каким образом слоны оказались в центре построения карфагенян, хотя перед началом сражения, как утверждает и сам Ливий, они находились на его флангах. Как ценоманы оказались на правом фланге римской армии? Кто противостоял им до того момента, пока не подошли слоны? Почему вообще нет никаких указаний на то, что галлы уже вступили в бой? Наконец, такая трактовка событий противоречит тому, что говорит Полибий, согласно которому римляне не смогли отразить атаку слонов на флангах, и огромные звери продолжали теснить их спереди, в то время как легковооруженные воины обстреливали с боков до тех пор, пока легионеры не обратились в бегство [Polyb., III, 74, 1].

Объединить две различные версии Ливия и Полибия можно следующим образом: против слонов, охватывавших с флангов римский строй, были брошены велиты; заметив, что неприятель успешно отражает этот натиск, Ганнибал приказал вывести слонов из боя как на левом, так и на правом крыле, а против велитов послал занявших уже место на флангах балеарских пращников и других легковооруженных воинов; велиты отступили; пращники осыпали с флангов градом камней легионеров; тогда консул ввел в бой резервный отряд галлов, которые отразили эту атаку. Но вступление в сражение ценоманов привело к тому, что тыл легионов оказался обнажен. Это послужило сигналом для Магона, который вышел из засады и напал на противника со своим отрядом сзади [Polyb., III, 74, 4]. Ганнибал вновь ввел в бой слонов, которые теперь нагнали страх на ценоманов и заставили их бежать. Таким образом, римская пехота оказалась в окружении: спереди давили тяжеловооруженные солдаты

карфагенян, слева и справа — их легкая пехота и слоны⁷⁶⁶, с тыла — люди Магона. К этому времени, очевидно, должна была возвратиться из преследования пунийская конница и в свою очередь ударить по римлянам.

Третья фаза сражения. Ганнибал выводит из боя слонов и бросает их против ценоманов

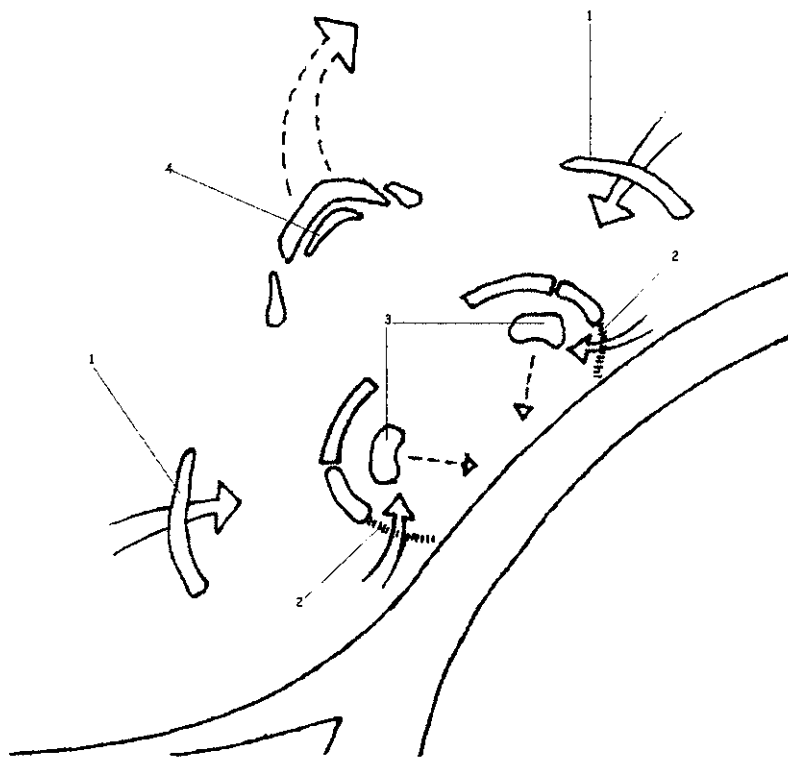
1 — иберы; 2 — африканцы; 3 — слоны; 4 — ценоманы.

Рис. И. В. Кирсанова

Тем не менее римляне продолжали отчаянно сопротивляться. Около 10 000 легионеров, сомкнув свои ряды, прорвали боевые порядки галлов и африканцев и отступили к Плаценции. Туда же отступили остатки римской кавалерии. Все остальные были уничтожены на берегу Требии конницей и слонами [Polyb., III, 74, 4–9; Liv., XXI, 56, 2–5].

На наш взгляд, именно это сражение можно считать верхом достижения карфагенского военного искусства. При Требии римляне, может быть, в первый и последний раз столкнулись с той армией, которая возникла в результате военных преобразований Баркидов. Ее вел самый выдающийся полководец, возвращенный карфагенской военной школой; в ней были представлены все роды войск, составлявшие ее силу; костяк

ее образовывали ветераны, преданные своему вождю, даже слоны, очевидно, были те же, что участвовали в битве при Таге. Подобные армии создаются не по воле одного человека. Для этого нужны годы, десятилетия кровопролитных сражений. Ни при Каннах, ни тем более позднее для карфагенян не будет более счастливых обстоятельств: наемники, толпами стекавшие под пунийские знамена, или слоны, недавно пойманные в лесах Нумидии, не смогут в полной мере компенсировать Ганнибалу потери, понесенные им в начале войны.

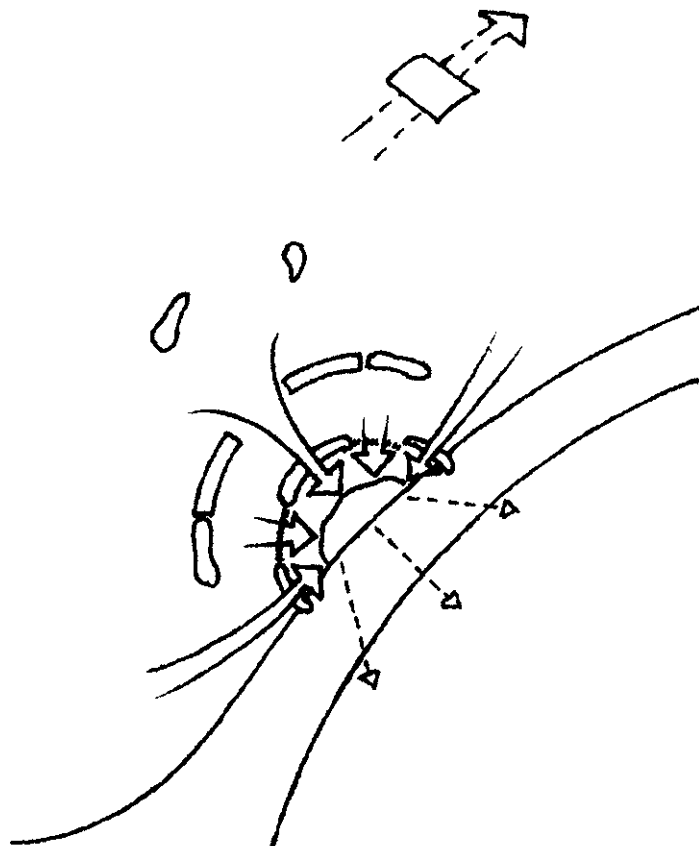
Четвертая фаза сражения. Окружение римской армии

1 — карфагенская конница, вернувшаяся на поле сражения; 2 — слоны;

3 — окруженные части римской пехоты;

4 — десятитысячный римский отряд, прорвавшийся из окружения.

Рис. И. В. Кирсанова

Завершающая фаза сражения.
Окончательное окружение и разгром римской армии
Рис. И. В. Кирсанова

ГИБЕЛЬ СЛОНОВ ГАННИБАЛА

Согласно сообщениям античных авторов, суровые климатические условия итальянской зимы оказались более губительными для слонов Ганнибала, чем оружие римлян. По Полибию, после битвы при Требии от дождя и снега пали все слоны, кроме одного [Polyb., III, 74, 10]. Ливий утверждает, что выжило 8 животных [Liv., XXI, 56, 6]. Семь из них погибли при

переходе карфагенян через Апеннины [Liv., XXI, 58, 11]. У Ганнибала остался, таким образом, один-единственный слон, на спине которого он переправлялся через болота во время похода к Аредию [Liv., XXII, 2, 10]⁷⁶⁷. В сражениях при Тразименском озере и при Каннах слонов у карфагенян уже не было.

Нам представляется, что причиной гибели слонов Ганнибала были не столько суровые итальянские морозы, сколько недостаток пищи. Выше мы специально остановились на особенностях пищеварения огромных животных. Карфагеняне, находясь в горах, несомненно, не могли давать им требуемое количество еды и тратить на их кормление необходимое время. Поэтому после двухнедельного перехода через альпийский хребет слоны уже были крайне истощены и нуждались в длительном отдыхе, чтобы восстановить свои силы. Однако армия должна была стремительно двигаться вперед, и времени на это у карфагенян не оставалось. Новое испытание, которому подверглись слоны в Апеннинах, оказалось для тех из них, кто еще оставался в живых, роковым. Раньше обычного начавшиеся холода и выпавший снег уничтожили и без того скудную растительность. Отсутствие корма в конечном итоге оказалось для гигантов страшнее крутизны горных склонов и римских копий.

Можно только гадать, почему Ганнибал, который, как утверждает Полибий, все заранее рассчитал, так поздно выступил в поход. Что задержало его до наступления ноября? Затянувшиеся приготовления или сопротивление испанских племен? Или, может быть, он рассчитывал убедить римлян в том, что никакого вторжения в Италию не планировалось, чтобы они заранее не предприняли каких-либо мер, которые могли бы помешать осуществлению его планов?

Как бы то ни было, уже в самом начале кампании понесся серьезные потери в людях и лишившись всех боевых слонов, Ганнибал очень сильно нуждался в подкреплении из Карфагена. Движение его армии на юг имело целью не завоевание каких-либо городов в Северной или Центральной Италии, поскольку удержать все равно не представлялось возможным, а диктовалось необходимостью занять какой-либо крупный порт, который связал бы пунийцев с Африкой. Таким портом стали Локры, по собственной воле вставшие на карфагенскую сторону [Liv., XXIII, 5; 30]. Именно сюда из Африки были доставлены слоны, принявшие затем активное участие во многих сражениях⁷⁶⁸.

СЛОНЫ СНОВА ПОЯВЛЯЮТСЯ В ИТАЛИИ

После победы, одержанной при Каннах, Ганнибал отправил в Карфаген своего брата Магона с тем, чтобы добиться от карфагенского сената новых подкреплений. Сенат принял решение отправить в Италию 4000 нумидийских всадников и 40 слонов [Liv., XXIII, 13, 7]. Но, как оказалось, даже эти явно недостаточные для продолжения войны силы было не так-то просто найти. Согласно Ливию, в 215 г. Магон все еще находился в Карфагене. К этому времени ему удалось собрать 20 000 пехотинцев, 1 500 всадников и всего 20 слонов [Liv., XXIII, 32, 5]. Однако этот корпус вместе с Магоном должен был отправиться в Испанию, где положение карфагенян очень сильно осложнилось [Liv., XXIII, 32, 11]⁷⁶⁹.

Спустя некоторое время в Локры прибыл Бомилькар с войсками, слонами и провиантом [Liv., XXIII, 41, 10]. Впервые Ганнибал использовал полученных им слонов в сражении под Нолой, первом крупном столкновении с римлянами после Канн. Исход этого боя был неблагоприятен для карфагенян: они потеряли более 6000 человек убитыми, 600 пленными, 19 знамен и 6 слонов, два из которых были захвачены противником живыми [Liv., XXIII, 46, 4].

После этой неудачи Ганнибал двинулся к Касилину. Во время осады римский гарнизон попытался сделать вылазку. Тогда Ганнибал бросил вперед слонов, которые в произошедшей стычке едва не отрезали римлян от города. Многие из неприятелей были перебиты, а оставшиеся в живых спаслись бегством [Liv., XXIII, 18, 6].

В 211 г. римляне осадили Капую. Понимая, что падение этого города может нанести серьезный удар по позициям карфагенян в Италии, Ганнибал, оставив в Бруттии обоз и основную массу тяжеловооруженной пехоты, ускоренными переходами направился на помощь осажденным. В его распоряжении находилось 33 слона [Liv., XXVI, 5, 3]. На штурм римского лагеря карфагенский вождь бросил отряд испанцев, поддержанный тремя слонами. Со своей стороны кампанцы сделали вылазку, пытаясь поддержать усилия союзников, но были легко обращены в бегство римлянами. Тем не менее испанцы прорвали римский строй и готовы были ворваться в неприятельский лагерь, но боялись оказаться отрезанными от своих [Liv., XXVI, 5, 11]. Слоны, уничтожая все на своем пути, уже взбирались на вал, когда командовавшим римским лагерем легатам Луцию Порцию Лицину и Титу Попилию удалось наконец убить их. «Тушами слонов, — пишет Ливий, — завалило ров: вот и мост или насыпь для перехода врагу. На трупах слонов завязалась жестокая свалка» [Liv., XXVI, 6, 2; пер. М. Е. Сергеенко]. Увидев, что дело оказалось намного сложнее, чем

он предполагал сначала, Ганнибал приказал отступить, оставив на поле битвы кроме трех слонов 8000 человек [Liv., XXVI, 6, 6]⁷⁷⁰.

Ганнибал штурмует римский лагерь под Капуей
Рис. И. В. Кирсанова

ПОХОД ГАННИБАЛА 211 г. до н. э. И ДВЕ СКУЛЬПТУРЫ ИЗ АЛЬБЫ ФУЦЕНТЫ

Впрочем, отойдя от Капуи, карфагенский полководец не оставил надежду спасти город. О действиях и намерениях Ганнибала после его отступления Аппиан сообщает следующее: «Напав на круговое

укрепление, но ничего не достигнув и не представляя, каким образом можно послать в город или хлеб, или войско, так как никто из тех, кто находился в городе, не мог к нему выйти из-за укрепления, охватившего город со всех сторон, он спешно двинулся со всем войском на Рим, узнав, что и римляне уже страдают от голода, а также надеясь, что этим отвлечет римлян от Капуи или сам сделает нечто большее, чем освобождение Капуи. Стремительным походом, пройдя земли многих враждебных народов, из которых одни не могли его удержать, а другие не делали даже попытки сопротивляться ему, он стал лагерем в тридцати двух стадиях от Рима на реке Аниене» [App., Hannib., 38; пер. С. П. Кондратьева].

По какому маршруту двигалась карфагенская армия? Тит Ливий, чтобы придать этому эпизоду наибольший драматический накал, утверждает, что Ганнибал пошел на Рим самым прямым и коротким путем — по Латинской дороге (*via Latina*), в то время как римская армия под командованием Клавдия Фульвия шла по Аппиевой дороге (*via Appia*) [Liv., XXVI, 7]. Почти все современные исследователи считают этот рассказ вымышленным ввиду того, что совершенно невозможно представить себе, чтобы Ганнибал избрал путь, пролежавший по территориям верных союзников Рима⁷⁷¹.

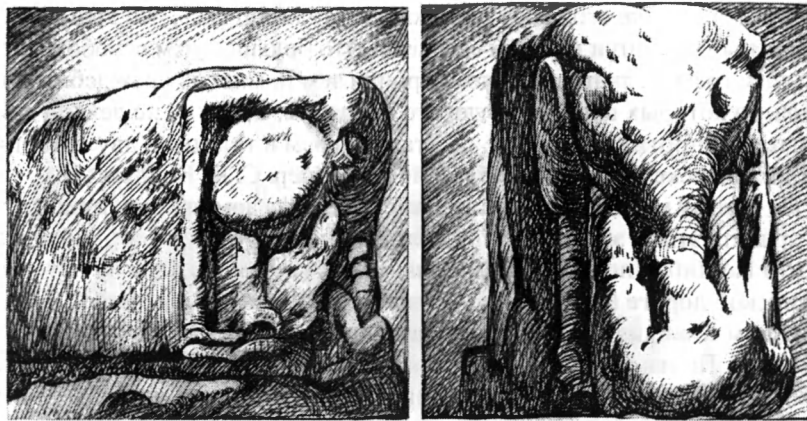
Иную версию похода Ганнибала приводит Полибий [Polyb., IX, 4 t sq.], возможно, почерпнувший свои сведения у Силена или Сосила, сопровождавших карфагенского вождя в его походах [Nep., Hannib., 13, 3]. Согласно рассказу греческого историка, Ганнибал двинулся через Самний и появился со своей армией к северу от Рима.

С походом Ганнибала 211 г. до н. э. исследователи связывают одну весьма любопытную находку, имеющую отношение к карфагенским слонам. В 1951 г. во время археологических раскопок на территории древней римской колонии Альбы Фуценты⁷⁷² были найдены два наполовину обработанных известняковых блока. Они изображают переднюю часть слона, хобот и бивни которого опускаются до земли, а голову с обеих сторон закрывают большие уши⁷⁷³. Скульптуры имеют следующие размеры: длина — 46 см, высота — 29 см, толщина — 20 см⁷⁷⁴. Оба блока были обнаружены на расстоянии 55 м друг от друга. Их практически идентичные размеры и украшения позволяли предположить, что они служили, по всей видимости, опорами для скамейки⁷⁷⁵. Скульптуры выполнены в грубой манере, характерной для периода архаического искусства. Со всей определенностью можно сказать, что они были сделаны местным мастером приблизительно во II в. до н. э.⁷⁷⁶

По мнению Ф. де Висше, эти находки — возможные свидетельства движения армии Ганнибала через *Ager Albensis* (Альбанское поле) во

время похода 211 г. до н. э. Догадка исследователя базируется на типично африканских чертах изображенных животных, о которых жители Альбы до этой даты не могли иметь практически никаких представлений⁷⁷⁷.

Скульптура из Альбы Фуценты в виде слона
Прорисовка Д. А. Синеокой

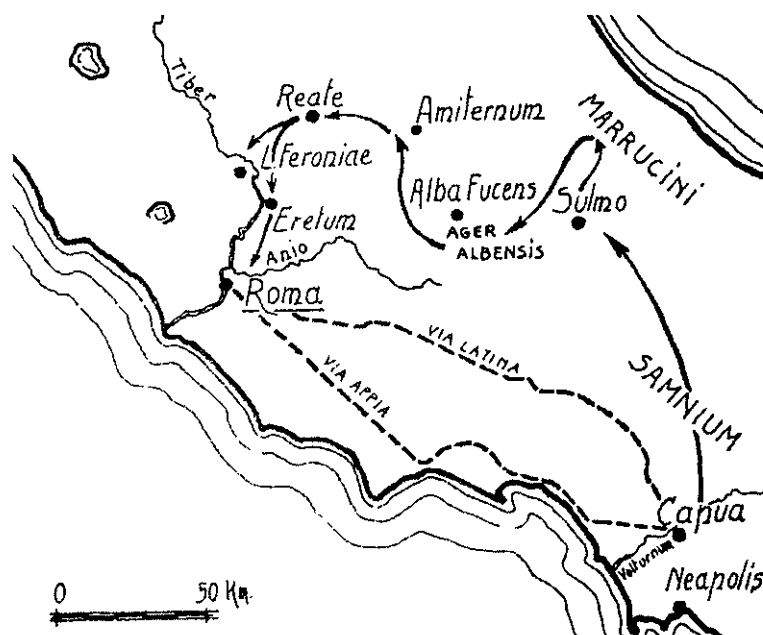
Тем не менее А. Гуарино подверг сомнению эту точку зрения, предположив, что в данном случае скульптуры представляют слонов Пирра, которые, как уже говорилось, происходили, по мнению ученого, из Африки. Выше отмечалось, что данная точка зрения несостоятельна, к тому же жители Альбы не имели никаких контактов с армией эпирского царя⁷⁷⁸.

Существует вероятность, что скульптуры служат напоминанием не о походе Ганнибала, а о событиях Первой Пунийской войны, во время которых римляне впервые столкнулись со слонами африканского вида. Но, как считает Ф. де Висше, трудно предположить, чтобы события такой давности оставили по себе столь глубокие воспоминания, что могли найти отражение в сюжете, избранном альбанским ремесленником, и создании столь точного изображения⁷⁷⁹.

Возможно, жители Альбы могли видеть слонов на арене местного амфитеатра. Однако, согласно надписи над входом *N* амфитеатра, это сооружение было воздвигнуто в соответствии с посмертной волей Клавдия Невия Макрона, бывшего префектом претория при Тиберии, т. е. не ранее 40 г. н. э.⁷⁸⁰ В результате Ф. де Висше приходит к выводу, что нет ни одного факта, который мог бы поставить под сомнение связь между найденными скульптурами и переходом Ганнибала в 211 г. до н. э. через *Ager Albensis*⁷⁸¹.

Таким образом, маршрут карфагенской армии в 211 г. до н. э. представляется следующим: Ганнибал пересек Самний, население которого, всегда враждебное Риму, должно было оказать ему дружеский прием; в области пелингов он достиг Сулмона, далее вступил на территорию марруцинов, живших на Адриатическом побережье; повернув после этого на запад, он пересек *Ager Albensis* на территории марсов; поднялся на север вплоть до Амитерна и отсюда, снова повернув на запад, достиг Реаты; двинувшись после этого на юг, он дошел до Эреция⁷⁸². Здесь один из карфагенских отрядов, переправившись через Тибр, разграбил алтарь Луция Ферониза⁷⁸³.

Маршрут движения армии Ганнибала к Риму в 211 г. до н. э.

(Visscher F. de. Une histoire d'éléphants //

L'Antiquité classique. 1960. T. 29. Pl. 4, fig. 4)

Все античные авторы сходятся в том, что пунийцы появились на правом берегу р. Аниен тогда, когда римляне занимали левый ее берег [Liv., XXVI, 10; 11; App., Hannib., 39; 40]. Первая оборонительная мера, принятая римлянами, заключалась в том, что они разрушили мост через реку [App. Hannib., 39]. Консул Фульвий Флакк разбил лагерь на левом берегу реки напротив лагеря Ганнибала. Найдя мост разрушенным, Ганнибал

двинулся к истокам реки, надеясь обойти ее и напасть на римлян. Консул со своей армией шел по противоположному берегу параллельно армии карфагенян. «...Но Ганнибал и здесь его обманул, — повествует об этом историческом эпизоде Аппиан, — оставив всадников-номадов, которые по уходе войск перешли Аниен и стали опустошать поля римлян. Оказавшись у самого Рима и устранив его, они, как им было приказано, вернулись к Ганнибалу» [App. Hannib.; 40; пер. С. П. Кондратьева].

Этот рассказ полностью изобличает версию, приводимую Ливием, поскольку если бы Ганнибал шел по *via Latina*, то, подойдя к Риму, он неизбежно оказался бы на левом берегу Аниена, т. е. на одном берегу вместе с армией Флакка.

Жители Альбы могли видеть карфагенских слонов, стоя на крепостных стенах, когда они наблюдали за опустошением своих полей⁷⁸⁴. Напуганные приближением пунийцев, они отправили 2000 своих сограждан в Рим, чтобы защитить столицу. Аппиан очень высоко оценивает совершенный альбанцами поступок: «Такое рвение из всех колоний проявил только этот маленький городок, подобно тому, как и афинянам в битве при Марафоне маленький город платейцев пришел на помощь, чтобы принять участие в защите от грозившей тогда опасности» [App. annib.; 39; пер. С. П. Кондратьева].

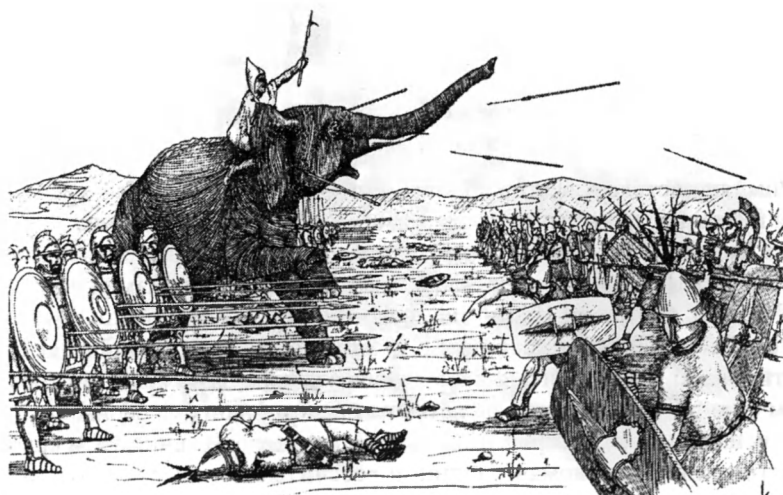
Подобное блуждание по Центральной Италии исключает возможность того, что у Ганнибала было намерение атаковать Рим. Его подлинной и единственной целью было заставить римлян снять осаду Капуи. Этого можно было достичь, совершая систематические грабительские рейды, лишавшие Рим и его армию подвоза съестных припасов⁷⁸⁵.

ПОСЛЕДНИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ОБ УЧАСТИИ СЛОНОВ В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ НА ТЕРРИТОРИИ ИТАЛИИ

В 210 г. до н. э. у Ганнибала оставалось не более 30 слонов. Силы его армии стремительно таяли, а требуемых подкреплений из Карфагена не прибывало. Близ г. Канусия Ганнибал дал битву римлянам под командованием проконсула Марцелла. Теперь карфагенский полководец был вынужден беречь своих слонов, поэтому он, как некогда Пирр, предпочел держать их в резерве и ввести в дело в случае крайней необходимости. «Сражение шло уже долго, — пишет Ливий, — но никто не имел перевеса, и Ганнибал приказал вывести вперед слонов: не напугают ли они противника и не приведут ли его в замешательство. Сначала слоны действительно смешали ряды римлян: одних потоптали, другие в страхе разбежались, обнажив линию обороны.

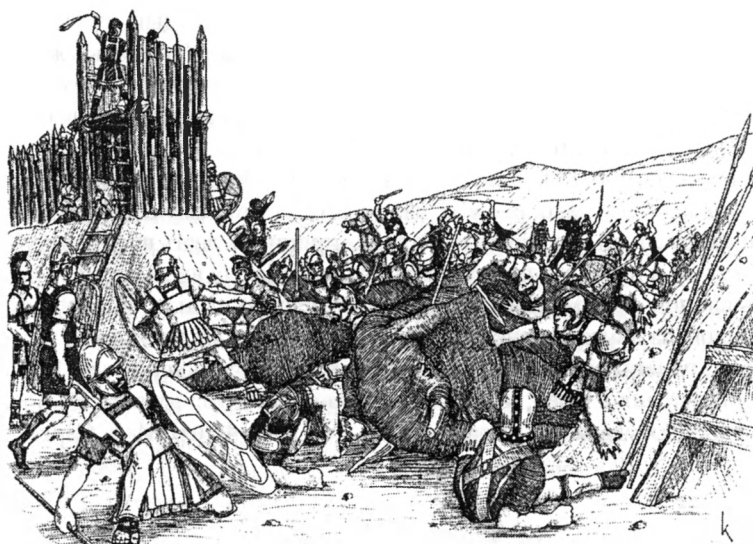
Это пошло бы и дальше, если бы военный трибун Гай Децим Флав, схватив знамя первого манипула гастатов, не приказал всем идти за ним; приведши их туда, где столпились животные и беспорядок был наибольшим, он приказал забросать слонов дротиками. Все дротики попали в цель — и немудрено: кидали с близкого расстояния в таких громадин, да еще сгрудившихся вместе. Не все слоны, правда, были ранены, но те, в чьих спинах засели дротики, кинувшись бежать, увлекли за собой и невредимых — животные эти с норовом. Тут уже не один только манипул, но каждый, кто только мог попасть в бегущих слонов, стал кидать в них дротики. Огромные животные кинулись на своих и убили их больше, чем врагов: животное, охваченное страхом, не слушается сидящего на нем жожака. На карфагенян, уже смятых побежавшими слонами, наступала римская пехота; краткий бой — и враг бежит враспынную. Марцелл вдогонку послал конницу; гонимых страхом преследовали, пока наконец не загнали в лагерь. Ко всему еще в самых воротах лагеря рухнули два слона; и солдатам пришлось лезть в лагерь через ров и вал; тут-то и началось избиение: убито было около восьми тысяч человек и пять слонов. И римлянам эта победа недешево стоила, тысячу семьсот legionеров (из двух legionов), больше тысячи трехсот союзников потеряли убитыми; раненых, и граждан, и союзников, было очень много. Ганнибал в следующую ночь ушел; Марцеллу хотелось его преследовать, но большое число раненых удержало на месте» [Liv., XXVII, 14; пер. М. Е. Сергеенко].

Атака карфагенских слонов в битве под Канусием

Рис. И. В. Кирсанова

После этой битвы у Ганнибала должно было оставаться еще 25 слонов, но спустя пять лет он, очевидно, лишился и их. Хуже всего было то, что не было ни слонов, ни дополнительных войск и в самом Карфагене. Поэтому карфагенское правительство, вместо того чтобы подвести подкрепления в Бруттий, приказало Гасдрубалу перейти Альпы и идти на соединение с братом.

Поражение карфагенян под Канусием

Рис. И. В. Кирсанова

Римлянам стало известно об этом замысле, и как только Гасдрубал оказался в Италии, путь ему преградила армия под командованием консула Марка Ливия Салинатора, к которому присоединился отряд его коллеги — Гая Клавдия Нерона. Решительная битва между противниками состоялась у р. Метавр. Согласно Полибию, в армии карфагенян было 10 слонов [Polyb., XI, 1, 1]. Аппиан сообщает о 15 животных [App., Hannib., 52]. Если верить Ливию, Гасдрубал поставил слонов в центре, за ними — лигуров, на левом фланге — галлов, сам он встал на правом фланге со своими ветеранами-испанцами, на которых полагался более всего. Именно этим крылом карфагенский главнокомандующий и рассчитывал нанести противнику основной удар: Гасдрубал видел, что из-за высокого холма правый фланг неприятеля, которым командовал консул Нерон, не сможет помешать его атаке [Polyb., XI, 1, 5; Liv., XXVII, 48, 5–8]⁷⁸⁶. Вся карфагенская кавалерия,

очевидно, была сосредоточена на правом крыле, напротив римской, которая, также ввиду рельефа местности, оказалась размещенной на одном конце боевого построения.

Бой шел с чрезвычайным ожесточением и переменным успехом, при этом, как передает Полибий, «слоны вредили в битве одинаково обеим сторонам. Отрезанные и с обеих сторон обстреливаемые, звери производили расстройство в рядах и римлян, и иберов» [Polyb., XI, 1, 9; пер. Ф. Г. Мищенко]. Вероятно, карфагенская конница отступила под натиском римской, оставив, таким образом, испанцев без прикрытия. Это позволило Нерону провести искусный маневр, решивший судьбу сражения: со своими войсками консул прошел за строем римской армии, обогнул ее левое крыло и ударил карфагенянам во фланг.

Битва при Метавре. Карфагеняне уничтожают своих слонов

Рис. И. В. Кирсанова

Карфагенская армия была уничтожена. Гасдрубал бросился в гущу сражения и предпочел смерть позору поражения. Что касается слонов, то, по сообщению Полибия, шесть из них были убиты на месте, а четыре, прорвавшись через ряды сражавшихся, были позднее пойманы живыми [Polyb., XI, 1, 12]. Отметим, что с этим рассказом никак не согласуется сообщение Ливия о том, что карфагенские корнаки сами умертвили большую часть слонов. Возможно, римляне при атаке убили только 1 или 2 животных, а 4 получили серьезные раны и бросились на собственные войска, и только тогда вожаки вынуждены были пустить в ход смертоносные инструменты, которыми снабдил их Гасдрубал.

В 203 г. до н. э. карфагенское правительство решило вновь отправить армию в Северную Италию. Ее возглавил брат Ганнибала Магон, который высадился в Лигурии, имея под своим командованием 12 000 человек пехоты и 2000 всадников. Здесь он пополнил свои силы цизальпийскими галлами, а через некоторое время получил из Карфагена значительное подкрепление в 6000 пехотинцев, 800 всадников и 7 слонов. Задача Магона состояла в том, чтобы совершить диверсионный поход на Рим и тем самым отвлечь римлян от планов вторжения в Африку [Liv., XXVIII, 36; 46; XXIX, 4]. Навстречу карфагенянам выступили проконсул Корнелий Цетег и претор Квинктилий Вар, которые встретились с неприятелем между Аддой и Тезеном. Небольшое число слонов, заставило Магона прибегнуть к обычному приему, применявшемуся в подобных случаях: держать их в качестве резерва. Поэтому он разместил животных во второй линии боевого порядка и приказал пехоте начать бой. Завязалось упорное сражение. Квинктилий Вар, командовавший одним из флангов, атаковал противника во главе своей кавалерии. Пунийская конница не выдержала этого натиска и обратилась в бегство. Тогда Магон послал вперед слонов. Далее у Ливия следует стандартное описание лошадей, испугавшихся рева, запаха и вида четвероногих колоссов [Liv., XXX, 18]⁷⁸⁷. Наступление римской кавалерии захлебнулось. Слоны развернулись и ворвались в ряды легионов. Поражение римлян было бы неизбежным, если бы гастаты XI легиона не бросили все разом в громадных зверей свои пилумы. Четыре слона были убиты на месте, три оставшихся, получив ранения и страдая от боли, повернули назад и смешали ряды карфагенской армии. Когда римляне подвели свои резервы, Магон приказал дать сигнал к отступлению, но в этот момент он был тяжело ранен, и после того, как его вынесли с поля боя, карфагеняне обратились в бегство.

УЧАСТИЕ БОВЕВЫХ СЛОНОВ НА ДРУГИХ ТЕАТРАХ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Италия была не единственным театром военных действий, на котором в составе карфагенских армий действовали слоны. На протяжении практически всей Второй Пунийской войны между враждующими сторонами не прекращались кровопролитные столкновения в Испании. В 216 г. до н. э. у р. Ибер братьям Публию и Гнею Сципионам удалось нанести сокрушительное поражение карфагенянам под командованием Гасдрубала. Описание начальной диспозиции обеих армий сохранил для нас Ливий. «Римское войско стояло в три ряда; застрельщики окружали фланги. У Гасдрубала середина строя была крепка испанцами; на правом фланге он поставил нумидийцев, на левом — африканцев и вспомогательные отряды наемников, пунийской пехоте придал из конницы нумидийцев, а остальную конницу — африканцам на флангах. Не все нумидийцы были помещены на правом фланге, но только конники с двумя лошадьми как опытные наездники в пылу ожесточенной битвы привычно перепрыгивали в полном вооружении с усталой лошади на свежую: так ловки они сами и так выучены их лошади.

Выстроенные таким образом войска стояли одно против другого, и на обеих сторонах надежды полководцев были почти одинаковы: войска ни численностью, ни составом своим не уступали одно другому...» [Liv., XXIII, 29, 3–6; пер. М. Е. Сергеенко]. Слоны, как следует из дальнейшего рассказа, находились на флангах пунийского боевого порядка, рядом с кавалерией.

Согласно Ливию, поражение карфагенян стало следствием нежелания испанцев сражаться за победу пунийцев, поскольку по плану их командования Гасдрубал со своей армией должен был повторить путь Ганнибала и, перейдя Альпы, вторгнуться в Италию. «При первом же столкновении, едва успели метнуть копья, как солдаты в середине Гасдрубалова строя стали отступать, а когда римляне стремительно на них кинулись, повернулись и побежали. На флангах сражались решительнее. Римляне теснили с одной стороны пунийцы, с другой — африканцы; приходилось, словно попав в окружение, отбиваться на две стороны, но когда между неприятельскими флангами оказалось все римское войско, у него хватило сил удержать их разъединенными. Теперь шли как бы два сражения; в обоих римляне, которые разгромили середину вражеского строя, превосходили противника и численностью, и мужеством» [Liv., XXIII, 29, 6–12; пер. М. Е. Сергеенко]. Карфагенская кавалерия, состоявшая из мавританцев и нумидийцев, обратилась в бегство даже не

вступив в бой. При этом следом за всадниками побежали и слоны, вероятно не столько напуганные, сколько побуждаемые к этому корнаками [Liv., XXIII, 29, 14]. Поражение карфагенян было полным. Их лагерь был захвачен. Гасдрубал спасся с немногими приближенными [Liv., XXIII, 29, 15]. Евтропий утверждает, что пунийцы потеряли в этот день 25 000 убитыми и 10 000 пленными [Eutrop., III, 11, 2].

Интересно отметить, что построение армии Гасдрубала практически в точности повторяет ту схему, к которой прибег Ганнибал при Требии: пехота состоит из трех частей, из которых самая слабая находится посередине; место справа и слева от пехоты занимают слоны; на флангах — кавалерия; застрельщики, не упомянутые в данном описании Ливием, но несомненно участвовавшие в сражении, очевидно, стояли изначально перед фронтом тяжеловооруженной пехоты. Возможно, Гасдрубал выдвинул пехоту или только испанцев вперед, придав всему боевому порядку форму полумесяца. Такой вывод следует из сообщения Ливия о том, что карфагенская кавалерия оставила поле боя, увидев отступление испанцев.

Это не единственные примеры использования подобного боевого порядка. Ганнибал использовал его в битве при Каннах (разница состоит только в том, что при Каннах у него не было слонов), а Гасдрубал — в битве при Илипе.

Еще более неудачным для карфагенян в Испании стал следующий год. Три их армии под командованием Гасдрубала, Магона и Ганнибала, сына Бомилькара, осадили город Илитургис, перешедший на сторону римлян. В составе этой группировки было более 60 слонов, а общая численность ее доходила до 60 000 человек. На помощь осажденным подошли братья Сципионы, имевшие в своем распоряжении всего 16 000 солдат. В произошедшем сражении карфагеняне были разбиты, потеряв при этом более 16 000 убитыми, 59 знамен и 12 слонов, из которых 5 погибли в бою, а 7 были захвачены живьем. Карфагеняне отступили к городу Интибилису, где пополнили свои ряды испанскими наемниками. Состоялась вторая битва, обернувшаяся для пунийцев еще большим поражением: они потеряли более 13 000 убитыми и 2000 пленными. Сорок девять слонов были захвачены римлянами [Liv., XXIII, 49, 5–13].

В 214 г. до н. э. карфагеняне понесли новое страшное поражение у Мунды⁷⁸⁸. Бой шел около четырех 4 часов, и римляне уже обратили врага в бегство, когда Гней Сципион был ранен копьем в бедро. Это происшествие задержало римлян и не позволило им захватить неприятельский лагерь. Тем не менее они уничтожили 12 000 вражеских солдат, 3000 взяли в плен и захватили 57 знамен. Преследуя бегущего противника, они

уже на лагерьном валу убили 39 слонов. Карфагеняне отступили к городу Авринге, где были настигнуты римлянами и снова разбиты, потеряв около 6000 человек. Несомненно, и в этом бою в составе пунийской армии были слоны, но о потерях среди них Ливий ничего не сообщает. Магон пополнил галлами свою армию и вступил в новое сражение с римлянами. И на этот раз удача оказалась не на стороне пунийцев: они были разбиты, потеряв 8000 убитыми, 1000 пленными, 58 знамен и 11 слонов, 3 из которых были убиты, а 8 захвачены противником [Liv., XXIV, 42, 1–8].

В 209 г. до н. э. возле города Бекула, находившегося неподалеку от р. Бетис, карфагенская армия под командованием Гасдрубала, брата Ганнибала, встретила с римской под командованием Публия Корнелия Сципиона. Карфагеняне заняли сильно укрепленную позицию, представлявшую собой холм с ровной и гладкой вершиной. Позади холма протекала река, а спереди и вокруг он был окаймлен отвесным обрывом. «Если бы карфагеняне, занимая столь опасное место, стояли твердо, — пишет Ливий, — а впереди строя поставили бы слонов, римляне никогда бы не взобрались наверх» [Liv., XXVII, 18, 18; пер. М. Е. Сергеенко]. Однако еще до начала сражения Гасдрубал забрал с собой казну и слонов и, бросив армию, перешел р. Таг, намереваясь направиться к Пиренеям, чтобы там собрать новые силы [Liv., XXVII, 19, 1].

Решающее сражение за Испанию состоялось в 206 г. Гасдрубал, сын Гискона, собрал армию, насчитывавшую около 50 000, а по другим данным — до 70 000 пехотинцев, 4500 всадников и 32 слона и совместно с Магоном, братом Ганнибала, подошел к Илипе, городу, находившемуся километрах в 15 от Гипсала (совр. Севилья) на правом берегу Бетиса [Polyb., XI, 20, 1–3; Liv., XXVIII, 12, 13–15]. Навстречу карфагенянам вышел Сципион, имевший всего 45 000 пехотинцев и 3000 всадников [Polyb., XI, 20, 9]. В составе обеих армий было большое количество испанских наемников, которые как у карфагенян, так и у римлян считались наименее надежным и боеспособным элементом.

Карфагенские вожди были полны решимости дать сражение и в течение нескольких дней выводили из лагеря свою армию, выстраивая ее в боевой порядок. Римляне следовали их примеру. Но никто из противников не решался вступить в бой, и к вечеру армии расходились по своим лагерям [Liv., XXVIII, 14, 1, 3]. Тогда Сципион решил применить хитрость. «По его наблюдению, Гасдрубал обыкновенно выводил свои войска из лагеря в поздний час и ставил ливийцев в центре, а слонов — впереди обоих флангов. Сам Публий привык выходить из лагеря позднее Гасдрубала, римлян ставил в центре против ливиян, а иберов — на флангах. Теперь Публий в решительный день расположил свои войска

в обратном порядке и тем много содействовал перевесу своих и ослаблению неприятеля. <...> Публий отправил вперед конницу и легковооруженных воинов и приказал им подойти к неприятельской стоянке и смело тревожить врагов легкими схватками. С пехотой, как только возшло солнце, он сам двинулся вперед и, дойдя до середины равнины, выстроил солдат в порядке, обратном прежнему, именно в середине поставил иберов, а на флангах — римлян. <...> Гасдрубал вынужден был, невзирая на то что солдаты его были еще натошак и не приготовились, поспешно выслать свою конницу и легковооруженных воинов против неприятельской конницы на равнину, строить пехоту в боевой порядок, причем он поставил ее, как бывало обыкновенно и раньше, на ровном месте, недалеко от предгорья. Некоторое время римляне держались спокойно. Солнце поднималось все выше, а стычка легковооруженных воинов не кончалась ничем, ибо теснимая сторона укрывалась под своей фалангой. Тогда Публий отвел своих застрельщиков за боевую линию промежутками между манипулами, в тылу распределил их по флангам, легковооруженных впереди, за ними — конницу, и начал движение на неприятеля с фронта: находясь на расстоянии от противника не больше стадии, он приказал иберам в том же порядке продолжать наступление, правому крылу римлян, манипулам и турмам сделать оборот направо, а левому — налево» [Polyb., XI, 22; пер. Ф. Г. Мищенко].

Этот маневр оказался совершенно неожиданным для карфагенян и обеспечил римлянам блестящую победу. «Растянув таким образом фланги, их командиры быстро двинулись на врага, каждый во главе трех пехотных когорт, трех отрядов конницы и — вдобавок — копейщиков; остальное войско следовало за ними по косо́й. В середине строя образовался изгиб — там медленно продвигались отряды испанцев. На флангах уже бились, а цвет неприятельской армии — карфагенские ветераны и африканцы — не подошли еще на перелет дротика и не решались кинуться на помощь тем, кто сражался на флангах, чтобы не открыть врагу, идущему прямо на них, путь через середины строя. Флангам врага приходилось нелегко: всадники, легковооруженные воины и копейщики нападали с боков, когорты — лобовым ударом, чтобы отрезать фланги от остального войска. Битва становилась неравной — тем более что противником римских воинов и латинов оказалась толпа балеарцев и испанских новобранцев... Сципион старательно замедлял ход сражения: пехота на флангах бросилась на врага только в седьмом часу, а до середины строя дело дошло позже: полуденный зной, бездействие в строю под оружием, голод и жажда истомили вражеских солдат еще до боя. Так они и стояли, опершись о щиты» [Liv., XXVIII, 15, 5].

Слоны, попавшие под обстрел легкой пехоты, пришли в бешенство, перестали подчиняться своим вожакам и топтали как своих, так и чужих [Polyb., XI, 24, 1–2]. В результате они были оттеснены с флангов в середину карфагенского строя [Liv., XXVIII, 15, 5]. Наконец вся пунийская армия обратилась в бегство. От полного уничтожения ее спасла только внезапно разразившаяся гроза, заставившая римлян прекратить преследование и вернуться в свой лагерь [Polyb., XI, 24, 8–9]. Следствием этого поражения была окончательная утрата Карфагеном своих испанских владений.

Карфагеняне попытались продолжить борьбу за Сицилию и высадили на остров армию под командованием Гимилькона, насчитывавшую 25 000 пехоты, 3000 всадников и 12 слонов [Liv., XXIV, 35, 3]. Гимилькон овладел Гераклеей Минойской и Акрагантом. После этого многие сицилийские города изгнали римские гарнизоны и присоединились к пунийцам. Однако в 212 г. до н. э. карфагенский корпус был разбит и полностью уничтожен Марцеллом у р. Гиммеры, при этом 8 слонов были захвачены римлянами живыми [Liv., XXV, 41, 7].

БИТВА ПРИ ЗАМЕ

Как только в Карфагене стало известно, что Сципион намерен вторгнуться в Африку, пунийцы сразу же предприняли энергичные меры, чтобы оказать римлянам достойное сопротивление. Одной из них было увеличение поголовья боевых слонов. По приказу карфагенского правительства Гасдрубал, сын Гискона, отправился на охоту за слонами [App., Lib., 9]. Мы не знаем, какое именно количество слонов было отловлено Гасдрубалом, однако, если верить Аппиану, когда римляне высадились в Африке, у него было 140 огромных четвероногих, большая часть которых была, вероятно, поймана только недавно [App., Lib., 13]⁷⁸⁹. По-видимому, еще до битвы при Заме карфагеняне понесли одно или несколько крупных поражений, потеряв при этом около 60 животных. Однако в наших источниках не сохранилось упоминаний об участии слонов в сражениях в Африке, предшествовавших Заме.

Битва при Заме стала последней для карфагенской элевфантерии. До нас дошли описания этого эпохального сражения, сделанные Полибием, Ливием и Аппианом. Относительно численности обеих армий и их боевого построения все три источника в основном единодушны между собой. Армия Ганнибала насчитывала около 50 000 человек, из них 2000–3000 всадников⁷⁹⁰ и 80 или даже больше слонов. У Сципиона было

23 000 пехотинцев, 1500 всадников итальянцев и римлян, и, кроме того, на помощь ему подошел царек Декама с 600 всадниками и Масанасса с 6000 пехотинцев и 4000 всадников [App., Lib., 40, 41].

Ганнибал поставил слонов перед фронтом армии, позади них были построены наемники лигистины, галлы, балеары и мавры, общим числом в 12 000 человек; вторую линию боевого порядка пунийской армии занимали ливийцы и сами карфагеняне; в третьей находились те солдаты, которые прибыли вместе с Ганнибалом из Италии; они стояли на расстоянии в стадию с лишним от передних рядов; кавалерия заняла фланги [Polyb., XV, 11, 1]. Сципион также расположил свою армию тремя боевыми линиями: первыми он поставил гастатов, за ними принципов, позади — триариев, но манипулы были размещены не в шахматном порядке, как это обычно было в римской военной практике, а друг за другом. Построив пехоту подобным образом, Сципион создал в своем боевом порядке сплошные проходы, в которые, как предполагалось, должны были ринуться слоны неприятеля. Чтобы замаскировать эти проходы, он разместил в них отряды легковооруженных воинов, которым было приказано, начать битву, а если бы они не выдержали натиск слонов, то бежать по интервалам между манипулами в тыл армии. Левый фланг римской армии заняла итальянская кавалерия под командованием Гая Лелия, правый — нумидийские всадники под командованием Масанассы [Polyb., XV, 9, 6; Liv., XXX, 32, 11: 33, 1–3].

Ход битвы у Полибия и Ливия представлен практически одинаково: слоны, подвергшись обстрелу легковооруженных воинов, повернули назад либо побежали по проходам между римскими манипулами; римская конница обратила карфагенскую в бегство на обоих флангах; первая линия карфагенской пехоты, состоявшая из наемников, отступила под натиском римских гастатов, не будучи поддержанная карфагенской пехотой, стоявшей во второй линии; наемники сочли себя преданными и вступили в схватку с карфагенянами; когда первые две линии боевого порядка карфагенян были практически уничтожены, к гастатам присоединились манипулы принципов и вступили в бой с ветеранами Ганнибала; бой шел с равными шансами на победу до тех пор, пока не возвратилась римская кавалерия и не ударила в тыл карфагенянам; пунийцы были полностью разгромлены, потеряв убитыми более 10 000 человек и почти столько же пленными; у римлян погибло около 1500 солдат [Polyb., XV, 12–15, 1; Liv., XXX, 33, 12–16; 34; 35, 1].

Несмотря на дошедшие до нас обстоятельные рассказы об этой битве, многое в них остается неясным и вызывает непонимание. Г. Дельбрюк задается вопросом: почему, уступая почти в три раза в кавалерии, Ганнибал не поставил слонов на флангах своего боевого построения⁷⁹¹? Ведь хорошо

известно, что огромных зверей с наибольшим успехом всегда использовали именно против конницы, и карфагенский полководец мог свести, подобным образом, римское преимущество на нет. Что помешало ему поступить таким образом при Заме? Возможно, Ганнибал рассчитывал повторить маневр Ксантиппа и прорвать римский боевой строй. Но даже если бы это ему удалось, на флангах карфагенян ждало неминуемое поражение, и неприятельская кавалерия могла ударить в тыл их пехоте точно так же, как в битве при Каннах сделали сами карфагеняне. Что же касается количества слонов, которыми располагал Ганнибал, то Г. Дельбрюк приходит к выводу, что оно было намного меньше той цифры, которую дают нам источники, «во всяком случае, число это было настолько скромно, что Ганнибал не мог возложить на слонов свои надежды»⁷⁹².

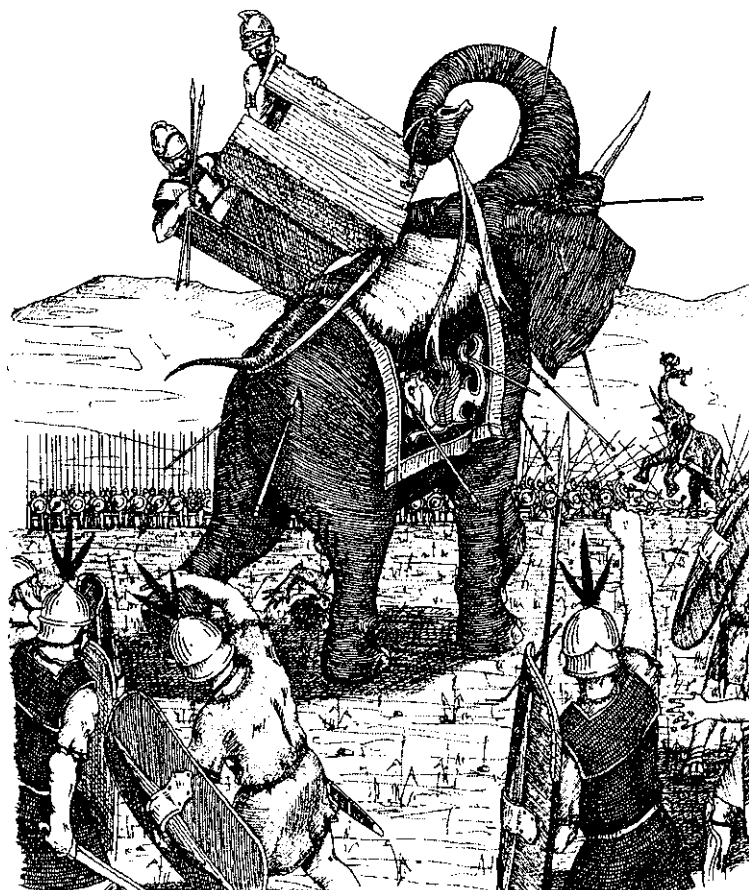
Столь же скептически относится немецкий исследователь и к описанию построения римской армии, полагая, что оно не может соответствовать действительности и должно быть «вырезано острым ланцетом»⁷⁹³. Основные возражения вызывает у него построение римских манипулов в затылок друг другу. «Во-первых, — считает Г. Дельбрюк, — римляне не могли знать, что Ганнибал на этот раз выставит слонов не с кавалерией, а перед пехотой; во-вторых, коль скоро эшелоны были разделены дистанцией, ставить манипулы одну за другой было совершенно нецелесообразно: если даже допустить, что слоны, в угоду римлянам, побегут прямо по коридорам, то все же нельзя было ожидать, что они неуклонно будут держаться прямой; ведь стоило бы им уклониться хотя бы на два-три шага вправо или влево, и они уже не попали бы в интервалы второго эшелона... Интервалы между манипулами гастатов Сципион заполнил велитами, которые должны были высыпать отсюда вперед. Трудно усмотреть какое-либо основание, почему как раз в этом сражении велиты должны были стоять сначала в интервалах. Ведь таким образом было бы утрачено преимущество, предоставляемое интервалами при походе»⁷⁹⁴.

По Г. Дельбрюку, план битвы, задуманный Ганнибалом, был намного более искусным, чем это представлено у Полибия и Ливия. Согласно его гипотезе, подлинная картина сражения должна была выглядеть следующим образом. Первая линия карфагенской армии в действительности состояла из легковооруженных застрельщиков. Тяжелая пехота была выстроена в две боевые линии; вторую составляли солдаты Ганнибала, прибывшие с ним из Италии, на которых и возлагалась задача нанесения главного удара. Чтобы выиграть время, карфагенский главнокомандующий подкрепил первую линию армии тем небольшим количеством слонов, которым он располагал. Не имея возможности оказать достойное сопротивление кавалерии противника, Ганнибал, по мысли Г. Дельбрюка,

умышленно отказался от борьбы на флангах, полагая, что плохообученная нумидийская конница Сципиона, будучи увлечена преследованием, сама покинет поле боя. «Для достижения победы при Каннах, — замечает Г. Дельбрюк, — потребовалось не только то, чтобы 10 000 пунийских всадников опрокинули 6000 римских, — нет, надо было еще, чтобы непосредственно после победы конница Ганнибала вновь собралась воедино и атаковала тыл римской фаланги. Такая задача чрезвычайно трудна. Мы уже познакомились с целым рядом сражений, в которых кавалерийское крыло, даже под личным управлением полководца, одерживало победу, но затем победоносная конница, вместо того чтобы ударить на неприятельскую пехоту, увлекалась погоней за разбитой конницей неприятеля и тем самым уничтожала ценность своего успеха для исхода сражения. Так случилось при Ипсе с Деметрием, при Рафии с Антиохом, при Мантинее с Маханидом; случалось это и в позднейшие времена, хотя бы, например, с австрийской конницей при Молльвице. Быстро собрать усталых всадников не так легко; для этого нужна хорошая военная выучка, которой не достигнешь в один день. Поэтому для победы при Каннах потребовался не только численный перевес в коннице, но и тот, созданный Гамилькаром Баркой командный состав, который умел держать в руках бойцов даже во время сражения. Нумидийцы же, приведенные к Сципиону Масиниссой, только что явились со склонов Атласа и из ливийских оазисов»⁷⁹⁵.

Чтобы заставить конницу неприятеля покинуть поле сражения как можно скорее, Ганнибал будто бы отдал приказ своим всадникам обратиться в притворное бегство. После этого карфагенский полководец отвел легковооруженных воинов и двинул вперед фалангу карфагенских граждан. Как только она завязала сражение с противником, он разделил фалангу ветеранов на две части, которые стали обходить справа и слева строй сражавшихся карфагенян. «Это то же самое движение, которое африканцы произвели при Каннах, с тою лишь разницей, что оно началось позднее; поэтому отрядам предстояло совершить более длинный путь»⁷⁹⁶. Если бы ветераны Ганнибала смогли нанести фланговый удар по римской пехоте в то время, как с фронта ее теснила фаланга карфагенских граждан, исход битвы был бы решен. Однако Сципион вовремя заметил и разгадал маневр своего гениального противника. Чтобы парировать его, он так же разделил свою вторую линию и противопоставил ее наступавшей справа и слева второй линии карфагенян. Сражение затянулось и приняло еще более ожесточенный характер. Неизвестно, на чью сторону склонилась бы фортуна, если бы в этот момент на поле боя вновь не показалась римская кавалерия, которая ударила в тыл карфагенянам⁷⁹⁷.

Битва при Заме. Римляне отражают атаку карфагенских слонов
Рис. И. В. Кирсанова

Еще больше тактического таланта, проявленного Ганнибалом в этом сражении, видит Дж. Бридзи. Согласно его выводу, уже в древности не Канны, а именно Зама считалась высочайшим достижением Ганнибала как тактика⁷⁹⁸. Дж. Бридзи соглашается с Г. Дельбрюком в том, что карфагенская кавалерия получила приказ притворным отступлением увлечь неприятеля за собой⁷⁹⁹. Слонам предстояло завязать бой, чтобы пехота

получила время для совершения маневра, задуманного Ганнибалом. Наемники и карфагенские граждане, не ввязываясь в сражение, должны были, разорвав надвое свой боевой порядок, отступить и занять позиции слева и справа от фаланги ветеранов. Таким образом фронт карфагенской армии увеличивался, и карфагеняне получали возможность охватить неприятеля с флангов⁸⁰⁰. Однако Сципион, вовремя оценив грозящую опасность, приказал принципам и триариям выдвинуться вперед и образовать единый фронт с гастатами. Далее, по мнению Дж. Бридзи, события развивались по тому же сценарию, что и в варианте, предложенном Г. Дельбрюком.

На наш взгляд, версия Дж. Бридзи выглядит менее убедительно: во-первых, она предполагает, что перестроение, аналогичное тому, которое предложил Г. Дельбрюк, будет совершено дважды, что выполнить было бы весьма трудно, особенно учитывая, что сначала этот сложный маневр должны были осуществить разноплеменные, не связанные друг с другом отряды наемников, а второй раз — гражданское ополчение; во-вторых, в таком удлинении фронта карфагенской армии, какой предлагает Дж. Бридзи, просто не было смысла, ведь у Ганнибала был двойной перевес в силах, и если первую линию боевого порядка пунийской армии образовывали 12 000 человек (Polyb., XV, 11, 1–2), то вторая и третья состояли не менее чем из 15 000 каждая. Если бы Ганнибал выстроил всю армию в одну линию, то ее фланги оказались бы на слишком большом удалении от строя противника, что помешало бы им своевременно вступить в сражение.

Как бы там ни было, и первая, и вторая реконструкции битвы при Заме очень хорошо соответствуют тому образу победителя при Каннах, непревзойденного и хитроумнейшего тактика, который создали сами античные историки. Ганнибал не мог просто проиграть битву, он должен был проиграть ее «красиво». Уже Тит Ливий, давая оценку последнему сражению карфагенского вождя, приложил все усилия, чтобы реабилитировать его, продемонстрировав своему читателю, что Ганнибал даже при Заме остался Ганнибалом. «И сам Сципион, и все знатоки военного дела воздали ему должное за исключительное умение, с каким он в этот день построил свое войско: впереди он поставил слонов, чтобы внезапное нападение этих неодолимо сильных животных расстроило боевой порядок римской армии, на который больше всего рассчитывали римляне; вспомогательные отряды он поставил впереди карфагенян, чтобы этот разноплеменный сброд, эти наемники, не знающие верности, удерживаемые только корыстью, лишены были возможности бежать; они должны были принять на себя первый, неистовый натиск римлян, утомить их и хотя бы притупить их оружие о свои тела; дальше поставлены были карфагеняне и африканцы — на них

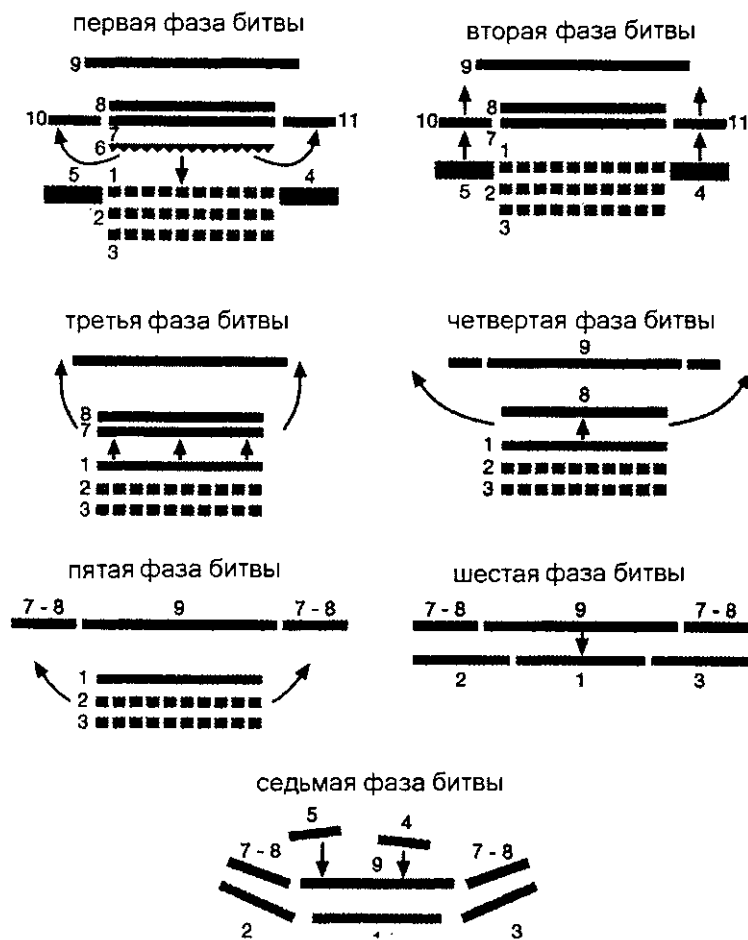

Схема битвы при Заме в соответствии с реконструкцией,
предложенной Дж. Бридзи

Римская армия: 1 — гастаты; 2 — принципы; 3 — триарии;
4 — нумидийская кавалерия; 5 — римская кавалерия.

Карфагенская армия: 6 — слоны; 7 — наемники; 8 — карфагенские граждане;
9 — ветераны Ганнибала; 10 — карфагенская кавалерия;
11 — нумидийская кавалерия

(Brizzi G. Il guerriero, l'oplita, il legionario. Gli eserciti nel mondo classico.
Bologna, 2008. P. 86)

Ганнибал возлагал всю надежду; вступив со свежими силами в бой, они могли одержать верх над противником, равным по силе, но уже усталым и израненным; за ними на некотором расстоянии стояли италийцы, отодвинутые Ганнибалом как можно дальше, — неизвестно было, друзья они или враги. Таков был последний образец воинского искусства Ганнибала» [Liv., XXX, 35, 5–10; пер. М. Е. Сергеенко].

Как бы ни различались предложенные реконструкции, они схожи в одном: роль слонов в них сведена до минимума. И Г. Дельбрюк, и Дж. Бридзи стараются как можно быстрее «убрать» их с поля сражения, чтобы они не мешали проявиться гениальному замыслу великого карфагенского полководца. Но не будем торопиться с выводами. Относительно количества слонов, которыми располагал Ганнибал, мы склонны доверять источникам: их было действительно очень много. На это указывает прежде всего то, что Ганнибал поставил слонов перед фронтом армии. Мы уже неоднократно отмечали, что количество слонов, находившихся в распоряжении военачальника, само определяло их место в боевом построении и непосредственное участие в столкновении с противником. Если слонов было около сотни, то их использовали в качестве живого тарана против тяжеловооруженной пехоты. Если животных было 40–50, их размещали на флангах для борьбы с неприятельской кавалерией. Наконец, если слонов было не более двух десятков, то их держали в резерве и вводили только в самый разгар боя, полагаясь не столько на силу их натиска, сколько на моральный шок, который охватывал противника, совершенно не готового к подобному повороту событий. Не будем также забывать, что накануне вторжения Сципиона в Африку у карфагенян было 140 слонов, и с большой долей вероятности можно утверждать, что основную часть их пунийцы сумели сохранить.

Утверждение Г. Дельбрюка о том, что слоны находились только перед фронтом пехоты, может быть опровергнуто свидетельствами наших источников. Согласно Полибию и Ливию, уже в начале сражения некоторые слоны на левом фланге карфагенян, испугавшись звуков труб, повернули против стоявшей за ними конницы, и благодаря этому Масанасса оттеснил карфагенских всадников от остальной части армии [Polyb., XV, 12, 1–2; Liv., XXX, 33, 12–13]. Аппиан прямо утверждает, что Сципион специально разместил на крыльях боевого порядка нумидийских всадников, лошади которых были привычны к виду и запаху слонов [App., Lib., 40, 41]. Именно нумидийцам удалось обратить в бегство слонов, стоявших на флангах карфагенян. «Когда войска сошлись, — повествует Аппиан, — начали сражение слоны, снаряженные для внушения ужаса и возбуждаемые уколами стрекал со стороны тех, кто на них сидел; но

всадники-номады, носясь вокруг них, метали в них дротики один за другим, пока вожаки не вывели их из битвы, израненных, бросившихся бежать и уже переставших слушаться. Так было со слонами, стоявшими на флангах...» [App., Lib., 43; пер. С. П. Кондратьева].

Относительно италийской конницы Аппиан сообщает, что каждому из всадников был придан помощник, несший большое количество дротиков [App., Lib., 43]. Во время сражения италийские всадники забросали ими слонов и заставили их бежать с поля боя. После этого они обратили в бегство и стоявшую против них карфагенскую кавалерию [Polyb., XV, 12, 4–6].

Те из слонов, занимавших позицию напротив римской пехоты, которых удалось погнать на врага, попали под град римских метательных снарядов. «Идя сквозь ряды копейщиков, израненные, они крушили все вокруг. Копейщики отскочили к манипулам, чтобы не быть растоптанными, дали дорогу слонам и с обеих сторон кидали в них свои копья с передовой, солдаты, не переставая, метали в слонов дротики, пока животные наконец не были прогнаны римлянами, повернули на своих и не обратили в бегство карфагенских всадников, стоявших на правом фланге [Liv., XXX, 12, 14–16; пер. М. Е. Сергеенко].

Таким образом, если мы суммируем указания наших источников, то окажется, что версия Г. Дельбрюка относительно роли карфагенской кавалерии в этом сражении будет выглядеть несостоятельной: Ганнибал вполне мог рассчитывать с помощью слонов обратить в бегство неприятельских всадников, а затем окружить вражескую пехоту точно так же, как это было при Каннах.

Однако ситуация, сложившаяся под занавес Второй Пунийской войны, совершенно не способствовала осуществлению замыслов карфагенского главнокомандующего. И дело здесь не в том, что он наконец-то встретил в лице Сципиона противника, способного состязаться с ним в полководческом искусстве. Хотя, справедливости ради, нужно отметить, что Сципион был лучшим из числа римских военачальников той поры. Самое главное, что препятствовало победе Ганнибала в этом решающем столкновении, — то, что армия, во главе которой он стоял, по своим боевым качествам намного уступала римской. У карфагенян не было больше численного и качественного преимущества в кавалерии, которое неоднократно обеспечивало им успех на полях сражений. Набранные наспех наемники и не имевшие большого военного опыта карфагенские граждане были плохой заменой тем солдатам, которые когда-то перешли Альпы. Ветеранов же, пришедших из Италии, было слишком мало, чтобы они в одиночку могли сражаться против закаленных в боях легионеров

Сципиона. Единственным козырем, оставшимся на руках у Ганнибала, были те 80 слонов, которые могли как-то уравнять шансы на победу. Поэтому, оценив сложившуюся ситуацию, Ганнибал принял решение укрепить не только фланги, но и центр армии слонами, измотать противника, нанеся ему как можно большие потери, а затем ударить свежим резервом, состоявшим из отборных солдат.

Однако случилось то, что карфагенский полководец не мог предвидеть и чему уже не мог никак помешать. Уже в начале сражения звуки труб и рожков испугали слонов, которые тут же повернули назад [Polyb., XV, 12, 1–2]. Ливий утверждает, что на врага удалось погнать только нескольких животных [Liv., XXX, 33, 13–14]. Любопытным представляется тот факт, что при перечислении потерь карфагенян Ливий упоминает только об одиннадцати захваченных слонах [Liv., XXX, 35, 3], но ничего не говорит об убитых животных, хотя прежде он всегда с большим вниманием относился к подобной статистике. Не значит ли это, что все слоны остались живы и большинство из них разбежалось уже в начале битвы?

Рассказы о слонах, испуганных звуками рожков, способствовали тому, что современные исследователи посчитали резкие и громкие звуки одним из средств борьбы с огромными животными. Однако в действительности подобная картина представляется более чем странной: если слонов можно было напугать сигналами труб, то тогда становится непонятным, почему римляне и другие народы, которым приходилось бороться против этих гигантов, никогда не прибегали к такому простому и эффективному средству? Очевидно, не все было так однозначно, как представляется с первого взгляда, и резкие звуки не всегда оказывали на слонов столь сильное воздействие. Например, согласно Курцию Руфу, слоны Пора не боялись барабанного боя, поскольку их уши «давно привыкли к такого рода звукам» [Curt., VIII, 14, 10]. Вообще нельзя не заметить существенную разницу между битвой при Заме и описаниями более ранних сражений, в которых принимали участие огромные четвероногие. В Индии слоны топтали македонскую пехоту, сминая ее ряды, в битве при Тунете они прорвали римские боевые порядки, а во время восстания наемников взяли штурмом неприятельский лагерь. Единственным объяснением странного поведения слонов при Заме может быть то, что животные были не приучены к шумам такого рода. Другими словами, последние слоны, на которых возлагали свои надежды карфагеняне, не имели никакого боевого опыта⁸⁰¹.

Данный вывод подтверждается Аппианом, согласно которому, значительная часть слонов была отловлена карфагенянами накануне высадки

римлян в Африке (не ранее 203 г. до н. э.). Вспомним, что дрессировка африканских слонов требует достаточно много времени. Кроме того, слоны, выведенные на поле боя спустя неполный год обучения, были еще очень молодыми. Этим объясняется, почему они не выполнили задачу, которая ставилась перед ними. А после того как карфагеняне были разбиты на флангах, судьба сражения, по сути, была уже решена. Как бы храбро ни сражались ветераны Ганнибала, им было не под силу выдержать натиск численно превосходящей римской пехоты. К тому же и всадники, если не нумидийские, то, по крайней мере, италийские, должны были рано или поздно снова возвратиться, чтобы вступить в бой.

В заключение несколько слов относительно построения римской пехоты в этом сражении. На наш взгляд, нет ничего удивительного в том, что Сципион поставил манипулы гастатов принципов и триариев друг за другом. Вполне очевидно, что в случае, если бы римские велиты не выдержали натиск слонов, то образованные проходы послужили бы, с одной стороны, путем отхода, а с другой — ловушкой для зверей, которые, придя в ярость, бросились бы преследовать своих обидчиков.

Факт размещения велитов в интервалах между манипулами легионеров тоже поддается логическому объяснению. Если бы слонов было немного, то, нападая на одно животное сразу с нескольких сторон, велиты могли бы уклоняться от преследования. Поскольку на этот раз слонов участвовало гораздо больше, чем обычно, даже легковооруженным воинам было бы трудно спастись от стремительно передвигавшихся животных. Поэтому Сципион, стараясь обезопасить своих застрельщиков, разместил их под прикрытием тяжелой пехоты.

ЧТО ПОДОРВАЛО СИЛЫ ПУНИЙСКОЙ ЭЛЕФАНТЕРИИ

Есть один немаловажный момент, на который стоит обратить внимание. Мы уже указывали на то, что существует достаточно заметная разница между количеством слонов, участвовавших в сражениях Первой и Второй Пунийских войн. В Карфагене, если верить Аппиану, были сделаны стойла для 300 огромных зверей, которые обычно там и содержались. В течение первой войны с Римом пунийцы действительно могли выводить на поле боя по 100 и более животных. Даже еще при завоевании Испании они обладали значительным количеством слонов. Но к началу второй войны их у Карфагена было явно недостаточно: всего 58 согласно данным Ливия. Впрочем, Ливий называет лишь тех слонов,

которые отправились в поход с Ганнибалом или остались защищать Испанию. Возможно, некоторое количество животных находилось в самом Карфагене. Тем не менее в составе карфагенских армий периода Второй Пунийской войны никогда не было больше 40 слонов⁸⁰².

Не исключено, что уменьшение количества огромных зверей в пунийских войсках было вызвано требованиями тактической необходимости. Для проведения успешных операций на самых различных театрах военных действий фактор мобильности должен был играть весьма значимую роль. Поэтому карфагеняне не могли позволить себе чрезмерно увеличивать обоз. К тому же содержание слонов в странах с климатом, для них непривычным, а иногда даже и губительным, неизбежно должно было вызывать трудности, которые только возрастали с увеличением численности элэфантерии.

Однако под конец войны, когда решалась судьба самого Карфагена, количество слонов в карфагенских армиях снизилось до совершенно смешотворных цифр: у Гасдрубала их оставалось всего 10, а Магону карфагенское правительство смогло отправить только семерых. Наконец, накануне битвы при Заме, чтобы пополнить численность своей элэфантерии, пунийцам пришлось в срочном порядке организовать экспедицию по отлову слонов. Подобные факты наводят на мысль, что у карфагенян попросту уже не было возможности своевременно обеспечивать свои армии необходимым количеством огромных зверей. Допустимо предположить, что их возросшие потребности в слонах привели к исчезновению этих животных в близлежащих к Карфагену областях.

С похожей проблемой столкнулись бельгийцы, едва только образованный ими Центр по дрессировке слонов начал свою деятельность: несмотря на то что обученных животных было всего несколько десятков, вокруг Апи слонов практически не осталось. Это объясняется прежде всего тем, что очень много слонов было не столько отловлено, сколько истреблено или погибло в неволе. Бельгийским отрядам, направлявшимся за ними, так же как некогда птолемеевским охотникам, приходилось удаляться более чем на 100 км от своей базы. Именно поэтому в 1925 г. потребовалось образовать новую станцию, находившуюся в 500 км от прежней⁸⁰³. А ведь бельгийцам не нужно было отлавливать слонов в таких больших количествах, как карфагенянам, к тому же и деятельность их по отлову животных не была столь же продолжительной.

ГЛАВА XI
ЗАКАТ «ЭПОХИ
БОЕВЫХ СЛОНОВ»

*Elephantorum nova forma equi hostium hostesque
conterriti diffugissent.*

Orosius Paulus. «Historiae adversum paganos», V, 13, 2

*Лошади врагов и сами враги, перепуганные
невиданным обликом слонов, обратились в бегство.*

Павел Орозий. «История против язычников», V, 13, 2

СЛОНЫ СТАНОВЯТСЯ ГЛАВНЫМ ВИДОМ ВОЙСКА НУМИДИЙСКИХ ЦАРЕЙ

После окончания Второй Пунийской войны боевыми слонами обзавелся нумидийский царь Масанасса, ставший верным союзником Рима. Теперь именно эти огромные животные, а не эскадроны прославленных нумидийских всадников, были главным видом войска, на который полагались правители Нумидии. Сыновья Масанассы также располагали значительным числом огромных зверей. Югурта, как кажется, еще больше увеличил их количество [Veg., III, 24]. В самом начале Югуртинской войны он, пытаясь выиграть время и заключить перемирие с Римом, выдал республике 30 боевых слонов [Sallust., Bell. Iugurt., 29, 6]. Однако это не подорвало его военных сил. В битве при р. Мутул у Югурты было 44 слона, из которых 4 были захвачены римлянами живыми, а все остальные перебиты во время сражения [Sallust., Bell. Iugurt., 53, 4]. После ряда военных неудач Югурта вновь был вынужден вступить в переговоры с римлянами и выдать победителям всех своих боевых слонов [Sallust., Bell. Iugurt., 62, 5–6].

После смерти Югурты власть над страной была разделена между Гиемпсалом и Иарбом. Во время вспыхнувшей в Риме гражданской войны Иарб, примкнувший к сторонникам Мария, привел им на помощь свои войска, в том числе и слонов. Но Помпей разбил войска марианцев и захватил их слонов [Plin., NH, VIII, 4]. Тем не менее нумидийцы очень быстро восстановили свой военный потенциал, и когда в Риме началась новая гражданская война — на этот раз между сторонниками Помпея и Цезаря, царь Юба, поддерживавший помпеянцев, уже имел в своем распоряжении 120 огромных животных [[Caes.], Bell. Afr., 19].

СЛОНЫ В СОСТАВЕ РИМСКИХ АРМИЙ

П. Д. Арманди пролил достаточно много чернил, чтобы убедить своего читателя в том, что римляне всегда с известной долей недоверия и даже некоторым презрением относились к боевым слонам. Однако факт остается фактом: именно слонов в качестве военной помощи требовали римляне у нумидийских царей.

Как было показано выше, впервые римляне столкнулись с боевыми слонами во время войны с Пирром. После победы римский сенат даровал консулу Курию Дентату право отпраздновать триумф, во время которого по Риму прошли четыре слона, доставшихся римлянам в качестве трофея [Eutrop., II, 14]⁸⁰⁴. Захватив в сражении под Панормом карфагенских слонов, Метелл, возможно, уже тогда включил некоторое количество этих животных в состав своей армии, а изображение слона сделал символом своего рода⁸⁰⁵.

Однако из Сицилии слонов нужно было переправить в Италию, чтобы они прошли по Риму во время триумфальной процессии. Согласно утверждению Фронтин, Метелл, не имевший достаточного количества кораблей, соединил бочки, покрыл их дощатым настилом и на этом импровизированном пароме перевез через Сицилийский пролив [Frontin., I, 7, 1]. Четвероногие гиганты стали украшением его триумфального шествия в 252/251 г. до н. э. Поскольку римляне не умели обращаться со слонами, то, не найдя им никакого применения, они перебили животных на потеху толпе на цирковой арене [Plin., NH, VIII, 16–17].

Денарий Гая Цецилия Метелла Капрария (125 г. до н. э.)

На аверсе изображена богиня Рома, внизу надпись «ROMA»;
на реверсе — Юпитер на колеснице, запряженной слонами,
внизу надпись «METELLVS»

(Crawford M. The Roman Republican Coinage. 2 volumes. London, 1974. № 269/1;

Seaby H. A. Roman Silver Coinage. Vol. 1. London, 1978. Caecilia № 14;

Sear D. R. Roman Coins and Their Values. 5th ed. Vol. 1: The Republic and the Twelve Caesars. London, 2000. № 145)

Длительные войны с карфагенянами продемонстрировали римлянам, что слоны могут принести большую пользу на полях сражений. Характерно, что, в отличие от того, что происходило после побед над Пирром и карфагенянами в Первую Пунийскую войну, римляне не истребили

слонов, захваченных во Второй Пунийской войне, а предпочли сохранить их для участия в войне с Македонией. Более того, они стали настолько активно использовать новый вид войск, что, несмотря на все сложности и неудобства, связанные с этим, неоднократно обращались к своему союзнику Масанассе, прося его об отправке огромных четвероногих на различные театры военных действий.

Спустя несколько месяцев после окончания Второй Пунийской войны [Liv., XXXI, 5, 1] Рим начал войну с македонским царем Филиппом V. Консул Публий Сульпиций Гальба высадился в Иллирии с армией, в составе которой были боевые слоны. Количество животных неизвестно. Ливий утверждает, что их было «несколько» (*aliquot*) [Liv., XXXI, 36, 4]. В первый раз римляне вывели слонов на поле боя под Ликом, где находился лагерь Филиппа. Предлагая противнику вступить в сражение, консул выстроил армию на равнине в боевой порядок. Слоны, согласно Ливию, были размещены перед ее фронтом⁸⁰⁶. Если животных было немного, то подобную диспозицию можно объяснить лишь тем, что Гальба видом чудовищных зверей пытался запугать македонян. Вместе с тем не исключено, что слонов было гораздо больше, чем это следует из текста Ливия, и римский командующий рассчитывал, что они смогут оказать ему реальную помощь в борьбе с фалангой Филиппа. Македонский царь не принял боя, поэтому возможность ввести в дело слонов римляне смогли использовать только через несколько лет.

В 198 г. до н. э. римская армия получила подкрепления, в числе которых были 10 нумидийских слонов, присланных Масанассой [Liv., XXXII, 27, 2], — факт, сам по себе достаточно примечательный. Прежде всего он свидетельствует о том, что у римлян больше не было «в запасе» карфагенских слонов, другими словами, те «несколько», которые вошли в армию Гальбы, составляли общее количество животных, взятых римлянами у карфагенян. А ведь только при Заме им досталось 11 огромных зверей. Сколько они могли захватить слонов до этого или получить от пунийцев после подписания мира? Десятки. Поэтому в несостоявшемся сражении у Лика слонов должно было быть настолько много, что их строй вполне мог вытянуться вдоль фронта всей римской армии или, по крайней мере, вдоль фронта легионов. Не удивительно, что Филипп предпочел воздержаться от столкновения.

Другой вывод, который можно сделать из сообщения о присланных Масанассой войсках, состоит в том, что новый консул Тит Квинкий Фламинин не чувствовал себя достаточно сильным, чтобы вступить в генеральное сражение с македонянами и предпочел силой слонов подкрепить мужество своих воинов.

Сражение, решившее исход Македонской войны, состоялось при Киноскефалах (197 г. до н. э.). Римская армия насчитывала около 20 000 человек римлян, 6000 пехотинцев и 400 всадников союзников-этолийцев. Филипп располагал приблизительно такими же силами [Plut., Flamin., 8].

Столкновение началось случайно, поскольку долину, где произошла битва, покрывал густой туман. «Высланные с обеих сторон для засад и разведки воины вскоре столкнулись друг с другом и вступили в бой неподалеку от так называемых Киноскефал, получивших свое имя за сходство с собачьими головами, — частых островерхих холмов, тянувшихся рядами друг подле друга. Как всегда бывает на пересеченной местности, бегство попеременно сменялось преследованием, и тем, кого теснили и кому приходилось отступать, оба полководца время от времени посылали подмогу...» [Plut., Flamin., 8; пер. Е. В. Пастернак]. Тит Фламинин отправил на помощь своим отряд этолийцев из 2000 пехоты и 500 всадников. Когда же македоняне стали отступать, Филипп приказал поддержать их командиру наемников Афинагору, которому были приданы все вспомогательные войска, кроме фракийцев, а также македонская и фессалийская конница. В результате победа осталась за македонянами [Liv., XXXIII, 7, 7–13].

Наконец, когда туман рассеялся, командующие стали строить в боевой порядок основной состав своих армий. Согласно Ливию, правый фланг, состоявший из тяжеловооруженной пехоты, Тит отодвинул назад, а впереди него поставил слонов. Сам он возглавил атаку левого крыла, на котором оказалась сосредоточена легкая пехота [Liv., XXXIII, 8, 3]. Это нападение было успешно отражено правым флангом македонян, где Филиппу удалось развернуть свою фалангу. Однако на левом крыле македонской армии фаланга, «выстроенная, скорее, для похода, чем для сражения», только еще поднималась на вершину холма [Liv., XXXIII, 9, 5]. «Квинций и направил удар именно против фаланги, не выстроившейся еще к бою... Впереди он пустил слонов, рассчитывая, что если побежит часть врагов, она увлечет за собой всех остальных. Расчет оказался верен: напуганные животными македоняне сразу же повернули назад» [Liv., XXXIII, 9, 6–7; пер. С. А. Иванова]. Обратив в бегство левый фланг македонской армии, римляне ударили по ее правому флангу и тем самым довершили победу⁸⁰⁷. На поле боя осталось лежать 8000 солдат Филиппа; 5000 было взято в плен [Plut., Flamin., 8]. Заключив унижительный для побежденных мирный договор, римляне подарили всех своих слонов состоявшему с ними в союзе пергамскому царю Атталу [Liv., XXXIII, 30, 10].

Планируя начать войну с Антиохом III, римляне вновь решили включить в свою армию громадных зверей. В ответ на их просьбу Масанасса обещал предоставить им 20 животных [Liv., XXXVI, 4, 8]. Это обещание, по всей видимости, было выполнено — по крайней мере частично: в 191 г. до н. э. консул Маний Ацилий Глабрион высадился в Фессалии с армией, насчитывавшей 20 000 пехотинцев, 2000 всадников и 15 слонов [Liv., XXXVI, 14, 1].

Изгнав Антиоха из Эллады, римляне перенесли войну в Азию. Удивительным образом количество слонов в составе римской армии к этому времени не уменьшилось, а напротив, увеличилось: в битве при Магнезии (190 г. до н. э.) у римлян было уже 16 слонов. Этому факту может быть два объяснения: либо римская армия получила новые подкрепления из Нумидии, либо слонов привел к ним пергамский царь, участвовавший в войне с сирийцами на римской стороне. Второе предположение кажется нам более вероятным.

Очевидно, участие слонов в военных действиях, которые римляне вели против эллинистических государств, было не столь уж неэффективным, если количество четвероногих колоссов в их армиях с каждым разом все увеличивалось. Во время Третьей Македонской войны (171–168 гг. до н. э.) кроме 22 африканских слонов [Liv., XLII, 62, 2], посланных Масанассой, у римлян было еще какое-то количество индийских слонов, полученных ими от сирийского царя Антиоха [Polyaen., IV, 21]. Не ясно, о каком Антиохе может идти речь: об Антиохе III или его сыне Антиохе IV Эпифане (175–164 гг. до н. э.). Если допустить первую возможность, то тогда придется признать, что слоны, захваченные в результате Сирийской войны, около 10 лет использовались римлянами в военных целях. Это представляется маловероятным, поскольку никаких масштабных войн на Востоке, требовавших участия этого рода войск, римляне в то время не вели, вместе с тем содержать слонов они не умели. Поэтому остается только предположить, что слонов дал римлянам Антиох IV, считавшийся другом и союзником римского народа. Иными словами, чтобы получать слонов от сирийцев, римляне сознательно закрывали глаза на нарушение условий Апамейского соглашения, запрещавшего Селевкидам содержать этих животных.

К событиям Третьей Македонской войны относится занимательный рассказ Ливия о том, как римляне переводили слонов через хребет Олимпа. Вот как повествует историк об испытаниях, выпавших на долю римской армии: «Неизъяснимо труден был спуск: срывались животные, катилась вниз поклажа; и четыре мили еще не прошли, а только о том и мечтали, чтобы воротиться назад, будь это возможно. Да и слоны

вносили смятение не хуже неприятеля: дойдя до нехоженных мест, они сбросили погонщиков и подняли такой рев, что всех повергли в трепет, особенно лошадей. Наконец придумали, как их перевести. Несколько ниже по склону вбивали в землю на одном уровне два крепких столба, отставив один от другого чуть дальше, чем на ширину слона; на поперечную балку накладывали доски по тридцати футов длиною, наподобие мостика, и присыпали землею. Еще ниже по склону на малом расстоянии устраивали такой же второй, затем третий мостик и так далее у каждого обрыва. С твердой земли слон ступал на мостик, но прежде, чем он доходил до края, столбы подрубали, и слон сползал до начала следующего мостика, какой — держась на ногах, какой — скатываясь на зад; когда под ним вновь оказывался ровный мостик, все начиналось сначала, покуда не спустились в долину» [Liv., XLIV, 5, 1–7; пер. О. Л. Левинской]. Все это описание вызывает большое сомнение и представляется не подтвержденным фактами вымыслом, основанным лишь на том положении, что огромные размеры слонов должны неопровержимо свидетельствовать о неуклюжести и неповоротливости животных. Характерно, что ничего подобного Ливий не рассказывает о переходе слонов Ганнибала через Альпы. Объясняется это, очевидно, тем, что источником, в котором он почерпнул сведения о последнем событии, был труд, оставленный одним из непосредственных участников похода карфагенян.

Генеральное сражение между римской и македонской армиями состоялось в 168 г. до н. э. у г. Пидна. Консул Эмилий Павел, командовавший римлянами, поставил слонов на левом фланге, а позади них располагались конные отряды союзников. Согласно свидетельству Ливия, именно слоны посеяли панику среди македонян и обратили их в бегство [Liv., XLIV, 41, 3–4]. Позже, когда вся македонская армия была уже практически уничтожена, а оставшиеся в живых пытались найти спасение в реке, римляне привели огромных животных к берегу, чтобы те давили тех, кто пытался выбираться из воды [Liv., XLIV, 42, 6].

Насколько велика была роль слонов в победе, одержанной римлянами? П. Д. Арманди допускает, что римляне одержали бы победу и без их участия⁸⁰⁸. Сами римляне, видимо, не были столь уверены в военном превосходстве над противником, раз готовы были претерпеть любые трудности, лишь бы доставить слонов в Македонию.

Что касается Персея, то его подготовка к войне с Римом — наглядное доказательство, что он более всего опасался именно слонов, не легионов... Исторический спор между легионом или фалангой был еще далеко не решен. Битва при Киноскефалах могла бы завершиться иначе, если бы не вмешательство этих гигантов. Поэтому македонский царь

создавал отряды элѐфантомахов и приучал лошадей к виду и реву слонов, используя придуманные им манекены. Вероятно, как символ своей грядущей победы над слонами Персей приказал изобразить на реверсе выпущенных им дидрахм *ἄρπη* (стрекало) — орудие подчинения громадного зверя человеку.

Дидрахма Персея (179–168 гг. до н. э.). На аверсе изображен царь, на реверсе — стрекало для управления слоном и надпись по-гречески «Царь Персей» (Munich City Coin Collection. Munich, 1968. № 1196)

Сокрушив своих самых сильных соперников на Востоке, римляне не отказались от использования слонов в войнах против варваров. В Нумантинскую войну они снова прибегли к их помощи. Сначала у них было 10 слонов [App., Iber., 46]. Позднее Сципион Младший прибыл к Масанассе за дополнительным контингентом животных [App., Lib., 71, 72]. В этой же войне римляне впервые понесли поражение (152 г. до н. э.), ответственность за которое античные историки поспешили возложить на громадных четвероногих. Во время боя у Нуманции проконсул Фульвий Нобилиор поставил слонов в резерве. «Когда начался рукопашный бой, — передает Аппиан, — то его солдаты расступились и животные внезапно появились перед врагами. Кельтиберы, и сами, и их кони, никогда прежде не видавшие слонов на войне, пришли в смятение и бежали в город. Нобилиор повел этих слонов к самым стенам и вел удачно бой до тех пор, пока один из слонов, пораженный большим камнем, упавшим ему на голову, не пришел в ярость и, страшно заревев, не повернулся на своих же и стал убивать всякого, попадавшего ему на пути, не разбирая врагов и друзей. Другие слоны, приведенные в беспокойство его ревом, все стали делать то же, что и он: топтать, рубить и подбрасывать вверх. Перепуганные слоны обыкновенно это и делают и всех считают своими врагами. Поэтому некоторые, чувствуя к ним из-за этого недоверие, называют их “общими врагами”. Тут началось нестройное бегство римлян. Увидав все это, нумантинцы быстро вышли из-за стен и, преследуя,

убили тысячи четыре воинов и трех слонов и захватили много оружия и военные знамена» [App., Iber., 46; пер. С. П. Кондратьева].

Впрочем, это поражение не смутило римлян настолько, чтобы они прекратили требовать себе помощь из Нумидии, которую оказывал им теперь уже Мициспа, сын и наследник Масанассы. Дважды Мициспа отправлял слонов в Испанию. Первый раз он послал 12 животных Сципиону Эмилиану, воевавшему с нумантинцами, в во второй раз 10 слонов было предоставлено проконсулу Фабию Сервилиану, когда тот вел войну с лузитанами под предводительством Вириата (147–139 гг. до н. э.) [App., Iber., 57, 89].

Поражение римлян под Нуманцией

Рис. И. В. Кирсанова

Удивительный факт — очень скоро громадные звери стали неотъемлемой частью римских вооруженных сил на Иберийском полуострове — остался не замеченным исследователями. Его подтверждает сообщение Валерия Максима, согласно которому, проконсул Метелл, перед тем как передать командование в Испании своему противнику Квинту Помпею, решил всевозможными средствами ослабить армию и среди прочего приказал оставить без корма слонов [Val. Max., IX, 3, 7]⁸⁰⁹.

Добывая Карфаген, римляне снова обратились за помощью к своим нумидийским союзникам. Гулусса, другой сын Масанассы, привел

Сципиону большое количество слонов. Во время штурма карфагенского лагеря под Неферисом римский главнокомандующий послал на приступ Гулуссу с его слонами, а сам с отборными воинами совершил нападение на карфагенян с тыла. Слоны взобрались на вал, разметали частокол, ворвались в лагерь и произвели страшное избиение пунийцев. Около 70 тысяч человек было растоптано ногами огромных животных и лишь четырем тысячам удалось спастись [App., Lib., 126].

Сохранились свидетельства античных авторов, утверждающих, что римляне и далее использовали слонов в своих войнах с галлами [Flor., I, 33, 7; Oros., V, 13, 2]. Некоторые современные исследователи отказываются этому верить, настолько не вяжется устоявшийся образ римской военной организации с присутствием слонов⁸¹⁰. Однако в действительности в этом нет ничего странного и гораздо больше логики, чем в использовании слонов в восточных кампаниях. Согласно Орозию, у римлян были слоны во время войны с аллоброгами (121 г. до н. э.), которая завершилась кровопролитной битвой недалеко от крепости Виндалий. Римлянам удалось одержать победу главным образом благодаря тому, что, перепуганные видом незнакомых животных, лошади галлов и сами галлы обратились в бегство [Oros., V, 13, 2]. Если верить данным источников, то потери аллоброгов составили 20 000 человек убитыми и 3000 пленными. Поражение аллоброгов и укрепление позиций Рима в Южной Галлии тут же привело к новой войне с союзниками аллоброгов — арвернами. Варвары собрали 200-тысячную армию. Гней Домиций Агенобарб, командовавший римлянами, нанес поражение галлам при слиянии рек Сульги и Родана [Strab., IV, 2, 3]. То, что немалая заслуга в этой победе принадлежала слонам, доказывает устроенная Агенобарбом пышная процессия, во время которой он ехал по провинции верхом на одном из этих великанов [Suet., Nero, 2, 1]⁸¹¹.

Окончательно арверны были побеждены только в сражении у р. Родан. Согласно Ливию, потери галлов составили 120 000 человек [Liv., regiōcha, 61], а Орозий передает, что из их 180-тысячной армии уцелело не более 30 000 [Oros., V, 14, 3]. П. Д. Арманди полагает, что столь большие потери можно объяснить только участием в бою слонов, посеявших панику в рядах варваров, после чего те обратились в бегство и частью утонули в реке, а частью погибли на берегу под ногами гигантских зверей⁸¹². Это вполне вероятно, ведь и Флор связывает поражение Битуита, вождя арвернов, с участием слонов [Flor., I, 37, 5]⁸¹³.

Еще один пример использования римлянами слонов в войнах с чужеземными народами сохранен для нас Полиэном, который утверждает, что в Британии при переправе через реку Цезарь испугал варваров,

занимавших противоположный берег, тем, что показал им боевого слона. «Защитив его железной чешуей, поставив на спине огромную башню и расположив лучников и пращников, он велел ввести его в реку. Британцы же были уstraшены, видя ранее невиданного и удивительного зверя. Что же касается лошадей, то что следует описать? Так же как и у эллинов, когда они видели даже невооруженного слона, лошади бежали. Слона же, несущего на себе башню и покрытого вооружением, с которого пускали стрелы и снаряды, не выдержали даже вида. Британцы же бежали со своими конями и колесницами, а римляне беспрепятственно перешли реку, испугав врагов одним животным» [Polyaen., VIII, 23, 5; пер. А. Б. Егорова]. Не ясно, есть ли в этом анекдоте хотя бы доля истины. Цезарь ничего не сообщает в своих «Записках о Галльской войне» об использовании им слонов. П. Д. Арманди склонен доверять Полиэну и полагает, что рассказ о слоне историк мог почерпнуть из дневников Цезаря, которые пережили автора и были использованы многими античными писателями, в частности Плутархом⁸¹⁴.

Можно привести три аргумента в пользу достоверности рассказа Полиэна. Во-первых, нам хорошо известно, что Цезарь намеревался использовать слонов во время похода против парфян [Cic., Phil., V, 17], однако смерть диктатора помешала осуществлению его грандиозных планов⁸¹⁵. Во-вторых, император Клавдий, готовивший вторжение в Британию, также желал использовать слонов в предстоящей кампании [Dio Cass., IX, 4]. Наконец, существует и нумизматическое подтверждение данного факта. Согласно утвердившемуся мнению, на денариях Цезаря на аверсе изображен слон, топчущий змею. По мнению П. Д. Арманди, подобное изображение появилось только после битвы при Тапсе как напоминание о великой победе, одержанной над гигантскими четвероногими⁸¹⁶. Однако не понятно, что в таком случае должна символизировать змея под ногами слона. К тому же, согласно современным датировкам, денарии с подобным изображением стали выпускаться уже за несколько лет до битвы при Тапсе. Вполне возможно, что в данном случае под ногами слона изображена не змея, а *carnyx* — кельтская труба, имевшая змеевидную форму. Тогда представляется вполне очевидным, что это символическое изображение отразило события, описанные Полиэном⁸¹⁷.

Последний раз римляне использовали слонов в 40-х гг. I в. до н. э. Однако теперь гигантские четвероногие понадобились им не для достижения победы над варварами, а для борьбы с собственными согражданами. В период гражданских войн противники Цезаря укрепились в Африке, где их поддерживал царь Юба, который привел на помощь союзником свои войска и слонов. В сражении при Узите Сципион, командовавший

войсками помпеянцев, расположил нумидийских слонов на флангах, на одинаковом расстоянии друг от друга. За слонами в резерве были поставлены легковооруженные воины и нумидийцы [[Caes.], Bell. Afr., 59]. Но до решительного столкновения дело не дошло, и все закончилось лишь небольшой кавалерийской стычкой, в которой помпеянцы одержали верх [[Caes.], Bell. Afr., 61].

Генеральное сражение, решившее исход кампании, состоялось возле Тапса (46 г. до н. э.). Сципион вновь поставил своих слонов на правом и левом флангах [[Caes.], Bell. Afr., 81]. Но в произошедшей битве слоны не смогли оказать никакой реальной помощи сторонникам Помпея. Уже в самом начале боя животные, напуганные свистом пращей, камней и свинцовых пуль, повернули назад и смяли ряды собственной пехоты [[Caes.], Bell. Afr., 83]. Помпеянцы были полностью разгромлены, а Цезарь одержал блестящую победу.

Битва при Тапсе, казалось бы, должна со всей очевидностью продемонстрировать всю бесполезность и даже опасность привлечения слонов к участию в военных действиях. Однако есть в описании этого сражения несколько деталей, на которые следует обратить особое внимание. Согласно сообщениям, содержащимся в наших источниках, слоны были совершенно не обучены и, по всей видимости, еще никогда не принимали участия в боевых действиях. Флор прямо утверждает, что Юба привел своим союзникам животных, только недавно отловленных в лесах и не приученных к битве. Поэтому при первых же сигналах труб они побежали вспять, сминая собственные боевые порядки [Flor., II, 67]. Как эта ситуация напоминает ту, что ознаменовала начало битвы при Заме!

Еще более наглядную картину рисует автор «Африканской войны», описывая методы дрессировки слонов, к которым должны были прибегнуть римляне: «Тем временем Сципион начал следующим образом дрессировку слонов. Он построил две боевые линии: одна, составленная из пращников, должна была представлять собой противника и пускать слонам в лоб мелкие камешки; против нее стояли выстроенные в ряд слоны; а за ними была собственно боевая линия, которая должна была обстреливать слонов камнями и гнать их назад на неприятеля тогда, когда противник начнет бросать в них камни и они от страха повернут на своих» [[Caes.], Bell. Afr., 27; пер. М. М. Покровского].

Какого успеха могли ожидать дрессировщики-дилетанты в результате своих кратковременных и неумелых тренировок? Даже сам автор «Африканской войны» замечает, что после многолетнего обучения и длительного опыта слоны по большей части оставались малопослушными [[Caes.], Bell. Afr., 27]. Вместе с тем в этом контексте весьма важным

представляется утверждение Каутильи, что сила, быстрота и смелость слонов увеличиваются благодаря воспитанию [А., II, 20, 2], и даже трусливым слонам можно привить храбрость [А., VII, 116, 12].

Суммируя вышесказанное, не стоит преувеличивать результаты победы пращников Цезаря над слонами помпеянцев. Звуки труб, свист пращей, резкие крики — все эти непривычные звуки могли вселить страх в гигантских животных и вынудить их искать спасения в бегстве. Стоит ли удивляться? Ведь даже лошади, домашние животные, отказывались повиноваться своим седокам, напуганные запахом и ревом слонов. Вместе с тем практика показала, что и лошадей можно было заставить не бояться огромных зверей. При этом выяснилось, что научить человека или лошадь не бояться слона не слишком сложно. Гораздо сложнее научить слона спокойно переносить боль от полученных ран.

Битва при Тапсе подвела черту под первым и наиболее ярким периодом военной истории слонов. Отныне римляне использовали этих животных только в качестве участников торжественных процессий или зрелищ, устраивавшихся для развлечения населения столицы. Многие императоры показывали народу бои слонов с людьми или другими животными. Однако источники сохранили сведения о том, что римляне предприняли несколько безуспешных попыток вернуть слонов на поля сражений. Выше уже отмечалось, что император Клавдий намеревался использовать четвероногих гигантов во время похода в Британию. Дидий Юлиан в страхе перед наступавшей армией Септимия Севера также хотел усилить свои войска боевыми слонами. Для этого он приказал собрать всех животных, которые служили римлянам для праздничных процессий, и приучить их носить на спинах башни и людей. Однако осуществить этот замысел ему не удалось, поскольку слоны проявляли непокорность и сбрасывали башни на землю [Xiphilin., LXXIII, 16; Herodian., II, 11, 9]. Каракалла, страстный почитатель Александра Великого, создал некое подобие фаланги и обзавелся отрядом слонов, считая, что таким образом он больше походит на македонского завоевателя [Xiphilin., LXXVII, 7]. Впрочем, у нас нет никаких свидетельств того, что слоны Каракаллы каким-либо образом принимали участие в военных действиях. По всей видимости, им была отведена роль почетного эскорта, сопровождавшего взбалмошного императора.

ГЛАВА XII НОВЫЙ РАСЦВЕТ

*Quis enim eas adire audeat, cum desuper iaculis facile figatur,
inferius elephantorum conteratur incursu?*

Ambrosius. «Hexameron», VI, 5, 33

*Кто, в самом деле, отважился бы приблизиться к ним, зная,
что может быть легко пронзен дротиками,
брошенными сверху, и смят натиском слонов?*

Амвросий. «Шестоднев», VI, 5, 33

ИЗМЕНЕНИЯ В ВОЕННОМ ДЕЛЕ ПЕРСОВ, ПРОИЗОШЕДШИЕ С ПРИХОДОМ К ВЛАСТИ ДИНАСТИИ САСАНИДОВ. ПЕРСИДСКАЯ ЭЛЕФАНТЕРИЯ

После разрушения государства Селевкидов владычество над восточными территориями, входившими некогда в состав ахеменидской империи, перешло к парфянам, которые могли бы попытаться возродить селевкидские традиции использования боевых слонов, однако нет никаких указаний на то, что подобные попытки когда-либо ими предпринимались. Единственное упоминание в наших источниках слонов, а если быть точным — всего одного слона, у парфян относится ко временам Вологеза I (51–81 гг.). Согласно сообщению Тацита, завершив войну с римлянами, этот царь переправился через р. Арсаний, восседая на своем слоне, в то время как его приближенные переплывали реку на лошадях [Тас., Анн., XV, 15]⁸¹⁸. Очевидно, слоны воспринимались парфянами не как боевое средство, а как верховое животное, приличествующее монарху. Возможно, Аршакиды, правившие в Парфии, не были достаточно сильны для того, чтобы создать инфраструктуру, необходимую для содержания элевантерии, или же сама парфянская тактика, основанная на широком использовании кавалерии, была несовместима с этим родом войск.

Приход к власти персидской династии Сасанидов ознаменовал собой радикальные изменения в военном деле восточного соседа Римской империи. У персов не было постоянной армии (по крайней мере, в III столетии), но все, способные носить оружие, считались военнообязанными⁸¹⁹. «Ведь варвары, — пишет Геродиан, — не дают жалованья воинам, как римляне, и не имеют постоянных военных лагерей, где упражняются в воинских искусствах; у них собираются поголовно все мужчины, а иногда и женщины, когда прикажет царь. По окончании же войны каждый возвращается к себе домой, обогатившись тем, что досталось ему от награбленного» [Herodian., VI, 5, 3; ср. 7, 1; пер. Ю. К. Поплинского]. Поэтому Геродиан и говорит, что персидское войско «представляет собой скорее неорганизованную толпу народа, чем армию» [Herodian., VI, 7, 1]. Его слова подтверждает и анонимный автор Итинерария Александра (*Itinerarium Alexandri*), утверждающий, что все

персы для царя — солдаты во время войны и рабы во время мира [Itiner. Alex., 5].

Перед началом военной кампании персидские сатрапы по приказу царя собирали необходимое количество войск и приводили их в назначенное место⁸²⁰. Отправляясь в поход, каждый персидский воин должен был сам обеспечивать себя провиантом, которого брал столько, сколько мог унести [Herodian., VI, 7, 1]⁸²¹. Вероятно, именно благодаря введению принципа всеобщей воинской повинности наиболее многочисленным родом войска сасанидских армий стала пехота, которую образовывали насильственно призванные под знамена крестьяне.

Персидские всадники

Рис. И. В. Кирсанова

Насколько мы можем судить, в начале III в. вся персидская пехота была легковооруженной⁸²². В IV в. она могла образовывать правильный боевой порядок, возможно, в виде фаланги⁸²³. Аммиан сообщает, что пехота персов выстраивалась в тесном строю позади всадников. Из вооружения пехотинцев историк упоминает продолговатые выпуклые щиты, сплетенные из тростника и покрытые сырой кожей [Amm., XXIV, 6, 8].

Хотя на поле боя пехоте отводилась второстепенная роль, однако во время штурма и осады городов значение этого рода войск резко возрастало: именно пехотинцы обслуживали осадные орудия и метательные машины, вели саперные работы и взбирались на стены вражеских укреплений.

Сражение римлян с персами

Рис. И. В. Кирсанова

Высшая персидская знать⁸²⁴ образовывала эскадроны катафрактов — полностью закованных в броню всадников, производивших столь сильное впечатление на античных авторов. Катафракты составляли не более 10% от общей массы конницы. Основной ее частью были отряды легковооруженных воинов, набранные из мелких землевладельцев (азатов)⁸²⁵.

Главным оружием персидских кавалеристов был лук [Amm., XXV, 1, 13]. Персы традиционно славились как искусные лучники. «Луками и конями, — пишет Геродиан, — пользуются они не только во время войны, как римляне, но занимаются ими с детства и проводят жизнь в охоте, никогда не снимая с себя колчанов и не сходя с коней, но всегда пользуются ими против врагов или против зверей» [Herodian., VI, 5, 4; Пер. Ю. К. Поплинского]. Аммиан так описывает персидский способ стрельбы из лука: «Широко разводя руки, они натягивали упругие луки, доводя тетиву до правого соска, и, зажимая в левой руке стрелу, ловким и умелым толчком пальцев выпускали звонко свистящие стрелы, наносившие смертельные раны» [Amm., XXV, 1, 13; пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни]. Для

ведения дальнего боя персы использовали также дротики и арканы⁸²⁶. Наиболее распространенным оружием ближнего боя был меч⁸²⁷. Кроме меча у всадников могли быть также копье (длиной 3–4 м)⁸²⁸, секира и булава⁸²⁹.

Большинство современных историков весьма скептически относятся к сообщению автора биографии Александра Севера о том, что в Сасанидскую эпоху персы стали вновь использовать серпоносные колесницы, поскольку ни в одном другом литературном источнике более нет упоминания о них. Вегеций, в частности, говорит о колесницах как об устаревшем роде войск, забытом со времен Антиоха III и Митридата [Veg., III, 24]. Однако Я. Ле Бозк полагает, что это действительно произошло. В качестве доказательства он ссылается на один рельеф из Бишапура, на котором можно видеть изображение слона и колесницы⁸³⁰.

Изменения, произошедшие в военном деле персов, привели к тому, что сасанидская армия стала соответствовать модели эллинистического типа⁸³¹. Усовершенствования, сделанные в области вооружения, и превращение пехоты в самостоятельный вид войск позволили персам не избегать прямого столкновения с неприятелем, но вступать в правильное сражение с ним. Сами римляне, современники прихода к власти Сасанидов, отмечали, насколько сильно отличался их новый противник на Востоке от парфян. Геродиан объясняет эту перемену тем, что после окончания гражданской войны между Септимием Севером и Песцением Нигером к персидскому царю перебежало множество воинов проигравшей партии: «Это и послужило главной причиной того, что варвары этой области впоследствии стали более упорными в рукопашных сражениях с римлянами. Ведь раньше они только стреляли из лука, сидя на конях, но не защищали себя тяжелым вооружением и не осмеливались в битве использовать мечи и копья; имея на себе легкие развевающиеся одежды, они обычно сражались, отступая и пуская назад стрелы. Когда же у варваров появились беглецы-воины, среди которых было много ремесленников, принявших варварский образ жизни, то они научились не только пользоваться оружием, но и изготовлять его» [Herodian., III, 4, 8–9; Н. М. Ботвинник].

Боевые слоны стали еще одной важной частью вооруженных сил персидских царей. Какова была численность отряда слонов, входившего в состав армии, с точностью сказать затруднительно. Согласно свидетельству автора жизнеописания Александра Севера, уже Арташир I (224–241 гг.), основатель новой династии, собрал войско, насчитывавшее не менее 120 000 кавалерии, 1800 боевых колесниц и 700 слонов [SHA, Alex., 56, 3–5]. Приведенные цифры представляются маловероятными. По мнению Г. Х. Скалларда, император умышленно преувеличил масштабы своей победы, желая, таким образом, уподобить себя Александру Великому⁸³².

На наш взгляд, у Александра Севера вообще не было никаких причин для того, чтобы информировать сенат о своих победах. Хотя автор его жизнеописания и утверждает, что война с персами завершилась полной победой⁸³³, однако гораздо большее доверие вызывает рассказ современника событий историка Геродиана, не столь льстящий национальному самолюбию, но зато более подробный и достоверный. Как утверждает Геродиан, в этом походе император показал себя бездарным стратегом и даже не отважился ступить на персидскую территорию, чтобы оказать помощь своим армиям, попавшим в затруднительное положение, одна из которых была полностью истреблена, а другая понесла большие потери и была вынуждена отступить [Herodian., VI, 5–6].

По всей видимости, учитывая фантастический характер жизнеописания, приведенные цифры — не более чем вымысел, однако сам факт использования слонов основателем новой династии кажется вполне правдоподобным: ведь появление огромных зверей на поле боя делало практически бесполезной всю военную тактику парфян, с которыми Арташир должен был вести войну в начале своего правления.

В своем донесении сенату император Александр будто бы объявил, что римскими войсками было убито 200 слонов и 300 захвачено живыми. Восемнадцать животных были отправлены в Рим [SHA, 56, 3–5]⁸³⁴. П. Д. Арманди с доверием относится к рассказу о победе Александра, но полагает, что в данном случае в тексте допущена явная ошибка, поскольку, остается непонятным, почему в Рим было отослано только 18 слонов, если было захвачено 300. Поэтому исследователь предлагает читать вместо *trecentos* и *ducenti* (триста и двести) *triginta* и *viginti* (тридцать и двадцать)⁸³⁵.

При Гордиане III, во время войны с сыном Арташира I Шапуром I (241–272 гг.), римлянам вновь пришлось столкнуться с персидскими слонами: 12 из этих животных были захвачены живыми и отосланы императором в Рим для участия в предполагавшемся триумфе [SHA, Gord., 33, 1].

Шапур II (309–379 гг.), как кажется, стал использовать боевых слонов в еще больших масштабах, чем его предшественники. Согласно сообщению Созомена, царь имел в своем распоряжении 300 огромных четвероногих, когда его армия подавляла мятеж в Сузах [Soz., II, 14]. Аммиан, Зосим и Созомен неоднократно описывают столкновение римских войск с его слонами во время восточного похода Юлиана [Amm., XXIV, 6, 8; XXV, 1, 14–15; 3, 5; 11; 6, 2–4; 7, 11; Zos., III, 30, 2–3; Soz., VI, 1].

О персидских боевых слонах сообщают и более поздние источники: византийские, армянские и арабские (Прокопий Кессарийский, Агафий Миринейский, Менандр, Феофилакт Симокатта, Елишэ, ат-Табари и др.). Согласно утверждению Сократа Схоластика, персидский царь Бахрам VI

(421–434 гг.) выступил против римлян, осаждавших Нисибис, с армией, в которой было множество слонов. Весть об этом так испугала осаждавших, что они отступили, уничтожив все свои военные машины [Socr., VII, 18]. В 451 г. слоны участвовали в Аварайрской битве с армянами. В 573 г. в Армению вторглась 20-тысячная персидская армия под командованием Михрана Михревандака, в составе которой было множество слонов. В большом сражении на поле Хагамахья персы были наголову разбиты, при этом все их слоны погибли [Seb., III, 2]. Крупное поражение персидская армия понесла от византийцев под г. Мелитиной (576 г.). Себеос передает, что царь Хосров смог спастись от плена только «предавшись воле слонов и коня» [Seb., III, 2]. Евагрий Схоластик уточняет, что Хосров переправился через реку (Арзанену) на спине своего слона [Euagr., V, 14]. В результате одержанной победы греки захватили большое количество огромных четвероногих, которые были переправлены затем в Константинополь [Theophyl. Sim., III, 14; Theophan., an., 576]⁸³⁶. Спустя некоторое время Хормизд IV (579–591 гг.) послал в Армению новую 20-тысячную армию с большим количеством боевых слонов, которая также потерпела поражение [Seb., III, 2].

Слоны были в составе персидских армий, сражавшихся в Гератской долине (589 г.) и у р. Арзамон (604 г.). В 628 г. войска императора Ираклия захватили резиденцию персидского царя Дастагерд, где обнаружили в парках большое количество различных животных, среди которых, согласно арабским источникам, была 1000 слонов⁸³⁷. Однако и после всех понесенных поражений и утраты Дастагерда Хосрову II удалось собрать армию, насчитывавшую в своем составе 200 боевых слонов [Theophan., an., 618]⁸³⁸.

Персы не прекращали использовать слонов в военных целях вплоть до конца существования Сасанидской державы. Последний раз они вывели огромных зверей на поле боя в сражении возле Кадисии, произошедшем в 636 г., за 15 лет до смерти Йездигерда III — последнего потомка Арташира.

ОТКУДА ПЕРСЫ ПОЛУЧАЛИ СЛОНОВ?

Очевидно, только Индия могла давать слонов сасанидским армиям. Сведения имеющихся в нашем распоряжении источников позволяют внести некоторые дополнения, касающиеся этого вопроса. Согласно анонимному трактату «Полное описание вселенной и народов», персы получали огромных зверей из Малой Индии (античное название южной Аравии), где они водились в «неисчислимом множестве» [Ехр., 18]. Тем не менее у нас нет оснований полагать, что слоны когда-либо жили на территории Аравии. По всей видимости, автор трактата смешивает два

понятия и, рассказывая о Малой Индии, упоминает о слонах, всегда бывших одним из символов Индии в собственном смысле слова.

Юлиан определенно утверждает, что слоны персов были из Индии [Jul., III [II], De regno, 63 b; 64 b]. Кроме того, он сообщает, что персидская армия, осадившая Нисибис, состояла из бесчисленного множества «пар-фян» и индийцев [Jul., III [II], De regno, 62 c]. Возможно, это не просто риторический оборот, и под индийцами нужно понимать вожakov слонов. В таком случае персидский офицер, имевший звание *zend-hapet*, или командир индийцев, мог выполнять те же функции, что и элeфантарх, и стоял во главе элeфантерии.

Аммиан Марцеллин утверждает, что при осаде Амиды слоны действовали совместно с войсками сегестанцев, т. е. с выходцами из Систана или Сакастана [Amm., XIX, 2, 3]. Это дало Ф. Рейнсу основание предположить, что именно из Систана получали слонов персидские цари⁸³⁹. Впрочем, достаточно веских аргументов в поддержку этой гипотезы нет. Слоны могли быть приданы сегестанцам, потому что последние считались самыми храбрыми воинами, и, вероятно, именно на них Шапур возлагал особые надежды во время штурма города. Достаточно вспомнить в связи с этим, что во время Второй Пунийской войны Ганнибал, пытаясь освободить Капую от римской осады, бросил на штурм римских осадных укреплений отряд испанцев, дав им в качестве поддержки трех слонов.

Ф. Рейнс допускает возможность того, что персы специально разводили слонов. Основанием для подобной теории служит упоминание в персидской хронике 1126 г. о том, что у Хосрова II было 900 слонов и среди них один слоненок, родившийся в Иране и названный поэтому Кедизад (Доморожденный)⁸⁴⁰. Как считает исследователь, это единственный пример, засвидетельствованный в античности⁸⁴¹. Выше мы уже отмечали, что для античности, если, конечно же, времена Хосрова II мы можем отнести к этому периоду, случай рождения слонов в неволе хотя и редкий, но не уникальный. Вместе с тем разведение слонов практически никогда не практиковалось ни в древности, ни в Средние века, ни в Новое время, и не только в Иране, но даже в Индии.

УСТАНАВЛИВАЛИ ЛИ ПЕРСЫ НА СЛОНАХ БАШНИ?

В последнее время в научных кругах развернулась оживленная дискуссия относительно того, каким образом персы использовали своих слонов. Сомнения возникают по поводу нескольких аспектов данной проблемы. Первое, что интересует исследователей, — были ли на персидских

слонах установлены башни, или персы следовали традиционной индийской модели и сидели на спинах животных⁸⁴². Идея о том, что персы не использовали башни, основана на дошедших до нас различных изображениях персидских слонов, прежде всего на скальных рельефах.

Существует мнение, что слон с одним корнаком на монетах Филиппа Араба, является напоминанием о войне с персидским царем Шапуrom I, которую император завершил подписанием мирного договора⁸⁴⁴. Нам кажется более вероятным, что подобные монеты были выпущены в память о секулярных играх, проведенных Филиппом в Риме, где вполне могли принимать участие и слоны.

Антониниан императора Филиппа Араба.

На аверсе изображен император, сверху по окружности надпись «IMP. PHILIPPUS AVG.» (император Филипп Август);
на реверсе — слон, на котором восседает корнак,
сверху по окружности надпись «AETERNITAS AVGG» («Вечность августов»)
(Schmitt L., Prieur M. Les monnaies romaines. Paris, 2004. № 3039)

Изображение слона на рельефе Шапура I
(Para bellum. Военно-исторический журнал. 2008. № 30. С. 47)

На рельефе Шапура I (243–273 гг.) в Бишапуре, прославляющем победу царя над императором Валерианом, изображен слон, на котором восседает только один корнак. Но в данном случае перед нами сцена подношения дани царю, поэтому, естественно, слон показан без боевого снаряжения.

На одном из рельефов триумфальной арки Галерия в Фессалониках представлен слон, на котором также восседает только погонщик. Впрочем, и этот рельеф изображает дары персидского царя Нарсеса, поэтому не может быть принят во внимание⁸⁴³.

*Персидский слон на рельефе триумфальной арки
Галерия в Фессалониках*

(Para bellum. Военно-исторический журнал. 2008. № 30. С. 33)

Наконец, на рельефе из Так-и Бустана, относящемся ко времени правления Пероза II (457–484 гг.) или Хосрова II (590–628 гг.), на слоне представлены три человека: погонщик, знатный перс и его слуга, сидящий за спиной у хозяина⁸⁴⁵. Однако рельеф показывает нам сцену охоты, а для охоты, согласно утверждению Каутильи, использовались не боевые, а ездовые слоны, функции которых были совершенно иными [А., II, 48, 32]⁸⁴⁶. Поэтому было бы слишком неосторожно утверждать, основываясь на этом изображении, что слонов, снаряженных аналогичным образом, персы выводили на поля сражения.

*Прорисовка изображения слона на рельефе
на триумфальной арке Галерия*
(Nicolle D. Sassanian Armies. The Iranian Empire early 3rd
to mid 7 th centuries AD. Stockport, 1996. P. 52)

Таким образом, ни одно из дошедших до нас изображений не может быть расценено как изображение боевого персидского слона. Если же обратиться к свидетельствам литературных источников, то вопрос о башнях покажется искусственным и надуманным. Юлиан, рассказывающий об осаде Нисибиса армией Шапура II (350 г.), утверждает, что слоны несли на себе железные башни [Jul., III [II], De regno, 63 b]⁸⁴⁷, в которых находились лучники и дротикуметатели [Jul., III [II], De regno, 65 b]⁸⁴⁸. М. Б. Чарльз в очередной раз относится с изрядной долей скепсиса к этому сообщению. По мнению исследователя, Юлиан просто использовал риторический оборот, и к его информации нельзя относиться как к стопроцентно надежной⁸⁴⁹. Основанием для подобной гипотезы служит, вероятно, утверждение Юлиана о том, что народы, собранные Шапуром под стенами Нисибиса, во всем стремились подражать древним персам: они предпочитали носить мидийскую одежду, таким же образом выстраивались в боевой порядок, были вооружены тем же оружием и носили золотые украшения [Jul., III [II], De regno, 63 a–b]. Поскольку в античной историографии утвердилось мнение, что персы стали использовать

Изображение боевого слона. Фрагмент рельефа из храма Ангкор-Ват
Фото В. И. Киплюкса

Рельеф из храма Ангкор-Ват; галерея Битва на слонах (1113–1152 гг.). Камбоджа
 Фото В. И. Киплюкса

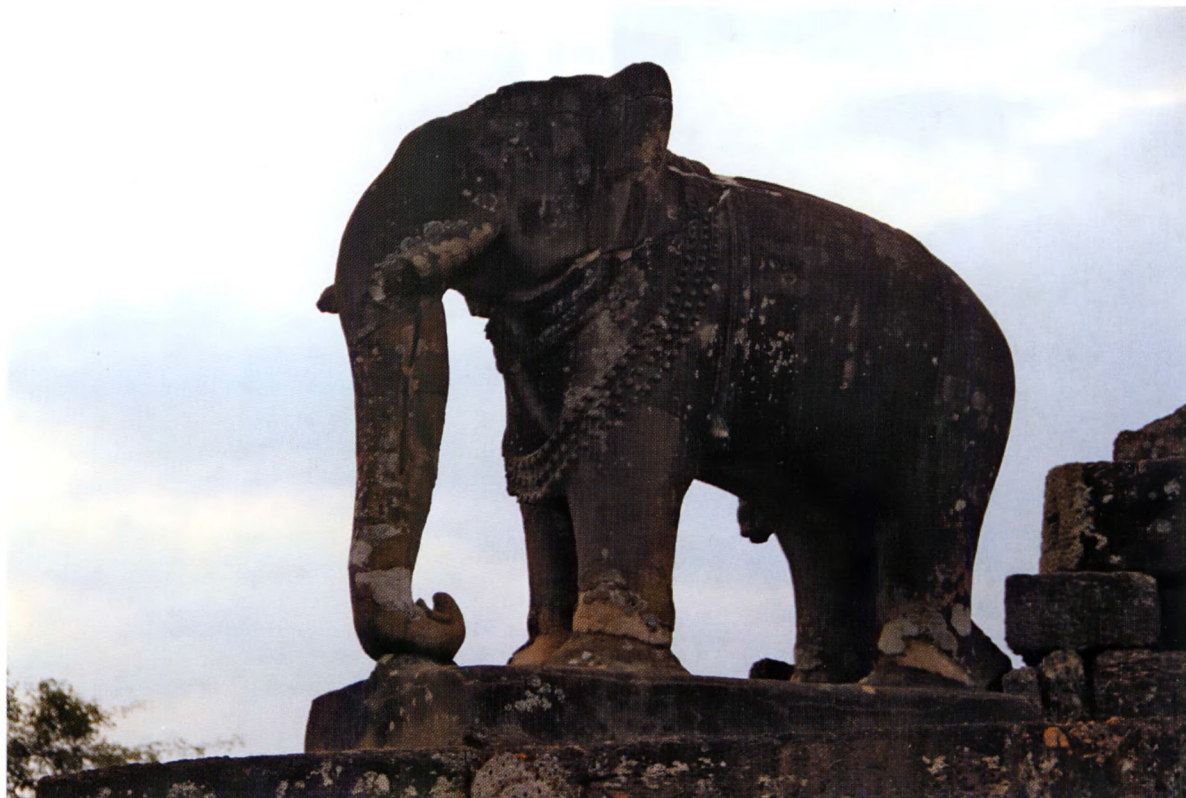
Военная процессия. Рельеф из храма Ангкор-Ват
 Фото В. И. Киплюкса

Военная процессия. Рельеф из храма Ангкор-Ват
Фото В. И. Киплюкса

Военная процессия. Рельеф из храма Ангкор-Ват
Фото В. И. Киплюкса

Скульптура слона. Ангкор-Ват
Фото В. И. Киплюкса

Рельеф из Так-и-Бустана, изображающий сцену охоты с использованием слонов

Султан Акбар на своем слоне
Индийская миниатюра XVI в.

Сражение с участием боевых слонов
Средневековая монгольская миниатюра

Аварийская битва

Изображение в средневековом манускрипте

(Елишэ. Слово о войне армянской / Пер. с др.-арм. акад. И. А. Орбели.

Новая ред. К. Н. Юзбашяна. М., 2001 // Юзбашян К. Н.

Армянская эпопея V века: от Аварийской битвы к соглашению в Нуарсаке)

слонов при Ахеменидах, а башня воспринималась как неперменный элемент вооружения боевого слона, то и Юлиан счел нужным упомянуть об этой детали.

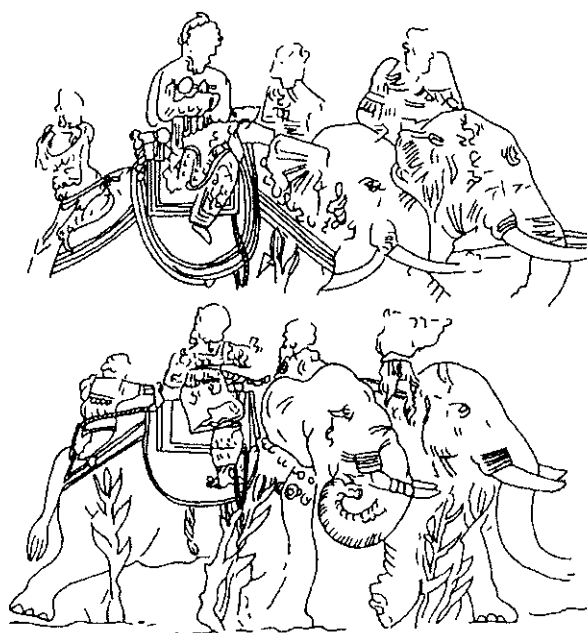
Сцена царской охоты на рельефе грота в Так-и Бустане
(Para bellum. Военно-исторический журнал. 2008. № 30. С. 39)

О башнях на спинах персидских слонов сообщает также автор жизнеописания Александра Севера [SHA, Alex., 56, 3–5]. Впрочем, и эта информация подвергается исследователями сомнению как «явная параллель походу Александра Македонского»⁸⁵⁰.

Вегеций, уделяя достаточно много внимания описанию способов борьбы с огромными зверями, представляет их несущими башни [Veg., III, 24]⁸⁵¹. Подобное указание можно было бы не принимать во внимание, если бы советы автора «Эпитомы» не выглядели «современной рекомендацией»⁸⁵². Вегеций начинает с краткой исторической справки, после которой переходит к современной ему эпохе. В конце пассажа он призывает воспользоваться всеми методами борьбы со слонами, поскольку допускает, что такая необходимость может возникнуть⁸⁵³. Именно вторичное

появление слонов на полях сражений может объяснить, почему Вегеций, живший во второй половине IV — первой половине V в., счел нужным обратиться к данному сюжету. Военные писатели досасанидского периода обошли его вниманием, поскольку, как уже отмечалось, в эпоху, когда они создавали свои трактаты, боевых слонов давно уже перестали использовать, и никто не мог предвидеть, что однажды способы борьбы с ними вновь станут актуальными⁸⁵⁴.

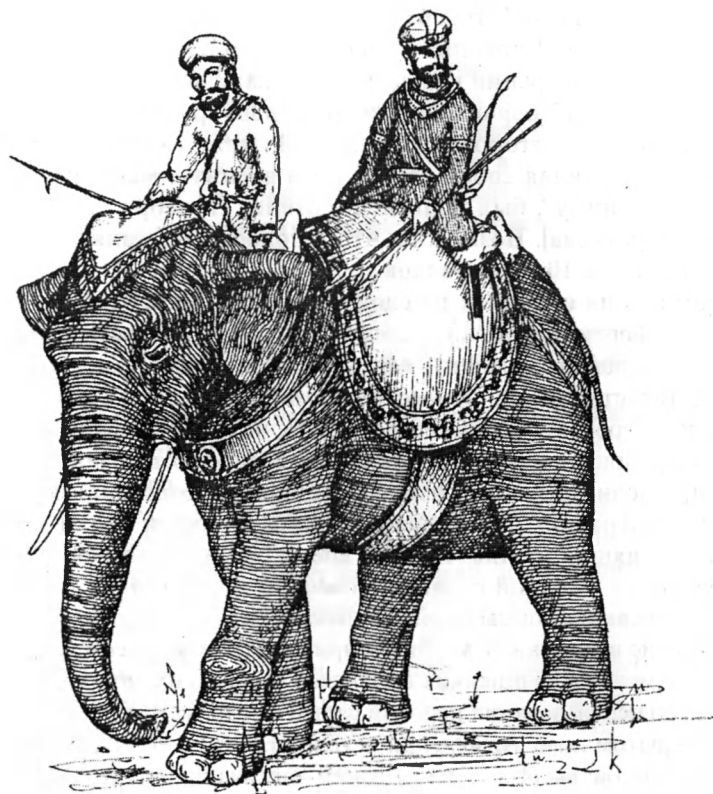

Прорисовки изображений сасанидских
накальных рельефов в Так-и Бустане
(Nicolle D. Sassanian Armies. The Iranian Empire early 3rd
to mid 7 th centuries AD. Stockport, 1996. P. 29)

Описание персидских боевых слонов, сделанное св. Амвросием, жившим в то же время, что и Вегеций, недвусмысленно указывает на наличие башен на персидских слонах: «...Народ персов свиреп в войнах, искусен в стрельбе из лука и пускании всякого рода метательного оружия, так как стрелы и дротики летят сверху вниз вращаясь от мощного броска. Их боевой строй подобен ограде с движущимися башнями. Посреди поля

они сражаются как будто со стены и, словно находясь в некой крепости или дозорной башне, более смотрят на битвы, чем участвуют в них. Поэтому кажется, что они находятся вне опасности, защищенные громадой тел животных» [Ambros., Hexamer., VI, 5, 33]⁸⁵⁵.

*Охотник на слоне. Реконструкция на основе
персидских наскальных изображений*
Рис. И. В. Кирсанова

Если мы обратимся к источникам VI и VII вв., то также обнаружим в них упоминания о башнях. Прокопий Кесарийский, сообщая о мерах, принятых императором Юстинианом по укреплению границы, дал достаточно конкретное свидетельство того, что персы устанавливали на слонах башни: «...Он предвидел, что за ними последует

целое стадо слонов, и эти слоны повезут поставленные им на спины башни; опираясь на них, как на какой-нибудь фундамент, они будут стоять на этих башнях; а что являлось обычно более тяжелым для неприятелей, это то, что их можно было обводить вокруг укреплений, и сами на себе они несли стену, которая следовала куда угодно по мысли их хозяев» [Procop., Aed., II, 1, 11; пер. С. П. Кондратьева]. Другое сообщение Прокопия позволяет предположить, что при проведении осадных операций персы использовали особые башни больших размеров: «Когда Хосров и войско персов штурмовали стены Эдессы, то один слон, на которого сел большой отряд самых воинственных персов, представляя собой своего рода военную машину — “градоразрушительницу”, был подведен к стене» [Procop., BG, IV, 14; пер. С. П. Кондратьева]. Возможно, что в подобных башнях могло находиться не менее 10–12 стрелков.

Упоминания о башнях на слонах, только при описаниях штурмов вражеских фортификационных сооружений, могут навести на мысль, что в полевых условиях подобные конструкции персами не использовались. В доказательство можно привести описание битвы при Гандзаке (591 г.), сделанное Себеосом: «Множество слонов, не покаясь и не слушая повеления, ушло в сторону. Ратники из нахаррарских дружин, пустившись за ними, кололи снизу вооруженных всадников, находившихся на хребтах слонов, бесстрашно, безбоязненно бились с ними и убили множество слонов и сидящих на них. В то же время они насильственно воротили слоновожатых с толпой слонов и повели пред царя» [Seb., III, 2]⁸⁵⁶. Понятно, что если бы бойцы на слонах находились под защитой стен башен, то вражеские всадники не могли бы причинить им вреда своими копьями.

Тем не менее в сочинениях армянских и арабских авторов есть свидетельства об использовании персами башен на слонах даже во время сражений в открытом поле. Армянский историк Елишэ сообщает, что во время Аварайрской битвы (451 г.) персидский военачальник Арташир восседал на одном из слонов «в высокой башенке, как в укрепленном городе»⁸⁵⁷. Атабари, описывая битву при Кадисии, утверждает, что на персидских слонах были башни, в каждой из которых находилось по 20 человек [Tabari, 2298].

Воины в башнях, как об этом можно судить из свидетельств литературных источников, были вооружены различными видами оружия дальнего боя: особенно луками и дротиками [Jul., III [II], De regno, 65 b; SHA, Alex., 56, 3; Ambros., Hexamer., VI, 5, 33; Agath., III, 26, 8; Theophyl., Sim., V, 11]⁸⁵⁸. Угрожая армянским военачальникам, Бахрам Чубин пишет: «...Завтра утром покажу вам своих тяжелых слонов и храбрых вооруженных воинов на них, которые осыпят вас железными стрелами из дланей,

копьями из раскаленной стали из туго натянутых луков...» [Seb., XI; пер. А. К. Шагиняна]⁸⁵⁹.

Очевидно, как и в эллинистическую эпоху, у персов наличие башни не было непременным атрибутом оснащения боевого слона, которое зависело от тактических задач, выполнявшихся животным на поле боя. Указание Себеоса на то, что слоны «стремительно двигались», свидетельствует, что они должны были атаковать неприятельские боевые порядки, а не удерживать собственные позиции. Поэтому количество воинов на животных было минимальным: погонщик и один или два стрелка.

Персидские башни изготавливались из дерева [Procop., Aed., II, 1, 11]. Однако персы не вешали на их стенки щитов, а полностью покрывали железными листами. По крайней мере, именно так можно объяснить слова Юлиана, упоминающего о «железной башне»⁸⁶⁰.

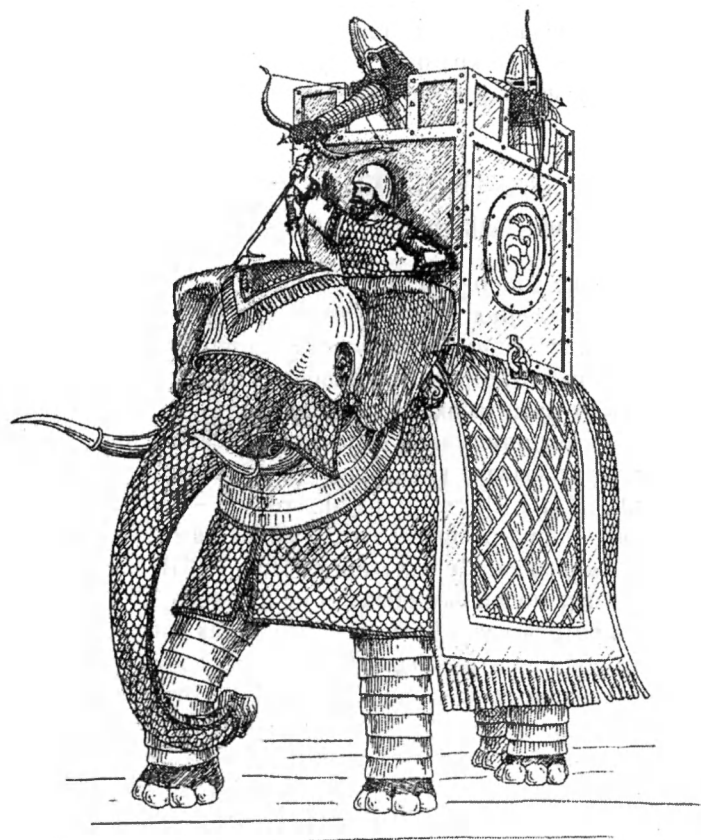
ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЛОНОВ ПЕРСАМИ

Гораздо больше споров вызывает вопрос, использовали ли персы слонов во время сражения, подобно тому, как это происходило в эллинистический период. Наши литературные источники дают, казалось бы, вполне однозначный ответ: да, использовали и делали это весьма часто и в очень широких масштабах. Рассказывая о штурме Нисибиса, Юлиан подробным образом описывает персидский боевой порядок: первую линию строя образовывала кавалерия (катафракты, лучники и другие всадники) [Jul., III [II], De regno, 63 b]; вторую — слоны, стоявшие на равном расстоянии друг от друга; в интервалах между ними находились отряды тяжеловооруженных пехотинцев [Jul., III [II], De regno, 65 c]⁸⁶¹. Персы построились подобным образом не для того, чтобы штурмовать стены, брешь в которых уже была пробита, а для того, чтобы вступить в рукопашный бой с противником. Поэтому и слонов в данном случае предполагалось использовать, как в сражениях в открытом поле.

В битве при Наармальхе (363 г.), произошедшей во время похода Юлиана, первую линию персидского боевого порядка снова образовывали катафракты, вторую — фаланга пехоты, слоны же на этот раз стояли в третьей [Amm., XXIV, 6, 8]. В битве в области Маранга (363 г.) персы поставили в первой боевой линии катафрактов, а слонов — во второй [Amm., XXV, 1, 14]. В сражении, которое завязалось уже после смерти Юлиана, персы, напротив, сначала кинули в бой слонов, а затем подкрепили их натиск атакой панцирной кавалерии [Amm., XXV, 6, 1–2].

Подобную же тактику они применили в сражении под Фасисом (555 г.), когда построили слонов впереди правого фланга. «Слоны, — пишет Агафий, — поставленные перед укреплениями, нападая на римлян, тотчас же приводили в смятение даже их сомкнутый строй, если он где-нибудь им противостоял. Кроме того, восседавшие на них стрелки наносили большой урон нападающим римлянам и стреляли в них без промаха» [Agath., III, 28; пер. М. В. Левченко]. Наконец, в сражении с византийцами при Гандзаке Бахрам Чубин также поставил слонов впереди своей кавалерии [Theophyl. Sim., V, 10, 6].

Персидский боевой слон

Рис. И. В. Кирсанова

Весьма распространенный прием использования слонов заключался в том, что каждому животному придавался большой вспомогательный отряд, состоявший из конницы и пехоты. Именно так, согласно описанию Елишэ, поступили персы в Аварайрской битве. Командующий персов, — пишет Елишэ, — «вызвал многих из военачальников, которые были у него в подчинении, и приказал привести стада слонов, распределив зверей по различным отрядам, при каждом слоне по три тысячи тяжеловооруженных, кроме всех других [родов] войск. <...> Приводил в порядок и устраивал все войско, расширял и удлинял фронт вдоль большого поля. И справа, и слева от каждого зверя снаряжал по три тысячи вооруженных воинов, а самых отборных витязей собрал вокруг себя»⁸⁶². Подобным же образом поступили персы в сражении при Шумийе (ноябрь 634 г. или апрель 635 г., или октябрь-ноябрь 635 г.)⁸⁶³, где, согласно описанию ат-Табари, они построились в три боевых линии, в каждой из которых стоял слон с отрядом пехоты [Tabari, 2184–2185; 2190–2193]⁸⁶⁴. К аналогичной тактике персы прибегли в битве при Кадисии, приставив к каждому слону отряд в 4000 человек [Tabari, 2294]⁸⁶⁵.

Несмотря на все эти многочисленные свидетельства источников о применении персами слонов на полях сражений в III, IV, V, VI и даже VII вв., некоторые исследователи считают нужным оспорить данный факт. М. Б. Чарльз выражает сомнение в том, что при первых Сасанидах персы использовали боевых слонов. Согласно его мнению, упоминание о колесницах и слонах в биографии Александра Севера — всего лишь топос и искаженная информация автора, писавшего много времени спустя после указанных событий⁸⁶⁶. М. Б. Чарльз полагает, что здесь налицо сравнение произошедших событий со сражениями при Гавгамелах и Гидаспе, где в первом случае Александр Великий одержал победу над колесницами, а во втором — над слонами⁸⁶⁴.

Если говорить о более поздней эпохе, то весьма странным представляется молчание военных византийских трактатов VI в., либо вообще не упоминающих о слонах, либо связывающих их использование со временами давно минувшими. «Описание способов боя на слонах и колесницах, — пишет анонимный автор *“De re strategica”*, — в данных условиях следует опустить: что мы можем сказать о них, когда в памяти не сохранилось ничего об этой тактике, включая даже терминологию» [De re strategica, XIV; пер. В. В. Кучмы]. Подобные противоречия, существующие между источниками, можно объяснить тем, что слоны действительно не использовались в качестве боевых животных, или, тем, что трактаты, о которых идет речь, создавались позднее, чем это принято обычно считать. По мнению Ф. Рейнса, мы не должны серьезно

относиться к подобного рода высказываниям, поскольку они представляют собой литературный топос⁸⁶⁸. Уже Асклепидот (ок. 130–70 гг. до н. э.) утверждает, что слоны и колесницы не встречаются более на полях сражений, и включает их в свой трактат «ради полноты работы» [Asclep., 8–10]. Элиан, следуя модели, предложенной Асклепидотом, в своей «Тактической теории» (написана ок. 106–113 гг. н. э.) также пропускает слонов и колесницы, в схожих выражениях заявляя, что упоминает о них только «ради полноты» [Aelian., Tact., 22–23]⁸⁶⁹. Вместе с тем позиция авторов трактатов может быть понята иначе: они посвящают свои труды исследованию не военного дела как такового, а его состояния в современной им византийской армии, наследнице не только римских, но и вообще античных традиций, в которой о слонах и колесницах действительно давно уже было забыто.

Характерно, что сами римляне, не считали, по-видимому, что слоны представляли какую-либо реальную силу на полях сражений. Так, например, Менандр, хвалит персидского полководца Тахосодро за то, что тот «не употреблял ни слонов, ни толпы поселян, ни других тому подобных страшилищ, служащих к наружному блеску, но несколько не действительных» [Menandr., fr. 55; пер. С. Дестуниса]. Возможно, этот факт также повлиял на то, что авторы военных трактатов VI в. не пожелали уделить внимание боевым слонам⁸⁷⁰.

М. Б. Чарльз, считает, что слоны у персов играли лишь символическую роль⁸⁷¹. Использование огромных зверей было в основном данью традиции: Сасаниды восстановили корпус слонов, существовавший при Ахеменидах, как напоминание о древних традициях, наследниками и хранителями которых они себя считали⁸⁷². Однако о какой традиции может идти речь? Ведь парфяне, владычествовавшие до персов на Востоке, как и сами персы на протяжении практически всей Ахеменидской эпохи, не использовали слонов в военных целях. Впрочем, и М. Б. Чарльз признает, что защитное вооружение, которое имели персидские слоны, должно указывать на их военную роль⁸⁷³. При этом исследователь не исключает того, что огромные звери использовались также и для тыловых нужд⁸⁷⁴.

Ф. Рейнс идет еще дальше и утверждает, что слоны в армиях Сасанидов в основном играли роль выючных животных или живых подвижных башен при проведении осадных операций⁸⁷⁵. Он отмечает, что сообщения источников, касающиеся участия в войнах слонов, становятся более регулярными начиная с середины IV столетия, однако «исключительно в контексте упоминания сасанидского осадного обоза»⁸⁷⁶. Основные примеры, приводимые исследователем, касаются осады Нисибиса в 338 г., вторичной осады Нисибиса в 349/350 г.,

о которых сообщают автор «Пасхальной хроники» и Юлиан, и, конечно же, осады Амиды в 359 г., подробный рассказ о которой оставлен нам Аммианом⁸⁷⁷. Эти данные позволили Ф. Рейнсу сделать весьма категоричный вывод: «Кажется ясным, что к середине IV в. слоны стали обычным элементом в Сасанидском осадном обозе, хотя ни один автор этого периода не объясняет точно, что эти животные могли делать и особых обстоятельств их использования»⁸⁷⁸. Базируясь на этом положении, Ф. Рейнс отвергает любую информацию, которая указывала бы на то, что персы использовали своих слонов в полевых условиях. Период между Аммианом и Прокопием довольно скудно освещен в источниках. Если же в них и упоминаются слоны в составе персидской армии, то эти сведения, по мнению Ф. Рейнса, либо «формальны и неинформативны», либо «сомнительны»⁸⁷⁹. «Описания современных этой эпохе армянских историков, — пишет Ф. Рейнс, — которые снабжены несоразмерно большим количеством ссылок на боевых слонов, обусловлены эпическими формами их жанра и давним подробным сравнением борьбы армян против сасанидского религиозного и политического притеснения в IV, V и VI веках и Маккавейским восстанием против Селевкидской тирании — библейской моделью, в которой слоны изображены рельефно»⁸⁸⁰.

В целом, говоря о теории Ф. Рейнса, хочется отметить, что приводимые им доказательства очень часто кажутся непоследовательными, и иногда создается такое впечатление, что исследователь сам не определился, какой точки зрения он придерживается. Так, чтобы объяснить неоднократно встречающиеся у Аммиана упоминания о боевых слонах, действовавших против римлян во время кампании 363 г., Ф. Рейнс старается показать, что это всего лишь литературный прием, к которому прибег римский историк, постаравшийся создать в глазах своего читателя героический образ римской армии⁸⁸¹. Вместе с тем, понимая, очевидно, слабость подобной аргументации, Ф. Рейнс готов допустить, что во время восточного похода Юлиана персы действительно использовали слонов в сражениях в открытом поле.

Аммиан сообщает, что у персидских корнаков были ножи с длинной ручкой, привязанные к правой руке, которые они сильным ударом вонзали в шею животного, если оно приходило в ярость и начинало кидаться на своих [Аmm., XXV, 1, 15]. По этому поводу Ф. Рейнс замечает следующее: «Аммиан определенно вспоминает хорошо известный пассаж Ливия [XXVII, 49, 1–2], рассказывающий о схожей уловке, примененной Гасдрубалом перед битвой при Метавре; параллелизм в лексике обоих пассажей намекает на то, что Аммиан сознательно подражает здесь

Ливию. Конечно, так называемое “нововведение”, описываемое Аммианом, не повторяется в его рассказе и даже в каком-либо более позднем сочинении, относящемся к этим событиям»⁸⁸².

Отметим, что в данном случае Аммиану совсем не обязательно было прибегать к заимствованию из труда его предшественника. Одинаковые обстоятельства провоцируют одинаковые действия. Каким другим способом можно было остановить разбушевавшегося слона? К тому же оба описания, совпадая в главном, сильно разнятся в деталях: Аммиан сообщает о длинных ножах⁸⁸³, в то время как, согласно Ливию, карфагеняне использовали долото и молоток [Liv., XXVII, 49, 1]⁸⁸⁴. Кстати, не лишним будет отметить и тот факт, что, несмотря на свой скепсис, всего лишь несколькими строчками ниже Ф. Рейнс готов допустить, что «новые методы управления слонами» могли быть реально использованы на практике в 363 г., чему он дает свое объяснение⁸⁸⁵.

Самое главное, что вызывает недоумение и непонимание, это знак равенства, который Ф. Рейнс ставит между слонами, играющими роль вьючных животных, и боевыми животными, которые использовались во время штурма вражеских крепостей, а в случае необходимости действовали на поле боя. «Значение персидских боевых слонов на кавказском театре, — пишет он, — объясняется тем, что они служили “машинами”, которые могли обеспечить подход к вражеским стенам без ограничений, связанных с условиями местности»⁸⁸⁶. А в следующем абзаце, анализируя сообщение Прокопия о постройке персами широких дорог, по которым могли пройти даже слоны, исследователь приходит уже к иному мнению: «Более вероятно, что эти животные были вовлечены в кампанию, просто чтобы исполнить эту тяжелую работу»⁸⁸⁷.

Таким образом, по мнению Ф. Рейнса, получается, что если животное в состоянии переносить на себе грузы, то нет ничего странного в том, что оно может нести башню с большим отрядом лучников и стоять у крепостной стены, осыпаясь метательными снарядами⁸⁸⁸. Это представляется маловероятным. Многочисленные примеры, донесенные до нас источниками, показывают, что с гораздо большим успехом можно было бросить в бой толпу крестьян или обозную прислугу, чем необученного слона. Поэтому, если мы предположим, что слоны могли сражаться в открытом поле, то, следовательно, они были специально подготовлены к этому, и даже если их и использовали для переноски грузов или расчистки завалов на дорогах, они не могут считаться частью обоза.

Чтобы подтвердить свой тезис об использовании слонов в качестве вьючных животных, Ф. Рейнс предпочитает замалчивать не укладывающиеся в его концепцию факты, обращая внимание читателя на выгодные

для нее или непротиворечащие ей обстоятельства. Так, например, он приводит рассказ Аммиана о сражении при Наармальхе, когда слоны были поставлены в тылу персидского боевого порядка [Amm., XXIV, 6, 8]. При этом, как он пишет, Аммиан «умалчивает об их функции и роли в реальной битве, о которой он располагал достаточно детальной информацией»⁸⁸⁹. Само по себе размещение слонов позади кавалерии и пехоты еще не говорит об их небоевом предназначении. Мы уже видели, что многие полководцы древности именно так и предпочитали располагать имевшихся в их распоряжении животных, особенно, когда количество последних было не очень большим.

В описании битвы в Маранге Аммиан опять сообщает, что слоны стояли позади линии катафрактов, и снова нет никаких уточнений относительно того, как персы использовали огромных зверей во время сражения [Amm., XXV, 1, 14]. Однако, повествуя об одном из последних боев, произошедших между римлянами и персами уже после смерти Юлиана, историк прямо говорит, что неприятель атаковал «со слонами впереди строя»⁸⁹⁰ и что Геркулианы и Иовианы убили нескольких слонов, прежде чем дали отпор персидской кавалерии, а когда враг уже сильно теснил их, на помощь им пришли Иовии и Викторы, убившие еще двух слонов [Amm., XXV, 6, 2–3]. Как можно согласовать этот пассаж с теорией об использовании слонов исключительно в качестве обозных животных?

Ф. Рейнс утверждает, что восточный поход Юлиана был чем-то необычным в военной истории, поэтому и персы прибегли к совершенно нетрадиционным методам борьбы с противником. «Это свидетельство, — пишет исследователь, — важно как редкий в IV в. случай применения слонов на поле боя, а не в строго полиоркетическом контексте. Тем не менее надо иметь в виду, что эта наступательная кампания римлян была сама по себе необычной, и есть достаточно оснований, чтобы рассматривать некоторые ее аспекты в качестве изображающих общие военные тенденции»⁸⁹¹.

В чем же видит Ф. Рейнс «необычность» наступательной кампании римлян? Все объясняется очень просто: до 363 г. римляне в течение долгого времени ограничивались тем, что обороняли стены своих городов и крепостей, а с приходом к власти Юлиана вдруг отважились пересечь персидскую границу и углубиться во вражескую территорию. Этот факт настолько напугал персов, что в качестве последнего средства спасения они вывели на поле боя слонов. «Очень позднее появление слонов в ходе кампании и их беспрецедентно высокие потери (и, если это правда, то и применение новых методов управления слонами) свидетельствуют о том, что кампания 363 г. была нетипичной. Кроме литературных замыслов Аммиана и оправдательного тона “римской версии” истории

в целом, возможно, что относительно часто встречающиеся ссылки на слонов на поле боя в 363 г. обязаны отчаянным действиям Сасанидов в связи с глубоким проникновением на территорию империи»⁸⁹². Оценивая тактическую роль, которую играли слоны в столкновениях с римской армией, Ф. Рейнс приходит к выводу, что она состояла исключительно «в наведении страха на римлян и их лошадей, чтобы раздробить строй и создать благоприятные условия для действий персидской конницы»⁸⁹³.

На наш взгляд, проблема состоит в том, что сохранившиеся по данному периоду источники очень неравномерно освещают события. Персидское вторжение 359 г., осада Амиды, захват и разрушение других городов, столь красочно и драматично описанные Аммианом, создали у историков превратное впечатление о характере военных действий между Римской империей и Персией в IV столетии и породили миф о «позиционной войне». В действительности обрывки информации, содержащиеся у Аммиана и в других литературных источниках позволяют с уверенностью утверждать, что война не ограничивалась одними осадами и на протяжении многих лет велась самым активным образом.

Внешнеполитическая ситуация на Востоке начала осложняться уже к концу правления Константина. В 337 г. послы персидского царя потребовали от империи вернуть назад земли, уступленные ей в соответствии с Нисибисским договором, заключенным при Диоклетиане. Это событие ознаменовало начало той самой войны, которая продолжалась до 363 г. и завершилась подписанием тридцатилетнего мира, требовавшего возвращения персам пяти месопотамских провинций.

Война была крайне неудачной для римлян и, несомненно, стоила им больших потерь [Amm., XVIII, 5, 7; Zos., II, 43, 1]. Неприятели часто захватывали или осаждали римские города [Eutrop., X, 10, 1]. Девять раз сталкивались на поле сражения римские и персидские армии, причем дважды во главе римских сил стоял сам император [Hieron., XI]⁸⁹⁴, но ни разу римлянам не удалось одержать победу над противником [Eutrop., X, 10, 1]. Все это произошло в течение неполных 13 лет⁸⁹⁵. Здесь вполне уместно задаться вопросом: что во время этой кровопролитной войны способствовало успеху персидских армий в борьбе с римскими легионами? Отряды катафрактов, формировавшиеся из знати, не могли быть многочисленными⁸⁹⁶, пехота, в массе своей состоявшая из насильственно согнанных под знамена крестьян, была плохо обучена и вооружена «наподобие мirmиллонов» [Amm., XXIII, 6, 83]⁸⁹⁷; сражаться в одиночку с римлянами она была не в состоянии⁸⁹⁸. Естественно предположить, что победы были достигнуты персами не без участия большого количества слонов.

В 350 г. персидский царь Шапур II увел войска к восточной границе своего царства, которую атаковали кочевые племена [Amm., XIV, 3, 1]. Это объясняет, почему в восточных римских провинциях воцарилось относительное спокойствие, позволившее Констанцию II вступить в борьбу за власть с узурпатором Магненцием. Тем не менее официально война между двумя государствами не была закончена. С персидской стороны ее вели сатрапы, совершавшие набеги на римские приграничные территории [Amm., XIV, 3]. Префект претория Музонян, действовавший совместно с дуксом Месопотамии Кассианом, собрав сведения о том, что происходит на самых дальних окраинах персидского царства [Amm., XVI, 9, 2], надеялся, что тяжелая война с пограничными варварами склонит Шапура к заключению мира, однако эти надежды не оправдались.

В течение 10 лет Констанций находился с большей частью своих войск на западе, и магистр кавалерии Урзицин должен был отражать набеги персов с армией, которая, по словам Аммиана, представляла лишь подобие военной силы [Amm., XVIII, 6, 2]. Поэтому, когда персидский царь завершил войну с кочевниками и в 359 г. снова вторгся в пределы империи, римляне не могли дать противнику открытое сражение и ограничились обороной крепостей.

Таким образом, нет ничего удивительного в том, что в тексте Аммиана мы не можем найти описаний действий слонов в полевых условиях с 353 до 362 г. Это так же логично и естественно, как и то, что слоны участвовали в сражениях в 363 г. Не нужно придумывать какую-то особую теорию, чтобы объяснить эти два факта: различные приемы использования огромных четвероногих были обусловлены различными историческими обстоятельствами.

Вопрос, почему персы не встретили римскую армию своими слонами в самом начале кампании, также не является трудно разрешимым. Для ответа на него достаточно ознакомиться с тем, как планировалось Юлианом вторжение в персидские пределы. Аммиан сообщает, что перед началом войны Юлиан послал командирам отдельных отрядов приказ переходить через Евфрат, по получении которого все выступили в поход и, собравшись на разных стоянках, ожидали прибытия императора [Amm., XXIII, 2, 2–3]. Сделано это было для того, чтобы предупредить слухи о начале большой военной кампании и застать неприятеля неподготовленным. Задуманный план удался, и первое время римская армия продвигалась по персидской территории, встречая сопротивление только местных властей. Слоны, бывшие неотъемлемой частью армии самого персидского царя, могли появиться на поле боя только после того, как он собрал свои войска и двинулся навстречу неприятелю. Поэтому Шапур

и скорбел впоследствии прежде всего о потере этих животных, не забывая о людских жертвах [Amm., XXV, 7, 1].

Есть один немаловажный довод в пользу того, что участие слонов в сражениях той поры было вполне обычным делом. Выше уже упоминалось о битве, произошедшей после смерти Юлиана, когда римляне начали отступление. Персы выстроили слонов впереди своей армии и бросили их на врагов, чтобы посеять смятение и ужас в их рядах [Amm., XXV, 3, 5]. Несмотря на тяжелые потери, legionерам удалось обратить неприятеля в бегство, во время которого они поражали персов и их слонов «в лодыжки и спины». В данном случае, чтобы понять важные для нас детали, нелишним будет обратиться непосредственно к тексту Аммиана, повествующего об этом событии в следующих словах: «...Nostra succinctior armatura, aversorumque Persarum et beluarum suffragines concidebat et dorsa». *Succinctior* — сравнительная степень от слова *succinctus*, которое может выступать либо как причастие от глагола *succingere* (подпоясывать, вооружать, снабжать), либо как прилагательное в значении «готовый», «уплотненный», «сжатый». Таким образом, словосочетание *succinctior armatura* может быть переведено как «лучше вооруженная пехота», «лучше снабженная пехота», «более подготовленная пехота». Не указывает ли данное описание на то, что против слонов сражались специальные отряды, которым были розданы для этой цели кривые ножи или серпы, подобные копидам (*copides*), упоминавшимся выше⁸⁹⁹?

Ф. Рейнс, уделив самое пристальное внимание фрагментарным и зачастую малозначимым упоминаниям о боевых слонах в хрониках VI в., упустил из виду весьма интересное описание, оставленное нам святым Амвросием. Амвросий жил в эпоху, когда римляне постоянно должны были сталкиваться на полях сражений с персидскими боевыми слонами⁹⁰⁰. Поэтому его свидетельство не может восприниматься просто как набор литературных клише, тем более что он описывает не абстрактных боевых слонов, а персидское войско: «Кто в самом деле отважился бы приблизиться к ним, зная, что может быть легко пронзен дротиками, брошенными сверху, и смят натиском слонов? Перед слонами отступают даже фаланги пехотинцев и конные отряды, и рушатся квадратные лагеря. Ведь они нападают на врагов в непреодолимом натиске. Поэтому их не задержит никакое построение бойцов, никакое скопление воинов, никакая преграда из щитов. Подобные неким движущимся горам, они кружатся в битвах и как холмы выступают над глубоким водоворотом, оглушающим ревом вселяют во всех страх. Что может сделать им пехотинец, пусть даже сильный и ловкий, когда ему навстречу идет стена, защищенная множеством вооруженных воинов? Что может сделать всадник, когда его конь помчится

вспять, напуганный громадными размерами подобного животного? Что может сделать лучник, когда закованные в железо тела мужей, находящихся наверху, не чувствуют удара стрелы? Когда слон, которого и самого по себе трудно поразить стрелой, а тут еще и покрытый броней, без всякой опасности для себя рассекает пехотные отряды и опрокидывает эскадроны всадников?» [Ambros., Hexamer., VI, 5, 33]⁹⁰¹.

Римляне отражают атаку персидских слонов
Рис. И. В. Кирсанова

Те же самые аргументы можно привести, разбирая описания событий на Кавказе, оставленные нам историками VI в. Подробные рассказы об осадах городов объясняются тем, что в это время в Лазике не было достаточного количества римских войск, способных встретиться с большими персидскими армиями. Основная часть военных сил империи была отвлечена затянувшимися войнами на Западе. Поэтому, так же как и два столетия назад, римлянам приходилось ограничиваться оборонительными действиями, отсиживаясь за стенами своих крепостей. Но даже в это время как минимум дважды слоны были использованы не в качестве осадных башен, а как средство борьбы с выстроившейся фалангой пехотой.

Ф. Рейнс столь же категоричен в отношении сообщений историков VI в., как и в отношении авторов, описавших восточный поход Юлиана. Рассказ о сражении под Фасисом он готов считать «выдумкой» Агафия и приходит к совершенно непонятному и ничем не подтвержденному выводу: «Если в описании Агафия вообще имеется подлинность, то, кажется, в этом случае слоны выполняют тактические функции арьергарда, хотя также вероятно, что они присутствовали тут опять-таки из-за полиоркетических действий»⁹⁰². Но причем здесь арьергард, когда Агафий определенно говорит о том, что слоны стоят впереди? Данное заключение стало следствием того, что введенный греческим историком пассаж о ранении слона представляется некоторым исследователям риторическим приемом — следованием классическим образцам⁹⁰³. Даже если это так, что это меняет?

Описание Гератской битвы (589 г.) позволяет Ф. Рейнсу сделать очередное неожиданное заключение о роли, отведенной слонам: «Опять же, их назначение не вполне ясно, но в этом случае они, несомненно, были размещены “в тылу”, позади пехоты — использование, отмеченное также Аммианом»⁹⁰⁴. Таким образом, в соответствии с логикой исследователя, если слоны не стоят впереди боевого порядка, то это со всей определенностью доказывает, что они — составляющая часть обоза. Впрочем, Ф. Рейнс допускает, что «возможно из-за каких-то неясных нам причин, Бахрам (командующий персидской армией. — А. Б.) имел доступ к лучшим источникам подготовки слонов, чем те, которыми обычно располагали персидские военачальники», поэтому своим слонам он отвел роль «заградительного отряда», который должен был поддерживать моральный дух солдат, стоящих в строю, и препятствовать им бежать с поля боя⁹⁰⁵. Любопытным является тот факт, что в битве при Герате тюрки сами активно использовали в бою слонов (по крайней мере, это следует из повествования Фирдоуси). Поэтому было бы странным утверждать,

что персы по каким-то неясным причинам не делали того же, что делали их противники.

Персы штурмуют римскую крепость в Месопотамии

Рис. И. В. Кирсанова

Анализируя сообщение Феофилакта о битве при Гандзаке, Ф. Рейнс отодвигает на задний план информацию о том, что Бахрам выстроил своих слонов впереди кавалерии, предпочитая сконцентрировать все внимание на том факте, что на закате дня, когда исход битвы был уже предопределен, воины на слонах продолжали сражаться [Theophyl. Sim., V, 11, 2]. Для исследователя эта информация стала наиболее наглядным подтверждением того факта, что слоны в течение всего сражения находились в тылу персидской армии. Более того, описание Феофилакта неожиданно вернуло Ф. Рейнсу доверие к сообщению Агафия и позволило сделать вывод, что «такие энергичные действия арьергарда являлись одним из стандартных тактических приемов использования слонов. Это, вероятно, соответствует достаточно неясному “соединению (своих) расчлененных (сил); расчленению соединенных (вражеских сил)”; защите в бедствии в “Артхашастре”»⁹⁰⁶. Непонятно в данном случае, почему Ф. Рейнс апеллирует к «Артхашастре». Должно ли это означать, что и в Древней Индии слонов использовали таким же самым образом, как, согласно его концепции, это делалось в IV—VI вв.?

Как нам представляется, сама система доказательств, взятая на вооружение исследователем, по меньшей мере некорректна: допустимо ли в угоду своей теории давать произвольную оценку совершенно равнозначным свидетельствам одного и того же источника и в случае, если они соответствуют собственным взглядам, принимать их, а, если — нет, попросту не замечать?

Феофилакт ясно говорит, что сражение с войсками Бахрама было уже закончено и ромейские войска захватили неприятельский лагерь, и только после этого, когда солнце клонилось к закату, они увидели «сидевших на слонах варваров». Завязавшийся бой Феофилакт называет «второй битвой», которая окончилась только глубокой ночью [Theophyl. Sim., V, 11, 3]. Таким образом между двумя сражениями был некоторый перерыв. Если слоны, как полагает Ф. Рейнс, стояли в первом сражении в резерве армии, то как могло оказаться, что они приняли активное участие во время атаки левого фланга армии Бахрама, приведшей к отступлению византийских войск [Theophyl. Sim., V, 10, 10]? Появление слонов на закате дня совсем не доказывает, что в течение всего боя они находились где-то рядом с обозом. В конце концов, в какой-то момент сражения слоны, пострадавшие от атак вражеских стрелков, могли быть специально отведены в тыл, где корнаки имели бы возможность успокоить их.

Наконец, последнее. Если персидские слоны, пусть даже в качестве арьергарда, прикрывая отступление своих войск, могли действовать как

настоящие боевые слоны, отражая атаки вражеской пехоты и кавалерии, то тогда сам собой возникает вопрос: а что мешало персам применять их в том же качестве, в котором это делалось в эллинистическую эпоху? Да и вообще, не слишком ли большая роскошь использовать в качестве транспортного средства или вьючного скота животных, приобретение и содержание которых, вероятно, должно было недешево обходиться царской казне?

Еще одно свидетельство, позволяющее Ф. Рейнсу причислить персидских слонов к обозным животным, содержится у Феофана Исповедника, который, описывая боевой порядок армии Хосрова II в битве у р. Арзамон, сообщает, что царь построил «укрепление из слонов» [Theophan., an. 596]⁹⁰⁷. Некоторые исследователи переводят данную фразу так: «поставил своих слонов в крепостеобразном строю»⁹⁰⁸. «Такое построение, — пишет Ф. Рейнс, — явно не упоминается никаким другим источником любого времени, а словосочетание настолько таинственно, что возникает предположение о порче текста»⁹⁰⁹. Вопреки утверждению Ф. Рейнса, на наш взгляд, нет ничего удивительного в сравнении строя слонов с крепостными укреплениями. Диодор, Полиэн [Diod., XVII, 87, 5; Polyae., IV, 3, 22] и другие античные историки неоднократно используют подобные аналогии. Наконец, как отмечает и сам Ф. Рейнс, слова Феофилакта Симокатты «προβόλους τειράς» («некие передовые бастионы»), относящиеся к слонам, очень напоминают по смыслу «φρούριον», употребленное Феофаном⁹¹⁰. В любом случае нелепо, как нам кажется, строить гипотезы, основываясь на одной труднопонимаемой и, возможно даже, поврежденной фразе византийского хрониста, жившего спустя века после описанного факта, подвергая при этом критике и сомнению все вполне конкретные сведения современника и участника событий, да к тому же еще и военного, каким был Аммиан Марцеллин. Феофан желал поведать своему читателю не о каких-то тактических приемах Хосрова, а о битве, в которой тому удалось одержать «великую победу» благодаря участию большого количества слонов.

Таким образом, нет никаких веских оснований подвергать сомнению свидетельства источников и утверждать, что персы использовали слонов в открытых сражениях только в исключительных случаях. Вместе с тем дошедшие до нас красочные описания осад римских городов, в которых участвовали слоны, еще не доказывают, что такова была главная задача, возлагавшаяся на огромных зверей. Напротив, то, что слоны могли без боязни приближаться к вражеским укреплениям, выдерживая шум битвы и удары камней и стрел, наглядно подтверждает тот факт, что это были специально обученные, «боевые» животные.

Почему не сохранилось столь же подробных описаний сражений в открытом поле, в которых принимали бы участие слоны? По большому счету, у нас нет подробного описания ни одного крупного сражения между римскими и персидскими войсками вплоть до начала похода Юлиана. Что же касается осад городов, происходивших в период правления Констанция II и Юстиниана I, то как еще могли использовать персы слонов, если противник не выходил за стены своих укреплений?

Конечно же, в использовании персами слонов была своя специфика. Менялся противник, менялись оружие и приемы ведения боя. Все это неизбежно должно было отражаться и на тактике самих персов. Усиленное фортификационное строительство на границах Римской империи должно было способствовать развитию у персов осадной техники, одним из элементов которой стали для них боевые слоны: подходя на близкое расстояние к вражеским стенам, огромные четвероногие давали возможность сидевшим на их спинах стрелкам уничтожать защитников крепостей. Использование слонов в качестве движущихся башен должно было потребовать создания более мощного защитного вооружения, как для животных, так и для находившихся на них воинов. Именно поэтому персы стали целиком покрывать башни на слонах железными листами. О панцирях, закрывавших тела персидских слонов, сообщает св. Амвросий [Ambros., Hexamer., VI, 5, 33].

В VI столетии, в отличие от эллинистической эпохи, во время сражений в открытом поле персы перестали, очевидно, использовать слонов в качестве живого тарана против вражеской пехоты. Возможно, они вообще предпочитали избегать ближнего боя, и всадники, сидевшие на слонах, издалика обстреливали неприятельские боевые порядки. Большое количество воинов в башнях на спинах животных могло свидетельствовать в пользу того, что слонам отводилась роль неких опорных пунктов, обеспечивавших поддержку пехоте либо прикрывавших кавалерию. По этому поводу можно заметить, что рассказ ат-Табари о том, что арабы в битве при Кадисии срезали подпруги, удерживавшие башни, позволяет сделать вывод, что слоны стояли на месте, а не стремительно передвигались по полю боя.

Не исключено, что количество слонов в сасанидских армиях, о которых сообщают источники, — в большинстве случаев преувеличение, своего рода топос, заставляющий историка, рассказывающего о слонах, исчислять их сотнями. Данное предположение лучше всего объясняет, почему у персов получила распространение тактика прикрепления к одному слону больших отрядов сопровождения.

Использовались ли слоны в качестве вьючных животных? Доказательства, приведенные Ф. Рейнсом, не убедили нас в этом. Пример, когда огромные четвероногие образовали на р. Фасис живую дамбу⁹¹¹, не может служить тому подтверждением: точно таким же образом поступил, например, Пердикка, когда ему нужно было переправить свою армию через Нил [Diod., XVIII, 35, 1], или Ганнибал, форсируя Пад [Liv., XXI, 47, 4]. Однако это не означало, что они видели в своих слонах лишь средство для перевозки грузов или возведения укреплений⁹¹².

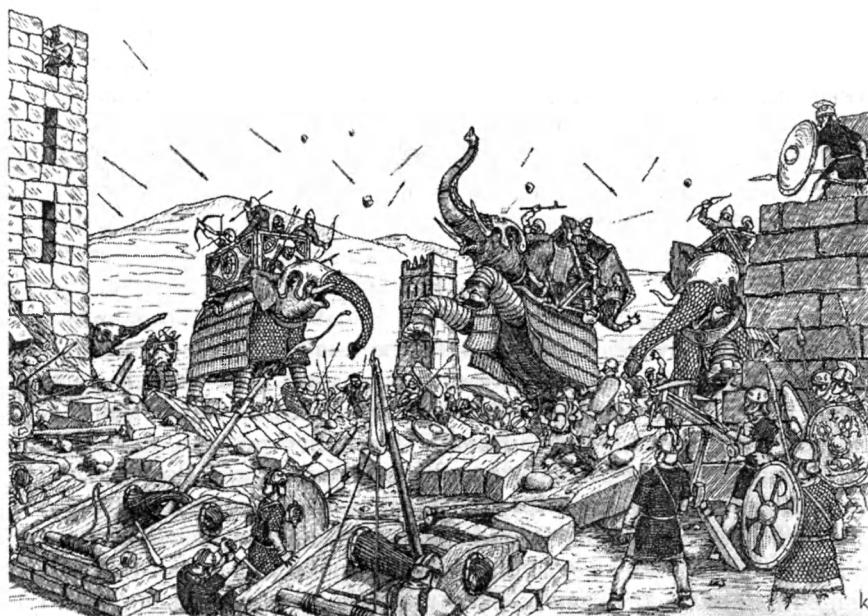
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПЕРСАМИ СЛОНОВ ВО ВРЕМЯ ШТУРМА ВРАЖЕСКИХ УКРЕПЛЕНИЙ

Наиболее известными из осад городов, во время которых персы активно использовали слонов, были осады Нисибиса (350 г.), Амиды (359 г.), Эдессы (551 г.), Археополя (552 г.) и Фасиса (555 г.).

При штурме Нисибиса Шапур II окружил город земляной насыпью, а затем направил на близлежащие равнины воды р. Мигдон, в результате чего Нисибис превратился в подобие острова, находящегося посередине озера [Jul., III [II], De regno, 11 c]⁹¹³. Тогда царь приказал подвести к городу корабли с метательными машинами. Но осажденные, стоя на стенах, обстреливали персов зажигательными снарядами и камнями, вес которых достигал 7 аттических талантов⁹¹⁴. Многие корабли были сожжены или разбиты. Сражение продолжалось в течение нескольких дней. Наконец часть городской стены, протяженностью не менее семи локтей, рухнула под напором воды. Персы построились для штурма. Осажденные встали фалангой напротив бреши в стене. Все жители Нисибиса, способные носить оружие, поднялись на городские укрепления. Персы пошли в атаку. Однако разлившиеся воды реки успели превратить почву вокруг города в непролазную топь. Кроме того, ил и тина доверху заполнили вал, окружавший стены и сделали из него непроходимую трясику. Все это сильно препятствовало атакующим и замедляло их движение. Когда они приблизились на расстояние выстрелов, с высоты стен на них полетели камни и зажигательные снаряды. Пораженные лошади падали вместе со своими седоками, которые из-за тяжести вооружения не могли подняться и тонули в грязи. Скоро вся персидская кавалерия обратилась в беспорядочное бегство.

После этой неудачи Шапур развернул перед городом строй из слонов и пехоты, рассчитывая первоначально, что чудовищные звери посеют страх среди осажденных, и это заставит их капитулировать. Но римляне

стали обстреливать персидский боевой порядок, провоцируя неприятеля вступить в рукопашную схватку. По приказу царя персы двинулись к стенам. Согласно рассказу Юлиана, несколько слонов получили при этом ранения, а некоторые, упав в ров, захлебнулись в болотной жиже. Тогда персы, испугавшись за остальных животных, отвели их с поля боя [Jul., III [II], De regno, 62 с—66 а]. Аммиан упоминает о страшных потерях, которые были нанесены персидской армии пришедшими в неистовство из-за полученных ран слонами. Именно после этой катастрофы персидские корнаки и стали будто бы использовать длинные ножи, о которых упоминалось выше.

Персидская армия штурмует Нисибис

Рис. И. В. Кирсанова

После этой неудачи Шапур развернул перед городом строй из слонов и пехоты, рассчитывая первоначально, что чудовищные звери посеют страх среди осажденных, и это заставит их капитулировать. Но римляне стали обстреливать персидский боевой порядок, провоцируя неприятеля вступить в рукопашную схватку. По приказу царя персы двинулись

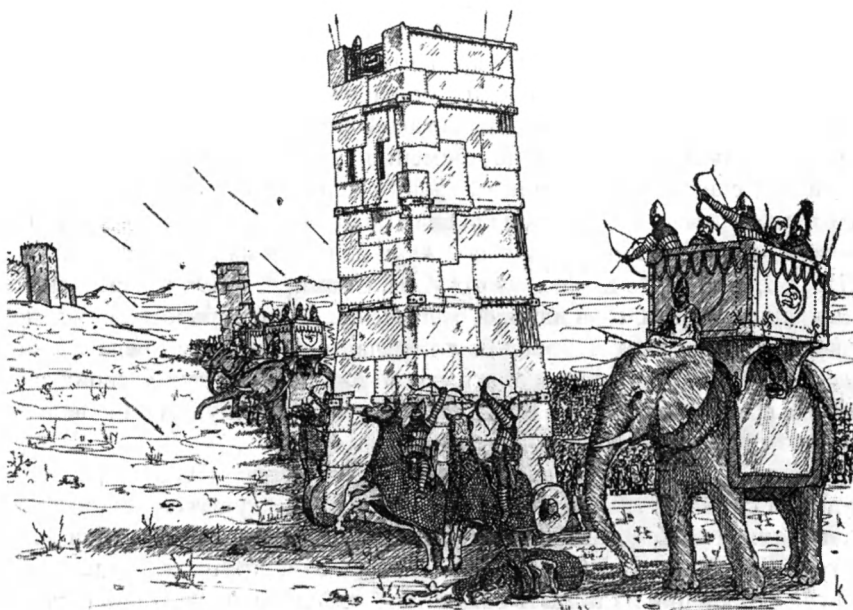
к стенам. Согласно рассказу Юлиана, несколько слонов получили при этом ранения, а некоторые, упав в ров, захлебнулись в болотной жиже. Тогда персы, испугавшись за остальных животных, отвели их с поля боя [Jul., III [II], De regno, 62 с—66 а]. Аммиан упоминает о страшных потерях, которые были нанесены персидской армии пришедшими в неистовство из-за полученных ран слонами. Именно после этой катастрофы персидские корнаки и стали будто бы использовать длинные ножи, о которых упоминалось выше.

Штурм Нисибиса окончился для персов неудачей. Отведя с поля боя слонов, они попробовали обстреливать из луков римскую фалангу, закрывающую пролом в стене. Но защитники города выстроили за ночь позади поврежденного участка новую стену и таким образом свели на нет все усилия осаждавших [Jul., III [II], De regno, 66 с]. Шапур должен был уйти, потеряв под стенами крепости 20 000 человек⁹¹⁵.

Осаду Амиды персы провели с большим успехом. Однако и в этом случае слоны не смогли оказать им какой-либо существенной поддержки. Во время штурма римляне применили против слонов огонь — испытанное еще в эпоху Пунийских войн средство: «...На них, — пишет Аммиан, — мы со всех сторон бросали брандеры. Когда огонь коснулся их тела, они попятились назад, и вожаки не могли их сдержать» [Амм., XIX, 7, 7; пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни]⁹¹⁶. В 496 г. персы вновь осаждали Амиду. Осада длилась три месяца, и подробности ее нам неизвестны. Как кажется, город был передан в руки врага предателями. Весьма вероятно, что персы опять использовали при штурме своих слонов. Во всяком случае царь Кавад въехал в побежденную Амиду верхом на одном из этих животных [Theophan., an. 496].

Осада Эдессы вновь была неудачной для персов. На этот раз персидский слон испугался визга поросенка и, не слушаясь погонщика, развернулся и побежал прочь от стен города, увлекая за собой всех остальных [Просор., BG, IV, 14]. Гораздо более крупная неудача постигла персов при их попытке захватить город Фасис, важный стратегический пункт в Лазике. Персидский полководец Нахораган подошел к городу и стал готовиться к его штурму. Римский гарнизон, понимая, что обветшалые стены не выдержат персидского натиска, совершил вылазку, надеясь отбросить осаждавших. Нахораган пустил против защитников города своих слонов, которые ворвались в гущу римского строя и привели его в смятение. Лучники, сидевшие на спинах животных, наносили римлянам дополнительный урон, без промаха поражая тех, кто стоял в глубине их боевого порядка. В это время один из римских солдат поразил в бровь слона, напавшего на него. «Страдая

от полученной раны и, сверх того, напуганный болтающимся у глаза дротиком, слон тотчас попятился назад и начал метаться в разные стороны. То болтая хоботом наподобие бича, он поражал многих персов и бросал их вверх, то протягивая его в длину, издавал какой-то страшный крик. Сидящих на нем воинов он сильным толчком сбросил вниз и умертвил, растоптав ногами, наконец, привел в беспорядок все персидское войско, а лошадей, к которым он приближался, приводил в бешенство» [Agath., III, 27, 5; пер. С. П. Кондратьева]⁹¹⁷. Персы обратились в беспорядочное бегство, оставив на поле боя более 10 000 погибших.

Персидская армия готовится к штурму Амиды

Рис. И. В. Кирсанова

Практически то же самое случилось и под стенами другого города в Лазике — Археополя. Гарнизон также сделал вылазку и напал на еще готовящегося к штурму противника. «Один из слонов, — сообщает Прокопий, — раненый или сам по себе пришедший в беспокойство, повернул назад, не слушая приказов, стал строптивым, сбросил с себя тех, кто

на нем сидел, и ворвался в строй других слонов. Варвары бросились от него бежать, а римляне с тем большим бесстрашием преследовали их по пятам и избивали» [Росор., BG, IV, 14; пер. С. П. Кондратьева].

На основании всех этих описаний может сложиться мнение, что польза от участия слонов в осадах городов и крепостей была невелика и часто они приносили больше вреда как раз той стороне, которая возлагала на них свои надежды. Тем не менее автор «Стратегикона» характеризует персов как «грозных при осуществлении осад» [Mauric., Strat., XI, 1], свидетельствуя тем самым, что успех нередко сопутствовал их усилиям, а тот факт, что персы не отказывались от использования слонов в предприятиях подобного рода на протяжении как минимум трех столетий, позволяет предположить, что они считали такой способ действий весьма эффективным.

БИТВА В ГЕРАТСКОЙ ДОЛИНЕ

Летом 589 г. огромная армия тюрков во главе с Янг-Соухом вторглась в Восточный Иран. Согласно утверждению ат-Табари, тюркская армия насчитывала 300 000 человек и 200 боевых слонов. Фирдоуси утверждает, что у Янг-Соуха было 400 000 воинов и 1200 слонов⁹¹⁸. Выступившая навстречу тюркам персидская армия под командованием Бахрама Чубина⁹¹⁹ состояла всего из 12 000 ветеранов в возрасте от 40 до 50 лет⁹²⁰. Наши источники передают, что обманом персам удалось заманить тюрков в долину, на которой располагался город Герат. Гератская долина с севера и юга окружена высокими горами и имеет только два выхода: узкий проход вдоль течения р. Герируд и ущелье протяженностью около 8 км с северо-западной стороны⁹²¹. Здесь тюрков поджидал со своими войсками Бахрам. Согласно ад-Динавари, тюркский каган выступил из города Хары с 40-тысячной армией⁹²². Л. Н. Гумилев полагает, что количество тюрков, оказавшихся в западне, было еще меньшим: «...Топография Гератской долины позволяет нам высчитать возможный максимум тюркютских воинов. Поле сражения — равнина Баулигох — имеет в ширину 12 км. Кавалеристы, чтобы быть в состоянии сражаться, должны иметь фронтальные интервалы около 20 м. Следовательно, одну линию не могло составлять более 2000 воинов. Глубина строя кочевников также известна — 10 боевых линий. Таким образом, тюркютское войско под Гератом не могло превышать 20 000 человек. Если же учесть, что долина к западу сужается и что в центре тюркютской армии стояли слоны, то и это число надо значительно уменьшить. Надо

полагать, что персы и тюркюты под Гератом были приблизительно в равном числе»⁹²³.

Вероятно, Янг-Соух рассчитывал встретиться только с гарнизоном Герата, поэтому взял с собой лишь то количество войск, которое, по его мнению, было необходимо для штурма города⁹²⁴. Относительно слонов можно с уверенностью сказать, что на Гератской равнине их было значительно меньше того количества, о котором говорит Фирдоуси.

О диспозициях армий мы можем судить, опираясь на описание Салиби. Первую линию персидской армии составляла пехота; на флангах — отборные отряды, очевидно, кавалерия. Слоны стояли во второй линии⁹²⁵. В резерве находился заградительный отряд, который должен был помешать бегущим покидать поле сражения и снова вернуть их в бой⁹²⁶. У тюрков в первой линии боевого порядка находились всадники, а слоны образовывали второй эшелон.

Сражение началось атакой тюркской кавалерии. Но персам удалось отразить ее на правом фланге и в центре. Янг-соух приказал ввести в бой слонов. Тогда персидские лучники стали осыпать их градом стрел. Наряду с обычными персы использовали также и зажигательные стрелы, обмотанные горячей паклей. Израненные и взбешенные от боли животные повернули на собственные боевые порядки. Гоня перед собой слонов, персы перешли в наступление. Тюрки, не в силах выдержать такого натиска, обратились в беспорядочное бегство⁹²⁷.

Эти драматические события описаны Фирдоуси. Возможно, в его рассказе поэзия доминирует над историей, однако ничего более определенного сообщить о ходе Гератского сражения мы не сможем⁹²⁸. В переводе Л. Н. Гумилева рассказ Фирдоуси звучит следующим образом:

Савз⁹²⁹ обратился к своим старшинам:
«Откройте дорогу военным слонам,
И войско в последнюю бросьте борьбу,
Чтоб сделать им черной и тесной судьбу».
Спахбед⁹³⁰ на главу надевает шлем
И стрелы пускает весенним дождем.
И ринулось войско по следу вождя,
И звезд не видать от такого дождя.
Просверлены хоботы страшных слонов
Трехжальными⁹³¹ стрелами метких стрелков.
От боли слоны обратились вспять,
Взбесившись, топтали турецкую рать,
Враги побежали, про битву забыв,

От крови долина, как нильский разлив,
Турецкое войско смешало ряды.
Закончилось дело победой Беды.
За войском своим на холме небольшом
Савз на престоле сидел золотом,
Смотрел на доселе отважных солдат,
Подобно лавине бегущих назад.
Все пылью покрыты, душой смятены,
А пьяные кровью и битвой слоны
Давили бегущих и гибнущих зря,
Слезами наполнились очи царя⁹³².

Янг-соух, видя поражение своих войск, попытался спастись бегством, однако был настигнут Бахрамом Чубином и убит выстрелом из лука. Тюрки бежали к ущелью — единственному остававшемуся доступным для них выходу из «долины смерти». Однако оно оказалось слишком узким, чтобы пропустить огромную массу охваченных ужасом людей.

В ущелье стремилась толпа беглецов.
Ущелье от давки полно мертвецов.
Один из десятка, оставшись живой,
Бежал, не убитый иранской стрелой,
Ни острою саблей, ни длинным копьем,
Ни жаждущим крови безумным слоном.

БИТВА ПРИ ГАНДЗАКЕ

В результате победы при Герате Бахрам Чубин стал самым прославленным полководцем Персии. Согласно одной версии, он утаил от персидского царя Хормизда значительную часть доставшихся ему сокровищ. По другой — отослал царю всю добычу, но придворные Хормизда оклеветали героя⁹³³. Царь в грубой форме потребовал у Бахрама все захваченные сокровища. Это послужило причиной восстания победоносного военачальника, которого поддержала вся армия⁹³⁴.

Вскоре Хормизд был свергнут своим сыном Хосровом, объявившим себя царем. Но из страха перед наступавшей армией Бахрама Хосров был вынужден бежать в Византию и просить помощи у императора Маврикия. Взамен Хосров обещал империи ряд пограничных персидских

территорий⁹³⁵. Тогда Маврикий приказал выступить из Армении полководцу Иоанну, под командованием которого находилась 20-тысячная армия. Одновременно со стороны Сирии к р. Заб двигалась армия под командованием Нарсеса, также насчитывавшая 20 000 солдат⁹³⁶. Когда силы союзников соединились, то в распоряжении Хосрова оказалось 60-тысячная армия, в которую помимо персидских и греческих войск вошел 15-тысячный, а по другим данным — 20-тысячный армянский отряд⁹³⁷. У Бахрама было только 40 000 человек [Theophyl. Sim., V, 9, 4]⁹³⁸.

Бахрам попытался совершить на вражескую армию ночное нападение, однако труднопроходимые дороги задержали его войска, и они появились перед неприятельским лагерем только на рассвете [Theophyl. Sim., V, 9, 5]. Бахрам вынужден был отказаться от своего плана, и еще в течение двух дней враждующие армии не решались вступить в сражение. На третий день войска стали строиться для битвы. «Ромеи выстроились тремя отрядами: центром командовал Хосров и Нарсес, правое крыло возглавляли персы Мебод и Сарам, ведущие фалангу мидийцев, а на левом предводительствовал Иоанн, начальствуя над войсками, пришедшими из Армении. Точно так же выстроилось и вражеское войско, разделившись на три отряда» [Theophyl. Sim., V, 9, 8; пер. С. П. Кондратьева].

В начале боя греческим войскам удалось обратить неприятеля в бегство. Однако солдаты Бахрама бежали на гору, где находился их лагерь. Хосров бросился преследовать их, но был отражен с большим уроном. «И страшное избиение, — передает Феофилакт, — было бы наказанием за такое предприятие, если бы ромеи, нанося лобовой удар, не остановили бы варваров в их преследовании» [Theophyl. Sim., V, 9, 11; пер. С. П. Кондратьева]. Сражение оказалось нерешительным. Бахрам был вполне доволен его исходом. Утром он оставил лагерь и двинулся в горные районы, неудобные для действий кавалерии. Бахрам рассчитывал измотать неприятельскую армию, но римляне настигли его у р. Блараф⁹³⁹, неподалеку от города Гандзака. Проведя здесь ночь, наутро враждующие армии стали строиться в боевой порядок на широкой равнине, простиравшейся вдоль берега реки. В соответствии с установившимися правилами Бахрам расположил свою армию тремя отрядами. Командование центром он принял на себя, командиры вспомогательных войск были поставлены во главе левого и правого флангов. Впереди конницы были выстроены слоны, на которых сидели отборные персидские лучники⁹⁴⁰. Когда началось сражение, Бахрам перешел на левое крыло персидской армии. Это придало мужества сражавшимся здесь персам, и они опрокинули правый фланг византийцев. Нарсес, командовавший центром союзнической армии, вынужден был в спешном порядке отпратить сюда

подкрепления, прежде чем ему удалось остановить бегущих. Развивая успех, Бахрам повел левое крыло своей армии против отряда Нарсеса. Впереди кавалерии он пустил боевых слонов. Однако византийцам удалось отразить этот натиск. Нарсес в свою очередь перешел в наступление и нанес удар по центру неприятельской армии. Персы не выдержали и начали отступать. Это решило исход сражения. «Вследствие этого заколебались и остальные силы Варама (Бахрама. — А. Б.), и Нарсес, одолев их и оказавшись победителем, стал сбивать неприятельских всадников с коней, а пеших поражать копьями. Когда ромеи повели энергичное преследование и избиение повсеместно было в полном разгаре, шесть тысяч вавилонян бежали на какой-то холм и стали думать, как им спастись. Но ромейское войско, окружив этот холм, одолело отряд беглецов. Многих из них, взяв в плен, привели связанными к Хосрову» [Theophyl. Sim., V, 9, 11–12; пер. С. П. Кондратьева].

Поражение Бахрама было полным. Сторонники Хосрова захватили его лагерь, в котором находились его жены и дети. Однако неожиданно, когда солнце уже клонилось к закату, появился большой отряд всадников на слонах, которые напали на предававшихся грабежу победителей. Тогда византийцы окружили слонов, убили воинов, находившихся на них, а самих животных передали Хосрову [Theophyl. Sim., V, 11, 2]⁹⁴¹.

Рассказ Феофилакта содержит одну весьма интересную деталь, которая привлекла к себе внимание исследователей. Сообщив, что Бахрам поставил слонов впереди своей кавалерии, греческий историк добавляет: «но и другое войско не было лишено помощи этих диких животных» [Theophyl. Sim., V, 10, 6]. Подобное свидетельство позволяет предположить, что Нарсес, командовавший византийской армией, отлично зная, что у персов есть большое количество слонов, решил противопоставить им тех животных, которые были захвачены греками в предыдущих войнах⁹⁴². Впрочем, существует и другое объяснение данному свидетельству. По мнению некоторых специалистов, слово *ἐκάτερος* (каждое) обозначает не то и другое войско, а то и другое крыло персидской армии⁹⁴³. Если это так, то Бахрам прибег в данном случае к хорошо известному и широко использовавшемуся еще во времена эллинизма тактическому приему, поставив слонов впереди флангов войска.

Вместе с тем одна деталь позволяет все же допустить присутствие слонов в составе византийской армии. После того как вражеский лагерь был захвачен, Хосров тут же казнил своих противников, бросив их под ноги слонам [Theophyl. Sim., V, 10, 13]. Если слоны Бахрама были в какой-то момент выведены из боя, то придется признать, что принять участие

в упомянутой экзекуции могли только те звери, которые изначально были у Нарсеса.

БИТВА ПРИ КАДИСИИ

Битва при Кадисии — еще одно знаковое событие в истории Сасанидского Ирана, отмеченное участием боевых слонов⁹⁴⁴. На этот раз Персии угрожал новый враг, столетиями влачивший жалкое существование на задворках великой империи.

Вторжения арабов-мусульман в Персидское царство начинаются с 633 г. Именно в этом году один из арабских отрядов занял пограничный персидский город Хира, находившийся на правом берегу Евфрата. Однако войны с Византией на время отвлекли мусульман от персидского направления, и лишь в 636 г. они продвинулись вплоть до среднего течения Евфрата, одержав несколько побед над персидскими войсками⁹⁴⁵. Одно из столкновений между враждующими сторонами произошло близ развалин Вавилона, где по преданию арабский предводитель Мусанна собственноручно убил персидского боевого слона⁹⁴⁶. Мусульманская угроза встревожила персов, и военачальник Рустам, бывший в то время фактическим руководителем государства⁹⁴⁷, стал собирать войска в Сабате, находившемся неподалеку от Селевкии. Командование над одной персидской армией было возложено на Джабана, который переправился через Евфрат и двинулся к Хире. Другую армию возглавил полководец Нарсес, занявший позицию в Каскаре (Южная Вавилония)⁹⁴⁸.

На помощь Мусанне из Аравии подошла новая мусульманская армия под командованием Абу-Убайды, возглавившего объединенные арабские силы. Абу-Убайда тут же начал активные действия против персов и разбил возле Хиры армию Джабана, а затем нанес поражение Нарсесу. Однако к этому времени к Рустаму прибыли новые подкрепления из восточных провинций Ирана, и он выступил со своей армией к Хире. Мусульмане расположились в местечке Кус-ан-Натиф, недалеко от Вавилона. Здесь Евфрат пересекал дорогу из Ктесифона в Хиру, по которой шла армия Рустама. Авангардом персов командовал полководец Бахрам. Подойдя к Евфрату, он предложил арабам самим выбрать, на каком берегу произойдет сражение. Абу-Убайда предпочел переправиться на персидскую сторону, чтобы иметь реку за спиной⁹⁴⁹. Когда арабы бросились в атаку, один из персидских слонов схватил Абу-Убайду хоботом, бросил на землю и затоптал ногами [Tabari, 2174–2176; 2180–2181]. Смерть вождя повергла мусульман в ужас, и они обратились

в беспорядочное бегство. Этот день вошел в анналы арабской истории как «Битва у моста»⁹⁵⁰.

В декабре 636 г. возле Кадисии, неподалеку от Хиры, на самой границе Сирийской пустыни, арабская армия под предводительством Саада ибн Абу-Ваккасса⁹⁵¹ встретила с персидской армией, которой командовал сам Рустам. Имеющиеся данные о численности обеих армий весьма противоречивы. По сообщению ат-Табари, у персов было 120 000 человек и 33 слона, у арабов — всего 9000–10 000 бойцов [Tabari, 2235; 2266–2267]. В армянских источниках численность персидской армии определяется в 80 000 человек. Наиболее правдоподобные данные — это 38 000 для арабов и 60 000 для персов⁹⁵².

Последняя цифра, касающаяся численности персидской армии, довольно близка к тому числу воинов, которое мог выставить в этот период Иран. Ат-Табари утверждает, что царь Хормизд, прежде чем отправить Бахрама против тюрок, сам осматривал всех, кто был включен в списки диванов, и таких набралось 70 000 [Tabari, 992]. Увеличение этого количества достигалось только за счет мобилизации крестьян, вербовки наемников и привлечения отрядов союзников. Если мы учтем, что до решающего столкновения персидская армия уже понесла определенные потери, то 60 000 представляются вполне допустимой ее численностью. Предполагается, что Рустам провел в Иране всеобщую мобилизацию и пригнал под знамена всех способных носить оружие. Однако какой в этом был смысл? Если для отражения 300 000 тюрок потребовалось 12 000 воинов, то что побуждало поднимать большую армию против армии чуть ли не в 10 раз меньшей?

Выше мы уже упоминали, что, согласно утверждению ат-Табари, персы окружили каждого слона отрядом в 4000 воинов. Восемнадцать животных стояли в центре персидской армии, где находился сам главнокомандующий, семь — на одном фланге и восемь — на другом⁹⁵³. При этом персидские командиры восседали на слонах, не принимавших участия в сражении. Вероятно, таких слонов, служивших боевыми животными персидским военачальникам, было три (у командующего центром, левым и правым флангами армии), иначе мы не получим цифру в 120 000 человек, которой ат-Табари определяет численность иранской армии.

На самом деле подобное построение едва ли возможно. Отряды сопровождения, приданные слонам, оказываются в таком случае слишком многочисленными, и к тому же совершенно непонятно, какая задача стояла перед ними во время сражения. Если мы примем схему, предложенную ат-Табари, то придется признать, что 120-тысячная армия была нужна только для того, чтобы защитить 30 слонов. Из описания боя ясно,

что слоны действовали против арабов автономно, и в лучшем случае их эскорт состоял из немногочисленных отрядов легковооруженных воинов, как это было в античную эпоху. Таким образом, более вероятным представляется, что огромные четвероногие вместе со стрелками образовывали первую линию персидского боевого построения.

В центре слонов было вдвое больше, чем на обоих флангах. Это позволяет допустить, что фронт данного участка персидского боевого порядка был вдвое длиннее, чем фронт каждого из флангов. Здесь, очевидно, находилась пехота, включавшая и отряды «дайламитов», из северных районов Ирана, отлично зарекомендовавших себя в войнах с византийцами⁹⁵⁴. Мы в точности не знаем, как строилась сасанидская пехота, поэтому, чтобы рассчитать длину ее фронта, нам придется прибегнуть к методу аналогий. Персы должны были адаптироваться к тем тактическим приемам, которые использовали их западные соседи — римляне. Построение фалангой могло быть единственно приемлемым способом борьбы с противником. Имеющиеся изображения показывают нам хорасанских пехотинцев в ламинарных панцирях с длинными копьями, которые они держат обеими руками⁹⁵⁵. Подобный вид оружия предполагает, что один воин в начале сражения занимал в ряду пространство, равное 3 футам (ок. 91 см). Глубина строя составляла, видимо, 16 рядов, подобно македонской фаланге, однако при необходимости могла быть увеличена⁹⁵⁶.

Персидская кавалерия состояла из эскадронов тяжеловооруженных всадников, набиравшихся среди персидской аристократии, а также конных лучников, вербовавшиеся среди арабов, живших на территории Месопотамии⁹⁵⁷. Согласно утверждению автора «Стратегикона», у персов не было установленной глубины кавалерийского строя, но они старались разместить кавалеристов каждого эскадрона наподобие фаланги [Mauric., Strat., XI, 1]. Глубину построения конного подразделения он определяет в 5–7 рядов для отборных отрядов и в 8–10 для тех, что похуже [Mauric., Strat., II, 6]. Каждая лошадь по фронту занимала 3 фута [Mauric., Strat., IX, 5].

Если мы допустим, что строй слонов вытянулся вдоль всего фронта персидской армии, можно приблизительно определить ее численность. Слоны, очевидно, стояли друг от друга на максимальном расстоянии, которое можно считать равным 30 м (1 плетр), как это было в античности, поэтому длина персидского строя составляла 925 м. Половину этого пространства (462,5 м) занимал центр, около 185 м приходилось на один фланг и около 216 м — на второй. В центре по фронту, в таком случае, стояло бы 505 пехотинцев, а для того чтобы образовать фалангу

из 16 рядов, потребовалось бы 8093 человека. На одном фланге по фронту находились бы 202 всадника; если бы они стояли в 7 рядов, то общее число кавалеристов на этом крыле было бы 1416 и 1618, если бы они образовывали 8 рядов. На втором фланге по фронту должно было находиться 236 бойцов, а их общее количество — 1653 кавалериста при построении в 7 рядов и 1890 при 8-рядном построении. Таким образом, мы получаем, что при построении кавалерии на флангах в 7 рядов персидская армия должна была насчитывать 11 162 воина, а при построении кавалерии в 8 рядов — 11 601. При всех сделанных допущениях полученная цифра очень близка к тем 12 000, из которых, согласно персидской традиции, должна была состоять непобедимая армия.

По ат-Табари, сражение длилось четыре дня. В первый из них, получивший название День потрясения, персы бросили в бой своих слонов. Наиболее упорное столкновение произошло на участке фронта, который занимало арабское племя баджила. «Погонщики слонов атаковали мусульман и вбили клин между их подразделениями. Лошади запаниковали. Баджила были на грани уничтожения. Их лошади и лошади тех, кто был с ними на их позиции, бежали от страха, и только пехотинцы, поставленные тут, остались. Каждый слон нес двадцать человек... Слоны атакуют лошадей на двух крыльях, и лошади отшатнулись и повернули в сторону» [Tabari, 2298–2300]⁹⁵⁸. Но мусульмане стали обстреливать животных из луков и перерезали подпруги, удерживавшие башни на их спинах. В результате эта атака оказалась отбита. На следующий день, названный Днем поддержки, обе стороны ограничились небольшими стычками, в которых слоны задействованы не были, потому что персы ремонтировали поврежденные башни [Tabari, 2306, 2320]. К арабам прибыли подкрепления из Сирии, и сражение возобновилось с новой силой. Но ни одной из сторон не удалось добиться перевеса. В этот день мусульмане потеряли около 2500 человек⁹⁵⁹. На третий день, названный Днем ожесточения, слоны снова появились на поле сражения. «Слоны двинулись вперед в сопровождении пехотинцев, защищавших их от возможности нового срезания подпруг. Пехотинцы, в свою очередь, сопровождалась всадниками, которые прикрывали их. Когда персы хотели атаковать военное подразделение, они двигались к нему со слоном и его сопровождением, чтобы напугать лошадей мусульман» [Tabari, 2320].

Среди пришедших к арабам подкреплений из Сирии были отряды конных копьеносцев, некогда состоявших на византийской службе и потому знавших, как бороться со слонами⁹⁶⁰. Они стали рубить слонам хоботы и стрелять в глаза. Взмешенные от боли животные отказывались

слушаться своих погонщиков и бросились бежать, прокладывая путь сквозь ряды собственных войск [Tabari, 2324–2326]. Более об участии огромных зверей в этой битве ничего не говорится.

Вечером Рустам приказал своим войскам переправляться на противоположный берег канала Атик. Арабы непрерывно нападали на персов всю ночь, получившую название Ночь грохота. Утром четвертого дня Рустам отдал приказ о наступлении. Персы вновь переправились на южный берег канала и начали теснить мусульман. Однако в этот момент поднялся сильный ветер, погнавший тучи песка в лицо персам. Один из персидских военачальников Хормизд, испугавшись этого природного явления, стал отходить. В образовавшуюся в персидском боевом порядке брешь Саад ибн Абу-Ваккасс бросил свои резервы. Некоторые вспомогательные персидские отряды повернули оружие против своих соратников. Рустам, храбро сражаясь, пал в бою. После этого вся персидская армия обратилась в бегство.

Победа досталась арабам дорогой ценой. Только за последние сутки они потеряли 6000 человек. Поэтому победители были не в состоянии преследовать разбитого неприятеля. Согласно арабским источникам, потери персов составили более 40 000, но, скорее всего, эта цифра не более чем преувеличение⁹⁶¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Со времен Александра Великого боевые слоны не только были неотъемлемой частью армий крупнейших государств эллинистического Востока, но и оказывали в течение двух столетий сильнейшее влияние на развитие античного военного дела. Появление огромных зверей на полях сражений придало новый вектор развития греко-македонскому военному искусству. В период войн диадохов слоны некоторое время оставались маргинальным видом войск, и их участие в военных действиях носило еще характер эксперимента. Однако именно тогда были заложены основные принципы взаимодействия элевфантерии с кавалерией и пехотой, выявлены ее сильные и слабые стороны, что позволило определить тактические приемы ее использования.

В первые годы после смерти Александра элевфантерия диадохов еще мало чем отличалась от аналогичного рода войск в армиях индийских правителей, но вместо индийца, вооруженного дротиками, на слоне сидел македонский гоплит с сариссой. Впрочем, нам неизвестно, было ли присутствие македонянина на слоне обязательным правилом, или же подобная организация была придана лишь одному отряду (агеме), сформированному самим Александром.

Большая разница в уровне развития античного и индийского военного дела сразу же потребовала внесения существенных изменений в действия элевфантерии. Боровшимся друг с другом наследникам македонского завоевателя с самого начала было ясно, насколько малоэффективным было использование слонов против фаланги, тем более что речь шла о македонских ветеранах, многие из которых были участниками битвы при Гидаспе. Думается, не случайно у нас нет конкретной информации ни об одном сражении эпохи диадохов, где слоны оказались бы противопоставлены тяжеловооруженной пехоте. Описание битв в Паретакене и Габиене не сообщают о борьбе огромных зверей с фалангой не потому, что часть текста в том и другом случае оказалась утраченной, а потому, что подобного столкновения попросту не было: единоборство слонов, стоявших перед центром боевых построений, заканчивалось тем, что их отводили в тыл армии, предоставляя фалангам самим решать исход боя. Характерно, что даже в битве при Ипсе, где союзники имели значительный перевес в слонах, они не стали использовать их против фаланги противника.

Вместе с тем воспоминания о Гидаспе должны были подсказать диадохам, что слоны — прекрасное средство борьбы с неприятельской кавалерией, поэтому основным местом, которое стали занимать огромные звери в боевых порядках эллинистических армий, становятся фланги. Бурно развивавшаяся античная военная мысль нашла простой и очень эффективный способ, каким образом прикрыть боевыми слонами всадников и при этом не испугать лошадей: слонов стали размещать полумесяцем, выступающая сторона которого была обращена к неприятелю, а края отодвинуты к собственной кавалерии.

В источниках, описывающих более поздние события, не упоминается о подобном размещении слонов, однако в этом нет ничего странного, поскольку то, что в конце III в. могло показаться новаторством и поэтому обращало на себя внимание, столетие спустя воспринималось уже как само собой разумеющееся и, следовательно, не заслуживавшее быть специально отмеченным. Тем не менее аналогичные тактические задачи подразумевали использование тех же самых способов их реализации, что и в предшествующий период.

Антигон (или кто-то из его соратников) стал изобретателем важнейшего технического новшества, придавшего эфеантерии совершенно новый вид, отличный от того, какой она имела до той поры. Речь идет о башнях, устанавливавшихся на спинах слонов. Появление башен симптоматично. Оно наглядно демонстрирует, каким образом Антигон использовал своих слонов. Башня на спине животного исключала возможность его стремительного передвижения по полю боя с целью прорыва неприятельского строя или штурма фортификационных сооружений: даже если башня не препятствовала бегу слона, то в ней все равно не было никакого смысла, потому что воины, находившиеся в ней, из-за сильной качки были бы не в состоянии не только пользоваться своим оружием, но даже держаться на ногах. К тому же, согласно описаниям сражений диаadoхов, слонов постоянно сопровождали отряды легковооруженных воинов (лучников, дротикометателей, пращников). Понятно, что эти два вида войск должны были действовать согласованно, поддерживая и прикрывая друг друга, что исключало какие-либо быстрые перемещения гигантских зверей. Слоны и легковооруженные воины играли роль заградительного барьера, защищавшего свою кавалерию от кавалерии, а позднее и от слонов противника.

Принятие в армии Антигона на вооружение башен значительно усиливало боевую мощь каждого из слонов в отдельности. Это мог почувствовать на себе уже Эвмен, которому, несмотря на значительно большее количество животных, в сражениях с Антигоном не удалось одержать верх над его слонами.

Конструкции башен не претерпели в дальнейшем каких либо существенных изменений. Вероятно, они с самого начала имели несколько модификаций, позволявших находиться в них различному количеству людей. Вооружение воинов в башнях могло варьироваться в зависимости от тактических задач, которые должны были выполнять слоны. Если слоны действовали при поддержке легкой пехоты, то, вероятнее всего, воины в башнях были вооружены таким же метательным оружием, что и пехотинцы, окружавшие слона. В случае, если предполагалось столкновение со слонами противника, то наиболее пригодным видом оружия в этом случае была традиционная македонская сарисса.

Двадцатилетний период военной истории, наступивший после смерти Александра, можно по праву назвать апогеем развития греко-македонского военного дела. Это время появления многочисленных профессиональных армий, в которых солдаты, младшие и старшие офицеры имели огромный военный опыт. Вместе с тем диадохами были заимствованы и усовершенствованы все лучшие военные достижения народов Азии. Это касается и боевых слонов. Можно с уверенностью сказать, что эллинистическая элевантерия полностью сформировалась в войнах диадохов. Позднее в ее организации не произошло существенных изменений. Принципы использования слонов на полях сражений оставались теми же на протяжении практически 150 лет. Отказ от них наблюдается лишь при Антиохе V Эвпаторе (163–162 гг. до н. э.): в это время Селевкиды должны были испытывать все больше трудностей с получением слонов из Индии, поэтому стали выстраивать их не отрядами по несколько десятков голов, а по отдельности. Теперь слоны действовали совместно не с легковооруженными воинами, как ранее, а в окружении тяжеловооруженной пехоты и конницы.

Слоны были грозным оружием не только из-за своей физической силы. Их появление на поле сражения неизменно производило сильный психологический эффект, для усиления которого огромных животных украшали пурпурными попонами, золотыми и серебряными украшениями, надевали им на головы султаны из перьев, а уши раскрашивали в яркие цвета

Эллинистические монархи часто не столько стремились вступить с противником в бой, сколько потрясти и испугать его, выставив перед ним своих слонов. Хорошо известен анекдот, рассказывающий, как Пирр пытался поразить воображение Гая Фабриция, показав ему слона [Plut., Pyrrh., 20]. Спустя несколько лет Антигон Гонат, стараясь внушить страх галлам демонстрацией своей военной мощи, предъявил им своих слонов в полном вооружении. Наконец, когда Антиох III подошел к городу Ларисе, то, желая заставить жителей без боя открыть ему ворота, поставил слонов впереди своей армии [Liv., XXXVI, 10, 4].

Новый род войска с самого момента своего появления должен был произвести чрезвычайно сильное впечатление на эллинистическую военную мысль. Могущество монарха стало определяться количеством боевых слонов, которым он располагал. Селевк I Никатор предпочел отдать обширные индийские территории за 5 сотен голов этих животных, Птолемей I начал исследование африканского континента с единственной целью обнаружить места обитания огромных четвероногих.

Нельзя не признать, что умелое использование слонов на протяжении ста лет практически всегда давало позитивные результаты той армии, в составе которой они находились. Благодаря слонам Пирр дважды одержал победу над римлянами, Антиох I — над галатами, а Птолемей III разгромил государство Селевкидов. Однако чрезмерно большое значение, которое стали придавать слонам в эллинистическом мире, имело и серьезные негативные последствия. Тактические приемы, использовавшиеся в этот период, становятся все более однообразными и предсказуемыми. До нас дошло два подробных описания сражений, данных эллинистическими правителями: при Рафии и Магнесии. В обоих случаях военные действия сначала велись только на флангах. Центр боевого построения, образуемый тяжеловооруженной пехотой, пассивно ожидал исхода этих столкновений. Антиоха III подобная тактика дважды привела к поражению. Особенно опасно было следовать ей в борьбе против римлян, поскольку у них пехота оставалась главной и при этом активной частью армии, потому даже поражение кавалерии еще не означало, что римляне были готовы уступить победу.

Возможно, что стремление эллинистических полководцев решать исход сражений фланговыми ударами без привлечения центров объясняется их желанием избежать напрасного кровопролития и сохранить не только свою пехоту, но и пехоту неприятеля, ведь в случае если бы вражеская фаланга оказалась окруженной, то была велика вероятность добровольного перехода солдат противника на службу к победителю. Но подобный метод ведения войны привел к тому, что фаланга, которая еще во времена Пирра была весьма подвижной и мобильной, становилась все более и более инертной.

Поражение Антиоха III в войне с римлянами имело для царства Селевкидов самые трагические последствия. И дело не в Апамейском мирном договоре, запрещавшем сирийским царям содержать боевых слонов и флот (условия его, как оказалось впоследствии, можно было легко обойти), а в том, что был нанесен непоправимый удар по политическому престижу государства. Это отразилось в том числе и на обретении независимости восточными сатрапиями. В результате династия

утратил связи с Индией, а следовательно, лишалась возможности получать боевых слонов.

Судьба египетской элевантерии оказалась схожей с сирийской. Однако главным фактором, повлиявшим на ее деградацию и исчезновение, был не внешний, а внутренний. Активная политика, проводимая первыми тремя Лагидами, требовала создания многочисленной и сильной армии, способной отстаивать интересы Египта в самых различных регионах восточного Средиземноморья. Именно поэтому первые Птолемеи не жалели усилий на исследование, проводившиеся во внутренних областях Африки. Удаленная попытка одомашнивания африканских слонов была одним из крупнейших достижений египетских царей, оказавшим заметное влияние на последующую историю развития античного военного дела. Соседние с Египтом африканские народы переняли опыт Лагидов и еще в течение долгих столетий продолжали использовать боевых слонов.

Возможно, именно благодаря примеру Лагидов карфагеняне узнали достаточно быстро об успехах собственной элевантерии. Чем были слоны в военной истории североафриканской республики? Было ли их появление шагом вперед, или же надежды, которые возлагали на них пунийцы, не соответствовали эффективности действий слонов на полях сражений? Несмотря на ряд крупных поражений, постигших карфагенян в Пунийских войнах, совершенно ясно, что именно присутствие слонов позволяло им избежать неминуемой капитуляции в 256 г. до н. э., когда Регул высадился со своими войсками в Африке. Во время восстания наемников слоны снова встали на защиту Кирфагена и на этот раз спасли его от гибели. Несомненно, в покровении пунийцами свободолюбивых племенных слонов огромным животным также принадлежала не последняя роль.

Пунийцы вполне обоснованно считали слонов самой ценной частью своих вооруженных сил. Вспомним, что когда Ганнибалу пришла подкрепления из Африки, они состояли из нумидийских всадников и слонов, а когда Гасдрубал решил избежать битвы с римлянами у г. Бекула, он предпочел бросить упрямо, взяв с собой только слонов и коней.

Нам могут указать, что победа при Каннах — крупнейший успех Ганнибала в борьбе с Римом — была одержана без участия слонов, а самой большой неудачей карфагенского вождя стало сражение при Заме, где у него было такое количество этих животных, как никогда прежде. И. Ш. Коробов приходит к выводу, что к концу Второй Пунийской войны тактический талант Ганнибала «умало, поскольку он не смог отказаться от использования боевых слонов, хотя уже было ясно, что римляне научились обращать это оружие против него самого»¹⁰. Подобный вывод представляется весьма односторонним и не подкрепляется

большинством современных исследователей, предпочитающих искать другие объяснения диспозиции, выбранной карфагенским командующим при Заме. Да и сами древние не считали, как кажется, это сражение доказательством упадка полководческих дарований Ганнибала.

Не будем забывать, что Ганнибал был блестящим тактиком, способным успешно действовать даже в неблагоприятных для него обстоятельствах, как это и случилось при Каннах. Вместе с тем он — наиболее яркий представитель карфагенской школы военного искусства, выдвинувшей таких блестящих полководцев, как Гамилькар, Гасдрубал и Магон, чьи военные таланты признавали все их противники. Ни один из этих военачальников не считал слонов устаревшим видом войска, поскольку все тактические приемы, разработанные карфагенянами в III столетии до н. э., были сориентированы на участие в сражениях этих животных.

Именно слоны сделали из Карфагена не только самого опасного соперника Рима, но и ту силу, которая встала на его пути к завоеванию мирового господства. Даже П. Д. Арманди, по мнению которого действия огромных зверей на полях сражений были не только малоэффективными, но и опасными для собственных войск, признает: «использование этих животных продлило сопротивление карфагенян и часто расстраивало планы их противников, поэтому римляне сразу же, как только почувствовали себя достаточно сильными, чтобы продиктовать условия мира, потребовали от карфагенян уничтожить всех слонов»⁹⁶³.

Карфагеняне отлично понимали, какую значимую роль играли четвероногие гиганты в судьбе их отечества. Поэтому, когда во время Третьей Пунийской войны их государство уже стояло на пороге гибели, они, по словам Аппиана, в отчаянии «звали по именам слонов, как будто те были еще здесь, они поносили и своих предков, и самих себя, говоря, что следовало, не передавая ни кораблей, ни слонов, не внося дани, не передавая оружия, умереть вместе с родиной, когда она была в полном вооружении» [App., Lib., 93; пер. С. П. Кондратьева]. Эта полная трагизма картина и может служить ответом на поставленный нами вопрос: слоны стали неотъемлемой частью карфагенской армии, символом ее могущества, и их исчезновение из ее состава означало крах всей новокарфагенской военной системы, зародившейся после войны с Пирром и просуществовавшей вплоть до 202 г. до н. э.

Сокрушив Карфаген, римляне вдруг увидели, что слоны, их самый страшный и опасный соперник на полях сражений, могут быть теперь использованы к их собственной выгоде. Поэтому они при первой же возможности поспешили обзавестись этим боевым средством. В нашем

понимании римская армия с ее несокрушимыми легионами несовместима с присутствием слонов, олицетворяющих грубую животную силу. Поэтому тот факт, что в действительности римляне использовали боевых слонов на протяжении более длительного периода, чем карфагеняне, может показаться парадоксальным. Впервые римляне вывели слонов на поле боя во Второй Македонской войне и в дальнейшем продолжали подкреплять свои армии этим видом войск практически во всех крупных кампаниях, которые им приходилось вести в течение всего II в. до н. э. Слоны приняли участие на стороне Рима в Сирийской, Третьей Македонской, Третьей Пунийской и Нумантинской войнах, а также в войнах против арвернов и аллоброгов. Анекдот, рассказанный Полиэном о слоне, которым Цезарь напугал британцев, кажется невероятным, однако желание диктатора взять огромных зверей с собой в парфянский поход позволяет говорить об обратном. Возможно, вся военная история слонов сложилась бы совершенно иначе, если бы не меч Брута.

Так почему же римляне, с таким энтузиазмом относившиеся сначала к появлению у них боевых слонов, в конечном итоге отказались от их использования? Не потому ли, что битва при Тапсе продемонстрировала полную неэффективность их действий в столкновении даже с отрядами легкой пехоты? По мнению П. Д. Арманди, римляне «никогда не испытывали большого доверия к этому роду войск»⁶⁴, поэтому, покорив Африку, они не пожелали подкрепить им свои военные силы и положили конец «военной эпохе слонов».

В действительности презрительное отношение римлян к слонам не более чем легенда, придуманная и оставленная нам в наследство римскими историками. В самом деле, если слоны ничего не значили на полях сражений, то стоило ли римлянам в каждый мирный договор с побежденным противником, который мог хотя бы теоретически содержать у себя огромных животных (вспомним Филиппа V Македонского), вводить статью, запрещающую это делать? Римляне запрещали содержать слонов точно так же, как они запрещали содержание больших военных флотов. Другими словами, они не позволяли своим противникам обзаводиться теми видами войск, которые могли быть для них наиболее опасны. Слоны стали для римлян своего рода аналогом оружия массового поражения в Новейшей истории европейских народов. Достаточно вспомнить, что проигравшей Первую мировую войну Германии не разрешалось иметь военный флот, аэропланы, танки, крупнокалиберную артиллерию и отравляющие газы.

Такое внимание римлян к боевым слонам свидетельствует, что слон стал для них самым наглядным символом и зримым воплощением

военной мощи их наиболее грозных противников. Уничтожение захваченных у неприятеля слонов на цирковых аренах говорило не о презрении к этим животным, а скорее о том большом значении, которое имели четвероногие гиганты в глазах народа. Принося в жертву слонов Пирра или карфагенян, римляне тем самым праздновали победу над самой военной организацией неприятелей.

Битва при Тапсе всего лишь продемонстрировала, что нумидийцы, последний средиземноморский народ, использовавший боевых слонов, были не знакомы с секретами дрессировки этих животных, открытыми пунийцами. Попытка Сципиона превратить слонов Юбы действительно в «боевых» была заранее обречена на неудачу, так же как в финале Второй Пунийской войны обернулись провалом и усилия самих карфагенян. Но если последним не хватило только времени, то у Сципиона и его нумидийских союзников не было ни времени, ни знаний, ни опыта.

Ответ на вопрос, почему римляне отказались от боевых слонов, кажется, на первый взгляд, простым: научившись блестяще справляться с огромными животными, они стали смотреть на них как на устаревший род войска, подобный серпоносным колесницам. Исследователи, которые придерживаются подобного мнения, сами того не подозревая, попадают под влияние римской патриотической пропаганды, породившей миф о непобедимости римского солдата, который в одиночку был способен одолеть даже слона.

Характерно, что в трудах греческих историков, рассказывающих о столкновении с боевыми слонами, постоянно звучит мысль, что человеку не под силу устоять перед яростным натиском чудовищных животных⁹⁶⁵, которые топчут людей ногами, подбрасывают вверх хоботами или пронзают бивнями. В то же время в них нет указаний на то, что слонов использовали в качестве пугал для вражеских лошадей. Напротив, есть примеры, показывающие, что при определенных условиях некоторые отряды кавалерии могли вполне успешно действовать на поле боя против огромных четвероногих. Совершенно другой мотив звучит в сочинениях римских авторов. Норовистые и с трудом слушающиеся команд своих погонщиков животные представляют опасность не столько для врагов, сколько для собственных армий. Римские велиты или легионеры в столкновении с гигантскими зверями, как правило, выходят победителями, а если неприятелям и удавалось достичь каких-то успехов благодаря участию слонов, то это объясняется главным образом тем, что вид, запах и рев чудовищ был непривычен для римских коней, которые в ужасе уносились прочь.

Вместе с тем в нашем распоряжении найдется не так много описаний сражений, в которых римские легионеры одержали над слонами

несомненную победу. При Беневенте слоны гнали неприятеля до лагерного вала, и только зажженные стрелы и некие горящие плети обратили их вспять. Под Акрагантом Ганнон нарушил одно из основополагающих правил использования боевых слонов и выстроил перед ними заграждение из наемников⁹⁶⁶. Когда же наемники были отброшены к слонам, те пришли в смятение и смяли ряды фаланги, что и привело к окончательному поражению карфагенян⁹⁶⁷. В битве при Панорме римляне обстреливали слонов из траншей и с крепостных стен. Под Нолой Ганнибал лишился 6 своих слонов, однако нам неизвестно, при каких обстоятельствах это произошло, поэтому трудно дать оценку данному происшествию. Под Капуей у карфагенян погибло три слона, но это было не в открытом поле, а при штурме неприятельского лагеря. Более наглядным стал бой при Канусии, стоивший Ганнибалу 5 слонов. При Метавре, где у карфагенян было всего 10, в лучшем случае 15 огромных зверей, неясно, что с ними случилось: Ливий утверждает, что их перебили сами корнаки, Полибий — что четверем животным удалось прорваться через римский строй. У Магона в битве под Аддой было всего 7 слонов — конечно же, совершенно недостаточное количество для того, чтобы возлагать на них какие-либо большие надежды. В сражении у р. Ибер слоны вообще не приняли участия и были уведены с поля боя. Крупное поражение, стоившее им 39 слонов, карфагеняне понесли в битве у Мунды. Однако из рассказа Ливия явствует, что животные были перебиты не в прямом столкновении, а на лагерном валу, когда вся пунийская армия уже обратилась в бегство. Битва при Илипе была выиграна за счет искусного маневра Сципиона, в результате которого слоны противника оказались без поддержки и были подвергнуты обстрелу легкой пехотой. Относительно битвы при Заме мы уже высказали свои соображения выше, но даже если следовать описаниям наших источников, то получается, что слонов либо вытеснила с поля боя нумидийская кавалерия, либо они сами побежали по интервалам между римскими манипулами, куда были завлечены хитростью Сципиона. В сражении при Магнесии, первом и единственном, в котором римляне имели возможность оценить успехи в развитии эллинистической элевфантерии, слоны, по всей видимости, бросились бежать еще до непосредственного столкновения с противником. Говорить об успешных столкновениях римлян с нумидийскими слонами во время Югуртинской войны не имеет смысла, хотя бы в виду полного превосходства римской военной организации над организацией их противников.

И даже если предположить, что римляне в совершенстве овладели искусством борьбы со слонами, это может означать только то, что

ветераны Пунийских войн не испытывали психологического страха перед ужасными зверями. Несомненно, это давало им огромное преимущество, позволявшее использовать свое оружие, а не обращаться в бегство при виде бегущего на них слона. Тем не менее опасность от непосредственного столкновения с разъяренным чудовищем не становилась от этого меньшей. Как следует из описаний античных авторов, для борьбы со слонами всегда требовалось проявление личного героизма солдат. Однако поколение ветеранов уходило, а пришедшие им на смену солдаты должны были сталкиваться при виде слонов с теми же проблемами, с которыми столкнулись легионеры Левина при виде слонов Пирра. Ветераны Александра Великого выдержали натиск 200 слонов Пора, а фалангиты Филиппа V побежали при виде 20 животных. Персею, последнему македонскому царю, для борьбы со слонами пришлось изобретать хитроумные приспособления и создавать специальные отряды. Но и это не смогло заменить личного опыта.

Наконец, когда мы рассуждаем об умении римлян бороться со слонами, не будем забывать, что речь в данном случае идет о карфагенской элевантерии и методах использования слонов, к которым прибегали карфагенские полководцы. В эллинистических армиях слонов практически никогда не использовали против тяжеловооруженной пехоты и размещали их на флангах боевого построения. А это, собственно, ставило под сомнение все навыки, приобретенные римлянами в борьбе с пунийцами.

Можно, конечно же, утверждать, что римляне прекратили использовать слонов, поскольку стали смотреть на них как на отживший свой век род войск. Однако достижения римлян в борьбе со слонами совсем не означали, что тех же успехов на этом пути добились и их противники. Поэтому римляне прибегали к помощи слонов на протяжении целого столетия и отказались от подобной практики лишь тогда, когда подчинили все народы, сохранявшие хотя бы в какой-то степени навыки дрессировки огромных животных. И в этом нет ничего удивительного, поскольку сами римляне обучением боевых слонов никогда не занимались.

Г. Дельбрюк, анализируя результаты сражений, в которых принимали участие слоны, приходит практически к такому же выводу, что и П. Д. Арманди: «...Ни в одном достоверном описании сражения мы не находим существенного, совершенного слонами; наоборот, сторона, имевшая в своем распоряжении больше слонов, терпела в большинстве случаев поражение... Сводя воедино весь опыт военной истории, мы приходим к заключению, что пригодность слонов и польза от них в сражениях не должны быть высоко расцениваемы. Они имели успехи в сражениях против народов, которые их никогда не видали, и против всадников,

и стрелков; но успехи эти были сильно преувеличены побежденными, чтобы оправдать себя, как, например, в сражениях с Пирром. Войска, знакомые с ними и не боявшиеся их, умели и избегать их, и нападать на них, даже, подобно Александру при Гидаспе, они умели справляться с ними не посредством фокусов в виде огненных стрел и запугивания их, а благодаря правильному употреблению оружия»⁹⁶⁸.

Подтверждая свое заключение, Г. Дельбрюк составляет таблицу, где собраны данные о сражениях, участниками которых были слоны⁹⁶⁹. Однако подобная аргументация не может быть признана убедительной, поскольку в таблицу Г. Дельбрюка попали лишь те сражения, информация о которых дошла до нас. Судить о действиях слонов в большом количестве столкновений, о которых не сохранилось обстоятельных рассказов, мы можем лишь на основании логических умозаключений. Например, кажется вполне естественным предположение, что слоны участвовали на стороне Селевка I в битве при Курупедионе (281 г. до н. э.). О слонах в войсках Птолемея III и Селевка Каллиника во время Третьей Сирийской войны сообщают источники. Можно только гадать, сколько дано было битв, прежде чем египетские войска дошли до границ Бактрии. Множество подобных примеров показывает, что статистика сохранившихся до наших дней описаний далеко не объективна. Сам Г. Дельбрюк вынужден признать в конечном итоге, что слоны приносили какую-то пользу в сражениях, поскольку такие великие тактики античности, как Ганнибал или Цезарь, не желали отказываться от их применения⁹⁷⁰.

Вопрос об исчезновении античной элфантирии выходит за рамки сюжета, касающегося исключительно ее тактического использования на полях сражений. Содержание боевых слонов требовало от государства огромных усилий, направленных на их отлов или приобретение, немалых затрат, связанных с оплатой специалистов по дрессировке и уходу за животными. Если речь шла о стране, где слоны в дикой природе встречались достаточно часто, то эта задача упрощалась многократно. Однако у римлян, утвердившихся в Африке, не было никакой возможности продолжать дело карфагенян: последние организовывали для отлова огромных четвероногих крупномасштабные экспедиции, имевшие характер военных походов. Для пунийцев это было жизненно необходимо. Но для чего нужно было предпринимать подобные усилия сменившим их римлянам? Ради грядущего покорения Британии, Германии, Дакии или Парфии? В таких условиях затраты, связанные с существованием элфантирии, даже в малой степени не компенсировались бы теми выгодами, которые можно было бы получить от использования боевых слонов.

Античная военная история слонов начинается с Александра, а заканчивается Цезарем. Вторичное появление этих животных на полях сражений во времена Сасанидов может быть лишь косвенно увязано с эллинистической элфантирией. Тактические приемы использования слонов персами претерпели определенные изменения по сравнению с предыдущей эпохой. Огромных зверей часто стали использовать в качестве живых подвижных башен, на которых размещались многочисленные отряды лучников. Ранее таких примеров засвидетельствовано не было, и при штурме городов сначала уничтожали часть стены, а затем уже бросали в образовавшуюся брешь слонов.

Падение царства Сасанидов не стало, увы, концом военной истории слонов. Еще более 1300 лет человек использовал чудовищную силу четвероногих гигантов для уничтожения себе подобных. Однако это уже совсем другая история...

ИСТОЧНИКИ

Артхашастра или наука политики / Изд. подг. В. И. Кальянов. М., 1993.

Ахилл Татий Александрийский. Левкиппа и Клитифонт / Пер. А. Б. Д. Е. М.; под ред. Б. Л. Богаевского со вступительной статьей А. В. Болдырева. М., 1925.

Византийские историки (Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец) / Пер. С. Дестуниса. СПб., 1860.

Елишиэ. Слово о войне армянской / Пер. с др.-арм. акад. И. А. Орбели; новая ред. К. Н. Юзбашьяна // Юзбашьян К. Н. Армянская эпопея V века: от Аварайрской битвы к соглашению в Нуарсаке. М., 2001.

Евагрий Схоластик. Церковная история. М., 1997.

Епископ Себеос. История Императора Иракла // Епископ Себеос. История Императора Иракла. Никифор Вриенний. Исторические записки (907–1087) / Подг. к изд. А. И. Цепковым. Рязань, 2006.

История Африки в древних и средневековых источниках. Хрестоматия / Под ред. О. К. Дрейера; сост. С. Я. Берзина и Л. Е. Куббель. М., 1990.

Махабхарата. Адипарва. Книга первая / Пер. и коммент. В. И. Кальянова; под ред. акад. А. П. Баранникова. М., 1992.

Махабхарата. Книга четвертая. Виратапарва или книга о Вирате / Пер. и коммент. В. И. Кальянова. М., 1993.

Махабхарата. Книга седьмая. Дронапарва или книга о Дроне / Пер. и коммент. В. И. Кальянова. М., 1992.

Махабхарата. Книга восьмая о Карне (Карнапарва) / Пер. Я. В. Василькова, С. Л. Невелевой. М., 1990.

Плавт. Комедии. В 2 т. Т. 2. / Пер. А. Артющкова. М., 1987.

Подвиг Бахрама Чубины / Подбор и перевод источников, вступительная статья и комментарий Л. Н. Гумилева. Л., 1962.

- Хрестоматия по истории Древнего Востока. В 2 частях. Ч. 1 / Под ред. М. А. Коростовцева И. С. Кацнельсона, И. В. Кузищина. М., 1980.
- Aeliani De natura animalium, libri XVII, varia historia, epistulae* / Rec. R. Hercher. Vol. I—II. Lipsiae, 1864—1866.
- Aesopi fabulae* / rec. A. Chambry. Vol. 1—2. Paris, 1925 (Басни Эзопа / Пер., статья и коммент. М. Л. Гаспарова. М., 1993).
- Agathias. Historiarum Libri Quinque* // *Corpus Fontium Historiae Byzantinae* / ed. R. Keysdell. Vol. 2A. Series Berolinensis, Berolini, 1975 (Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана / Пер. М. В. Левченко. М., 1996).
- Ambrosius, episcopus Mediolanensis. Opera Omnia* // *Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum*. Vindobonae, 1973.
- Ammianus Marcellinus. Res gestae* / rec. V. Gardthausen. Lipsiae, 1879 (Аммиан Марцеллин. Римская история / Пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни. СПб., 1994).
- Appiani Historia Romana* / ed. P. Viereck et A.G. Roos. Editio stereotypa correctior addenda et corrigenda adiecit E. Gabba. Vol. 1—2. Lipsiae, 1962 (Аппиан. Римская история / Пер. С. П. Кондратьева // Римские войны. СПб., 1994).
- Appian's Roman History* / with an English Translation by H. White. Vol. 1—4. London; Cambridge (Massachusetts), 1961—1972.
- Aristoteles. De animalibus historia* / ed. L. Dittmeyer. Lipsiae, 1907 (Аристотель. История животных / Пер. с древнегреч. В. П. Карпова; под ред. и с примеч. Б. А. Старостина. М., 1996).
- Asclépiodote. Traité de tactique* / texte établi et traduit par Lucien Poznanski. Paris, 1992 (Асклепиодот. Тактическое искусство / Пер. А. К. Нефёдкина // *Para bellum*. Военно-исторический журнал. № 2 (22). Апрель — июнь. СПб., 2004. С. 5—36).
- Biblia Sacra iuxta Vulgatam versionem* / rec. et brevi apparatu critico instruxit Robertus Weber. Stuttgart, 1994 (Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Заветов в русском переводе с параллельными местами и приложениями. М., 2008).
- Caesar, Gaius Julius. De bello civili*. Paris. Paris, 1967 (Записки Юлия Цезаря и его продолжателей / Пер. М. М. Покровского. М., 1993).
- Cicero Marcus Tullius. Scripta quae manserunt omnia* / ed. C. F. W. Muller. Vol. 1—10. Lipsiae, 1880—1891 (Марк Туллий Цицерон. Речи / Изд. подг. В. О. Горенштейн и М. Е. Грабарь-Пассек. В 2 т. М., 1993).
- Cornelius Népos. Oeuvres* / texte établi et traduit par A.-M. Guillemin. Paris, 1923 (Корнелий Непот. О знаменитых иноземных полководцах / Пер., статьи и коммент. Н. Н. Трухиной. М., 1992).

Cosmas Indicopleustes. Topographie chretienne / introd., texte critique, ill., trad. et notes par W. Wolska-Conus. En 3 t. Paris, 1968–1973.

Ctésias. Histoires de l'Orient / trad. et commenté par J. Aubberger. Paris, 2004.

Dio Cassius. Historia / ed. E. Cary. Cambridge. Loeb Classical Library, 1960–1961.

Diodorus of Sicily in twelve volumes / with an English Translation by C. H. Oldfather, Ch. L. Sherman, C. B. Welles, R. M. Geer, F. R. Walton. Cambridge (Mass.); London, 1933–1967 (*Диодор Сицилийский*. Историческая библиотека / Пер. И. Алексеева. Т. I–VI. СПб., 1774–1775; *Диодор*. Историческая библиотека. Книга XVII / Пер. М. Е. Сергеев // *Арриан*. Поход Александра. СПб., 1993. С. 267–342).

Dionysius of Halicarnassus. Vol. 1–7. Cambridge (Mass); London, 1940–1963 (*Дионисий Галикарнасский*. Римские древности / Пер. Н. Г. Майоровой, И. Л. Маяк, Л. Л. Кофанова, А. М. Сморгачева, В. Н. Токмакова, А. Я. Тыжова, А. В. Щеголева. М., 2005).

Eutropius. Breviarium ab Urbe Condita, cum versionibus graecis, et Pauli Landolfique additamentis / rec. et adnotavit H. Droysen. MGH, LXII. München, 1978 (*Евтропий*. Бrevиарий от основания города / Пер. Д. В. Кареева и Л. А. Самуткиной / Отв. редактор И. В. Кривушин. СПб., 2001).

Expositio totius mundi et gentium / ed. J. Rougé. Paris, 1966 (Анонимный географический трактат «Полное описание Вселенной и народов» / Пер. С. В. Поляковой, И. В. Феленковской // ВВ. 1956. Т. VIII, С. 277–305).

Festus Sextus Pompeius. De verborum significatu quae supersunt cum Pauli epitoma/ Edidit W. M. Lindsay. Lipsiae, 1913.

Flavii Arriani Quae exstant omnia / ed. A. G. Roos. Vol. I–II. Lipsiae, 1907–1928 (*Арриан*. Поход Александра / Пер. М. Е. Сергеев. 2-е изд. СПб., 1993; *Арриан*. Индия / Пер. О. В. Кудрявцева // ВДИ, 1940. № 2. С. 230–263).

Florus, Iulius. Epitomae de Tito Livio bellorum omnium annorum DCC libri duo/ ed. C. Halm. Lipsiae, 1854 (*Анней Флор*. Две книги римских войн / Пер. А. И. Немировского, М. Ф. Дашковой // Малые Римские истории. М., 1996).

Fragmenta Historicorum Graecorum / ed. C. et Th. Muelleri. Vol. I–V. Parisiis, 1846–1870.

Geographi Graeci Minores / Ed. C. Muellerus. Vol. I–II. Parisiis, 1855–1861.

Herodianus. Ab excessu divi Marci libri octo / ed. L. Mendelssohn. Lipsiae, 1883 (*Геродиан*. История императорской власти после Марка в восьми книгах / Под ред. А. И. Доватура. СПб., 1995).

Herodotus. *Historiae* / rec. C. Hude. Ed. III. Vol. I—II. Oxonii, 1933 (Геродот. История. В 9 кн. / Пер. Г. А. Стратановского. 2-е изд. М., 1993).

Ioannis Xiphilini archiepiscopi. Opera omnia. Parisiis, 1864.

Itinerarium Alexandri ad Constantium Augustum, Constantini M. Filium / Testo, apparato critico, introduzione, traduzione e commento di Raffaella Tabacco. Firenze, 2000.

Iuli Frontini Strategematon libri quattuor / ed. G. Gundermann. Lipsiae, 1888 (*Секст Юлий Фронтин. Военные хитрости (стратегемы).* СПб., 1996).

Josephus / With an Translation by H. St. J. Thackeray, M. A. Hon. D. D. Oxford, Hon. D. D. Durham. In 9 Vol. Vol. II. The Jewish War. Books I—III. Cambridge, 1955 (*Иосиф Флавий. Иудейская Война* / Подг. текста, предисл. и примеч. К. А. Ревяко, В. А. Федосика. Минск, 1991).

Jules Africain. Fragments des Cestes provenant de la collection des tacticiens grecs // ed. par J. R. Vieillefond. Paris, 1932.

Justini Epitoma historiarum Philippicarum Pompei Trogi / ex rec. Fr. Ruehl. Lipsiae, 1935 (*Марк Юниан Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога "Historiae Philippicae"* / Пер. А. А. Деконского, М. И. Рижского; под ред. М. Е. Грабарь-Пассек; коммент. К. В. Вержбицкого, М. М. Холода. СПб., 2005).

Juvenal and Persius with an English Translation / by G. G. Ramsay. London; New York, 1928 (Римская сатира. Гораций, Персий, Сенека, Петроний, Ювенал, Сульпиция, Аноним / Пер. М. Дмитриева, Ф. Петровского, Б. Ярхо, Д. Недовича; сост. и коммент. Ф. А. Петровского. М., 1957).

Lucanus, Marcus Annaeus. La guerre civile (La Pharsale) / texte établi et traduit par A. Bourguery. En 2 t. Paris, 1976–1993 (*Марк Анней Лукан Фарсалия, или Поэма о Гражданской войне* / Пер. Л. Е. Остроумова; ред. статья и коммент. Ф. А. Петровского. М., 1993).

Luciani opera / rec. brevique adnotatione critica instruxit M. D. Macleod. T. 1–4. Oxonii, 1972–1987 (*Лукиан Самосатский. Соч. В 2 т. / Под общей ред. А. И. Зайцева. СПб., 2001. Т. I).*

M. Valerii Martialis. Epigrammaton Libri / rec. W. Heraeus; ed. corr. curavit I. Borovskij. Lipsiae, 1976 (*Марциал М. Валерий. Эпиграммы* / Пер. Ф. А. Петровского. СПб., 1994).

M. Verrii Flacci quae extant et Sexti Pompeii Festi De verborum significatione libri XX. Vol. 1–2. Londini, 1826.

Mauricii Strategicon / edidit et introductione instruxit Georgius T. Dennis. Germanice vertit Ernestus Gamillscheg. Vindobonae, 1981 (*Стратегикон Маврикия* / Изд. подг. В. В. Кучма. СПб., 2004).

Orosius Paulus. Historiae adversum paganos libri VII / rec. C. Zangemeister. Leipzig. Teubner. 1891 (*Павел Орозий. История против язычников. Книги I—VII* / Пер. В. М. Тюленева. СПб., 2001–2003).

Panegyrici Latini / rec. G. Baehrens. Lipsiae, 1911. Т. I—II.

Pausaniae Graeciae descripto / ed. M. H. Rocha-Pereira. Vol. I—III. Lipsiae, 1973–1981 (*Павсаний. Описание Эллады. В 2 т.* / Пер. С. П. Кондратьева; под ред. Е. В. Никитюк и Э. Д. Фролова. Т. I—II. М., 1996).

Philostrati opera / Ed. C. L. Kayser. Vol. I—II. Lipsiae, 1870–1871 (*Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского* / Пер. Е. Г. Рабинович. М., 1985).

Photius. Biblioteque. Т. 1–9. Paris, 1959–1991.

Plauti comoediae / rec. F. Goetz et Fr. Snell, 7 fasc. Lipsiae, 1913–1931 (*Плавт. Комедии. В 2 т. Т. II* / Пер. А. Артющкова, комм. И. Удальцовой. М., 1987).

Plini Secundi Naturalis Historiae libri XXXVII / rec. et ed. C. Mayhoff. Vol. I—IV. Lipsiae, 1892–1909.

Pliny. Natural History with an English Translation. In 10 Vol. / by Rackham M. A. Fellow of Christ's College. Cambridge; London, 1961–1967.

Plutarchi Vitae parallelae / ed. C. Lindskog, K. Ziegler, H. Gartner. Ed. II. Vol. I—IV. Lipsiae, 1978–1980 (*Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 2 т. 2-е изд.* / Изд. подготовили С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров, С. П. Маркиш. М., 1994).

Polyaeni strategematon libri octo / ex rec. E. Woelfflin. Iterum Rec. I. Melber. Lipsiae, 1887 (*Полиэн. Стратегемы* / Под общей ред. А. К. Нефёдкина. СПб., 2002).

Polybii Historiae / ed. L. Dindorfio curatam retr. Th. Buettner-Wobst. Stuttgartiae, 1962 (*Полибий. Всеобщая история* / Пер. Ф. Г. Мищенко. В 3 т. 2-е изд. Т. I—III. СПб., 1994–1995).

Procopius. Opera omnia / rec. J. Naury, G. Wirt. Т. I—IV. Leipzig, 1962–1964 (*Прокопий Кессарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история* / Пер. А. А. Чекаловой. М., 1993. *Прокопий Кессарийский. Война с готами* / Пер. С. П. Кондратьева. М., 1996).

Q. Curtii Rufi Historiarum Alexandri Magni Macedonis Libri qui supersunt / rec. E. Hedicke, Lipsiae, 1908 (*Кв. Курций Руф. История Александра Македонского* / Под ред. А. А. Вигасина. М., 1993).

Saint Jérôme. Chronique. Continuation de la Chronique d'Eusèbe, années 326–378. Rennes, 2004.

Sallustius, Gaius Crispus. Bellum Jugurthinum // Collection des Universités de France publiée sous le patronage de l'Association Guillaume Budé: *Salluste*.

Catilina, Iugurtha, Fragments des Histoires / texte établ. et trad. par Alfred Ernout. Paris, 1971 (*Гай Саллюстий Крисп.* Соч. / Пер. В. О. Горенштейна. М., 1981).

Scriptores Historiae Augustae / rec. H. Peter. Leipzig, 1884 (Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана / Пер. С. П. Кондратьева; под. ред. А. И. Доватура. М., 1992).

Sili Italici Punica / ed. L. Bauer. Vol. I—II. Lipsiae, 1890–1892.

Socrates Scholasticus. Historia ecclesiastica // PG. Vol. 67. Paris, 1864 (*Сократ Схоластик.* Церковная история / Отв. ред. М. А. Тимофеев. М., 1996).

Sozomenos. Ecclesiastica Historia // PG. Vol. 67, col. 843–1630 / Hrsg. von J. Bides. Berolini, 1960 (Церковная история *Эрмия Созомена Саламинского*. СПб., 1851).

Strabo. Geography / with an English Translation. by H. L. Jones. Vol. I–VIII. Cambridge (Mass.); London, 1944–1961 (*Страбон.* География. В 17 кн. / Пер. Г. А. Стратановского. 2-е изд. М., 1994).

Suetonius Tranquillus, Gaius. Vies des douze Caesars / texte établi et traduit par H. Aliloud. En 3 t. Paris, 1989–1993 (*Светоний Транквилл.* Жизнь двенадцати Цезарей / Пер. М. Л. Гаспарова. М., 1990).

Suidae Lexicon / Ed. A. Adler. Vol. I—IV. Lipsiae, 1928–1938.

Tacitus, Publius Cornelius. Libri qui supersunt / rec. E. Koestermann. Vol. I–II. Lipsiae, 1965–1969 (*Корнелий Тацит.* Соч. / Изд. подг. А. С. Бобрович, Я. М. Боровский, М. Е. Сергеев. Т. I—II. М., 1993).

The Anonimus Byzantine Treatise on Strategy // Three Byzantine Military Treatises / text, translation and notes by George T. Dennis. Washington. 1985 (О стратегии. Византийский военный трактат VI века / Изд. подг. В. В. Кучма. СПб., 2007).

Theophylactus Simocatta. Historia / ed. C. de Boor. Lipsiae, 1887 (*Феофилакт Симокатта.* История / Пер. С. П. Кондратьева. М., 1996).

Titus Livius. Ab urbe condita libri / rec. G. Weissenborn et M. Muller, 6 partes. Lipsiae, 1930–1933 (*Тит Ливий.* История Рима от основания города. В 3 т. М., 1989, 1991, 1993. Т. II — Пер. Ф. Ф. Зелинского, М. Е. Сергеев; т. III — ред. переводов М. Л. Гаспаров, Г. С. Кнабе, В. М. Смирин).

T. Lucreti Cari. De rerum natura, libri VI / rec. J. Martin. Lipsiae, 1969 (*Тит Лукреций Кар.* О природе вещей / Пер. Ф. Петровского. М., 1993).

Varro Marcus Terentius. De lingua Latina / ed. W. Heinemann. Vol. 1–2, Cambridge, 1938–1940.

Vegetius Flavius Renatus. Epitoma rei militaris / rec. C. Lang. Leipzig, 1885 (*Флавий Вегеций Ренат* / Пер. С. П. Кондратьева. СПб., 1996).

Victor Sextus Aurelius. Liber de Caesaribus / rec. F. Pichlmayr. Lipsiae, 1911 (*Секст Аврелий Виктор. О цезарях* / Пер. В. С. Соколова // Римские историки IV века / Отв. ред. М. А. Тимофеев. М., 1997).

Xenophontis Expositio Cyri / Ed. C. Hude, J. Peters. Lipsiae, 1972 (*Ксенофонт. Анабасис* / Пер., статья и примеч. М. И. Максимовой; под ред. академика И. И. Толстого. М., 1994).

Zonarae Ioannis. Annales // Migne J.-P. Patrologiae. Cursus completus. Seriae graeca. T. 134. Turnhout, 1864.

Zosime. Histoire Nouvelle / texte établi et traduit par F. Paschoud. Paris, 1978–1989.

ЛИТЕРАТУРА

- Абакумов А. А.* Боевые слоны эллинистического Египта // *Para bellum*. Военно-исторический журнал. 2010. № 32. С. 5–20.
- Абакумов А. А.* Слоновый корпус Селевка в битве при Ипсе // *Вестн. Алтайского гос. ун-та*. Барнаул. 2010. № 41. С. 9–12.
- Абакумов А. А.* Элефантерия в эллинистических армиях (последняя четверть IV – III вв. до н. э.); автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010.
- Арманди П. Д.* Военная история слонов с древнейших времен до изобретения огнестрельного оружия / Пер. А. В. Банникова. СПб., 2011.
- Банников А. В.* О причинах прекращения использования боевых слонов в армиях античного Средиземноморья // *Para bellum*. Военно-исторический журнал. 2006. № 26. С. 53–66.
- Берзина С. Я.* Древняя Индия и Африка // *Древняя Индия*. Историко-культурные связи. М., 1982. С. 17–41.
- Бикерман Э.* Государство Селевкидов. М., 1985.
- Болдырев А. В., Боровский Я. М.* Техника военного дела // *Эллинистическая техника*. Сб. статей / Под ред. И. И. Толстого. М.; Л., 1948. С. 269–319 (с. 274–278, раздел: «Боевые слоны»).
- Брей У., Трамп Д.* Археологический словарь. М., 1990.
- Горелик М. В.* Шагающие крепости // *Вокруг света*. 1976. № 1. С. 42–44.
- Гржимек Б.* Там, где учатся слоны / Пер. Е. Геевской // *Вокруг света*. 1977. № 9. С. 65–68.
- Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. СПб., 2003.
- Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории. В 4 т. Т. 1. Античный мир / Пер. Л. Гринкруга, В. Авдиева. СПб., 1994.
- Дмитриев В. А.* Всадники в сверкающей броне. Военное дело сасанидского Ирана и история римско-персидских войн. СПб., 2008.

Дройзен И. Г. История эллинизма / Пер. М. Шелгунова. Т. 1–3. СПб., 1997–1999.

Егоров А. Б. Ганс Дельбрюк и его «История военного искусства» // Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. В 4 т. Т. 1. Античный мир. СПб., 1994. С. 5–21.

Иванов А. А., Луконин В. Г., Смесова Л. С. Ювелирные изделия Востока. Древний, средневековый периоды. М., 1984.

Казаров С. С. Слоны Пирра (к вопросу о развитии военного искусства в эллинистический период) // *Para bellum*. Военно-исторический журнал. 2002. № 14. С. 37–46.

Казаров С. С. Последняя кампания царя Пирра в Италии // АМА. Вып. 11. Саратов, 2002. С. 15–22.

Кальянов В. И. Некоторые военные вопросы в древнеиндийском эпосе // Махабхарата. Книга четвертая. Виратапарва или книга о Вирате / Пер. и коммент. В. И. Кальянова. М., 1993. С. 135–160.

Коннолли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории / Пер. С. Лопуховой, А. Хромовой. М., 2001.

Кораблев И. Ш. Ганнибал. М., 1976.

Корнилов А. Битва при Кадисии — арабское вторжение в Иран (2 декабря 636 года) // Великие сражения Востока. Сб. / Ред.-сост. Р. В. Светлов. М., 2009.

Кулаковский Ю. А. История Византии. В 3 т. Т. II—III. СПб., 1996.

Линин Л., Белов А. Глиняные книги. Л., 1956.

Ли Ру III Л. Слоны. Мир животных. Минск, 1995.

Лукомской Л. Ю. Аммиан Марцеллин и его время. Вступ. статья. // Аммиан Марцеллин. Римская история. СПб., 1994. С. 5–21

Немировский А. И. Комментарии // Анней Флор. Две книги римских войн. Малые римские историки. М., 1996.

Нефёдкин А. К. Башни на вооружении древних боевых слонов // ВДИ. 2010. № 2. С. 96–114.

Нефёдкин А. К. Новая книга о боевых слонах [рец. на кн.]. Kistler J. M. War Elephants. Westport; London: Praeger, 2006. 333 p.) // *Para bellum*. Военно-исторический журнал. 2009. № 31. С. 105–108.

Ольгин Л., Виноградов В. За Ганнибалом на слонах // Вокруг света. 1980. № 11. С. 34–35.

Попов А. А. Греко-Бактрийское царство. СПб., 2008.

Попов А. А., Банников А. В. Ненаписанная страница в военной истории слонов (Греко-Бактрия и индо-греческие царства) // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2. 2010. Вып. 3. С. 28–35.

Попов А. А., Банников А. В. Боевые слоны в армиях государства античного мира // Мнемон. Вып. 9. СПб., 2010. С. 119–132.

Рейнс Ф. Боевые слоны в военном деле поздней античности / Пер. А. А. Черепановой; под ред. А. К. Нефёдкина // *Para bellum*. Военно-исторический журнал. 2008. № 29. С. 5–30.

Рейнс Ф. Боевые слоны в военном деле поздней античности / Пер. А. А. Черепановой; под ред. А. К. Нефёдкина // *Para bellum*. Военно-исторический журнал. 2008. № 30. С. 31–52.

Светлов Р. В. Пирр и военная история его времени. СПб., 2006.

Скворцов В. Н. Старейшие полки зарубежья. М., 2002.

Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства в собраниях Гос. Эрмитажа. Т. I. М.; Л., 1940.

Тыжов А. Я. Полибий и его всеобщая история // Полибий. Всеобщая история. В 3 т. Т. I / Пер. Ф. Г. Мищенко. СПб., 1994.

Шагинян А. К. Армения накануне арабского завоевания. СПб., 2003.

Шофман А. С. Античные танки // ВИ. 1977. № 6. С. 213–216.

Шпаковский В., Фадеева О. Защитные доспехи индийских боевых слонов (Средние века — Новое время) // *Para bellum*. Военно-исторический журнал. 2000. № 10. С. 5–10.

Юрченко А. Г. Тигрица и грифон. Сакральные символы животного мира. СПб., 2002.

Amara O. A. Les soldats d'Hannibal. Clermont-Ferrand, 2009.

Barker Ph. Armies and Enemies of Imperial Rome (organisation, tactics, dress and weapons). London, 1981.

Bar-Kochva B. Judas Maccabaeus. The Jewish struggle against the Seleucids. Cambridge, 1989.

Bar-Kochva B. The Seleucid Army. Organization and Tactics in the Great Campaigns. Cambridge, 2008 (ninth printing).

Berthelot A. Itinéraire d'Hannibal à travers la Gaule // REA. 1935. Vol. 37. P. 185–204.

Berthelot A. Questions hannibaliques: les éléphants d'Hannibal au Mont-Cenis // REA. 1936. Vol. 38. P. 35–38.

Bigwood J. M. Aristotle and the Elephant again // AJP. Vol. 114. 1993. № 4. P. 537–555.

Bopearachchi O. Monnaies gréco-bactriennes et indo-grecques. Catalogue raisonné. Paris, 1991.

Brentjes B. Der Elephant im Alten Orient // Klio. 1961. Bd 39. S. 8–30.

Brian P. Note d'histoire militaire achéménide: À propos des éléphants de Darius III // Esclavage, guerre, économie en Grèce ancienne: Hommages Yvon Garlan / textes réunis par P. Brulé, J. Ouhlen. (Collection "Histoire"). Rennes, 1997. P. 177–190.

- Bright D., Bowen B. Emblems, Elephants, and Alexander // *Studies in Philology*, 1983. Vol. 80, № 1. P. 14–24.
- Brizzi G. Fatti d'arme sull'Ofanto: considerazioni sulla battaglia di Ausculum (279 a. C.) // *Revue des Études Militaires Anciennes*. 2005. № 2. P. 63–68.
- Brizzi G. Il guerriero, l'oplita, il legionario. Gli eserciti nel mondo classico. Bologna, 2008.
- Callu J.-P., Éléphants et cochons: sur une représentation monétaire d'époque républicaine, dans *L'Italie préromaine et la Rome républicaine. Mélanges offerts à Jacques Heurgon*, I. Rome, 1976 (Collection de l'École française de Rome, 27). P. 89–99.
- Capdetrey L. Le pouvoir séleucide. Territoire, administration, finances d'un royaume hellénistique (312–129 avant J.-C.). Rennes, 2007.
- Carrington R. Elephants: A Short History of Their Natural History: Evolution and Influence on Mankind. New York, 1959.
- Cascarino G. L'esercito Romano. Armamento e organizzazione. Vol. II: Da Augusto ai Severi. Rimini, 2008.
- Casson L. Ptolemy II and the Hunting of African Elephants // *TAPA*. 1993. Vol. 123.
- Charles M. B. African forest Elephants and Turrets in the Ancient World // *Phoenix*. 2008. Vol. 62. № 3/4. P. 338–362.
- Charles M. B. The Rise of the Sassanian Elephant Corps: Elephants and the Later Roman Empire // *Iranica Antiqua*. 2007. Vol. XLII. P. 301–346.
- Cohen H. Description historique des monnaies frappées sous l'Empire Romain communément appelées médailles impériales. T. 1–8. 2e éd. Paris, 1880–1892.
- Crawford M. The Roman Republican Coinage. In 2 vol. London, 1974.
- Daremberg Ch., Saglio E. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines d'après les textes et les monuments. Paris, 1877–1919.
- Dayet M. Carnet de numismatique celtique. VII: Le denier de César au type de l'éléphant // *RAE*. 1960. XI. P. 42–47.
- Deraniyagala P. E. P. Elephant Maximus, the Elephant of Ceylon. Pt. II // *Spolia Zeylonica: Bulletin of the National Museum of Ceylon*. 1961. 26. P. 161–176.
- Dodge B. Elephants in the Bible Lands // *The Biblical Archaeologist*. 1955. Vol. 18. № 1. Feb. P. 17–20.
- Froehner W. Collection J. Gréau. Catalogue des bronzes antiques. Paris, 1885.
- Gaidoz H. Les éléphants à la guerre, de leur emploi dans les armées modernes // *Revue des deux mondes*. Ann. 44. 3ème Période. 1874. T. 4. P. 481–513.

- Geo. № 5 (170). 2012. С. 24–25.
- Glover R. The Elephant in Ancient War // *Classical Journal*. 1944. Vol. 39. №5. Feb. P. 257–269.
- Goldsworthy A. Les guerres romaines (281 av. J.-C. 476 ap. J.-C.) / trad. de l'anglais par M. Pécastaing-Boissière. Paris, 2001.
- Goukowsky P. Le roi Pôros, son éléphant et quelques autres (En marge de Diodore, XVII,88,6) // *BCH*. 1972. T. 96. № 1. P. 473–502.
- Gowers N., Scullard H. H. Hannibal's Elephants Again // *Numismatic Chronicle*. 6 Ser. 1950. № 10. P. 271–283.
- Gowers W. African Elephants and Ancient Authors // *African Affairs*. 47. 1948. № 188. P. 173–180.
- Gowers W. The African Elephant in Warfare // *African Affairs*. 46. 1947. N182. P. 42–49.
- Hamilton J. R. The Cavalry Battle at the Hydaspes // *JHS*. 1956. Vol. 76. P. 26–31.
- Harmand J. La guerre antique, de Sumer à Rome. Vendôme, 1973.
- Head D. Armies of the Macedonian and Punic Wars (359 BC to 146 BC). Goring-by-Sea, 1982.
- Holt F. L. Alexander the Great and the Mystery or the Elephant Medallions. Berkely; Los Angeles; London, 2003.
- Houghton A., Loeber C. Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue. Part I. Vol. 1–2. New York; Lincoln; London, 2002.
- Kistler J. M. War elephants. Lincoln; London. 2007.
- Krebs W. Elefanten in den Heeren der Antike // *Wissenschaftliche Zeitschrift der Universitaet Rostock*. Jg. 13. 1964.
- Launey M. Recherches sur les armées hellénistiques. En 2 t. Paris, 1949.
- Le Bohec Y. L'armée Romaine dans la tourmente. Une nouvelle approche de la «crise du IIIe siècle». Courtry, 2009.
- Le Bohec Y. L'armée Romaine sous le Bas-Empire. Paris, 2006.
- Les éléphants / sous la direction du dr. J. Shoshani. Paris, 1993.
- Mancini E. Gli elefanti di Pirro // *Nuova antologia: Rivista di lettere, scienze ed arti*. Settima serie. Roma, 1929. Vol. 263. P. 525–530.
- Mitchiner M. B. Oriental Coins and their values. Vol. 2: The Ancient and Classical World. London, 1978.
- Munich City Coin Collection. Munich, 1968.
- Nicolet-Pierre H. Monnaies à l'éléphant. Bulletin de la Société française de numismatique. 1978 XXXIII. P. 401–403.
- Nicolle D. Sassanian Armies. The Iranian Empire early 3rd to mid 7th centuries AD. Stockport, 1996.

- Nikonorov V. P.* The Armies of Bactria (700–450 AD). Vol. 1–2. Stockport, 1997.
- Nossov K.* War Elephants. Oxford; New York, 2008.
- O'Bryhim S.* Hannibal's Elephants and the Crossing of the Rhône // *Classical Quarterly*. 1991. Vol. 41. P. 121–125.
- Philipp J.* Wie hat Hannibal die Elephanten ueber die Rhone gesetzt // *Klio*. 1911. Bd 11. S. 343–354.
- Pottier E., Reinach S.* éléphant foulant aux pieds un Galate // *BCH*. 1885. An. 9. P. 485–493.
- Rance Ph.* Hannibal, Elephants and Turrets in Suda Θ 438 [Polybius Fr. 162B] — An Unidentified Fragment of Diodorus // *Classical Quarterly* (2009). 59.1. P. 91–111.
- Romm J. S.* Aristotle's Elephant and the Myth of Alexander's Scientific Patronage // *AJP*. 1989. Vol. 110. N. 4. P. 566–575.
- Sattis S.* Contributo a Bomarzo // *Bollettino d'Arte*. Serie 6. 1961. Ann. 51. I–II. P. 17–26.
- Schmitt L., Prieur M.* Les monnaies romaines. Paris, 2004.
- Schwartz B.* Latin lucabos, elephant // A linguistic happening in memory of Ben Schwartz. *Studies in Anatolian* / ed. by Arbeitman Yoël L. Louvain-la-Neuve, 1988.
- Scullard H. H.* The Elephant in the Greek and Roman World. London, 1974.
- Scullard H. H.* Hannibal's Elephants // *Numismatic Chronicle*. Ser. 6. 1948. Vol. 8. P. 158–168.
- Seaby H. A.* Roman Silver Coinage. Vol. 1. London, 1978.
- Sear D. R.* Roman Coins and Their Values. 5th ed. Vol. 1: The Republic and the Twelve Caesars. London, 2000.
- Sekunda N., Warry J.* Alexander the Great. His Armies and Campaigns 334–323 BC. London, 1998.
- Sekunda N.* Seleucid and Ptolemaic Reformed Armies (168–145 BC). Vol. I: The Seleucid Army under Antiochus IV Epiphanes. Stockport, 1994.
- Sekunda N.* Seleucid and Ptolemaic Reformed Armies 168–145 BC. Vol. 2: Ptolemaic Army under Ptolemy VI Philometor. Stockport, 1995.
- Stewart J.* The Elephant in War // *The Quarterly Journal of Military History*. 1991. Vol. 3. № 3. P. 58–67.
- Svoronos J.* Ν Τα νομίσματα του Κρατους των Πτολεμαίων (Ptolemaic Coins). Athens, 1904.
- Sylloge Nummorum Graecorum Copenhagen: The Royal Collection of Coins and Medals, Danish National Museum*. Vol. 8: Egypt, North Africa, Spain and Gaul. Copenhagen, 1982.

- Sylloge Nummorum Graecorum Deutschland, Sammlung von Aulock. Vol. 1. Berlin, 1987.
- Sylloge Nummorum Graecorum Switzerland I, Edoardo Levante—Cilicia. Bern, 1986 (repr. — 1993).
- Tarn W. W. Hellenistic Military and Naval Developments. New York, 1966.
- Tarn W. W. Two Notes on Seleucid History. I: Seleucus'500 Elephants // JHS. 1940. 60. P. 84–89.
- The Roman Imperial Coinage / ed. H. Mattingly and others. Vol. 1–10. London, 1984–2007.
- The Roman Imperial Coinage / ed. H. Mattingly and others. Vol. 3. London, 1930.
- Trautmann T. R. Elephants and Mauryas // India: History and Thought. Essays in Honour of A. L. Basham / ed. by S. N Mukherjee. Calcutta, 1982. P. 254–281.
- Vidal-Naquet P. Alexandre et l'éléphant // Arrien. Histoire d' Alexandre / traduit par Pierre Savinel. Paris, 1984. P. 387–393.
- Visscher F. de. Encore les éléphants d' Annibal // L'Antiquité classique. 1962. T. 31. P. 234–235.
- Visscher F. de. Un histoire d'éléphants // L'Antiquité classique. 1960. T. 29. P. 51–60.
- Vranopoulos E. A. ΠΟΛΕΜΙΚΟΙ ΕΛΕΦΑΝΤΕΣ ΕΙΣ ΕΛΛΗΝΙΚΟΥΣ ΣΤΡΑΤΟΣ: War Elephants of the Hellenistic Periods // Πλατων. 1975. T. 27. Σελ. 130–146.
- Walbank F. W. A Historical Commentary on Polybius. In 3 vol. Vol. 1. Oxford, 1957.

СВЕДЕНИЯ О СЛОНАХ В АНТИЧНЫХ ИСТОЧНИКАХ

ОПИСАНИЕ СЛОНА У АРИСТОТЕЛЯ⁹⁷¹

...Есть животные домашние и дикие; одни бывают такими всегда, как человек и мул всегда бывают домашними, пард и волк всегда дикими, другие быстро могут одомашниваться, как слон [I, 15].

В отношении же нрава различия между животными таковы: одни кротки, печальны и не склонны к возмущению, как корова; другие злобны, агрессивны и не поддаются обучению, как дикая свинья; иные благоразумны и боязливы, как олень или заяц; иные низки и коварны, как змея; одни свободны, храбры и благородны, как лев; другие породисты, дики, коварны, как волк; благородно то, что происходит от хорошего рода, породисто — что не выходит за пределы присущей ему природы. И одни лукавы и злокозненны, как лисица, другие отважны, дружелюбны и лстивы, как собака; иные кротки и способны к приручению, как слон... [I, 18].

У живородящих четвероногих вместо рук — передние ноги; так бывает у всех четвероногих, но наибольшую аналогию с руками обнаруживают многопалые: они пользуются ими для многих дел как руками; и левая сторона у них менее развита, чем у людей. Исключение составляет слон, который имеет ноги, менее расчлененные на пальцы, и передние конечности гораздо большей величины; он пятипал, и на задних конечностях у него короткие лодыжки. Нос у слона такого рода и такой величины, что заменяет ему руки: он пьет и ест, подавая им в рот, и протягивает его жожаку вверх; с его помощью слон вырывает деревья и, проходя по воде, раздувает ее. Конец [носа] искривляется, но не сгибается, так как состоит из хряща⁹⁷².

Одинаково [владеющим] обеими руками из всех животных бывает только человек. Все животные имеют часть, аналогичную груди человека, но не такую [как у него]: у некоторых она широкая, а у прочих узкая. Сосков на передней ее части не имеет никто, кроме человека. Слон, правда, имеет два соска, но не на груди, а около груди.

Сгибания передних и задних конечностей у животных противоположны [как] друг другу, так и сгибам человека, за исключением слона: именно у живородящих четвероногих передние конечности сгибаются вперед, задние — назад, и вогнутые части окружностей обращены друг к другу. У слона, в противоположность тому, что говорят некоторые, этого нет, но он садится и сгибает ноги, только вследствие тяжести не может этого делать сразу с двух сторон, а склоняется или на левую, или на правую сторону, и в этом положении спит; задние же ноги он сгибает, как человек [II, 3–5].

Из всех четвероногих слон наименее волосат [II, 14]⁹⁷³.

У одних животных грудные железы [находятся] на груди или около нее, [причем они имеют по] две груди и два соска, как у человека, и, как было сказано ранее, [также и] слон; ибо и у слона есть две грудные железы, [расположенные] около подмышек. У самки [слона] грудные железы совсем малые, непропорционально [размерам] тела, так что сбоку их совсем не видно; у самцов также есть грудные железы, и, как и у самок, совершенно незначительные [II, 20].

Половой член слона подобен лошадиному, но мал в сравнении с величиной тела, яички же у него не видны снаружи, а находятся внутри у почек; поэтому во время случки он быстро удовлетворяется. Слониха же имеет половое отверстие в том месте, где у овец помещается вымя, поэтому, когда она жаждет совокупиться, быстро протягивает его вверх и обращает наружу, так что совокупление для самца облегчается; половое отверстие разверзается при этом достаточно широко. Итак, у большинства животных половые части устроены таким образом. Некоторые же мочатся назад, например, рысь, лев, верблюды, заяц. Самцы [в этом отношении] отличны друг от друга соответственно сказанному, [в то время как] самки все мочатся назад; даже и самка слона, хотя она имеет половую часть между бедрами, [мочится], как прочие [II, 23].

Слон имеет с каждой стороны по четыре зуба, которыми он обрабатывает пищу, размельчая ее как кашу, и кроме этого два зуба больших.

У самца эти зубы велики и загнуты кверху, у самки малы и направлены в обратную сторону, так как они смотрят вниз. Слон имеет зубы тотчас как родится, но большие зубы сначала незаметны.

Язык у слона очень мал и помещается в глубине, так что его трудно увидеть [II, 32].

Слон <...> имеет печень безжелчную, но если она будет разрезана в том месте, где прирастает желчь у имеющих ее, то вытекает желчеподобная жидкость в большем или меньшем количестве [II, 67].

У слона кишечник имеет сращения, так что кажется будто он имеет четыре желудка; в нем находится и пища, отдельного приемника для нее нет ни одного. Внутренности слон имеет похожие на свиные, только печень у него в четыре раза больше бычьей, также и прочие внутренности, а селезенка непропорционально мала [II, 79].

Из имеющих ногти, — а имеют их все, кто имеет пальцы, а пальцы все, кто имеет ноги, кроме слона, у которого пальцы не расщепленные и едва намеченные, ногтей же совсем нет, — из имеющих ногти [или когти] одним [присущи] плоские ногти, как человеку, другим загнутые [когти], как льву из ходящих, орлу из летающих [III, 65].

У человека голос один и тот же, а речь неодинакова. А голос слона, произведенный одним ртом без участия хобота, носит дыхательный характер так же, как у человека, когда он выдыхает или стонет; а с хоботом он похож на хриплую трубу [IV, 111].

Слоны совокупляются в уединенных местах, преимущественно около рек и там, где они обычно проводят время. Самка совокупляется сидя и расставив ноги, а самец влезая на нее [V, 11].

[Самка] слона начинает спариваться самое раннее в десять лет, самое позднее — в пятнадцать, самец — пяти лет от роду или шести. Время спаривания — весна. Снова сходится после спаривания на третий год; к самке, которую оплодотворил, более не прикасается. Носит два года, рождает одного, так как он животное однородящее. Плод величиной с двух- или трехмесячного теленка [V, 60].

Слон съедает самое большее девять македонских медимнов за одну еду, но такое количество представляет опасность; вообще же шесть или семь медимнов, ячменной крупы пять медимнов и вина пять марисов

(марис — шесть коттилий). Один слон выпил даже четырнадцать македонских метретов воды за один раз, а вечером снова других восемь... Слоны живут, как говорят, одни около двухсот лет, другие — триста [VI, 9].

Слоны <...> дичают во время спаривания, поэтому, рассказывают, их проводники в Индии не подпускают [слонов в период течки] к самкам; приходя в это время в бешенство, они разрушают непрочные дома [местных жителей] и делают многое другое. Рассказывают также, что обильной пищей [этих слонов] делают более кроткими и, приводя к ним других, наказывают и порабощают, заставляя этих приведенных бить их [VI, 114].

Слон, самка и самец, спариваются в первый раз двадцати лет. По оплодотворении самка носит в чреве, одни говорят, год и шесть месяцев, другие же — три года⁹⁷⁴. Причиной разногласия является то обстоятельство, что спаривания не легко видеть. Самка родит, севши на зад, и, очевидно, страдает. Слоненок, когда родится, сосет ртом, а не хоботом, и сейчас же по рождении ходит и смотрит [VI, 167]⁹⁷⁵.

Слоны, как рассказывают, не болевают другими болезнями, но страдают от ветров [VIII, 142].

Слоны страдают от ветров; вследствие чего они не могут выводить ни жидкое выделение, ни кишечное. И если слон ест землю, он расслабляется в том случае, если не ест ее постоянно, если же ест постоянно, вреда не испытывает. Глощает иногда и камни. Его схватывает иногда понос; когда же заболит, его лечат, давая пить теплую воду и есть сено, погружая его в мед; то и другое останавливает понос.

Когда они страдают от усталости вследствие отсутствия отдыха, то после растирания плеч солью, маслом и теплой водой становятся здоровыми. И когда у них болят плечи, изжарив свиное мясо, прикладывают его, и это им помогает. Масло одни из слонов пьют, другие нет; и если какой-нибудь железный предмет попадает в тело, то масло, как утверждают, его изгоняет, если они его выпьют; непьющим же дают вино из риса, сваренное в масле [VIII, 152–153].

Ожесточенно сражаются друг с другом и слоны, и бьют друг друга клыками; побежденный с трудом покоряется и не выносит голоса победителя. По храбрости слоны отличаются друг от друга удивительным образом. Индусы пользуются слонами для целей войны, самками так же,

как самцами; бывают, однако, самки и много меньше по величине и более робкие. Стены валит слон, ударяя большими зубами, пальмы — лбом, пока не наклонит, затем, всходя на них ногами, повергает на землю.

Охотятся на слонов таким образом: севши на ручных и храбрых слонов, преследуют других и, когда захватят их, приказывают своим слонам бить их, пока те не ослабеют. Тогда вожак, вскочив на слона, направляет его серпом; вскоре после этого он приручается и становится послушным. Все слоны смирны, пока на них сидит вожак, когда же сойдет, одни смирны, другие нет; у расвирипевших связывают передние ноги цепями, чтобы успокоить. Охотятся и на больших слонов, и на слонят [IX, 24–25].

Самое кроткое и ручное из всех диких животных — слон, ибо он многому научается и многое понимает; научается даже приветствовать царя. Он обладает острыми чувствами и превосходит всех других животных всем прочим разумением. Самку, с которой он спаривается и делает беременной, он больше не трогает.

Слон живет, как говорят одни, двести лет, по другим — сто двадцать, самка — почти столько же, сколько самец; расцвета достигает около шестидесяти лет. Зиму и холод переносят плохо. Животное это живет около рек, но оно не речное. Совершает переходы через воду и продвигается в ней до тех пор, пока его хобот превышает уровень воды, так как через него он дует и дышит; плавать же он не может вследствие тяжести тела [IX, 235–236].

ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ ОБ ОХОТЕ АФРИКАНСКИХ ПЛЕМЕН НА СЛОНОВ⁹⁷⁶

Далеко на запад от этой области живут элфантахи. Обитая в лесистых изобилующих деревьями местностях, они выслеживают пути и тропы слонов с самых высоких деревьев. На стада слонов они не нападают, потому что на успех не надеются; но выжидают идущих в одиночку слонов, являя при этом удивительную отвагу.

Выслеживающий, когда животное проходит под деревом, на котором он укрылся, тотчас же покидает свое место; руками он цепляется за хвост, а ногами упирается в левое бедро [слона]. За плечами у него висит топор, отточенный и легкий, чтобы нанести удар одной рукой. Схватив его правой рукой, [охотник] перерубает жилы на правой ноге [слона], нанося частые удары, а при помощи левой руки поддерживает равновесие. Охотники достигают в своих действиях удивительной быстроты, ведь

жизнь каждого из них как бы награда на состязаниях: или одолеть зверя, или пасть самому, иного исхода нет.

А зверь с перерубленными жилами, вследствие своей [природной] малоподвижности, будучи иногда не в силах повернуться, клонится и падает тем местом, куда нанесена рана; тогда он губит вместе с собой и эфиопа, прижимая его к скале или к дереву, давит насмерть. Но некоторые из слонов не мстят мучителю, а пускаются в бегство по равнине, пока нападающий, непрерывно нанося удары топором в одно и то же место и перерубив жилы, не лишит животное подвижности. Когда же слон упадет, [охотники] сбегаются группами, отрезают [куски] мяса сзади от живого еще слона и с наслаждением поедают его.

Некоторые из живущих по соседству [племен] охотятся на слонов без риска, предпочитая насилию искусство. Ведь это животное имеет обыкновение, насытившись на пастбище, засыпать иным образом по сравнению с другими четвероногими. Поскольку он не может согнуть ноги и из-за тяжести лечь на землю, то отдыхает и спит, прислонившись к дереву⁹⁷⁷. И дерево оттого, что слон, часто к нему прислоняется, стерто и загрязнено, а кроме того, на почве вокруг него остается множество следов и знаков, по которым эфиопы-охотники узнают места ночевки слонов.

Итак, обнаружив подобное дерево, они подпиливают его близко к земле, так что небольшим усилием бывает достаточно для его падения. Затем, скрыв следы своего пребывания, [эфиопы] удаляются, прежде чем появится слон. А слон под вечер, насытившись, направляется к привычному месту ночлега. Навалившись всей тяжестью, он немедленно падает вместе с деревом, а упав, лежит навзничь целую ночь, потому что строение его тела не приспособлено к тому, чтобы встать.

С наступлением дня прибегают подпилившие дерево эфиопы, убивают животное, не подвергаясь опасности, сооружают в [этом] месте шалаши и остаются [здесь], пока не съедят убитого слона [III, 26–27].

СТРАБОН ОБ ОХОТЕ АФРИКАНСКИХ ПЛЕМЕН НА СЛОНОВ⁹⁷⁸

Здесь живут элѣфантофаги, которые охотятся на слонов таким образом. Завидев с деревьев пробирающееся сквозь лесную чащу стадо, они не нападают, а незаметно приближаясь сзади, перерезают жилы у заблудившихся животных. Некоторые охотники тем не менее поражают слонов стрелами, отравленными ядом змеиной желчи. Стреляют из лука три человека: двое держат лук, выступив вперед, а один натягивает

тетиву. Другие, заметив деревья, к которым слоны обычно приходят на отдых, подходят к ним с другой стороны и снизу подрубают стволы. Затем, когда животное подходит к дереву и прислоняется к нему, дерево падает, а вместе с ним и слон. Так как животное не может подняться, потому что ноги у него сплошные, лишены суставов и не сгибаются, то охотники соскакивают с деревьев и рассекают слона на куски. Кочевники называют этих охотников акафартами [XVI, 4, 10].

ПЛИНИЙ СТАРШИЙ О СЛОНАХ⁹⁷⁹

Перейдем же к другим животным, и прежде всего к сухопутным.

Самое большое из них и наиболее близкое к человеку по своим чувствам — слон; ведь животные эти обладают пониманием языка своей родины, послушны приказам, хранят в памяти то, чему их научили; им присуща такая жажда любви и славы, которая даже в человеке встречается весьма редко; они отличаются честностью, рассудительностью и справедливостью; у них существует даже культ светил, и они почитают Солнце и Луну. Некоторые авторы сообщают, что каждое новолуние стада слонов спускаются с гор Мавритании к реке, называющейся Амил. В ней животные купаются, торжественно обливаясь водой. Затем, почтив таким образом звезды, возвращаются в леса, неся перед собой утомленных детенышей. Они с доверием относятся к чужим обещаниям⁹⁸⁰. Говорят, что если им предстоит отправиться за море, то они отказываются взойти на корабль, пока не получат клятву погонщика о том, что вернутся назад. Слонов видели истощенными недугом (даже такие громадины подвержены болезням!), когда они, лежа на спине, бросали траву в небо, как будто бы призывая землю в свидетели своих молений. Что касается их понятливости, то они почитают царей, опускаются перед ним на колени и подносят венки. Более мелких слонов, которых называют нотами⁹⁸¹, индийцы используют для вспашки земли.

По Риму запряженные в колесницу слоны впервые прошли во время африканского триумфа Помпея Великого. Прежде подобное, как говорят, произошло после покорения Индии, когда справлял триумф отец Либер. Прокилий утверждает, что во время триумфа Помпея слоны, запряженные в колесницу, не смогли пройти через городские ворота. В гладиаторских играх, устроенных цезарем Германиком, слоны неловкими движениями, подражали танцующим. Часто можно было видеть, как слоны пускают по воздуху оружие, вовсе не предназначенное для метания, как они изображают гладиаторские бои между собой или исполняют

шутовскую пирриху⁹⁸². После этого слоны ходили по канатам, группами по четыре слона несли на носилках пятого, изображающего роженицу, и входили в триклинии, наполненные людьми, чтобы возлечь на ложа, ступая при этом так осторожно, что не задевали никого из пирующих.

Доподлинно известно, что один слон, не способный от природы быстро усваивать то, чему его учили и за свою несообразительность часто подвергавшийся наказанию плетьюми, был застигнут ночью повторяющим урок. Величайшим чудом было наблюдать, как слоны не только взбираются по канатам, но и спускаются головой вперед. Муциан, трижды бывший консулом, сообщает, что один из слонов знал начертание греческих букв и мог писать на этом языке следующее: «Это я сам написал и пожертвовал кельтские шкуры». Также Муциан сообщает, что в Путеолах⁹⁸³ он был свидетелем того, как привезенных слонов заставляли сходить с кораблей. Они же, испугавшись длины моста и удаленности берега, чтобы создать себе ложное представление о расстоянии, которое предстояло пройти, шли, пятясь задом.

Слоны знают, что единственная добыча, которую люди хотят получить от них, — это их оружие, то, что Юба называл рогами, а Геродот более древним и точным словом — бивнями. Поэтому бивни, утраченные по какой-либо причине или отпавшие по старости, они закапывают. Только они называются «слоновой костью». Те же части бивней, которые покрыты плотью, и остальные кости слонов не представляют ценности. Хотя прежде и они разрезались на пластины вследствие недостатка слоновой кости. В самом деле ныне редко встречаются бивни большой величины, и найти их можно только в Индии: в нашей части мира всю слоновую кость поглотила роскошь. По белизне бивней определяется возраст слона. Бивни — главная забота животных. Слоны проявляют о них самую тщательную заботу: они берегут конец одного бивня, чтобы он сохранил остроту для боев, и используют другой в качестве инструмента, чтобы выкапывать корни и передвигать глыбы. Когда они окружены охотниками, они выставляют вперед тех, у кого бивни маленькие, чтобы преследователи подумали, что подобная добыча не стоит требуемых усилий. Когда же у них нет более сил, слоны ломают бивни вонзая их в деревья и избавляются от того, что угрожало их жизни.

Удивительно, что большинство животных не только знают, почему на них охотятся, но и чего стоит опасаться. Говорят, что слон, встретив случайно одинокого путника, сбившегося с пути, выказал по отношению к нему милосердие и миролюбие и показал ему дорогу. Вместе с тем слоны, если замечают человеческие следы раньше, чем самого человека, начинают дрожать, опасаясь засад, принимают, оглядываются по

сторонам, беспокойно сопят и не наступают на след, но, выкопав, передают идущему сзади, а тот следующему и так до самого последнего. Тогда все стадо разворачивается, возвращается и выстраивается в боевой порядок. Настолько сильным для обоняния всех зверей кажется этот запах, исходящий обычно даже от следа обутой ноги. Так, говорят, и тигрица, столь грозная для других животных и с презрением относящаяся даже к следам слона, если видит следы человека, уносит подальше своих детенышей. Каким образом она его узнала? Где она видела раньше того, кого ей должно бояться? Конечно, известно, что такие леса не часто посещаемы, поэтому естественно, что звери удивляются следам. Но откуда они знают, что их следует остерегаться? И в самом деле, отчего они страшатся одного только вида человека, которого они превосходят в силе, величине и скорости? Несомненно, такова природа вещей, таково ее могущество, что свирепейшие и огромнейшие из зверей, еще не увидев того, чего им следует бояться, тут же чувствуют опасность.

Слоны всегда передвигаются стадом. Ведет стадо самый старший, замыкает же следующий по старшинству. Когда стадо намеревается перейти реку, они сначала посылают вперед тех, что поменьше, потому что не хотят, чтобы более крупные слоны углубили русло. Антипатр сообщает, что у царя Антиоха⁹⁸⁴ было два боевых слона, прозвища которых стали известны; и они даже на них отзывались. Даже Катон, не приводя в своих *Анналах* имена полководцев, передает, однако, что в войске пунийцев храбрее других сражался слон по имени Сур, прозванный так по той причине, что у него был обломан один бивень. Когда однажды Антиох пожелал перейти реку в брод, слон Аякс, всегда бывший вожаком всего стада, отрицательно покачал головой, возражая ему. Тогда было объявлено, что первенство будет передано тому, кто перейдет реку. Слона Патрокла, отважившегося на это, царь одарил серебряными фалерами, которым слоны очень радуются, и всеми остальными привилегиями главенства. Первый же слон, подвергшийся порицанию, предпочел голодную смерть бесчестью. Ведь для них это невероятный стыд, и побежденный убегает, слыша рев победителя, протягивает ему землю и травы.

Из-за стыдливости они совокупляются только скрытно. Самцы достигают полового созревания к пяти годам, самки — к десяти. Самка, как говорят, позволяет совершить соитие только раз в два года, в определенные пять дней, и не более того. На шестой они купаются в реке и возвращаются в стадо, лишь после того, как сделали это. Они не знают ничего похожего на измену и не вступают в смертельные схватки из-за самок, как другие животные. Это вовсе не значит, что они не ведают силы любви. Ведь говорят, что некогда в Египте один слон полюбил какую-то

женщину, продававшую венки. Чтобы вы не подумали, что его выбор был случаен, знайте, он полюбил ту, что была возлюбленной Аристофана, славнейшего в искусстве грамматики. Другой слон полюбил Менандра, молодого сиракузянина, служившего в войске Птолемея, и всякий раз, когда не видел его, выказывал свою тоску, отказываясь принимать пищу. А Юба пишет, что слон полюбил торговку благовоньями. Во всех случаях были свидетельства любви. Они выказывали радость при виде объекта своего чувства, неловко ласкались, деньги, которые им давали, хранили и совали за пазуху своим возлюбленным. Не удивительно, что те животные, у которых есть память, способны на любовь. Тот же самый Юба передает, что один старый слон, по прошествии многих лет, опознал человека, который во времена его молодости был его погонщиком. Он так же утверждает, что слоны наделены неким ощущением справедливости: когда царь Бокх приказал привязать к столбам тридцать слонов, на которых был рассержен, намереваясь подвергнуть их наказанию при участии тридцати других слонов, он не смог этого сделать: слоны отказывались быть орудием чужой жестокости.

Италия впервые увидела слонов во время войны с царем Пирром. Тогда их прозвали луканскими быками, так как это случилось в Лукании в 472 году от основания Города. По Риму же они прошли спустя семь лет в триумфальной процессии. В 502 году после победы понтифика Луция Метелла, одержанной в Сицилии над пунийцами, их было захвачено 142 или же 140. Они были перевезены на плотах, которые он сделал, соединив между собой бочки. Веррий сообщает, что они сражались в цирке и были перебиты дротиками, поскольку не знали что с ними делать, ибо не желали ни кормить их, ни подарить царям. Л. Пизон передает, что их только провели по цирку и, чтобы пренебрежение к ним возросло, служители, вооруженные копьями без наконечников, прогнали их по всей арене. Авторы, которые считают, что их не убили, не сообщают о том, что с ними стало после.

Прославлен бой одного из римлян против слона, когда Ганнибал заставлял сражаться наших пленных между собой. Одного, победившего всех, он выставил против слона, пообещав отпустить, если он победит. Встретившись со слоном в одиночку на арене, римлянин убил его, к величайшему разочарованию карфагенян. Ганнибал, поскольку понимал, что молва об этом поединке внушит презрение к этим зверям, послал всадников, которые убили возвращавшегося домой римлянина. Опыт сражений с Пирром показал, что их хобот очень легко отрубить.

Фенестелла сообщает, что впервые в Риме в цирке слоны сражались, когда курульным эдилом был Клавдий Пульхр в консульство Марка

Антония и Постумия в 655 году от основания города, а двадцать лет спустя, в то время, когда эдилами были Лукуллы, слоны бились против быков. Во второе консульство Помпея, во время освящения храма Венеры Победительницы, двадцать слонов, по другим сообщениям — семнадцать, сражались против гетульских дротикометателей. Тогда один слон удивительно сражался. Когда его ноги были изранены, он полз на противников на коленях, бросая в воздух вырванные у них щиты, падение которых доставляло удовольствие зрителям. Щиты эти вращались по кругу, как будто были брошены животным не в порыве ярости, а для забавы. Большое удивление вызвал также и другой слон, убитый единственным ударом: пилум, попавший ему под глаз, поразил жизненно важные органы головы. Все вместе слоны попытались вырваться, сильно напугав при этом народ, несмотря на железные решетки, стоявшие вокруг. По этой причине диктатор Цезарь, намереваясь позднее устроить подобное зрелище, обнес арену рвом, который Нерон засыпал, чтобы увеличить количество мест для всадников. Но те слоны, которых показывал Помпей, потеряв всякую надежду на бегство, зывали к милосердию толпы, в неописуемых позах и умоляли о пощаде, как будто бы рыдая. Это вызвало в людях такое чувство сострадания, что, забыв о полководце и его щедрости по отношению к ним, поднявшись с мест и обливаясь слезами, они посылали проклятия Помпею, от которых он едва сумел очиститься. Сражались слоны и при диктаторе Цезаре, когда он был консулом в третий раз. Тогда двадцать слонов противостояли 500 воинам, а затем столько же слонов с башнями на спинах, в которых находилось 60 бойцов, были выставлены против того же числа пехотинцев и столько же всадников. Позднее, при принцепсах Нероне и Клавдии, гладиаторы, уходя в отставку, сражались против слонов один на один.

Говорят, что слону присуще такое милосердие по отношению к более слабым, что при встрече со стадом овец он хоботом отодвигает их, боясь задавить по неосторожности. Слоны никому не делают зла, если только их на это не провоцируют. Они всегда ходят стадом и из всех животных менее всего склонны к одиночному образу жизни. Когда они окружены всадниками, то они собирают в центр стада утомленных и раненых и, как бы подчиняясь приказу или в соответствии с замыслом, поочередно вступают в бой.

Плененные слоны очень быстро усмиряются ячменным соком. В Индии, чтобы приручить слона, пойманного из числа тех, что ведут одиночный образ жизни или отбились от стада, корнак приводит уже укрощенного слона, который бьет дикого. Когда же животное выбьется из сил, погонщик пересаживается на него и управляет им точно так же, как и первым слоном. В Африке их ловят при помощи ям, и когда кто-то из слонов проваливается

в них, остальные животные сбрасывают туда ветки, камни, сооружают насыпи и всеми силами пытаются его вытащить. Прежде, когда на слонов охотились ради одомашнивания, цари отлавливали их, используя кавалерию, которая загоняла слонов в искусственное заграждение, настолько длинное, что вводило животных в заблуждение. Слонов, запертых там насыпями и рвами, умирляли голодом. Доказательством их смирения было то, что слоны смиренно принимали ветки, протянутые им человеком. Сейчас, когда на них охотятся из-за бивней, то бросают дротики им в ноги, поскольку здесь у них кожа нежнее, чем где-либо в другом месте. Пограничные с Эфиопией троглодиты, живущие одной этой охотой, забираются на деревья, расположенные на пути следования слонов. Завидев самого последнего в стаде, они спрыгивают ему на круп. Схватившись левой рукой за хвост, охотник ногами упирается в левое бедро; повиснув таким образом, двуострой отточенной секирой в правой руке он подрубает поджилки на одной ноге животного; когда из-за этой раны движение ноги слона замедляется, то, убегая, охотник подсекает жилы на второй ноге, действуя при этом с необычайной быстротой. Другие используют более безопасный, но более изощренный способ: в земле, на достаточно большом расстоянии друг от друга, закрепляются большие тугие луки, к которым приставлены юноши, выдающиеся своей силой; другие, прикладывая необходимое усилие, натягивают их, когда слоны проходят мимо, и мечут рогадины, подобно стрелам; после этого они отслеживают раненого зверя по кровавым следам.

Самки слонов гораздо более боязливые. Буйные же слоны укрощаются голодом и плетью, в то время как к ним приставлены другие слоны, которые сдерживают беснующегося цепями. В другое время они очень возбуждаются во время соития и бивнями валят стойла индийцев. По этой причине их удерживают от совокуплений и самок пасут отдельно от самцов. Укрощенных слонов используют в военных целях: они носят на своей спине башни с воинами внутри. Они участвовали во многих войнах на Востоке: разрывали боевой строй и давили солдат. И те же самые звери боятся визга самой маленькой свиньи. Раненые и напуганные, они всегда бегут назад, нанося своим не меньший вред, чем противнику. Африканские слоны боятся индийских и не отваживаются даже глядеть на них, поскольку те крупнее их.

В народе считают, что слоны вынашивают детенышей в чреве десять лет. Аристотель же пишет, что только два года, и рожают не более одного детеныша, и многие не более одного раза; живут же они 200 лет, а некоторые и 300. Юность у слонов начинается с 60 лет. Они очень любят воду, бродят возле рек, впрочем, плавать в силу своей величины не могут. Холода они тоже не переносят, для них это величайшее зло. Они не знают

других болезней, кроме воспаления желудка и поноса. Я узнал, что если они пьют масло, то наконечники стрел, застрявшие в их телах, выходят наружу, от пота же они застревают в них крепче. Земля для них яд, если только они не жуят ее время от времени. Проглатывают они и камни; стволы же деревьев они употребляют в пищу с большим удовольствием. Они валят лбом более высокие пальмы, а потом поедают плоды деревьев, лежащих на земле. Едят они ртом, а дышат, пьют и обоняют тем, что вполне обоснованно называется рукой. Из всех животных они больше всего ненавидят мышей и если замечают, что они касались пищи в их яслях, то чувствуют к ней отвращение. Они испытывают невыносимую боль, когда при питье проглатывают пиявок, которых, как я заметил, стали называть в народе кровососами. Когда они присасываются к трахеям у них внутри, то причиняют тем самым слонам невыносимое страдание.

На спине кожа у них очень жесткая, у живота более мягкая. У них нет ни на теле ничего, похожего на растительность, ни на хвосте нет ничего, чем они могли бы отгонять мух (даже такие массивные животные претерпевают от них). Их кожа изрезана морщинами, а запах привлекает насекомых. И когда они в большом количестве садятся на их растянутую кожу, забираясь в ее складки, слон внезапно сжимает их и таким образом убивает всех мух. Это их защищает вместо шерсти, гривы и волос.

Слоновая кость ценится очень высоко. Самые дорогие изображения богов создаются именно из этого материала. Пресыщенность дошла до того, что в слонах ценят еще и другое: вкус хобота в той части, где он наиболее жесток. Это, мне кажется, нельзя объяснить ничем иным, как желанием почувствовать, что жуешь слоновую кость. Особенно большие бивни можно видеть преимущественно в храмах. Однако на окраинах Африки, в той части, которая граничит с Эфиопией, бивни используются в жилищах в качестве столбов; Полибий, ссылаясь на царька Гулусу, сообщает, что там слоновые бивни в домах и хлевах употребляются вместо подпорок.

Слоны обитают в Африке, в тех местах, что за сиртскими пустынями, и в Мавритании; живут они, как было сказано, у эфиопов и в стране троглодитов. Но самых больших порождает Индия, в которой обитают и змеи — их извечные противники, достигающие такой длины, что могут обвить слона и задушить его в своих кольцах. Это сражение приносит смерть обоим, и побежденный падает, давя своим весом змею [VIII, 1–32].

Все животные, имеющие ноги, имеют и пальцы, за исключением слона. В действительности у него пять пальцев, но они утратили форму, срослись вместе и с трудом различимы, напоминая более копыто, нежели ногти.

Его передние ноги более толстые, а задние более кроткие. Совсем как человек, он сгибает ноги в коленях назад. Другие животные сгибают задние члены в направлении противоположном передним [XI, 248].

Кроме крика, который выходит из ноздрей, слон издает также звук, исходящий изо рта, напоминающий чихание; тот же, который исходит из ноздрей, хриплый, как у трубы [XI, 268].

АРРИАН ОБ ОХОТЕ НА СЛОНОВ В ИНДИИ⁹⁸⁵

За всеми другими дикими животными индийцы охотятся так же, как и греки; но охота на слонов у них не похожа ни на какую другую охоту, так как и сами эти животные не похожи ни на каких других животных. Выбрав место гладкое и освещенное солнцем, охотники кругом роют ров, так, что там мог бы поместиться большой лагерь. Ров они делают шириной в пять сажень, глубиной в четыре. Землю, которую они выбрасывают из вырытого рва, они насыпают на ту и на другую сторону рва в виде стен. Сами же они в той насыпи, которая идет по внешнему краю рва, делают себе вырытые в ней землянки и оставляют в них отверстия, через которые к ним туда проникает свет, и наблюдают за приближающимися и входящими в эту загородку зверями. Затем, поместив в эту загородку трех или четырех самок слона, наиболее ручных, они оставляют один проход через ров; сделав через этот ров мост, они на него набрасывают много земли, травы и хворосту, чтобы диким животным он не был очень заметен и они не почувствовали бы какой-либо хитрости. Сами же охотники скрываются в землянки, устроенные подо рвом. Дикие слоны днем не приближаются к населенным местам, ночью же они бродят всюду стадами и пасутся; вожаком у них — самый крупный и благородный, за которым они все следуют, как стадо коров за быком. Когда они приблизятся к загородке, слыша голос самок и почуя обонянием их запах, они бегом устремляются к огражденному месту; двигаясь по краю рва, они, как только наткнутся на мост, стремительно бросаются в ограду. Заметив, что дикие слоны вошли туда, одни из охотников быстро разбирают мост, другие же бегут в ближайшие деревни и дают знать, что слоны уже в ограде. Услыхав об этом, жители деревень садятся на самых смелых и самых ручных слонов и едут на них к заграждению; подъехав туда, они не вступают тотчас же в бой с дикими слонами, а ждут, чтобы те измучились от голода и были истомлены жаждою. Когда они увидят, что слоны ослабели, то вновь устроив мост, въезжают в заграждение; вначале

происходит сильная битва между ручными слонами и пойманными; затем обычно дикие слоны бывают побеждены, так как их силы сломлены унынием и голодом. Тогда охотники, слезши со слонов, связывают внизу ноги у ослабевших диких слонов и затем приказывают ручным слонам наносить им много сильных ударов, до тех пор пока те, измученные этими ударами, не упадут на землю; тогда охотники, став около них, накидывают им на шею петли и сами садятся на лежащих. Чтобы они не скинули тех, кто сидит на них, и не причинили бы какого-либо другого вреда, охотники острым ножом надрезают им кругом шею и на это надрезанное место набрасывают петлю, чтобы голову и шею слоны держали неподвижно вследствие этой раны. Если же в ярости они начнут вертеть головой, то канат трет им рану. Таким образом, они держатся неподвижно и, признавая себя побежденными, позволяют ручным слонам увести себя на привязи [13. 1–13].

ОПИСАНИЕ СЛОНА, СДЕЛАННОЕ ТИМОФЕЕМ ИЗ ГАЗЫ⁹⁸⁶

1. Слон не имеет [суставов в] коленях.
2. У него есть хобот, которым он действует, как рукой.
3. У него есть большие зубы, или рога.
4. Поющие женщины очаровывают его и возглавляют охоту таким же способом, как дева выводит [единорога].
5. Они (слоны) ловились среди пустошей [с помощью] ловушек и в ямах.
6. Они законопослушны и воздержанны, имеют вожака и переходят реки, поддерживая своих детенышей.
7. Каждый из них имеет только одного супруга, как большинство воздержанных мужчин, и когда один из них совершает измену, другие убивают его [§ 25].
8. На спинах у слонов находятся деревянные башни, наполненные воинами, и [слоны] сражаются.
9. Слоны боятся свиней и мышей [§ 25a].

САНСКРИТСКИЕ И АНТИЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ ОБ УЧАСТИИ СЛОНОВ В ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ

БОЙ СЛОНОВ ВО ВРЕМЯ СРАЖЕНИЯ ВОЙСК ДУРМУКХИ И ДХРИШТАДЬЮМНЫ⁹⁸⁷

И в одно мгновение произошла свирепая и страшная битва между слонами с поднятыми на них знаменами и их могучими (противоборствующими) соперниками. И в то время как они соприкасались своими телами и терлись друг о друга, возник огонь, смешанный с дымом от (такого) трения множества бивней о бивни. Лишенные знамен (на своих спинах), они из-за огня, порожденного их бивнями, выглядели подобно облакам, в сопровождении молний заполнивших небосвод.

И земля, усеянная слонами, гибнущими, ревущими и падающими, казалось, стала подобна осеннему небу, покрытому облаками. И рев тех слонов, убиваемых стрелами и пиками, воспринимался как рокот облаков в дождливую пору. Некоторые огромные слоны, раненные копьями и стрелами, были охвачены паническим страхом; другие убегали (с поля) под громкие крики всех существ. Другие же слоны, получившие удары бивнями от (противоборствующих) слонов, поднимали страшный мучительный рев, будто (разрушительные) облака при гибели мира, (издающие ужасающий грохот). Иные слоны, повернутые назад могучими слонами-соперниками, вступали снова (в битву), понукаемые отменными стрелами, и сокрушали (вражеские ряды). Погонщики слонов под ударами стрел и копий вражеских погонщиков падали на землю (со спин) своих слонов, выпуская из рук оружие и стрекала. И слоны, лишенные своих погонщиков, испускали протяжный рев там и тут, уподобляясь разрозненным облакам, (издающим глухой рокот), и затем падали, сшибаясь друг с другом. Некоторые огромные слоны, носящие на (своих спинах) убитых (воинов), сдерживаемые превосходнейшим оружием, бродили по всем направлениям, словно одинокие слоны.

Иные же слоны, получившие удары и преследуемые ударами копий, мечей и секир, падали среди того ужасающего побоища, испуская мучительный рев. И под влиянием внезапных ударов от их падающих повсюду тел, подобных скалам, земля содрогалась и гудела. И покрытая со всех сторон слонами, убитыми вместе со своими наездниками, со знаменами (повисшими на их спинах), земля казалась прекрасной, будто усеянная горами. И погонщики слонов на их спинах с сердцами, пронзенными в пылу сражения воинами посредством стрел с серповидными остриями, падали наземь, выпуская (из своих рук) стрела и копья. Еще другие слоны, пораженные железными стрелами, издавали (жалобные) крики, подобно цаплям, и разбегались во все стороны, сокрушая своих и чужих (на своем пути). И устланная грудями тел слонов, коней и воинов, сражавшихся на колесницах, земля, о царь, превратилась в месиво из мяса и крови. И огромные колесницы, с колесами и без колес, будучи сначала разбиты остриями бивней, подбрасывались слонами вместе с находившимися в них воинами. Многие колесницы были лишены своих воинов. А кони, лишенные своих седоков, и слоны, чьи наездники были убиты, разбегались в разные стороны, терзаемые стрелами [VII, 19, 33–56].

БОЙ ЦАРЯ ДАШАРИНОВ С ЦАРЕМ ПРАГДЖЬЙОТИШИ⁹⁸⁸

Тогда царь дашаринов ринулся на властителя Прагджьйотиши на быстро мчащемся слоне, одержимом течкой, заходящем сбоку (для нанесения удара своему противнику). И произошла между двумя слонами, страшная видом, битва, как некогда между двумя крылатыми горами, покрытыми деревьями. Слон властителя Прагджьйотиши, нападая на слона повелителя дашаринов и поворачивая назад, распорол ему бок и уложил на месте. Тогда сам Бхагадатта семью дротиками, сверкающими, как лучи солнца, убил своего врага, сидевшего на слоне, как раз в то время, когда последний готов был свалиться со своего сиденья. Но тут Юдхиштхира, подступив к царю Бхагадатте, окружил его со всех сторон мощным отрядом колесниц. Стоя на слоне, окруженный отовсюду воинами на колесницах, он выглядел блистательно, будто сверкающий огонь на горе посреди густого леса. А слон тот кружил среди плотно сомкнутого круга воинов на колесницах — грозных лучников, выпускающих на него ливни стрел.

Тогда царь Прагджьйотиши, нажав матерого слона своего (большим пальцем ноги), стремительно погнал его на колесницу Ююдханы.

И могучий слон, схватив колесницу внука Шини, забросил ее (в сторону) с большой силой.... Тем временем тот слон, найдя промежуток, поспешно выбрался из круга колесниц и начал опрокидывать всех царей (пытавшихся помешать ему) [VII, 25, 35–41].

ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ О ВОЙНЕ СЕМИРАМИДЫ СО СТАБРОБАТОМ⁹⁸⁹

Не имея слонов, Семирамида решила сделать искусственные подобия этих животных в надежде испугать индийцев, которые полагали, что слоны водятся только в их стране. Тогда она отобрала 300 000 черных быков, мясо которых было распределено между работниками, и всеми теми, кто был выбран для осуществления плана царицы. Она приказала сшить вместе множество шкур и наполнить их сеном, таким образом, чтобы они прекрасно походили на слона. Внутри каждого из них находился всадник на верблюде, который должен был управлять им. Издалека такая фигура была похожа на настоящего слона. Люди, которые выполняли эти работы, были заперты в каменных стенах; ворота бдительно охранялись, чтобы никто из них не мог выйти. Царица приняла эту меру предосторожности, чтобы ее замысел не был раскрыт и чтобы новость не достигла индийцев.

Потратив два года на постройку судов и фигур слонов, в течение третьего года она собрала все свои войска в Бактриане. Согласно Ктесию Книдскому, ее армия насчитывала 3 млн пехотинцев, 200 000 всадников и 100 000 колесниц. Сверх того были всадники на верблюдах, вооруженные мечами длиной в 4 локтя. Их было 100 000, столько же, сколько колесниц. Она приказала снарядить 2000 разборных судов, которые были приспособлены для того, чтобы плавать по рекам. По земле их перевозили на спинах верблюдов. Фигуры слонов, как было сказано, также везли на верблюдах. Всадники ехали рядом с ними, чтобы приучить своих лошадей к пугающему виду слонов. Много лет спустя македонский царь Персей использовал подобную же хитрость во время войны против римлян, в армии которых были ливийские слоны. Однако ему повезло не более, чем Семирамиде, о чем мы расскажем далее в деталях.

Царь индийцев Стабробат был осведомлен о многочисленности собранных войск и о военных приготовлениях. Тогда он постарался превзойти усилия Семирамиды. Сначала он приказал построить из тростника 4000 речных судов. Индия и в самом деле производит большое количество тростника, растущего вдоль рек и заболоченных мест,

настолько толстого, что человек с трудом может обхватить руками его стебель. И говорят, что сделанные из него корабли весьма хороши в употреблении, поскольку этот материал не подвержен гниению. Затем царь направил все силы на изготовление оружия и объехал всю Индию, чтобы собрать в конечном итоге армию, намного превосходящую ту, которую собрала Семирамида.

Он приказал произвести отлов диких слонов и прибавил множество этих животных к тем, которыми уже располагал. Затем он снабдил их пышным и грозным военным снаряжением. Благодаря их числу и вооружению, которое они несли на своих спинах, в бою они казались силой, сопротивляться которой было выше человеческих возможностей.

Когда он был готов начать борьбу, он отправил Семирамиде, уже выступившей в поход, письма, упрекая ее в том, что она развязала войну, не имея на то никаких оснований. Он также послал ей письмо, написанное непристойными словами, которые не следовало бы произносить, где именовал ее гетерой и, взывая к богам, грозил распять, если выйдет победителем. Узнав содержание письма, Семирамида рассмеялась: будущее покажет индийцу, добродетельна ли она! И когда она прибыла со всеми своими войсками на берег Инда, то нашла вражеские корабли, готовые вступить в сражение. Тогда она приказала быстро собрать корабли, посадила на них лучших моряков и завязала речной бой, в то время как на берегу сражающихся отважно поддерживали пехотинцы. Долгое время было неясно, на чьей стороне окажется победа, противоборствующие армии храбро сражались, пока, наконец, Семирамида не одержала верх, уничтожив около тысячи кораблей и захватив большое количество пленных. Весьма обрадованная этой победой, она подчинила острова и прибрежные города и пленила более 100 000 человек. После этого индийский царь увел свои войска от реки, поэтому могло показаться, что он обратился в бегство, но на деле он желал вынудить неприятеля переправиться на другой берег. Семирамида, поскольку создавалось впечатление, что ей во всем сопутствует удача, навела на реке величественный мост огромных размеров, перевела по нему все свои войска, оставила для его охраны 60 000 человек и бросила остальные силы в погоню за индийцами. Впереди двигались искусственные подобию слонов для того, чтобы шпионы объявили царю о большом количестве этих животных, которыми располагала Семирамида. Ее надежда не была обманута. Наблюдатели, посланные индийцами, возвестили о большом числе вражеских слонов, и все задавались вопросом, откуда же могли взяться все эти животные. Однако обман очень скоро раскрылся: некоторые воины Семирамиды были захвачены с поличным,

когда они небрежно несли караульную службу. Опасаясь обычного в таких случаях наказания, они перебежали к неприятелю и рассказали о хитрости, касавшейся слонов. Воспрянув духом, царь возвестил о ней своей армии и в боевом порядке двинулся против ассирийцев.

Семирамида сделала то же самое, и когда оба войска сошлись, Стабробат послал вперед своих всадников и колесницы. Семирамида храбро встретила атаку всадников; так как она поставила искусственных слонов на равном расстоянии друг от друга перед своей фалангой, то это вызвало беспорядочное бегство лошадей. Поскольку манекены издалека походили на настоящих слонов, то индийские лошади, привычные к виду этих животных, без страха приблизились к ним. Но незнакомый запах, исходивший от верблюдов, и другие отличия поразили их и привели в полное замешательство. Поэтому одни из них скинули на землю своих седоков, другие, не слушаясь более поводов, понесли их по воле случая в ряды неприятелей. Семирамида умело воспользовалась этим успехом; она устремилась в бой со своими отборными солдатами и обратила индийцев в бегство. Царь Стабробат, не испугавшись этой неудачи, приказал выдвинуться вперед пехотинцам, впереди которых шли слоны. Сам он возглавил правый фланг и, сидя верхом на самом красивом слоне, внушил ужас царице, которая по воле судьбы оказалась перед ним. Другие слоны последовали за слоном царя. Семирамида не смогла долгое время сдерживать натиск этих животных, которые, гордые сознанием собственной силы, опрокидывали все, что оказывало им сопротивление. Это была самая настоящая бойня: слоны топтали врагов своими ногами, протыкали их бивнями, подкидывали кверху хоботами. Земля была усеяна трупами, все были охвачены ужасом, и никто не отваживался оставаться в строю. Когда армия обратилась в бегство, царь индийцев напал на Семирамиду. Сначала он пустил против нее стрелу, которая поразила ее в руку; затем он метнул свой дротик, который вскользь поразил царицу в спину. Поскольку бросок был сделан под углом, то рана оказалась не тяжелой. Семирамида развернула коня и во весь опор поскакала прочь, скоро оставив позади слона, который ее преследовал. Все бежали к перекидному мосту, и столь великая толпа спешила к этому единственному и узкому месту переправы, что воины царицы погибали в давке, всадники и пехотинцы смешались и топтали друг друга, в то время как сзади на них напирала индийцы. Паника породила на мосту толчею, настолько ужасную, что большое количество воинов с обеих сторон было вытолкнуто и упало в воду. Когда Семирамида увидела, что большинство уцелевших находится на противоположном берегу, она приказала перерезать веревки, удерживавшие мост. Как только веревки оказались перерубленными, перекидной мост, уже

сильно поврежденный, увлек в своем падении большое число преследовавших индийцев, которые рухнули в бурный поток и утонули, в то время как Семирамида оказалась, таким образом, в безопасности, лишая врагов какой-либо возможности переправиться на другой берег. Царь индийцев получил тогда небесные знамения, которые, согласно толкованию прорицателей, запрещали ему переходить реку. Поэтому он держался, сохраняя спокойствие. Семирамида совершила обмен пленными и вернулась в Бактры, потеряв две трети своей армии [II, 16, 8–19].

ЛУКИАН О ПОБЕДЕ АНТИОХА I НАД ГАЛАТАМИ⁹⁹⁰

И с Антиохом, прозванным спасителем, случилось, говорят, тоже нечто подобное в битве против галатов. Если угодно, и про это я расскажу, как все это случилось.

Зная, что галаты храбры, видя, что силы их весьма многочисленны, что фаланга плотно и крепко сдвинута, что в первом ряду, выставив щиты, идут галатские воины в медных панцирях, а далее в глубину в двадцать четыре ряда построены гоплиты, что на каждом крыле разместились конница численностью до двадцати тысяч, а из середины строя готовы вырваться восемьдесят вооруженных косами колесниц и, сверх того, вдвое большее число колесниц с парной упряжкой, — видя все это, он питал самые плохие надежды на благоприятный исход битвы, считая, что силы неприятеля для него неодолимы. Ибо, в короткий срок собрав свое войско, небольшое, не соответствовавшее значительности этого похода, он пришел, ведя с собою совсем немного людей, и то большей частью легко вооруженных и стрелков: легкая пехота составляла свыше половины войска. Поэтому он решил начать переговоры о мире и искать каких-нибудь путей к благоприятной развязке войны.

Но бывший при нем родосец Теодат, муж доблестный и в военном деле искусный, убеждал его не отчаиваться. Дело в том, что у Антиоха было еще шестнадцать слонов. Их Теодат велел держать до поры до времени спрятанными сколь возможно лучше, чтобы они не были видны, возвышаясь над войском. Когда же трубач подаст сигнал и нужно будет схватиться с врагом, перейдя в рукопашную, когда неприятельская конница помчится вперед, когда галаты разомкнут фалангу и, расступившись, выпустят на врага колесницы, — вот тогда по четыре слона на каждом крыле должно двинуть навстречу всадникам, а восемь выпустить против тяжелых и легких колесниц. «Если это осуществится, — говорил

Теодат, — то кони врагов испугаются и, кинувшись прочь, обрушатся на них самих». Так и случилось.

Ни сами галаты, ни кони их никогда раньше не видали слонов и были приведены неожиданным зрелищем в величайшее смятение. Еще задолго до приближения животных, услышав только их похрюкивание и увидев их бивни, отчетливо сверкавшие на совершенно черном теле, и высоко в воздух поднятые хоботы, будто готовые схватить врага, галаты, не сойдясь даже на расстояние пущенной стрелы, обратили тыл и бросились бежать в полном беспорядке. Пешие в давке пронзали друг друга копьями и гибли под копытами конницы, ворвавшейся, не разбирая пути, в их ряды; колесницы тоже повернулись обратно на своих, и немало пролилось крови, когда полетели они сквозь толпу, и, по слову Гомера, «звenea, уносились дальше». Не выдержавшие вида слонов кони, раз перестав слушаться поводов, сбрасывали возниц и «с грохотом мчали вперед колесницы пустые», а косы, не щадя друзей, рассекали и губили всякого, кто попадался на пути, — попадались же многие при замешательстве столь великом. А следом за ними двигались на подмогу слоны, топча встречных, вскидывая хоботами на воздух или хватая и распарывая бивнями. Так, в конце концов, эти животные вырвали у неприятеля победу и передали ее Антиоху.

Галаты частью погибли в этом великом кровопролитии, частью были захвачены живыми, за исключением очень немногих, которые успели скрыться в горы. А македоняне, бывшие с Антиохом, запели пзан и, сбегавшись со всех сторон, возложили на царя победный венок, провозглашая его победителем. Но Антиох, как передают, даже заплакал и сказал: «Да будет нам стыдно, воины: только этим шестнадцати животным мы обязаны нашим спасением, — если бы невиданное зрелище не поразило врагов, что мы с вами могли бы против них сделать?» И потом на победном памятнике он велел вырезать только изображение слона и ничего более.

ПОЛИЭН ОБ ОСАДЕ МЕГАРЫ АНТИГОНОМ ГОНАТОМ⁹⁹¹

Антигон, осаждая Мегары, привел слонов⁹⁹². Мегарцы, поймав домашних свиней и обмазав их жидкой смолой, подожгли и отпустили. Они же, пронзительно визжа, поскольку были палимы огнем, стремительно пустились на слонов. Последние, раздраженные и придя в замешательство, один за другим обратились в бегство. Антигон впредь велел индийцам кормить свиней вместе со слонами, чтобы животные приучались переносить их вид и крик [IV, 6, 3].

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

- АМА — Античный мир и археология, Саратов.
ВВ — Византийский временник, Москва.
ВДИ — Вестник древней истории, Москва.
ВИ — Вопросы истории, Москва.
BSH — Bulletin de correspondance Hellénique.
AJP — American Journal of Philology.
JHS — Journal of Hellenic Studies.
FGrH — Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker. Teil. I—III. Berlin, 1923–1958.
REA — Revue des études anciennes. Bordeaux; Paris.
TAPA — Transactions of the American Philological Association.

АНТИЧНЫЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

- A. — Артхашастра.
Agath. — Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана.
Ambros., Hexamer. — Амвросий. Шестоднев.
Amm. — Аммиан Марцеллин. Римская История.
App. — Аппиан:
 Iber. — Иберийские войны.
 Lib. — События в Ливии.
Arist., Hist. an. — Аристотель. История животных.
Arr. — Арриан:
 Anab. — Анабасис.

- Ind. — Индия.
Tact. — Тактическое искусство.
Asclep., Tact. — Асклепиодот. Тактическое искусство.
Aurel. Victor, Caes. — Аврелий Виктор. О цезарях.
[Caes.], Bell. Afr. — Африканская война (автор неизвестен).
Cic., Phil. — Цицерон. Филиппики.
Dio Cass. — Дион Кассий. Римская история.
Euagr. — Евагрий Схоластик. Церковная история.
Eutrop. — Евтропий. Бrevиарий римской истории.
Exp. — Expositio totius mundi et gentium (Полное описание Вселенной и народов; автор неизвестен).
Flor. — Флор. Две книги римских войн.
Frontin. — Фронтин. Стратегемы.
Herod. — Геродот. История.
Herodian. — Геродиан. История римских императоров.
Hieron. — Святой Иероним. Хроника.
Itiner. Alex. — Итинерарий Александра (автор неизвестен).
Joseph., Bell. Iudaic. — Иосиф Флавий. Иудейская Война.
Jul. Afr., Cesti — Юлий Африкан. Узоры.
Juvenal. — Ювенал. Сатиры.
Liv. — Тит Ливий. История Рима от основания города.
Luc., Zeux. — Лукиан. Зевксис, или Антиох.
Lucan., Pharsal. — Лукан. Фарсалия.
Lucret. — Лукреций. О природе вещей.
M. — Махабхарата.
Martial., De spectac — Марциал. Книга зрелищ.
Mauric., Strat. — Маврикий. Стратегикон.
Menandr. — Менандр. История.
Nep., Hannib., — Корнелий Непот. О знаменитых иноземных полководцах Ганнибал.
Oros. — Орозий. История против язычников.
Pan. Lat. — Латинские панегирики.
Perpl. — Перипл Эритрейского моря (автор неизвестен).
Plin., NH. — Плиний Старший. Естественная история.
Plut. — Плутарх:
Alex. — Жизнеописание Александра.
Eumen. — Жизнеописание Эвмена.
Flamin. — Жизнеописание Тита.
Pyrrh. — Жизнеописание Пирра.
Demet. — Жизнеописание Деметрия.

- Polyaen. — Полиэн. Стратегемы.
Polyb. — Полибий. Всеобщая история.
Procop. — Прокопий Кесарийский.
 Aed. — О постройках.
 BG — Война с готами.
 BP — Война с персами.
Sallust., Bell. Jugurt. — Саллюстий. Югуртинская война.
Seb. — Епископ Себеос. История Императора Иракла.
SHA — Scriptores Historiae Augustae (Писатели истории Августов):
 Alex. — Александр Север.
 Comm. — Коммод.
 Gord. — Трое Гордианов.
 Heliogabal. — Антонин Гелиогабал.
 Val. — Двое Валерианов.
Seneca, Ep. — Сенека. Нравственные письма к Луцилию.
Socr. — Сократ Схоластик. Церковная история.
Soz. — Созомен. Церковная история.
Strab. — Страбон. География.
Suet. — Светоний:
 Caes. — Жизнеописание Юлия Цезаря.
 Nero. — Жизнеописание Нерона.
 Galba — Жизнеописание Гальбы.
Theophyl. Sim. — Феофилакт Симокатта. История.
Val. Max. — Валерий Максим. Достопримечательные деяния
 и высказывания.
Varro, De Ling. lat. — Варрон. О латинском языке.
Veg. — Вегетий. Краткое изложение военного дела.
Xiphilin. — Ксифилин. Эпитома.
Zon — Зонара. История.
Zos. — Зосим. Новая история.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Armandi P. D.* Histoire militaire des éléphants, depuis les temps les plus reculés jusqu'à l'introduction des armes à feu. Paris, 1843. См.: *Vicchi L.* Il generale Armandi: biografia, documenti, lettere. Imola, 1893.

² *Арманди П. Д.* Военная история слонов с древнейших времен до изобретения огнестрельного оружия / Пер. А. В. Банникова. СПб., 2011.

³ *Scullard H. H.* The Elephant in the Greek and Roman World. London, 1974.

⁴ *Kistler J. M.* War elephants. Westport; London, 2006; *Nossov K.* War Elephants. (New Vanguard, 150). Oxford, 2008; *Абакумов А. А.* Элефантерия в эллинистических армиях (последняя четверть IV—III вв. до н. э.): дис. ... учен. степ. канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2011.

⁵ *Попов А. А., Банников А. В.* Ненаписанные страницы в «Военной истории слонов» // *Арманди П. Д.* Военная история слонов с древнейших времен до изобретения огнестрельного оружия / Пер. А. В. Банникова. СПб., 2011. С. 14–20.

⁶ Об этом наглядно свидетельствует исследование Г. Купера «О слонах, изображенных на монетах», вышедшее в 1719 г. (*Cuperus G.* De elephantis in nummis obviis. Hage Comitum, 1719).

⁷ *Armandi P. D.* Histoire militaire des éléphants, depuis les temps les plus reculés jusqu'à l'introduction des armes à feu. Paris, 1843.

⁸ Жорж-Луи Леклер, граф де Бюфон (1707–1788), французский естествоиспытатель и писатель, член Французской Академии с 1753 г. Главным трудом его жизни стала «Естественная история», первый том которой появился в 1749 г., а остальные продолжали издаваться вплоть до конца его жизни.

⁹ *Cuvier G.* Recherches sur les ossements fossiles de quadrupèdes. Discours préliminaire. En 7 t. T. I. Sect. 1. Paris, 1812; *Schlegel A. W. von.* Geschichte des Elefantes. Bonn, 1823.

¹⁰ Сравнение слонов с пушками или с танками многим современным ученым кажется искусственным и односторонним. Но не нужно забывать, что из всех исследователей, писавших о боевых слонах, лишь П. Д. Арманди был не только

профессиональным военным, но и участником военных действий. Поэтому для него подобная аналогия отнюдь не «голая теория».

¹¹ Вероятно, книга П. Д. Арманди вызвала интерес к боевым слонам, свидетельством чего стали исследования на эту тему, увидевшие свет спустя всего несколько лет после выхода его труда. См., напр.: *Rennie J.* The Elephant as he exists in a wild state, and as he has been subservient, in peace and war, to the purpose of man. New York, 1848; *Scharff.* De natura et usu elephantorum Africanorum apud veteres. Weimar, 1855.

¹² *Gaidoz H.* Les éléphants à la guerre, de leur emploi dans les armées modernes // *Revue des deux mondes.* Ann. 44. 3ème Période. T. 4. 1874. P. 482–513.

¹³ *Bolau H.* Der Elefant in Krieg und Frieden und seine Verwendung in unseren afrikanischen Kolonien. Hamburg, 1887.

¹⁴ Идея одомашнивания африканских слонов получила такое широкое распространение, что по приказу бельгийского короля Леопольда II в Африку была отправлена специальная экспедиция, целью которой стали отлов и приручение огромных зверей. Подробнее об этом мы остановимся ниже.

¹⁵ *Егоров А. Б.* Ганс Дельбрюк и его «История военного искусства» // *Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории. В 4 т. Т. I. Античный мир / Пер. Л. Гринкруга, В. Авдиева. СПб., 1994. С. 5.

¹⁶ *Delbrück H.* Geschichte der Kriegskunst in Rahmen der Politischen Geschichte. Erster Teil. Das Altertum. Berlin, 1900.

¹⁷ *Bikerman E.* Institutions des Séleucides. Paris, 1938.

¹⁸ *Бикерман Э.* Государство Селевкидов. М., 1985. С. 58–60.

¹⁹ Значительная часть публикаций, появившихся в XX столетии в зарубежной периодической печати, — это работы повествовательного характера. Здесь можно вспомнить о статье А. Роджерса «Использование слонов в Древнем мире», которая представляет собой общий очерк военной истории слонов от Пора до римлян (*Rogers A. C.* The Use of Elephants in the Ancient World // *Slingshot.* № 10, March 1967. P. 6–7). Той же самой схеме следует Й. Зайберт, в статье которого приводятся общие сведения о боевых слонах от Александра до Цезаря (*Seibert J.* Der Einsatz von Kriegselefanten: Ein militärgeschichtliches Problem der antiken Welt // *Gymnasium.* Bd 26. 1973. S. 348–362). Е. А. Вранопулос ограничивается тем, что дает описание самых значительных битв эллинистической эпохи, в которых приняли участие слоны (сражения в Паретакене и Габие, сражения при Газе, Геракле, Аускуле, Беневенте, Рафии, Фермопилах и Магнесии), не делая при этом никакого исторического анализа (*Vranopoulos E. A.* ΠΟΛΕΜΙΚΟΙ ΕΛΕΦΑΝΤΕΣ ΕΙΣ ΕΛΛΗΝΙΚΟΥΣ ΣΤΡΑΤΟΣ: War Elephants of the Hellenistic Periods // *Πλατων.* Т. 27. 1975. Σελ. 130–146).

²⁰ *Gowers W. I.* The African Elephant in Warfare // *African Affairs.* 46. 1947. № 182. 42–49; African Elephants and Ancient Authors // *African Affairs.* 47. № 188. 1948. 173–180.

²¹ *Goukowsky P.* Le roi Pôros, son éléphant et quelques autres (En marge de Diodore, XVII, 88, 6) // *BCH.* 1972. 96. 1. P. 473–502.

²² См., напр., Коннолли П. Греция и Рим: Энциклопедия военной истории / Пер. С. Лопуховой, А. Хромовой. М., 2000. С. 75.

²³ Berthelot A. Questions hannibaliques: les éléphants d'Hannibal au Mont-Cenis // REA. Vol. 38. 1936. P. 35–38; Gowers N., Scullard H. H. Hannibal's Elephants Again // Numismatic Chronicle. 6 Ser. 10. 1950. P. 271–283; Moss E. Hannibal's last elephant. Harrow, Eng.: Eureditions, 1979. VI & 150 p. 9 pl. 1 map; Wilford J. N. The mystery of Hannibal's Elephants // New York Times. 1984. 18. okt. P. 2; Vanoyeke V. Les éléphants d'Hannibal contre les legions romaines // Historia. T. 578. 1995. Februaire.

²⁴ Следует отметить, что маршрут армии Ганнибала всегда вызывал особый интерес среди историков. Труды обобщающего характера, специально посвященные этому вопросу, увидели свет уже в XVII столетии. Одним из первых среди них стало исследование Дж. Уайтакера: Whitaker J. The Course of Hannibal over Alps Ascertained. London, 1794. Vol. I—II. В XX в. этот сюжет был освещен в следующих публикациях: Pilkington C. Elephant over the Alps. London, 1961; Beer G. de. Alps and Elephants. Annibal's March. London, 1955; Visscher F. de. Encore les éléphants d' Annibal // L'Antiquité classique. 1962. T. 31. P. 234—235.; Zeuner W. Elephant over the Alps // Illustrated London News. 1981. CCLXIX, № 11. P. 59–61.

²⁵ Nickels A.L. The Ghostly Elephants of Arbela // Slingshot. № 37, Sept. 1971. P. 6–7; № 39, Jan. 1972. P. 12–14. 1972. № 40. March. P. 4; Brian P. Note d'histoire militaire achéménide: À propos des éléphants de Darius III // Esclavage, guerre, économie en Grèce ancienne: Hommages Yvon Garlan / Textes réunis par P. Brulé, J. Ouhlen. Rennes. (Collection "Histoire"). 1997. P. 177–190; Charles M. B. Alexander, Elephants and Gaugamela // Mouseion: Journal of the Classical Association of Canada. 2008. Vol. 8. № 1. P. 9–23.

²⁶ Richardson Th., Stevens D. The Elephant Armour // Royal Armouries Yearbook. 1996. Vol. 1; Richardson Th. The Elephant Tusk Sword // Royal Armouries Yearbook. 1999. Vol. 4.

²⁷ Rance Ph. Hannibal, Elephants and Turrets in Suda 438 [Polybius Fr. 162B] — An Unidentified Fragment of Diodorus // Classical Quarterly. 59.1 (2009). P. 91–111.

²⁸ Glover R.F. The Tactical Handlung of the Elephant // GR. 1948. Vol. 17. № 49. P. 1–11; Meuring D. E. L. B. Elephant Tactics: Amm. Marc. 25.1.14; Sil. 9. 581–3; Lucr. 2. 537–9 // CQ. N. S. Vol. 1 (45). 1951. № 3–4. P. 153–155.

²⁹ Bar-Kochva B. The Seleucid Army. Organization and Tactics in the Great Campaigns. Cambridge, 1976.

³⁰ Ibid. P. 75–83.

³¹ Rance Ph. Elephants in Warfare in Late Antiquity // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. T. XLIII. Fasc. 3–4. 2003. P. 355–384.

³² Рейнс Ф. Боевые слоны в военном деле поздней античности / Пер. А. А. Черепановой; под ред. А. К. Нефёдкина // Para bellum. Военно-исторический журнал. 2008. № 30. С. 49.

³³ Там же. С. 48.

³⁴ Там же. С. 49.

³⁵ Там же. С. 48.

³⁶ Charles M. B. The Rise of the Sassanian Elephant Corps: Elephants and the Later Roman Empire // *Iranica Antiqua*. 2007. Vol. XLII. P. 301–346.

³⁷ Одной из самых последних публикаций на тему боевых слонов стала, насколько нам известно, статья С. Фарга «Боевые слоны» (*Fargues C. Les Éléphants de guerre* // *Histoire antique et médiévale*, № 51. 2010. Sept. P. 66–73).

³⁸ Krebs W. Elefanten in den Heeren der Antike // *Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock*. Jg. 13. 1964. Gesellschaft- und Sprachwissenschaftliche Reihe. Hft. 2/3.

³⁹ Scullard H. H. The Elephant in the Greek and Roman World. London, 1974.

⁴⁰ Ibid. P. 64–76.

⁴¹ Ibid. P. 105, 241. — Монография Г. Х. Скалларда оказала сильнейшее влияние на всех ученых, затрагивавших тему боевых слонов. Многие из них лишь пересказывали интересные их главы его книги. Примером может служить цикл статей Р. Кинга под общим названием «Слоны в средиземноморских войнах», первая из которых посвящена боевым слонам в эпоху Александра и диадохов (*King R. The Elephants in the Mediterranean Wars* // *Slingshot*. 1980. № 89, May. P. 39–42); вторая — слонам в армии Пирра, Селевкидов и Птолемея (*King R. The Elephants in the Mediterranean Wars* // *Slingshot*. 1980. № 90. July. P. 24–27); третья — слонам у карфагенян (*King R. The Elephants in the Mediterranean Wars* // *Slingshot*. 1980. № 91, Sept. P. 27–29); наконец, последняя — использованию боевых слонов римлянами и поздними Селевкидами (*King R. The Elephants in the Mediterranean Wars* // *Slingshot*. 1980. № 92, Nov. P. 39–41).

⁴² По поводу этой книги см.: Нефёдкин А. К. Новая книга о боевых слонах (рец.: *Kistler J. M. War Elephants*. Westport; London: Praeger, 2006. 333 p.) // *Parabellum*. Военно-исторический журнал. 2009. № 31. С. 105.

⁴³ «...Автору явно недостает исторического образования, навыков критического анализа источников, определения качества информации последних. Хотя книга снабжена внушительной библиографией (с. 292–314), но последняя использована лишь декларативно: основной рассказ ведется по «вторичной» или даже «третичной» литературе, обычно научно-популярной или просто популярной, а также по не проверенным сведениям из интернета» (Нефёдкин А. К. Новая книга... С. 107).

⁴⁴ «Если говорить о книге в целом, то, несмотря на высказанные замечания, ее можно рекомендовать для общего ознакомления с сюжетом читателям плохо или вообще не знакомым с темой. Она даст некоторые базовые представления, которые затем можно будет расширить по списку литературы, приведенным в конце книги. И, естественно, стоит проверять, приведенную в книге информацию по другим источникам» (Там же. С. 108).

⁴⁵ Nossov K. War Elephants. Oxford; New York, 2008.

⁴⁶ Болдырев А. В., Боровский Я. М. Техника военного дела // *Эллинистическая техника*. Сб. статей / Под ред. И. И. Толстого. М.; Л., 1948. С. 269–319.

- ⁴⁷ Там же. С. 274–278.
- ⁴⁸ Там же. С. 275.
- ⁴⁹ «Подводя итоги, можно констатировать, что применение слонов, раз проникнув в эллинистические армии, стало одним из существенных факторов ведения войны и сохраняло это значение вплоть до римской эпохи, когда римская манипулярная тактика, основанная на объединении преимуществ гражданского ополчения и профессиональной армии эллинизма, сделала применение этого рода оружия, рассчитанного прежде всего на психологическое действие, малозффективным. Содержание слоновых отрядов, стоившее огромных денег и сопряженное с очень большими трудностями организационного порядка, перестало себя оправдывать... Очень быстро обнаружилось, что для хорошо обученных солдат боевые слоны совершенно не страшны, и, таким образом, это новое средство борьбы теряет значение благодаря укреплению профессиональных навыков, достигшему более высокой ступени именно под влиянием этого средства борьбы» (Там же. С. 278).
- ⁵⁰ Горелик М. В. Шагающие крепости // Вокруг света. 1976. № 1. С. 42–44.
- ⁵¹ Шофман А. С. Античные танки // Вопросы истории. 1977. № 6. С. 213–216.
- ⁵² Ольгин Л., Виноградов В. За Ганнибалом на слонах // Вокруг света. 11. 1980. С. 34–35.
- ⁵³ Берзина С. Я. Древняя Индия и Африка // Древняя Индия и Африка. Историко-культурные связи. М., 1982. С. 17–41.
- ⁵⁴ Казаров С. С. Слоны Пирра (к вопросу о развитии военного искусства в эллинистический период) // Para bellum. Военно-исторический журнал. 2002. № 14. С. 37–46.
- ⁵⁵ Там же. С. 39–40.
- ⁵⁶ Там же. С. 42.
- ⁵⁷ Скворцов в. Н. Старейшие полки зарубежья. М., 2002.
- ⁵⁸ Там же. С. 15–16.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ «Погонщики, сидевшие впереди, прикрывались щитами» (Там же. С. 15).
- ⁶¹ Банников А. В. О причинах прекращения использования боевых слонов в армиях античного Средиземноморья // Para bellum. Военно-исторический журнал. 2006. № 26. С. 53–66.
- ⁶² Там же. С. 61–64.
- ⁶³ Дмитриев в. Д. «Всадники в сверкающей броне». Военное дело сасанидского Ирана и история римско-персидских войн. СПб., 2008.
- ⁶⁴ Нефёдкин А. К. Башни на вооружении древних боевых слонов // ВДИ. 2010. № 2. С. 99–114.
- ⁶⁵ Там же. С. 113–114.
- ⁶⁶ Попов А. А., Банников А. В. Ненаписанная страница в военной истории слонов (Греко-Бактрия и индо-греческие царства) // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 2. 2010. Вып. 3. С. 28–35.

- ⁶⁷ Там же. С. 34.
- ⁶⁸ Попов А. А., Банников А. В. Боевые слоны в армиях античного мира // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. проф. Э. Д. Фролова. Вып. 9. СПб., 2010. С. 119–132.
- ⁶⁹ Банников А. В., Попов А. А. Боевые слоны в эпоху Александра Великого // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2. 2011. Вып. 1. С. 32–38.
- ⁷⁰ Банников А. В., Попов А. А. Боевые слоны в армии Пирра // Вестн. С.-Петерб. ун-та культуры и искусств. 2011. № 2 (7). С. 175–180.
- ⁷¹ Абакумов А. А. «Элефантерия в эллинистических армиях (последняя четверть IV—III вв. до н. э.): дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2011.
- ⁷² Абакумов А. А. Элефантерия в эллинистических армиях (последняя четверть IV—III вв. до н. э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2011. С. 25.
- ⁷³ «Возможно, и Пирр, и Антиох I оснастили своих слонов башнями, поскольку не располагали достаточным количеством животных и хотели сделать их применение в бою более эффективным... Экипаж, по-видимому, состоял из двух-трех солдат и погонщика (корнака)...» (Там же. С. 23).
- ⁷⁴ Там же. С. 22.
- ⁷⁵ Тыжов А. Я. Полибий и его всеобщая история // Полибий. Всеобщая история. В 3 т. Т. I / Пер. Ф. Г. Мищенко. СПб., 1994. С. 18.
- ⁷⁶ Le Bohec Y. L'armée Romaine sous le Bas-Empire. Paris, 2006. P. 55. Относительно проблем, связанных с датировкой этого произведения, см.: Доватур А. И. История изучения Scriptores Historiae Augustae // ВДИ. 1957. № 1. С. 245–256.
- ⁷⁷ Лукомской Л. Ю. Аммиан Марцеллин и его время. Вступ. Статья // Аммиан Марцеллин. Римская история. СПб., 1994. С. 19.
- ⁷⁸ Там же. С. 20. — Впрочем, некоторые исследователи полагают, что в дошедшей до нас части труда Аммиан основывался в основном на личных впечатлениях (Crump G. A. Ammianus Marcellinus as a military historian // Historia. 1975. Bd 27. P. 102–103).
- ⁷⁹ Scullard H. H. Hannibal's Elephants // Numismatic Chronicle. Ser. 6. 1948. Vol. 8. P. 158–168.
- ⁸⁰ Gowers N., Scullard H. H. Hannibal's Elephants Again // Numismatic Chronicle. 6 Ser. 10. 1950. P. 271–283.
- ⁸¹ Shoshani J., Eisenberg J. F. Intelligence et survie // Les éléphants / sous la direction du dr. J. Shoshani. Paris, 1993. P. 135.
- ⁸² Африканские слоны получили название *loxodonta* благодаря форме зубов, жевательная поверхность которых состоит из пластин, имеющих форму ромба (по-греч. λοξός — косо́й, ὀδούς — зуб) (Shoshani J. Étude comparative des éléphants actuels // Les éléphants / sous la direction du dr. J. Shoshani. Paris, 1993. P. 39).
- ⁸³ Лу Ру III Л. Слоны. Мир животных. Минск, 1995. С. 7.
- ⁸⁴ Shoshani J. Étude comparative... P. 40.
- ⁸⁵ Лу Ру III Л. Слоны... С. 7.

- ⁸⁶ Shoshani J. Étude comparative... P. 49.
- ⁸⁷ Brentjes B. Der Elephant im Alten Orient // Klio. Bd 39. 1961. S. 14–20.
- ⁸⁸ Самый большой из известных африканских слонов имел рост 4,1 м (Лу Ру III Л. Слоны... С. 16).
- ⁸⁹ Shoshani J. Étude comparative... P. 42; 49; Лу Ру III Л. Слоны... С. 11–12; 16.
- ⁹⁰ Лу Ру III Л. Слоны... С. 16.
- ⁹¹ Там же. С. 19.
- ⁹² Там же. С. 16.
- ⁹³ Там же С. 12; 16.
- ⁹⁴ Там же С. 19, 20.
- ⁹⁵ Там же С. 16.
- ⁹⁶ Кожа слона не имеет потовых желез, поэтому животному приходится проявлять о ней постоянную заботу. Грязевые ванны помогают слону не только защищаться от укуса насекомых, но и избежать солнечных ожогов. В Древней Индии слонам полагалось кунжутное масло для ежедневного обливания тела и натирания головы [А., II, 47, 31].
- ⁹⁷ Shoshani J. Étude comparative... P. 47. — У самцов подобные зоны встречаются чаще и имеют большие размеры, чем у самок. (Ibid.) Среди индийских слонов иногда появляются альбиносы, чего ни разу не было замечено у африканских слонов. В Индии белые слоны считались священными животными, которых нельзя было использовать для работы. Содержание такого слона требовало значительных затрат и ежедневного ухода. Поэтому индийские магараджи имели обыкновение дарить слона-альбиноса придворному, впадшему в немилость. Еще и в наше время в Индии что-либо дорогостоящее и не приносящее никакой пользы принято называть «белым слоном» (Лу Ру III Л. Слоны... С. 16).
- ⁹⁸ Лу Ру III Л. Слоны... С. 16.
- ⁹⁹ Там же.
- ¹⁰⁰ «Даже в наши дни ружья недостаточно эффективны в борьбе со слоном: в нескольких случаях необходимо было произвести целую серию выстрелов, и затем из тела поверженного животного извлекали до восьмидесяти пуль. Не так давно для охоты на двух слонов, которые производили большие опустошения в Бомбейском округе, потребовалось послать войска вместе с пушкой; и животных смогли убить только после того, как было сделано множество залпов крупной картечью» (Арманди П. Д. Военная история... С. 35).
- ¹⁰¹ «Nam dorsum ejus caeteraque exteriora non ulla facile tela solent penetrare».
- ¹⁰² Так африканский слон, осыпанный множеством копий
 Каждое древко крушит, в спине застрявшее жесткой,
 Двигая кожей, с себя отряхает торчащие стрелы.
 Внутренность чрева цела, и крови не пролили копья,
 В тело вонзившись слегка. Такое множество лезвий,
 Дротиков столько и ран добить одного неспособно!
- [Lucan., Pharsal., VI, vs. 209 sqq.; Пер. Л. Е. Остроумова]

¹⁰³ *Gaidoz H. Les éléphants...* P. 508; *Shoshani J. Anatomie et physiologie // Les éléphants / sous la direction du dr. J. Shoshani. Paris, 1993. P. 72.*

¹⁰⁴ *Gaidoz H. Les éléphants...* P. 491.

¹⁰⁵ Данные, собранные за последние десятилетия, показывают, что средний вес бивней африканских слонов уменьшается с пугающей быстротой: от 0,5 до 1 кг в год. Если в 1970 г. он был 12 кг, то в 1990 г. всего 3 кг (*Shoshani J. Anatomie...* P. 73).

¹⁰⁶ *Ibid.* P. 73.

¹⁰⁷ *Ли Ру III Л. Слоны...* С. 34.

¹⁰⁸ *Арманди П. Д. Военная история...* С. 33.

¹⁰⁹ *Gaidoz H. Les éléphants...* P. 500; *Shoshani J. Étude comparative...* P. 39; *Ли Ру III Л. Слоны...* С. 28. — Кроме внешних различий между видами слонов существуют и внутренние: у африканского слона 21 пара ребер, в то время как у азиатского только 20; у африканского слона 26 хвостовых позвонков, а у африканского — 33. Имеются существенные различия и в строении коренных зубов: у африканского слона в каждом зубе меньше поперечных пластин дентина.

¹¹⁰ Теоретически, поскольку азиатские и африканские слоны относятся к различным видам, они не могут давать совместное потомство. Однако в 1978 г. в честерском зоопарке (Англия) самка азиатского слона по имени Шеба родила от африканского самца Джумболино слоненка Мотти, который умер спустя 10 дней после появления на свет. Это единственный известный в мире случай. Мотти унаследовал характерные признаки своих родителей: он имел большие уши и хобот с большим количеством складок, как у африканских слонов, но на кончике хобота был один «палец», что является отличительным признаком азиатских слонов; его тело в общем походило на тело африканского слона, но имело центральный горб как у азиатских слонов и горб сзади, как у африканских; ноги были длинными и тонкими, как ноги африканских слонов, однако на передних ступнях было по 5 пальцев, а на задних — по 4, как у азиатских слонов. Шкура Мотти хранится в настоящее время в Британском музее естественной истории в Лондоне (*Shoshani S. L. Les éléphants célèbres // Les éléphants / sous la direction du dr. J. Shoshani Paris, 1993. P. 170.*

¹¹¹ *Gaidoz, Henry. Les éléphants...* P. 481–482.

¹¹² «Лучший вид слона нижеследующий: 7 локтей высоты, 9 локтей в длину и 10 в объеме. Таков должен быть слон при 40-летнем возрасте. Среднего качества слон есть 30-летний, а низшего качества 25-летний» [А., II, 47, 31; пер. В. И. Кальянова]. В отличие от других млекопитающих, слоны продолжают расти в течение всей своей жизни. Рост самок значительно замедляется после 25 лет, в то время как самцы растут с прежней быстротой (*Moss C. Les éléphants: évolution des deux sexes // Les éléphants / sous la direction du dr. J. Shoshani. Paris, 1993. P. 113. P. 106.*

¹¹³ *Gaidoz, Henry. Les éléphants...* P. 491. — Когда европейцы закрепились в Индии, они решили использовать слонов точно так же, как лошадей и других домашних животных. Поэтому они прибегали к другой системе отлова,

позволявшей им получить в свое распоряжение как можно большее количество четвероногих гигантов. На Цейлоне португальцы, а затем пришедшие им на смену голландцы организовывали облавы на слонов. Эту традицию продолжили англичане. В XIX в. ежегодные облавы проходили на Цейлоне и на севере Индии. В результате таких мероприятий в руки охотников попадали целые стада огромных зверей, иногда до сотни за раз. Для проведения облав использовали одомашненных слонов, которые оттесняли своих диких собратьев к деревьям и в то время, как охотники привязывали их, ударами хоботов мешали диким слонам распутать веревки и защищали своих корнаков от их нападений (Ibid. P. 492).

¹¹⁴ В начале этого периода среди недавно пойманных слонов наблюдается высокий уровень смертности. Слоны неожиданно ложатся на землю и умирают, хотя у них нет никаких признаков болезни. Местные жители, объясняя подобный род кончины, говорят, что у животного «разбито сердце» (Ibid. P. 492–493).

¹¹⁵ Нужно отметить, что, как ни странно, эта теория до конца не развеяна и по сей день. Поэтому некоторые исследователи, занимающиеся вопросом о боевых слонах у карфагян и Птолемеев, вынуждены ломать голову над вопросом о природе происхождения слонов в пунийской и египетской армиях (Stewart J. The Elephant in War // The Quarterly Journal of Military History. Vol. 3. № 3. 1991 P. 65).

¹¹⁶ Слоновая кость действительно очень высоко ценилась. В XIX в. главным экспортером этого ценного товара был Занзибар. В среднем отсюда вывозилось 20 000 бивней в год. В 1858 г. в Занзибаре лот из 47 бивней был продан за 1500 фунтов стерлингов (=37 500 французских франков) (Gaidoz Henry. Les éléphants... P. 491).

¹¹⁷ Гржимек Б. Там, где учатся слоны / Пер. Е. Геевской // Вокруг света. 1977. № 9. С. 65.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Smith K. H. Le centre de dressage des éléphants d'Afrique // Les éléphants / sous la direction du dr. J. Shoshani. Paris, 1993. P. 152–153; Гржимек Б. Там, где учатся слоны. С. 66.

¹²¹ Гржимек Б. Там, где учатся слоны. С. 66. — В 1925 г. лейтенант Офферман, работавший ассистентом у Лапльума, основал филиал Центра, находившийся в «Гангала-на-Бодио», в верховьях реки Уэле, который продолжил деятельность Центра (Там же.). К 1959 г. в Центре было обучено около сотни слонов. Однако после того, как страна перестала быть бельгийской колонией, деятельность Центра пришла в упадок. В начале 90-х годов здесь оставалось 4 взрослых слона, три из которых были отловлены и один родился в самом Центре (Tuttle C. D. Les éléphants en captivité // Les éléphants / sous la direction du dr. J. Shoshani. Paris, 1993. P. 186).

¹²² Гржимек Б. Там, где учатся слоны. С. 66.

¹²³ Там же. С. 67.

¹²⁴ *Steele B. Le dressage des éléphants d'Afrique // Les éléphants / sous la direction du dr. J. Shoshani. Paris, 1993. P. 155.*

¹²⁵ Первые месяцы слонята должны научиться относиться спокойно к присутствию человека. Поэтому они содержатся на особом положении: «Рано утром, в шесть часов, слоненок вместе со своим монитором, к которому он привязан длинной веревкой, отправляется на пастбище; в одиннадцать все идут купаться к реке Дунгу... После купания слонятам приносят в ведрах молоко с отваренным рисом и кукурузой. Совсем маленьких слонят удалось выращивать без матерей лишь с тех пор, как появилось порошковое молоко. Съев свой молочный завтрак, слонята обычно спят до четырех часов в загоне, а затем снова идут купаться. Вечером они получают еще молока и кучу свежих веток на ночь» (*Гржимек Б. Там, где учатся слоны. С. 67*).

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ *Smith K. H. Le centre de dressage... P. 153.*

¹²⁸ *Гржимек Б. Там, где учатся слоны. С. 67.*

¹²⁹ *Smith K. H. Le centre de dressage... P. 153.*

¹³⁰ *Гржимек Б. Там, где учатся слоны. С. 67.*

¹³¹ *Smith K. H. Le centre de dressage... P. 153.*

¹³² Ibid.

¹³³ *Гржимек Б. Там, где учатся слоны. С. 68.*

¹³⁴ *Steele B. Le dressage des éléphants... P. 156.*

¹³⁵ *Shoshani J. Étude comparative... P. 42.*

¹³⁶ Ibid.

¹³⁷ Ibid. P. 43.

¹³⁸ Ibid.

¹³⁹ Самки лесного слона могут весить менее 2000 кг.

¹⁴⁰ *Shoshani J. Étude comparative... P. 44.*

¹⁴¹ *Лу Рю III Л. Слоны... С. 19.*

¹⁴² *Shoshani J. Étude comparative... P. 39.*

¹⁴³ Ibid. P. 45.

¹⁴⁴ *Gowers W. African Elephants... P. 177.*

¹⁴⁵ *Shoshani J. Étude comparative... P. 40.*

¹⁴⁶ Ibid.

¹⁴⁷ Ibid. P. 49.

¹⁴⁸ Плиний Старший утверждает, что об этом, в частности, сообщает Оне-сикрит («elephantos ibi maiores bellicosioresque quam in India gigni scripsit») [Plin., NH, VI, 24].

¹⁴⁹ *Goukowsky P. Le roi Pôros... P. 487–488.*

¹⁵⁰ «Хотя цейлонские слоны имеют бивни меньших размеров, чем у других слонов Азии и особенно Африки, естествоиспытатели согласны в том, что вид, который обитает на этом острове, превосходит все остальные размером, силой и послушанием» (*Арманди П. Д. Военная история... С. 42*).

¹⁵¹ *Shoshani J. Étude comparative... P. 43.*

- ¹⁵² Easa P. S. Le musth des éléphants d'Asie // Les éléphants / sous la direction du dr. J. Shoshani Paris, 1993. P. 85; *Лу Ры III Л. Слоны...* С. 20.
- ¹⁵³ *Лу Ры III Л. Слоны...* 1995. С. 20.
- ¹⁵⁴ Состав выделяемого железами секрета сугубо индивидуален, как и отпечатки пальцев у человека. Это вещество служит для коммуникации слонов друг с другом (Там же).
- ¹⁵⁵ *Musth* — слово персидского происхождения, означающее в переводе «состояние отравления», которое служит для обозначения ненормального поведения как человека, так и слона (*Lahiri-Choudhury D. K. Le musth de l'éléphant dans les légendes indiennes // Les éléphants / sous la direction du dr. J. Shoshani Paris, 1993. P. 82*).
- ¹⁵⁶ Ibid. 84.
- ¹⁵⁷ Easa P. S. Le musth... P. 85.
- ¹⁵⁸ Когда слон становится чрезмерно агрессивным, индийские корнаки дают ему специальное питье, способствующее его успокоению (*Gaidoz H. Les éléphants...* P. 497).
- ¹⁵⁹ Easa P. S. Le musth... P. 86.
- ¹⁶⁰ *Лу Ры III Л. Слоны...* С. 49.
- ¹⁶¹ *Lahiri-Choudhury D. K. Le musth...* P. 83.
- ¹⁶² Ср. М., VII, 24, 7–17; 18–25; 28, 17–23.
- ¹⁶³ Рама среди прочих подарков дает Партхе 1000 лучших слонов, «одержимых течкой, которая истекала тремя (отверстиями)» [М., I, 213, 40, 51; пер. В. И. Кальянова].
- ¹⁶⁴ Грекам стало известно об этом достаточно рано. Уже Аристотель писал, что вино входит в обязательный рацион питания животных, которым требуется пять марисов, или шесть коттилий, вина в день, что составляет около 1,64 л. [Arist., Hist. an., VI, 9].
- ¹⁶⁵ *Lahiri-Choudhury D. K. Le musth...* P. 82.
- ¹⁶⁶ Mancini E. Gli elefanti di Pirro. P. 530.
- ¹⁶⁷ Stewart J. The Elephant in War... P. 60.
- ¹⁶⁸ Mancini E. Gli elefanti di Pirro. P. 530.
- ¹⁶⁹ Pottier E., Reinach S. Éléphant foulant aux pieds un Galate // BCH. 1885. An. 9. P. 486.
- ¹⁷⁰ Абу-л Фазл Аллами; визирь императора Акбара и автор его биографии («Акбар-наме»). Известен также тем, что перевел Библию на фарси.
- ¹⁷¹ *Lahiri-Choudhury D. K. Le musth...* P. 83.
- ¹⁷² Ibid. P. 84.
- ¹⁷³ Рейнс Ф. Боевые слоны в военном деле поздней античности // Para bellum. Военно-исторический журнал. 2008. № 29. С. 24.
- ¹⁷⁴ Арманди П. Д. Военная история... С. 33.
- ¹⁷⁵ Согласно одному свидетельству, в воде одновременно находилось 79 животных (*Caloi L., Palombo M. R. Les éléphants nains du passé // Les éléphants / sous la direction du dr. J. Shoshani. Paris, 1993. P. 60*).

Примечания

- ¹⁷⁶ Ibid.
- ¹⁷⁷ Гео. № 05(170). 2012. С. 24.
- ¹⁷⁸ Лу Ру III Л. Слоны... С. 45.
- ¹⁷⁹ Gaidoz H. Les éléphants... P. 510.
- ¹⁸⁰ Болдырев А. В., Боровский Я. М. Техника военного дела // Эллинистическая техника. Сб. статей / Под ред. И. И. Толстого. М.; Л., 1948. С. 274–275.
- ¹⁸¹ Лу Ру III Л. Слоны... С. 45.
- ¹⁸² Там, где учатся слоны. С. 66.
- ¹⁸³ Kenneth C. Wylie. Les éléphants, machines de guerre // Les éléphants / sous la direction du Dr. Jeheskel Shoshani. Paris, 1993. P. 147.
- ¹⁸⁴ Лу Ру III Л. Слоны... С. 45.
- ¹⁸⁵ Рисунок подошвы ног слона столь же индивидуален, как и отпечатки пальцев у человека (Лу Ру III Л. Слоны... С. 44).
- ¹⁸⁶ Там же.
- ¹⁸⁷ «Malgré ses énormes pieds et la masse de son corps, c'est un véritable animal grimpeur» (Gaidoz H. Les éléphants... P. 490).
- ¹⁸⁸ Ibid. — Это удивительное качество четвероногих гигантов использовали римские дрессировщики, сумевшие обучить их подниматься и спускаться по канатам, натянутым от арены до вершины амфитеатра.
- ¹⁸⁹ Лу Ру III Л. Слоны... С. 45–46.
- ¹⁹⁰ Gaidoz H. Les éléphants... P. 490.
- ¹⁹¹ Ibid. P. 497. — Слоны перевозили артиллерийские орудия большого калибра, очень тяжелые для лошадей. В XIX столетии в британской армии в Индии было две батареи, располагавшие орудиями 18-го калибра, которые перевозили слоны. Орудие 40-го калибра, весившее более 4000 кг, перевозили два слона, запряженные один за другим. Для перевозки орудий использовали в основном самок, обладавших более спокойным характером, нежели самцы (Ibid). Не исключено, что создание этих батарей было мерой, направленной на подготовку к возможной войне в Азии с Россией, поскольку они были совершенно бесполезны в войнах против азиатских государств того времени (Ibid. P. 504).
- ¹⁹² Ibid. P. 496.
- ¹⁹³ Ibid. P. 499.
- ¹⁹⁴ Ibid. P. 501.
- ¹⁹⁵ Ibid. P. 503.
- ¹⁹⁶ Ibid. 504.
- ¹⁹⁷ То есть слонов, колесниц, конницы и пехоты.
- ¹⁹⁸ Shoshani J. Anatomie... P. 79.
- ¹⁹⁹ Лу Ру III Л. Слоны... С. 65.
- ²⁰⁰ Рейнс Ф. Боевые слоны... № 30. С. 49.
- ²⁰¹ Арманди П. Д. Военная история... С. 34.
- ²⁰² Gaidoz H. Les éléphants... P. 500.
- ²⁰³ Один английский фунт составляет 453 г, один галлон — 4 ½ л (Ibid.).

- ²⁰⁴ Ibid.
- ²⁰⁵ Ibid P. 503.
- ²⁰⁶ *Cascarino G.* L'esercito Romano. Armamento e organizzazione. Vol. II: Da Augusto ai Severi. Rimini, 2008. P. 201.
- ²⁰⁷ *Gaidoz H.* Les éléphants... P. 481
- ²⁰⁸ Geo. № 5 (170). 2012. С. 24.
- ²⁰⁹ *Moss C.* Les éléphants... P. 106.
- ²¹⁰ Лу Пы III Л. Слоны... С. 24.
- ²¹¹ Там же. С. 23, 24. — Старые слоны должны искать более мягкую растительность, растущую на болотах. Случается, что во время таких поисков животное срывается с берега и гибнет. Слоны, живущие в стаде, обычно умирают в той же самой местности. Оба эти явления породили миф о кладбищах слонов (*Eltringham S. K.* Longévitité et mortalité // *Les éléphants / sous la direction du dr. J. Shoshani.* Paris, 1993. P. 103; Лу Пы III Л. Слоны... С. 77.
- ²¹² *Eltringham S. K.* Longévitité... P. 101–103.
- ²¹³ *Harmand J.* La guerre antique, de Sumer à Rome. Vendôme, 1973. P. 74.
- ²¹⁴ Ibid.
- ²¹⁵ *Scullard H. H.* The Elephant in the Greek and Roman World. London, 1974. P. 28 sq.
- ²¹⁶ *Harmand J.* La guerre antique... 74.
- ²¹⁷ Обелиск был обнаружен в 1846 г. английским археологом Лэйярдом в Нимруде и хранится сегодня в Британском музее. Находка представляет собой четырехгранный столб из черного базальта, на котором высечены пять рядов изображений, показывающих, как правители вассальных народов приносят дань Салманасару (*Брей В., Трамп Д.* Археологический словарь. М., 1990. С. 215; *Линин Л., Белов А.* Глиняные книги. Л., 1956. С. 155).
- ²¹⁸ *Brian P.* Note d'histoire militaire achéménide: À propos des éléphants de Darius III // *Esclavage, guerre, économie en Grèce ancienne: Hommages Yvon Garlan / textes réunis par P. Brulé, J. Ouhlen.* Collection "Histoire". Rennes, 1997. P. 187, N. 34.
- ²¹⁹ Датируется 691 г.
- ²²⁰ Хрестоматия по истории Древнего Востока. В 2 частях. Ч. 1 / Под ред. М. А. Коростовцева, И. С. Кацнельсона, И. В. Кузищина. М., 1980. С. 214.
- ²²¹ *Dodge B.* Elephants in the Bible Lands // *The Biblical Archaeologist.* Vol. 18. № 1 (Feb., 1955). P. 18.
- ²²² *Brentjes B.* Der Elephant im Alten Orient // *Klio.* Bd. 39. 1961. S. 8–10; *Goukowsky P.* Le roi Pôros... P. 476, N. 16.
- ²²³ *Wylie K. C.* Les éléphants... P. 146.
- ²²⁴ Ibid.
- ²²⁵ *Горелик М.В.* Шагающие крепости. С. 44.
- ²²⁶ Там же.
- ²²⁷ Подобная традиция, в частности, получила широкое распространение в Китае, где более слабые правители отсылали слонов своим суверенам. Во время

войн, дипломатических и торговых контактов между Китаем и различными государствами Юго-Восточной Азии дань, выплачиваемая слонами, также играла очень важную роль (*Wylie K. C. Les éléphants...* P. 146).

²²⁸ См. также: *Кальянов В. И.* Некоторые военные вопросы в древнеиндийском эпосе // *Махабхарата. Книга четвертая. Виратапарва, или Книга о Вирате* / Пер. и коммент. В. И. Кальянова. М., 1993. С. 140.

²²⁹ Анга — одно из царств на территории позднейшей Бенгалии.

²³⁰ См.: *Махабхарата. Книга восьмая о Карне (Карнапарва)* / Пер. Я. В. Василькова и С. Л. Невелевой. М., 1990. С. 243–244, примеч. 83.

²³¹ *Арманди П. Д.* Военная история... С. 48–49. — Численность *акшаухини* в различных санскритских источниках определяется по-разному. «Удьяогарва (155, 24–26) дает следующую таблицу для *акшаухини*: 500 слонов, 500 колесниц, 1500 конницы и 2500 пехотинцев составляют войско, называемое «сена», 10 сена составляют притана, 10 притана — вахини, 10 вахини — дхаваджини, 10 дхаваджини — чаму и 10 чаму составляют *акшаухини*. В другой таблице (*Udyogaraṇva*, 155, 28–29) говорится, что 55 человек составляют патти, 3 патти — сенамукха, или гульма, а 3 гульма — гана и что в армии кауравов (состоявшей из 11 *акшаухини*) были аюты (каждая по 10 тысяч ган» (*Кальянов В. И.* Некоторые военные вопросы... С. 140).

²³² Существуют и другие данные, касающиеся численности «стражей стоп» (*Нефёдкин А. К.* Башни... С. 110–111).

²³³ *Кальянов В. И.* Некоторые военные вопросы... С. 144.

²³⁴ Там же. С. 145.

²³⁵ Ср.: А., VI, 96, 1: «... Уничтожение вражеской силы главным образом зависит от слонов» (пер. В. И. Кальянова).

²³⁶ «Люди схватывались с людьми, слоны — с превосходнейшими слонами, колесничные бойцы — с колесницами, всадники с конницей» [М., VIII, 19, 46–48; Пер. Я. В. Василькова и С. Л. Невелевой]. См.: *Махабхарата. Книга восьмая о Карне (Карнапарва)* / Пер. Я. В. Василькова и С. Л. Невелевой. М., 1990. С. 244, примеч. 95.

²³⁷ «Слоновую кость, которая употреблялась для разных изделий и бывала в руках у художников, конечно, все знали с давнего времени; самих же животных, прежде чем македоняне не перешли в Азию, вначале никто не видал, кроме самих индийцев, ливийцев или их соседей. Это видно из Гомера, который ложа и жилища самых богатых царей разукрашивает слоновой костью, а о слоне как живом звере нигде не упоминает; если бы он его видел или слышал о нем, то, мне кажется, он упомянул бы о нем гораздо скорее, чем о сражении пигмеев с журавлями» [Paus., I, 12, 4; пер. С. П. Кондратьева].

²³⁸ *Rawlinson H. G.* Intercourse between India and the western world from the earliest times to the fall of Rome. Cambridge, 1926. P. 19–20.

²³⁹ *Арманди П. Д.* Военная история... С. 52.

²⁴⁰ Там же. С. 53.

- ²⁴¹ Romm J. S. Aristotle's Elephant and the Myth of Alexander's Scientific Patronage // *AJP*. 1989. Vol. 110, N. 4. P. 572–573.
- ²⁴² Goukowsky P. Le roi Pôros... P. 476, № 14; Bigwood J. M. Aristotle and the Elephant Again // *American Journal of Philology*. Vol. 114. № 4. 1993. P. 545–549.
- ²⁴³ Bigwood J. M. Aristotle... P. 550–551.
- ²⁴⁴ Gaidoz H. Les éléphants... P. 488.
- ²⁴⁵ Гетулия — страна, получившая свое название по имени населявшего ее народа гетулов. Занимала южную часть современного Марокко и запад Сахары.
- ²⁴⁶ Впрочем, древние знали об одном особом подвиде африканских слонов: согласно Плинию, в стране племени сесамбров жили слоны, у которых не было ушей [Plin., NH., VI, 192].
- ²⁴⁷ Сообщение о погребении погибших, каким бы фантастическим оно ни показалось, подтверждается современными натуралистами, которые видели, как иногда слоны покрывают ветками, листвой и травой своих умерших собратьев или людей, что весьма напоминает похороны (*Ли Ру III Л. Слоны...* С. 77). Слоны могут несколько дней носить на бивнях своих умерших детенышей, а затем хоронят мертвых слонят, закапывая их хоботом (Там же. С. 36, 39). Часто можно было наблюдать, как слоны поднимали кости давно умершего слона и переносили их на значительные расстояния (Там же. С. 77).
- ²⁴⁸ Moss C. Les éléphants... P. 107.
- ²⁴⁹ Dodge B. Elephants in the Bible Lands // *The Biblical Archaeologist*. Vol. 18. № 1 (Feb., 1955). P. 20. — Основанием для такого предположения послужили развалины храмового комплекса в Баальбеке. По мнению современных исследователей, основной храм комплекса — храм Юпитера, был возведен при Нероне. Камни, использовавшиеся при его постройке, слишком большого размера, чтобы их по силам было передвигать людям. Поэтому Б. Додж задается вопросом, не велось ли строительство при помощи слонов.
- ²⁵⁰ Арманди П. Д. Военная история... С. 34.
- ²⁵¹ Bigwood J. M. Aristotle and the Elephant Again. P. 550.
- ²⁵² Goukowsky P. Le roi Pôros... P. 479, N. 25. — По мнению некоторых ученых, именно это представление объясняет, почему на коммеморативных монетах, посвященных битве при Гидаспе, македонский всадник (возможно, Александр) выглядит непропорционально маленьким по сравнению с индийцами, сидящими на слоне (*Ibid.*).
- ²⁵³ Gowers W. African Elephants... P. 174.
- ²⁵⁴ Об этом см. ниже, в главе XI «Закат»эпохи боевых слонов».
- ²⁵⁵ Об этом см. ниже, в главе VIII «Слоны в армии Селевкидов».
- ²⁵⁶ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. В 4 т. Т. I. Античный мир / Пер. Л. Гринкруга, В. Авдиева. СПб., 1994. С. 185.
- ²⁵⁷ Об этом см. ниже, в главе VII, «Лукаские быки».
- ²⁵⁸ Об этом см. ниже, в главе IX, «Боевые слоны Птолемея».
- ²⁵⁹ Gowers N., Scullard H. H. Hannibal's Elephants... P. 271.

²⁶⁰ Gowers W. African Elephants... P. 173–180; Gowers W. The African Elephant in Warfare // African Affairs. 46. 1947. № 182. P. 42–49; Walbank F.W. A Historical Commentary on Polybius. In 3 vol. Vol. I. Oxford, 1957. P. 164; Visscher F. de. Une histoire d'éléphants // L'Antiquité classique. T. 29. 1960. P. 54. N. 8; Head D. Armies of the Macedonian and Punic Wars (359 BC to 146 BC). Goring-by-Sea, 1982. P. 186; Банников А.В. О причинах прекращения использования боевых слонов в армиях античного Средиземноморья // Para bellum. Военно-исторический журнал. 2006. № 26. С. 57.

²⁶¹ Gowers W. African Elephants... P. 178.

²⁶² Ibid.

²⁶³ Ibid. P. 179–180.

²⁶⁴ Ibid. P. 178. — Впрочем, в отношении величины бивней слонов существуют и прямо противоположные свидетельства. Косма Индикоплов, в частности, утверждает, что у эфиопских слонов настолько большие бивни, что их вывозят из страны для продажи в Индию, Персию и Римскую империю [Cosmas, XI, 325, 3–8].

²⁶⁵ Ibid. P. 179.

²⁶⁶ Ibid.

²⁶⁷ Charles M. B. African forest elephants... P. 339.

²⁶⁸ Ли Ру III. Л. Слоны... С. 55.

²⁶⁹ Джебель-Муса.

²⁷⁰ «Ipsa provincia ab oriente montuosa fert elephantos, in Abyla quoque monte et quos Septem Fratres a simili altitudine appellant».

²⁷¹ Гараманты жили к югу от Нумидии.

²⁷² «...Qui proximos inliabitent saltus refertos elephantorum». Cp. Plin., NH, V, 26.

²⁷³ «...Rudes enim elephantum multorum annorum doctrina usuque vetusto vix edocti tamen communi periculo in aciem producuntur».

²⁷⁴ В действительности Александр не придумал ничего нового, поскольку эта практика существовала уже в Индии. В «Махабхарате», например, встречается упоминание о повозке, запряженной шестеркой слонов [M. VIII, 1–12].

²⁷⁵ «Unde et nostri currus nati in iis, qui triumphavissent. serum hoc, et in iis non nisi a divo Augusto seiuges, sicut elephantum».

²⁷⁶ Арманди П. Д. Военная история... С. 241.

²⁷⁷ Там же. С. 255, примеч. 11.

²⁷⁸ Рейнс Ф. Боевые слоны... № 29. С. 14–15.

²⁷⁹ Высота статуи, согласно Плинию, составляла 110 футов (ок. 33, 53 м) [Plin., NH, XXXIV, 18], или 120 футов (36, 58 м), согласно Светонию [Suet., Nero, 31, 1].

²⁸⁰ Nicolet-Pierre H. Monnaies à l'éléphant // Bulletin de la Société française de numismatique. 1978. XXXIII. P. 402.

²⁸¹ Горелик М. В. Шагающие крепости. С. 44.

²⁸² «Indos, per quos regebantur elefanti...». — Кроме названия Ἰνδοί греческие авторы употребляют также слово ἡγεμόνις — вожак [Diod., XIX, 17, 5; Plut., Pyrrh.,

26, 15], которому соответствуют латинские *rector* [Liv., XXXVII, 40, 4] или *magister* [Liv., XXVII, 49, 1]. См.: Gowers N., Scullard H. H. Hannibal's Elephants... P. 272; Walbank F.W. A Historical Commentary... P. 103. — Кроме названия Ἰνδὸς греческие авторы употребляют также слово ἡγεμόνος — вожак [Diod., XIX, 17, 5; Plut., Pyrrh., 26, 15], которому соответствуют латинские *rector* [Liv., XXXVII, 40, 4] или *magister* [Liv., XXVII, 49, 1].

²⁸³ Цит. по: Берзина С. Я. Древняя Индия и Африка. С. 22.

²⁸⁴ Berthelot A. Questions hannibaliqes... P. 37. — Относительно теории А. Берто см. ниже, в главе X «Под знаменами Карфагена».

²⁸⁵ Gowers N., Scullard H. H. Hannibal's Elephants... P. 271.

²⁸⁶ Иногда *hawkus* был очень богато украшен; например, в «Махабхарате» говорится об «анкушах», древки которых были выложены драгоценным камнем вайдурья [М., VIII, 16, 49–56].

²⁸⁷ Арманди П. Д. Военная история... С. 172.

²⁸⁸ Goukowsky P. Le roi Pôros... P. 479. № 24.

²⁸⁹ «Тогда, подгоняемый искусным (погонщиком) при помощи пята, стрелкала и большого пальца ноги слон быстро ринулся вперед с вытянутым хоботом, с неподвижными глазами и ушами» [М., VII, 25, 42–49; пер. В. И. Кальянова].

²⁹⁰ Гржимек Б. Там, где учатся слоны... С. 67–68.

²⁹¹ «Πρὶν δὲ συνάψαι τὰς φάλαγγς Ἑλεάζαρος ὁ ἀδελφὸς αὐτοῦ προῖδων τὸν ὑψηλότατον τῶν ἐλεφάντων πύργῳ τε μεγάλῳ καὶ περιχρυσόις προτειχίσμασι κεκοσμημένοι, ὑπολαβὼν ἐπ' αὐτοῦ τὸν Ἀντίοχον εἶναι τῶν τε ἰδίων ἐκτρέχει πολὺ καὶ διακόψας τὸ θηρίον ὑπὸ τὴν γαστέρα πλήξας ἐπικατέσεισεν ἑαυτῷ καὶ συντριβεῖς ἐτελεύτησεν, μηδὲν πλέον δράσας τοῦ μεγάλῳ ἐπιβαλέσθαι, θέμενος εὐκλείας ἐν δευτέρῳ τὸ ζῆν. Ὁ γὰρ μὴν κυβερνῶν ἐλέφαντα ἰδιώτης ἦν καὶ εἰ συνέβη δὲ εἶναι τὸν Ἀντίοχον, οὐδὲν πλέον ἤνυσεν ἂν ὁ τολμήσας τοῦ δοκεῖν ἐπέλπιδι μόνῃ λαμπροῦ κατορθώματος ἐλέσθαι τὸν θάνατον».

²⁹² «Ingentes ipsi erant; addebant speciem frontalia et cristae et tergo impositae turres turribusque superstantes praeter rectorem quaterni armati».

²⁹³ «Καὶ εἶδεν Ἑλεάζαρ ὁ Σαυαράν ἐν τῶν θηρίων τεθωρακισμένον θώρακι βασιλικῷ, καὶ ἦν ὑπεράγον πάντα τὰ θηρία, καὶ ὥφθη ὅτι ἐν αὐτῷ ἐστὶν βασιλεὺς».

²⁹⁴ Непфёдкин А. К. Башни... С. 104.

²⁹⁵ «Et vidit Eleazar filius Saura unam de bestiis loricate loricis regis, et erat eminens super ceteras bestias; et visum est ei quod in ea esset rex».

²⁹⁶ Например: *in urbe* — в городе, но *in monte* — на горе.

²⁹⁷ Об этом см. ниже, в главе XII «Новый расцвет».

²⁹⁸ Арманди П. Д. Военная история... С. 230, примеч. 171.

²⁹⁹ «Antiocho vadum fluminis experienti renuit Ajax, alioqui dux agminis semper».

³⁰⁰ Goukowsky P. Le roi Pôros... P. 475.

³⁰¹ Wylie K. C. Les éléphants... P. 147.

³⁰² Ibid.

³⁰³ Ibid. — «Иные же слоны растаптывали в прах упавших воинов, пеших и сражавшихся на колесницах, коней и слонов, облаченных в бронзовые и железные доспехи, словно это были густые (заросли) тростника» [М., VII, 31, 8–17; пер. В. И. Кальянова].

³⁰⁴ Рейнс Ф. Боевые слоны... № 29. С. 15, примеч. 30.

³⁰⁵ «А многочисленных пленных всадников, что были на конях и слонах, приказал [Хосров] обнажить, связать им руки за спиной и бросить на растоптание под ноги слонов» [Seb., XI; пер. А. К. Шагиняна] (Шагинян А. К. Армения накануне арабского завоевания. СПб., 2003. С. 146).

³⁰⁶ Арманди П. Д. Военная история... С. 163.

³⁰⁷ Ли Ру III Л. Слоны... С. 39.

³⁰⁸ Wylie K. C. Les éléphants... Р. 146.

³⁰⁹ «Elephantis immensae magnitudinis, auro, purpura, argento et suo ebore fulgentibus, aciem utrimque vallaverat» («С обеих сторон он защитил строй большим количеством слонов, блиставших золотом, пурпуром, серебром и поражавших своими бивнями»).

³¹⁰ Арманди П. Д. Военная история... С. 172.

³¹¹ Pottier E., Reinach S. Éléphant... Р. 485.

³¹² Арманди П. Д. Военная история... С. 172.

³¹³ Goukowsky P. Le roi Pôros... Р. 489. № 59.

³¹⁴ Он был изготовлен в конце XVI — начале XVIII в. Сегодня доспех экспонируется в Восточной галерее Арсенала. Для большей наглядности он надет на фигуру слона из стеклопластика (Шпаковский В., Фадеева О. Защитные доспехи индийских боевых слонов (Средние века — Новое время) // Para bellum. Военно-исторический журнал. № 10. 2000. С. 8.

³¹⁵ Там же. С. 8–9.

³¹⁶ Goukowsky P. Le roi Pôros... Р. 485.

³¹⁷ В Средние века в Индии такие ножи могли дополнительно смазывать ядом. Сохранилась всего одна пара подобного элемента вооружения слона, которая находилась ранее в арсенале магараджи Кришнараджи Вадияра III (1794–1868 гг.), а затем была привезена в Англию (Шпаковский В., Фадеева О. Защитные доспехи... С. 8).

³¹⁸ Арманди П. Д. Военная история... С. 173.

³¹⁹ *Stat niveis longum stipata per agmina vallum
Dentibus, atque ebori praefixa cominus hasta
Fulget ab incurvo devecta cacumine cuspis.*

(Стоит стеной нескончаемая вереница, ошетилившаяся белоснежными Клыками, а копыя прикреплены прямо к бивням,

Над загнутыми вершинами которых, возвышаясь, сверкают наконечники).

³²⁰ См., напр.: Коннолли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М., 2001. С. 75.

³²¹ Goukowsky P. Le roi Pôros... Р. 498.

³²² Нефёдкин А. К. Башни... С. 96, примеч. 1. — Эта гипотеза остается наиболее распространенной и в современной отечественной исторической литературе. Р. В. Светлов склонен даже приписать Пирру не только изобретение башен, но и других элементов вооружения: «Среди “изобретений”, принадлежащих, видимо, именно Пирру, нужно назвать превращение слонов в своеобразные подвижные крепости. На спине слона, помимо погонщика-вожатого, теперь находилась небольшая башня, в которой помещалось до четырех воинов, вооруженных луками и сариссами. Тело животного защищали панцирем, а иногда ему на шею вешали колокол. Использовалась и налобная броня, украшенная султаном или плюмажем» (Светлов Р. В. Пирр и военная история его времени. СПб., 2006. С. 198).

³²³ Нефёдкин А. К. Башни... С. 98.

³²⁴ «Убив Джаласандху в сражении, отпрыск рода Сатвата стремительно сбросил погонщика-нишадца со спины слона, о владыка народов! И с телом, залитым кровью, слон Джаласандхи нес укрепленное на нем дорогое сиденье, свесившееся набок» [М., VII, 91, 47–54; пер. В. И. Кальянова]. — Если мы правильно понимаем замечание А. К. Нефёдкина, то упоминания в эпосе о подобных сиденьях считаются некоторыми исследователями позднейшей вставкой (Нефёдкин А. К. Башни... С. 98, примеч. 9).

³²⁵ Существует мнение, что воин на слоне — это не Пор, а абстрактный персонаж (Vidal-Naquet P. Alexandre et l'éléphant // Arrien. Histoire d'Alexandre / trad. par Pierre Savinel. Paris, 1984. P. 391).

³²⁶ Это не единственный подобный пример. В «Махабхарате» можно найти не одно упоминание о нескольких «погонщиках», сидевших на одном слоне [М., VIII, 13, 5–8]. Возможно, мы имеем дело лишь с повторяющимся клише, не несущим никакой конкретной информации.

³²⁷ Арманди П. Д. Военная история... С. 48.

³²⁸ Goukowsky P. Le roi Pôros... P. 489.

³²⁹ Ibid. P. 488.

³³⁰ Launey M. Recherches sur les armées hellénistiques. En 2 t. T. I. Paris, 1949. P. 588; Visscher F. de. Encore les éléphants d'Annibal // L'Antiquité classique. T. 31. 1962. P. 234.

³³¹ Wylie K. C. Les éléphants... P. 146.

³³² Goukowsky P. Le roi Pôros... P. 473–474.

³³³ «...Si Diodore a bien écrit θωράκιον, il ne peut s'agir que d'une inadvertence, peu vraisemblable d'ailleurs, puisque la tradition manuscrite donne également la leçon θηρίον. On reconnaîtra donc plutôt dans la variante θωράκιον une correction due à un grammairien trop érudit» (Goukowsky P. Le roi Pôros... P. 474).

³³⁴ Ibid. P. 492.

³³⁵ Нефёдкин А. К. Башни... С. 110, примеч. 52.

³³⁶ Brian P. Note d'histoire militaire achéménide: À propos des éléphants de Darius III // Esclavage, guerre, économie en Grèce ancienne: Hommages Yvon Garlan / textes réunis par P. Brulé, J. Ouhlen. Rennes. (Collection «Histoire»). 1997. P. 178.

³³⁷ Цит. по: *Нефёдкин А. К.* Башни ... С. 99.

³³⁸ Об этом см. ниже, в главе VI «Начало “эпохи боевых слонов” (Александр и диадохи)».

³³⁹ *Kistler J. M.* War Elephants. P. 23, 51.

³⁴⁰ *Ibid.* P. 14–18.

³⁴¹ «καὶ τὴν ἐπὶ τῶν θωρακίων κατασκευὴν».

³⁴² *Kistler J. M.* War Elephants... P. 23, 51.

³⁴³ *Goossens G.* L'histoire d'Assyrie de Ctesias // *L'antiquité classique*. Т. 9. 1940. P. 25–45; *Auberger J.* Notes // *Ctésias*. Histoires de l'Orient / traduit et commenté par J. Auberger. Paris, 2004. P. 149, № 35

³⁴⁴ *Auberger J.* Notes... P. 149, № 35.

³⁴⁵ «Да и все военачальники варваров управляют своими войсками, оставаясь в их центре, полагая, что таким образом они, защищенные с двух сторон воинской силой, будут в полной безопасности, а если им понадобится отдать какое-либо приказание, то оно дойдет до войска вдвое скорее. Царь, находившийся в это время в центре своих войск, все же оставался вне пределов левого фланга Кира» (пер. М. И. Максимовой).

³⁴⁶ *Auberger J.* Notes... P. 149, № 38.

³⁴⁷ *Ibid.* 149, № 39.

³⁴⁸ Цит по: *Нефёдкин А. К.* Башни... С. 98.

³⁴⁹ *Goukowsky P.* Le roi Pôros... № 11; *Нефёдкин А. К.* Башни... С. 98.

³⁵⁰ «ὁ δὲ δευτερος εἶχε τοὺς ἐπακολουθοῦντας τῇ θεραπείᾳ ἐλέφαντος κεκοσμημένους πολεμικῶς, ἀναβάτας ἔχοντας ἐκ μὲν τῶν ἐμπροσθεν Ἰνδῶν, ἐκ δὲ τῶν ὀπισθεν Μακεδόνας καθηλισμένους τῇ συνήθει σκευῇ» («Слоны, снаряженные по-военному, имеющие ездоков: спереди индов, а позади — македонян, вооруженных обычным снаряжением» [Diod., XVIII, 27, 1]. — Нельзя обойти молчанием тот факт, что некоторые переводы этого фрагмента и комментарии к нему позволяют допустить наличие башен на слонах. См., напр., комментарий С. Сеттиса: «elefanti... guidati da cornac e che portavano dietro di questi (anche qui, assai probabilmente, dietro torri lignei) soldati macedoni regolarmente armati» («Слонами... управляли корнаками, а позади них (и здесь, весьма вероятно, в деревянных башнях) находились македонские воины в обычном вооружении) (цит. по: *Goukowsky P.* Le roi Pôros... P. 482, № 33). Однако П. Гуковский решительно отвергает подобные интерпретации (*Ibid.*).

³⁵¹ *Goukowsky P.* Le roi Pôros... P. 482; *Head D.* Armies... P. 183; *Нефёдкин А. К.* Башни... С. 101. — Небезинтересным будет отметить, что длина сариссы воина, сидящего на слоне, должна была достигать не менее четырех с половиной метров, чтобы он мог доставать ей до стоящего на земле противника. Появление башен, позволивших воинам стоять на слонах, заставляет предположить, что сариссы, которыми они были вооружены, были не менее 6 м длины.

³⁵² *Goukowsky P.* Le roi Pôros... P. 482.

³⁵³ *Ibid.* P. 183.

- ³⁵⁴ Нефёдкин А. К. Башни... С. 101–102.
- ³⁵⁵ Вряд ли нужно было изобретать для этого некие более длинные сариссы. К тому же никто не мог изначально предполагать, что Пердикка обязательно бросит на штурм слонов. Из описания Диодора следует, что Птолемей действовал в соответствии с обстоятельствами, а не по ранее составленному плану.
- ³⁵⁶ «Возможно, Пердикка специально для данного случая спешил ездовых, ведь слоны должны были лишь разрушать укрепления, и, чтобы избежать лишних потерь, воины были отозваны» (Нефёдкин А. К. Башни... С. 102).
- ³⁵⁷ Goukowsky P. Le roi Pôros... P. 485.
- ³⁵⁸ Head D. Armies... P. 185.
- ³⁵⁹ Goukowsky P. Le roi Pôros... P. 484, № 41; Нефёдкин А. К. Башни... С. 102, примеч. 22.
- ³⁶⁰ «Отказывать в доверии данному отрывку никаких оснований нет. Причем источник обратил внимание именно на те детали вооружения армии противника, которые казались ему наиболее примечательными: снаряженная золочеными щитами агема Антигона, видимо, гипасписты (Polyaen., IV, 6. 8), и слоны, снабженные башнями и пурпурными покрывалами» (Нефёдкин А. К. Башни... С. 102).
- ³⁶¹ Там же. С. 103.
- ³⁶² Там же. С. 103–104.
- ³⁶³ Там же. С. 104.
- ³⁶⁴ См. выше, с. 81.
- ³⁶⁵ Goukowsky P. Le roi Pôros... P. 486.
- ³⁶⁶ Ibid. P. 490, № 65, 66.
- ³⁶⁷ Арманди П. Д. Военная история... С. 179–180.
- ³⁶⁸ Там же.
- ³⁶⁹ «Pugnare et Caesari dictatori tertio consulatu eius viginti contra pedites D iterumque totidem turriti cum sexagenis propugnatoribus, eodem quo priore numero peditum et pari equitum ex adverso dimicante...».
- ³⁷⁰ Goukowsky P. Le roi Pôros... P. 493, № 73.
- ³⁷¹ Марко Поло. Книга чудес света / Пер. И. П. Минаева. М., 2009. С. 244.
- ³⁷² Арманди П. Д. Военная история... С. 281.
- ³⁷³ Кантар (арабск.) — мера веса, ок. 50 г.
- ³⁷⁴ Афанасий Никитин. Хождение за три моря / Пер. А. Д. Желтякова, Л. С. Семенова. Л., 1986. С. 47.
- ³⁷⁵ Там же. С. 53.
- ³⁷⁶ Там же. С. 54–55.
- ³⁷⁷ Нефёдкин А. К. Башни... С. 113.
- ³⁷⁸ Арманди П. Д. Военная история... С. 175.
- ³⁷⁹ Gaidoz H. Les éléphants... P. 501–502.
- ³⁸⁰ Арманди П. Д. Военная история... С. 175. Ср.: Нефёдкин А. К. Башни... С. 112, примеч. 65.
- ³⁸¹ Как это показано на блюде из Капены или на фаларах из Эрмитажа.

³⁸² Слона с башней такого типа изображает статуэтка из могилы некрополя в Мирине.

³⁸³ На большие размеры башни на статуэтке слона из некрополя Мирины указывают два щита, закрывающие каждую из ее боковых стенок.

³⁸⁴ *Нефёдкин А. К.* Башни... С. 105.

³⁸⁵ Там же. С. 108, примеч. 45.

³⁸⁶ См. выше, с. 87–88.

³⁸⁷ *Goukowsky P.* Le roi Pôros... P. 501.

³⁸⁸ *Попов А. А., Банников А. В.* Ненаписанная страница... С. 33.

³⁸⁹ *Goukowsky P.* Le roi Pôros... P. 502, № 101.

³⁹⁰ «Напротив каждой стороны можно было поместить только двух человек, и едва осталось бы место, чтобы они могли свободно действовать и чтобы разместить там какой-то запас метательного оружия. Даже два человека с каждой стороны сильно мешали бы друг другу пользоваться луком или пикой, особенно если ширина башни не превышала пять футов. Несомненно, именно поэтому напротив каждой боковой стороны ставили по одному человеку, в то время как напротив передней — двух. Такое расположение солдат на слонах Антиоха, вероятно, было в битве при Магнесии» (*Арманди П. Д.* Военная история... С. 176). — Не исключено, что элевантерия, так же как и кавалерия, могла подразделяться на легкую, среднюю, тяжелую и, может быть, даже сверхтяжелую. В зависимости от этого менялись вооружение слонов и численность экипажей в башнях.

³⁹¹ Библиография, касающаяся анализа литературных, археологических и нумизматических источников, по этому вопросу: *Goukowsky P.* Le roi Pôros... P. 490, № 67.

³⁹² *Нефёдкин А. К.* Башни... P. 27.

³⁹³ *Gowers W.* African Elephants... P. 179; *Charles M. B.* Elephants at Raphia: Reinterpreting Polybius 5. 84–5 // *Classical Quarterly*, 2007. № 57. P. 308; *Toynbee J. M. C.* Animals in Roman Life and Art. London, 1973. P. 34; *Amara O. A.* Les soldats d'Hannibal. Clermont-Ferrand, 2009. P. 27.

³⁹⁴ Изображение слона было весьма распространено в пунийской иконографии, поскольку это животное считалось посвященным солнцу и было одним из символов Богини Танит. Возможно, слон стал семейным символом рода Баркидов, поскольку его изображение присутствует на монетах, выпускавшихся в Испании и не встречается на монетах, чеканившихся в самом Карфагене (*Scullard H. H.* Hannibal's Elephants... P. 167).

³⁹⁵ *Charles M. B.* African forest Elephants... P. 340.

³⁹⁶ *Scullard H. H.* The Elephant in the Greek and Roman World... 242.

³⁹⁷ *Charles M. B.* African forest Elephants... P. 341.

³⁹⁸ «Сооружение, предназначенное для едущих на слоне людей, обозначалось у греков словом *θωράκιον*. Это слово, которое буквально переводится как «маленький панцирь», в военном языке, так же как и *θωράκεϊον*, обозначало те самые брестеры, или заграждения, которые иногда венчали полевые укрепления

и которым римляне дали название *lorica*. *Θωράκιον* слонов был, таким образом, просто большим вьючным седлом, обнесенным легким парашетом, доходящим до уровня груди, поскольку никогда подобное слово не использовалось для обозначения тяжелой и массивной конструкции деревянной башни. К тому же небесполезно будет отметить, что даже в наши дни слоны, которых используют в Индии для путешествий, несут на спине некое подобие галереи из легкого дерева, в которой сидят двое или трое путешественников, и нет основания полагать, что такой способ передвижения менее древний, чем остальные обычаи этой страны» (Арманди П. Д. Военная история... С. 179–180).

³⁹⁹ Нефёдкин А. К. Башни... С. 107, примеч. 41.

⁴⁰⁰ Там же. С. 107.

⁴⁰¹ Goukowsky P. Le roi Pôros... P. 500, № 95.

⁴⁰² Sekunda № Seleucid and Ptolemaic Reformed Armies 168–145 BC. Vol. 2. Ptolemaic Army under Ptolemy VI Philometor. P. 72, Fig. 123, 124.

⁴⁰³ Gowers N., Scullard H. H. Hannibal's Elephants... P. 280–281.

⁴⁰⁴ Ibid. 281, № 41; Нефёдкин А. К. Башни... С. 107.

⁴⁰⁵ Gowers N., Scullard H. H. Hannibal's Elephants... P. 281.

⁴⁰⁶ Об этом см. ниже, в главе IX «Боевые слоны Птолемея».

⁴⁰⁷ «В военном деле обычно заимствуется само снаряжение, как оно есть, а уже затем в него вносятся технические усовершенствования» (Нефёдкин А. К. Башни... С. 106).

⁴⁰⁸ Charles M. B. African forest Elephants... P. 345, № 35.

⁴⁰⁹ Ibid. P. 345.

⁴¹⁰ Ibid.

⁴¹¹ Нефёдкин А. К. Башни... С. 106. — Ф. Рейнс полагает, что источником в данном случае стал Диодор, однако это ничего не меняет (*Rance Ph. Hannibal, Elephants and Turrets in Suda* 438 [Polybius Fr. 162B] — An Unidentified Fragment of Diodorus // *Classical Quarterly* 59.1 (2009) 91–111). М. Б. Чарльз, не вдаваясь в какие-либо объяснения, считает это сообщение недостоверным (*Charles M. B. African forest Elephants*... P. 346).

⁴¹² Цит. по: Нефёдкин А. К. Башни... С. 106.

⁴¹³ Изображение головы Гермеса (Меркурия) типично для римских монет периода войны с Ганнибалом (*Gowers N., Scullard H. H. Hannibal's Elephants*... P. 279).

⁴¹⁴ Scullard H. H. Hannibal's Elephants... P. 165, Fig. 9.

⁴¹⁵ Ibid. P. 165, fig. 10.

⁴¹⁶ Ibid. P. 166.

⁴¹⁷ Ibid.

⁴¹⁸ Ibid.

⁴¹⁹ Ibid.

⁴²⁰ *Gowers N., Scullard H. H. Hannibal's Elephants*... P. 281. — Мы уже выражали свое сомнение относительно попыток исследователей сделать точные заключения,

основываясь исключительно на данных нумизматики. Примером могут служить монеты, о которых идет речь. Г. Х. Скаллард посчитал сначала, что на них представлены африканские слоны. Позднее, в своей совместной статье с Н. Говерсом, он принял прямо противоположную точку зрения, утверждая, что на монетах представлены индийские слоны, прибывшие к Ганнибалу в 215 г. до н. э. в качестве подкреплений.

⁴²¹ Ibid. P. 281; *Нефёдкин А. К.* Башни... С. 107.

⁴²² *Goukowsky P.* Le roi Pôros... P. 490, № 67.

⁴²³ *Charles M. B.* African forest Elephants... P. 339.

⁴²⁴ Ibid. P. 344.

⁴²⁵ Ibid.

⁴²⁶ Как указывалось выше, очевидно, решая именно эту задачу, инженеры Антигона и пришли к идее создания башен.

⁴²⁷ *Charles M. B.* African forest Elephants... P. 342. — Данное сообщение Аппиана в действительности носит слишком общий характер. Историк утверждает лишь то, что слоны были «снаряжены для внушения ужаса». Поэтому, возможно, речь идет не о башнях, а о различного рода украшениях (Ibid. P. 342, N. 19).

⁴²⁸ *Head D.* Armies... P. 187.

⁴²⁹ *Pottier E., Reinach S.* Éléphant... P. 485–493.

⁴³⁰ *Нефёдкин А. К.* Башни... С. 105.

⁴³¹ Там же. С. 105.

⁴³² *Liventi dorso turris, flammaque, virisque,
Et jaculis armata sedet...*

(На иссиня-черной спине возвышается башня,
Грозная и огнем, и мужами, и дротиками).

⁴³³ *Арманди П. Д.* Военная история... С. 202. — По мнению Б. Бар-Кохвы, численность таких отрядов могла варьироваться от 40 до 60 человек. (*Bar-Kochva B.* The Seleucid Army... P. 82).

⁴³⁴ «...Cum adueto praesidio posuit». См. *Арманди П. Д.* Военная история... С. 203.

⁴³⁵ *Нефёдкин А. К.* Башни... С. 104.

⁴³⁶ *Бикерман Э.* Государство Селевкидов. М., 1985. С. 60.

⁴³⁷ О слонах-«стеноразрушителях» см. выше, с. 90.

⁴³⁸ *Шофман А. С.* Античные танки. С. 213.

⁴³⁹ *Болдырев А. В., Боровский Я. М.* Техника... С. 274–275.

⁴⁴⁰ «В частности, страх, который слоны вселяли в лошадей, не привыкших к их виду, шуму и, по-видимому, запаху, — постоянно отмечаемая черта, которая делала их полезным оружием, чтобы привести в замешательство и разбить боевые порядки вражеской конницы» (*Рейнс Ф.* Боевые слоны... № 29. С. 12).

⁴⁴¹ *Harmand J.* La guerre antique... P. 155–156.

⁴⁴² *Арманди П. Д.* Военная история... С. 202.

⁴⁴³ Там же. — «Особенности рельефа местности, тем не менее, иногда вынуждали принимать странные решения, противоречившие принципам, которые мы

только что изложили. Таковым было то, которое приняли полководцы сирийской армии в день битвы с евреями при Ветзахарии: место было слишком узким, чтобы они сумели развернуть на поле сражения своих слонов в ряд, и они придумали поставить их в колонну; однако этот факт — совершенно из ряда вон выходящий и не опровергает правил, а только их подтверждает» (Там же. С. 206).

⁴⁴⁴ Там же. С. 202.

⁴⁴⁵ Там же. С. 203.

⁴⁴⁶ Там же.

⁴⁴⁷ Там же. С. 206.

⁴⁴⁸ «Такая диспозиция предоставляла тройную выгоду: она обеспечивала этой части армии защиту от любых атак, оставляла ей свободу флангового движения, чтобы совершить нападение на противника, и, наконец, в случае неудачи позволяла снова встать позади слонов. К тому же, пока кавалерия атаковала, фаланга не оставалась без защиты, поскольку ее фланги были прикрыты слонами» (Там же. С. 205).

⁴⁴⁹ Там же. С. 79, 205.

⁴⁵⁰ «...Разделили этих животных на отряды и приставили к каждому слону по тысяче мужей в железных кольчугах и с медными шлемами на головах, сверх того по пятисот отборных всадников назначено было к каждому слону. Они становились заблаговременно там, где был слон, и куда он шел, шли и они вместе, не отставая от него...» [Массаб., I, 6, 35–37].

⁴⁵¹ Об этом см. ниже, в главе VI «Начало “эпохи боевых слонов” (Александр и диадохи)».

⁴⁵² Арманди П. Д. Военная история... С. 205–206.

⁴⁵³ Harmand J. La guerre antique... P. 155.

⁴⁵⁴ «Атака слонов против пехоты оказывалась успешной лишь в том случае, если пехота пыталась встретить эту атаку, сплотившись в фалангу. Такое массовое скопление пеших воинов представляло собой наиболее удобный объект для действий слонов и заканчивалось катастрофически для оборонявшихся, как это произошло в 255 г. до н. э. с римлянами под командой Регула, которые были разбиты наголову карфагенянами, руководимыми спартанцем Ксантиппом. Рассеянный же строй давал пехоте значительное преимущество перед слонами. Самые простые средства, вроде досок, утыканных гвоздями, оказывались достаточными для того, чтобы приостановить движение слонов; вместе с тем подвижность небольших пехотных соединений позволяла вести удачную борьбу со слонами, терпя минимальные потери» (Болдырев А. В., Боровский Я. М. Техника... С. 216).

⁴⁵⁵ «Атака слонов могла быстро разбить строй пехоты, не знакомой с необходимой тактикой уклонения, и в особенности когда она находилась в разреженном боевом порядке» (Рейнс Ф. Боевые слоны... № 29. С. 12).

⁴⁵⁶ Charles M. B. African forest Elephants... P. 341.

⁴⁵⁷ Harmand J. La guerre antique... P. 156.

⁴⁵⁸ «...Vulneratique et territi retro semper cedunt, haud minore partium suarum perniciē».

⁴⁵⁹ «Anceps genus auxillii est, et in suos acrius furit. In hostem enim imperio, in suos pavore agitur».

⁴⁶⁰ ...Diffugiebat enim varium genus omne ferarum,
Ut nunc saepe boves Lucae ferro male mactae
Diffugiunt, fera facta suis cum multa dedere.

⁴⁶¹ Дельбрюк Г. История военного искусства... С. 223.

⁴⁶² Гумилев Л. Н. Древние тюрки. СПб., 2003. С. 144.

⁴⁶³ Аналогичные приспособления, называвшиеся «хасаки», применялись против кавалерии в Средней Азии и Монголии, а также войсками Ивана Грозного против татар (Кальянов В. И. Комментарии // Артхашафра. С. 696, коммент. 32).

⁴⁶⁴ Согласно уже упоминавшемуся фрагменту из монастыря св. Саввы, в битве при Гавгамелах Александр, напротив, использовал «ежей» для борьбы со слонами Дария III: «приготовив острые бронзовые трибулы, он разбросал [их] по тому месту, где были животные, и таким образом слоны, пронзаемые [остриями], вперед не продвинулись, а пронзаемые трибулами, падали» [FGrH, 151, F 1, 12–13; Пер. А. К. Нефёдкина]. Впрочем, все это описание вызывает вполне обоснованные сомнения (Нефёдкин А. К. Башни... С. 100, примеч. 14).

⁴⁶⁵ Кальянов В. И. Комментарии // Артхашафра. С. 696, коммент. 32.

⁴⁶⁶ Там же. С. 100.

⁴⁶⁷ Арманди П. Д. Военная история... С. 191.

⁴⁶⁸ «Copidas vocant gladios leviter curvatos, falcibus similes, quibus appetebant bel-lagum manus» («Копидами называют слегка изогнутые мечи, напоминающие серпы, которыми отсекали хоботы слонам») [Curt., VIII, 14].

⁴⁶⁹ «Утверждают, что между свиньей и слоном существует резкая антипатия и что достаточно одного крика первого из этих животных, чтобы обратить в бегство второго» (Арманди П. Д. Военная история... С. 186–187).

⁴⁷⁰ «Животные держали совет, кого избрать царем, и слон с верблюдом выступили и спорили друг с другом, думая, что всех превосходят и ростом, и силою. Однако обезьяна заявила, что оба они не подходят: верблюд — оттого, что не умеет гневаться на обидчиков, а слон — оттого, что при нем на нас может напасть поросенок, которого слон боится» (пер. М. Л. Гаспарова).

⁴⁷¹ Другие датируют «Роман» гораздо более поздним временем — III в. н. э. Латинская версия Юлия Валерия появилась приблизительно в 300 г. н. э. (Bright D., Bowen B. Emblems, Elephants, and Alexander // *Studies in Philology*, 1983. Vol. 80. № 1. P. 21).

⁴⁷² Герой романа говорит своим солдатам: «Приведите всех свиней, которые есть в войске, бейте их так, чтобы они начали визжать, играйте на трубах и рожках, и еще пусть каждый крикнет так сильно, как только сможет, и вы увидите, я надеюсь, как они тут же обратятся в бегство...» (цит. по: Арманди П. Д. Военная история... С. 186, примеч. 80).

⁴⁷³ Ὁρῶδεῖ ὁ ἐλέφας κερᾶσθην κριὸν καὶ χοιροῦ βοῆν· οὕτω τοι, φασί, καὶ Ῥωμαῖοι τοὺς σὺν Πύρρῳ τῷ Ἠπειρώτῃ ἐτρέφαντο ἐλέφαντας καὶ ἡ νίκη σὺν τοῖς Ῥωμαίοις λαμπρῶς ἐγένετο.

⁴⁷⁴ Bright D., Bowen B. Emblems... P. 19.

⁴⁷⁵ «Несмотря на авторитет Полиэна, рассказ о хитрости мегарцев следует отнести к области военного фольклора, ведь неясно, что могло побудить горящих свиней бежать именно на слонов, а не в другую сторону» (Юрченко А. Г. Тигрица и грифон. Сакральные символы животного мира. СПб., 2002. С. 235).

⁴⁷⁶ Callu J.-P. Éléphants et cochons: sur une représentation monétaire d'époque républicaine, dans L'Italie préromaine et la Rome républicaine // Mélanges offerts à Jacques Heurgon, I, Rome, 1976. (Collection de l'École française de Rome, 27). P. 89.

⁴⁷⁷ Ibid.

⁴⁷⁸ Ibid. 89–90. — «Трудно предположить какую-либо иную версию совместного расположения на упомянутом слитке этих не связанных никакими иными связями животных» (Казаров С. С. Слоны Пирра (к вопросу о развитии военного искусства в эллинистический период) // Para bellum. Военно-исторический журнал. 2002. № 14. С. 43).

⁴⁷⁹ Callu J.-P. Éléphant... P. 90.

⁴⁸⁰ Scullard H. H. The Elephant... P. 101–119.

⁴⁸¹ «Dorissimum dorso tergus, venti molle...»

⁴⁸² Согласно Флору, солдата звали Гай Нумиций [Flor., Epitoma, I, 13, 9].

⁴⁸³ «...Postea singuli principibus Claudio et Neroni in consummatione gladiatorum».

⁴⁸⁴ «Eos velites ad id ipsum locate verutes coniectis et avertere». Сохранилось также поэтическое описание такого способа борьбы со слонами, оставленное нам Силием Италиком [Sil. Ital., Punic., IV, vs. 615 sqq.]:

Копья метают тогда и частые стрелы пускают,
Раз уж им смерть не страшна, на огромные плечи наносит
И на бока необъятные жало копейное раны,
Множество копий торчит из спины и из черной хребтины,
И наконец, как истратились в долгом сражении копья,
Рухнула мощная глыба и водный поток преградила.

(Пер. А. Я. Тыжова).

⁴⁸⁵ Выше уже отмечалось, что слонов бросали против тяжелой пехоты только в том случае, если их было достаточно большое количество. Понятно, что легковооруженным воинам, с успехом боровшимся против отдельных животных, невозможно было остановить натиск целого стада, состоявшего из многих десятков голов.

⁴⁸⁶ Арманди П. Д. Военная история... С. 193.

⁴⁸⁷ «φάλαγγα ὀπλιτῶν».

⁴⁸⁸ «Alii contra elefantos catafractos milites inmiserunt, ita ut in brachiis eorum et in cassidibus uel umeris aculei ingentes ponerentur e ferro, ne manu sua elefas bellatorem contra se uenientem posset adprehendere».

- ⁴⁸⁹ Арманди П. Д. Военная история... С. 37.
- ⁴⁹⁰ Здесь можно было бы также вспомнить и о рассказе Гелиодора, в котором войска персидского сатрапа сражались с «башненосными слонами» царя Мероз [Heliod., IX, 18]. Однако в данном случае это явный анахронизм, поскольку боевые слоны появились у эфиопов не ранее III в. до н. э.
- ⁴⁹¹ Brian P. Note... P. 187.
- ⁴⁹² Ibid. P. 189.
- ⁴⁹³ Ibid. P. 181.
- ⁴⁹⁴ Ibid. P. 182–183.
- ⁴⁹⁵ Ibid. P. 187.
- ⁴⁹⁶ Ibid. P. 187.
- ⁴⁹⁷ Ibid.
- ⁴⁹⁸ Goukowsky P. Le roi Pôros... P. 476; Brian P. Note... P. 179.
- ⁴⁹⁹ Brian P. Note... P. 179.
- ⁵⁰⁰ П. Гуковский полагает, что Александр не собирался использовать их в военных целях, поэтому животные были оставлены им в Вавилоне (Goukowsky P. Le roi Pôros... P. 476). Не исключена также возможность, что слоны, захваченные при Гавгамелах, были отправлены македонским царем Аристотелю (Ibid. P. 476, № 14).
- ⁵⁰¹ Brian P. Note... P. 188, N. 45.
- ⁵⁰² Арманди П. Д. Военная история... С. 54.
- ⁵⁰³ «Слонов ставили впереди строя главным образом для того, чтобы своим ревом и грозным видом они внушали страх солдатам и лошадям противника» (Арманди П. Д. Военная история... С. 204).
- ⁵⁰⁴ Brian P. Note... P. 189.
- ⁵⁰⁵ «Однако эти животные выполняли у него скорее роль пугала, чем средства сопротивления, поэтому и сыграли лишь весьма незначительную роль в военных действиях» (Арманди П. Д. Военная история... С. 206).
- ⁵⁰⁶ Brian P. Note... P. 188, N. 41. — Эту точку зрения поддержал Д. Хэд (Head D. Armies... P. 45) и ряд других исследователей (Нефёдкин А. К. Башни... С. 99).
- ⁵⁰⁷ Scullard H. H. The Elephant... P. 64–65.
- ⁵⁰⁸ Cawkwell G. The Greek Wars: The Failure of Persia. Oxford, 2005. P. 220, № 46.
- ⁵⁰⁹ Brian P. Note... P. 188, N. 40.
- ⁵¹⁰ Scullard H. H. The Elephant... P. 64.
- ⁵¹¹ Brian P. Note... P. 190.
- ⁵¹² Согласно Арриану, Пор взял с собой 200 слонов, а несколько животных с небольшой частью войска оставил в лагере [Arr., Anab., V, 15, 3].
- ⁵¹³ Sekunda N., Warry J. Alexander the Great. His Armies and Campaigns 334–323 BC. London, 1998. P. 119.
- ⁵¹⁴ Goukowsky P. Le roi Pôros... P. 476. N. 18.

- ⁵¹⁵ Ibid. P. 121.
- ⁵¹⁶ Если быть точным — на расстоянии плетра (1 плетр = 104 фута = 1/6 стадин = 30, 83 м).
- ⁵¹⁷ Арманди П. Д. Военная история... С. 59–60.
- ⁵¹⁸ Там же. С. 59.
- ⁵¹⁹ Hamilton J. R. The Cavalry Battle at the Hydaspes // JHS. 1956. Vol. 76. P. 26–31.
- ⁵²⁰ Sekunda N., Warry J. Alexander the Great... 1998. P. 122–125.
- ⁵²¹ Арманди П. Д. Военная история... С. 58.
- ⁵²² «Не все ли равно, будет ли их столько, сколько было у Пора, или 3 тысячи, раз мы видели, что после ранения одного или двух остальные обращаются в бегство? Затем, даже немногими управлять неудобно, если же собрать их несколько тысяч, то они толпятся и давят друг друга, не могут ни стоять спокойно, ни бежать из-за своих неуклюжих и огромных тел» [Curt., IX, 2, 20–21; пер. В. С. Соколова].
- ⁵²³ Если суммировать данные всех наших источников, то получится, что в руки к македонянам попало не менее 221 слона.
- ⁵²⁴ Описание погребальной колесницы Александра Диодор, возможно, заимствовал из труда Иеронима (*Goukowsky P. Le roi Pôros...* P. 481). По мнению некоторых исследователей, Иеронима не было в Вавилоне, когда она готовилась, а источник Диодора происходит из Александрии и имеет ярко выраженный проптолемеевский характер (Ibid. P. 473, N. 31).
- ⁵²⁵ Ibid. P. 482; *Head D. Armies...* P. 183.
- ⁵²⁶ Несомненно, это были «боевые» слоны, обученные убивать.
- ⁵²⁷ «Александр, не оставлявший без внимания ничего, что сулило улучшение боевой техники, включил слонов в свою армию» (*Болдырев А. В., Боровский Я. М. Техника...* С. 275).
- ⁵²⁸ Stewart J. The Elephant in War // The Quarterly Journal of Military History. 1991. Vol. 3. № 3. P. 64.
- ⁵²⁹ Ibid.
- ⁵³⁰ На Европейский континент слонов привел Антипатр, который после убийства Пердикки был провозглашен новым регентом (321 г. до н. э.).
- ⁵³¹ Ли Пу III Л. Слоны... С. 75.
- ⁵³² *Goukowsky P. Le roi Pôros...* P. 484, N. 39.
- ⁵³³ *Vranopoulos E. A. ΠΟΛΕΜΙΚΟΙ ΕΛΕΦΑΝΤΕΣ ΕΙΣ ΕΛΛΗΝΙΚΟΥΣ ΣΤΡΑΤΟΣ: War Elephants of the Hellenistic Periods* // Πλατων. 1975. Т. 27. Σελ. 130–133.
- ⁵³⁴ Ibid. P. 484, N. 40.
- ⁵³⁵ Дройзен И. Г. История эллинизма. СПб., 1997. Т. 2. С. 130.
- ⁵³⁶ «Я сомневаюсь, насколько все это описание можно считать исторически верным» (*Дельбрюк Г. История военного искусства...* С. 177).
- ⁵³⁷ Там же. С. 177.
- ⁵³⁸ «Καὶ συνῆψε μὲν τοὺς τοῖς ὑπερδεξίους τῆς ὑπωρίας».

- ⁵³⁹ Арманди П. Д. Военная история... С. 92.
- ⁵⁴⁰ Дельбрюк Г. История военного искусства... С. 177.
- ⁵⁴¹ Относительно хода битвы см.: Дройзен И. Г. История Эллинизма. Т. 2. С. 128–131; Goukowsky P. Le roi Pôros... Р. 484, № 42.
- ⁵⁴² Дельбрюк Г. История военного искусства... С. 177.
- ⁵⁴³ Там же.
- ⁵⁴⁴ «ἐπακολουθούντων δὲ καὶ τῶν θηρίων».
- ⁵⁴⁵ Дройзен И. Г. История эллинизма. Т. 2. С. 133–139; Дельбрюк Г. История военного искусства... С. 177; Kistler J. M. War Elephants. P. 50–53; Goukowsky P. Le roi Pôros... Р. 486, N. 45; Vranopoulos E. A. ΠΟΛΕΜΙΚΟΙ ΕΛΕΦΑΝΤΕΣ... Σελ. 133–136.
- ⁵⁴⁶ По мнению П. Гуковского, и в этой битве участие слонов ограничивалось их боем друг с другом (Goukowsky P. Le roi Pôros... Р. 486).
- ⁵⁴⁷ «Мы не находим, сообщений о том, что ему (Эвмену. — А. Б.) принес какую-либо пользу большой перевес в числе слонов. Мы слышим только, что слоны дрались друг с другом и что слон-вожак этой стороны пал в битве с противником» (Дельбрюк Г. История военного искусства... С. 178).
- ⁵⁴⁸ Там же.
- ⁵⁴⁹ Здесь у Диодора, как и в случае с количеством слонов Эвмена, наблюдается расхождение: в главе 69 он утверждает, что у Деметрия было 5000 всадников, но, если суммировать отряды всадников, размещенных в боевом порядке, получится 4400.
- ⁵⁵⁰ Возможно, именно эти слоны, попавшие в руки Птолемея, и положили начало египетской элфантирии. Об этом см. ниже, в главе «Боевые слоны Птолемея».
- ⁵⁵¹ Дельбрюк Г. История военного искусства... С. 178.
- ⁵⁵² Там же.
- ⁵⁵³ Vranopoulos E. A. ΠΟΛΕΜΙΚΟΙ ΕΛΕΦΑΝΤΕΣ... Σελ. 137–138.
- ⁵⁵⁴ Шофман А. С. Античные танки. С. 214, примеч. 19.
- ⁵⁵⁵ Светлов Р. В. Пирр... 114.
- ⁵⁵⁶ Kistler J. M. War Elephants. P. 81.
- ⁵⁵⁷ Светлов Р. В. Пирр... С. 114.
- ⁵⁵⁸ Там же.
- ⁵⁵⁹ Абакумов А. А. Слоновый корпус Селевка в битве при Ипсе // Вестн. Алтайского гос. ун-та. 2010. № 41. С. 11.
- ⁵⁶⁰ Trautmann T. R. Elephants and Mauryas // India: History and Thought. Essays in Honour of A. L. Basham / ed. by S. N. Mukherjee. Calcutta, 1982. P. 269–271.
- ⁵⁶¹ Tarn W. W. Two Notes... P. 84.
- ⁵⁶² Ibid. P. 88.
- ⁵⁶³ Ibid.
- ⁵⁶⁴ Ibid.
- ⁵⁶⁵ Ibid.
- ⁵⁶⁶ Bar-Kochva B. The Seleucid Army... P. 77.

⁵⁶⁷ Дройзен И. Г. История эллинизма. Т. 2. С. 299; Krebs W. Elefanten in den Heeren der Antike // Wissenschaftliche Zeitschrift der Universitaet Rostock. Jg. 13. 1964. S. 211; Светлов Р. В. Пирр... С. 171.

⁵⁶⁸ Tarn W. W. Two Notes... P. 89, N. 52.

⁵⁶⁹ Bar-Kochva B. The Seleucid Army... P. 78.

⁵⁷⁰ Ibid.

⁵⁷¹ Ibid. P. 79.

⁵⁷² Ibid.

⁵⁷³ Ibid.

⁵⁷⁴ Ibid.

⁵⁷⁵ «И страшные видом, возбужденные шестидесятилетние слоны, с превосходными бивнями, с растрескавшимися (от течки) верхними краями висков, словно проливающие дождь облака, (слоны), на которых удобно разместились обученные воины, опытные в битве, последовали за царем подобно движущимся горам» [М., IV, 30, 22–30; ср. VII, 28, 17–23].

⁵⁷⁶ Относительно климата вообще не должно возникать какой-либо неясности, поскольку в это время слоны еще продолжали водиться в некоторых регионах Сирии.

⁵⁷⁷ Арманди П. Д. Военная история... С. 93.

⁵⁷⁸ Kistler J. M. War Elephants. P. 83.

⁵⁷⁹ Visscher F. de. Encore les éléphants... P. 234.

⁵⁸⁰ Mancini E. Gli elefanti... P. 525.

⁵⁸¹ Ibid. P. 525.

⁵⁸² Ibid. P. 525.

⁵⁸³ Visscher F. de. Encore les éléphants... P. 234.

⁵⁸⁴ Ibid.

⁵⁸⁵ Ibid.

⁵⁸⁶ Светлов Р. В. Пирр... С. 220.

⁵⁸⁷ Дельбрюк Г. История военного искусства... С. 222.

⁵⁸⁸ Казаров С. С. Слоны... С. 39.

⁵⁸⁹ Там же. С. 42.

⁵⁹⁰ «In alcune circostanze, per esempio, quando disponevasi di un numero piccolo di elefanti, questi venivano tenuti come riserva, per lanciarli tutti insieme contro il nemico al momento decisivo del combattimento; così fece Pirro alla battaglia di Eraclea» («При некоторых обстоятельствах, например, когда число слонов было небольшим, их держали в качестве резерва, чтобы бросить всех вместе против неприятеля в решительный момент боя. Так поступил Пирр в битве при Гераклее») (Mancini E. Gli elefanti... P. 529).

⁵⁹¹ Дионисий сообщает, что на следующий год у Пирра оставалось только 16 000 солдат из тех, кто пересек вместе с ним Адриатическое море. Это свидетельствует о том, что царь лишился 12 500 солдат.

⁵⁹² Светлов Р. В. Пирр... С. 223; Vranopoulos E. A. ΠΟΛΕΜΙΚΟΙ ΕΛΕΦΑΝΤΕΣ... Σελ. 139.

- ⁵⁹³ Светлов Р. В. Пирр... С. 250.
- ⁵⁹⁴ Там же. С. 252.
- ⁵⁹⁵ *Visscher F. de. Une histoire d'éléphants // L'Antiquité classique. Т. 29. 1960. Р. 52.*
- ⁵⁹⁶ Арманди П. Д. Военная история... С. 331.
- ⁵⁹⁷ «Quare ego arbitror, potius lucas luce, quod longe relucebant propter in auratos regios clypeos, quibus eorum tum ornatae erant turres» («Луканскими они были названы, как я полагаю, более из-за видневшегося отовсюду сияния позолоченных царских щитов, которыми были тогда украшены башни»).
- ⁵⁹⁸ «В действительности ничего не доказывает, что эти позолоченные щиты составляли часть снаряжения слонов ни в эпоху Пирра, ни после, и мне никогда не приходилось встречать у древних авторов упоминания о них. Гораздо проще и естественнее видеть в слове *Lucas* сокращенное *Lucanus*, такое сокращение весьма типично для древнего латинского языка, в котором мы находим *Campas* (от *Campanus*), *Pices* (от *Picenus*), *Tros* (от *Trojanus*) и много других подобных аналогий» (Арманди П. Д. Военная история слонов... С. 331).
- ⁵⁹⁹ Там же. С. 331.
- ⁶⁰⁰ *Schwartz B. Latin lucabos, éléphant // A linguistic happening in memory of Ben Schwartz Studies in Anatolian / ed. by L. Arbeitman Yoël. Louvain-la-Neuve, 1988. Р. 321–331.*
- ⁶⁰¹ «...Можно даже утверждать, полагаясь на тщательное наблюдение Фуше д'Опсонвиля, что большинство самок, родивших в неволе, были уже беременны к тому моменту, когда их поймали, или же убежали, чтобы зачать от диких слонов, что действительно несколько раз имело место» (Арманди П. Д. Военная история... С. 34).
- ⁶⁰² «Imperium Siciliae tam cito amisit quam quaesierat» («Власть над Сицилией он потерял настолько же быстро, насколько ее и обрел»).
- ⁶⁰³ Казаров С. С. Последняя кампания царя Пирра в Италии // АМА. Вып. 11. Саратов, 2002. С. 17.
- ⁶⁰⁴ Там же. С. 19.
- ⁶⁰⁵ Казаров С. С. Слоны... С. 42, примеч. 13–14.
- ⁶⁰⁶ Там же. С. 42.
- ⁶⁰⁷ Вряд ли у Пирра было такое количество солдат даже накануне битвы. К тому же не будем забывать, что в бою под Беневентом участвовала лишь половина собранной им армии.
- ⁶⁰⁸ Дельбрюк Г. История военного искусства... С. 223. — С. С. Казаров также полагает, что римлянам не удалось добиться под Беневентом крупного успеха: «У нас нет сомнений в том, что Беневент был не военной, а скорее политической победой римлян. Не желая полного разгрома своего войска, Пирр оставил поле боя, но каким бы организованным ни было его отступление, это все равно было отступление, которое существенно пошатнуло его авторитет в глазах союзников» (Казаров С. С. Последняя кампания... С. 21–22).

- ⁶⁰⁹ Казаров С. С. Слоны... С. 44.
- ⁶¹⁰ Capdetrey L. Le pouvoir séleucide. Territoire, administration, finances d'un royaume hellénistique (312–129 avant J.-C.). Rennes, 2007. P. 412.
- ⁶¹¹ Ibid. P. 412.
- ⁶¹² Ibid. P. 411.
- ⁶¹³ Tarn W. W. Two Notes... P. 87; Бикерман Э. Государство Селевкидов. М., 1985. С. 60, примеч. 116; Nikonorov V. P. The Armies of Bactria (700–450 AD). Vol. 1. Stockport, 1997. P. 32.
- ⁶¹⁴ Об этом см. ниже, в главе IX «Боевые слоны Птолемеев».
- ⁶¹⁵ Bar-Kochva B. The Seleucid Army... P. 80.
- ⁶¹⁶ Комедия была поставлена в 205–200 гг. до н. э. (Попов А. А. Греко-Бактрийское царство. СПб., 2008. С. 122). — Некоторые исследователи полагают, что в этих словах содержится указание на участие малоазийских наемников в войне с индийцами в составе греко-бактрийских войск (Nikonorov V. P. The Armies of Bactria... P. 42; Попов А. А. Греко-Бактрийское царство... С. 123).
- ⁶¹⁷ Об этом сражении см.: Bar-Kochva B. The Seleucid Army... P. 146–157.
- ⁶¹⁸ Ibid. P. 80.
- ⁶¹⁹ Об этом см. ниже, в главе IX «Закат “эпохи боевых слонов”».
- ⁶²⁰ Bar-Kochva B. The Seleucid Army... P. 81.
- ⁶²¹ Ibid.
- ⁶²² «Рассказ довольно подробен, но маловероятен» (Дельбрюк Г. История военного искусства... С. 179).
- ⁶²³ «ἐπὶ τε τῷ τροπαίῳ κελεύει ἄλλο μηδέν, ἐλέφанта δὲ μόνον ἐγκολᾶσθαι».
- ⁶²⁴ Goukowsky P. Le roi Pôros... P. 490, N. 64.
- ⁶²⁵ Pottier E., Reinach S. Éléphant... P. 485.
- ⁶²⁶ Ibid.
- ⁶²⁷ Ibid. P. 486.
- ⁶²⁸ Ibid.
- ⁶²⁹ Ibid.
- ⁶³⁰ Горелик М. В. Шагающие крепости. С. 42.
- ⁶³¹ Pottier E., Reinach S. Éléphant... P. 488.
- ⁶³² Ibid. P. 492. — Некоторые исследователи не исключают возможность, что статуэтка из некрополя Мирины может быть отражением одной из побед, одержанных над галатами пергамскими царями (Ibid. P. 492–493). Данное утверждение представляется нам сомнительным, поскольку вряд ли у владык Пергама могли быть в это время боевые слоны.
- ⁶³³ Sattis S. Contributo a Bomarzo // Bollettino d'Arte. Serie 6. Ann. 51. I–II. Roma, 1961. P. 16.
- ⁶³⁴ Bar-Kochva B. The Seleucid Army... P. 128–141; Vranopoulos E. A. ΠΟΛΕΜΙΚΟΙ ΕΛΕΦΑΝΤΕΣ... Σελ. 142–143.
- ⁶³⁵ Gowers N., Scullard H. H. Hannibal's Elephants... P. 277, N. 21.
- ⁶³⁶ Ibid. P. 277.

⁶³⁷ Goukowsky P. Le roi Pôros... P. 492, N. 72.

⁶³⁸ Об этом сражении см.: Bar-Kochva B. The Seleucid Army... P. 158–162.

⁶³⁹ Kromayer J. Antike Schlachtfelder in Griechenland. Bd I. Berlin, 1903; S. 179–195; Bar-Kochva B. The Seleucid Army... P. 163–173; Goldsworthy A. Les guerres romaines (281 av. J.-C. 476 ap. J.-C.). Paris, 2001. P. 70–73; Vranopoulos E. A. ΠΟΛΕΜΙΚΟΙ ΕΛΕΦΑΝΤΕΣ...Σελ. 144–145.

⁶⁴⁰ Дельбрюк Г. История военного искусства... С. 293. — Флор утверждает, что у Антиоха было 300 000 пехотинцев и не меньшее количество всадников и серпоносных колесниц [Flor., I, 24]. Подобные цифры, конечно же, являются преувеличением.

⁶⁴¹ Хотя Аппиан утверждает, что Эвмен командовал левым флангом римской армии, из описания хода сражения становится ясно, что он находился на ее правом фланге.

⁶⁴² Об этих лучниках Аппиан сообщает, что они, «сидя на очень быстрых верблюдах, очень искусно стреляют сверху вниз, а при близком столкновении пользуются очень длинными и узкими ножами» [App., Syr., 33; пер. С. П. Кондратьева].

⁶⁴³ Возможно, Антиох оставлял на краях боевой линии по 16 слонов — на случай, если им придется сражаться с таким же количеством животных противника.

⁶⁴⁴ Арманди П. Д. Военная история... С. 210.

⁶⁴⁵ Дельбрюк Г. История военного искусства... С. 292.

⁶⁴⁶ Там же. С. 293.

⁶⁴⁷ Библиографию по этому вопросу см.: Goukowsky P. Le roi Pôros... P. 492, N. 70.

⁶⁴⁸ Ibid.

⁶⁴⁹ Ibid. P. 492, N. 70. — Гандхара — историческая область, а также государство, занимавшее территорию от Восточного Афганистана до северо-западного Пакистана. В 180–10 гг. до н. э. входила в состав одного из индо-греческих царств.

⁶⁵⁰ Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства в собраниях Гос. Эрмитажа. Т. I. М.; Л., 1940. С. 45–48.

⁶⁵¹ Иванов А. А., Луконин В. Г., Смесова Л. С. Ювелирные изделия Востока. Древний, средневековый периоды. М., 1984. С. 21.

⁶⁵² «Antiocho vadum fluminis experienti renuit Ajax, alioqui dux agminis semper. Tum pronuntiatum eius fore principatum qui transisset, ausumque Patroclum ob id phaleris argenteis, quo maxime gaudent, et reliquo omni primatu donavit».

⁶⁵³ «On sait par Pline... que, chez les Séleucides, les éléphants particulièrement valeureux recevaient des phalères d'argent comme «décorations»: croirais volontiers que les phalères de l'Ermitage son un exemple de cet usage curieux» (Goukowsky P. Le roi Pôros... P. 492, N. 70).

⁶⁵⁴ Goukowsky P. Le roi Pôros... P. 492.

⁶⁵⁵ Nikonov V. P. The Armies of Bactria... P. 42–43; Попов А. А. Греко-Бактрийское царство. С. 126–127; Попов А. А., Банников А. В. Ненаписанная страница в военной

истории слонов (Греко-Бактрия и индо-греческие царства) // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2. 2010. Вып. 3. С. 28–35.

⁶⁵⁶ Парибок А. В. Вопросы Милинды (Милиндапаньха). М., 1989. С. 66, 86, 88–90.

⁶⁵⁷ Арманди П. Д. Военная история... С. 71; Scullard H. H. The Elephant... P. 80–81; Wylie K. C. Les éléphants... P. 146.

⁶⁵⁸ Об этом свидетельствуют выгнутые спины и небольшие размеры ушей изображенных животных.

⁶⁵⁹ Gowers N., Scullard H. H. Hannibal's Elephants Again. P. 275.

⁶⁶⁰ «Можно сказать без преувеличения, что вся африканская политика Птолемея I и его сына была подчинена добыче слонов» (Берзина С. Я. Древняя Индия и Африка. С. 20).

⁶⁶¹ Casson L. Ptolemy II and the Hunting of African Elephants // TAPA. Vol. 123. 1993. P. 250.

⁶⁶² Ibid. P. 251, N. 13.

⁶⁶³ Goukowsky P. De roi Pôros... P. 498, N. 85; Trautmann T. R. Elephants and Mauryas. P. 268–269.

⁶⁶⁴ Casson L. Ptolemy II... P. 251, N. 15.

⁶⁶⁵ Visscher F. de. Encore les éléphants... P. 234.

⁶⁶⁶ «Constatque in Berenice urbe Trogodytarum, et inde stadiis quattuor milibus DCCCXX in eadem gente Ptolemaide oppido, quod in margine rubri maris ad primos elephantorum venatus conditum est...» — См.: Visscher F. de. Encore les éléphants... P. 234.

⁶⁶⁷ Болдырев А. В., Боровский Я. М. Техника... С. 275.

⁶⁶⁸ Арманди П. Д. Военная история... С. 74.

⁶⁶⁹ Там же.

⁶⁷⁰ Там же. С. 73–74.

⁶⁷¹ Casson L. Ptolemy II... P. 248,

⁶⁷² Ibid. P. 252, N. 19.

⁶⁷³ Ibid. P. 252–253.

⁶⁷⁴ Ibid. P. 256–257.

⁶⁷⁵ Ibid. P. 252, N. 21.

⁶⁷⁶ Ibid. P. 252, N. 21.

⁶⁷⁷ Абакумов А. А. Боевые слоны эллинистического Египта // Para bellum. Военно-исторический журнал. 2010. № 32. С. 12.

⁶⁷⁸ Арманди П. Д. Военная история... С. 75.

⁶⁷⁹ Casson L. Ptolemy II... P. 253, N. 25.

⁶⁸⁰ Арманди П. Д. Военная история... С. 75.

⁶⁸¹ Casson L. Ptolemy II... P. 254, N. 26.

⁶⁸² Ibid. P. 253.

⁶⁸³ Ibid. P. 259.

⁶⁸⁴ Kistler J. M. War elephants. P. 73.

- ⁶⁸⁵ Goukowsky P. Le roi Pôros... P. 498, N. 88.
- ⁶⁸⁶ Gowers N., Scullard H. H. Hannibal's Elephants... P. 274–275. — На наш взгляд, подобное предположение может быть принято для ранней датировки процессии, но к 271 г. до н. э., когда отлов слонов продолжался практически уже десять лет, проблем с дрессировкой животных быть не могло.
- ⁶⁸⁷ Goukowsky P. Le roi Pôros... P. 492, N. 69.
- ⁶⁸⁸ Bar-Kochva B. The Seleucid Army... P. 79.
- ⁶⁸⁹ Арманди П. Д. Военная история... С. 75–76.
- ⁶⁹⁰ Там же. С. 75.
- ⁶⁹¹ Цит. по: Дройзен И. Г. История эллинизма. Т. 1–3. СПб., 1999. Т. 3. С. 127.
- ⁶⁹² Арманди П. Д. Военная история... С. 76.
- ⁶⁹³ Gowers N., Scullard H. H. Hannibal's Elephants... P. 276. Cp. Gowers W. African Elephants and ancient authors // African Affairs. 1948. № 47. P. 174; Charles M. B. Elephants at Raphia... P. 308.
- ⁶⁹⁴ Птолемей получил несколько ран в голову. Согласно Ливию, он умер «во время лечения, когда врачи начали просверливать ему череп» [Liv., Periocha, 52].
- ⁶⁹⁵ Арманди П. Д. Военная история... С. 77.
- ⁶⁹⁶ Абакумов А. А. Элефантерия в эллинистических армиях (последняя четверть IV—III вв. до н. э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010. С. 7.
- ⁶⁹⁷ Арманди П. Д. Военная история... С. 76.
- ⁶⁹⁸ Отказ от агрессивной политики приводит к тому, что военная несостоятельность Египта обнаруживается уже при Птолемеи VI Филометоре, в правление которого Антиох IV разбил египетские войска и осадил Александрию (170–169 гг. до н. э.). Вмешательство Рима спасло Птолемеи от окончательного разгрома, но они утратили Койлесирию и Иудею.
- ⁶⁹⁹ «Эфиопы охотились на слонов во все времена — ради слоновой кости и ради их мяса, которое использовали в пищу... Такова была единственная польза, которую эти народы могли получить от благородного четвероногого; и, действительно, мы не знаем ни одного примера использования ими слонов либо в военных целях, либо в качестве вьючного животного» (Арманди П. Д. Военная история... С. 37). — См.: Берзина С. Я. Древняя Индия и Африка // Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982. С. 20.
- ⁷⁰⁰ Берзина С. Я. Древняя Индия и Африка. С. 22.
- ⁷⁰¹ «Elephantum minimus Aethiops iubet subsidere in genua et ambulare per funem».
- ⁷⁰² «Nigro bellua nil negat magistro».
- ⁷⁰³ «Tradunt armatorum CCL dare solitam, artificum III».
- ⁷⁰⁴ Krebs W. Elefanten in den Heeren der Antike // Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock. Jg. 13. 1964. S. 214.
- ⁷⁰⁵ Берзина С. Я. Древняя Индия и Африка. С. 21.
- ⁷⁰⁶ Гелиодор жил, очевидно, в III в. н. э. Отношение к его произведению среди исследователей всегда было неоднозначным. Одни рассматривают его

как чисто литературное явление, другие обращают внимание на исторические сведения, содержащиеся в нем, которые часто носят уникальный характер. (Берзина С. Я. Гелиодор. Эфиопика // История Африки в древних и средневековых источниках. Хрестоматия / Под ред. О. К. Дрейера. Сост. С. Я. Берзина и Л. Е. Куббель. М., 1990. С. 150).

⁷⁰⁷ Нефёдкин А. К. Арриан. Комментарии // Тактическое искусство. СПб., 2010. С. 117.

⁷⁰⁸ Берзина С. Я. Древняя Индия и Африка. С. 21.

⁷⁰⁹ «Эфиопы не знают искусства приручения слонов, но если царь пожелает иметь одного или двух для представлений, они ловят их, пока они молодые, и воспитывают их. Ныне страна изобилует ими...» [Cosmas, XI, 325, 3–8; пер. Г. М. Бауэра].

⁷¹⁰ «Quando los Ethiopos van a la guerra, eleven hechos Castillos de madera sobre los elefantes, y desde encima pelean diez y doze nombre con saetas, piedras, y dardos» («Отправляясь на войну, эфиопы сооружали деревянные замки на спинах слонов, откуда метали стрелы, камни и дротики»). Все эти сведения, касающиеся использования боевых слонов африканскими народами, были собраны П. Д. Арманди (Арманди П. Д. Военная история... С. 354–355).

⁷¹¹ Там же. С. 355.

⁷¹² Берзина С. Я. Древняя Индия и Африка. С. 20.

⁷¹³ Абакумов А. А. Боевые слоны... С. 12.

⁷¹⁴ Арманди П. Д. Военная история... С. 269.

⁷¹⁵ Там же, Р. 101; Gaidoz H. Les éléphants... Р. 484.

⁷¹⁶ Арманди П. Д. Военная история... Р. 101.

⁷¹⁷ Gowers N., Scullard H. H. Hannibal's Elephants... Р. 277.

⁷¹⁸ Ibid.

⁷¹⁹ Это первый засвидетельствованный нашими источниками случай использования карфагенянами боевых слонов (Scullard H. H. Hannibal's Elephants // Numismatic Chronicle. Ser. 10. 1948. 8. Р. 159; Gowers N., Scullard H. H. Hannibal's Elephants... Р. 277).

⁷²⁰ Berthelot A. Questions... Р. 378.

⁷²¹ «N'ayant aucun motif de récuser le témoignage de Polybe, nous admettons que les éléphants auxquels Hannibal puis son frère ont fait franchir les Alpes venaient de l'Inde» (Ibid. Р. 38.). Ср.: Visscher F. de. Une histoire... Р. 54; Bagnall N. The Punic Wars: 264–146 BC. Oxford, 2002. Р. 20.

⁷²² Подобное масштабное предприятие не могло остаться незамеченным современниками, и упоминание о нем обязательно должно было сохраниться в наших источниках.

⁷²³ Scullard H. H. Hannibal's Elephants... Р. 162, 163, Fig. 5.

⁷²⁴ Gowers N., Scullard H. H. Hannibal's Elephants... Р. 279.

⁷²⁵ Ibid. Р. 279, № 31.

⁷²⁶ Scullard H. H. Hannibal's Elephants... Р. 163.

⁷²⁷ Ibid. P. 162.

⁷²⁸ Gowers N., Scullard H. H. Hannibal's Elephants... P. 280.

⁷²⁹ Нам кажется сомнительным, что негр в древности мог быть символом Африки, поскольку основные народы, населявшие известную в то время часть континента (египтяне, карфагеняне, нумидийцы, мавританцы), не принадлежали к негроидной расе. К тому же в античности, так же как и сегодня, страну или часть света было принято изображать в виде женщины с характерными атрибутами. Например, римляне представляли Африку в виде женщины, голову которой покрывает *exuvia elephantis*.

⁷³⁰ Gowers N., Scullard H. H. Hannibal's Elephants... P. 280. — Предположение Н. Говерса и Г. Х. Скалларда относительно того, что у карфагенян негры по какой-то причине были приставлены к слонам для ухода (Ibid.), считаем необоснованным. Ссылка на цитированное уже выше указание, содержащееся в одном из писем Сенеки (Ibid., N. 33), свидетельствует лишь о том, что погонщиками и дрессировщиками слонов в императорском Риме действительно были чернокожие (эфиопы).

⁷³¹ Gowers N., Scullard H. H. Hannibal's Elephants... P. 279.

⁷³² Ibid. P. 283; Scullard H. H. The Elephant... P. 174–177. — Это мнение было поддержано многими зарубежными специалистами, в частности М. Б. Чарльзом (Charles M. B. African forest Elephants... P. 342).

⁷³³ «...Vocatum altero dente mutilato».

⁷³⁴ Scullard H. H. Hannibal's Elephants... P. 167.

⁷³⁵ Gowers N., Scullard H. H. Hannibal's Elephants... P. 280.

⁷³⁶ «...Quibus ferax est Numidia».

⁷³⁷ Арманди П. Д. Военная история... С. 102.

⁷³⁸ Поскольку в начале кампании у Ганнона было 60 слонов, а накануне битвы при Акраганте — 50, то очевидно, что в последнем сражении он лишился только 20 из них. Это говорит о том, что поражение карфагенян хотя и было тяжелым, однако их армия не была уничтожена.

⁷³⁹ Арманди П. Д. Военная история... С. 106.

⁷⁴⁰ Там же. С. 105–106.

⁷⁴¹ «Τοὺς μὲν ἐξαγαγὼν ἐφ' ἑνα πρὸ πάσης τῆς διαμέμεως ἐν μετώπῳ κατέστῃσε» («Выведя слонов из стойл, он поставил их впереди всего фронта армии»).

⁷⁴² Хотя нельзя не отметить, что по версии Зонары римская кавалерия была опрокинута слонами [Zon., VIII, 13], что свидетельствует в пользу гипотезы П. Д. Арманди.

⁷⁴³ Арманди П. Д. Военная история... С. 105.

⁷⁴⁴ Там же.

⁷⁴⁵ Там же. С. 106–108.

⁷⁴⁶ Walbank F. W. A Historical commentary... P. 92.

⁷⁴⁷ Tarn W. W. Hellenistic Military and Naval Developments. New York, 1966. P. 97–98.

- ⁷⁴⁸ Арманди П. Д. Военная история... С. 121.
- ⁷⁴⁹ Относительно технических подробностей этого предприятия см.: Philipp J. Wie hat Hannibal die Elephanten ueber die Rhone gesetzt // Klio. 1911. Bd 11. S. 343–354; O'Bryhim S. Hannibal's Elephants and the Crossing of the Rhône // Classical Quarterly. 1991. Vol. 41. P. 121–125.
- ⁷⁵⁰ О походе армии Ганнибала сообщают также Зонара, сведения которого восходят к Диону Кассию, некоторая информация содержится у Диодора Сицилийского и Аппиана, Валерия Максима, Силия Италика, Фронтин, Плутарха, Флора, Евтропия и Павла Орозия (Berthelot A. Itinéraire d'Hannibal à travers la Gaule // REA. Vol. 37. 1935. P. 185).
- ⁷⁵¹ См. краткий обзор мнений по этому поводу И. Ш. Кораблева (Кораблев И. Ш. Ганнибал. С. 362, примеч. 75).
- ⁷⁵² Berthelot A. Questions hannibaliques... P. 35.
- ⁷⁵³ «En l'état actuel des sources dont nous disposons, rien ne permet de ... conclure» (Amara O. A. Les soldats d'Hannibal. Clermont-Ferrand, 2009. P. 53).
- ⁷⁵⁴ «Мы говорим с уверенностью, ибо о событиях этих получили сведения от самих участников, местности в них осмотрены нами лично во время путешествия, которое мы совершили через Альпы ради изучения и любознательности» [Polyb., III, 48, 12; пер. Ф. Г. Мищенко].
- ⁷⁵⁵ Berthelot A. Itinéraire... P. 197.
- ⁷⁵⁶ Это позволяет предположить, что город находился на расстоянии, не превышающем одного часа ходьбы, в течение которого горцы могли подняться на 600 м, пройдя 6–7 км (Ibid. P. 188).
- ⁷⁵⁷ Кораблев И. Ш. Ганнибал. С. 87.
- ⁷⁵⁸ Ср. у Ювенала:
Взята Испания им, хребет Пиренеев им пройден;
Против него воздвигает природа покрытые снегом
Альпы — он скалы дробит и уксусом горы взрывает.
[Juvenal., X, vs. 151–153; пер. Д. Недовича и Ф. Петровского].
В древности виноградный уксус использовали вместо вина. Поэтому в карфагенской армии его нашлось достаточное количество для осуществления плана, задуманного Ганнибалом.
- ⁷⁵⁹ Berthelot A. Itinéraire... P. 198, N. 1.
- ⁷⁶⁰ Berthelot A. Questions hannibaliques... P. 35.
- ⁷⁶¹ Ольгин Л., Виноградов В. За Ганнибалом на слонах // Вокруг света. № 11. Ноябрь 1980. С. 35.
- ⁷⁶² Там же.
- ⁷⁶³ Мотив, согласно которому победа карфагенян была достигнута хитростью, а не доблестью и умением, особенно отчетливо звучит в словах Флора: «Именно тогда находчивые враги, согрив себя огнем и маслом, воспользовались холодом и снежным днем. Трудно поверить, но люди, выросшие под южным солнцем, победили нас в союзе с нашей собственной зимой» [Flor., I, 12; пер. А. Немировского, М. Дашковой].

⁷⁶⁴ Во время сражения эти войска действительно очень долго не вступали в бой, поэтому, как сообщает Полибий, среди них было немного погибших [Polyb., III, 74, 10].

⁷⁶⁵ Согласно Ливию, римлян было 18 000 [Liv., XXI, 55, 4].

⁷⁶⁶ Именно так можно объяснить, каким образом получилось, что в рассказе Ливия слоны действуют на флангах совместно с легковооруженной пехотой пунийцев.

⁷⁶⁷ Ср.:

О, что за образ достойный картины, когда гетулийский

Слон был оседлан вождем, на один уже глаз окривевшим.

[Juvenal., X, vs. 157–158; пер. Д. Недовича и Ф. Петровского].

⁷⁶⁸ Арманди П. Д. Военная история... С. 127.

⁷⁶⁹ Согласно Евтропию, после поражения Гасдрубала в Испании из Карфагена ему было прислано 12 000 пехоты, 4000 конницы и 20 слонов [Eutrop., III, 11, 2].

⁷⁷⁰ Ливий приводит также и иную версию сражения под Капуей: «У других писателей я вычитал, что битва эта вовсе не была такой трудной, что больше было пустого страха, чем воинского пыла, когда в римский лагерь неожиданно ворвались со слонами испанцы и нумидийцы и слоны прошли по лагерю, с шумом опрокидывая палатки, а испуганные мулы и лошади, оборвав привязи, разбежались» [Liv., XXVI, 6, 8; пер. М. Е. Сергеенко].

⁷⁷¹ Visscher F. de. Une histoire... P. 56, N. 12.

⁷⁷² Аппиан рассказывает об этом городе следующее: «Некогда римляне, укрепив один маленький городок в области айканов, назвали его от своей метрополии Альбой; со временем вследствие небрежности произношения или порчи языка, или для отличия от албанов они стали называть их альбесеями» [App., Hannib., 39; пер. С. П. Кондратьева].

⁷⁷³ Visscher F. de. Une histoire... P. 51.

⁷⁷⁴ Ibid. Pl. IV, Fig. 1.

⁷⁷⁵ Ibid. P. 51.

⁷⁷⁶ Ibid. P. 51–52.

⁷⁷⁷ Ibid. P. 51.

⁷⁷⁸ Visscher F. de. Encore les éléphants... P. 234.

⁷⁷⁹ Visscher F. de. Une histoire... P. 53.

⁷⁸⁰ Ibid.

⁷⁸¹ Visscher F. de. Encore les éléphants... P. 235.

⁷⁸² Visscher F. de. Une histoire... P. 54.

⁷⁸³ Этот алтарь был обнаружен в середине XX в. (Ibid. P. 54, N. 16).

⁷⁸⁴ Ibid. P. 59.

⁷⁸⁵ Ibid. P. 54, N. 17.

⁷⁸⁶ Согласно Полибию, Гасдрубал встал в середине боевого порядка, там, где находились слоны, и повел атаку всей армии против левого крыла римлян [Polyb., XI, 1, 5]. Нам подобная схема сражения представляется менее вероятной,

поскольку в этом случае было бы непонятным, какие силы должны были отражать атаку римского центра.

⁷⁸⁷ «...Ad quorum stridorem odoremque et adspectum territi equi».

⁷⁸⁸ Мунда (ныне — Монтилла) — город близ Кордовы.

⁷⁸⁹ Арманди П. Д. Военная история... С. 17.

⁷⁹⁰ Дельбрюк Г. История военного искусства... С. 271.

⁷⁹¹ Там же.

⁷⁹² Там же. С. 271–272.

⁷⁹³ Там же. С. 276.

⁷⁹⁴ Там же. С. 276–277.

⁷⁹⁵ Там же. С. 271.

⁷⁹⁶ Там же. С. 273.

⁷⁹⁷ Там же. 271–274.

⁷⁹⁸ «In proposito naturalmente, mancherà sempre ogni certezza; ma sono convinto che l'origine dell'ironica risposta data al rivale durante l'immaginario incontro di Efeso vada cercata in un discorso realmente pronunciato dallo stesso Annibale; il quale, probabilmente, sentiva davvero che, se avesse vinto a Zama, avrebbe compiuto il capolavoro tattico somno e avrebbe avuto il diritto di considerarsi il più grande fra tutti i condottieri» (Brizzi G. Il guerriero, l'oplita, il legionario. Gli eserciti nel mondo classico. Bologna, 2008. P. 91; cp. Brizzi G. Fatti d'arme sull'Ofanto: considerazioni sulla battaglia di Ausculum (279 a. C.) // *Revue des Études Militaires Anciennes*. 2005. № 2. P. 64.

⁷⁹⁹ Brizzi G. Il guerriero... P. 87.

⁸⁰⁰ Ibid. P. 87–88.

⁸⁰¹ В этой связи весьма уместным представляется утверждение Каутильи, что слоны и лошади, не обученные для войны, — один из признаков слабости армии [А., X, 155–157].

⁸⁰² Когда в сражениях, состоявшихся в Испании, Ливий называет большее число животных (например в битве при Илитургисе), то речь всегда идет о трех карфагенских армиях, объединявшихся для ведения военных действий.

⁸⁰³ Гржимек Б. Там, где учатся слоны... С. 66.

⁸⁰⁴ «Primus Romam elephantos quattuor duxit».

⁸⁰⁵ Walbank F. W. A Historical commentary... P. 103.

⁸⁰⁶ «... Ante prima signa» [Liv., XXXI, 36, 4].

⁸⁰⁷ Плутарх, в общем, рисует ту же картину сражения, что и Ливий. Однако он менее подробен в деталях и нигде не упоминает об участии слонов [Plut., Flamin., 8].

⁸⁰⁸ Арманди П. Д. Военная история... С. 151.

⁸⁰⁹ «Elephantis cibaria dari vetulit».

⁸¹⁰ Так, например, комментатор «Эпитом» Флора А. И. Немировский считает, что Флор путает переход Ганнибала через земли аллоброгов в 219 г. до н. э. с войнами, которые вели римляне (Немировский А. И. Комментарии // Анней Флор. Две книги римских войн // Малые римские историки. М., 1996. С. 347, примеч. 200).

⁸¹¹ «Cn. Domitius, Allobrogibus Arvernisque superatis, elephanto per provinciam vectus est, turba militum quasi inter solemnia triumphi prosequente».

⁸¹² Арманди П. Д. Военная история... С. 151.

⁸¹³ «Maximus barbaris terror elephanti fuerit».

⁸¹⁴ Арманди П. Д. Военная история... С. 216.

⁸¹⁵ Там же. С. 238.

⁸¹⁶ Там же. С. 144, примеч. 195.

⁸¹⁷ «...À ses pieds, un serpent (ou carnyx, trompette Galoise)» (*Schmitt L., Prieur M. Les monnaies romaines. Paris, 2004. P. 147, № 2246*). Впрочем, существует и другое толкование данного изображения. М. Дейе полагает, что горизонтальная линия под ногами слона символизирует море, из которого поднимается голова морского чудовища (*Dayet M. Carnet de numismatique celtique VII. Le denier de César au type de l'éléphant // RAE. 1960. XI. P. 42–47*).

⁸¹⁸ Тем не менее К. Носов полагает, что отдельные случаи использования слонов парфянами все-таки были, по крайней мере в период войн с Траяном («The Parthians also resorted to war elephants, though on a smaller scale, and the exact point in time is not known. The Parthians are only known to have made an attempt at using elephants against the Roman Emperor Trajan (r. 98–117) when he invaded Parthia in the early 2nd century AD») (*Nossov K. War Elephants. Oxford; New York, 2008. P. 35*). Остается только сожалеть, что исследователь не указывает на источники, которые могли бы дать повод для подобного заключения.

⁸¹⁹ Нерегулярный характер персидского войска сохранялся вплоть до военной реформы Хосрова I (531–579 гг.) (*Дмитриев В. А. Всадники в сверкающей броне. Военное дело сасанидского Ирана и история римско-персидских войн. СПб., 2008. С. 15; 51–52*). Реформа, проведенная Хосровом, изменила принцип комплектования сасанидской армии. Воины стали теперь получать от государства оружие и жалование (Там же. С. 56).

⁸²⁰ *Le Bohec Y. L'armée Romaine dans la tourmente. Une nouvelle approche de la «crise du III siècle».* Courtry, 2009. P. 141.

⁸²¹ Несмотря на то что персидская армия формировалась на национальной основе, при необходимости персы прибегали и к услугам наемников, которых рекрутировали индивидуально или по племенам (*Ibid P. 141, № 372*). Из наемников были образованы элитные гвардейские отряды, в частности, подразделения кардаков (*kardakes*) из знатной молодежи (*Ibid. P. 142*). У персов были отряды, состоявшие из греков или римлян, набранных добровольно, или из числа военнопленных (*Ibid.*). Кроме этого, на персидскую службу могли привлекать бактрийцев, иберов и тавроскифов (*SHA, Val., 4, 1*). Однако количество подразделений, созданных из наемников, всегда было не очень велико (*Ibid. 141, № 373*).

⁸²² *Ibid. P. 146.*

⁸²³ *Le Bohec Y. L'armée Romaine sous le Bas-Empire. Paris, 2006. P. 127.*

⁸²⁴ Она состояла из *васпухров* — представителей правящей династии и наиболее привилегированных аристократических родов, которых в Иране было 7,

и вазургов — членов остальных знатных семейств (Дмитриев В. А. Всадники... С. 46).

⁸²⁵ Азаты, по всей видимости, были вассалами васпухров и вазургов и в случае начала военных действий обязаны были прибыть к ним в полном вооружении (Там же).

⁸²⁶ Дмитриев В. А. Всадники... 66–67.

⁸²⁷ Там же. С. 68.

⁸²⁸ Там же. С. 71.

⁸²⁹ *Le Bohec Y. L'armée Romaine dans la tourmente...* P. 143, № 382.

⁸³⁰ *Ibid.* P. 148, № 404.

⁸³¹ *Le Bohec Y. L'armée Romaine sous le Bas-Empire.* P. 127.

⁸³² *Scullard H. H. The Elephant...* P. 201.

⁸³³ С этой версией согласуются и свидетельства некоторых других историков, отражающих точку зрения официальной имперской пропаганды [Eutrop., VIII, 23; Vict., Caes., 24].

⁸³⁴ «Trecentos cepimus ducenti interfecti jacent, decem et octo perduximus».

⁸³⁵ Арманди П. Д. Военная история... С. 252.

⁸³⁶ Кулаковский Ю. А. История Византии (518–602 годы). Т. II. СПб., 1996. С. 313.

⁸³⁷ Арманди П. Д. Военная история... С. 271, примеч. 53.

⁸³⁸ Там же; Кулаковский Ю. А. История Византии (602–717 годы). Т. III. СПб., 1996. С. 97.

⁸³⁹ Рейнс Ф. Боевые слоны... № 29. С. 16. Ср.: Дмитриев В. А. Всадники... С. 23.

⁸⁴⁰ Рейнс Ф. Боевые слоны в военном деле поздней античности / Пер. А. А. Черепановой; под ред. А. К. Нефёдкина // *Para bellum. Военно-исторический журнал*. 2008. № 30. С. 49, примеч. 108.

⁸⁴¹ Там же. С. 49.

⁸⁴² Нефёдкин А. К. Башни... С. 108, примеч. 42.

⁸⁴³ Там же С. 108.

⁸⁴⁴ Нефёдкин А. К. Башни... С. 108, примеч. 44.

⁸⁴⁵ *Nicolle D. Sassanian Armies. The Iranian Empire early 3rd to mid 7th centuries AD.* Stockport, 1996. P. 28–29; 329–330; Нефёдкин А. К. Башни... С. 108.

⁸⁴⁶ «Действия верхового слона бывают 8 видов: правильный ход, совместный ход с другими слонами, рысь, ход различных видов, движение с применением палки, движение с применением стрекала, простой («чистый») ход, когда слон повинуется словам погонщика и действия слона на охоте» (пер. В. И. Кальянова).

⁸⁴⁷ «...ἔφερον ἐκ σιδήρου πύργους».

⁸⁴⁸ «...τοξότας καὶ ἀκοντιστάς καὶ σιδηροῦν πύργον».

⁸⁴⁹ *Charles M. B. The Rise of the Sassanian Elephant Corps: Elephants and the Later Roman Empire // Iranica Antiqua.* 2007. Vol. XLII. P. 316.

⁸⁵⁰ Нефёдкин А. К. Башни... С. 108.

⁸⁵¹ «...Cum ipsis turribus».

⁸⁵² Рейнс Ф. Боевые слоны... № 29. С. 11.

⁸⁵³ «Aduersum elefantos plura exempla et machinamenta rettulimus, ut, si quando necessitas postulauerit, sciatur, quae sint tam inmanibus beluis opponenda» («Я привел много примеров разных приспособлений для борьбы против слонов с тою целью, чтобы, если представится необходимость, мы знали, что нужно противопоставить столь огромным чудовищам» [Veg., III, 24; пер. С. П. Кондратьева].

⁸⁵⁴ «Допустимо предположить, что, обладая высоким рангом (*vir illustris*), он состоял при штабе и присутствовал при сражениях и осадах, в которых были задействованы эти животные. Естественно, он посчитал необходимым обратиться к сюжету, представлявшему интерес с точки зрения современности» (Арманди П. Д. Военная история... С. 258; ср. Рейнс Ф. Боевые слоны... № 29. С. 10–11).

⁸⁵⁵ «...Gens Persarum ferox bellis, valida sagitis omnique telorum jactu, quia de superioribus ad inferiora valodiore nisu tela torquentur, acies eorum velut gradientibus turribus septa procedit. In mediis campis tanquam de murro dimicant; et velut in arce quadam et specula collocata speciant magis bella, quam subeunt. Ita alieni a periculo videntur, tuti molibus bestiarum».

⁸⁵⁶ См. также. Шагинян А. К. Армения накануне арабского завоевания. СПб., 2003. С. 146.

⁸⁵⁷ Елишэ. Слово о войне армянской / Пер. с др.-арм. акад. И. А. Орбели; новая ред. К. Н. Юзбашяна. // Юзбашян К. Н. Армянская эпопея V века: от Аварайрской битвы к соглашению в Нуарсаке. М., 2001. С. 270.

⁸⁵⁸ Barker Ph. Armies and Enemies of Imperial Rome (organisation, tactics, dress and weapons). London, 1981. P. 143.

⁸⁵⁹ Шагинян А. К. Армения... С. 145. Ср.: Товма Арцруни. История рода Арцруни; пер. А. К. Шагиняна (Там же. С. 151).

⁸⁶⁰ «Такая конструкция утяжеляла башню, но давала необходимую защиту при осаде» (Нефёдкин А. К. Башни... С. 109).

⁸⁶¹ «Προσῆγον δὲ ἐν τάξει μέτρον διεστώτες ἀλλήλων ἴσοι, καὶ ἑφῄκει τε(χει τῶν Παρθυαίων ἢ φάλαγξ, τὰ μὲν θηρία τοὺς πύργους φέροντα, τῶν ὀπλιτῶν δὲ ἀναπληροῦναι τὰ ἐν μέσῳ».

⁸⁶² Елишэ. Слово о войне армянской. С. 267–268. — Впрочем, нельзя не отметить, что это описание армянского историка очень сильно напоминает известный пассаж из книги Маккавеев, описывающий построение сирийской армии [Массаб., I, 6, 35–37]. «Множество эпизодов Армянской войны находят аналогию в движении евреев, а сам труд Елишэ написан под непосредственным воздействием названного раздела Библии» (Елишэ. Слово о войне армянской. Примечания. Раздел пятый, примеч. 4, с. 336). См. ниже, замечание по этому поводу Ф. Рейнса.

⁸⁶³ Рейнс Ф. Боевые слоны... № 30. С. 44.

⁸⁶⁴ Там же.

⁸⁶⁵ Там же. С. 45.

⁸⁶⁶ Charles M. B. The Rise... P. 306.

⁸⁶⁷ Ibid. P. 305–308.

⁸⁶⁸ Рейнс Ф. Боевые слоны... № 29. С. 10.

⁸⁶⁹ «Ни один автор “Тактики”, писавший на греческом до Сириена, не рассматривал слонов как достойных внимания, разве что повторял неуклюжую устаревшую терминологию, которая, вероятно, не использовалась в ту эпоху» (Рейнс Ф. Боевые слоны... № 29. С. 10).

⁸⁷⁰ Вместе с тем не будем забывать, что хотя автор «Стратегикона» очень хорошо знаком с персами и их тактикой, он говорит о них исключительно как о конных лучниках, ничего не сообщая о персидской пехоте. Ко всему прочему он утверждает, что персы не пользуются ни копьями, ни щитами [Maur., Strat., XI, 1].

⁸⁷¹ Charles M. B. The Rise... P. 340.

⁸⁷² Ibid. 305.

⁸⁷³ Ibid. P. 323.

⁸⁷⁴ Ibid. P. 329–330.

⁸⁷⁵ Рейнс Ф. Боевые слоны... № 29. С. 6–7; С. 10.

⁸⁷⁶ Там же. С. 15.

⁸⁷⁷ Там же. С. 15–16.

⁸⁷⁸ Там же С. 16.

⁸⁷⁹ Там же С. 18–19. — «Поэтому эти ссылки на слонов в армянских историях говорят нам очень мало об их реальном количестве и применении в персидских армиях. Хотя слоны, безусловно, фигурировали в этих кампаниях, эти странные военные аппараты вызывали крайнее удивление, что затемняло способы их применения» (Там же С. 20).

⁸⁸⁰ Там же. С. 7.

⁸⁸¹ «Например, живые описания, насыщенные страшным внешним видом боевых слонов, отталкивающим зловонием и ужасным ревом, которые принимают преувеличенные размеры в сообщении Аммиана о трудном отходе римской армии из Месопотамии в 363 г., частое повторение этих пассажей отражают литературные ожидания тогдашнего читателя, а также, возможно, желание автора завуалировать поражение римлян и последующий унижительный мирный договор восхвалением особой выносливости армии в больших бедствиях» (Там же. С. 6).

⁸⁸² Там же. С. 18.

⁸⁸³ «...Cultros dexteris manibus inligatos gestabant».

⁸⁸⁴ «...Scalprum cum malleo habebant».

⁸⁸⁵ Рейнс Ф. Боевые слоны... № 29. С. 18.

⁸⁸⁶ Там же. С. 23–24.

⁸⁸⁷ Там же. С. 24.

⁸⁸⁸ Там же. С. 21.

⁸⁸⁹ Рейнс Ф. Боевые слоны... № 29. С. 17.

- ⁸⁹⁰ «...Adoriuntur nos elephantis praeviis Persae».
- ⁸⁹¹ Рейнс Ф. Боевые слоны... № 29. С. 16.
- ⁸⁹² Там же. С. 18.
- ⁸⁹³ Рейнс Ф. Боевые слоны... № 30. С. 32–33.
- ⁸⁹⁴ Самым тяжелым было для римлян поражение под Сингарой, после которого был осажден Нисибис, а Безабда и Амида захвачены [Hieron., XII].
- ⁸⁹⁵ Отметим, что за такое же время Александр Великий дал всего четыре крупных сражения.
- ⁸⁹⁶ Дмитриев В. А. Всадники... С. 16.
- ⁸⁹⁷ «...Pedites enim in speciem mirmillonum contexti».
- ⁸⁹⁸ Кроме щитоносцев в состав персидской пехоты входили также лучники и пращники (Дмитриев В. А. Всадники... С. 17–18).
- ⁸⁹⁹ Именно к этому выводу приходит П. Д. Арманди (Арманди П. Д. Военная история... С. 264).
- ⁹⁰⁰ «...Magnum rebus bellicis usum ministrant» [Ambros., Hexamer., VI, 5, 33].
- ⁹⁰¹ «Quis enim eas adire audeat, cum desuper iaculis facile figatur, inferius elephantorum conteratur incursu? Denique cedunt illis acies et armatorum cunei, et castra illa quadrata solvuntur. Intolerabili namque impetu in hostes ruunt; ut nullo agmine bellicorum, nulla costipatione militum, nullo clypeorum retardentur obiectu; velut quidam mobiles montes versantur in praeliis, et ut colles alto eminent vertice, mugitus fragore omnium perturbant confidentiam. Quid his faciat pedes, quamvis lacertis validus, et manu promptus; eum sibi septus armatorum, populis gradienti murus occurrat? Quid faciat eques, cum equus ejus perterrefactus tantae bestiae immanitate diffugiat? Quid faciat sagittarius, cum desuper ferrata virorum corpora jaculi ictum sentire non possint; bestia quoque nec nuda facile penetrabilis ferro sit: et munita loricis, obvias sine sui periculo acies secet, et conterat turmas?»
- ⁹⁰² Рейнс Ф. Боевые слоны... № 30. С. 35.
- ⁹⁰³ Там же.
- ⁹⁰⁴ Там же. С. 41.
- ⁹⁰⁵ Там же.
- ⁹⁰⁶ Там же. С. 41.
- ⁹⁰⁷ «καὶ φρούριον ἀπὸ ἐλεφάντων συστήσασθαι».
- ⁹⁰⁸ Рейнс Ф. Боевые слоны... № 30. С. 35.
- ⁹⁰⁹ Там же.
- ⁹¹⁰ Там же. С. 40.
- ⁹¹¹ Рейнс Ф. Боевые слоны... № 29. С. 24. — Говоря об использовании слонов в качестве живой дамбы, Ф. Рейнс замечает: «...Это очень специфическое использование не засвидетельствовано». Достаточно спорное заключение.
- ⁹¹² Отметим еще раз, что у нас нет ни одного примера из античной истории, когда слонов использовали бы как гужевых животных.
- ⁹¹³ «...Ἀμύγην ἀπέφηνε τὸ περὶ τῶ ἄστει χῶρον».
- ⁹¹⁴ 1 аттический талант весил 26,196 кг.

⁹¹⁵ Феофан Исповедник описывает этот штурм под 341 г.: «В сем году Савор, царь Персидский, опять окружил Нисивис и много причинил зла этому городу. Он привел с собой множество слонов, обученных к сражению, наемных царей и всякого рода оружия, грозя истребить город до основания, если жители добровольно не сдадутся. Нисивийцы сопротивлялись и не хотели сдаться, и потому неприятель решился затопить город рекою, протекающею через него. Но мужественные защитники при помощи молитв одолели неприятелей, нашедши милость Божию. Уже воды равнялись с высотой стен; падение их было неминуемо, и даже некоторая часть и упала было, и это совершилось Божиим попущением, как ниже будет сказано. Но жителям удалось вовремя взять некоторые меры предосторожности, от чего враги утонули в водах и погибли. Но и после того уцелевшие грозили вторгнуться чрез пролом в стене, выставили вооруженных слонов, двинули войско и начали сильно действовать всеми машинами; однако охранявшие город воины получили победу промыслом Божиим: они наполнили пролом всякого рода оружием, онаграми побили множество слонов. Многие враги оборвались во рвы; другие, встретив сильное сопротивление, обратились в бегство; от этого более десяти тысяч воинов пало, прочих же бич небесный настиг, потому что мрачные тучи, проливной дождь и страшные громы до того всех поразили, что многие умерли от страха» [пер. В. И. Оболенского, Ф. А. Терновского]. — См. *Арманди П. Д.* Военная история... С. 259–260.

⁹¹⁶ *Charles M. B.* The Rise... P. 317.

⁹¹⁷ Это тот самый эпизод, который вызвал недоверие Ф. Рейнса.

⁹¹⁸ *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. СПб., 2003. С. 143. — Л. Н. Гумилев придает очень большое значение этому сражению, полагая, что оно решило судьбу Ирана: «Осенью 589 года положение Ирана было отчаянным, ибо, как говорит арабский историк Табари, “Враги окружили Персию, как тетива — концы лука”. Лишь мужество персидских конных стрелков и их полководца Бахрама Чубины отвело от страны смертельную угрозу. Бахрам лично застрелил предводителя тюрков, называемого в персидской литературе Шаба, или Савэ-шах... Современники со-бытий единодушно расценивали победу при Герате как спасение Ирана от полного разгрома. Советник шаха Хормизда, Йезанбахш, говорил: “Если бы Савэ-шах прошел до Рума, то от Ирана остался бы комочек воска”» (Подвиг Бахрама Чубины / Подбор и перевод источников, вступит. статья и комментарий Л. Н. Гумилева. Л., 1962. С. 12).

⁹¹⁹ Бахрам Чубин происходил из знатного парфянского рода Михранов, пошедшего на службу к Сасанидам. Упоминания о нем встречаются в различных армянских и арабских источниках. «В то время был некто Вахрам Мерхевандак, ишхан восточных краев Персидской страны, который благодаря своей храбрости разбил войско теталийцев, силой взял Бахл и всю страну кушанов по ту сторону великой реки, называемой Вехрот, и до места, называемого Казбион, ведь он прошел за границу, обозначенную копьем храброго Спандиата, про которого

варвары [эфталиты] говорили, что он достиг войной этого места и вонзил копье в землю. В то время тот Вахрам вел войну с великим царем Мазкутов [царем тюрков — Шабой], которые [жили] в стране за великой рекой [Баланджара]; разбил [их] многочисленное войско, убил царя в битве, захватил и увез всю казну того царства» [Seb., X; пер. А. К. Шагиняна] (*Шагинян А. К. Армения...* С. 141).

⁹²⁰ Гумилев Л. Н. Древние тюрки. С. 143. — Двенадцать тысяч — цифра, очевидно, не случайная и традиционна для сасанидской армии этого периода. Ад-Динавари дает следующее объяснение решению Бахрама взять с собой именно это число бойцов: «... И он отобрал из персов 12 тыс. мужей, среди которых не было никого моложе сорока. Царь узнал об этом и спросил: “А почему ты выбрал именно столько [людей], ведь ты собираешься вести их против 300 тыс. мужей?” Ответил Бахрам: “А разве ты не знаешь, о царь, что когда Кабус был взят в плен и заключен в тюрьму в крепости, то отправился к нему Рустам лишь с 12 тыс. мужей, освободив того из рук 100 тыс. Исфандийад отбыл к Арджасифу лишь с 12 тыс., попросив у него лишь лук, который и был при нем. Кайхасру отправил Джудраза лишь с 12 тыс., требуя крови своего отца, Сийавуша, и одержал победу над 300 тыс. Так что армия в 12 тыс. не будет разбита вовсе» [*ад-Динавари. Книга длинных преданий*, 81; пер. А. К. Шагиняна] (*Шагинян А. К. Армения...* С. 124).

⁹²¹ Гумилев Л. Н. Древние тюрки. С. 144.

⁹²² Шагинян А. К. Армения... С. 124.

⁹²³ Гумилев Л. Н. Древние тюрки. С. 145.

⁹²⁴ Там же.

⁹²⁵ Относительно присутствия слонов в персидской армии Л. Н. Гумилев выражает сомнения и считает, что Саалиби допускает в данном случае ошибку, возможно, путая персов с тюрками, поскольку в рассказе о ходе сражения нет упоминания об участии персидских слонов (Там же. С. 146).

⁹²⁶ Там же.

⁹²⁷ Там же. С. 147.

⁹²⁸ Л. Н. Гумилев весьма высоко оценивает «Шахнаме» Фирдоуси как исторический источник: «Подходя к изучению поставленной проблемы, надо помнить, что “Шахнаме” не поэма в нашем смысле, а история в понимании того времени, причем написанная великолепным муттакарибом (амфибрахием). Отсюда подробные описания расположений войск, перечисления лиц и деталей, не имеющие конструктивного значения для развития темы, длинноты при передаче речи героев и многое другое. Все эти особенности имели значение для Фирдоуси-историка, а Фирдоуси-поэт проявил свой небывалый талант в предельно лаконичных этюдах природы, в сравнениях и мужественном пафосе при описании кульминационных точек событий» (*Подвиг Бахрама Чубины*. С. 7–8).

⁹²⁹ «*Савз-шах* — тюркский царевич, настоящее его имя было Янг-Соух, т. е. “Большой мороз”. Искажение чтения имени возникло и IX–X веках при переходе на арабскую графику и арабские стихотворные размеры» (Там же. С. 37, коммент. 2).

⁹³⁰ *Спахбед*, или *испахбед*, — «господин войска» (главнокомандующий, воевода) — высшее воинское звание в государстве Сасанидов (Там же. С. 39, коммент. 21).

⁹³¹ «Трехжальные стрелы — трехгранные наконечники с заточенными ребрами, употреблявшиеся как пробойные» (Там же. С. 39, коммент. 24).

⁹³² Фирдоуси. Шахнаме // Подвиг Бахрама Чубины. / Подбор и перевод источников, вступит. статья и комментарий Л. Н. Гумилева. Л., 1962. С. 31.

⁹³³ «Бахрам тронулся в путь и, достигнув города Балх, расположился там лагерем. Отсюда он отправил царю Хормизду все трофеи, доставшиеся от воинов шахиншаха [кагана]; среди вещей был и золотой трон. Было направлено все это на трехстах верблюдах. Когда они достигли Хормизда и были представлены ему, с ним были везиры и знатные марзбаны. Тогда сказал Йаздан Гушнасп, главный везир: «О, государь, каким же богатым был стол, с которого этот кусок». Запало это слово в душу Хормизда, и он усомнился в преданности Бахрама и подумал, что дело обстоит так, как об этом сказал Йаздан Гушнасп: «Смотрите, сколько страшных войн и испытаний принесло это слово» [Ал-Динавари. Книга длинных преданий, 84; пер. А. И. Шагиняна] (Шагинян А. К. Армения... С. 125).

⁹³⁴ «Но когда узнал об этом Хормизд, то опечалился и написал Бахраму, извиняясь перед ним и войском. Однако Бахрам и его армия не получили послания Хормизда. И Бахрам отправил Хормизду коробку, полную искривленных ножей, а когда тот увидел их, то понял, что [Бахрам] в ярости и, отрубив кончики ножей, вернул ему посланное. Бахрам понял его намерение и отправил [посланное] к [хазарскому] кагану, царю тюрков, прося у того мира при условии, что он вернет все завоеванные земли его страны» [Ал-Йа'куби. История ал-Йа'куби, 190; пер. А. К. Шагиняна] (Там же. С. 21).

⁹³⁵ В своем письме Маврикию Хосров обещал следующие территории: «Я отдам тебе со стороны Ассирии весь Аруастан до города Мибин, из Армянской земли — страну Танутераканского владения до Айварата и до города Двин, до берега Бзнунийского моря и до Ареставана, и большую часть Грузинской страны до города Тихис...» [Seb., XI; пер. А. К. Шагиняна] (Там же. С. 143).

⁹³⁶ Там же. С. 29. — Нарсес происходил, очевидно, из армянского княжеского рода Камсаракан. Он был одним из лучших полководцев империи. Казнен во времена правления Фоки.

⁹³⁷ Там же.

⁹³⁸ Согласно ат-Табари, Маврикий послал на помощь Хосрову 70-тысячную армию под командованием Саргиса, к которым присоединилась 40-тысячная армия из Армении, под командованием испახбеда Мусила [Tabari, 999–1000].

⁹³⁹ Приток Тигра.

⁹⁴⁰ «Кроме того, он поставил и слонов, чтобы эти индийские чудовища, словно некие передовые бастионы, двигались перед конницей, а самых храбрых из своих воинов посадил на этих животных [Theophyl. Sim., V, 10, 6; пер. С. П. Кондратьева].

⁹⁴¹ Согласно версии ад-Динавари, сражение продолжалось четыре дня. На третий день Бахрам вызвал Хосрова на поединок, в котором Хосров оказался побежден и спасся только благодаря быстроте своего коня. На четвертый день войска Бахрама оказались разбиты и отступили в лагерь. Тогда Хосров предложил солдатам Бахрама помилование, если они перейдут на его сторону. «Когда наступила ночь, сторонники Бахрама присоединились со своим обозом к лагерю Хосрова. Лишь 4 тыс. человек остались с Бахрамом. Тогда Бахрам посмотрел на свой опустевший лагерь и сказал: “Пора думать о бегстве”» [Ад-Динавари. Книга длинных преданий, 98; пер. А. И. Шагиняна] (*Шагинян А. К. Армения...* С. 134).

⁹⁴² Рейнс Ф. Боевые слоны... № 30. С. 38–39, примеч. 82, 83.

⁹⁴³ Там же. С. 39–40, примеч. 85.

⁹⁴⁴ «Битва при Кадисии стала важнейшим событием в войнах арабов-мусульман с зороастрийским Ираном. Она открыла для арабов путь во внутренние районы Месопотамии и Персии. После этого сражения все попытки иранцев остановить вражеские вторжения заканчивались провалом. У Сасанидского Ирана не осталось сил для того, чтобы противостоять мусульманскому завоеванию, а затем и исламизации страны» (*Корнилов А. Битва при Кадисии — арабское вторжение в Иран (2 декабря 636 года) // Великие сражения Востока / Ред.-сост. Р. В. Светлов. М., 2009. С. 63).*

⁹⁴⁵ Там же. С. 65.

⁹⁴⁶ Там же. С. 66.

⁹⁴⁷ Испахбед Рустам, сын Фаррух-Хормузда, был почти самостоятельным правителем Хорасана, к началу арабского нашествия — верховный главнокомандующий сасанидской армии (Там же. С. 75).

⁹⁴⁸ Там же. С. 65–66.

⁹⁴⁹ Там же. С. 68.

⁹⁵⁰ Рейнс Ф. Боевые слоны... № 30. С. 44.

⁹⁵¹ Саид ибн Абу Ваккас — один из старейших сподвижников Мухаммеда (*Корнилов А. Битва при Кадисии. С. 74–75).*

⁹⁵² Там же. С. 74.

⁹⁵³ Там же. С. 84.

⁹⁵⁴ Там же. С. 72.

⁹⁵⁵ Там же. С. 89.

⁹⁵⁶ Например, Прокопий Кесарийский сообщает, что под Дарой (июль 530 г.) войско персов состояло из 40 000 пехоты и кавалерии, которые выстроились в одну линию, «устроив свою фалангу по фронту возможно глубже» [*Ргосор., ВР, I, 23*].

⁹⁵⁷ *Корнилов А. Битва при Кадисии... С. 72.*

⁹⁵⁸ Цит по: Рейнс Ф. Боевые слоны... № 30. С. 46.

⁹⁵⁹ *Корнилов А. Битва при Кадисии... С. 86.*

⁹⁶⁰ Там же. С. 87.

- ⁹⁶¹ Там же. С. 90.
- ⁹⁶² *Кораблев И. Ш.* Ганнибал. С. 353.
- ⁹⁶³ *Арманди П. Д.* Военная история... С. 103.
- ⁹⁶⁴ Там же. С. 152.
- ⁹⁶⁵ См., например, описание сражения при Аускуле Плутарха [Plut., *Pyrrh.*, 21].
- ⁹⁶⁶ «...Расположение, которое Гишар справедливо квалифицирует как безрассудное» (*Арманди П. Д.* Военная история... С. 203).
- ⁹⁶⁷ Там же.
- ⁹⁶⁸ *Дельбрюк Г.* История военного искусства... С. 395–396.
- ⁹⁶⁹ Там же С. 177.
- ⁹⁷⁰ Там же С. 395.
- ⁹⁷¹ Приводится по изданию: *Аристотель.* История животных / Пер. с древнегреч. В. П. Карпова; под ред. и с примеч. Б. А. Старостина. М., 1996.
- ⁹⁷² В действительности хобот слона не содержит ни костей, ни хрящей, а состоит из мускулов (*Shoshani J.* Anatomie et physiologie. P. 75).
- ⁹⁷³ При рождении слонята имеют очень густой волосяной покров, особенно на голове и спине. Однако с возрастом он постепенно исчезает, и взрослые особи имеют щетинки и волоски только возле глаз, ушей, на подбородке, в области гениталий и на кончике хвоста (*Ibid.* P. 68).
- ⁹⁷⁴ Самки слонов, как африканских, так и индийских, могут достигать половой зрелости и давать потомство в возрасте 9 лет, самцы — в 14 лет (*Moss C.* Les éléphants... P. 113). Промежуток между рождениями слонят может длиться 28 месяцев (*Ли Ру III Л.* Слоны... С. 49). В среднем слонихи дают потомство каждые 4–6 лет, приблизительно 7 раз в течение 60–70 лет своей жизни (*Shoshani J.* Étude comparative... P. 43). Самцы получают возможность вступить в брачные отношения с самками в достаточно позднем возрасте. Это объясняется тем, что они должны сражаться друг с другом за право обладания самкой. Поэтому большинство слонов становятся отцами в возрасте от 40 до 50 лет. Старый самец может быть отцом десятков слонят, в то время как самец, умерший в 30-летнем возрасте, может не иметь их вовсе (*Moss C.* Les éléphants... P. 110).
- ⁹⁷⁵ Ж.-Л. Бюфон, в отличие от Аристотеля, утверждал, что слоненок сосет хоботом. Однако правота в данном вопросе принадлежит греческому философу (*Gaidoz H.* Les éléphants... P. 488; *Moss C.* Les éléphants... P. 112). Новорожденные слонята весят от 90 до 120 кг и имеют рост в холке от около 85 до 115 см (*Moss C.* Les éléphants... P. 106; *Ли Ру III Л.* Слоны... С. 59). Они рождаются почти слепыми и познают окружающий мир, ощупывая хоботом все, что его окружает (*Moss C.* Les éléphants... P. 107). Слонята питаются молоком матери от 36 до 48 месяцев. Однако молоко слонихи содержит мало жира (от 0,63 до 6,20%). Поэтому в возрасте 9 месяцев слоненок, чтобы получить необходимое количество пищи, должен дополнительно питаться растительностью (*Ibid.* P. 112).

⁹⁷⁶ Приводится по изданию Источник текста: *Диодор Сицилийский*. Историческая библиотека / Пер. Л. А. Фрейберг // История Африки в древних и средневековых источниках. Хрестоматия / Под ред. О. К. Дрейера; сост. С. Я. Берзина и Л. Е. Куббель. М., 1990. С. 62–63.

⁹⁷⁷ Слоны в среднем спят не больше двух с половиной часов. При этом они ложатся на землю. Однако у некоторых старых слонов суставы становятся настолько негнущимися, что они не в состоянии лечь, а если лягут, то могут не подняться. Поэтому такие животные дремлют стоя, цепляясь хоботом за какое-нибудь дерево, а иногда опираясь на собственные бивни, воткнутые в землю. Обычно они спят в таком положении не более 15 минут (*Гржимек Б.* Там, где учатся слоны... С. 68). Возможно, именно эта особенность и породила рассказы, подобные тому, что приводит Диодор.

⁹⁷⁸ Приводится по изданию: *Страбон*. География / Пер. Г. А. Стратановского. М., 1994. С. 714.

⁹⁷⁹ Источник текста: *Pliny. Natural History*. In 10 vol. Vol. III / by H. Rackham, M. A. Cambridge; London, 1967 / Пер. Г. А. Шмидта.

⁹⁸⁰ Значение выражения «alienae religionis» неясно. Словосочетание может означать «различия в религии», «религиозные чувства в других», «пиетет по отношению к своим хозяевам и присяге».

⁹⁸¹ Нечистокровными либо незаконнорожденными.

⁹⁸² Пирриха — военный танец, исполняемый в полном боевом вооружении.

⁹⁸³ Путеола — приморский город в Кампании, между Неаполем и Кумами (ныне — Подзуолы).

⁹⁸⁴ Речь, несомненно, идет об Антиохе III Великом.

⁹⁸⁵ Приводится по: *Арриан*. Индия / Пер. О. В. Кудрявцева // ВДИ. 1940. № 2. С. 230–263.

⁹⁸⁶ Приводится по изданию: *Юрченко А. Г.* Тигрица и грифон. Сакральные символы животного мира. СПб., 2002. С. 137–138; 148.

⁹⁸⁷ Приводится по изданию: Махабхарата. Книга седьмая. Дронапарва, или Книга о Дроне / Пер. и коммент. В. И. Кальянова. М., 1992. С. 51–52.

⁹⁸⁸ Приводится по изданию: Махабхарата. Книга седьмая. Дронапарва, или Книга о Дроне / Пер. и коммент. В. И. Кальянова. М., 1992. С. 66–67.

⁹⁸⁹ Источник текста: *Diodorus of Sicily*. In 20 vol. Vol. II / C. H. Oldfather. London, 1967 / Пер. А. В. Банникова.

⁹⁹⁰ Приводится по изданию: *Лукиан Самосатский*. Зевксис, или Антиох / Пер. Н. П. Баранова // Лукиан Самосатский. Соч. В 2 т. / Под общей ред. А. И. Зайцева. Т. I. СПб., 2001. С. 64–65.

⁹⁹¹ Приводится по изданию: *Полиэн*. Антигон / Пер. Т. В. Антонова // Полиэн. Стратегемы / Под общей ред. А. К. Нефёдкина. СПб., 2002. С. 160–161. — Тот же самый анекдот есть и у Элиана [*Aelian., Nat. an., XI, 14*], с той только разницей, что в его рассказе Мегары осаждает Антипатр. В данном случае правота принадлежит Полиэну. По этому поводу см.: *Арманди П. Д.* Военная история... С. 343–347.

⁹⁹² Комментарий Т. В. Антонова и М. М. Холода: «Осада Мегар происходила около 266–264 гг. до н. э. во время так называемой Хремонидовой войны (267–261 гг. до н. э.) (война Антигона с Афинами, Спартой и Птолемеем II). В Мегарах находился гарнизон Антигона, состоящий из наемников, которые подняли мятеж, подавленный с большим трудом».

L'ÉPOQUE DES ÉLÉPHANTS DE COMBAT

A. V. Bannikov

L'époque des éléphants de combat prit sa naissance après le règne d'Alexandre le Grand. Les successeurs du conquérant commencèrent à employer une quantité impressionnante de ces animaux qui prirent part au plus grand nombre des batailles livrées depuis sa mort. Pyrrhus amena les éléphants en Italie et en Sicile où il remporta des victoires spectaculaires sur les Romains et les Carthaginois.

La lutte contre Pyrrhus avait une grande importance pour les Carthaginois. Durant des siècles ils combattaient avec acharnement contre les Grecs pour posséder la Sicile. Mais personne n'arrivait à obtenir la victoire. La connaissance de l'armée épirote fit une vraie révolution dans l'art militaire carthaginoise, une révolution qui ne laissa à leurs adversaires aucune chance de triompher dans une opposition de longue durée. Aux V—IV siècles av. J.-C. l'armée carthaginoise se composait des détachements de mercenaires de différentes tribus (Gaulois, Espagnols, Numidiens etc.), armés, équipés et entraînés selon leurs propres coutumes et traditions. Sa particularité caractéristique était l'usage des chars armés de faux. Au moment où Pyrrhus apparut en Sicile, les Carthaginois ne pouvaient rien lui opposer. Leur infanterie barbare et leurs chars ne pouvaient pas résister au choc serré de la phalange macédonienne et prenaient une fuite panique à la vue des éléphants de guerre. C'est l'état arriéré de l'art militaire des Carthaginois qui explique la facilité et la vitesse avec lesquelles Pyrrhus put conquérir presque tout le territoire de l'île.

L'armée du roi d'Épire ayant quitté la Sicile, les Carthaginois refusèrent tout de suite d'utiliser les chars et les remplacèrent par les éléphants. Ce nouveau moyen de guerre leur permit de résister non sans succès aux Romains et même de triompher d'eux. Les Carthaginois accordaient une attention particulière aux éléphants de guerre. Dans les murs qui entouraient

leur capitale il y avait des loges où étaient installés d'habitude 300 de ces animaux où et se trouvaient aussi des magasins pour leur nourriture. Non loin de là devaient être aménagés les enclos pour le dressage des quadrupèdes gigantesques. Pour se procurer les éléphants, les Carthaginois devaient payer d'abord aux Numidiens pour avoir la permission d'organiser la chasse sur leur territoire où ces animaux étaient très répandus. Après avoir conquis ce pays, la république obtint la possibilité de fournir régulièrement les éléphants à son armée.

Pendant la première guerre punique et l'entre-deux-guerres il y avait une quantité impressionnante d'éléphants dans les armées carthagoises. En 262 av. J.-C. Hannon débarqua en Sicile l'armée où il y avait 60 animaux géants. Il perdit 44 éléphants mais, les Carthaginois comblèrent très vite les pertes subies et quelques années plus tard ils opposèrent aux Romains 100 animaux à la bataille de Bagradas. La victoire étant remportée, ils envoyèrent aussitôt en Sicile une nouvelle armée comportant 140 éléphants dont plus de 100 tombèrent entre les mains des Romains à la bataille de Panorme (251 av. J.-C.). Tout de même, 10 ans plus tard les Carthaginois avaient 100 éléphants avec lesquels ils réprimèrent la révolte des mercenaires (241–238 av. J.-C.). Les rebelles étant écrasés, les Carthaginois envoyèrent l'armée en Espagne. Pour combattre les indigènes ils employaient toujours les éléphants. Hasdrubal qui commandait les troupes puniques en Espagne après la mort de Hamilcar Barca avait en sa disposition 200 éléphants de guerre.

La situation se change au temps de la seconde guerre punique. A cette époque le nombre des éléphants dans les armées carthagoises ne dépasse jamais quatre dizaines. Hannibal commença sa campagne avec 37 animaux; en Espagne il laissa une armée qui n'avait que 21 éléphants; tous les animaux amenés par Hannibal en Italie tombèrent après la bataille de Trébie. Après la victoire de Cannes le gouvernement carthaginois lui envoya un renfort de 40 éléphants. Ces animaux participèrent au siège de Casilinum, au combat près de Nole, à la tentative de forcer les Romains à lever le siège de Capoue et à la bataille de Canusium.

Evidemment à la fin de la guerre Hannibal n'avait plus d'éléphants. Les forces de son armée fondaient vite. Compte tenu de la situation, le gouvernement carthaginois ordonna à Hasdrubal de traverser les Alpes pour amener le renfort à son frère. Hasdrubal rassembla une armée considérable (plus de 60 000 hommes), mais il n'avait que 10 éléphants. En 203 av. J.-C. les Carthaginois envoyèrent une nouvelle armée en Italie du Nord. Cette démarche devait empêcher Scipion de débarquer en Afrique. Mais pour l'exécution de cette mission importante le gouvernement ne donna à Magon, l'autre frère d'Hannibal que 7 éléphants.

La dernière bataille où les Carthaginois employèrent les éléphants de guerre était celle de Zama. Mais les derniers éléphants en qui plaçaient ses espérances les Carthaginois étaient mal dressés et n'avaient aucune expérience militaire. Ces bêtes furent capturées vers 203 av. J.-C., pas plus tôt. C'est pourquoi au commencement même du combat les sons des trompettes et des clairons effrayèrent les animaux. Tite-Live insiste que ce n'étaient que quelques éléphants qui se précipitèrent contre les ennemis, tous les autres reculèrent, effrayés par le bruit, et se jetèrent sur les Carthaginois.

Malgré une série de grands échecs éprouvés par les Carthaginois pendant les guerres contre les Romains, il ne faut pas oublier que ce sont les éléphants qui sauvèrent la république africaine de la capitulation infaillible en 256 av. J. C., quand les troupes romaines débarquèrent en Afrique. Pour la deuxième fois ces animaux protégèrent Carthage au moment de l'insurrection des mercenaires, quand l'état n'avait pas d'autre corps militaire qu'il puisse opposer aux rebelles qui brûlaient de l'anéantir. Enfin, les éléphants jouèrent aussi un rôle important à la conquête de l'Espagne.

La victoire à Cannes, le plus grand succès d'Hannibal fut remportée sans employer les éléphants et c'est la bataille de Zama où, selon nos sources il avait plus de quadrupèdes géants que jamais, qui devint la plus grande défaite de ce chef d'armée. Certains savants en déduisent que l'utilisation des éléphants par le chef carthaginois dans ce dernier combat témoigne évidemment du déclin de son talent tactique. Mais n'oublions pas que Hannibal était un génie qui savait se servir de n'importe quelles circonstances. D'autre part il était le plus brillant représentant de l'école carthaginoise de l'art militaire qui produisit toute une pléiade de grands capitaines, les qualités desquels étaient reconnues même par leurs adversaires. Il serait logique de supposer que les méthodes élaborées par cette école au IIIe siècle av. J. C. devaient tenir compte et même être orientées à la participation des éléphants dans les batailles. C'étaient ces quadrupèdes qui avaient fait de Carthage l'adversaire le plus dangereux de Rome.

L'éléphant devint pour les Romains le symbole le plus évident et l'incarnation la plus visuelle de la puissance militaire de leurs ennemis. La propagande officielle affirmait que le soldat romain était invincible et qu'il n'existait pas de telle force qui n'aurait pas reculé devant son courage et sa bravoure. Le soldat romain pouvait combattre seul contre un éléphant et sans nul doute devait le vaincre. Les sources littéraires conservèrent pour nous beaucoup d'histoires de ce genre. Mais l'extermination dans les arènes des cirques des éléphants tombés entre les mains des Romains ne témoignait pas du tout de leur mépris envers ces quadrupèdes; au contraire, ce geste démontrait plutôt l'importance de ces animaux aux yeux du peuple pour leurs ennemis: en sacrifiant par vengeance

les éléphants de Pyrrhus, ou des Carthaginois, les Romains triomphaient de telle façon de l'organisation militaire même de leurs ennemis.

Carthage battue, les Romains virent soudain qu'ils pouvaient utiliser les éléphants, leurs adversaires les plus terribles dans les champs de bataille, pour leur propre profit. Ils oublièrent leur «mépris» et se hâtèrent de se procurer ce moyen de guerre qu'ils employèrent durant tout le IIe siècle av. J.-C. Pour la première fois cela eut lieu à la guerre contre le roi de la Macédoine Philippe V. Sept ans plus tard les éléphants apparaissent de nouveau dans l'armée romaine. A la bataille de Magnésie (190 av. J. C.) les Romains avaient 16 animaux. Pendant la troisième guerre de Macédoine (171–168 av. J. C.) dans l'armée romaine il y avait 22 éléphants d'Afrique envoyés par le roi Massinissa et encore quelques animaux de la race asiatique que les Romains reçurent d'Antiochos, le roi de la Syrie. Pendant la guerre contre Numance les Romains subirent le premier échec à cause de leurs éléphants (152 av. J. C.). Ils continuèrent tout de même à les employer contre les Espagnols et se servirent de ces animaux pendant la guerre contre Viriathe (147–139 av. J. C.). Les géants quadrupèdes devinrent une partie imprescriptible de l'armée romaine agissant sur la péninsule Ibérique.

Pendant la troisième guerre punique les Romains employèrent les éléphants pour attaquer le camp des Carthaginois. A l'aide de ces animaux ils remportèrent une victoire éclatante sur les Arvernes et Allobroges (121 av. J.-C.). Il semble que c'était la dernière fois où les Romains se servirent des éléphants contre les étrangers. Les relations amicales entre les rois de la Numidie et Rome étant déchirées, les Romains ne pouvaient plus se procurer ces animaux pour les employer contre les Cimbres ou les troupes de Mithridate.

Les Romains recommencèrent à usager les éléphants à l'époque des guerres civiles. La dernière bataille où ils les employèrent était celle de Thapsus (46 av. J.-C.). Le roi Juba soutenant le parti de Pompée amena à ses alliés 64 éléphants. Mais ces animaux ne purent rien faire contre les troupes de César: effarouchés par le sifflement des frondes, des pierres et des balles ils rebroussèrent chemin et prirent la fuite.

L'auteur de la *Guerre Africaine* dit que les éléphants amenés par Juba étaient mal dressés et n'avaient aucune expérience militaire. Cela est confirmé par Florus selon lequel les animaux étaient récemment capturés dans les forêts et s'enfuirent terrifiés par les sons des trompettes. Les Romains qui n'avaient jamais pratiqué le dressage des éléphants essayèrent de le faire. Il est clair qu'après cette préparation bref et peu habile, les animaux pouvaient prendre la fuite au commencement même du combat. On peut en déduire que l'art du dressage des éléphants de guerre tomba en désuétude à l'Occident. A la bataille de Thapsus la situation répète celle de la bataille de Zama, mais si les

Carthaginois n'avaient pas le temps nécessaire pour préparer leurs animaux pour les combats, les Romains et leurs alliés numidiens n'avaient pour cela ni le temps, ni la connaissance, ni l'expérience.

La bataille de Thapsus mit fin à la première et la plus brillante période de l'histoire militaire des éléphants. Après cet événement les Romains n'employèrent ces animaux que pour distraire la population de leur capitale. Tout de même les sources conservèrent quelques témoignages de ce qu'ils essayèrent quelques fois de recommencer à utiliser les éléphants aux champs de bataille. Il est déjà noté que César et Claude voulaient s'en servir pendant leurs expéditions. L'empereur Didius Julianus voulait les opposer aux troupes de Septime Sévère. Il ordonna de rassembler les éléphants servant pour les spectacles et de les armer. Mais il n'a pas réussi à tirer aucun parti de cette idée, car les animaux jetaient à bas les tours et les hommes. Désirant imiter Alexandre le Grand, Caracalla rassembla un train d'éléphants. Cependant nous n'avons aucun témoignage que ces bêtes prirent part dans les actions militaires. Mais quelques années après la mort de Caracalla, à l'Orient se leva l'étoile des Sassanides. Alors quand les éléphants apparaîtront de nouveau sur les champs de bataille, les Romains ne seront plus des spectateurs oisifs, ils seront des guerriers immédiats des combats sanglants contre ces géants puissants.

AGE OF WAR ELEPHANTS

A. V. Bannikov

The book deals with the ancient elephantry which originated in the age of Alexander the Great and then became an integral part of armies of the great Hellenistic kingdoms and Carthage. This kind of forces influenced deeply on the development of warfare for two centuries. The main principles of interaction between elephantry, on the one hand, and cavalry and infantry, on the other, were established in the period of the Diadochs. In the same period elephantary's strong and week aspects were cleared up, and the important technical improvements were introduced into practice. Henceforth no change in the organization of elephantary took place. The principles of elephants' use in battles remained the same for about 150 years.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
От автора	9
Введение	11
Зарубежные публикации о боевых слонах	13
Отечественные публикации о боевых слонах	19
Источники и проблема их интерпретации	24
Глава I	
Общие сведения о слонах	29
Различные виды слонов, их отличительные особенности	31
Проблема одомашнивания слонов различных видов	35
Подвиды слонов	43
«Муст»	48
Умение слонов хорошо плавать	50
Скорость движения слонов	52
Способность передвигаться в горах	52
Особенности содержания	55
Продолжительность жизни	58
Глава II	
Слоны на Древнем Востоке. Античные сведения о слонах	59
Наиболее ранние свидетельства о слонах, происходящие из Египта и Месопотамии	61
Боевые слоны в войсках индийцев	62
Античные сведения о слонах	69
Почему греки и римляне считали, что индийский слон больше африканского?	73
Античное искусство дрессировки слонов	78
Глава III	
Боевые слоны в армиях древних средиземноморских государств	83
«Индийцы»	85

Чему обучали боевых слонов?	89
Экипировка и вооружение.....	92
Кто первым стал устанавливать башни на слонах?	97
Количество воинов в башне на спине слона.....	106
Всегда ли на слонах устанавливались башни?	108
Использовали ли башни карфагеняне и другие африканские народы?.....	111
Вооружение воинов, находившихся в башнях	119
 Глава IV	
Организация подразделений слонов и тактические приемы использования этих животных	121
Организация эллинистической элевантерии.....	123
Задачи боевых слонов во время сражения.....	124
Тактические приемы использования элевантерии.....	125
 Глава V	
Способы борьбы со слонами	131
«Общие враги»	133
Огонь	134
«Ежи» и различные похожие приспособления	136
Топоры и копиды	137
Карробаллисты и серпоносные колесницы	137
Пороссячий визг	138
«Искусственные слоны»	140
Некоторые известные случаи единоборства человека со слоном.....	141
Виды войск, боровшихся со слонами	143
 Глава VI	
Начало «эпохи боевых слонов» (Александр и диадохи)	145
Были ли боевые слоны в ахеменидской армии?.....	147
Битва при Гидаспе (329 г. до н. э.)	151
Использование слонов при штурме вражеских укреплений	158
Боевые слоны в армии Антигона.....	160
Сражение в Паретакене.....	161
Сражение в Габиене	166

Битва при Газе.....	167
Образование селевкидской элевфантерии и битва при Ипсе.....	173
«Загадка» элевфантерии Селевка	177
Глава VII	
Лукаские быки	183
Македонская элевфантерия	185
Мог ли Пирр получить слонов из Африки?.....	188
Сражения при Геракле и Аускуле	189
Lusa bos	194
Сицилийская экспедиция. Продолжение войны в Италии.	
Битва при Беневенте. Гибель Пирра в Аргосе	196
Глава VIII	
Слоны в армии Селевкидов	201
Организация поставок слонов в сирийскую армию	203
Данные о численности селевкидской элевфантерии.....	204
Победа Антиоха I над галатами	207
Терракотовая статуэтка из некрополя Мирины.....	208
Битва при Рафии	213
Битва при Магнесии	216
Два фалара из Эрмитажа	224
Глава IX	
Боевые слоны Птолемея	229
Египетская элевфантерия при первых Лагидах.....	231
Исчезновение боевых слонов из армии Птолемея.....	237
Утраченная страница военной истории слонов?	239
Глава X	
Под знаменами Карфагена.....	243
Когда карфагеняне стали использовать боевых слонов,	
и к какому виду принадлежали эти животные?.....	245
Несколько замечаний относительно количества слонов	
в карфагенских армиях до начала Второй Пунийской войны.....	249
Битва при Тунете (Баграде).....	250

Битва при Панорме	256
Роль слонов во время подавления восстания наемников	258
Участие слонов при завоевании Испании	260
Переправа через Родан	262
Переход через Альпы	264
Битва при Требии	268
Гибель слонов Ганнибала	275
Слоны снова появляются в Италии	277
Поход Ганнибала 211 г. до н. э. и две скульптуры из Альбы Фуценты	278
Последние свидетельства об участии слонов в боевых действиях на территории Италии	282
Участие боевых слонов на других театрах военных действий	287
Битва при Заме	291
Что подорвало силы пунийской элфантерии	301
 Глава XI	
Закат «эпохи боевых слонов»	303
Слоны становятся главным видом войска нумидийских царей	305
Слоны в составе римских армий	305
 Глава XII	
Новый расцвет	317
Изменения в военном деле персов, произошедшие с приходом к власти династии Сасанидов. Персидская элфантерия	319
Откуда персы получали боевых слонов?	324
Устанавливали ли персы на слонах башни?	325
Тактические приемы использования слонов персами	333
Использование персами слонов во время штурма вражеских укреплений	349
Битва в Гератской долине	353
Битва при Гандзаке	355
Битва при Кадисии	358
 Заклучение	363
 Источники	377

Литература.....	384
Сведения о слонах в античных источниках.....	391
Описание слона у Аристотеля.....	391
Диодор Сицилийский об охоте африканских племен на слонов ...	395
Страбон об охоте африканских племен на слонов.....	396
Плиний Старший о слонах	397
Арриан об охоте на слонов в Индии.....	404
Описание слона, сделанное Тимофеем из Газы	405
Санскритские и античные источники об участии слонов	
в военных действиях.....	406
Бой слонов во время сражения войск Дурмукхи	
и Дхриштадымны	406
Бой царя дашаринов с царем Прагджьотиши.....	407
Диодор Сицилийский о войне Семирамиды со Стабробатом.....	408
Лукиан о победе Антиоха I над галатами.....	411
Полиэн об осаде Мегары Антигоном Гонатом.....	412
Список сокращений	413
Примечания	416
L'époque des éléphants de combat.....	469
Age of war elephants.....	474
Содержание	475

Банников Андрей Валерьевич

**ЭПОХА БОЕВЫХ СЛОНОВ
(ОТ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО ДО ПАДЕНИЯ
ПЕРСИДСКОГО ЦАРСТВА САСАНИДОВ)**

Научное издание

Директор издательства: *Чубарь В. В.*

Главный редактор: *Трофимов В. Ю.*

Верстка: *Калядин А. Е.*

Корректурa: *Чебыкина М. В.*

Подписано в печать 01.10.2012. Формат 60 × 90 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 23. Гарнитура «Times New Roman». Бумага офсетная №1.
Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № 151.

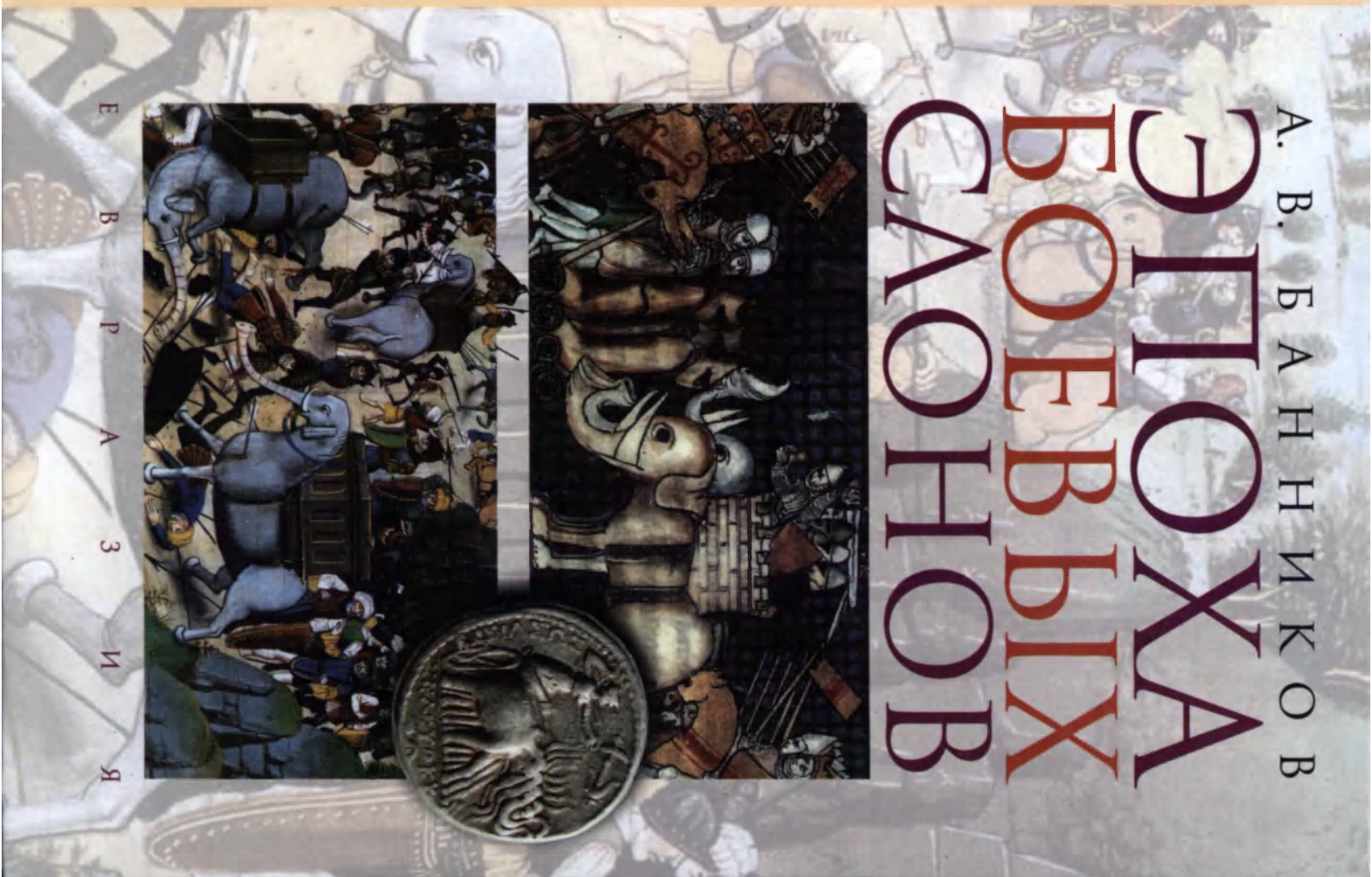
ООО «Издательство «ЕВРАЗИЯ»
199026, Санкт-Петербург, Средний пр-кт, д. 86, пом. 106,
тел. (812) 320-57-74, <http://www.eurasiabooks.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ООО «ИПК „Бионт“»
199026, Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., д. 86
тел. (812) 322-68-43

А. В. БАННИКОВ

ЭПОХА БОВЕВХ СЛОНОВ

Е В Р А З И Я

Имя Александра Македонского известно всем, но не многие знают, что знаменитый завоеватель был создателем нового для греко-македонской военной организации рода войск — боевых слонов, или элфантерии. После смерти Александра слоны стали неотъемлемой частью армий всех крупнейших государств эллинистического Востока, а впоследствии и Карфагена. Одно появление на поле боя четвероногих колоссов очень часто повергало неприятеля в ужас. Земля в прямом смысле слова должна была дрожать под ногами десятков трехтонных гигантов, когда они бросались в атаку. Покрытые чешуйчатой броней, ярко блиставшей на солнце, с султанами перьев, колышущимися над головами, неся на спинах башни, заполненные вооруженными людьми, расправив свои окрашенные в яркие цвета уши и оглашая воздух трубным ревом, слоны неслись вперед, все сокрушая на своем пути, подобно реке, прорвавшей плотину. Однако, спустя всего полтора века после своего возникновения, античная элфантерия исчезает, оставляя по себе лишь смутные воспоминания. Так чем же были боевые слоны в античной военной истории? Нелепыми чудовищами, вызывавшими сначала неподдельный ужас, затем любопытство и удивление, а позднее — презрение и насмешки, или же действительно «танками древности», как очень часто называют их современные исследователи? Было ли использование слонов в военных целях стратегической ошибкой или реализацией неизвестного мифа? Играли ли они определяющую роль на полях сражений, или их появление следует расценивать как нечто случайное? Чтобы ответить на эти вопросы, автор книги предпринимает попытку заново пересмотреть и проанализировать всю информацию о боевых слонах, сохраненную для нас греческими и римскими авторами, подкрепляя ее свидетельствами нумизматических и иконографических источников. Другого пути раскрыть загадку античной элфантерии просто нет...

ISBN 978-5-91852-054-3

9 785918 520543